

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Эдмонд Гамильтон

МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 2

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

Публикации и иллюстрации:

Universe Science Fiction, September 1954

Starman Come Home •

interior artwork by Harold W. McCauley, by Ed Emshwiller

Cover: by Malcolm Smith

Startling Stories, January 1941

Fantastic Story Magazine, January 1953

A Yank at Valhalla •

interior artwork by H. W. Wesso, by Paul Orban

Cover: by Earle Bergey

Fantastic Adventures, August 1942

The Daughter of Thor •

interior artwork by Malcolm Smith

Cover: by Robert Gibson Jones

Science Fiction Adventures, December 1956

Science Fiction Adventures, No. 5 1958

The Starcombers •

interior artwork by Bowman, by Ed Emshwiller

Amazing Stories, March 1939

Valley of Invisible Men •

interior artwork by Robert Fuqua

Amazing Stories, April 1942

Treasure on Thunder Moon •

interior artwork by Malcolm Smith

Weird Tales, September 1940

Sea Born •

interior artwork by Hannes Bok

Weird Tales, February 1929
The Star-Stealers •
interior artwork by Hugh Rankin
Cover: by Hugh Rankin

Weird Tales, August 1930
Pigmy Island •
interior artwork by Hugh Rankin

Thrilling Wonder Stories, April 1938
Easy Money •
interior artwork by H. W. Wesso

Amazing Stories, March 1942
Amazing Stories, April 1956
Wacky World •
interior artwork by Rod Ruth, by John Giunta

Weird Tales, April 1932
The Earth-Brain •
interior artwork by Vincent Napoli

Weird Tales, March 1948
The Might-Have-Been •
interior artwork by Lee Brown Coye

Publication: The Man Who Called Himself Poe 1969
Castaway •
short story by Edmond Hamilton

Space Travel, September 1958
The Star Hunter •
interior artwork by uncredited

Publisher: Haffner Press 2005

Stark and the Star Kings •

Cover by Alex Ebel

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Коррекция и работа с текстом by Petr.

Работа с иллюстрациями: by formally.

Расстановке иллюстраций в тексте:

by SteelRatTV, by formally.

МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ

Глава 1

Вы обычный человек, нормальный индивидуум. Вы живете обычной жизнью в обычном мире. И вдруг за один день, за несколько часов одного дня все вокруг вас рушится, расплзается, как промокашка под дождем, и вы открываете, что шагнули прямо отсюда в бездонные черные глубины космоса, не имеющего ни начала, ни конца, ни одной знакомой истины — соломинки, за которую можно было бы зацепиться.

Именно это и случилось с Нейлом Бэннингом. Ему исполнился тридцать один год, он работал коммивояжером нью-йоркского издателя, был здоров, хорошо сложен и доволен своей работой. Он ел три раза в день, был недоволен налогами и временами подумывал о женитьбе. Но все это было до его поездки в Гринвилль.

Все получилось совершенно случайно. Деловая поездка по западному побережью, осознание того факта, что поезд всего в сотне миль от места, где прошло его детство, и внезапное сентиментальное решение. Три часа спустя ярким весенним днем Нейл Бэннинг вышел из вагона в маленьком городке штата Небраска.

Он взглянул на голубую равнину неба с пятнышками облаков на ней, перевел взгляд на широкую сонную главную улицу и улыбнулся. Ничего не изменилось. Такие городки, как Гринвилль, неподвластны времени.

Возле вокзала стояло одинокое такси. Водитель, скуластый молодой человек, с неопикуемой кепкой на затылке, положил багаж Бэннинга в машину и спросил:

— В отель «Эксельсиор», мистер? Это лучший.

— Отвезите туда багаж. Я пройду пешком, — ответил Бэннинг.

Молодой человек посмотрел на него:

— В любом случае платите пятьдесят центов. Прогулка у вас выйдет длинная.

Бэннинг заплатил водителю:

— И все—таки я пойду пешком.

— Деньги ваши, мистер, — пожал плечами водитель, и машина отъехала.

Бэннинг зашагал по улице, а свежий ветер прерии трепал полы его пальто.

Бакалейная лавка, дом лесозаготовительной компании, железоскобяные изделия старого Хортон, парикмахерская Дела Паркера. Тяжеловесный параллелепипед мэрии. На молочной закусочной появилась новая реклама — колоссальное изображение конусообразного стаканчика мороженого, а Хивзй—гараж стал больше: добавился участок, заполненный сельскохозяйственной техникой.

Бэннинг шел медленно, растягивая время. Встречные смотрели на него с дружелюбным любопытством жителей Среднего Запада, и он сам вглядывался в их лица, но ни одно не показалось знакомым. Да, десять лет отсутствия — это много. Однако должен же встретиться хоть один знакомый, должен же хоть кто—то поприветствовать его в родном городе! Десять лет — это все—таки не так уж много.

Он повернул направо у здания старого банка и пошел вниз по Холлинз—стрит. Два больших, редко застроенных квартала. Дом—то, во всяком случае, должен стоять по—прежнему.

Дома не было.

Бэннинг остановился, огляделся по сторонам. Все верно. То же самое место, и дома по обеим сторонам улицы точно такие, какими он запомнил их, но там, где должен был бы стоять дом его дяди, не было ничего, кроме заросшего сорняками пустыря.

«Сгорел, — подумал он. — Или перенесли на другое место».

Но сам с беспокойством чувствовал, что здесь что—то не так. Дом не так—то просто стереть с лица земли. Всегда что—

нибудь остается: груда булыжника в том месте, где засыпан подвал, контуры фундамента, следы старых дорожек, деревья и цветочные клумбы.

Здесь же ничего похожего — лишь заросший сорняками пустырь. Казалось, здесь никогда и не бывало ничего другого. Бэннинг огорчился — дом, в котором ты вырос, становится частью тебя самого, это центр вселенной твоего детства. Слишком много воспоминаний связано с ним, чтобы можно было легко смириться с потерей. Но кроме огорчения он чувствовал и недоумение, смешанное со странным беспокойством.

«Грегги должны знать, — подумал он, направляясь к соседнему дому и поднимаясь по ступенькам крыльца. — Если только они все еще живут здесь».

На стук из-за угла, с заднего дворика, вышел незнакомый старик, розовощекий веселый маленький гном, держащий в руках садовую мотыгу. Он был не прочь поговорить, но, похоже, совершенно не понимал вопросов Бэннинга. Продолжая покачивать головой, он наконец сказал:

— Ты ошибся улицей, парень. Здесь поблизости никогда не жил никакой Джесс Бэннинг.

— Это было десять лет назад, — объяснил Бэннинг. — Наверное, до вашего приезда сюда...

Старик перестал улыбаться:

— Послушай, я Мартин Уоллес. Я живу в этом доме сорок два года, спроси кого угодно. И я слыхом не слыхивал о каком-то Бэннинге. К тому же на этом пустыре никогда не было дома. Я-то уж знаю. Этот участок — мой.

Холодок неподдельного страха коснулся Бэннинга.

— Но я жил в доме, который там стоял! Я провел в нем все свои мальчишеские годы, он принадлежал моему дяде. Вас тогда здесь не было, а тут жили Грегги, у них была дочь с двумя соломенного цвета «поросычьими хвостиками» на голове и мальчик по имени Сэм. Я играл...

— Слушай, — прервал старик. Вся его дружелюбность исчезла, теперь он выглядел наполовину рассерженным,

наполовину встревоженным. — Если это шутка, то она не смешная. А если ты не шутишь, значит ты или пьяный, или сумасшедший. Убирайся!

Бэннинг глядел на старика и не двигался.

— Как же так, — сказал он, — вот и яблоня — на краю вашего участка, — я упал с нее, когда мне было восемь лет, и сломал запястье, такие вещи не забываются.

Старик выронил мотыгу и попятился в дом.

— Если ты не уберешься отсюда через де, о секунды, я вызову полицию. — С этими словами он захлопнул дверь и запер ее изнутри.

Бэннинг свирепо смотрел на дверь, злясь на себя из-за того, что холодные иглы страха стали острее и вонзались в него все глубже.

— Этот старый маразматик просто свихнулся, — пробормотал он и снова посмотрел на пустырь, а потом на большой кирпичный дом напротив и направился к нему. Он помнил, что дом был очень хорошим, под стать людям, жившим в нем. Там жили Льюисы, и у них тоже была дочь, с которой он ходил на танцы, ездил на пикники, работал на сенокосе. Если они по-прежнему живут здесь, то должны знать, что же случилось.

— Льюисы? — переспросила крупная краснолицая женщина, отворившая дверь на звонок. — Нет, Льюисы здесь не живут.

— Десять лет назад! — с отчаянием произнес Бэннинг. — Здесь тогда жили они, а там, где теперь пустырь — Бэннинги.

Женщина удивленно посмотрела на него:

— Я сама живу тут шестнадцать лет, а до того жила в том сером доме, вон, третий отсюда. Я в нем родилась. И здесь никогда не жили ни Льюисы, ни Бэннинги. А на пустыре никогда не было дома.

Она больше ничего не сказала. Молчал и Бэннинг. Тогда она пожала плечами и закрыла дверь. Бэннинг еще некоторое время смотрел на закрытую дверь, готовый грохнуть в

нее кулаками, разнести в щепки, схватить краснолицую женщину и потребовать объяснений, что это значит: ложь, безумие или еще что—то. Потом он подумал, что нелепо выходить из себя. «Должно же быть объяснение, должна же быть причина всему этому! Может, дело в дядином участке, может, они боятся, что я имею на него какие—то права. Возможно, поэтому мне и лгали. Пытаясь убедить в том, что я ошибся».

Но есть место, где он сможет все точно выяснить. Там не соврут.

Бэннинг быстро пошел обратно к главной улице, а по ней — к мэрии.

Там он объяснил девушке—служащей, чего хочет, и стал ждать, пока она просмотрит записи. Девушка не слишком торопилась, и Бэннинг нервно закурил. Его лоб был в испарине, а руки слегка дрожали.

Девушка вернулась с узкой полоской бумаги. Казалось, она была раздражена.

— Дома рядом с номером триста тридцать четвертым по Холлинз—стрит никогда не было, — сказала она. — Вот выписка о владении...

Бэннинг выхватил из ее рук бумажную полоску. Там говорилось, что в 1912 году Мартин У.Уоллейс приобрел дом и участок № 346 по Холлинз—стрит вместе с прилегающим пустырем у Уолтера Бергстрандера, сделка тогда же и была юридически оформлена. Пустырь так никогда и не застраивался.

Бэннинг перестал потеть. Теперь его бил озноб.

— Послушайте, — обратился он к девушке, — посмотрите, пожалуйста, эти имена в архиве. — Он нацарапал на бумажке имена. — В списке умерших. Джесс Бэннинг и Илэй Роберте Бэннинг. — Рядом с каждым именем он указал год рождения и год смерти.

Девушка взяла листок и, резко повернувшись, вышла. Она долго отсутствовала, а когда вернулась, то уже не казалась раздраженной. Она была очень рассерженной.

— Вы что, смеетесь? — спросила она. — Только время отнимаете! Ни об одном из этих людей нет сведений.

Девушка швырнула листок Бэннингу и отвернулась. Дверца в барьере была тут же. Бэннинг толкнул ее и прошел внутрь.

— Посмотрите снова, — сказал он. — Пожалуйста... Они должны быть там.

— Вам сюда нельзя, — пятась от него, сказала девушка. — Что вы делаете? Я же вам сказала, что там нет...

Бэннинг схватил ее за руку:

— Тогда покажите мне книги. Я буду искать сам.

Девушка с криком вырвалась. Бэннинг не пытался удерживать ее, и она выбежала в холл, вопя:

— Мистер Харкнесс! Мистер Харкнесс!

Бэннинг, стоявший в архиве, беспомощно глядел на высокие стеллажи, забитые тяжелыми книгами. Не понимая значения маркировки на них, он решил свалить все книги с полок и искать в них доказательства, которые должны быть там, доказательства, что он не безумец и не лжец. Но с чего начать?

Начать он не успел. Послышались тяжелые шаги, на его плечо легла рука. Рука принадлежала невозмутимому крупному мужчине, сжимавшему в зубах сигару. Вынув сигару изо рта, мужчина сказал:

— Эй, парень, ты что здесь вытворяешь?

Бэннинг сердито начал:

— Слушайте, кто бы вы ни были...

— Харкнесс, — прервал его невозмутимый мужчина. — Меня зовут Рой Харкнесс, и я шериф округа. Вам лучше пройти со мной.

Несколько часов спустя Бэннинг сидел в офисе шерифа и заканчивал рассказывать свою историю в третий раз.

— Это заговор, — устало сказал он. — Не понимаю, почему, но вы все в нем участвуете.

Ни шериф, ни его помощник, ни репортер—фотограф из городской газеты не засмеялись открыто, но Бэннинг увидел усмешки, которые они не слишком скрывали.

— Вы обвиняете, — сказал шериф, — всех жителей Гринвилля в том, что они собрались и умышленно фальсифицировали записи в архиве. Это серьезное обвинение. И какая же у нас была для этого причина?

Бэннинг вдруг почувствовал тошноту. Он знал, что находится в здравом рассудке, но тем не менее мир внезапно показался ему бессмысленным кошмаром.

— Не представляю причины. Почему? Почему вы все хотите лишить меня прошлого? — Он потряс головой. — Не знаю. Но я знаю, что этот старый мистер Уоллейс лгал. Может быть, за всем стоит именно он.

— Тут есть одна заковыка, — произнес шериф. — Дело в том, что я знаю старика всю свою жизнь. И я могу совершенно определенно сказать, что он владеет этим пустырем вот уже сорок два года, и что там никогда ни было сооружения крупнее куриной клетки.

— Выходит, вру я? Но зачем мне это?

Шериф пожал плечами.

— Может, вы разработали какой—то план для вымогательства. Может, вам зачем—то нужна известность. А может быть, вы просто тронутый.

Кипевший от ярости Бэннинг вскочил на ноги.

— Значит так, подтасовать все факты и объявить меня сумасшедшим! Ну что ж, посмотрим! — и он кинулся к двери.

Шериф подал знак — и фотограф получил прекрасную возможность запечатлеть, как помощник шерифа схватил Бэннинга и сноровисто затащил его сначала в тюремную пристройку, примыкавшую к офису, а потом в камеру.

— Псих, — сказал репортер, глядя на Бэннинга через прутья решетки. — Ты не смог придумать ничего более правдоподобного, верно?

В каком—то оцепенении Бэннинг смотрел на людей по ту сторону решетки, не в состоянии поверить в случившееся.

— Обман, — хрипло сказал он.

— Никакого обмана, сынок, — отозвался шериф. — Вы явились сюда и наделали шума, вы обвинили многих людей в заговоре против вас — хорошо, тогда вам придется остаться здесь, пока мы не проверим, кто вы такой. — Он повернулся к помощнику. — Телеграфируйте этому нью-йоркскому издателю, у которого, по его словам, он работает. Дайте общее описание — рост шесть футов, волосы черные, ну, и так далее, как всегда, в таких случаях.

Он вышел, а за ним и остальные. Бэннинг остался один в камере.

Он сел и сжал голову руками. Яркий солнечный свет лился сквозь зарешеченное окно, но Бэннингу все вокруг казалось мрачнее чем в самую темную полночь.

Если бы только у него не появилась мысль посетить родной город...

Но она появилась. И вот перед ним стоит вопрос: «Кто же лжет, кто же сошел с ума?» И он не может ответить.

Когда стемнело, ему принесли ужин. Бэннинг спросил, нет ли возможности освободиться под залог, но не получил определенного ответа. Шериф не приходил. Бэннинг спросил об адвокате, и ему ответили, чтобы он не беспокоился. Он снова сел и продолжал ждать. И беспокоиться.

Не имея других занятий, он перебирал в памяти годы своей жизни, начиная с самых первых воспоминаний. Они никуда не делись. Конечно, были и провалы, и смутные, неопределенные воспоминания, но они есть у каждого. Кто запомнит все будничные дни своей жизни, в которые ничего не случалось! Его зовут Нейл Бэннинг, и он провел большую часть жизни в Гринвилле, в доме, о котором теперь говорят, что он никогда не существовал.

Утром появился Харкнесс.

— Я получил ответ из Нью-Йорка, — сказал он, — здесь с вами все ясно.

Он внимательно рассматривал Бэннинга через решетку.

— Знаете, вы выглядите вполне приличным молодым человеком. Почему бы вам не рассказать, что все—таки это значит?

— Если бы я сам знал... — хмуро отозвался Бэннинг.

Харкнесс вздохнул:

— Правда Пита, вы не можете придумать ничего правдоподобного. Боюсь, что нам придется задержать вас до психиатрической экспертизы.

— До чего?

— Послушайте, я перерыл весь город и весь городской архив. Здесь никогда не жили никакие Бэннинги. Не было и Греггов. А единственные Льюисы, которых я смог найти, живут на ферме в двадцати милях от города и никогда не слыхали о вас. — Шериф развел руками. — Что же я должен думать?

Бэннинг повернулся к нему спиной.

— Вы лжете, — сказал он. — Убирайтесь.

— О'кей, — Харкнесс сунул что-то сквозь прутья. — В любом случае это должно заинтересовать вас. — И он вышел в коридор.

Прошло некоторое время, прежде чем Бэннинг решился поднять брошенное Харкнессом. Это была местная газета за вчерашний день, вечерний выпуск. Там видное место занимал веселенький рассказ о чокнутом нью-йоркце, обвиняющем маленький небрасский городок в краже его прошлого. История была так забавна, что Бэннинг начал думать, что скоро ему действительно понадобится психиатр, а может быть, и смиренная рубашка.

Перед самым заходом солнца к камере подошел шериф и сказал:

— К вам посетитель.

Бэннинг вскочил на ноги. Кто—то его вспомнил, и докажет, что все, им рассказанное — правда!

Но человека, вошедшего в коридор, он не знал.

Это был смуглый мужчина средних лет. Одежда плохо сидела на нем, и казалось, что он чувствует себя в ней

неловко. Мужчина шагнул через порог коридора, двигаясь удивительно легко для владельца такого большого тела. Его очень темные глаза напряженно всматривались в Бэннинга.

Хмурое, почти прямоугольное лицо мужчины не меняло своего выражения, но тем не менее что-то неуловимое менялось во всей его массивной фигуре по мере того, как он изучал Бэннинга. У него был вид угрюмого человека, ожидавшего чего-то долгие годы, и теперь, наконец, увидевшего то, что он так долго ждал.

Rolf

— Валькар, — тихо сказал он, скорее не Бэннингу, а себе. Его голос звучал резко, словно медная труба. — Кайл Валькар. Минуло много времени, но я нашел тебя.

Бэннинг удивленно смотрел на незнакомца:

— Как вы называли меня? И кто вы? Я никогда раньше не встречал вас.

— Не встречал меня? Но ты меня знаешь. Я Рольф. А ты — Валькар. И горькие годы миновали.

Совершенно неожиданно он протянул руку через решетку и, взяв правую ладонь Бэннинга, положил ее на свой склоненный лоб жестом глубокого почтения.

Глава 2

Несколько секунд Бэннинг, слишком изумленный, чтобы двигаться, смотрел на незнакомца. Потом он вырвал руку.

— Что вы делаете? — спросил он, отскочив от решетки. — В чем дело? Я не знаю вас. И я не этот, как там вы меня называли? Меня зовут Нейл Бэннинг.

Незнакомец улыбнулся. На его смуглом мрачном лице, словно высеченном из камня, появилось выражение, испугавшее Бэннинга больше, чем если бы это было выражение явной враждебности. Его лицо выражало любовь, такую, какую мог бы испытывать отец к сыну, или старший брат к младшему. Глубокую любовь, странно смешанную с почтением.

— Нейл Бэннинг, — сказал человек, назвавший себя Рольфом. — Да. Рассказ о Нейле Бэннинге и привел меня сюда. Ты сейчас маленькая сенсация. Человек, у которого отняли прошлое. — Он тихо засмеялся. — Жаль, что они не знают правды.

У Бэннинга появилась дикая надежда.

— А вы знаете правду? Скажите мне — скажите им, — зачем это сделано?

— Я могу сказать тебе, — Рольф подчеркнул местоимение. — Но не здесь и не теперь. Потерпи несколько часов. Я вызволю тебя сегодня вечером.

— Если вы сможете добиться моего освобождения под залог, я буду благодарен. Но я не понимаю, почему вы делаете это. — Бэннинг испытующе посмотрел на Рольфа. — Может быть, я смогу вспомнить вас. Вы знали меня ребенком?

— Да, — ответил Рольф, — я знал тебя ребенком — и взрослым мужчиной. Но ты не сможешь вспомнить меня. — Лицо Рольфа исказил мрачный гнев, и он с дикой яростью воскликнул: — Твари! Из всех зол, что они могли причинить тебе, худшее — это лишение памяти... — Он прервал себя. — Нет. Они могли сделать и хуже. Они могли убить тебя.

Бэннинг от изумления раскрыл рот. Лица людей вихрем закружились в его мыслях: старый Уоллейс, Харкнесс, краснотелая женщина...

— Кто мог убить меня?!

Рольф произнес два имени, очень тихо. То были очень странные имена.

— Тэрэния, Джоммо. — Рольф внимательно наблюдал за Бэннингом. Внезапно Бэннинг понял и отскочил от двери.

— Вы, — сказал он, радуясь тому, что их разделяет решетка, — безумны, как Шляпник.

Рольф усмехнулся:

— Естественно, что ты думаешь так, так же думает о тебе наш добрый шериф. Не слишком на него обижайся, Кайл, он не виноват. Видишь ли, он совершенно прав — Нейл Бэннинг не существует. — Он склонил голову в удивительно гордом поклоне и повернулся. — Ты будешь свободен сегодня вечером. Верь мне, даже если не понимаешь.

Он вышел прежде, чем Бэннинг успел подумать о том, что надо бы позвать на помощь.

После ухода незнакомца Бэннинг, совершенно подавленный, опустился на скамью. Несколько минут у него была надежда, несколько минут он был уверен, что этот смуглый гигант знает правду и сможет помочь ему. Тем больнее было убедиться в своей ошибке.

«Пожалуй, — саркастически подумал он, — теперь все лунатики страны будут набиваться мне в братья».

Вечером ничего не было слышно о том, чтобы кто-нибудь собирался внести за него залог. Впрочем, Бэннинг на это и не рассчитывал.

После ужина, к которому он едва притронулся, Бэннинг вытянулся на койке. Он устал, настроение было ужасное. Теперь он мрачно размышлял обо всей этой дьявольской подтасовке и о том, с каким удовольствием он возбудит дело против виновных в его аресте. Наконец Бэннинг забылся беспокойным сном.

Его разбудил металлический лязг открывающейся двери камеры. Уже наступила ночь, и только коридор был освещен. На пороге, улыбаясь, стоял темнолицый гигант.

— Идем, — сказал он. — Путь свободен.

— Как вы попали сюда? «И где взяли ключи?» — спросил Бэннинг и посмотрел через плечо мужчины в конец коридора. Помощник шерифа лежал, навалившись на свой стол и уткнувшись головой в стопку бумаг. Одна рука безжизненно свисала вниз.

Охваченный внезапным ужасом, Бэннинг закричал:

— Боже, что вы делаете?! Зачем я вам нужен?! — Он бросился к двери, пытаясь вытолкать незнакомца и закрыть ее снова. — Убирайтесь, я не хочу связываться с вами! — Бэннинг начал звать на помощь.

С явным сожалением Рольф разжал левую руку, открывая маленький яйцеобразный предмет с линзой на конце.

— Прости меня, Кайл, — сказал он, — но на объяснения нет времени.

Линза засветилась тусклым мерцающим светом. Бэннинг не ощутил боли, лишь легкий толчок, и начал растворяться во мраке и покое, подобном смерти. Он даже не почувствовал, как Рольф подхватил его, удерживая от падения.

Очнулся Бэннинг в автомобиле. Он полулежал на сиденье, а рядом сидел Рольф и смотрел на него. Машина мчалась по степной дороге, и все еще была ночь. Фигура водителя едва виднелась в тусклом свете приборного щитка, а снаружи была лишь безграничная тьма, которую не только не рассеивал, а наоборот, казалось, еще более сгущал свет далеких звезд.

На заднем сиденье тоже было темно, и Бэннинг лежал, не шевелясь. Он подумал, что, возможно, Рольф не заметил, как он очнулся. Бэннинг решил, что если он нападет внезапно, то сумеет справиться с этим гигантом.

Он готовился, стараясь не изменять даже ритма своего дыхания.

— Я не хотел бы снова делать это, Кайл, — сказал вдруг Рольф. — Не вынуждай меня.

Бэннинг заколебался. Со своего места ему было видно, что Рольф держит в руке какой-то предмет. Вспомнив

металлическое яйцо, он решил подождать, пока появится другой шанс. Бэннинг чувствовал разочарование — с каким удовольствием он стиснул бы руки на горле Рольфа.

— Вы убили помощника шерифа, а, может быть, и других, — сказал он. — Вы не только безумец, но и убийца.

С раздражающим терпением Рольф спросил:

— Ты ведь не умер?

— Да, но...

— Никто из тех людей не умер. Они не имеют отношения к нашим делам, и было бы бесчестно убивать их. — Рольф усмехнулся. — Тэрэния удивилась бы, услышав от меня такое. Она считает меня бездушным.

Бэннинг сел прямо:

— Кто такая эта Тэрэния? Что это за дела, в которые вы меня впутываете? Куда вы меня везете? И вообще, черт возьми, что все это значит? — Он почти кричал, дрожа от страха и ярости.

Бэннинг не больше обычного боялся физической боли и смерти, но на нем сказывалось нервное напряжение последних дней. Трудно оставаться невозмутимым, когда тебя везут с бешеной скоростью по ночной прерии похититель—лунатик и его сообщник.

— Пожалуй, — сказал Рольф, — ты не поверишь, если я скажу, что я твой друг, твой самый давний и лучший друг, и что тебе нечего бояться.

— Нет, не поверю.

— Так я и думал, — вздохнул Рольф. — И боюсь, что ответы на твои вопросы едва ли помогут. Проклятый Джоммо поработал над тобой слишком хорошо, он сделал даже больше, чем я считал возможным.

Бэннинг вцепился в край сиденья, пытаясь контролировать себя.

— А кто такой Джоммо?

— Правая рука Тэрэнии. А Тэрэния — верховная и единственная правительница Новой Империи... А ты — Кайл Валькар, а я — Рольф, который вытирал тебе нос, когда ты

был... — Рольф прервал себя и выругался на языке, совершенно незнакомом Бэннингу.

— Новая Империя, — повторил Бэннинг. — Ясно. Мания величия. Вы еще не сказали, что это за приспособление у вас.

— Цереброшокер, — произнес Рольф так, как ребенку говорят «погремушка». Не сводя глаз с Бэннинга, он заговорил с водителем на этом непонятном иностранном языке. Скоро вновь воцарилось молчание.

Дорога стала хуже. Автомобиль замедлил ход, но недостаточно для планов Бэннинга. Прошло некоторое время, прежде чем он понял, что теперь дороги не было вовсе. Он снова прикинул расстояние между собой и Рольфом. Бэннинг сомневался в действенности металлического яйца. Цереброшокер, как же. Скорее всего в камере его чем—то ударили сзади, чем—нибудь вроде ружейного приклада или кастета. Было темно, а дверь в камеру открыта. Сообщник—водитель легко мог войти внутрь и встать за спиной Бэннинга, готовый оглушить его по знаку Рольфа.

Впереди, примерно в миле от них, мелькнула яркая вспышка света, машину качнул сильный порыв ветра.

Водитель что—то сказал, Рольф ответил. В его голосе звучало облегчение.

Бэннинг чутко улавливал движение машины, и когда она помчалась по прямой, резко бросился на смуглого великана.

Он ошибался насчет яйца. Оно действовало.

На этот раз Бэннинг не полностью потерял сознание. Очевидно, степень шока можно было контролировать, и Рольф не хотел, чтобы Бэннинг совсем лишился чувств. Бэннинг по—прежнему мог видеть, слышать и двигаться, хотя и не как обычно. Все, что он видел и слышал, было словно бы кадрами из кинофильма, никак не связанного с ним.

Он видел, как пустынная и черная под звездным небом прерия убегает под колесами автомобиля, потом почувствовал, что они едут все медленнее и медленнее. Наконец

машина остановилась, и он услышал голос Рольфа, мягко уговаривающий его выйти. Бэннинг ухватился за руку Рольфа, словно ребенок за руку отца, и позволил вести себя. Его тело двигалось, но сейчас оно не было его собственностью.

Снаружи дул порывистый холодный ветер. Внезапно вспыхнул свет, настолько яркий, что в нем растворился блеск звезд. В этом свете стал виден автомобиль и трава прерии. Стали видны водитель, Рольф, он сам и длинные черные тени, отбрасываемые их фигурами. Стала видна металлическая стена, блестящая, как зеркало. Она тянулась футов на сто по горизонтали и выпукло поднималась вверх.

В стене были отверстия. Окна, иллюминаторы, двери, люки — кто знал верное название? Это была не стена. Это была наружная обшивка корабля.

Из корабля вышли люди, одетые в странные одежды и говорившие на странном языке. Они шли вперед, а Рольф, водитель и Нейл Бэннинг двинулись им навстречу. Вскоре они встретились и остановились на ярко освещенном участке. Странные люди говорили с Рольфом, и он отвечал им, а потом Бэннинг смутно понял, что все смотрят на него, и что на их лицах написано почти суеверное благоговение.

Он слышал, как они повторяют одно слово: «Валькар»! Как ни были притуплены его чувства, все же легкая дрожь прошла по телу Бэннинга при звуке голосов, повторяющих это слово тоном, в котором дико смешались почтение и ярость, отчаяние и надежда.

Рольф подвел его к открытому люку.

Он тихо сказал:

— Ты спрашивал, куда я тебя везу. Поднимись на борт, Кайл, я везу тебя домой.

Глава 3

Комната, в которой оказался Нейл Бэннинг была больше и намного роскошнее вчерашней тюремной камеры, но тем

не менее это тоже была тюрьма. Он обнаружил это, как только полностью очнулся — кажется, он снова на некоторое время терял сознание, но не был вполне уверен в этом. Так или иначе, он поднялся и принялся обследовать двери. Одна вела в довольно странно оборудованную ванную, другая была заперта. И крепко. Окон не было вовсе. Металлическая стена была цельной и гладкой. Комната освещалась сверху, каким-то невидимым источником света.

Несколько минут Бэннинг беспокойно расхаживал по комнате, разглядывая обстановку и пытаясь думать. Он вспомнил загадочный кошмар: свет в прерии и огромный серебряный корабль. Кошмар, конечно. Какая-то гипнотическая иллюзия, внушенная темнолицым человеком, который называет себя Рольфом. Черт возьми, кто же такой этот Рольф, и почему именно он, Бэннинг, стал жертвой его магии?

Корабль посреди прерии. Люди в странных одеждах, приветствующие его как — что за имя там было? — да, как Валькара. Наверняка, сон. Правда, яркий, но всего лишь сон. Или все-таки это было наяву?

Нет окон. Нет ощущения движения. Нет звуков — впрочем, если прислушаться, один можно различить. Скорее, это была едва заметная вибрация, словно, где-то. билось огромное сердце. Незнакомые запахи в комнате.

Внезапно все чувства Бэннинга ненормально обострились, и он понял, что все в комнате ему незнакомо. Краски, ткани, формы — все, начиная с водопровода и кончая постелью, которую он только что оставил.

Даже собственное тело казалось незнакомым, его вес изменился. Бэннинг начал колотить в дверь и кричать.

Рольф появился почти сразу. С ним был водитель, и оба они держали в руках металлические яйцеобразные предметы. Экс-водитель поклонился Бэннингу и остался стоять в нескольких шагах позади Рольфа, так что Бэннинг не мог напасть на обоих сразу или обойти их. Теперь на них были такие же одежды, что и на людях из кошмара: нечто вроде

туники, а на ногах облегающие гамаши. Одежда выглядела удобной, функциональной, если угодно, — и совершенно нереальной.

Рольф вошел в комнату, оставив другого снаружи. Бэннинг успел увидеть узкий коридор с такими же металлическими стенами, как и в комнате, прежде чем Рольф закрыл за собой дверь. Сухо щелкнул замок.

— Где мы? — спросил Бэннинг.

— К настоящему моменту, — ответил Рольф, — мы преодолели довольно значительную часть пути от Солнца к Антаресу. Не думаю, что точные координаты имеют для тебя большое значение.

— Не верю, — сказал Бэннинг. Он и в самом деле не верил. Но в то же самое время он подсознательно понимал, что Рольф не лжет. Сознание этого было ужасно, и мысли его метались, словно кролик в ловушке.

Рольф подошел к стене напротив двери.

— Кайл, — сказал он, — ты должен поверить мне. И моя, и твоя жизни зависят от этого.

Он нажал на скрытую кнопку, и часть стены скользнула в сторону, открывая иллюминатор.

— Это окно не настоящее, — продолжал Рольф, — это видеозэкран, на который очень сложное и умное электронное устройство репродуцирует истинную картину, которую невооруженный глаз не в состоянии воспринять.

Бэннинг посмотрел в иллюминатор. За ним открывалась ошеломляющая смесь мрака и света. Мрак был бездонной пустотой, в которую с воплем падал его корчившийся мозг, затерявшийся в равнодушной бесконечной бездне. Но свет...

Миллионы миллионов солнц. Исчезли контуры созвездий, их очертания потерялись в сияющем океане звезд. Свет грохотал в голове Бэннинга. Громовым раскатом он падал и падал в глубины блеска и тьмы, он...

Бэннинг зажал ладонями уши и отвернулся. Он упал на постель и остался лежать там, содрогаясь всем телом. Рольф закрыл иллюминатор:

— Теперь ты мне веришь? Бэннинг что-то простонал.

— Хорошо. Ты поверил в звездный корабль. Тогда чисто логически ты должен поверить и в существование цивилизации, способной строить такие корабли, и в культуру, для которой звездные корабли и обычны, и необходимы.

Бэннинг, чувствуя себя больным и разбитым, сел на постели, цепляясь за ее успокаивающе неподвижную поверхность. Он понимал, что это бесполезно, но все же выдвинул свой последний аргумент:

— Мы не движемся. Если бы мы двигались быстрее света — а это само по себе невозможно, уж настолько — то я разбираюсь в физике! — то было бы ощущение ускорения.

— Это не механическое движение, — ответил Рольф, становясь так, чтобы ему было видно лицо Бэннинга. — Тут нечто вроде силового поля, и, являясь частью этого поля, мы, собственно, остаемся в покое. Поэтому и нет ощущения движения. А что до невозможности... — Он усмехнулся. — Пока я искал тебя на Земле, я забавлялся, замечая первые трещины в теории, провозглашавшую скорость света предельной величиной. В своих исследованиях физики замечали частицы, движущиеся быстрее света, и их объяснения — отговорки, что, мол, это только фотоны, не имеющие массы — лишь попытки уйти в сторону от существа вопроса.

Бэннинг недоверчиво воскликнул:

— Но звездная цивилизация, чьи корабли посещают Землю, и никто на Земле не знает об этом — такое невозможно!

— Просто, — сухо сказал Рольф, — в тебе говорит земной эгоизм. Земля — окраинный мир, отсталый во многих отношениях. С политической точки зрения, сплошной кавардак. Сотни враждующих народов, норовящих перерезать друг другу глотки. Новая Империя избегает открытого контакта с такими мирами: слишком много хлопот, а толку почти никакого.

— Ладно, — сказал Бэннинг, поднимая руки, — сдаюсь. Я признаю, что существуют звездные корабли, межзвездная

цивилизация, целая — как вы сказали? — Новая Империя. Но я — то тут причем?!

— Ты часть всего этого. Очень важная, я бы даже сказал, самая важная.

— Вы ошибаетесь, — устало произнес Бэннинг. — Говорю вам: меня зовут Нейл Бэннинг, я родился в Гринвилле, штат Небраска...

Он умолк, услышав смех Рольфа.

— Ты провел веселенькие два дня, пытаюсь доказать это. Нет, тебя зовут Кайл Валькар, и родился ты в Катууне, древнем Городе Королей, на четвертой планете Антареса.

— Но мои воспоминания, вся моя жизнь на Земле!

— Ложная память, — ответил Рольф. — Ученые Новой Империи — искусные психотехники, а Джоммо — лучший из них. Когда Землю выбрали в качестве места твоей ссылки и тебя, пленного, привезли туда уже со стертой памятью, Джоммо составил историю твоей жизни, синтезировав ее из воспоминаний туземцев. Потом он тщательно имплантировал синтезированную память в твой мозг, и когда тебя отпустили, у тебя уже было новое имя, новый язык, новая жизнь! Кайл Валькар исчез навсегда, остался землянин Нейл Бэннинг, не представляющий угрозы для кого бы то ни было.

— Угрозы? — протянул Бэннинг.

— О да, — глаза Рольфа внезапно сверкнули диким огнем. — Ты — Валькар, последний из Валькаров. А Валькары всегда были угрозой для узурпаторов Новой Империи. — Он начал нервно ходить, словно не в силах сдержать охватившее его возбуждение. Бэннинг безразлично наблюдал за ним. Он пережил слишком много потрясений одно за другим, и теперь его ничто уже не удивляло.

— Новой Империи, — повторил Рольф. Он произнес прилагательное так, как произносят ругательство. — В ней правит эта кошка Тэрэния, и искусство Джоммо держит ее наверху. Да, последний Валькар — угроза для них.

— Но почему?

Рольф загремел:

— Потому что Валькары были повелителями Старой Империи — звездной империи, правившей половиной Галактики девятьюстами тысяч лет назад. Потому что не все звездные миры забыли своих законных повелителей.

Бэннинг изумленно взглянул на Рольфа и начал тихо смеяться. Сон стал слишком нелепым, слишком безумным. Нельзя такое воспринимать серьезно и дальше.

— Итак, я не земной Нейл Бэннинг, а звездный Кайл Валькар?

— Да.

— И я император?

— Нет, Кайл. Еще нет. Но в прошлый раз ты едва не стал им. Если нам будет сопутствовать удача, ты будешь императором.

Бэннинг решительно сказал:

— Я Бэннинг. Я это знаю. Возможно, я похож на вашего Кайла Валькара. Потому, наверное, вы меня и захватили. Дайте мне увидеть остальных.

Глаза Рольфа сузились:

— Зачем?

— Я собираюсь рассказать, какой обман вы затеяли.

— Ничего ты не расскажешь, — смуглый гигант говорил сквозь зубы. — Они считают, что ты Кайл Валькар. Ну, в этом они правы. Но они так же считают, что память к тебе вернулась — и в этом они ошибаются.

— Значит вы признаете, что обманываете их?

— Только в этом, Кайл, они не отважились бы на такое предприятие, знай, что к тебе все еще не вернулась память! Они не знают, что ты не можешь привести их к Молоту!

— К Молоту?

— Я расскажу тебе об этом позже. А сейчас вбей себе в голову: если они узнают, что ты не помнишь, они выйдут из игры. Ты снова попадешь к Джоммо. На этот раз тебя не отправят в изгнание, а убьют.

Все услышанное от Рольфа было слишком серьезно. Бэннинг попытался осмыслить это, а потом сказал:

— Я не могу говорить на вашем языке.

— Да, Джоммо проделал над тобой дьявольски чистую работу.

— Так как я смогу выдавать себя за этого Валькара?

— Ты в плохой форме, Кайл, — уклончиво ответил Рольф.

— Возвращение памяти привело тебя в шоковое состояние. Ты нуждаешься в покое, и некоторое время тебе нельзя выходить из каюты. Но здесь с тобой буду я.

Несколько мгновений Бэннинг не мог понять, потом уловил суть:

— Вы имеете в виду, что я узнаю язык от вас?

— Вспомнишь язык. Да.

— Хорошо, — после секундного раздумья сказал Бэннинг.

— Если это все, что я должен сделать...

Говоря эти слова, он поворачивался и, внезапно прыгнув, оказался на широкой спине Рольфа, стискивая руками шею великана.

— Извини, Кайл, — чуть задышавшись, сказал Рольф. И тогда его массивные мускулы взорвались, подобно мгновенно распрямляющимся тугим пружинам, а Бэннинг обнаружил, что летит в сторону стены. От удара у него перехватило дыхание, и он рухнул на пол.

Рольф открыл дверь. Перед тем, как выйти, он обернулся и сурово сказал:

— За это в древнем Городе Королей с меня бы заживо содрали кожу. Но ты меня вынудил. А теперь остынь. — И он вышел.

Оставшись один, Бэннинг сел у металлической стены и долго сидел так, уставившись прямо перед собой. Он чувствовал, что его рассудок мутится, пытаясь вырваться из тисков окружающей действительности.

«Я Нейл Бэннинг, и я сплю, а все, что я вижу — только сон...»

Он с размаху ударил кулаком по стене. Боль в костяшках была достаточно убедительной, и на них показалась кровь. Нет, это не помогало.

«Ладно, пусть этот корабль реален. Звездный корабль, идущий к Антаресу. Реален Рольф, реальна и эта Новая Империя, о существовании которой Земля и не подозревает. Но все—таки я Нейл Бэннинг!»

Не Кайл Валькар — о, нет! Если он только позволит себе поверить в то, что он был совершенно другим человеком, человеком со звезд, с прошлым, которого он не может вспомнить, тогда его собственное «я» заколеблется и исчезнет как дым, и он станет никем...

Существует Империя. Существуют звездные корабли. Земля не знает о звездной империи, но о Земле знают, знают земные обычаи, языки, изученные во время тайных посещений. Появление корабля Рольфа — именно такое тайное посещение. Они прилетели, захватили Нейла Бэннинга, а теперь летят обратно. Все это делается с какой—то определенной целью...

Для какой—то грандиозной звездной интриги понадобился человек, которого можно выдать за Кайла Валькара, потомка древних звездных королей. И он, Нейл Бэннинга, благодаря своему внешнему сходству с Кайлом Валькаром подошел на эту роль. Он стал пешкой в этой игре, а для того, чтобы эта пешка была как можно лучше, Рольф и пытался доказать, что он и есть Кайл Валькар!

Бэннинг отчаянно пытался придумать какой—нибудь план. Это было трудно, голова все еще кружилась от столкновения со вновь открытой Вселенной, от понимания того, что он и в самом деле находится в космическом корабле. Но он должен даже и в этом невероятном положении драться за себя.

«Сначала нужно как можно больше узнать, — подумал он. — Прежде чем что—либо предпринимать, надо узнать, куда они доставят меня, что собираются со мной делать. Мне нужно знание...»

Вернулся Рольф. Он принес новую одежду, подобную его собственной, диковинную, но удобную.

Белая туника была изготовлена из великолепной материи; на груди драгоценные камни образовывали стилизованный рисунок — ярко пылающее солнце. Бэннинг переоделся без возражений. Его мысли сосредоточились на одном: надо узнать как можно больше и как можно скорее.

— Теперь ты похож на Валькара, — довольно проворчал Рольф. — Ты должен и говорить как он. Ну, время пока еще есть.

Рольф начал обучение, называя каждый предмет в каюте на своем языке. Потом Бэннинг выучил слова, означавшие «звезда», «король», «Империя».

— Рольф.

— Да?

— Эта самая Старая Империя, которой правили Валькары... Вы говорили, что это было девятью тысяч лет тому назад?

— Да. Прошло много времени. Но Старую Империю помнят во всех звездных мирах, за исключением нескольких, впавших в совершенную дикость, как, например, Земля.

Бэннинг вздрогнул:

— Земля? Она была частью Старой Империи?

— Да, как и половина Галактики, — хмуро ответил Рольф. — Когда произошла катастрофа, когда пала Старая Империя, контакты с отдаленными окраинными мирами совершенно прекратились. Неудивительно, что потомки колонистов скоро превратились в настоящих дикарей, чуть ли не в обезьян. Так было и на Земле.

Отрывочные факты, рассказанные Рольфом в этот и в следующие визиты, начали складываться для Бэннинга в туманную картину, в невообразимую космическую историю.

Старая Империя, Империя Валькаров! Они правили из Катууна на Антаресе, их звездные корабли бороздили просторы Галактики, и мириады миров платили им дань. Но в Старой Империи роптали против власти этих галактических

господ, и не однажды захлебывались неудачные восстания. И, наконец, сами Валькары ускорили кризис.

Прошел слух, что в дальней, недоступной части Галактики Валькары готовят таинственное ужасное средство, которое в будущем повергнет в трепет всех бунтарей. Никто не знал ни его силы, ни как оно действует. Но молва утверждала, что с его помощью Валькары, если того пожелают, могут уничтожить все народы в Галактике.

Эти слухи послужили детонатором космической революции. Народы звездных миров не могли допустить, чтобы Валькары получили такую власть над их жизнью и смертью. Разгорелось восстание, а потом гражданская война, которая разрушила межзвездную цивилизацию и уничтожила Старую Империю. Множество далеких систем и миров, в которые больше не приходили звездные корабли, скатились в долгую ночь варварства.

Однако несколько звездных миров сохранили свою цивилизацию и технику. У них оставалось несколько исправных звездных кораблей. И эти несколько миров, центром которых была система Ригеля, стремились собрать вновь все больше и больше миров в единую цивилизацию. Это и было началом Новой Империи, которая провозгласила отказ от помпезности и гордости воинственной Старой Империи и наступление новой эры сотрудничества всех планет.

Рольф яростно сплюнул:

— Эта ханжеская болтовня о дружелюбии и мире! Она покорила многих. Но кое—кто все же помнит древних королей, Валькаров, подставками для ног которых служили звезды!

— А эта вещь, из—за которой началось восстание, — спросил Бэннинг, — то, что вы назвали Молотом Валькаров? Что с ним случилось?

Рольф серьезно посмотрел на него:

— Он был потерян все эти долгие века. Только Валькары знают, где Молот, и что это такое. Тайна передавалась от отца к сыну даже после того, как пала Старая Империя. Ты — единственный, кто ее знает.

Бэннинг изумленно взглянул на Рольфа:

— Так вот почему Кайл Валькар — такая важная фигура!

— Именно так, — сурово ответил Рольф. — Ты рассказал мне — только мне, — что Молот находится на одной из планет, затерянных в скоплении Лебеда. Ты сказал, что имея карты тысячелетней давности, ты сможешь найти эту планету. — Переведя дыхание, гигант угрюмо продолжал: — Ты почти добился успеха, Кайл. Ты нашел нужные звездные карты в архивах на Ригеле и отправился в скопление Лебеда. Но Тэрэния и Джоммо догнали тебя, схватили, стерли память и изгнали на далекую Землю. И теперь никто не знает тайны, где спрятан Молот.

Для Бэннинга все это звучало дико и неправдоподобно. Он так и сказал, и добавил:

— Почему же они, для пущей надежности, не убили человека, знающего такой секрет?

— Джоммо так бы и сделал, и с радостью, — сардонически ответил Рольф, — но Тэрэния не решилась. Женщина — даже такая, как Тэрэния — не может править Империей.

— И ты пытаешься ниспровергнуть Новую Империю? — решил прозондировать почву Бэннинг. — С той горсткой людей, что на этом корабле?

— Будут и другие, Кайл. Им отправлено послание, и они соберутся у Катууна. Немного, но достаточно, чтобы сокрушить Империю, если у нас будет Молот.

— Но его у вас нет! А я не знаю, как его найти!

— Да, Кайл. Но, возможно, скоро будешь знать.

Когда Бэннинг попытался выведать побольше, Рольф проворчал:

— Позже. А пока, прежде всего, ты должен выучить язык. Я рассказал остальным, что вернул тебе память перед тем, как мы покинули Землю, и что ты заболел от такого шока.

— Человек, который вел автомобиль, знает другое, — напомнил Бэннинг.

— Ивайр? Он не опасен, это мой человек. Но другие не знают. Они мечтают увидеть тебя. Ты скоро должен показаться перед ними как Кайл Валькар.

Язык давался Бэннингу легко. Слишком легко. Язык был страшно сложен, выдавая каждым словом свой огромный возраст. Тем не менее Бэннинг схватывал его на лету. Он в совершенстве воспроизводил произношение Рольфа. Создавалось впечатление, что его язык и губы сами находят нужное положение для произнесения звука, словно знания уже были в его мозгу, дремлющие и лишь ожидающие пробуждения.

Бэннинг старался гнать такие мысли. Это могло означать, что Рольф прав, что люди в Гринвилле говорили правду, что Нейл Бэннинг никогда не существовал. Он не мог, он не должен верить в это! Как может человек потерять свое «я»? Нет, здесь какой-то трюк, Рольф как-то сумел за-гипнотизировать людей в городке, только умный заговор, вот и все.

На корабле для Бэннинга не существовало ни дня, ни ночи. Он ел, спал, обучался; наконец Рольф сказал:

— Они ждут.

— Кто?

— Мои люди. Твои люди, Кайл. Теперь ты можешь говорить достаточно хорошо. Выходи отсюда, я сказал им, что ты выздоровел.

Бэннинг почувствовал озноб. Он страшился этой минуты. Пока он оставался в этой маленькой каюте, он мог не думать о своем положении. А сейчас он должен стать Валькаром.

«Вперед! — сказал он себе. — Выясни, что кроется за всей ложью Рольфа до того, как что-либо предпринимать».

Дверь открылась. Рольф встал в стороне, пропуская его вперед. Бэннинг вышел в коридор.

— Сюда, — прозвучал в его ушах неприятный шепот Рольфа. — Направо. Подними голову. Веди себя как подобает сыну королей.

Коридор вел в офицерскую кают—компанию. Полдюжины мужчин поднялись на ноги, когда Рольф громко объявил:

— Валькар!

Они глядели на Бэннинга голодными, отчаявшимися глазами. Он знал, что должен сказать им, но прежде, чем успел произнести хоть слово, человек с лицом, напоминавшим волчью морду, шагнул вперед. Он медленно проговорил, обращаясь к Бэннингу:

— Ты не Валькар.

Глава 4

Тишина, последовавшая за этими словами, длилась, казалось, вечно. И в этой тишине Бэннинг, смотревший в смуглое волчье лицо, чувствовал, как его сердце сжимают ледяные тиски свершившегося... Ну, вот и все. Его раскусили. Что же теперь? Бэннинг вспомнил предостережения Рольфа: плен, Джоммо, смерть...

В отчаянии он подумал, что если сумеет наболтать что—нибудь высокопарное, то, может, удастся выкрутиться, но язык отказывался повиноваться. Он еще не смог заставить себя выдать хоть какой—то звук, как волчелицый поднял бокал с вином и крикнул:

— Но ты будешь им! Мы сражались за тебя прежде, мы будем сражаться за тебя снова! И на этот раз мы увидим тебя на троне, принадлежащем тебе по праву. Слава Валькару!

— Слава Валькару!

Приветственные крики гремели в металлических стенах. Напряжение покинуло Бэннинга, но зоркие, сильные офицеры ошибочно истолковали появившееся на его лице выражение, и вновь разразились восторженными приветствиями. Из потайных уголков сознания Бэннинга неожиданно поднялось чувство гордости. Казалось, что не может и быть иначе, что эти люди по праву и чести приветствуют его как

своего вождя. Бэннинг выпрямился. Он обвел взглядом офицеров и сказал:

— Валькары никогда не испытывали недостатка в верных людях. Я... — он запнулся. Прошло несколько секунд, и он увидел, как на лице Рольфа выражение удовлетворения быстро сменяется тревогой. Неожиданно Бэннинг улыбнулся. Рольф втянул его в эту авантюру, так пусть помучится, пусть попотеет, пусть преданно и верно послужит Валькару. — Дайте вина. Я дам ответ на тост моих офицеров.

Глаза Рольфа сузились, но он вложил в руку Бэннинга бокал.

— Господа! Я дам вам в ответ Старую Империю и свободу звездам!

Гром новых приветственных кликов едва не оглушил его. Бэннинг повернулся к Рольфу и шепнул по-английски:

— Коротко, но эффектно, не правда ли? — и осушил бокал.

Рольф рассмеялся. Он смеялся искренне, и Бэннинг почувствовал, что вместо того, чтобы досадить Рольфу, он сделал для него нечто приятное.

Обращаясь к офицерам, Рольф сказал:

— Все старания Джоммо оказались напрасны. Несмотря ни на что Валькар остался Валькаром. Я знаю. Я давал ему первые уроки. Он по-прежнему Валькар.

Одного за другим Рольф представлял Бэннингу офицеров. Скранн, Ландольф, Кирст, Фелдер, Бурри, Тавн. Они производили впечатление твердых, преданных, целеустремленных людей. Бэннинг подумал, что ему недолго удалось бы прожить, узнай они, что он не Валькар, а всего лишь Нейл Бэннинг из штата Небраска. Он боялся их, и страх обострил его ум, помогая находить нужные слова и властно держаться. Бэннинга изумило, как легко ему удалось быть гордым и властным.

Он начал подумывать о том, что пора бы и удалиться, но тут в кают-компанию вошел молодой ординарец. Он так вытянулся, что Бэннингу почудилось, что он слышит, как в теле юноши от напряжения лопаются жилы.

— Капитан Бехрент шлет свои приветствия, — сказал ординарец, — и спрашивает, не окажет ли Валькар ему честь, посетив рубку? Мы сейчас будем входить в Облако...

Резкий свист, вырвавшийся из вмонтированного высоко в стене громкоговорителя, заглушил последние слова. Голос, раздавшийся после свистка, приказал всем офицерам занять свои места.

Офицеры начали расходиться, смеясь и говоря:

— Такое путешествие всегда рискованно, но на этот раз через Облако пройдем легко, раз у руля будет Валькар...

— Будем входить в Облако, — повторил ординарец, — и капитан уступает...

Свистки из репродуктора, монотонно повторяющиеся приказы, толкотня спешащих к выходу офицеров вновь не дали ему договорить. Наконец он махнул рукой и, с обожанием глядя на Бэннинга, сказал просто:

— Сэр, мы все будем чувствовать себя увереннее в своей безопасности, если сейчас вы будете нашим пилотом.

«О, господи», — подумал Бэннинг и в отчаянии взглянул на Рольфа. Тот улыбнулся и, когда ординарец шагнул назад, сказал:

— О да, ты один из величайших космических пилотов. Для того, чтобы быть королем звезд, ты должен быть хозяином космоса, и тебя обучали этому, как и всех Валькаров, с раннего детства.

— Но я не могу... — пробормотал Бэннинг.

Ординарец придерживал открытую дверь, и времени на разговоры не оставалось. Бэннинг вышел вслед за Рольфом. Он чувствовал себя беспомощным, пойманным в ловушку.

Они вошли в рубку.

Здесь впервые цельная и обыденная подлинность космического корабля, подавляя, навалилась на него. Раньше, в каюте, был всего лишь беглый взгляд в это невероятное окно и принятие рассудком того, что отвергал весь его прежний опыт. Сейчас это стало ужасающей реальностью, в которой люди жили и работали.

Невысокое большое помещение было буквально забито приборами, за показаниями которых напряженно наблюдали корабельные техники. В центре помещения сидел офицер, склонившийся к большому экрану, по которому непрерывным потоком бежал ручеек цифр и символов. Перед офицером стоял предмет, похожий на клавиатуру органа, и Бэннинг догадался, что это и есть сердце и мозг корабля. Бэннинг надеялся, что этот мужчина хорошо умеет «играть» на «органе». Он очень на это надеялся, потому что вид межзвездного пространства, открывающийся на огромном изогнутом видеоэкране, который шел по двум боковым и передней стенам рубки, внушал тревогу даже такому совершенно зеленому новичку, как он.

К ним подошел мужчина с бульдожьим лицом, коротко подстриженными седыми волосами и отдал честь Бэннингу. На нем была темная туника со знаками ранга на груди, и, судя по его виду, навряд ли он привык доверять кому бы то ни было управление своим кораблем. Тем не менее в его голосе не было ни следа иронии или недовольства, когда он сказал Бэннингу:

— Сэр, рубка в вашем распоряжении.

Бэннинг покачал головой. Он по-прежнему смотрел на видеоэкран. Корабль мчался под острым углом к облаку, протянувшемуся через все пространство. Оно темнело, застилая звезды, но все же сквозь него просвечивали мерцающие точки света, танцующие огненные искры, и Бэннинг понял, что это, должно быть, одно из тех облаков космической пыли, о которых он читал в популярных статьях об астрономии, а блестящие точки — обломки планет, отражающие свет всех звезд небосвода. И тут его осенило: они направляются туда!

Капитан глядел на него. Офицер за пультом и техники у приборных панелей тоже бросали на него быстрые взгляды. Бэннинга же начинало подташнивать, он очень боялся.

Слова пришли сами. Почти весело он обратился к Бехренту:

— Мужчине его корабль так же близок, как и собственная жена. Я не хочу оспаривать у вас кого бы то ни было из них.

— Бэннинг сделал вид, что изучает показания приборов, цифры на экране, пульт, словно ему это все давно знакомо.

— И пусть даже я сяду за пульт, — продолжал он, — все равно я не сделаю больше, чем вы уже делаете. — Он шагнул назад, делая неопределенный снисходительный жест, который можно было истолковать как угодно. Бэннинг надеялся, что дрожание его рук не слишком заметно.

— Вне сомнения, — сказал он, — капитан Бехрент не нуждается в моих наставлениях.

Краска гордости залила лицо Бехрента. Его глаза ярко сверкнули.

— По крайней мере, — сказал он, — окажите мне честь, останьтесь.

— Только как зритель. Благодарю вас — Он сел на узкий диван, идущий вдоль стены под видеоэкраном, а Рольф встал рядом. Бэннинг заметил кривую усмешку на губах Рольфа и возненавидел его еще больше. Потом он перевел взгляд на видеоэкран, и ему отчаянно захотелось спрятаться в своей каюте, где можно закрыть иллюминатор. Но потом он подумал: «нет, лучше уж остаться здесь, где, по крайней мере, можно увидеть, как все происходит».

Они приближались к темному Облаку, в котором виднелись лишь блестевшие отраженным светом обломки миров.

Рольф тихо сказал ему по-английски:

— Это единственный способ ускользнуть от сети имперских радаров. Они наблюдают за космическими путями довольно тщательно, а нам не слишком хочется рассказывать о своих делах.

Черная волна Облака, казавшегося твердой стеной мрака, нависла над ними. Бэннинг крепко стиснул челюсти, сдерживая вопль.

Они врезались в стену.

Удара не последовало. Естественно, ведь то была всего лишь пыль, с рассеянными в ней обломками скал. Очень

разреженная пыль, вовсе не похожая на пыль, поднятую в воздух ураганом.

Потемнело. Небо, до того сверкавшее звездными россыпями, словно задернули шторой. Бэннинг, напряженно всматривающийся в видеоэкран, внезапно увидел слабое мерцание, скала размерами с большой дом, кувыряясь, неслась на них. Он вскрикнул, но на пульте шевельнулась рука офицера — и обломок пролетел мимо, точнее, корабль пролетел мимо обломка. Ни малейшего признака инерции, ее погасило силовое поле.

— Ты знаешь, — спокойно сказал Рольф, — тот мальчик говорил правду, ты здесь лучший пилот.

— О нет, — прошептал Бэннинг, — только не я.

Он вцепился в подлокотники потными руками. Казалось, что в течении долгих часов он наблюдал, как корабль, уклоняясь от обломков и петляя, чуть ли не ощупью шел сквозь Облако, проносясь мимо одинаково смертельных при столкновении — были ли они меньше пули или больше Луны — обломков. Но ни один из них не столкнулся с кораблем, и страх Бэннинга сменился благоговейным трепетом. Если капитан Бехрент может вести здесь корабль и тем не менее преклоняется перед Валькаром—пилотом, то, должно быть, Валькар действительно мог совершать нечто необыкновенное.

Наконец, они вышли из Облака на «тропу», чистую полосу между двумя протянувшимися щупальцами космического мусора. Подошел Бехрент и остановился перед Бэннингом. Улыбаясь, он сказал:

— Мы прошли, сэр.

— Хорошо сделано, — ответил Бэннинг. Эти слова слабо отражали то, что он думал. Он был готов пасть ниц перед этим невероятным звездным капитаном и обнять его колени.

— Пожалуй, нам следует отдохнуть, — сказал Рольф.

Когда они вернулись в каюту, Рольф взглянул на Бэннинга и коротко кивнул.

— Ты совершишь это. Я боялся, что Джоммо вместе с памятью уничтожил и твой дух, но теперь вижу, что ему это не удалось.

— Ты ужасно рисковал, — сказал Бэннинг, — тебе следовало хоть немного подготовить меня...

— Я не в состоянии подготовить тебя ко всему, Кайл. Нет, я должен был выяснить, остались ли у тебя прежние выдержка и ум. Ты доказал это.

Собираясь выйти, он повернулся к двери с полупечальной улыбкой.

— Теперь тебе надо выспаться, Кайл. Мы подойдем к Антаресу через тринадцать часов, а тебе следует быть там отдохнувшим.

— Почему? — спросил Бэннинг с внезапным предчувствием опасности.

Голос Рольфа звучал напряженно.

— Еще одно испытание, Кайл. Я собираюсь доказать тебе самому и всем остальным, что ты — Валькар.

Он ушел, а Бэннинг забылся тревожным сном.

Через несколько часов Бэннинг вновь стоял рядом с Рольфом в рубке, наблюдая за своей первой посадкой, полный страха перед ожидавшей его неизвестностью. Вид Антареса подавлял: огромное красное солнце, рядом с которым совершенно терялся его спутник, звездный карлик. В этом угрюмом зловещем сиянии, заполнившем четверть неба, казалось, что корабль плывет в море крови. Лица и руки людей в рубке были словно вымазаны кровью, и Бэннинг внутренне содрогнулся. Он мечтал побыстрее приземлиться в Катунне.

Бэннинг захотел этого еще больше, когда наконец увидел планету, летящую к ним через мрачный свет — тусклый призрачный мир, выглядевший так, словно люди оставили его давным-давно.

— Когда-то это был могущественный мир, — как будто прочитав его мысли, тихо сказал Рольф. — Сердце и мозг

Старой Империи, которая правила половиной Галактики, тронный мир Валькаров. Он может снова стать таким.

Бэннинг взглянул на Рольфа:

— Если вы найдете Молот и используете его против Новой Империи, не так ли?

— Так, Кайл. Это то, что ты должен сделать.

— Я?! — воскликнул Бэннинг. — Ты безумец! Я не ваш Валькар! Даже если бы я и был им, как я, лишенный памяти, найду Молот?

— Тебя лишил памяти Джоммо, — свирепо сказал Рольф, — он сможет и вернуть ее.

Ошеломленный Бэннинг умолк. Только сейчас он начал понимать размах и смелость планов Рольфа.

Корабль мчался к планете. Он коснулся атмосферы и погрузился в кровавый, все более густой и плотный туман. Бэннинг почувствовал удушье.

Начали появляться детали планеты: горные хребты, темные леса, сплошь покрывавшие континенты, угрюмые океаны, цепочки озер. Рольф говорил, что сейчас Катуун почти полностью пустынен, но человеку с Земли трудно представить картину целого мира, совершенно лишнего городов, звуков, людей. Глядя вниз, пока корабль опускался по длинной спирали, он нашел этот мир невыразимо суровым и печальным. Это ощущение возросло еще больше, когда он увидел руины, белые кости городов по берегам морей, озер и океанов, обширные проплешины в лесах, где деревьям мешали мостовые или могильники поваленных камней. Одно такое огромное бесплодное пятно — он знал это инстинктивно — когда-то было космическим портом, полным кораблей с бесчисленных звезд.

Впереди выросла горная цепь, вздымающаяся к небу острые пики. Корабль снижался, теряя скорость, и наконец без всякого толчка или сотрясения замер на плато, тянувшемся у подножия гор и служившего естественной посадочной площадкой.

Казалось, все ждали от Бэннинга, что он первым выйдет наружу, в свой мир. Он, сопровождаемый Рольфом, так и сделал. Бэннинг шел медленно, и снова все ему казалось сном. Небо, прохладный свежий ветер, несущий странные запахи, почва под ногами — все кричало о том, что он здесь чужой, и он не мог избавиться от этого ощущения.

Офицеры вышли вслед за ними, и капитан Бехрент нетерпеливо посмотрел на небо.

— Других еще нет, — сказал он.

— Скоро будут, — отозвался Рольф. — Им надо найти свои тайные пути. На это требуется время. — Он повернулся к Бэннингу. — Отсюда, — сказал он по-английски, — мы с тобой пойдем одни.

Бэннинг посмотрел вниз. Широкая, разрушенная временем дорога вела в долину. Там было озеро, а на его берегу — город. Лес вырос вновь, где только было возможно — чащи чужих деревьев, увитых неземными лианами, заросли кустарника. Но он все же не мог спрятать огромный город. По-прежнему возвышались колонны ворот, а за ними виднелись проспекты и площади, дворцы с провалившимися крышами, мощные арки и стены — и все безмолвное в красном свете на берегу спокойного, печального озера.

Они молча шли по дороге. Когда они спустились с возвышенности, ветер стих, и только звук их шагов нарушал тишину. Антарес тяжело нависал над горизонтом, «на западе», как определил для себя Бэннинг. Ему, привыкшему к маленькому яркому солнцу, Антарес казался огромным тусклым шаром, лишь загромаждающим небо.

В долине было теплее. Он ощущал запахи леса, но в них не было и признака чего-либо, сделанного человеком. Город теперь был гораздо ближе. В нем не было заметно ни малейшего движения, не доносилось ни звука.

— Судя по твоим словам, — сказал Бэннинг, — я считал, что кто-то по-прежнему здесь живет.

— Идем к воротам, — только и ответил Рольф. Бэннинг повернулся и посмотрел на него.

— Ты чего—то боишься?

— Возможно.

— Чего? Почему мы идем одни? — Он внезапно протянул руку и схватил Рольфа за воротник туники, едва не задушив.
— Зачем ты ведешь меня туда?

Лицо Рольфа стало совершенно белым. Он не поднял руку, не напряг мускулы, чтобы освободиться от хватки Бэннинга. Он только сказал голосом чуть громче шепота:

— Ты подписываешь мой смертный приговор. Ради Бога, дай мне идти, пока еще...

Он не договорил. Его взгляд уперся во что—то за спиной Бэннинга.

— Будь осторожен, Кайл, — прошептал он. — Будь осторожен во всем, что станешь делать, иначе мы оба пропали.

Глава 5

Искренняя убежденность, прозвучавшая в голосе Рольфа, заставила Бэннинга поверить, что это не трюк. Он ослабил хватку, чувствуя, как по спине бегут мурашки от сознания того, что сзади кто—то есть.

Очень медленно он повернул голову.

Рольф сказал:

— Стой спокойно. Прошло десять лет с тех пор, как они тебя видели последний раз. Дай им время и ни в коем случае не беги.

Бэннинг и не думал бежать. Оцепеневший, он недвижимо стоял и смотрел на существа, выходящие из городских ворот. Существа двигались очень тихо, пока он занимался с Рольфом, и теперь за их спинами полукругом стояла целая толпа, делая бесполезной любую попытку к бегству. Это были не люди. Однако это были и не животные. Они не походили ни на что, что Бэннингу приходилось видеть в кошмарах или наяву. Но они выглядели быстрыми и сильными. Похоже, убить человека они смогли бы без особых усилий.

— Они твои телохранители и слуги, верные псы Валькаров, — прошептал Рольф. — Заговори с ними.

Бэннинг во все глаза смотрел на них. Существа были ростом со взрослого человека, но форма тела не была человеческой. Узловатые, горбатые тела, несколько ног. Больше всего они походили на гигантских быстрых пауков. Они были безволосы, только на гладкой сероватой коже ярким цветом выделялся прихотливый узор, не то — естественный, не то — татуировка. Пожалуй, это было даже красиво. Почти во всем можно найти красоту, стоит только ее поискать. Почти во всем...

— Что мне сказать?

— Напомни, что они твои!

Маленькие круглые головы и лица, детские лица с круглыми подбородками, небольшими глазами... Что было во взглядах этих устремленных на него глаз?

Существа зашевелились и подняли свои тонкие руки. Бэннинг мельком заметил, что руки заканчиваются безжалостными когтями. Один из них, стоявший впереди, как предводитель, внезапно заговорил неожиданно мелодичным свистящим голосом:

— Только Валькар может войти в эти ворота. Вы умрете.

И Бэннинг ответил:

— Смотри внимательно! Или твоя память так коротка?

Что было в этих взглядах? Мудрость? Жестокость? Мысли иных существ, которые человек не в состоянии понять?

Молчание. Огромные белые монолиты — остатки ворот — вздымали вверх свои разрушенные верхушки. На монолитах местами сохранилась резьба, изображающая таких же стражей—пауков, что окружали их теперь.

Они с сухим клецаньем зашевелились, множество рук потянулось к Бэннингу. Он понимал, что когти на этих руках могут разорвать его на части с невероятной быстротой. Сопротивление или бегство было бессмысленно. Оставалось

одно — продолжить эту отчаянно опасную игру. Бэннинг заставил себя приветственно раскрыть объятия.

— Мои верные паучата, — сказал он.

Тот, кто заговорил с ним, их вождь, пронзительно вскрикнул. Остальные подхватили этот клич, он эхом отразился от каменных стен города, лежавшего за их спинами, и сейчас Бэннинг совершенно ясно увидел, что за чувство было в этих устремленных на него взглядах круглых детских глаз. Любовь. И их вид вдруг перестал казаться таким отвратительно чуждым. Вождь схватил руку Бэннинга и прижал ее к своему прохладному лбу, и прикосновение к гладкой серой коже не вызвало в

Бэннинге никакой брезгливости. Но, с другой стороны, именно это испугало его.

— Кто он такой? — спросил он Рольфа по-английски. Рольф облегченно рассмеялся.

— Сохмсей качал твою колыбель и катал маленького Кайла на спине. Почему ты боишься его?

— Нет, — упрямо сказал Бэннинг, — нет, я не верю. Я не могу поверить в это.

Рольф недоверчиво посмотрел на него:

— Ты хочешь сказать, что даже сейчас можешь сомневаться, но ведь они узнали тебя! Слушай, Кайл, десятки тысяч лет назад Валькары переселили сюда Арраки с далеких окраин галактики, из мира умирающей звезды. С тех пор они верой и правдой служат Валькарам, и только им. То, что в эту минуту ты все еще жив, доказывает, кто ты есть на самом деле.

Сохмсей бросил на Рольфа косой взгляд и шепнул Бэннингу:

— Я знаю этого, называемого Рольфом. Будет ли твоя воля на то, чтобы он жил, господин?

— На то будет моя воля, — ответил Бэннинг.

Глубокое сомнение проникло в его душу. Эти существа, легкость, с которой он усвоил язык, инстинктивное понимание, как надо вести себя, приходившее временами из подсознания, загадка Гринвилля — так, может, все правда? Может, он настоящий Валькар, повелитель этого города, повелитель павшей империи, которая некогда правила мириадами звезд?

Нет, нет! Человек должен верить в подлинность своего «я», иначе он погиб. Настоящим был Нейл Бэннинг, настоящей была его жизнь. Пусть Арраки нелюди, но их так же, как и людей, могло одурачить внешнее сходство. Просто Рольф удачно выбрал двойника, вот и все.

Он высказал эти соображения по-английски, и Рольф покачал головой.

— Упрямство всегда было твоим главным недостатком, — сказал он. — Спроси хоть у Сохмсея. — Перейдя на свой язык, он продолжил: — Они проводят тебя домой, Кайл. Я возвращаюсь. Остальные скоро придут, и я должен встретить их на плато. Когда соберутся все, я приведу сюда капитанов.

Он отсалютовал Арраки и пошел обратно по разрушенной дороге. Бэннинг недолго смотрел ему вслед и, отвернувшись, тут же забыл о Рольфе. Все его страхи исчезли, и он страстно хотел осмотреть город.

— Ты пойдешь домой сейчас, господин? — негромко спросил Сохмсей.

— Да, — ответил Бэннинг. — Я пойду домой.

Он прошел через ворота, сопровождаемый Сохмсеем, который шел по его правую руку. Их окружала шумящая, обожающая толпа, и Бэннинг почти физически ощущал это обожание. Он подумал, что древние Валькары хорошо выбрали себе телохранителей, верных и преданных. Насколько — это он выяснит позже.

Этот звездный Вавилон был огромен. Во времена его расцвета здесь, должно быть, голова шла кругом от сверкающих красок, шума, блеска сокровищ бесчисленных миров. Перед мысленным взором Бэннинга проплывали воображаемые картины посольств, идущих вниз по этой, теперь разрушенной дороге, принцев Цефея, королей Бетельгейзе, вождей наполовину варварских племен с диких миров созвездия Геркулеса, спешащих преклонить колени в Городе Королей, городе Валькаров. А сейчас только тишина и красные сумерки наполняли улицы и развалины дворцов.

— Город снова оживет, — прошептал Сохмсей, — теперь ты дома.

И Бэннинг коротко ответил: «Да».

От ворот в центр города тянулся широкий проспект. Бэннинг шел вперед, ступая по вдавленным плитам, а ноги его свиты клацали и шаркали по камням. В конце проспекта, у самого озера, возвышался дворец из белого мрамора, возвышался над всем городом, подавляя своими размерами и

мощью. Бэннинг шел к нему. Проспект расширился и превратился в огромную площадь, по границам которой, когда-то стояли статуи гигантских размеров. Грустная улыбка тронула губы Бэннинга. Многие статуи рухнули на плиты площади, да и оставшихся стоять изувечила жестокая рука Времени. Но когда они все стояли — целые и невредимые, мощные фигуры, устремленные к звездам, держащие солнца в своих могучих руках, — их вид должен был внушать трепет, доказывать посольствам их ничтожество перед непреодолимой мощью Империи, так что тронного зала посольства достигали, уже подготовленные должным образом.

Теперь руки статуй сломались, и звезды выпали из них, а глаза, обращенные к идущим, были запорошены пылью веков и слепы.

— Господин, — обратился Сохмсей к Бэннингу, поднимавшемуся по дворцовой лестнице, — за время твоего отсутствия внутренняя галерея обрушилась. Мы пойдем тут.

Он повел Бэннинга к меньшей боковой двери. За ней оказались развалины и обломки. Большие каменные блоки попадали, обрушился и главный свод, и над головой теперь было открытое небо. Но внутренние арки по-прежнему стояли, сохранились кое-где и стены галерей, украшенные удивительной резьбой. Главный зал, подумал Бэннинг, мог бы вместить не меньше десяти тысяч человек.

В дальнем конце зала в тусклом кровавом свете он разглядел трон. И изумился, ощутив, как от вида этого запустения в нем поднимался горячий гнев.

Сохмсей быстро шел впереди, и Бэннинг следовал за ним, пробираясь между каменными завалами. Они прошли разрушенную галерею и оказались в низкой пристройке, выходящей на озеро. Бэннинг догадался, что здесь располагались личные апартаменты Валькаров. Эта пристройка довольно хорошо сохранилась, как если бы долгие усилия поддерживали ее в пригодном для обитания состоянии. Когда он вошел внутрь, то увидел, что всюду чисто, все заботливо

прибрано, обстановка на месте, металлические орнаменты и детали сверкали.

— Мы держали все наготове, — сказал Сохмсей, — мы знали, что придет день — и ты вернешься.

Бэннинг медленно брел через пустынные комнаты. Здесь сильнее, чем где-либо в городе, он ощутил груз столетий непрерывного правления, гордости и традиций, неизгладимый отпечаток человеческих индивидуальностей мужчин и женщин, создавших все это. Ощущение усилилось при виде безделушек, портретов, антикварных вещей и всевозможных коллекций, собранных на других мирах. Их вид, заброшенных и забытых всеми, за исключением охраняющих их Арраки, наводил грусть...

Из высокого окна одной из комнат открывался вид на озеро. Обстановка, теперь слегка запущенная, была богатой, но без излишеств: книги, карты, обычные и звездные, модели кораблей и многое другое. Массивный стол и рядом с ним старое кресло. Бэннинг опустился в кресло, и изношенная обивка приняла его тело со знакомым удобством. Через дверь в правой стене он увидел в другой комнате высокое ложе; на пурпурном пологие был изображен символ солнца. На левой стене между книжными полками висел портрет человека в полный рост — его портрет.

Ужас охватил Бэннинга. Он почувствовал, как Нейл Бэннинг начинает исчезать, словно снимают маску, скрывающую другое лицо. Он вскочил и отвернулся от портрета, от слишком удобного для него кресла, от ложа с королевским пологом. С трудом удерживая в себе Нейла Бэннинга, он вышел на террасу за окном, где смог дышать свободнее и думать яснее.

Сохмсей последовал за ним. Бэннинг смотрел на темнеющее в красных сумерках озеро, и Сохмсей заговорил:

— Ты пришел домой, как когда-то пришел твой отец. И Стражи возликовали, ибо многие поколения наших повелителей не было с нами, и мы были так одиноки.

«Одиноки?» Странные пафос этих слов тронул сердце Бэннинга. Эти полулюди—полупауки, пронесшие преданность своим повелителям Валькарам через все мертвые тысячелетия, миновавшие со дня падения империи, ждавшие в своем разрушенном мире, ждавшие и надеявшиеся. И наконец Валькар возвращается. Рольф рассказал ему, как отец Кайла вернулся в древний тронный мир, который другие в страхе избегали, чтобы его сын вырос, помня о былом величии Валькаров.

— Господин, — продолжал своим свистящим шепотом Сохмсей, — в ночь твоего рождения твой отец положил младенца в мои руки и сказал: «Поручаю его тебе, Сохмсей. Будь его тенью, его правой рукой, его щитом».

— Так оно и было, Сохмсей.

— Да. После смерти твоих родителей я заботился о тебе. Я ненавидел даже Рольфа, потому что он мог учить тебя человеческим искусствам, а я — нет. Но сейчас, господин, ты другой.

Бэннинг взглянул на него:

— Другой?

— Да, господин. Твое тело то же самое. Но разум уже не тот.

Бэннинг смотрел в странные темные глаза, нечеловечески мудрые, любящие глаза, и дрожь пробежала по его телу. Но тут сверху донесся звук. Он взглянул на небо и увидел сверкающую искорку, пересекающую огромный диск Антареса и снижающуюся к западу. Искорка, растущая на глазах, превратилась в корабль и скрылась за дворцом. Бэннинг знал, что корабль опустится на плато.

Ему стало холодно, очень холодно, словно сумрачное озеро дышало морозом.

— Сохмсей, ты не должен говорить другим, что мой разум изменился, — прошептал он. — Если это узнают, меня ждет смерть.

Еще один корабль промчался к плато. И еще один. Быстро темнело.

— Они не узнают, — сказал Сохмсей.

Бэннингу по-прежнему было холодно. Эти Арраки, не обладают ли они какими-то парапсихическими особенностями? И, может, благодаря им Сохмсей ощущает, что он не Валькар?

Вскоре в темнеющую комнату быстрыми шелестящими шагами вошел еще один Арраки. Он был меньше и светлее Сохмсея, с более тусклым узором на коже.

— Это Киш, мой сын, — сказал Сохмсей. — Он молод, но подает надежды. После моей смерти он будет служить Валькарам.

— Господин, — сказал Киш и склонил голову, — Человек по имени Рольф и другие идут сюда. Должны ли Стражи позволить им войти?

— Пусть войдут, — ответил Бэннинг. — Веди их сюда.

— Не сюда, — возразил Сохмсей. — Здесь неподобающее место. Валькар принимает слуг, сидя на своем троне.

Киш умчался прочь. Сохмсей провел Бэннинга через темные комнаты и развалины. Бэннинг радовался, что у него есть проводник, иначе бы он непрестанно спотыкался о рухнувшие каменные глыбы. Когда они подошли к главному залу, туда уже входили Арраки с факелами.

Неровный багровый свет факелов почти не освещал мрачные руины, но через большой пролом в потолке две желтые луны лили слабый призрачный свет. В этом обманчивом свете Бэннинг проследовал за Сохмсеем к черному каменному трону. На нем совершенно не было резьбы — и это отсутствие украшающего орнамента говорило о величии, не нуждающемся в подчеркивании. Бэннинг уселся на трон, и среди Арраки раздался свистящий восторженный шепот.

Пожалуй, подумал Бэннинг, легко, сидя здесь на троне, вообразить себя королем. Он смотрел через разрушенный вход вдоль широкого проспекта колоссов и видел факелы других Арраки, освещавших дорогу Рольфу, ведущему капитанов. Легко было вообразить, что это идут великие принцы далеких звезд, аристократы и купцы могущественной

галактической империи древних времен, несущие дань из дальних миров своему повелителю...

Повелителю? Повелителю теней этого мертвого города в разрушенном, затерянном мире. Его подданные — лишь Арраки, псы Валькаров, оставшиеся преданными, хотя за это время родились и умерли звезды. Его величие — только жалкое притворство, такой же фантом, как и давно умершая Старая Империя...

Руки Бэннинга стиснули каменные подлокотники. Он слишком долго думал так, как, по его мнению, думал бы Валькар.

«Ты—то не король из рода королей, — свирепо сказал он себе. — Ты просто человечешко в лапах Рольфа, которого он собирается использовать в своих интересах — если ты ему это позволишь».

В огромный зал вошли Рольф и по крайней мере еще человек двадцать, сопровождаемые факелоносцами. Вошедшие искоса поглядывали на Арраки. Страх перед Стражами по—прежнему был жив, и нетрудно было догадаться, почему этот древний королевский мир так редко посещается.

Сейчас Бэннинг мог разглядеть лица вошедших. За исключением капитана Бехрента и нескольких офицеров с его корабля, все остальные были незнакомы ему и представляли довольно пеструю компанию. Некоторые выглядели честными вояками, солдатами, служившими делу, в которое верили. Другие имели вид отъявленных негодяев, готовых ради выгоды предать кого угодно и что угодно. Все они остановились шагах в десяти и устремили взгляды вверх, на черный трон, где сидел Бэннинг, а рядом с ним укрылся в тени Сохмсей.

— Привет Валькару! — воскликнул Бехрент, и остальные нестройно подхватили приветствие.

Рольф шагнул к трону. Он тихо сказал по—английски:

— Позволь мне руководить ими. Думаю, мне удастся добиться их согласия.

— Согласия на что? — спросил Бэннинг сердитым шепотом.

— На рейд к Ригелю, — спокойно ответил Рольф. — Нам это необходимо, Кайл. Там Джоммо, и только он может вернуть тебе память. А когда ты все вспомнишь, мы получим Молот.

Бэннинга ошеломила невероятная дерзость задуманного Рольфом. С горсткой людей совершить налет на Ригель, столицу Новой Империи — да это же совершенное безумие!

А потом в его мозгу вспыхнула новая мысль: раз Рольф предложил такой план, значит он все-таки... Впрочем, возможно, что Рольф ведет более тонкую игру, чем он думал...

Рольф церемониально поклонился Бэннингу и повернулся, чтобы представить капитанов.

— Берегись! — внезапно прошептал Сохмсей. — Среди них предательство — и смерть!

Бэннинг вздрогнул. Он вспомнил странные парасихические особенности Арраки и почувствовал, как по его напрягшемуся телу прошел холодок.

Рольф выпрямился, и его голос загремел в огромном зале:

— Я рассказал им о твоём замысле, Кайл! И уверен, что каждый присутствующий здесь капитан последует за тобой!

Глава 6

Слова Рольфа вызвали рев одобрения, и один из этих странных капитанов, высокий смуглый мужчина, шагнул вперед и преклонил колено перед тронем с улыбкой на лице, настолько явно выдававшим порочность его владычества, что это прямо-таки очаровало Бэннинга.

Капитан воскликнул:

— Я последую за любым, кто поведет меня похитить Императрицу! И Джоммо сам по себе — немалая задача, но Тэрэния! Если ты справишься с этим, Валькар, ты сможешь легко сесть на трон!

Лишь благодаря настороженности, разбуженной в нем шепотом Сохмсея, Бэннингу удалось скрыть свое изумление. Одно дело совершить налет на столицу, захватить Джоммо и заставить его что-то сделать. Но совсем другое — поднять руку на суверена. А из темных уголков подсознания выплыла другая мысль: «Тэрэния — вот ответ! Получить ее — значит получить звезды!»

Бэннинг решил, что какие бы не были у Рольфа недостатки, в отсутствии смелости его упрекнуть нельзя.

Смуглый человек у подножия трона поднялся:

— Я Хорик, и я команду легким крейсером «Звездный поток», команда — сто человек. Дай мне руку, Валькар.

Бэннинг взглянул на Сохмсея:

— Этот?

Арраки покачал головой. Взгляд его странных блестящих глаз был устремлен на капитанов.

Бэннинг наклонился и сказал Хорику:

— Положим, я захватил власть в Империи, что ты потребуешь за свою помощь?

Хорик расхохотался:

— Во всяком случае, не благодарность. Я следую за тобой не по зову сердца, но по зову золота. Это понятно?

— Достаточно честно, — ответил Бэннинг и пожал протянутую руку.

Хорик отступил обратно, и Бэннинг обратился к Рольфу:

— Ты не говорил им о деталях плана?

Рольф отрицательно покачал головой:

— Это отложено до окончательного совета, который состоится после того, как они свяжут себя обязательством.

— Мудро, — цинично сказал Бэннинг.

Рольф взглянул на него:

— Я мудр, Кайл. И не так уж много времени понадобится, чтобы ты убедился, насколько я мудр.

Подошел другой капитан, и Рольф спокойно продолжал:

— Ты должен помнить капитана Вартиса, который и прежде сражался за тебя.

— Конечно, я его помню, — солгал Бэннинг. — Добро пожаловать, Вартис. — И он подал руку.

Вартис был одним из честно выглядевших капитанов, старых солдат, верных до последнего дыхания. Бэннинг вспомнил о Красавчике Принце Чарли¹ и понадеялся, что его собственная авантюра будет иметь лучший исход. Потому что сейчас это была его авантюра, нравилась ему она или нет. И победа — единственный способ выкарабкаться из нее живым. Так что он обязан победить, если это в человеческих или сверхчеловеческих силах. Совесть не слишком мучила его. Тэрэния, Джоммо, Новая Империя — в конце концов, для Бэннинга это были всего лишь слова.

Ему начинало нравиться это восседание на троне. Капитаны подходили один за другим и пожимали его руку. Некоторые выглядели негодяями, другие честными людьми, и каждый раз Бэннинг бросал взгляд на Сохмсея, который наблюдал за подходившими и как будто к чему-то прислушивался. Наконец осталось только четверо. Бэннинг вглядывался в их лица — трое, судя по виду, могли продать собственную мать, и Бэннинг решили, что предатель — один из них. Четвертый, рассудительный на вид человек с открытым лицом, в опрятной форменной тунике уже преклонил колено, и Рольф говорил:

— Зурдис прикрывал твое отступление у...

Внезапно Сохмсей прыгнул вперед с пронзительным криком, от которого кровь стыла в жилах, и его когтистые пальцы сомкнулись на горле Зурдиса.

В зале раздались восклицания ужаса, и люди подались к трону. Арраки тоже зашевелились в темных нишах и двинулись вперед. Бэннинг встал:

— Спокойно! И вы, мои верные Стражи, стойте! Воцарилось напряженная, как тетива натянутого лука, тишина.

¹ Красавчик Принц Чарли — одно из прозвищ принца Карла Стюарта (1720—1788), неудачно пытавшегося захватить шотландский трон.

Бэннинг слышал за спиной тяжелое дыхание Рольфа, а внизу, у подножия трона, застыл коленопреклоненный Зурдис. Сохмсей улыбнулся:

— Господин, вот он!

— Пусть он встанет, — приказал Бэннинг.

Сохмсей неохотно убрал руки. Там, где когти прокололи кожу на толстой загорелой шее капитана, выступили капельки крови.

— Так, — сказал Бэннинг, — значит, один из моих людей, моих честных капитанов предал меня.

Зурдис не ответил. Он посмотрел на Сохмсея, на далекую дверь и снова на Бэннинга.

— Рассказывай, — приказал Бэннинг, — рассказывай, и побыстрее, Зурдис.

— Это клевета! — воскликнул тот. — Пусть эта тварь убежится! Какое у нее право...

— Сохмсей, — мягко сказал Бэннинг.

Арраки протянул руки, и Зурдис с воплем скорчился. Он снова упал на колени.

— Ладно, — быстро заговорил он. — Ладно, я вам все расскажу. Да, я продал тебя, почему бы и нет? Что я могу достичь здесь, кроме ран и изгнания? Когда я получил от Рольфа известие о этой встрече, я обо все сообщил Джоммо. И теперь над Катууном летает крейсер, ожидающий моего сигнала! Я должен был разузнать твои планы, твои силы, кто с тобой — и, кроме того, в самом ли деле вернулся истинный Валькар, или ты самозванец, марионетка, нитки от которой в руках Рольфа.

— И что же? — спросил Бэннинг. Его сердце внезапно забилось быстрее.

Лицо Зурдиса, совершенно бескровное и свирепое, искалось пародией на улыбку.

— Ты Валькар, все верно. И, полагаю, ты доставишь своим грязным Арраки удовольствие поиграть со мной живым. Но это мало что даст тебе. На крейсере хотели бы, конечно, услышать мой доклад, но, если его не будет, они все

равно спустятся сюда. Это тяжелый крейсер класса «А». Не думаю, что вам удастся сильно ему повредить.

Среди капитанов раздались возгласы, в которых изумление смешивалось со страхом. Бэннинг услышал, как Рольф ругается сквозь зубы. Один из капитанов крикнул:

— Надо попытаться по—тихому убраться отсюда, пока на крейсере ждут его рапорт!

Началось общее движение к двери. Бэннинг понимал, что, если они уйдут, за его жизнь нельзя будет дать и ломаного гроша. Ради спасения своей шкуры он должен в совершенстве играть роль Валькара. Он закричал, останавливая капитанов:

— Погодите! Вы что, хотите, чтобы за нами охотились по всему космосу?! Слушайте, у меня есть идея получше! — Он повернулся к Рольфу. — Забудь старый план, у меня есть другой. Слушайте внимательно, вы, идиоты, называющие себя капитанами: мы хотим добраться до самого трона и стащить с него императрицу. Что может быть лучше, нежели проделывать все это на их собственном корабле?

Понемногу они начали понимать идею Бэннинга. Чем больше они ее обдумывали, тем больше им нравились ее неожиданность и смелость. Зурдис недоверчиво посмотрел на Бэннинга, и внезапно в его глазах появилась надежда.

— Они ждут донесение, — продолжал Бэннинг. — и они его получают! — Он спустился вниз и, проходя мимо Зурдуса, указал на него: — Тащи его, Сохмсей! Живого! Ты и другие Арраки, следуйте за мной, и я объясню, как вы можете услужить Валькару. — Он повернул голову и вызывающе ухмыльнулся в лицо Рольфу, все еще стоявшему на ступенях трона. — Ты идешь?

Из груди Рольфа вырвался ликующий смех.

— Я, — сказал он, — последую за тобой, как тень, господин! — Впервые он назвал Бэннинга так.

Хорик, смуглолицый капитан «Звездного потока», пронзительно заорал:

— Мы твои охотничьи псы, Валькар! Веди нас, если тебе угодно затравить крейсер!

Остальные одобрительными криками поддержали Хорика и, следуя за Бэннингом, вышли на ночные улицы, сопровождаемый факельщиками Арраки. И у Бэннинга, глядевшего на руины и поваленных колоссов, залитых тусклым светом бледных лун, слышавшего шаги и возгласы капитанов, готовящихся к предстоящей схватке, невольно мелькнула мысль: «Это безумный сон, и когда—нибудь я обязательно проснусь. Но пока...»

Он повернулся к Рольфу и спросил по—английски:

— У тебя был план?

— О да! Тщательно разработанный и умный, который, возможно, и удался бы — но мы потеряли бы много кораблей.

— Рольф.

— Да?

— Что ты им рассказал, что бы втянуть в такое?

— Полуправду. Я сказал, что у Джоммо есть ключ к секрету Молота, который он украл у тебя, и нам необходимо вернуть этот ключ. Думаю, нет нужды объяснять им, что ключ — твоя память, уже вернувшаяся к тебе, по их мнению.

— Гмм. Рольф.

— Что еще?

— Больше не отдавай распоряжений за меня.

— Теперь не буду, — спокойно сказал Рольф. — Пожалуй, я могу довериться твоим способностям.

«А пока, подумал Бэннинг, — самозванец, или нет, я должен играть роль Валькара, если хочу спасти от смерти Нейла Бэннинга».

Они прошли главные ворота города. За воротами Бэннинг остановился и оглянулся. В дальнем конце проспекта, освещенного светом многих факелов, вырисовывался силуэт огромного дворца, и пламя факелов казалось мрачным издевательским напоминанием о жизни в этом мертвом заброшенном мире. Бэннинг кивнул и заговорил, отдавая

приказы Арраки и капитанам. Один за другим люди и нелюди исчезали в джунглях. Наконец рядом с Бэннингом остались лишь Рольф, Бехрент и двое Арраки — Сохмсей и Киш, — державшие Зурдиса.

Они пошли вверх на плато по разрушенной дороге. Пока они поднимались, Бэннинг инструктировал Зурдиса, который внимательно его слушал.

— Возможно, люди Зурдиса попытаются отбить его, — сказал Рольф, и Бэннинг кивнул.

— Бехрент и Хорик справятся с этим, за ними будут и все другие команды. «Немногим нравятся предатели», — сказал он.

— Я действовал один, — угрюмо произнес Зурдис — К чему делить добычу? Все мои люди верны Валькару.

— Хорошо, — сказал Бэннинг и повернулся к Бехренту, — но ты это проверь!

На плато Бэннинг, сопровождаемый Рольфом, Зурдисом и двумя Арраки, прошел прямо в радиорубку своего корабля. Дремавший дежурный радист испуганно вскочил и начал бешено работать. Бэннинг посадил Зурдиса за микрофон. За спиной капитана встал Сохмсей и прижал когти к его горлу.

— Сохмсей услышит твои мысли до того, как ты произнесешь их вслух, — сказал Бэннинг. — Если ты задумаешь измену, то умрешь, не успев сказать ни слова. — Он сделал повелительный жест. — Начинай.

Голос уже подтвердил получение вызова. Медленно, очень ровным голосом Зурдис заговорил в микрофон:

— Здесь Зурдис. Слушайте. Рольф привез не Валькара, и половина капитанов поняла это. Сейчас они спорят в тронном зале дворца. Они дезорганизованы, и охрана не выставлена. Арраки там тоже нет, и если вы сядете сейчас в джунглях у городских ворот, то сможете без труда захватить всех.

— Хорошо, — ответил голос. — Ты уверен, что этот человек не Валькар?

— Уверен.

— Я немедленно сообщу Джоммо, это успокоит его. Но, пожалуй, мне слегка досадно: для меня было бы большой честью захватить настоящего Валькара. Ладно, Рольф и все заговорщики — тоже неплохо. Мы сядем через двадцать минут. Ты держись в стороне.

В приемнике раздался щелчок. Зурдис посмотрел на Бэннинга, тот обратился к Сохмсею:

— Что в его мыслях?

— Господин, — ответил Арраки, — он думает, как бы ему ускользнуть и предупредить команду крейсера. Он думает о многом, чего не может скрыть, и нет среди этих мыслей хороших.

— Убрать его! — резко приказал Бэннинг.

Арраки утащили Зурдиса, а Бэннинг круто повернулся к Рольфу:

— Я не желаю убийств без необходимости, когда появится крейсер! Запомни это!

Когда они вышли из рубки, Рольф вручил ему оружие. Цереброшокеры не годились для такого горячего дела, у них был слишком ограниченный радиус действия. Оружие, взятое у Рольфа, напоминало кургузый пистолет и стреляло разрывными пулями. Бэннинг не был вполне уверен, что сможет стрелять из «пистолета», хотя Рольф и объяснил, как это делается.

Когда они вышли из корабля, люди уже построились и ждали. Киш и Сохмсей заняли свои места за спиной Бэннинга. Они вернулись одни.

— Прекрасно, — сказал Бэннинг. — Быстро сделано.

Отряд в призрачном лунном свете углублялся в темную чащу долины. Вдруг Бэннинг крикнул:

— Скройтесь! Они спускаются!

Не успели люди укрыться в черных зарослях, как над головами пронесся быстро снижающийся огромный черный призрак. На миг Бэннинга охватила паника, ему показалось, что огромная масса опускается прямо на них, грозя раздавить и его самого, и всех его людей. Потом он понял, что это

только оптическая иллюзия, крейсер, ломая деревья, опустился в зарослях несколькими сотнями ярдов дальше, как Бэннинг и планировал, как раз между двумя его отрядами. Порыв ветра обрушился на лес, хлестнул ветви над головами, и перед их лицами закружились листья и ветки. Потом воцарилась тишина, и Бэннинг во главе отряда двинулся дальше.

Люди из крейсера в полном вооружении уже вышли наружу и построились, но, не ожидая здесь ничего опасного, больше были озабочены тем, как в темноте, через завалы добраться до цели. И когда внезапно появившиеся отряды Бэннинга ударили по ним, они оказались словно между молотом и наковальней. Из крейсера выскакивали новые люди, началась стрельба, пули взрывались, как маленькие звезды, и многие остались лежать мертвыми среди деревьев. Вспыхнули прожектора крейсера, превратив ландшафт в путанный узор ослепительного света и черных теней. Осветилась фантасмагорическая картина смешавшихся в дикой схватке людей и Арраки. Сохмсей издал долгий завывающий вопль, и все больше Арраки появлялось на этот зов. Они мчались, как дети, которых позвали играть, и их странные глаза ярко сверкали.

С Бэннингом во главе они ворвались в открытый люк крейсера, в шлюзовую камеру и дальше в коридоры, гоня перед собой перепуганных людей, топча их своими быстрыми ногами, выметая их из корабля, как метлой. Нескольких Арраки убили, нескольких ранили. Но теперь Бэннинг знал, что его предположения оказались правильными, что его слуги — полулюди—полупауки — оказались сильнейшим оружием против людей, которые слышали о них только в легендах и старых бабьих сказках. Внезапное появление из мрака народа Сохмсея, их вид и вопли — этого оказалось вполне достаточно, чтобы деморализовать всех, кроме самых храбрых, но и храбрейшие не устояли перед непреодолимым натиском. Арраки, повинуясь приказу Бэннинга, избегали убийств, если в этом не было необходимости, но

вымели корабль они чисто, и Сохмсей с Кишем ворвались в радиорубку прежде, чем радист понял, что происходит.

Бэннинг вернулся к люку. Он тяжело дышал, легкая рана слегка кровоточила, а голова кружилась от такого дикого возбуждения, о котором он и не подозревал в старые дни на Земле. Подошел Рольф, тоже с трудом переводящий дыхание, и Бэннинг сказал:

— Здесь все сделано.

Рольф, вытиравший кровь, сочившуюся из уголка рта, усмехнулся:

— И там тоже. Мы как раз заканчиваем.

Бэннинг засмеялся. Он протянул руку, Рольф — свою, и, смеясь, они обменялись рукопожатием.

Арраки начали выгонять людей из крейсера, присоединяя их к тем, которых люди и другие Арраки захватили в джунглях. Пленники выглядели сбитыми с толку и возмущенными, как будто они до сих пор не поняли, что же произошло.

— И что теперь? — спросил Бэннинг.

— Теперь, — ответил Рольф, — перед нами Ригель и Джоммо. И ты снова станешь Кайлом Валькаром, и в твоей руке будет Молот.

Бэннинг поднял взгляд к небу, где далекая, ничего не подозревающая планета — сердце Империи — шла извечным путем вокруг своего светила.

Глава 7

Тяжелый крейсер «Солнечное пламя» через звездные бездны мчался к Ригелю.

Внешне он оставался тем же, чем был всегда — одним из самых быстрых и мощных космических кораблей со знаками Империи, блестящими на борту, с полной командой, одетой в имперскую униформу и вооруженной имперским оружием. Но на самом деле все это было лишь уловкой.

— Вот руководство, — сказал Рольф. — Сигналы, коды и прочее. Немного везения — и...

Тщательно составив послание, Бэннинг отправил его по почти мгновенной гиперпространственной связи.

ВОЗВРАЩАЮСЬ С ЗАГОВОРЩИКАМИ. ПОЧТИТЕЛЬНО ПРОШУ ПОЛНОЙ СЕКРЕТНОСТИ. ЖДУ ИНСТРУКЦИЙ.

Он подписался именем капитана «Солнечного Пламени», который остался на Катууне под охраной Арраки. Ответ пришел быстро.

СЛЕДУЙТЕ ПРЯМО К ЗИМНЕМУ ДВОРЦУ.

И подпись — ТЭРЭНИЯ.

Рольф зло усмехнулся:

— Зимний Дворец, лучше и не придумашь! Это там они, по их мнению, уничтожили Валькара, но теперь они увидят! Дворец в отдаленном, тихом месте и имеет собственную посадочную площадку.

— И очень прочные темницы, — заметил Хорик. — Не забывай и об этом.

— Тебе лучше остаться на корабле, — сказал Бэннинг. — Если увидят твое честнейшее лицо, то мы все окажемся под замком. — И он рассмеялся. Его возбуждение росло с каждой пройденной звездной лигой. Сама авантюра была достаточно дикой, чтобы привести в возбуждение любого человека, но было и что-то еще, предчувствие — и имя, Тэрэния. Бэннинг не знал, почему оно так действовало на него, но так было. Ему вдруг захотелось увидеть ее, услышать ее голос, узнать, как она выглядит и движается.

— Дерзость побеждает, — тихо проговорил Рольф. — Она будет там, ничего не подозревающая, горящая желанием воочию убедиться, настоящий ли ты Валькар. И с ней будет Джоммо. Даже если бы ему, как главе Совета, это было бы необязательно, он все равно бы пришел. У него есть свои причины. Он страстно хочет убедиться в том, что Зурдис сказал правду. — Рука Рольфа сделала хватательное движение. — И у нас будут оба.

Напоминание о Джоммо заставило Бэннинга вздрогнуть. Он не хотел встречи с ним. Джоммо мог вынести окончательный приговор: реален или нет Нейл Бэннинг, а Бэннинг этого не хотел. Он яростно убеждал себя, что нечего бояться, потому что он настоящий Нейл Бэннинг, и никто не сумеет отнять у него его «я». Но страх оставался.

Хорик улыбнулся, как человек, подумавший, о чем—то приятном.

— Когда они будут у нас, — сказал он, — у нас будет секрет Молота. А с Молотом и Валькаром, который знает, как владеть им... — и жестом он показал, что тогда можно овладеть всей Вселенной.

Молот? Бэннинг тоже думал о нем. Он осмотрел орудия крейсера, орудия, стреляющие атомными снарядами, мчащимися гораздо быстрее света и наводимые гиперпространственными радарам. Даже это обычное оружие имперского крейсера казалось ему ужасным. Так насколько же ужаснее был таинственный Молот, которого страшилась целая галактика!

Крейсер мчался вперед, приближаясь к сверкающей звезде. На корабле росло напряжение. Бехрент, который когда—то служил в Имперском Флоте, тратил все свое время на обучение офицеров и команды управлению оружием корабля, зло ругая их за ошибки и свирепо напоминая, что их жизни зависят от их умения. Бэннинг мало спал, просиживая бесконечные часы с Рольфом, Хориком или другими капитанами. Часто бывал он и в рубке. И всегда за его спиной были Сохмсей и Киш.

Арраки отказались остаться в Катууне.

— Господин, — сказал Сохмсей, — однажды ты ушел без меня и годы ожидания тянулись так долго.

Крейсер вошел во внешний пояс патрулей, охранявших столицу Новой Империи. Снова и снова их вызывали, следуя обычному порядку, но каждый такой вызов мог оказаться гибельным, возбудил подозрения мельчайшая деталь. Но всякий раз после того, как они называли себя, корабль

получал разрешение на проход. Уже сиял голубоватым светом Ригель, и крейсер, сбрасывая скорость с таким расчетом, чтобы попасть к Зимнему Дворцу вечером, мчался к третьей планете системы.

— Нам нужна темнота, — заметил Рольф. — Это даст нам определенные преимущества.

После того как они прошли внутреннее кольцо патрулей, Бэннинг отправил сообщение:

«СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ» СЛЕДУЕТ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ. СИГНАЛ ОДИН!

Ответ на заставил ждать:

ПРОХОДИТЕ, «СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ», ВСЕМ ДРУГИМ КОРАБЛЯМ ОЖИДАТЬ КОНТРОЛЯ.

Крейсер вошел в тень громадной планеты, и Ригель исчез из виду.

Нервное возбуждение Бэннинга достигло предела и исчезло, оставив его странно холодным и спокойным. Нейл Бэннинг или Кайл Валькар — он должен пройти через все и выяснить, кто же он на самом деле!

Голоса офицеров звучали приглушенно. Внизу люди, все при оружии, были наготове.

— Дежурные офицеры и команда остаются на борту, — сказал Бэннинг, — готовые к немедленному взлету. Повторяю: к немедленному, в любую не только минуту, но и секунду. — Он обернулся к Рольфу, Хорику, другим «заговорщикам» и Ландольфу с Тавном, игравшим роль офицеров охраны. — Я дал вам все необходимые распоряжения. Останется выполнить их, когда мы выйдем. Да сопутствует нам удача!

— Приготовиться к посадке, — сказал металлический голос из громкоговорителя.

Бэннинг посмотрел в иллюминатор. Они быстро снижались. Внизу тянулся огромный город, сверкавший разноцветными огнями и занимавший, казалось, половину континента. В стороне от города среди окружающей тьмы виднелось еще одно пятно света.

— Зимний Дворец, — сказал Рольф, и сердце Бэннинга бесшумно застучало. Тэрэния! Он негромко сказал:

— Мы должны быть наготове. Всем проверить оружие и хорошенько его спрятать. Пользуйтесь шокерами, старайтесь не убивать без нужды. И помните: Тэрэния и Джоммо нужны нам живые и невредимые!

Обращаясь к Арраки, он продолжил:

— Вас не должны заметить сразу, оставайтесь в тени, пока я не позову.

Тавн и Ландольф вызвали охрану, сильную охрану, необходимую для таких важных пленников. Бэннинг накинул на голову капюшон и ждал. Его сердце билось учащенно, дыхание было затруднено.

Корабль коснулся поверхности.

Быстро, под звуки четких команд и ритмичного топота ног охрана вышла из корабля и выстроилась в виде квадрата, в центре которого находились «пленники». К ним присоединился отряд дворцовой охраны, и все двинулись через открытое посадочное поле, которое, очевидно, освободили для их большого крейсера. Так что явных препятствий для бегства не было.

Их двойной эскорт быстро проследовал через открытый участок прямо к белому портику, где был вход во Дворец, великолепное здание, окруженное деревьями и фонтанами. Бэннинг оглядывался по сторонам, чувствуя нервное возбуждение. Здесь десять лет назад пленного Валькара дьявольская наука Джоммо лишила памяти. Сейчас, через десять лет, сюда пришел другой человек, Нейл Бэннинг с далекой планеты Земля. Он не мог быть тем Валькаром, но все же...

Хоть ночь и была теплой, дрожь пробежала по его телу.

— Лаборатория Джоммо, — наклонившись к Бэннингу, шепнул Рольф, — в западном крыле, вон там.

— Прекратить болтовню! — приказал Ландольф, и Хорик грубо выругался.

Они вошли в широкий белый портик. Перед тем как войти, Бэннинг бросил взгляд через плечо, и ему показалось, что он заметил две тени, скользящие среди деревьев.

За портиком находился большой зал, строгую красоту которого подчеркивала облицовка из светлого камня и пол из полированного мрамора, черного, словно горное озеро зимой, и казавшегося таким же глубоким. Через равные промежутки в нишах виднелись высокие двери, а у одной из стен безупречным изгибом взвивалась вверх роскошная лестница. В зале их ожидал мужчина, а на середине лестницы стояла женщина, смотревшая вниз на пленников и охрану.

Бэннинг увидел сначала мужчину, и в нем внезапно вспыхнула острая ненависть. Лицо Бэннинга по-прежнему наполовину закрывал капюшон, и он смотрел из-под него на Джоммо, удивляясь, что тот так молод и вовсе не похож на бородатого, согбенного годами и знаниями ученого. Этот человек был рослым и мускулистым, с высокоскулым лицом. Ему бы больше подошел меч, чем пробирка.

Jommor

Только глаза Джоммо говорили, что он на самом деле и государственный муж, и ученый. Глядя в эти серые, пристально смотревшие сверкающие глаза, Бэннинг понял, что столкнулся с мощным интеллектом — вполне возможно, далеко превосходящим его собственный.

Эта мысль была как вызов, и что-то внутри Бэннинга шепнуло: «Посмотрим!»

Охрана отсалютовала, клацая оружием и грохоча ботинками по мраморному полу. Бэннинг перевел взгляд на лестницу и увидел женщину. Он забыл обо всем, кроме Тэрэнии.

Бэннинг рванулся вперед так внезапно, что едва не прорвал цепь дворцовой охраны, прежде чем они удержали его. Бэннинг сбросил капюшон, скрывавший его лицо, и услышал короткий вскрик Джоммо. Тэрэния шагнула вниз по лестнице и назвала имя.

Она была прекрасна. Она вся горела от гнева и ненависти. Казалось, внутри нее пылал костер, свет которого окрасил румянцем ее белую кожу и заставил глаза метать искры. И все же Бэннинг почувствовал, что кроме ненависти было что-то еще...

Тэрэния спустилась вниз и пошла по залу именно так, как и представлял себе Бэннинг — свободно и грациозно. Он двинулся было вперед — встретить ее, — но охрана не пустила, и он сам тоже почувствовал гнев и ненависть. Впрочем, ненависть его была смешана с совершенно другим чувством.

Taranya

жении довольствоваться этим?

Но ведь он — Нейл Бэннинг, и что может значить для него Тэрэния со звезд?

— Глупец, — сказала она. — Я подарила тебе жизнь. Почему ты не захотел удовлетвориться этим?

Бэннинг мягко спросил:

— Найдется ли человек, который смог бы в моем поло-

Она смотрела на него, и Бэннинг подумал, что, если бы у нее в руках был кинжал, она немедля заколола бы его.

— На этот раз, — сказала она, — я не могу спасти тебя. И на этот раз я не хочу спасать тебя, даже если бы и могла.

Подошел Джоммо, встал рядом с Тэрэнией, и вдруг Бэннинг вспомнил рассказ Рольфа — достаточно, чтобы представить, как обстояли дела с ними, всеми тремя — не в деталях, но в общих чертах, общую ситуацию. И он рассмеялся.

— Но в тот раз ты меня спасла, маленькая императрица, хоть и не должна была. И ты ждала меня все эти годы. Не так ли, Джоммо? Несмотря на свои уговоры взять ее в супруги, за все эти долгие десять лет ты так и не смог наложить свои лапы на нее, или на ее трон?

Даже не глядя в полные холодной ярости глаза Джоммо, он понял, что удар попал в цель. Но все же не совсем точно, что—то было в этом человеке, поражающее и неизбежное. И Бэннинг понял, что. Это была честность. Джоммо был искренен. Не трон он хотел овладеть, а Тэрэнией.

Бэннинг бросился вперед и вцепился в горло Джоммо. Он сделал это так быстро и с такой яростью, что охрана не успела помешать ему — и люди Бэннинга тоже набросились на охрану. Бэннинг закричал, и дикий крик, подхваченный его «охраной», отразился от сводов зала: «Валькар! Валькар!» Дворцовая охрана, «пленники» и люди с крейсера смешались в яростной схватке. Бэннинг увидел на лице Джоммо выражение изумления, впрочем, тут же исчезнувшего. Он закричал:

— Беги, Тэрэния! Им нужна ты! Мы задержим их! Зови подмогу!

Бэннинг сдавил горло, и Джоммо больше ничего не успел сказать.

Тэрэния повернулась и, словно лань, помчалась к лестнице. Ее лицо стало белым и дрожало, но она не боялась. Она бежала вверх по ступеням, громко призывая охрану. В нишах стены, расположенных через равные интервалы вдоль ступеней, стояли небольшие тяжелые каменные вазы.

Тэрэния на бегу сбросила вниз одну из них, потом другую. Бэннинг расхохотался. Ее волосы цвета пламени выбились из—под удерживающей их тонкой сетки и теперь метались по ее плечам. Бэннинг хотел поймать ее сам, поскорее, до того, как она успеет скрыться в верхних коридорах и собрать охрану. А пока он должен покончить с Джоммо.

Но Джоммо был силен. У него не было оружия, и он понимал, что ему нельзя допустить, чтобы Бэннинг воспользовался своим. Сейчас они боролись за его, который Бэннинг пытался вытащить из—под туники, и боролись на равных, особенно после того, как Бэннинг выронил шокер. Вокруг них кипела битва, дробясь на отдельные группы сражающихся, и Бэннинг увидел, что эти группы отрезают его от лестницы. Снаружи донесся шквал криков и выстрелов, означавший, что главные силы Бэннинга с крейсера захватили площадку и ворвались во Дворец. Все шло хорошо, лучше, чем он даже мог надеяться, но им необходимо заполучить Тэрэнию. Без нее рушился весь план, а она могла скрыться в любую минуту. Слишком много времени потребовалось бы, чтобы обыскать весь Дворец, и кто знает, сколько здесь потайных ходов, ведущих наружу? Обычно монархи заботятся о том, чтобы у них всегда была возможность ускользнуть.

Но сильные руки Джоммо держали его, и Джоммо свирепо рычал прямо в его ухо: «Ты безумец, Валькар! Тебе не догнать ее!»

Бэннинг внезапно резко выгнул спину, и ему удалось освободить одну руку. Он сильно ударил Джоммо. У того из уголка рта показалась кровь, и ноги его подкосились, но Джоммо все же устоял. Тэрэния уже достигла верхней площадки.

— Ты проиграл! — выдохнул Джоммо.

Взбешенный Бэннинг снова ударил его. На этот раз Джоммо зашатался и упал. Но он потянул за собой и Бэннинга, а упав, вцепился в его горло. Они покатались по полу под ногами сражавшихся. Слепая ярость охватила

Бэннинга, наружу вырвалось что-то настолько древнее и примитивное, чего он в себе никогда и не подозревал. Его руки сомкнулись на жилистой шее Джоммо, и они боролись насмерть на мраморном полу, пока Рольфу и Хорику не удалось их растащить.

Сейчас зал был полон людьми Бэннинга. Дворцовая охрана сложила оружие. Бэннинг вздохнул, и вздох болезненно отозвался в его груди. Он посмотрел на лестницу — Тэрэния исчезла...

— Нам необходимо найти ее, — сказал Рольф. — И быстро.

— Арраки помогут, — отозвался Бэннинг и хрипло позвал. Снова обернувшись к Рольфу, он продолжал: — Собери несколько человек и возьми Джоммо. Он может нам понадобиться. — И Бэннинг побежал вверх по лестнице. Там его догнали Арраки. — Ищите ее! — приказал он. — Ищите! — И они, как две большие гончие, бросились вперед по следу императрицы.

В верхних коридорах было тихо. Слишком тихо. Здесь должны были бы находиться стражники, слуги и вообще бесчисленные безымянные люди, всегда обитающие во дворцах. Бэннинг бежал, напряженно вслушиваясь в эту тишину, а Киш и Сохмсей, бегущие гораздо быстрее его, многоногими тенями метались во все ответвляющиеся проходы.

— Не здесь, — резко бросал Сохмсей на бегу. — Не здесь. Не здесь. Не... Да! Здесь!

Дверь. Закрытая, как и все остальные. Бэннинг рванулся к ней, и Киш едва успел схватить его.

— Они ждут, — сказал он. — Внутри.

Бэннинг вынул пистолет, от души надеясь, что им не придется воспользоваться. В ближнем конце коридора он заметил окно и выглянул из него наружу. Сейчас внизу все было спокойно, крейсер мирно лежал на посадочной площадке. Футах в двадцати от Бэннинга в Стене было другое окно. Он подумал, что окно может вести в ту комнату, и указал на него Сохмсею:

— Сможешь добраться до туда?

Арраки засмеялся своим удивительным мягким смехом:

— Сосчитай трижды до десяти, господин, прежде чем ломать дверь. Киш!

Оба Арраки, темные паукообразные фигуры, скользнули во мрак по широкому карнизу. Бэннинг слышал доносившееся снаружи сухое дробное клцанье когтей по камню. Он начал считать. Как раз подбегали Рольф и Хорик, держащие Джоммо, и с ними еще шесть—семь человек. Бэннинг встал перед дверью.

— Здесь у нас Джоммо! — крикнул он. — Вы, там, не вздумайте стрелять, если не хотите его смерти!

— Нет, — завопил Джоммо. — Стреляйте!

Рольф ударил его в зубы. Бэннинг наклонился ближе к двери.

— Вы слышали? В ваших руках его жизнь, так же, как и наши. — Ему показалось, что он услышал голос Тэрэнии, отдающий какой—то приказ. Тридцать. Сейчас.

Он пнул дверь, попав пяткой прямо по замку, и невольно сжался, ожидая ураганного огня. Но не последовало ни одного выстрела. Зато он услышал пронзительный визг сначала одной женщины, потом нескольких других. Перед дверью в шеренгу стояло с полдюжины дворцовых стражников, вооруженных, но держащих оружие опущенным, за ними — слуги и женщины. Киш и Сохмсей ворвались с тыла через окно, и охрана была ошеломлена воплями мужчин и визгом женщин, пытавшихся скрыться от Арраки. Тэрэнии среди них не было.

За группой перемещавшихся слуг и стражников была дверь, ведущая во внутренние покои. Бэннинг ударами и пинками расчищал к ней дорогу, но Арраки были ближе и достигли ее первыми. Они широко распахнули высокие белые створки, и стало видно внутреннее убранство комнаты: широкое белое ложе, завешенное пологом из желтого шелка, толстые ковры на полу и удобная мебель. Стены были белыми, с высокими панелями, отделанными желтой

парчой под цвет полога. Одна из панелей еще двигалась — она только что была открыта, а теперь закрывалась.

Ни один человек не успел бы достичь этой сужающейся щели до того, как она закроется, но Арраки не были людьми. К тому времени, когда Бэннинг с трудом пробился в комнату, они вновь открыли панель и исчезли в проходе, закрывшимся за ней. Бэннинг слышал, как они бежали, а потом раздался крик ужаса, сдавленный и приглушенный узкими стенами коридора.

Сохмсей вернулся в комнату, держа в руках обмякшее тело Тэрэнии. Он выглядел огорченным.

— Прошу прощения, господин, — сказал он, — мы не причинили ей вреда. Но с вашими женщинами такое случается часто.

Бэннинг улыбнулся.

— Она скоро придет в себя, — сказал он и протянул руки.
— Прекрасная работа, Сохмсей. Где Киш?

— Пошел разведать потайной ход, — ответил Сохмсей, осторожно передавая Тэрэнию Бэннингу. — Он почувствует, если там есть что-нибудь опасное.

Бэннинг кивнул.

В его руках лежала Тэрэния. Он ощущал тепло ее тела, слышал биение сердца. Ее шея была белоснежной и сильной, огненные волосы тяжелой массой свисали с рук Бэннинга, темнели густые ресницы опущенных век. Он не хотел никуда идти. Он хотел только одного: бесконечно стоять вот так, держа в руках Тэрэнию.

Суровый голос Рольфа раздался за его спиной:

— Идем, Кайл, нам еще многое надо сделать. Вернулся тяжело дышавший Киш.

— Ничего, — сказал он. — Там все спокойно, господин.

— Нам понадобятся Арраки, Кайл, — сказал Рольф.

Бэннинг вздрогнул, и холодок пробежал по его спине. Пришло время — время, прихода которого он так боялся.

Лаборатория, в которой они находились, не походила ни на одну из виденных Бэннингом прежде. Машины и оборудование были упрятаны под щиты и кожухи, и можно было только догадываться об их назначении и сложности. В этой длинной высокой комнате было тихо и чисто.

Бэннинг понял, что только выдающийся ученый мог занять такое высокое положение в этой огромной звездной империи. Сейчас Рольф быстро и резко, говорил, что—то этому человеку, Джоммо слушал с каменным лицом. Рольф отослал Хорика проверить, как обстоят дела с пленниками, но оба Арраки стояли здесь. Они, держась очень настороженно, внимательно смотрели по сторонам.

Тэрэния уже очнулась. Она сидела в кресле, и на ее совершенно белом лице горели раскаленными сапфирами глаза, смотревшие на Бэннинга. Она смотрела только на него, не обращая внимания на остальных.

Рольф умолк, и Джоммо медленно произнес:

— Так вот оно что. Мне следовало бы догадаться.

— Нет, — сказала Тэрэния и с силой добавила: — О нет! Мы не вернем вашему Валькару его память, он может уничтожить Империю!

— Ваш выбор ограничен, — зловеще проговорил Рольф.

Горящий взор Тэрэнии не отрывался от лица Бэннинга. Она с горечью заговорила, обращаясь к нему:

— Однажды ты едва не добился успеха, верно? Ты явился сюда со всеми ключами, оставленными тебе отцом, обманом добился от меня позволения порыться в древних архивах, нашел там путь к Молоту и ушел, насмехаясь над нами, надо мной.

— Я?

— Ты, и ты использовал самую древнюю и дешевую уловку, какую мужчина может применить к женщине.

— Тэрэния... — начал Джоммо, но она продолжала, не взглянув на него:

— Ты просто чуть—чуть промедлил. И это чуть—чуть спасло Империю! Мы схватили тебя, и Джоммо стер твою память. Нам следовало стереть тебя.

— Но вы этого не сделали, — сказал Бэннинг.

— Да, не сделали. Мы ненавидим убийство — этого не понять сыну Старой Империи. Мы оказались настолько глупы, что дали тебе ложную память, отправили на окраинную планету — Землю — и решили, что ты убран с пути и безопасен. Я оказалась настолько глупа.

Рольф сердито сказал:

— Вы настолько удачно убрали его с пути, что для того, чтобы найти Валькара, мне понадобились долгие годы секретных поисков на Земле.

Тэрэния медленно перевела взгляд на мрачного гиганта:

— А теперь, когда у тебя есть Валькар, ты хочешь заполнить и его память, а потом и Молот?

— Да, — отрезал Рольф, словно волк клацнул клыками. — Слушай, Джоммо, — повернулся он к ученому. — Ты можешь восстановить его память. И ты сделаешь это. Ты сделаешь это потому, что не захочешь увидеть Тэрэнию мертвой.

— Я знал, что ты скажешь это, — ответил Джоммо.

— Так как?

Джоммо посмотрел на Тэрэнию. Через несколько секунд его плечи опустились, и он склонил голову:

— Ты сам сказал, мой выбор ограничен.

Бэннинг похолодел, а сердце его бешено застучало. Он хрипло спросил:

— Сколько времени это займет?

Секунды, часы, столетия — сколько времени понадобится, чтобы изменить «я» человека? Предположим, что весь этот невероятный сон — правда, и Нейл Бэннинг — всего лишь имя, фикция, воплощенная ложь. Что останется от него? Сохранится ли память человека, в действительности не существовавшего?

Джоммо медленно выпрямился. Бесцветным голосом, с неподвижным лицом он ответил:

— Час, возможно, меньше.

Тэрэния недоуменно смотрела на него. Казалось, она не верила своим ушам. Потом она яростно закричала:

— Нет! Я запрещаю тебе, Джоммо, слышишь? Я запрещаю! Пусть они...

Сохмсей легонько положил когтистую руку на ее плечо, и она замолчала, задыхаясь от отвращения. А Арраки сказал:

— Господин, пока ее рот кричит гневные слова, мысли ее говорят о надежде. Здесь притворство, между этими двумя.

Рольф с неприятным звуком втянул воздух между зубами:

— Я так и думал: Джоммо слишком легко согласился. — Он поочередно посмотрел на них. — Прекрасно, все равно все выйдет наружу. С Арраки ложь бесполезна.

Тэрэния отпрянула от Сохмсея, но промолчала. Джоммо пожал плечами, его лицо по-прежнему ничего не выражало. Бэннинг восхищался его выдержкой.

— Арраки, — сказал Джоммо, — вне сомнения, хорошие слуги, но уж слишком они усердствуют. — Он посмотрел на Бэннинга. — Ты хочешь вернуть память. Я согласен. Я не могу сделать большего.

— Час, — сказал Бэннинг, — возможно, и меньше. — Он шагнул к Тэрэнии. — Что может случиться в течение следующего часа, чего вы ждете?

Открытый взгляд горящих глаз был устремлен прямо на него.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. И прошу, прикажи существу больше не дотрагиваться до меня.

— Что—то должно появиться, — задумчиво сказал Бэннинг. — Что—то достаточно сильное, чтобы помочь.

Сохмсей тихо произнес:

— Мысли ее скачут. Язык ее не говорит правды.

Совершенно иррациональная, но объяснимая ярость охватила Бэннинга. Он тряхнул Тэрэнию за плечи:

— Что должно появиться?!

— Подожди и увидишь!

— Тэрэния! — предостерег Джоммо, и Сохмсей усмехнулся:

— Они думают о корабле.

Рольф выругался:

— Конечно, они же должны были послать за другими членами Совета Империи, чтобы совместно решить нашу судьбу. И если только обычаи не изменились, это означает тяжелый крейсер класса «А» под командованием адмирала.

— Он повернулся к Джоммо. — Скоро?

— Пять минут, час — я не могу ответить точно.

— Но вы по-прежнему остаетесь заложниками, — свирепо сказал Рольф.

Джоммо кивнул:

— Это должно сделать ситуацию забавной.

— Но не благоприятной, — откликнулся Бэннинг. — Рольф, нам надо убираться отсюда.

Рольф удивленно посмотрел на него:

— Только после того, как Джоммо вернет тебе память!

— Джоммо, — решительно произнес Бэннинг, — сможет сделать это и на нашем корабле, не так ли? Мы уходим! — Он повернулся. — Киш, передай приказ Хорику и остальным готовиться к отлету. И приведи сюда несколько человек, поскорее. Они понесут оборудование. Джоммо! Ты покажешь, какие аппараты необходимы. Постарайся ничего не забыть, если тебя волнует судьба твоей императрицы!

Складка вокруг рта Джоммо стала глубже, и в первый раз за все это время он ослабил свой железный самоконтроль. Он посмотрел сначала на Сохмсея, который наблюдал за ним с пристальным интересом, потом на Рольфа и Бэннинга взглядом, горящим такой искренней ненавистью, что Бэннинг чуть не вздрогнул, и, наконец, на Тэрэнию.

— Не берите с собой хоть ее, — сказал он. — Умоляю вас.

— Она будет в такой же безопасности, как и мы, — ответил Бэннинг и добавил, обращаясь к Тэрэнии: — Поверьте, я сожалею. В мой план это не входило.

Тэрэния прошептала:

— Не думаю, чтобы я отказалась, если бы мне предложили сначала посмотреть на твою смерть, а потом умереть самой. — Похоже, она говорила то, что думала.

Внезапное сомнение и чувство вины охватили Бэннинга. Он позволил себе идти к цели напролом, не слишком задумываясь об этике. Для него, землянина, звездные императоры и императрицы, Валькар и Молот, все эти интриги чуть ли не сотысячелетней давности, в конце концов, казались не более чем словами, не более чем невероятным сном, а человек не слишком—то задумывается о своем поведении в сновидении. Но теперь слова перестали быть словами. Слова превратились в людей, живых, реальных людей. Это были и Тэрэния, и Джоммо, и он сам стал реальной силой, Валькаром, если даже он всего лишь его тень. Его действия могли повлечь невообразимые последствия, способные повлиять на жизнь миллиардов людей, обитающих на мирах, о которых он и слыхом не слыхивал.

Бэннинга испугала гигантская тяжесть легшей на него ответственности. И теперь, в эту последнюю минуту он понял, что такая ноша ему не по силам.

— Рольф, — начал он, — я...

В распахнувшуюся дверь ворвался Киш.

— Сообщение, господин: радар «Солнечного пламени» засек приближающийся корабль, и Бехрент просит, чтобы мы поторопились вернуться на борт!

Бэннинг беспомощно взглянул на Тэрэнию. У него не было выбора. Тэрэния необходима для выкупа его собственной жизни и жизни его людей, для обеспечения свободного прохода через космические патрули. Позже, может быть, у него появится время подумать об этике.

— Ладно, — резко бросил Бэннинг. — Передай капитанам и веди сюда людей.

— Они уже здесь, господин.

— Хорошо. — Он повернулся к Джоммо. — Поторопись, и не пытайся умничать. Сохмсей будет наблюдать.

Бэннинг снял свою накидку с капюшоном и набросил ее на плечи Тэрэнии.

— Сейчас я отведу тебя на корабль.

Теперь она уже не смотрела на него и ничего не сказала.

Когда Бэннинг взял ее за руку и повел вперед, Тэрэния пошла рядом, прямая и гордая, уделяя ему не больше внимания, чем если бы его здесь вовсе не было — правда, Бэннинг чувствовал, как она вздрагивала, когда он касался ее почти обжигающего тела.

В нижних залах дворца и снаружи царила напряженная, но не суетливая спешка. Люди Бэннинга длинными колоннами бегом возвращались на корабль, а разоруженная и беспомощная дворцовая охрана угрюмо толпилась в стороне. Они зашевелились, несмотря на угрожающее им оружие, когда увидели Тэрэнию, но Хорик окружил ее и Бэннинга сильной охраной, и они без помех прошли мимо.

Свежий ночной воздух охладил щеки Бэннинга. В темном небе ничего не было видно, но он знал, что там, вдали, к ним, опережая свет, мчится опасность. Он поторопил Тэрэнию. Деревья и фонтаны остались позади, и они вышли на посадочную площадку, где лежал крейсер, через открытые люки которого лился яркий свет. Бэннинг, крепко державший Тэрэнию, тревожно думал, закончил ли сборы Рольф, найдут ли они все нужное оборудование, далеко ли вражеский корабль, и сколько минут у них осталось.

В воздушном шлюзе дежурил Скранный. Он руководил спешащими людьми, не допуская затора в небольшом помещении. Увидав Бэннинга, он сказал:

— Капитан будет рад видеть вас в рубке, сэр.

Его голос звучал напряженно, а сам он выглядел встревоженным. Бэннинг грубо затащил Тэрэнию внутрь, не утруждая себя извинениями. Заметив свободную каюту, он бесцеремонно толкнул ее туда, запер дверь и поставил охрану. Потом он поспешил в рубку.

Бехрент, шагавший взад и вперед по рубке, выглядел свирепее, чем когда-либо раньше. То и дело вбегали и

выбегали ординарцы. Техники беспокойно ерзали у контрольных панелей.

— Какова ситуация? — спросил Бэннинг.

Бехрент поднял вверх одну руку и рубанул ей по ладони другой.

— Уже сейчас, — сказал он, — нам придется взлетать прямо под их орудиями. — Он посмотрел через иллюминатор на людей, бегающих внизу. — Что они там делают? — прорычал он. — В игрушки, что ли, играют? Клянусь, я захоплю люки и оставлю их...

Розовощекий ординарец, у которого глаза выпрыгивали от нервного возбуждения, влетел в рубку и выпалил, обращаясь к Бэннингу:

— Рольф только что поднялся на борт и велел передать вам, что все в порядке, и что он присмотрит за пленными.

— Хорошо, — сказал Бэннинг. Он тоже посмотрел в иллюминатор. — Отправляйся вниз и скажи, чтобы поторопились с погрузкой. Взлет в два...

Появился другой ординарец и принес сообщение с радара. Записку взял Бехрент, и краска сошла с его лица, внезапно ставшего бесконечно уставшим. Он протянул записку Бэннингу:

— Если сейчас вы посмотрите на небо, то увидите крейсер, летящий сюда.

— Пусть прилетает! — дико рявкнул Бэннинг. Бехрент взглянул на него:

— Но через две минуты после приземления они узнают о нас все, и тогда...

— Две минуты, — прервал Бэннинг, — время вполне достаточное, если мы будем двигаться быстро.

Лицо Бехрента озарилось мрачным светом:

— Вы по-прежнему Валькар! Это должно сработать, но патрули будут предупреждены раньше, чем мы выйдем в открытый космос.

— Будем думать о патрулях, когда дойдем до них, — ответил Бэннинг.

Бехрент заорал в микрофон систем оповещения:

— Расчеты световых орудий, по местам!

«Вы по—прежнему Валькар! Какая ирония», — подумал Бэннинг. Он по—прежнему Нейл Бэннинг. Он отсрочил последнее испытание истинности своего «я», но это была всего лишь отсрочка.

В рубку, нахмутив свое крупное лицо, втиснулся Рольф:

— Так мы собираемся драться?

— Мы собираемся ускользнуть от крейсера, а не драться, — ответил Бэннинг. — По крайней мере, мы попытаемся. Как Джоммо?

— Я запер его вместе с Тэрэнией и оставил охрану, — сказал гигант. — Аппаратура в другом месте, тоже под охраной.

— Это правильная машина, господин, — добавил Сохмсей, проскользнувший в рубку вслед за Рольфом. — Я читал его мысли.

— Надеюсь, что мы проживем достаточно долго, чтобы успеть испытать ее, — сквозь зубы произнес Бэннинг. Он смотрел вверх через видеозэкран на усеянное звездами небо.

Бехрент тоже смотрел вверх. Сейчас все на корабле стихло. Каждый человек занял свое место по стартовому расписанию. Не слышалось ни звука, кроме глубокого, еле уловимого жужжания механизмов, создающих поле.

Высоко в небе появилось темное пятно, закрывшее звезды. Оно росло с ужасающей быстротой, стремительно превращаясь в огромную черную массу, несущуюся вниз, создавая впечатление, что это сам небосвод рушится на них. «Солнечное пламя» слегка качнулось, когда тяжелый крейсер в сотне ярдов от них, сбрасывая скорость для посадки, завис над самой площадкой.

— Старт! — рявкнул Бехрент.

Они взлетели в тот миг, когда другой крейсер коснулся площадки. Бэннинг смотрел на картины, проносящиеся через большой изогнутый экран так, словно пытался разглядеть среди них свою будущую жизнь или смерть. Он смотрел

на дворец, на удаляющуюся планету, когда услышал резкую команду Бехрента: «Огонь!»

Дворец, посадочное поле, резко очерченные формы только что опустившегося крейсера — все озарилось ярчайшим светом. Фокус этой слепящей вспышки пришелся на хвостовую часть крейсера, потом свет ослаб и исчез. Их собственный корабль мчал их прочь так быстро, что в краткий миг эта сцена внизу съежилась и пропала из виду.

— Сделано! — ликующе воскликнул Рольф. — Команда невредима, они не могут догнать нас!

Теперь «Солнечное пламя» летело через теневой конус планеты, и Бэннинг слышал из радиорубки вопли оператора: «Очистить проход восемнадцать — чрезвычайный случай, чинуша! Очистить проход восемнадцать, проход восемнадцать...»

Они вырвались из тени в ослепительное сияние Ригеля. Огромное бело-голубое солнце осталось за их спинами, и они мчались в открытый космос, а мимо проплывали шары-лампы внешних планет.

— Вырваться, с самой Тэрэнией на борту! — заорал Рольф и с силой хлопнул Бэннинга по плечу. — Мы им покажем, что Старая Империя оживет!

— У капитана, — шепнул Сохмсей, — в мыслях нет радости.

Перед этим Бехрент ушел в радиорубку и теперь возвращался, с невеселой усмешкой на изборожденным морщинами лице.

— Я не собираюсь, — угрюмо сказал он, — праздновать сейчас что бы то ни было. Внешние патрули уже предупреждены и держат нас на радаре, перекрывая путь.

— Проклятье! — взревел Рольф. — Тоща режь прямо сквозь заслон, там ведь только легкие крейсера!

— погоди, — прервал его Бэннинг. — Радиус действия наших орудий больше, чем у них, верно? И если мы поставим перед собой огневой барьер, то они не смогут ответить и будут вынуждены убраться, не так ли?

— Все зависит... — начал Бехрент, но тут же замолчал, а через секунду продолжил: — Стоит попытаться. Им не сообщали, почему нас приказано задержать, иначе они могли бы отважиться. Но не зная... — не закончив, он подошел к микрофону внутренней связи, вызвал пост управления огнем и принялся отдавать приказы.

«Солнечное пламя» прошло не больше чем в миллионе миль от скованной льдом внешней планеты. Скорость крейсера была такой, что этот мирок показался грязно-белым кегельным шаром, прокатившимся по звездному небу.

Заговорили орудия. Лишь слабая дрожь отметила их залп, снаряды не выбрасывались взрывчатыми веществами, а приводились в движение собственными двигателями. Но Бэннинг увидел яркие вспышки, разорвавшие пустоту впереди и по сторонам, танцующие искры на фоне бесконечных бесчисленных звезд. По мере того, как корабль мчался вперед, огненные искры, несущие смерть, двигались вместе с ним.

— Патрули убрались! Все чисто на два парсека! — доложили с радара, и Бехрент резко бросил в микрофон: «Полный ход!»

— Они трусили! — воскликнул Рольф. — Я знал, что у них кишка тонка сунуться в пекло!

— Но тяжелые суда, линейные крейсера и вспомогательные средства изменили свои курсы и приближаются к нам со ста четырнадцати направлений, — закончил доклад радарщик.

Наступила мертвая тишина. Бехрент повернулся к Бэннингу, на его лице агонизировала улыбка:

— Имперские силы получили приказ. И они получают нас. Они не уступают нам ни в скорости, ни в радиусе действия орудий.

Глава 9

В пустоте, в бездне, для которой миллионы миллионов звезд значат не больше, чем серебристая рябь на поверхности для глубокого черного озера, мчались с невероятной скоростью бесконечно крохотные металлические зерна, отмечая свой путь периодическими всплесками энергии, выбрасываемой для преодоления искривлений континуума. Вскоре многие из этих металлических зерен настигнут одно, убегающее от них — и тогда смерть сделает прыжок, и межзвездный мрак на миг озарится яркой вспышкой. Если только...

Бэннинг сказал:

— Тэрэния — единственный козырь, который у нас есть.

Рольф кивнул:

— Если мы сможем убедить их, что она у нас. Сохмсей, приведи ее и Джоммо.

— Нет, подожди, — остановил Бэннинг Арраки. — Тебе и Кишу лучше держаться в стороне, она приходит в ужас от вашего вида и это может осложнить дело. Я приведу ее сам.

Он прошел к корме, в коридор, где перед закрытой дверью стояла охрана, и жестом приказал открыть. Потом, помятуя жгучую ненависть, горевшую в глазах и Джоммо, и Тэрэнии, Бэннинг вытащил из-за пояса тяжелый пистолет.

Вышла Тэрэния, и — сразу следом за ней — Джоммо. Тэрэния выглядела усталой, вокруг рта легли горькие складки, но ни грана гордости не оставило ее. Взглянув на оружие Бэннинга, она улыбнулась, вложив в улыбку максимум презрения.

— О да, — сказал Бэннинг, — я осторожен. Я очень осторожен. А теперь идите впереди меня.

— Куда?

— Узнаете. Пока просто вперед.

С монархами таким тоном не разговаривают, и Бэннинг почувствовал легкое удовлетворение, увидев изумленный гнев на ее лице.

Пока они шли к рубке, Бэннинг восхищался, глядя на грациозную походку Тэрэнии, на ее стройное тело.

Джоммо первым шагнул в дверь командной рубки, Тэрэния последовала за ним, но споткнулась о порог и опрокинулась назад, прямо на Бэннинга. То, что это не случайность, Бэннинг понял на долю секунды позже, чем

следовало бы, уже когда Тэрэния схватила его за предплечья и закричала:

— Пистолет, Джоммо! Хватай пистолет!

Все случилось так быстро, что люди не сразу поняли, что происходит, а Арраки, следуя приказу Бэннинга, оставили рубку. Но Джоммо среагировал мгновенно и круто повернулся. Лицо его исказилось от внезапно появившейся надежды.

Бэннинг рывком поднялся на ноги. Резко вздернув как можно выше руки, он поднял легкую Тэрэнию, качнул ее в воздухе и швырнул прямо на Джоммо.

Он надеялся, что Джоммо не даст Тэрэнии упасть, даже рискуя упустить момент, и оказался прав. Джоммо поймал ее, и они оба снова очутились под прицелом пистолета Бэннинга.

— Хорошо придумано, — сказал он. — Я восхищен твоей храбростью. Но я бы на вашем месте больше не пытался сделать что-нибудь в этом роде.

Они смотрели на Бэннинга ненавидящими взглядами, как два василиска, и он не мог осуждать их за это. Но как он хотел бы этого избежать! Тогда все было бы намного проще.

К месту схватки начали сбегаться люди, и сюда быстро шел Рольф, с лицом, черным от гнева.

— Так, значит, ты не хотел пугать ее видом Сохмсея? — саркастически спросил он у Бэннинга.

Бэннинг покачал головой:

— Похоже, без них не обойтись.

Он позвал Арраки и сказал Тэрэнии:

— Они не причинят тебе вреда, если только ты сама не вынудишь их.

Бехрент, все время находившийся у главного экрана, теперь подошел к ним. Его лицо оставалось спокойным, но заговорил он довольно хриплым голосом:

— Вам следует поторопиться. Мы почти в пределах досягаемости огня батарей полной эскадры линейных

крейсеров. Из радиорубки докладывают, что они требуют остановиться.

Бэннинг увидел, как глаза Тэрэнии сверкнули, и решил быть твердым.

— Так вот, Тэрэния, — сказал он. — Сейчас ты пройдешь в радиорубку и прикажешь этим крейсерам уйти.

— Нет!

Бэннинг посмотрел на Джоммо:

— Тебе лучше уговорить ее, и быстро. От этого зависит ее жизнь.

— Ты не сможешь убить ее, — ответил Джоммо.

— Не смогу? Возможно, ты и прав. Ну, а что ты думаешь о других?

— Обо мне, например? — сквозь зубы спросил Рольф.

Джоммо заколебался, и Тэрэния воскликнула:

— Ты не сделаешь этого, Джоммо!

На лице Джоммо застыло выражение молчаливого упорства. Задние видеоэкраны внезапно осветились ослепительным взрывом пламени, бушующее сияние которого заставило потускнеть звезды. Казалось, будто в небесах позади их корабля выросла и разрушилась огненная стена.

— Они начали пристрелку, — сказал Бехрент. — Мы можем попытаться драться, но при таком их преимуществе долго не выдержим.

— Тэрэния остановит их, — сдержанно произнес Бэннинг. — Я пойду в радиорубку подготовить все для передачи. Ждите. — Он быстро прошел в радиорубку. Через несколько секунд Бэннинг вернулся и взял Тэрэнию за руку, — Сейчас, Тэрэния, ты пойдешь и прикажешь этим кораблям прекратить огонь, иначе погибнешь вместе с нами.

Тэрэния рассмеялась. Она выглядела почти счастливой.

— Ты не погибнешь — не таким способом, — сказала она. — Тебе придется сдаться.

— Джоммо, уговори ее, и постарайся поскорее, — сказал Бэннинг.

Снова видеоэкраны озаарились этим ужасным пламенем, на этот раз ближе, так близко, что огненная стена закрыла все небо.

— Тэрэния... — начал Джоммо.

— Разве ты не видишь, — воскликнула она, — что они уже побеждены и не могут заставить меня повиноваться!

Бехрент отходил к экранам, но сейчас снова вернулся. Он недоуменно произнес:

— Только что эскадра уменьшила скорость! Она по-прежнему следует за нами, но на большем расстоянии, и батареи прекратили огонь.

— Этого не может быть! — закричала Тэрэния. — Ты лжешь!

Бэннинг довольно улыбнулся:

— Они были достаточно близко, и это сработало. Они больше не будут стрелять, раз теперь они знают, что их императрица у нас на борту.

— Но узнали они об этом только сейчас, не так ли? — спросил Рольф.

Бэннинг кивнул:

— Я приказал радиорубке, чтобы они подключили внутреннюю связь к передающей станции. На каждом корабле должны были слышать голоса Тэрэнии и Джоммо.

Джоммо вскрикнул голосом, хриплым от ярости. Во взгляде Тэрэнии смешались удивление и ненависть, но она ничего не сказала.

Бэннинг поднял пистолет:

— Теперь мы пойдем обратно. И не пытайтесь придумать уловку похитрее прежней.

— Я пойду с тобой, — проворчал Рольф.

Женщина молчала всю дорогу, не сказала она ни слова и тогда, когда ее запирали в каюте, принадлежавшей раньше Ландольфу. Но Джоммо, которого поместили в соседнюю каюту, заговорил, прежде чем Бэннинг и Рольф вышли.

— Мы можем заключить сделку, — сказал он, обращаясь к Бэннингу. — Освободи Тэрэнию, отправь ее в спасательной шлюпке — и я верну тебе память.

Бэннинг расхохотался. Он подумал, что теперь понял этого человека.

— Нет, Джоммо.

— Рольф может подтвердить, что я никогда не нарушал слова, — голос Джоммо звучал ровно.

— Я не сомневаюсь в этом. Но также я не сомневаюсь и в том, что на этот раз ты слова не сдержишь, ради того, чтобы мы не добрались до Молота. Что скажешь на это?

Джоммо промолчал, но брошенный им взгляд сам по себе был достаточно красноречивым ответом.

— Пока еще у тебя есть время, — сказал Рольф. — Но скоро ты сделаешь то, что мы хотим. И с радостью.

— Я?

— Да, ты. Потому что мы идем в одно определенное место. Скопление Лебеда. Мы идем к нему — и в него.

Насколько мало сказанное Рольфом значило для Бэннинга, настолько много — и это было совершенно очевидно — оно значило для Джоммо. Его волевое лицо внезапно побледнело.

— Так, значит, Молот там?

— Да, там. На одной из планет самого опасного скопления в галактике. На какой именно — я не знаю, и тем более я не знаю, как безопасно до нее добраться, Я погублю корабль, если попытаюсь войти в скопление. Но кое-кто знает все.

Джоммо перевел взгляд на Бэннинга:

— Все знает Валькар. Так?

Рольф кивнул:

— Да, Валькар знает. Конечно, сейчас он лишен памяти и, безусловно, погубит нас там — но когда он вспомнит, то мы все будем в достаточной безопасности. Ты. Я. Тэрэния.

Секунду Джоммо молчал, а потом прошептал: «Проклятье!» Пршептал так горько, что это потрясло Бэннинга. Они с Рольфом вышли и заперли дверь,

— Пусть попотеет, — сказал Рольф и внимательно посмотрел на Бэннинга. — Я думаю, Кайл, что сейчас для тебя самое лучшее — пойти в свою каюту и выспаться. Ты, похоже, нуждаешься в отдыхе.

— Спать? — воскликнул Бэннинг. — Ты полагаешь, что я смогу заснуть, зная о преследующих нас крейсерах, о Скоплении впереди, о...

— Пока ничего не произойдет, — грубо прервал его Рольф. — Эти корабли для проверки свяжутся с Ригелем, убедятся, что Тэрэния и в самом деле у нас, и будут только сопровождать «Солнечное пламя». А до Скопления Лебеда все еще долгий путь. — Он помолчал и значительно добавил:

— И впереди тебя ждет нелегкое испытание.

Снова ледяное дыхание смерти коснулось Бэннинга. В глубине души он сознавал, что не хочет согласия Джоммо, не хочет, чтобы он вмешивался в мозг Нейла Бэннинга.

— Входи. — Рольф отворил перед Бэннингом дверь каюты, — Я приготовлю что-нибудь выпить, вино поможет тебе расслабиться,

Бэннинг взял протянутый Рольфом бокал и выпил, думая, совсем о другом: о Тэрэнии, о себе и о грозном Скоплении Лебеда. Откинувшись на подушки постели, он еще немного поговорил с Рольфом и незаметно заснул.

И увидел сон.

Во сне он был двумя разными людьми. Он был собой, и он же был Валькаром, чья неясная зловещая фигура с жестокими глазами, одетая в дикий одежды, росла все больше и больше, а сам Нейл Бэннинг одновременно сокращался в гномика, в тварь не больше мыши. И тот — Валькар — гнал прочь Бэннинга, неслышно кричавшего в окутывающей его огромной тьме.

Сон пугал, и Бэннинг обрадовался, когда проснулся.

Рядом с постелью его пробуждения ожидал Сохмсей, терпеливый, как статуя. На вопрос Бэннинга он ответил:

— Ты спал долго, господин, очень долго. Рольф сделал так с помощью порошка, который он положил в твоё питье.

— Выходит, он дал мне наркотик? — сердито сказал Бэннинг. — Он не имел права...

— Так было правильно, господин. Тебе необходимо было отдохнуть, потому что теперь отдыха не будет, пока все не будет закончено.

Что-то в тоне Арраки заставило Бэннинга вздрогнуть.

— Сохмсей, — спросил он, — ты обладаешь способностями, в которых отказано людям. Нет ли среди них способности предсказывать будущее?

Сохмсей покачал головой:

— Господин, не больше тебя или Рольфа могу я видеть сквозь стену времени. Но иногда, через трещины в стене... — Он прервал себя. — Мы, как и люди, видим сны. Возможно, и это не более чем сон.

— Нет, расскажи мне! Расскажи, что ты видел через трещины!

— Господин, я видел небо в огне.

Бэннинг поднялся с постели:

— Что это должно значить?

— Я не знаю. Но, несомненно, мы все это узнаем. — Сохмсей подошел к двери и отворил ее. — А сейчас иди, господин. Валькара ждут в командной рубке.

Бэннинг отправился туда далеко не в радужном расположении духа. В рубке у переднего видеоэкрана стояли Рольф и Бехрент, выглядевшие так, словно они, мучимые бессонницей, безуспешно пытались заснуть, не прибегая к снотворному. Они кивками головы поприветствовали Бэннинга, а когда он присоединился к ним, Рольф, положив одну руку ему на плечо, указал другой на экран.

И там Бэннинг увидел ясно очерченное и уже сейчас огромное, но тем не менее все еще увеличивающееся по мере того, как он наблюдал, сверкающее звездное облако,

ошеломляющее невообразимое великолепие солнц — алых, золотых, изумрудно—зеленых, жемчужно—белых, голубых, — раскинувшееся в бесконечности, как мантия самого Бога. В некоторых местах звезды были так близки друг к другу, что образовывали мягко светившиеся пятна, и каждое такое пятно окружало черное облако, поглощавшее свет — казалось, что мрак пытается пожрать звезды.

— На Земле, — тихо сказал Рольф, — это скопление, надо полагать, называют «Америка», из—за его формы. И как странно звучит сейчас это название!

— Хотел бы я снова оказаться там, — совершенно искренне ответил Бэннинг.

Бехрент, не отрываясь, смотрел на сияющее облако. Для него оно не было ни удивительным, ни прекрасным — для него оно было вызовом, на который — и он знал это — он не может ответить.

— Буря звезд, — сказал он. — Ревущий вихрь несущихся звезд, пыли, обломков, которые сталкиваются и разрываются гравитационными потоками. Самое бешеное скопление в Галактике. — Он обернулся к ним. — И Молот — там?

— Да, — ответил Рольф. В его голосе сейчас звенел металл. — Молот — там.

Что до Бэннинга, то при виде этого ужасающего места он почувствовал благоговейный страх перед таинственным оружием древних Валькаров, которое было приготовлено и спрятано здесь. Чем он мог быть, этот странно названный Молот, о котором в Галактике боязливо шептались девяносто тысяч лет?

Мысли его вернулись к словам Сохмсея: «Господин, я видел небо в огне», и такие кошмарные видения предстали перед ним, что Бэннингу едва удалось избавиться от наваждения.

— Молот там, — свирепо повторил Рольф, — и мы идем туда. Валькар проведет нас.

Бэннинг, чувствующий себя слабым и разбитым, повернулся к нему:

— Пожалуй, нам следует еще раз поговорить с Джоммо.

Но даже шагая по коридорам позади Рольфа, он знал, что все бесполезно. Ему — Нейлу Бэннингу ли, Валькару ли, или обоим им вместе — провести крейсер через звездные джунгли? Невозможно!

Джоммо поднял взгляд, когда они вошли в каюту. Его ненависть и гнев не уменьшились ни на волос, и все же Бэннинг ощутил, что что-то в Джоммо изменилось. Железо начало гнутья.

Рольф подошел к стене и нажал кнопку. На открывшемся видеозэкране, хоть он и был направлен не прямо по курсу, все-таки хорошо виднелась картина звездного шторма впереди.

— Не будь со мной столь утонченным, Рольф, — с легким презрением сказал Джоммо. — Я уже видел.

— Во мне нет утонченности, — возразил Рольф. Никогда прежде его лицо не выглядело таким застывшим и мрачным. — Я просто иду вперед и делаю, что могу. Ты знаешь это. Ты знаешь: если я сказал, что мы собираемся идти в Скопление, мы пойдем туда. В своем уравнении ты можешь принять это за константу.

Джоммо внимательно посмотрел на Бэннинга:

— Если я сделаю то, что ты требуешь, сразу ли получим свободу мы с Тзрэнией?

— О нет, — насмешливо ответил Рольф, — не сразу... Проклятые крейсера все еще тащатся позади, и мы сразу окажемся в их власти. Нет — пока мы не выберемся обратно из Скопления.

— Он не хочет этого. «Он боится», — внезапно сказал Джоммо, не отрывавший взгляда от Бэннинга.

Бэннинг знал, что это правда, и почувствовал ненависть к Джоммо.

— Я не боюсь, — солгал он. — И должен заметить, что, учитывая нашу скорость, у тебя мало времени.

Снова молчание. Наконец Джоммо решительно махнул рукой:

— Я не могу допустить гибель Тэрэнии, я все сделаю. — Обращаясь к Рольфу, он добавил: — Но не принимай близко к сердцу, если выйдет не так, как ты рассчитываешь.

Лицо Рольфа помрачнело еще больше, хоть это и казалось невозможным.

— Слушай, Джоммо! Всем известно, что ты можешь играть с разумом человека как ребенок с игрушкой. Но сейчас не умничай! Если память не вернется к Валькару полностью, если его разум не будет здоровым и мощным, без изъянов и слабостей — и Тэрэния, и ты долго не проживете!

— Обещаю, — сказал Джоммо, — что все будет по твоим словам. И все же я знаю о разуме больше, чем ты. И думаю, что ты не ведаешь, что творишь.

Он встал — и внезапно превратился в ученого, спокойного, педантичного, уверенного. Он сказал, какое оборудование необходимо, и какая энергия понадобится. Выслушав его, Рольф кивнул и вышел. Бэннинг остался, его сердце бешено колотилось. Ему не нравилась скрытая угроза, прозвучавшая в словах Джоммо, и ему вообще все это не нравилось.

Машина, принесенная Рольфом, выглядела совсем просто. Тысячи человеческих жизней и мыслей, тысячи лет развития психологии и работы в далеких звездных мирах воплотились в эту вещь, но Бэннинг в своем невежестве видел только кубический ящик с ручками и странными круглыми шкалами на лицевой стороне, и предмет, похожий на массивный раздутый металлический шлем. Джоммо подвесил шлем к потолку и указал Бэннингу на кресло. Бэннинг молча уселся, и Джоммо опустил огромный шлем ему на голову.

Бэннингу вдруг в голову пришла мысль, что, должно быть, сейчас он здорово смахивает на женщину, сушащую волосы под громадным колпаком фена в земном салоне красоты, и он едва не закатился истерическим смехом. И тут на него обрушилось это.

Что именно на него обрушилось, он не знал, возможно, электромагнитные волны вида, неизвестного науке Земли, успел подумать Бэннинг. Чем бы оно ни было, оно вторглось в его мозг с неслышным грохотом, заставило сознание мчаться по сумасшедшей кривой неевклидовой геометрии и кружиться волчком над невероятной бездной. Боли не было. Было хуже, чем боль — безумие скорости, света, полета, мрака, свистящий водоворот, который вращался в его черепе, он был достаточно велик, чтобы засосать в себя всю вселенную. По кругу, по кругу, все быстрее и быстрее, скользя и проваливаясь, беспомощно погружаясь в мучение освобождения памяти по мере того, как барьеры сгорали один за другим и нейроны отдавали запертые в них знания.

...Руки Сохмсея, обнимающие его, лицо Сохмсея — очень большое — над ним, и он сам — очень маленький и плачущий, потому что порезал колено...

...Женщина. Тэрэния? Нет, нет, не Тэрэния, волосы женщины золотые, а лицо ласковое. Мама. Давно...

...Сломанное запястье, но сломано оно не при падении с яблони в Гринвилле, что было одним из фальшивых воспоминаний, рушившихся и исчезающих под напором настоящих. Запястье сломано во время неудачной посадки на одну из планет Алгола...

...Руины. Багровый Антарес в небе, он сам, полуобнаженный подросток, бегающий наперегонки с Арраки среди поверженных статуй Катууна, играющий со звездами, выпавшими из их рук...

Ночи и дни, холод и жара, еда, сон, болезни и выздоровления, похвалы, наказания, учеба. ТЫ — ВАЛЬКАР, ЗАПОМНИ ЭТО! И ТЫ БУДЕШЬ ПРАВИТЬ СНОВА. Воспоминания за двадцать лет. Двадцать миллионов деталей, слов, взглядов, поступков, мыслей.

...Тэрэния. Девочка Тэрэния, моложе его — прекрасная, остроязычная, ненавистная. Тэрэния в дворцовом саду — но это не Зимний Дворец, а громадное суровое здание в столице, — обрывающая лепестки пурпурного цветка и

насмехающаяся над ним, потому что он — Валькар, и он никогда не сядет на трон...

...Прекрасная Тэрэния. Тэрэния в его объятиях, смеющаяся, пока он губами щекотал ее губы, и переставшая смеяться, когда он поцеловал ее. Тэрэния, не подозревавшая, как он ее ненавидел, как глубоко ее детские насмешки ранили его чувствительную гордость, не подозревавшая, как неистово он хотел сокрушить ее.

Тэрэния, верившая в то, что он говорил и делал, верившая в его любовь — это было легко, потому что кто мог не любить Тэрэнию, не быть ее добровольным рабом? — допустившая его в закрытые подвалы, где хранились древние архивы, и в них — потерянный, забытый, спрятанный ключ к тайнам Валькаров...

Воспоминания: о звуках и цветах, о прикосновениях к шелку и женскому телу, к коже и металлу, к неразрушимому пластику страниц древних—древних книг...

...Развалины тронного зала, открытые небу. Задумчивое озеро, звезды, ночь, и Отец. Скорее полубог, чем человек, далекий и могущественный, бородатый, с глазами сокола. В ту ночь Отец рядом с ним, указывающий на звезды.

— Сын мой, Молот Валькаров.

Воспоминания, воспоминания, ревущие, грохочущие! Слова и знания!

Слова и поступки, факты — все аккуратно упаковано, а потом — пустота, провал. Словно завеса опустилась в лаборатории Джоммо. Одна жизнь кончилась и началась другая. Валькар умер, родился Нейл Бэннинг.

Теперь, через десять долгих лет Валькар вновь родился. Но не исчезли ни Нейл Бэннинг, ни те десять лет, когда он один был реален. Эти десять лет теперь принадлежали им обоим.

Валькар и Бэннинг закричали вместе, как один человек:

— Я вспомнил! Я вспомнил! О, Боже, я знаю, что такое Молот!

Он очнулся.

Теперь он знал, кто же он. Он — Кайл Валькар. **НО ОН ТАКЖЕ ПО—ПРЕЖНЕМУ И НЕЙЛ БЭННИНГ!** Воспоминания Бэннинга, настоящие воспоминания последних десяти лет по—прежнему оставались с ним, гораздо более сильные и живые, чем воспоминания Валькара о двадцати предшествующих годах.

Невозможно в один миг отбросить свое «я» последних десяти лет. Он продолжал **ДУМАТЬ** о себе как о Нейле Бэннинге.

— Кайл! — Голос Рольфа, хриплый от волнения. — Кайл?

Бэннинг открыл глаза. Шлема на голове уже не было, и он увидел склонившееся над ним встревоженное лицо Рольфа. Чуть поодаль стоял пристально глядевший на него Джоммо. На его лице невозможно было прочесть что—либо.

— Кайл, ты вспомнил о Молоте?! — Рольф кричал. — Где он, как добраться, что это?

Бэннинг почувствовал, как его охватывает ужас. Да, он вспомнил, вспомнил слишком хорошо! Он вспомнил своего отца, Валькара давних лет, обучающего его по звездной карте, висящей на стене разрушенного дворца.

«...желтое солнце по соседству с тройной звездой, что сразу за дальней границей Мрака — только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль...»

Да, он вспомнил это. И не только это. Он вспомнил то, о чем предпочел бы забыть — тайну Молота, о которой во всей Галактике знал только он.

Часть его, оставшаяся Нейлом Бэннингом, в ужасе отшатнулась от того, что помнил Кайл Валькар. Нет, человек не мог задумать и создать такое, предназначенное для разрушения основ Галактики, для разрушения...

Не следует думать об этом, ему нельзя думать сейчас об этом, иначе его и так перегруженный мозг не выдержит. Да

это и не могло быть правдой! Даже Валькары древности, шагавшие по Галактике как полубоги, не могли отважиться на попытку овладеть такой мощью!

Рольф встряхнул его за плечи:

— Кайл, вернись! Мы подходим к Скоплению, остались минуты, и все зависит от тебя. Ты вспомнил?

Бэннинг заставил себя говорить, с трудом шевеля неповинующимися губами:

— Да... Я вспомнил... Достаточно, чтобы провести корабль через Скопление... я так думаю...

Рольф поднял его на ноги:

— Тогда идем! Ты необходим в рубке!

Бэннинг, все еще не полностью оправившийся, ковылял за Рольфом, но? когда они вошли в рубку, вид на переднем экране потряс его. Он понял всю опасность их положения и необходимость немедленных действий.

Пока его разум был затерян во тьме водоворота времени, «Солнечное пламя» мчалось на предельной скорости к Скоплению Лебеда, и теперь они уже вошли в его дальние окраины. Миллионы солнц поглотили корабль, и он затерялся среди них, как пылинка теряется в огромном пчелином рое.

К счастью, Мрак был в этом квадранте. Мрак, за которым тройная звезда, а рядом с ней — желтое солнце, а на одной из планет желтого солнца — Вещь, настолько ужасная, что...

Нет. Сейчас для этого нет времени, нет времени дрожать в тисках страха. Позже, если ты останешься жив. Позже ты сможешь взглянуть в лицо немыслимому.

НО СМОЖЕШЬ ЛИ? И ЧТО ТЫ БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ, КОГДА НЕЛЬЗЯ СТАНЕТ И ДАЛЬШЕ УКЛОНЯТЬСЯ, И ОТКЛАДЫВАТЬ, КОГДА ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ВЗЯТЬ В РУКУ МОЛОТ И...

Бехрент смотрел на него. На него смотрел и Рольф, и техники, и их лица странно блестели в сиянии Скопления.

— Корабль ваш, — тихо сказал Бехрент.

Бэннинг кивнул. На миг его часть, бывшая Нейлом Бэннингом, отпрянула в ужасе и неведении, но Валькар — вновь

разбуженная половина — сначала бросил взгляд на окружавшее корабль множество звезд, а потом на экран в рубке, на который выводились данные о полете. Мужчина, сидевший за пультом, смотрел на Бэннинга, по его лбу текли крупные капли ледяного пота.

— Встань, — приказал ему Бэннинг и занял место мужчины.

Под его руками теперь были клавиши пульта. И память вернула его в прошлое, оживила умершие навыки и позабытые знания, и ожили пальцы и ощутили каждую клавишу, пульс и дрожь корабля.

Он знал, что делать. Он снова был Валькаром. Он снова был молод и швырял бешено мчавшийся корабль между дикими солнцами Геркулеса, несясь через туманность Ориона, обучался мгновенно и хладнокровно вычислять и принимать единственно верное решение — обучался всему, что когда-нибудь поможет ему пройти через Скопление Лебедя к...

Нет! Не думай об этом. Управляй кораблем. Веди его вперед. Теперь на тебе долг, и тебе нельзя умереть. Твоя смерть обеспечит настоящее, но не будущее. Это создали Валькары, и теперь на тебе долг.

И, кроме того, здесь Тэрэния. Ты ведешь корабль, на котором, находится и она, ты отвечаешь и за ее жизнь.

Управляй кораблем! Веди его вперед!

«Солнечное пламя» летело вперед, крошечная пылинка устремилась в горнило Скопления. Там, снаружи, за звездами, окаймляющими Скопление, корабли имперских сил замедлили ход и недвижимо повисли в пустоте. В сотне командных рубок сотня капитанов бессильно смотрели, как маленькая блеска уходит с экранов их радаров, теряясь в звездном урагане.

Внутри «Солнечного пламени» царило молчание. Тысяча мужчин и одна женщина затаились внутри металлической скорлупки и ждали: жизнь ли им уготована или аннигиляция и смерть.

Под руками Бэннинга — под руками Валькара — напряжение силового поля, несшего крейсер, то возрастало, то уменьшалось, непрерывно компенсируя ужасное тяготение звезд — чудовищ, горящих зеленым, красным, золотым пламенем, — мчавшихся в диком танце за иллюминаторами. Тишину нарушала лишь пульсация генераторов и биение человеческих сердец, а тем временем корабль плыл в гравитационных потоках, как плывет листок в стремнине между огромными зловещими скалами, грозящими размолоть его в пыль.

Понемногу толчея звезд уходила в сторону и перед ними открылся Мрак, черное облако, глубоко врезавшееся в тело Скопления.

Валькар вспоминал. Трехмерные координаты, с поправкой в четвертом измерении на миновавшие девяносто тысячелетий. Повороты, спирали, возвращения назад — сложная ткань окольного пути в Скоплении, каждый компонент которого неизгладимо отпечатался в его мозгу.

Он слышал, как Рольф сказал:

— Неудивительно, что до сих пор никто не проник сюда! Даже просто войти в Скопление — самоубийство, а дальше такой танец...

Корабль вышел к дальней границе Мрака, и появился новый ряд звезд. И среди них — тройная звезда, красный гигант с двумя спутниками, изумрудно-зеленым и сапфирово-синим. А там, за тройной звездой — желтое солнце.

— «...только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль...»

Звезда типа G при нормальных условиях должна иметь по крайней мере одну планету земного типа. И такая планета вращалась вокруг желтого солнца. Бэннинг направил к ней корабль, думая о жестокой иронии совпадения — эта звезда, затерянная в глубинах дикого скопления, так сильно напоминала Солнце, а зеленая планета, плывущая вокруг своего светила, была так похожа на Землю...

Корабль погружался в атмосферу, как камень в воду, и под ним проплывало западное полушарие планеты, ошестившееся горными пиками.

Горной гряды прежде не было, но сразу за ней половину полушария занимало плато очень древней формации, настолько стабильное, насколько вообще, что—либо может быть стабильным в этой изменчивой вселенной. Плато было ровным и пустынным, а в центре его стояло сооружение.

Бэннинг посадил «Солнечное пламя» рядом с сооружением. Он чувствовал себя старым, как время, и таким же усталым. Искра всеобщего возбуждения пробежала по кораблю, раздались слегка истеричные голоса людей, радующихся избавлению от гибели. Бехрент, Рольф, техники, другие люди столпились вокруг Бэннинга. Он поднялся, встряхнул головой и отстранил собравшихся. Рольф начал было выкрикивать какие—то слова триумфа, но Бэннинг посмотрел на него, и Рольф умолк.

— Возьми Джоммо и Тэрэнию, — сказал ему Бэннинг. — Они имеют право увидеть конец. Они проделали долгий путь, чтобы увидеть это.

Бэннинг повернулся и пошел один вниз по коридору к воздушному шлюзу, один, не считая своей двойной тени, обоих Арраки. Он приказал открыть люк и шагнул наружу в свежий аромат девственного воздуха мира, которым никогда не пользовался человек.

За исключением одного раза.

Бэннинг пошел по бесплодной равнине. Солнце висело высоко в чистом голубом небе, на котором кое—где виднелись пятнышки небольших облаков. «ИМЕННО ТАКОЕ НЕБО, — подумал он, — БЫЛО В ТОТ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ НАД ГРИНВИЛЛЕМ». Он содрогнулся, воздух вдруг показался холодным. А перед ним, под плывущими облаками, возвышалось мрачное и могучее сооружение, тысячелетия назад созданное человеком.

— Конечно, человеком, — негромко сказал Сохмсей, эхом отзываясь на мысли Бэннинга. — Какое еще существо способно додуматься до такого?

Бэннинг повернулся к нему.

— Теперь я знаю, что значит увиденное тобой небо в огне. — Лицо Бэннинга было совершенно белым, и на его плечах лежала тяжесть миров — миров, звезд, жизней людей, полуживых — всех живых существ в галактике.

Сохмсей склонил голову:

— Ты знаешь, что делаешь.

Из корабля в сопровождении Джоммо и Тэрэнии вышел Рольф. Они направились к Бэннингу. Свежий ветер развеивал их волосы и трепал одежды.

Лицо Бэннинга исказилось, словно в агонии. Он снова двинулся к Молоту.

Тот вздымался ввысь, стоя высоко на платформе величественной с Манхеттен — по крайней мере, такой она показалась ошеломленному Бэннингу. Чем—то Молот походил на оружие, чем—то на... Нет, он ни на что не походил. Только на себя. Он был первым и единственным Молотом, началом, экспериментом, вынесенном в затерянное секретное место, где было достаточно материала для создания Молота, и откуда он мог достичь...

Бэннинг поднялся на платформу по лестнице, изготовленной каким—то кудесником из сплава металла с керамикой и способной просуществовать дольше, чем плато, на котором она стояла.

Платформа тоже была сделана из материала, на который не повлияли ни выветривание, ни коррозия. Внутри Молота вела дверь из металлокерамического сплава, и за ней были пульта управления и могучие механизмы, черпавшие энергию из магнитного поля самой планеты.

Повернувшись к Сохмсею, Бэннинг резко приказал:

— Не впускай их сюда!

Арраки посмотрел на него. Что — любовь и вера, или отвращение и ужас — светилось в его странных глазах? У

самого Бэннинга в мыслях не было определенности. Горло его болезненно сжималось, руки тряслись, как у старого паралитика.

Сейчас, теперь! Быть Старой Империи и трону Валькаров под сенью знамен с изображением пылающего солнца? Или отдать на милость Джоммо и Тэрэнии не только себя, но и Рольфа, и Бехрента, и всех остальных?

Бэннинг положил руку на грудь и нащупал на тунике сверкавший драгоценными камнями символ, пылающее солнце. И внезапно рванулся в тишину комнаты прямо к рычагам вечных машин, удерживающих в своих недрах мощь Молота.

Он помнил все знания, тысячелетия, передававшиеся от отца к сыну, и все записи древних книг из архивов. Они горели в его мозгу, глубоко вытравленные жгучей кислотой честолюбия и алчности. Он помнил все, и руки его работали быстро.

Вскоре он вышел из комнаты и спустился по лестнице вниз, где его ждали Джоммо, Тэрэния, Рольф и оба Арраки — пятеро свидетелей конца мира.

Рольф начал задавать вопросы, но Бэннинг сказал: «Подожди». Он смотрел вверх.

С колоссального указательного пальца Молота сорвалась длинная молния угрюмого темно—красного цвета. Гигантская молния метнулась к ярко сиявшему в небесах желтому солнцу — и исчезла.

И больше ничего.

Бэннинг почувствовал, что ноги его становятся ватными. Он понял ужас свершения великого святотатства. Он сделал то, чего никогда не делал ни один человек — и ужаснулся.

К нему повернулся Рольф, его лицо выражало дикое нетерпение. Тэрэния и Джоммо выглядели расстроенными и недоумевающими.

— Что, он не работает?! — спросил Рольф. — Молот, он...

Бэннинг заставил себя говорить. Он не смотрел на Рольфа, он смотрел на растущее солнечное пятно,

появившееся на желтом диске и особенно подчеркнувшее яркость солнечного пламени. В нем рос ужас от своего поступка.

— Он работает, Рольф. О, Боже, он работает...

— Но как?! Что...

— Молот, — хрипло сказал Бэннинг. — ЭТОТ МОЛОТ РАЗБИВАЕТ ЗВЕЗДЫ.

Они не смогли сразу вместить знание в свой мозг, так дико и страшно оно было. Да и как могли это сделать они, если его собственный разум отшатывался от него все эти жуткие часы?

Он должен заставить их поверить. Жизнь или смерть — все зависит теперь от этого.

— Звезды, — трудно начал он, — практически любая звезда потенциально нестабильна. Ее ядро служит топкой, где в ядерных реакциях горит, главным образом, водород. Ядро окружает массивная оболочка из гораздо более холодной материи, с высоким содержанием водорода. Рвущаяся наружу энергия центральной топки удерживает холодную оболочку от коллапсирования.

Они слушали, но их лица ничего не выражали, они не понимали, а он должен заставить их понять — или погибнуть. Бэннинг закричал:

— Молот выбрасывает открывающий луч — почти ничто в сравнении с массой звезды, — но этого укола достаточно, чтобы открыть путь энергии ядра на поверхность. А без давления, создаваемого этой энергией, и удерживающего оболочку...

Выражение понимания, смешанного с благоговейным ужасом, появилось на лице Джоммо.

— Оболочка обрушится внутрь, — прошептал он.

— Да. Да, и ты знаешь, что будет потом.

Губы Джоммо двигались с видимым усилием.

— Холодная оболочка, обрушивающаяся в свержгорячее ядро — причина появления Новой...

— Новой?! — Рольф наконец понял, и по его глазам было видно, как это ошеломило его. — Так Молот может сделать любую звезду Новой?!

— Да.

Несколько секунд ужасающая дерзость такой мысли не позволяла Рольфу думать, о чем—либо еще.

— Господи, Молот Валькаров, он может уничтожить звезду и все ее планеты...

Но Джоммо уже оправился от первой реакции и вернулся к реальности.

Он смотрел на Бэннинга.

— Ты использовал его для этой звезды? И эта звезда станет Новой?

— Да. Коллапс, должно быть, уже начался. У нас в запасе несколько часов, не больше. К тому времени нам надо быть как можно дальше от этой системы.

Теперь Рольф понял все. Он смотрел на Бэннинга так, словно увидел его впервые.

— Кайл... Молот... Мы не сможем взять его, он слишком огромен... Значит, он погибнет, когда погибнет планета?

— Да, Рольф.

— Ты... уничтожил Молот?

— Да. Когда этот мир погибнет — через несколько часов — вместе с ним погибнет и Молот.

Бэннинг ожидал от Рольфа крика, отчаянных упреков, удара, даже смерти. Ведь то, что он уничтожил, было жизнью Рольфа, жизнью, проведенной в служении Валькарам, жизнью, стержнем которой была надежда достигнуть Молота, который поможет вложить власть в руки древней династии. И все пошло прахом: все горькие годы адского труда, поисков и борьбы.

Широкие плечи Рольфа понуро опустились. На его массивном, сразу постаревшем лице появилось выражение печали. Голос звучал безжизненно и тускло, когда он произнес:

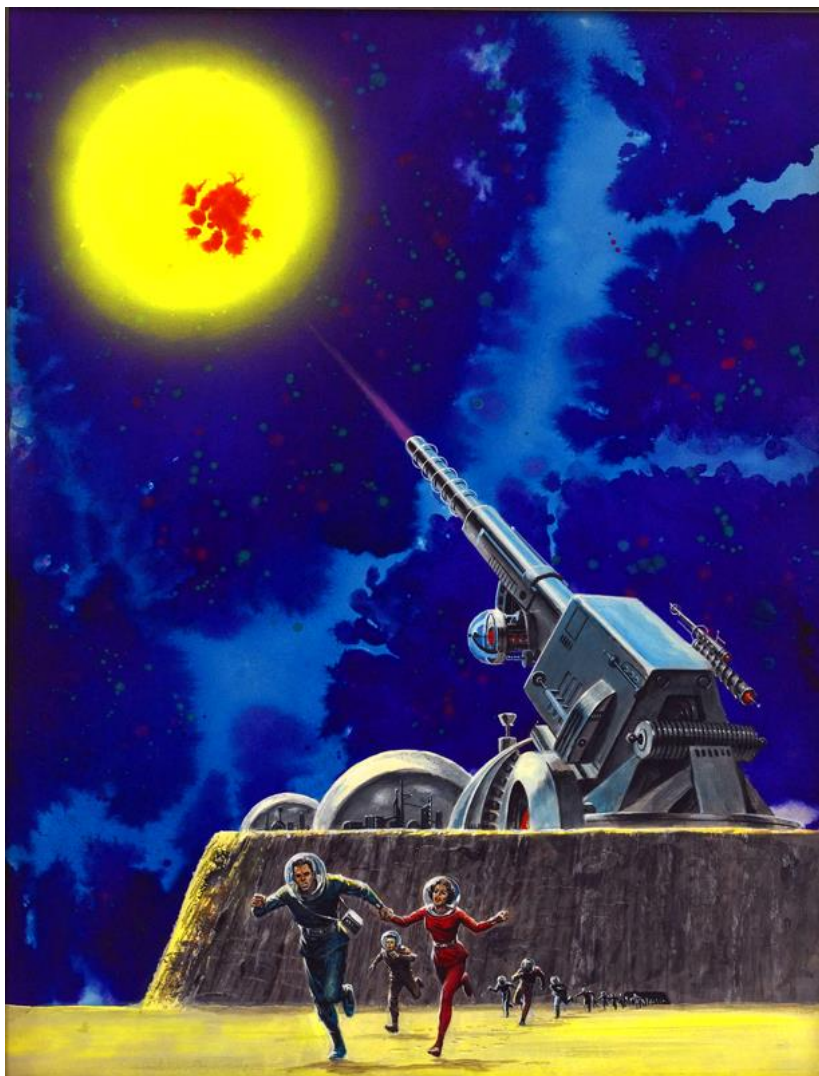
— Ты должен был сделать так, Кайл.

Сердце Бэннинга подпрыгнуло.

— Рольф, ты понял?

Рольф кивнул, медленно и тяжело:

— Древние Валькары зашли слишком далеко. Боже, не-
удивительно, что галактика восстала против Старой Импе-
рии! Убивать звезды — слишком ужасно, слишком

неправильно... — После секундного молчания он с трудом добавил: — Но это нелегко, отказаться от мечты...

Тэрэния смотрела на них широко открытыми изумленными глазами, и краска волнения вспыхнула на ее подвижном лице. Она шагнула вперед и схватила руку Бэннинга.

— Кайл Валькар, — нерешительно сказал Джоммо, — не отказался бы от такой мечты. Но ты сейчас так же и другой человек, землянин. Вот единственное, на что я надеялся, восстанавливая твою память.

За это время, такое краткое, но показавшееся таким долгим, вокруг потемнело. Бэннинг посмотрел вверх.

Вид желтого солнца становился угрожающим. Оно потускнело, как будто на него набросили вуаль, так облачко служит предвестником бури. Лица людей посерели в меркнувшем свете. Сохмсей и Киш, уродливые и спокойные, молча ждали. Очертания зловещей громады безжалостного Молота теряли свою четкость.

— У нас мало времени, — принудил себя говорить Бэннинг. — Его может оказаться меньше, чем я рассчитывал — нам лучше улететь поскорее.

Они поспешили к «Солнечному пламени». И вдруг страх охватил Бэннинга, страх, которого никогда не приходилось испытывать человеку. Звезда вот-вот взорвется, и тогда планета, по которой они сейчас идут, сгорит в расширяющейся оболочке умирающего светила, как бабочка сгорает в пламени камина. К кораблю они уже подбегали.

Бэннинг, едва сев за пульт, рванул крейсер вверх с сумасшедшей скоростью. Усилием воли он унял дрожание рук, теперь от них снова зависели жизни всех людей на корабле. Он вел корабль все дальше и дальше, а желтое солнце все сильнее туманилось, тускнело, и...

— НЕ СМОТРЕТЬ! — крикнул Джоммо. — Светофильтры на экраны! Светофильтры, быстро!

Гигантская волна неистовой энергии хлестнула по силовому полю и корабль вышел из повиновения. Бэннинг, яростно нажимающий на клавиши, мельком увидел звезды,

в безумном хороводе мчавшиеся через теперь затемненные экраны. И по мере того, как корабль вращался, в поле зрения попадала оставленная ими желтая звезда.

Она росла — космический огненный цветок, разворачивающий свои смертоносные лепестки с невообразимой скоростью. Она заставила поблекнуть сияние Скопления, а Мрак дико вспыхнул отраженным светом. Казалось, вся галактика, содрогаясь, отшатнулась от нестерпимого блеска взрывающейся звезды.

Звезды, которую убил он...

Корабль продолжало крутить, швырять, трясти, как лодку в бурю, и страшное зрелище исчезло из виду.

Тройка звезд — зеленая, красная, голубая — возникла в грозной близости, и крейсер несло на них. Бэннинг ударил по клавишам и рванул корабль вверх, но крейсер сорвался обратно, и снова Бэннинг дрался за освобождение, и снова, и снова...

Ему казалось, что он обречен вечно сражаться с клавишами, с обезумевшими и бесполезными символами на экране, с мощью разрушенной звезды, которая как будто стремилась догнать и уничтожить человека, взорвавшего ее, как она уже уничтожила свои планеты и Молот.

Потом медленно, очень медленно сознание Бэннинга начало воспринимать что-то помимо клавиш под его пальцами; медленно, очень медленно он понял, что сильнейшие волны энергии прошли, что «Солнечное пламя» практически обрел устойчивость и удаляется от внушающего трепет пожара, охватившего небо позади них.

Рольф заговорил с ним, но он не услышал ни слова. Рольф схватил его за плечи, закричал прямо в ухо, и по-прежнему Бэннинг его не слышал. С ним заговорила женщина, но и для нее он оставался слеп и глух.

Но наконец Бэннинг все же услышал голос — голос из древних, древних времен, всего лишь шепот, но этот шепот проник сквозь броню, которую не смогли пробить крики других.

— Все свершилось, господин. И корабль в безопасности.

Бэннинг медленно повернулся и увидел мудрые и любящие глаза Сохмсея. Он перевел взгляд на видеозэкран. Крейсер мчался через окраины Скопления, и впереди открывались широкие просторы свободного космоса.

За его спиной встревоженно суетился Бехрент, готовый принять управление. Бэннинг понял: они боялись, что он слегка помешался.

Он поднялся и за пульт сел Бехрент. Бэннинг обвел взглядом белые лица вокруг него и посмотрел на задний видеозэкран. Там, позади, теперь далеко позади, он увидел за дальней границей Мрака великолепный погребальный костер.

— Кайл, — хрипло сказал Рольф. — Кайл, послушай...

Бэннинг не слушал. Он убил звезду, теперь на нем бремя космической вины, и ему было невыносимо видеть их лица и слышать их слова. Он прошел мимо них, проковылял по коридору в каюту и закрыл иллюминатор, чтобы не видеть там, позади, дело своих рук.

Он сидел, ни о чем не думая и не пытаясь думать. Крейсер мчался вперед. Казалось, прошли долгие годы, прежде чем открылась дверь и вошла Тэрэния.

— Кайл. КАЙЛ!

Он поднял взгляд. Ее лицо было бледным и странным, вся ненависть, весь гнев куда-то исчезли. Он вспомнил, что должен поговорить с ней.

— Тэрэния, Рольф и Хорик, и все остальные...

— Да, Кайл?

— Они шли за мной. А я обманул их ожидания, уничтожил их единственную надежду.

— Они должны понять, что ты не мог поступить иначе! Ты сделал это для всей галактики!

— Знаю — но я был их вождем. Я хочу сделать тебе предложение. Ты и Джоммо перейдете на корабль вашего флота, который ждет нас там. Я пойду с вами. Но всем остальным — полное прощение.

— Пусть будет так, Кайл.

— Тэрэния, скажи об этом Рольфу сама.

Она вышла из каюты. Когда она вернулась, с ней были Рольф, Джоммо и Сохмсей. Рольф быстро глянул на Бэннинга и вздохнул.

— Так, значит, он пришел в себя. Ну, неудивительно, что...

Тэрэния заговорила с ним, и брови Рольфа сердито сдвинулись.

— Пощада нам и смерть Валькару?! Нет!

— В своих мыслях она не желает смерти Валькару, — шепнул Сохмсей.

— Нет, — сказала Тэрэния. — О нет!

Бэннинг посмотрел на нее. Он в первый раз за это время разглядел ее лицо и увидел в нем то, что показалось ему невероятным.

— Могут ли минувшие годы, может ли человек из прошлого вернуться обратно, Тэрэния?

В ее глазах появились слезы, но голос оставался твердым.

— Не человек из прошлого, не только Кайл Валькар. Его я не смогла бы полюбить снова, но...

Джоммо вздохнул.

— Ну что ж... — Он отвернулся с опечаленным лицом. Потом повернулся обратно и протянул руку. — Я ненавижу Валькара. Но я сделал его другим человеком и думаю, что с этим человеком я мог бы сотрудничать.

Рольф изумленно смотрел на них, на Бэннинга и Тэрэнию.

— Но я думал, что, в лучшем случае, вы отправите его обратно на Землю!

— Оставим пока Землю, — сказала Тэрэния. — Когда-нибудь — и не так уж долго осталось ждать — Империя придет туда с дружбой. Но не сейчас. И не Валькар. Он человек звезд — как и все вы. Добро пожаловать, если пожелаете, к себе

домой, в Империю. Не в Старую Империю, не в Новую Империю — в просто Империю.

— Клянусь небесами! — воскликнул Рольф. — Так, значит, Валькар все же может сесть на трон?

Старая имперская гордость вспыхнула в глазах Тэрэнии.

— Не на трон, нет! — Но на ее лице, обращенном к Бэннингу, было написано волнение.

Он взял Тэрэнию за руку. Они не были влюбленными, пока они были лишь знакомыми, раз он теперь не тот человек, которого она когда-то любила. Но, может быть, новый человек, Бэннинг—Валькар, сможет завоевать то, что завоевал и отбросил Валькар.

Какой далекой казалась теперь Земля и годы, проведенные там! Эти годы изменили его и, как он думал, не в худшую сторону. Но здесь, в сияющих межзвездных просторах, была его родина, его будущее, его дом.

Только смертный может избежать Сумерек Богов!

Глава 1. РУННЫЙ КЛЮЧ

Брэй взволнованно позвал меня с передней палубы шхуны.

— Кейт, ваша догадка оказалось правильна. В этом трале есть что—то подозрительное!

Непреднамеренно я задрожал от внезапного холода опасности. Так или иначе, я знал, что трал поднимет что—то из ледяного Арктического моря. Чистая интуиция заставила меня убедить Брэя опустить трал в этом неперспективном месте.

— Поднимай, Брэй! — попросил я, и поспешил через мусор, сани и рычащих собак.

Наша шхуна, крепкий вспомогательный ледокол "Питер Саул", находился на якоре в Море Линкольна, в четырех сотнях милях к югу от Полюса. В сотне ярдов вдалеке протянулись к северу великолепные белые области льда, — обширное, замороженное, едва исследованное место.

Когда мы сюда добрались, то ночь покрыла лед, но так или иначе я предложил идею, что Брэй, океанограф, должен попробовать свою удачу здесь. Брэй сначала смеялся над моей догадкой, но, наконец, согласился.

— Ты что, псих Кейт? — спросил он. — Взгляни, что поднял трал!

Тяжелый, выглядящий древним, золотой цилиндр, приблизительно длиной восемь дюймов, был извлечен липким, в замороженной грязи. На его сторонах был выгравирован ряд подозрительных, почти стертых символов.

— Что это, во имя мира? — выдохнул я. — И что за письмена на нем?

Халсен, большой, бородатый норвежский моряк, ответил мне.

— Те письма на написаны на моем собственном языке, сэр.

— Ерунда, — возразил я резко. — Я прилично знаю норвежский. Те письма — не на вашем языке.

— Не на том, на котором мой народ пишет сегодня, — объяснил Халсен, — а старый норвежский — рунное письмо. Я видел такое же письмо на старых камнях в музее Осло.

— Норвежские руны? — пробормотал я. — Тогда они, должно быть, прокляты древними.

— Давайте покажем это Дубману, — предложил Брэй. — Он должен быть в состоянии перевести нам.

Дубман, язвительный маленький археолог экспедиции, посмотрел в раздражении на наше эскимосское собрание, когда мы пришли. Сердито, он взял цилиндр и впился взглядом в него. Немедленно его глаза зажглись позади толстых очков.

— Старо—норвежский! — воскликнул он. — Но эти руны — наиболее древней формы, довальдштейнские! Что это?

— Возможно, руны на нем помогут дать нам разгадку, — сказал я нетерпеливо.

— Я скоро выясню, что они означают, — объявил Дубман.

С лупой, он начал исследовать символы, выгравированные на золотом цилиндре. Брэй и я ждали. Я чувствовал себя необычно напряженным. Только не мог понять, почему я был так возбужден относительно этой находки, но все относительно нее, было подозрительным. Постоянный внутренний голос продолжал сообщать мне: "Заставь Брэя подвести трал сюда!". И первый раз, когда это было сделано, трал поднял золотую трубу, которая, должно быть, лежала на ложе океана в течение столетий.

— Получилось! — заявил Дубман, смотря. — Эта вещь стара, с наиболее древней формой рун. Перевод не сообщает многого. Послушайте это:

"Рунный ключ — это я,
Формирование цепочки темного зла,
Мидгард — змея,
Фенрис, и Локи — хитрый дьявол.
В то время как я лежу далеко,
Озиры — в безопасности,
Не принеси меня домой,
Чтобы Рагнарёк не прибыл со мной."

Холод слегка прошел через меня, как если бы перевод тех древних рун мог ужаснуть меня. Нетерпеливо я стряхнул это чувство.

— Что означают письма относительно озиров и Локи? — спросил я.

— Озиры были древними норвежскими богами, вечно юными и мощными. Правитель Один и озиры жили в легендарном городе Асгарде. Локи воевал против них. Со своими двумя близкими — чудовищным волком Фенрисом и большой змеей Мидгардом, Локи присоединился к джотанам, врагам гигантов—богов. Боги в конце победили, и приковали цепью Локи с его волком и змеей. Но было предсказано, что, если Локи, когда-либо сломает свои оковы, это вызовет Рагнарёк — гибель озиров.

— "Не принеси меня домой, чтобы Рагнорек не прибыл за мной", — указал он. — Этот ключ утверждает, что является тем, что заперло Локи и его домашних животных. Вероятно, какой-то древний норвежский священник выбросил его в море.

— Я не понимаю этого, — пожаловался Брэй. — Что заставило тебя, сказать мне, выпустить трал именно в этом месте, Кейт?

Когда я поднимал золотой цилиндр, поток подозрительной власти управлял моей рукой. Так это или иначе, но казалось, что-то предупреждало меня опустить его назад в море. Но я не повиновался, потому что кто-то чужой приказал, чтобы я держал рунный ключ.

— Я могу изучить его в течение нескольких дней? — спросил я резко. — Я буду обращаться с ним с сильной осторожностью.

— Я не знал, что Мастерс имеет археологические вкусы, — произнес удивленно Дубман. — Но Вы ответственны за его обнаружение его, так что Вы можете поддержать его некоторое время. Тем не менее, не потеряйте его, или я сдеру с Вас кожу.

Через небольшое кольцо на одном конце цилиндра, я пропустил шнур и повесил его вокруг своей шеи. Он был холодным и охлаждал мою кожу, а также угрожающе постоянно предупреждал ...

Естественно, я не был суеверным типом. Помимо моих тридцати лет самовоспитания, исследовавшего очевидные истины, я унаследовал осторожный скептицизм моих шотландских предков. Во всяком случае, ученые не могли признать существование сверхъестественного. Подобно большинству других физиков, я утверждал, что имеется все еще много сил, которых наука не имела времени исследовать. Когда она это сделает, не будет никакого места для суеверия, для веры в сверхъестественное — а так, просто невежество естественных законов.

Я стал работать вдвое больше, чем кто — либо еще, загружая наш маленький ракетный самолет для моего первого разведывательного полета на север. Но даже интенсивная физическая работа не могла заставить меня забыть злоеющую холодную силу относительно рунного ключа под моей рубашкой, хотя ...

Угрожающий поток чувствовался более сильнее, когда я стоял на палубе той ночью. Наверху пульсировало Северное Сияние, перемещаясь знаменем неземного света, изменяя огромный замороженный океан от белого до зеленого, фиолетового и темно—красного. Подобно безумному музыканту, замораживающий ветер играл на реях шхуны, делая звуки и глубокие голоса из мачт.

Но рунный ключ под моей рубашкой мучил меня со своими противоречивыми требованиями. Он приказывал, чтобы я бросил его в ледяные воды. Беспомощный, я выди-
рал его и тащил на шнуре, пробуя выбросить его. Затем бо-
лее сильная команда заставляла меня отложить это.

Я проклял момент, когда расстегнул рубашку. Почему я
должен хотеть уничтожить что-то потенциально ценное
для науки? Тем не менее, для себя я понял, что требования
рунного ключа были более сильные, чем мои собственные.

— Это можно объяснить с научной точки зрения, — про-
бормотал я тревожно. — Все имеет научное объяснение, как
только мы сможем изолировать это.

Но как мог маленький, золотой цилиндр проникнуть че-
рез мое сознание и управлять им, подобно манипулятором?
Что заполняло мое сердце сомнением и страхом?

Для всего моего осторожного скептицизма и научного
обучения, я не мог ответить ни на те настойчивые вопросы,
ни предостережения от мучений проклятой вещи ...

Глава 2. ТАЙНАЯ ЗЕМЛЯ

Это было блестящее арктическое утро. Солнце сверкало
на белом льду, спокойном сером море и побитом корпусе
"Питера Саула". Я был готов к моему первому разведыва-
тельному полету на север. Доктор Джон Каррул, руководи-
тель экспедиции, позвал меня к перилам шхуны.

— Не летите слишком далеко в первом полете, Мастерс.
И сразу возвращайтесь, если погода станет угрожающей.

— В течение нескольких дней не будет никаких штормов,
— ответил я уверенно. — Я знаю арктическую погоду.

— Вы бы лучше оставили рунный ключ со мной, — прон-
зительно прокричал Дубман. — Я испытал бы крайне непри-
ятное чувство, потеряв его, если Вы потерпите аварию.

В течение прошедших нескольких дней, золотой ци-
линдр не был вне моих мыслей. Относительно угрожающей
силы, излучаемой из ключа, она все еще была далеко за

пониманием науки. Я проверил его электроскопами, но они ничего не зарегистрировали. И все же тот излучал некоторую тревожную силу. Это было той же самой мысленной командой, которая боролась с другой, которая пробовала заставить меня выбросить ключ. Сверхъестественные или нет, но, очевидно, они должны были иметь какие-то рациональные, мирские объяснения.

Моя навязчивая идея с тайной, сделала меня книгочеем старых норвежских мифов Дубмана. Озиры, гласили легенды, жили в легендарном городе Асгарде, который был отделен от земли Мидгард глубоким заливом, через который лежал замечательный Радужный Мост. В Ниффлехейме, вокруг Мидгарда, все лежало замороженным, жизнь там была не нужна.

В большом зале Валгаллы правил Один, король озирон, и его жена Фригга. А в других замках проживали иные боги и богини. Локи, предатель озирон, был заключен с его двумя чудовищными домашними животными — волком Фенрисом и Мидгардовской змеей Иоармунгандром.

Я читал относительно джотанов — гигантах, которые жили в темном Джотанхейме и постоянно боролись против озирон. Также имелись карлики земли — альфинги, которые проживали в подземном Альфхейме. Но все боялись ада, злой смерти богов — зала, находящийся около темного города джотанов — Маспельхейма, пламенного царства, под Мидгардом.

Одна вещь в этих легендах впечатлила меня. Они изображали озирон как смертных существ, которые обладали тайной вечной молодости, что-то среднее между гигантами и карликами. Ни один из них не старел, но любой мог быть убитым. Если бы Локи был выпущен, вызвав Рагнарёк — сумерки богов — озирон погибли бы.

Когда я зарылся глубже в книги Ридберга, Андерсона и Ду Чаиллу, я узнал, что этнологи думали, что имелось некоторое реальное основание этих легенд. Они полагали, что

озиры были реальными людьми с удивительными способностями.

Все мое чтение только усилило интерес к загадочному рунному ключу из моря. Я знал, что это граничит с суеверием, но я чувствовал, что, если я был далеко от влияния остальных, проклятая вещь могла бы фактически возобладать надо мной.

— Я вернусь через четыре склянки, — сказал я. — Если меня не будет дольше, направьте по маршруту санные нарты.

— Уверен, что Вы не дадите нам таких шансов, — произнес доктор Каррул с тревогой.

Пронесясь поперек льда, ракетный самолет заревел в холодном воздухе. Я закружил над шхуной, поднялся выше, и затем направился на север вдоль льда. В пределах десяти минут, я летел по бесконечному пространству замороженного Арктического Океана, в теплой и аккуратно заполненной кислородом кабине.

Обширная белая равнина блестела подобно алмазам в солнечном свете, морской лед был расколот, и имелась длинная полоса открытой воды. Моя миссия была составить диаграмму самого легкого маршрута к Полюсу — так чтобы сани не теряли никакого времени на окольный путь или взбираясь по горным хребтам. Как только погодный лагерь наблюдения будет установлен, я принесу запасы на самолете.

Сотни тысяч квадратных миль огромного моря льда, которые никогда не были увидены человеком. Последний реальный дом тайн Земли был поразительно красив — но зрелище было убийственное, ужасающее, зловещее ...

Поглощенный созданием карты льда внизу, я сохранял самолет на курсе, и мой смысл времени был временно парализован. Ракетный мотор ревел неустанно, а лед бесконечно развернулся внизу. Когда мой самолет резко покачнулся, я понял, что внезапно повысился ветер. Я посмотрел вокруг,

пораженный. Огромная темная стена возвышалась поперек южного горизонта.

— Черт побери, я никогда не назову себя погодным предсказателем снова, — поклялся я. — Только шторма не хватало. Но он есть!

Я накренился вокруг резко, и полетел на юг, борясь, чтобы возвыситься выше шторма. Но чем выше я поднимался, тем, казалось, выше повышалась черная, кипящая стена шторма. Я понял, что пойман.

— Две минуты, чтобы пожить, — предсказал я. — Это будет быстрая смерть ...

Шторм — облако язвительного снега, схватило мой самолет подобно гигантской руке. Ошеломленный воздействием, оглушенный, я качал носом вокруг и позволял ветру относить самолет на север. Не было никакой надежды бороться. Я мог только лететь вместе с бурей, пока ее ярость не спала. Целое темное небо бушевало вокруг меня, заполненное кричащим ветром и снегом. Обхватив штурвал, я боролся, чтобы удержать раскачивающийся самолет в воздухе.

Но почему рунный ключ внутри моей рубашки, кажется, пульсирует с ужасным предупреждением? Почему тот чужой голос в моем сознании кажется нетерпеливым и ликующим? Почему я почувствовал, что там действительно что-то было — целеустремленное относительно направления этой бури? Шторм подошел внезапно из ясного неба, как только мой самолет был в воздухе. Теперь он швырял меня прямо, в одном направлении.

Неизбежная опасность смерти стала менее расстраивающей, чем растущее подозрение, что имелось что-то преднамеренное относительно шторма. Сила предупреждения, пульсирующая из рунного ключа, и дико ликующий чужой голос в моем мозгу, объединились, чтобы деморализовать меня.

После почти шести часов полета, непрерывно управляемым штормом, я получил самый большой удар. Глядя вперед через матовые окна кабины, я внезапно понял, что

впереди имеется большая мертвая область, — которую я не мог видеть!

— Это не может быть реальностью! — выдохнул я. — Колоссальное невидимое пятно ...

Мое зрение, казалось, заскользило вокруг той обширной области. Я мог видеть лед вне его на множество миль вдаль. Я мог видеть лед с обеих сторон этого. Но только непосредственно в области его не просматривалось.

— Какая—то уловка преломления, возможно из—за земных магнитных потоков, которые являются сильными здесь, — пробормотал я. — Возможно, это связано с тайной Сияния.

Мое научное рассуждение не успокоило мои нервы. Шторм перенес меня сюда, прямо к этому огромному невидимому месту. Когда я был почти на краю загадочной области, мое зрение, казалось, заскользило дальше, в любую сторону, почти под правильными углами. Если это было преломление, то такого типа, который был полностью неизвестен науке.

Мой унесенный штормом самолет мчался с опрометчивой скоростью к краю обширного невидимого места. Я не мог видеть вообще ничего впереди. Все казалось безумно искривленным из центра, искаженного той сверхъестественной стеной.

Резко буря бросила мой раскачивающийся самолет непосредственно через фантастическую стену, которая сделала вызов моему зрению — и я оказался внутри невидимого места! Но теперь я не мог видеть вне его.

— Это невозможно! — задыхался я, пораженный ужасом.

Я мог видеть только интерьер большого места — бушующий океан, изгибающийся к зловещему горизонту. Черные волны, черные облака ... Внезапно я задохнулся в изумлении. Далеко впереди вырисовывалась длинная, высокая масса отталкивающей темной земли.

Шторм все еще был со всей его первоначальной яростью, неся меня опасно низко над пеной волн к отдаленной земле.

Через несущийся снег, я обнаружил слабое зеленоватое сияние. Но ощущение непосредственной опасности меня деморализовало. Я не мог приземляться в том порочном море. И все же при этом я не мог подняться снова в той буре.

Земля, на которую я бросил взгляд, была теперь в миле передо мной, ее хмурающиеся восточные утесы, протягивались прямо поперек моего курса. Серые пропасти были высотой в сотни футов. Выше них, по земле бежали темные леса и косматые лесистые холмы, где никакое приземление не было возможно. Затем я увидел маленький пляж, усыпанный валунами. Чистое отчаяние заставило меня направить самолет к нему.

По кипящему белому аду я прорвался. Мои колеса коснулись пляжа. Прежде, чем я смог затормозить передними реактивными двигателями, окно кабины разбилось от удара о валун. Но это было единственное повреждение, прежде чем я остановился вне досягаемости волн.

Я отключил ракетный мотор и выбрался из самолета. Мои колени дрожали от реакции длительной напряженности. Но земля и море внутри невероятного слепого места заставили забыть мое истощение.

Воздух был остро холодным. Это был холод обычной северной весны. Тем не менее, это был не ожесточенный полярный холод, как должно было быть. Небо темнело с облаками, убегаящими перед бурей. Шум бушующего прибоя и острых, вопящих ветров был громок в моих ушах. Незвестно даже с чем сравнительная теплота, окутывалась слабым зеленым сиянием, которое, казалось, проникало в воздух. Естественный жар, который только что был замечен, потоком поднимался вверх от земли. Это было странно волнующе.

— Это могла оказаться гамма—радиация из какого—то неизвестного источника, — рассуждал я. — Которая может объяснять преломление, что делает эту целую область невидимым местом. Мне жаль, что у меня нет здесь инструментов, чтобы это проверить. Надеюсь, она не имеет обычных

эффектов гаммы—радиации на человеческие ткани. Но она кажется подбадривающим.

Волнение начало расти во мне. Я нашел здесь, в полярных водах, скрытую землю странной теплоты, полностью неизвестной цивилизации. Эта странная уловка преломления бросала вызов открытию до сих пор. Никакой ученый не мог находиться в этом невидимом месте, без того, чтобы чувствовать убеждение исследовать его. Ожидать, пока утихнет шторм, и затем улететь из невидимой области, вернувшись на судно за регулярной исследовательской партией — было бы более мудрым. Но подобно каждому другому человеку, я имел желание быть первым на неизвестной земле.

Я пришвартовывал самолет между двумя валунами и снял куртку — одежду для арктической погоды, которую надел в полет. С пакетом шариков продовольствия и одеял на спине, я начал подниматься на зубчатую, скалистую стену.

Задыхаясь от дыхания, я достиг края высоких утесов. Холодные морские ветры обдували меня, и шум прибоя звучал снизу. Резкий крик чаек поднялся и закружился вокруг меня.

Справа лежал край утесов. Слева — полоса вереска, заканчивающаяся лесом елей, изгибающихся на ветру. За темным лесом, косматые ели, лесистые холмы круто возвышались. К югу лежали возвышающиеся лесистые холмы, занимающие большую часть земли. Это был дикий северный пейзаж, суровый, резкий, неприветливый. Все же, так или иначе, я наслаждался, являясь единственным, среди кричащих ветров и чаек, быстро развивающегося прибоя, и стонущих деревьев.

Я бросил взгляд на высокий небольшой остров. Его утесы явно возвышались на тысячи футов от зеленого моря. Его плоская вершина была на уровне с материком, и отделена от него только узкой, глубокой пропастью, через которую поднимался океан.

Но на самом возвышении остров сосредоточил серые башни — здания! Большие замки выделялись смело в небо, сгруппированные в удивительный город на маленьком плато. От острова до материка проходила арка громадного моста, поднимающаяся из камня на сотни футов. Окрашенный в блестящие красный, синий и желтый цвета, он мерцал подобно установленной радуге.

Мост Радуги вел к высокому орлиному гнезду больших серых замков! В памяти пронеслись ошеломляющие легенды, которые я читал так недавно — Асгард, легендарный город норвежских богов — Мост Радуги, который соединял его на высоте с Мидгардом.

Я рассматривал город озиров? Невозможно! И все же это место было реально ...

Глава 3. ДЖОТАНЫ И ОЗИРЫ.

Нечеловеческий крик громко поразил меня. Я огляделся. Наездник на лошади скакал по краю утеса, прибывая с юга.

"О господи! — задохнулся я. — Все это похоже на сон?"

Всадник обремененного черного коня был девушкой, но ничего подобного, когда-либо прежде я не видел. Она носила металлический шлем с крылышками, под которым ее яркие желтые волосы струились подобно пламени на ветру. Синие глаза вспыхнули ненавистью с красивого, сердитого лица. Ее одежда блестела в броне. Ее белые колени были голыми, охватывая седло. Прямой, легкий меч, отсвечивающий в ее руке, был направлен вниз на меня.

— Как ты смеешь появиться в Асгарде, шпион, джотановская собака! — закричала отчаянно она на языке, который был очень близким к норвежскому. — Смерть за это!

Тогда то, высокое орлиное гнездо больших серых замков было Асгардом, домом легендарных озиров! И эта гневная девица викингов спутала меня с джотаном, одним из расы, которая была смертным врагом озиров! Я придумал все это,

или я фактически наткнулся, так или иначе, на землю древней викингской легенды?

Затем я очнулся к реальности опасности. Поскольку меч девчонки нанес удар мне в грудь, я увернулся под ним. Я почувствовал взмах лезвия над головой, когда ее лошадь проскакала мимо. Стремительно я прыгнул и схватил ее одежду в броню руку. После этого я сорвал ее с седла.

Меч отлетел из ее захвата, когда она упала. Но она бросилась к нему в едином движении. Я прыгнул за ней и поймал прежде, чем она могла достигнуть оружия. Она боролась подобно тигрице. Сила ее стройного, одетого в броню тела была удивительна. Ее маленький кулак ударил неистово по моему рту.

— Дрянь из Джотанхейма! — шипела она.

Я, наконец, преуспел в сковывании ее рук по сторонам. Ее белое лицо, в дюймах от моего собственного, сверкало гневом, ее морские синие глаза, бурлили в диком гневе. Она была красива, с ярким очарованием, подобно буре. Ее защищенная шлемом, золотая голова доставала мне только до подбородка, но ее синие глаза пристально смотрели на меня без следа опасения.

— Ты будешь свисать со стен Асгарда, джотан, за то, что осмелился поднять руку на меня! — прошипела она.

Она говорила странно, на старинной форме норвежского языка. Я ответил на норвежском, который я знал.

— Почему Вы пробовали убить меня? — спросил я. — Я — не ваш враг.

— Ты — джотан, враг озеров, — объявила она. — Ты имеешь темные волосы истинной джотановской собаки, даже при том, что ты оделся в диковинные предметы одежды. И ты смеешь шпионить на Асгарде!

В старых легендах, вспомнил я, могущественные озиры были светловолосые. Их смертные враги, джотаны, были темноволосые.

— Никакой я не джотан, — сказал я искренне. — Я недавно прибыл на эту землю, издалека, из внешнего льда.

Она засмеялась презрительно.

— Ты думаешь, что я поверю, что ты прибыл извне, из замороженного Ниффлехейма? Твоя ложь даже не умна. Почему ты медлишь убить меня? Смерть предпочтительна от нашего контакта, джотан. И смерть Фрейи будет вскоре отомщена.

— Фрейя? — задохнулся я.

Эта девушка была Фрейя, кому поклонялись старые викинги — Фрейя с белыми руками, самая прекрасная из озиргов? Это было невозможно! Она была реальна, тепла, окрашена ненавистью, когда стремилась освободить себя. И все же она говорила относительно Асгарда. То отдаленное орлиное гнездо серого замка было Асгардом так, как легенды описывали его, даже летящий Мост Радуги, который соединял его с материком.

— Я не могу понять Вас, Фрейя, — колебался я, все еще держа ее. — Мое имя — Кейт Мастерс. Я прибыл извне, со льда Ниффлехейма, как Вы называете его.

На мгновение, сомнение смягчило ее бурные синие глаза. Затем она посмотрела мимо меня, и они снова стали ожесточенными и заполненными ненавистью.

— Ты не нуждаешься больше во лжи. Теперь прибывают твои товарищи, джотан, чтобы помочь тебе.

Я стоял потрясенный. Восемь людей приближались украдкой, после того как привязали своих лошадей на краю леса. Они были более высоки, даже чем я. Их волосы были черные как мои, и висели вниз в косматых узелках, из-под

подобных кепкам металлических шлемов. Они носили туники из брони, перекрывающие металлом все тело, и высокие латы на ногах, а также несли мечи и щиты. Их чернородатые лица выглядели, зверски.

— Убейте этого человека! — заревел мускулистый человек, указывая на меня своим мечом.

Они прибыли ко мне группой. Легкий, прямой меч в моей руке, светился злобно. Я занимался фехтованием на саблях, поскольку этот вид спорта входил в программу университетских дней. Этот меч был подобен лезвиям, которые я использовал.

Его частица прошла через горло джотана, затем качнулась, хлестнув по шее его самого близкого товарища. Оба человека рухнули, но другие продвинулись. Я знал, что я

сделал. Реальная жизнь не подобна кино. Один человек не может устоять против шести в борьбе на мечах.

— Мы — на краю утеса, — сказал Фрейя спокойно. — Другие наступают, мы отступим и упадем.

— Позаботьтесь, чтобы не столкнуть человека с утеса, — закричал озабоченно капитан джотанов. — Мы не должны потерять его тело!

Относительно этой причины, его предостережение дало мне шанс, который я не мог не использовать. Я встал против их острых лезвий, отражая дикие толчки. Но такое сражение не могло продолжаться долгое время. Моя рука уже была утомлена, и я был истощен всем, через что я прошел.

— Он слабеет! — взревел капитан джотанов. — Ударьте точно в цель!

В этот момент я услышал гром приближающихся копыт.

— Помощь прибыла! — закричала Фрейя. — Мой родственник Ярл Тор!

Джотановские воины остановились и огляделись вокруг. Рев из гнева и ужаса донесся до них. Два всадника скакали из Асгарда, сопровождаемые пешим отрядом. Золотоволосый человек был защищен шлемом, чьи красивые лица были вне себя от гнева. Маленькие глаза другого краснолицего сверкали. Его желтая борода развевалась, он качал огромным молотом, и мне казалось, что это его единственное оружие.

— Хаммерер! — закричали джотаны.

Они с ужасом побежали, спасаясь к своим лошадям. Но было слишком поздно. Ужасный рев гневного быка донесся от бородатого, с лысой головой, гиганта. Его огромный молот разбил шлем и череп джотана подобно картону. Не замедляя большого шага лошади, гигантский Хаммерер качнул свое ужасное оружие в голову другого джотана.

— Это — Ярл Тор, и мой родственник Фрей! — заявила прохладно Фрейя.

Тор, самый могущественный из старых богов легенды, самый сильный из озиров? Фрей, мифический родственник Фрейи? Я пожал плечами в убежденном скептицизме.

Ни один из убегающего джотанов, не достиг своих лошадей. Подобный молнии меч Фрея нанес два направляющих удара, а ужасный молот бородатого Тор, поверг других. Затем Тор и Фрей спешили с лошадей. Хаммерер произнес следующий рев гнева и побежал прямо ко мне.

— Есть еще джотановская собака, которую мы пропустили!

Прежде, чем я смог двинуться, его большой ярко—красный молот со свежими силами был уже занесен. Я пьяно колебался, истощенный, неспособный защититься от этого ужасного оружия.

— Стой! — вскричала Фрейя.

Молот засвистел в воздушном пространстве. Никакой обычный человек не смог бы остановить его исходящий натиск.

— Он не один из джотанов, которые напали на Вас? — прогрохотал Тор.

— Он не один из них, — сказала Фрейя. — Поскольку они пробовали убить его даже больше, чем меня, и он боролся отважно против них.

Фрей поспешно спешил. Его красивое лицо было с волнением вытянуто, когда он подбежал к девушке и поймал ее за плечи.

— Вы целы, Фрейя? — спросил он с тревогой.

— Да, с помощью этого чужестранца, — сказала она. — Ярл Кейт — его имя, и он говорит, что он прибыл из внешнего Ниффлехейма.

— Это правда, — сказал я, тяжело дыша. — Я попал сюда, прилетев на корабле.

Я указал на пляж далеко внизу, где мой ракетный самолет отдыхал между валунами. Они смотрели глаза в глаза при этом.

— Так Вы чужестранцы можете строить летающие суда, — сказал Фрей с любопытством. — Ваша цивилизация, должно быть, отличается от нашей. Один пожелает вернуться к этому вопросу позже. Мы возьмем его в Асгард с нами.

Один, руководитель старых норвежских богов, король мифических озер? Тот покачал головой и уступил борьбе против недоверия.

— Очень хорошо, — про-рычал неохотно Тор. — Я все еще думаю, что он напоминает джотана.

Фрей привел мне лошадь мертвого джотана. К настоящему времени отряд, который спешил за Фреем и Тором, достиг нас. Это все были большие, светловолосые люди, бронированные в кольчугах и шлемах, и явно разочарованных отсутствием борьбы.

Я сел на лошадь, неспособный забыть сказочные грезы испытаний. С отрядом всадников я ехал около Фрейи, Тора и Фрея. Я слышал грохот копыт, грохот голосов, чувствовал седло внизу меня, и движения лошади. Но ничто не казалось реальным. Мое тело ухватывало действительность, но все же мой утомленный, изнеможенный мозг, отказался воспринимать это. Мои глаза были так озадачены и застелены кровью, что Фрейя смотрела на меня сочувственно.

— Вы можете остаться в Асгарде, Ярл Кейт, — сказала она. — И Вам нечего опасаться моих людей.

— Я не боюсь, — ответил я твердо, — но мое ошеломленное воображение делает меня несчастным. Является ли Ваш народ действительно старыми богами?

— Боги, — повторила она. — Я не понимаю Вас, Ярл Кейт. Нет никаких богов кроме трех Норнов и их матери, Вирды, судьбе, которой мы поклоняемся.

Я сжал зубы, и смотрел прямо вперед. Если они не были древними норвежскими богами, то почему их город, страны вокруг них, имена, я нашел в легендах? С другой стороны, это не могло быть фальшивкой, поскольку они казались искренне изумленными мной и моими вопросами. Естественно, они могли бы быть недавними иммигранты в этом сверхъестественном невидимом месте, возможно в десятом или пятнадцатом поколении. В том случае, они не окажутся бессмертными, конечно, это будет иметь совершенно разумное объяснение их названий городов и окрестностей.

Но недавние колонисты осмелились бы взять имена богов, не опасаясь их мести? Я хотел задать этот вопрос, когда другая мысль посетила меня. Даже если эта колония была тысячелетнего возраста, там бы все еще были бы некоторые воспоминания об озерах — старых богов! Но эти люди почитали Норнов и их мать, Вирду, что означало, что они не были богами и не расценивали озер как сверхъестественных существ!

Расстроенный я прекратил думать, когда мы достигли Моста Радуги. Пять сотен футов в длину, он состоял из блестяще окрашенных плит камня, положенных поперек двух огромных арочных лучей массивного, серебристого металла. Далеко внизу этого легкомысленного промежутка, зеленое море катилось между мысом и островом Асгард. Мои волосы поднялись дыбом, когда наши лошади въехали под арку. Их копыта гремели по камню, доказывая основательность моста. Но я прекратил просмотр по сторонам, так как не имелось никаких рельсов или низких стен. Но ни озера, ни их лошади, не показывали испуга.

Мост, повешенный в небе подобно радуге, был замороженным в камень. И я, Кейт Мастерс, с Тором, Фреем и Фрейей, старыми озирами, ехал поперек него в Асгард, мифический город богов!

Глава 4. ОДИН ГОВОРИТ

Мост заканчивался массивным караульным помещением из серого камня, построенным на самом крутом краю Асгарда. Единственный вход в город извне был арочным путем через форт, который был закрыт металлическими воротами. Но когда наши лошади загремели по громадному мосту, охрана издала длинный гудок из большого рожка, который висел болтаясь.

Наши лошади остановились. Осторожно я поглядел вниз в пропасть и взглянул более ближе на остров. Я отметил, что в восточных утесах был глубокий фиорд с узким входом, в котором плыло несколько дюжин судов. Драконовские суда подобно тем старым викингским кораблям, они были длиной восемьдесят футов, с медными клювами на носах, со свернутыми парусами и спущенными веслами. От фиорда крутая дорожка вела вверх к плато.

В ответ на призыв рожка, из высокой башни вышел высокий, барственный человек в сверкающей кольчуге и шлеме.

— Открывай свои ворота пошире, Хеймдалл! — нетерпеливо заорал Тор. — Мы должны ждать здесь, пока не сгнием?

— Помягче, Тор, — сказал Фрей Хаммереру. — Помни, что Хеймдалл, острым глазом увидел Фрейю с джотанами и предупредил нас.

Хеймдалл оказался начальником караульного помещения. Он рукой помахал нам. Лебедки застонали, и закрытые ворота качнулись внутрь. Мы поскакали вперед. Я был доволен оставить этот мост над пропастью. Мы проехали прямо через арочный туннель, который пронзал караульное помещение, и загрохотали по выложенной камнем площади.

Асгард лежал передо мной.

Непреднамеренно я ослабил уздечку и смотрел на большие серые замки, которые были построены в кольце вокруг очевидного края высокого острова. Непосредственно все двадцать были высечены из серого камня скал острова, и все были из плиток с тонкими каменными сланцами. Каждый состоял из большого, прямоугольного зала и двух легендарных залов, с двумя охватывающими переходами с более низкими парапетами, и двумя сторожевыми башнями. Они стояли на дальних, более огромных нагромождениях, которые возвышались в центре острова.

Самый большой замок имел четыре сторожевых башни, и его обширная, каменно—плиточная крыша вырисовывалась над остальной частью Асгарда, подобно искусственной горе. Между этим большим залом и кольцом меньших замков лежали маленькие области и мощные улицы каменных зданий и мастерских.

Сотни людей Асгарда были на улицах и окрестностях. Все были светловолосые, синеглазые и высокие. Многие из людей носили шлемы и кольчуги, были вооружены мечом, топором или луком. Другие люди носили металлические кольца вокруг шей, и они шли по своим делам достаточно бодро. Женщины носили синие или белые продолговатые платья с капюшонами. Также имелись дети.

— Здесь должна быть невероятно низкая рождаемость, — пробормотал я, — которая могла быть из—за тяжелого лучевого эффекта.

Слабый, естественный зеленый жар проникал на этот подобно материку, остров. Это было конечно волнующее. Оно восстанавливало мою энергию с удивительной скоростью. Но если бы это было фактически гамма или подобная твердая радиация, как я подозревал, то она была бы связана с тем, чтобы причинить частичное бесплодие среди людей, непрерывно подвергающихся этому.

Мы подъехали к центральному замку, остановив наших лошадей на каменной площади, охраняемой шеренгой солдат.

— Это — Валгалла, замок нашего короля, — объяснила мне Фрейя, пока мы спешивались. — Храбрись, ярл Кейт. Один объяснит все Вам.

Контакт с ее тонкими белыми пальцами, казалось, стабилизировал меня. Валгалла, легендарный зал сбора богов, ошеломил меня. Я слабо усмехнулся и последовал за Тором, который бренчал через арочный вход и зашагал вниз каменного коридора в обширный зал.

Место было две сотни футов в ширину и шесть сотен футов в длину! На девяносто футов в высоту над нами были большие лучи, которые поддерживали огромную остроконечную крышу. Узкие, подобно разрезу окна, пропускали немного света, только чтобы рассеять тени, но я мог видеть, что на стенах висели блестящие гобелены. На каменном полу стояли массивные столы и скамьи.

В центре располагался большой погасший очаг, где все еще тлели несколько умирающих углей. Перед ним, на поднятом каменном возвышении напротив южной стены, сидел Один, король озирова. Он был обернут в сине-серую мантию, и носил сверкающий орлиный шлем. Тор провел нашу небольшую группу поперек темного зала и поднял свой молот в приветствии.

— Приветствую, король и отец! Джотаны посмели напасть на леди Фрейю. Фрей и я убили их, а также привели этого человека. Он напоминает мне джотана, но утверждает, что он чужестранец.

Фрейя выступила вперед — тонкая фигура, в сверкающей военной белой кольчуге, ее красивое лицо было белым от гнева.

— Тор глуп, как всегда, лорд Один! Любой может заметить, что этот человек — чужак извне Ниффлехейма.

— Позвольте человеку говорить за себя, — сказал Один тяжелым, рокошущим голосом.

Король озиров казался мощным, энергичным человеком приблизительно пятидесятилетнего возраста. Его короткая борода была серой. Его левый глаз отсутствовал, уничтоженный несчастным случаем или в сражении, также на его лице имелся белый шрам. Но он излучал такую глубокую, строгую власть и мудрость, что я походил на ребенка перед ним.

Odin

— Вы говорите, что прибыли извне Ниффлехейма? — спросил он.

— Да, лорд Один, — ответил я неуверенно. — Я путешествовал по той ледяной пустоши на летающем судне. Шторм поймал меня и бросил далеко на север, к этой странной земле, которую я даже не мог видеть, пока меня не зашвырнуло в нее.

— Так что, отдаленные народы узнали науку? — спросил Один с глубоким смыслом. — Это должно быть так, если они могут

строить летающие суда.

— Да, и я — один из ученых моего народа, — произнес я. — И все же я не могу понять эту странную землю. Она не может быть увидена снаружи. Она теплая по сравнению с полярным холодом извне, и, кажется, заполненной какой-то таинственной силой.

— Если Вы не можете понимать эти вещи, — прогрохотал Один, — тогда наука ваших чужеземных народов не может быть древнее, чем наша.

Я был ошеломлен более чем когда-либо. Озиры казались крайне отсталыми без современных научных

инструментов, оружия и инструментов, и все же их правитель спокойно осуждал науку современного мира.

— Я не могу понять Вас, лорд Один! — вспыхнул я. — Асгард, все озиры и джотаны считались легендой в течение многих столетий. И все же в этой скрытой земле я нахожу, что Вы имеете имена старых богов, назвали ваш город Асгард. Больше всего, я не понимаю, почему Вы так говорите относительно науки. Я не видел никаких свидетельств научного знания в этой земле вообще!

— Чужестранец, называющий себя, ярл Кейт, — ответил Один, — мы, озиры — люди, не боги. Но мы жили в течение многих столетий в Асгарде, и много легенд, возможно, распространилось относительно нас во внешнем мире.

— Вы жили здесь в течение столетий? — перевел дыхание я недоверчиво. — Вы подразумеваете, что Вы бессмертны?

— Не бессмертны. Мы можем быть убиты во время войны, несчастного случая или голода. Но мы не стареем, и при этом мы не умираем от болезней. Мы обладаем древней наукой, глубокой и отличной от вашей чужеземной науки. Но потому, что когда-то это принесло нам бедствие, мы предпочитаем не поощрять ее исследование, и не использовать ее в нашей повседневной жизни. Мы, озиры, были первой цивилизованной расой Земли. Поэтому мы вырастили цивилизацию в месте, где жизнь, непосредственно сначала развилась под земной корой Земли.

— Внутри Земли? — воскликнул я недоверчиво. — Ну, не один из наших биологов не согласился бы!

— Все же это — так, — сказал задумчиво Один. — Имеются большие места внизу земной коры планеты, могущественные пустоты, сформированные ее неровным охлаждением. Именно в одном из этих мест, внизу этой северной части земного шара и появилась вначале жизнь, потому что в этих пустотах, — большие массы вкрапленных радиоактивных элементов. Эта радиация, мощно промачивала некоторые составы углерода, водорода, фосфора, серы и других элементов, эрозируя, и их несло вниз, в подземные места,

преобразовывая в непостоянные составы и в новые, сложные химические составы. Они никогда не могли сформироваться на поверхности. Те органические составы, наконец, сформировались в клетки, способные к ассимиляции и воспроизводству. Имело место быстрое развитие тех первых, подземноживущих клеток в более сложные существа. Это происходило быстро, потому что проникающая радиация, в том подземном месте воздействовала на гены всех живых существ, распространяя быстрое увеличение мутантов, постоянное наводнение новых форм. Таким образом, первые живые существа, первые растения, насекомые и животные, были рождены под земной корой Земли. Оттуда, они распространялись по поверхности Земли, и скоро значительно увеличились. Но развитие было более быстро в подземных местах. Поскольку там была воздействующая на гены радиация, большое количество мутантов развилось там. Так что это было в подземных местах, что первые млекопитающие и первые люди развились. Многие из тех людей нашли путь на поверхность. Они блуждающе распространились по Земле как дикари, полу—животные, которые медленно развивались через поколения. Но люди, которые остались в защищенном подземном мире, развивались гораздо более стремительно. Те люди стали интеллектуальными, когда люди на поверхности были все еще животными. Люди в подземном мире развили большую цивилизацию и глубокое знание науки. Это был мой народ, озиры. Наши поколения жили и умирали в большом, полом подземном мире, который мы называли Маспельхейм. Но затем наш научный прогресс принес катастрофу. Один из наших ученых, игнорируя мои предупреждения, полагал, что может позволить жить неограниченно, без того, чтобы стареть. Его теория была такая, что, ускоряя естественный распад радиоактивных веществ в нашем подземном мире, те испустят потрясающие волны радиации. Они уничтожили бы все бактерии болезней, и охраняли бы нас от болезней. Они также постоянно

возобновляли бы клетки в наших телах, стимулируя их непрерывную регенерацию.

Один сделал паузу, и, казалось, дрожь пробежала через всех озирова в том большом зале Валгаллы.

— Против моей воли, он выполнил эксперимент, который принес катастрофу в Маспельхейм. Процесс, вышел из—под контроля. Все радиоактивное вещество в нашем подземном мире вспыхнуло. Мы, озиры, бежали из нашего подземного мира на поверхность. Мы обнаружили, что материк, который мы называли Мидгардом, населен двумя варварскими расами верхней Земли. Одна из тех рас, кого мы называем джотаны, из—за их большого роста, была весьма многочисленная. Народ дикий, зверские воины, испытывали недостаток науки, проживая в темном городе Джотанхейме, который находился на южном берегу материка Мидгарда. Другую расу мы называем альфинги, поскольку это чахлые люди, которые, проживают, главным образом, в маленьких пещерах под Мидгардом, опасаясь джотанов. Джотаны изучили наш язык в первом притворном дружелюбии к нам. Мы заняли для жилья этот остров Асгард, построили здесь наши замки, и соединили его с материком мостом Бирфост, пролеты которого альфинги сделали для нас. Затем джотаны внезапно показали свою ненависть, и напали на нас здесь в Асгарде. Они почти одолели нас своим предательством. Но, призвав на помощь наши научные достижения, мы отразили нападение джотанов. Ошеломленные ужасными силами нашей науки, выпущенной на них, они прекратили нападать на нас. И до сих пор они ненавидят нас, и мы живем во враждебном вооруженном перемирии с ними в течение двадцати столетий. Да, в течение двух тысяч лет я, и большинство моего народа живет здесь, в Асгарде. Потрясающее пламя радиоактивного пожара, который наш ученый разжег в Маспельхейме далеко внизу, оросило всю эту землю радиацией. Как он и надеялся, это убило все бактерии болезней и омолодило наши ткани. Мы не стареем, и можем жить неограниченно, если не погибает на войне или

в ходе несчастного случая. Но в связи с тем, что радиация имеет сильный эффект стерилизации, наша численность никогда не увеличивается. Джотаны и альфинги, которые живут на материке Мидгард, также не стареют от радиации. И она преломляет весь свет вокруг нашей земли. Она также делает северное сияние, как поток из этого места в небеса. Здесь, в Асгарде, мы живем, таким образом, в течение всех этих столетий. Хотя мы, руководители озер, сохраняем углубленное научное знание, которое мы давно развили в Маспельхейме, не желая изучать глубже. Оно и так обширное, раз принесло бедствие в наш подземный дом. Мы не хотим больше таких бедствий! Мы довольны, чтобы жить здесь просто, не слишком завися от науки. Мы знаем из собственного опыта, что наука может быть извращена к катастрофическим результатам опрометчивыми и недобросовестными людьми.

Его тяжелый голос прекратился. Я стоял, смотря на него, испытывая головокружение. Невероятно, поскольку казалось, что его история была с научной точки зрения пустым звуком. Это объяснило почти все загадки, которые я встретил на этой таинственной земле.

— Вы жили здесь столетиями, — размышлял я. — Тусклые слухи о ваших возможностях, ваш город Асгард, ваша война с джотанами, должно быть, достигли внешнего мира. Эти слухи стали мифами, которые сделали Вас богами.

— Должно быть это так, — согласился Один. — Давно, часть озеров отправилась за льды с важной миссией. Некоторые из них не вернулись. Теперь, я полагаю, что те, потерянные, достигли внешнего мира. Они, вероятно, вскоре умерли, от недостатка омолаживающейся радиации. Но по их истории, о нас, возможно, сочинили те мифы.

— Так обо мне думают, что я мифический бог во внешнем мире, а? — заржал Тор.

— Это правда, — сказал я искренне. — А также лорд Один, Фрей и Фрейя. Но есть одна вещь, которую я не могу понять. Те джотаны, которые напали на меня и Фрейю, имели

намерение убить или захватить меня. Но создалось впечатление, как если бы они ждали меня, и хотели захватить меня. Как они могли узнать, что я прибыл?

Один нахмурился.

— Я не знаю, но мне это не нравится. Может быть то, что джотаны ...

Его голос затих, и он посмотрел отвлеченно мимо меня. Так или иначе, тон его голоса охладил меня.

— Но достаточно теперь, — сказал резко он. — Мы будем говорить позже об этих вещах, и о внешнем мире, откуда Вы прибыли. Теперь ярл Кейт должен быть почетным гостем озиров.

— Я не достоин такой чести, — ответил я. — Я никакой не вождь на своей собственной земле. Я только ученый.

— Любой человек, который пересек лед Ниффлехейма, завоевал право называться ярлом, — объявил он. — Вы должны отдохнуть в этом замке. И сегодня вечером, ярл Кейт, Вы посидите с озирами на нашем пиршестве, здесь в Валгалле.

Глава 5. ТЕНЬ ЛОКИ

Медленно я пробудился к реальности от того, что рука мягко трясла мое плечо. Я сразу увидел, что уже были сумерки. Я проспал опустошенный в течение нескольких часов в этой просторной, каменно—окруженной стеной, комнате. Я лежал на деревянной кровати, на стойках которой были вырезаны головы волка. Имелось также два тяжелых стула и большой сундук, охваченный блестящим гобеленом. Из широких открытых окон выглядывал сумеречный город Асгард.

Рука, трясущая мое плечо, оказалась рукой раба. Служащий, человек средних лет, носил металлическое кольцо рабства вокруг шеи.

— Пир в Валгалле скоро начинается, лорд, — сказал он, когда я сел. — Я принес Вам надлежащее одеяние.

Он указал на шлем, и предметы одежды такого типа, что носили озиры, которые он поместил на сундук.

— Хорошо, предположим, что я оденусь по моде, — сказал я с сомнением.

Потом он поклонился и ушел, а я подошел к окну. Быстро темнеющее небо частично очистилось от штормовых облаков. На юго—западе, кровавый, темный закат пылал зло, темно—красно. Косматые холмы и горные хребты Мидгарда выделялись чернотой против него.

Где—то на материке, далеко в милях на его южном конце, был темный город Джотанхейм. Где—то в пещерах на скалистых землях проживали альфинги. И далеко под всей этой землей, если Один говорил правду, лежал большой подземный мир Маспельхейм. Там сверкала потрясающая атомная радиация, которая сделала теплой эту страну, где никакой человек не мог стареть достаточно, чтобы умереть.

Внизу меня, когда сумрак упал на Асгард, я мог видеть веселую суматоху деятельности. Вооруженные солдаты, которые обучались владению мечом на близлежащем поле, теперь двигались всей толпой через сумерки к Валгалле. Дым возвышался от больших замков и скромных каменных зданий. Я бросил взгляд на охотников, едущих по Мосту Бирфост, и тела маленьких оленей, переброшенных через их седла. Поскольку ворота Асгарда были открыты, я услышал пульсирующий гудок большого рожка начальника караульного помещения, приветствующего их.

Возможно ли такое, что я оказался фактически здесь, в мифическом городе богов? Конечно, в это трудно поверить. Но даже более невероятной, была сага Одина. Если он и другие руководители озеров обладали таким глубоким научным знанием, почему они и все их люди живут так примитивно?

— Я полагаю, что это правда, — пробормотал я. — Они не взрослеют и не становятся больными, так что они могут жить достаточно, без того, чтобы использовать науку. Во всяком случае, они имели проклятый неприятный опыт с

одним опрометчивым ученым. Тогда это неудивительно, что они не поощряют исследования.

Медленно я покачал головой.

— Я исчезну прежде, чем смогу увидеть Фрейю снова. Удивлюсь, если она будет на пиру.

Это поощрило меня снять мое тяжелое пальто, штаны и ботинки. В шлеме, шерстяном свитере, кольчуге, поясе с длинным мечом и кинжалом я смотрелся неловко, подобно шатающейся опоре. Но женщины забавно относятся к незнакомой одежде. Только подумайте, как они смеются, когда теленовости показывают им стили, которые носили пару десятилетий назад! Я не хотел, чтобы Фрейя имела ту реакцию относительно меня.

Но когда я снял собственную рубашку, чтобы одеть предметы одежды озиров, моя рука коснулась чего-то, что висело на моей шее. Это был рунный ключ! Я полностью забыл о нем, начиная со входа в невидимое место. Теперь, однако, я внезапно подумал о рунной рифме.

"Рунный ключ — это я,
Формирование цепочки темного зла,
Мидгард — змея,
Фенрис, Локи — хитрый дьявол."

Я задался вопросом, почему я не слышал никакого упоминания о Локи? Все остальное в старых Норвежских мифах, казалось, имело здесь некоторое твердое основание, но я не слышал ничего о предателе озиров. Я решил спросить Одина относительно него в первую очередь, затем спрятал золотой цилиндр под мою новую рубашку, на шнурок под кольчугу.

Едва я сделал так, седой раб снова появился у двери моей палаты.

— Король Один зовет Вас на пир, лорд.

Я быстро надел тяжелый, сверкающий шлем. Чувствуя себя ограниченным, как актер в странном костюме, я

последовал за рабом вниз каменной лестницы, к большому залу. Раб закричал, громко объявляя:

— Ярл Кейт, чужеземец из внешнего Ниффлехейма!

Голоса и смех поутихли, и каждый глаз направился на меня с нетерпеливым любопытством. Валгалла сверкала светом от ряда факелов на стенах и большого огня, сверкающего высоко в центральном очаге. Множество столов теперь покрылось металлом и ломилось от блюд, нагруженных едой. Высокие бутылки и питьевые рожки были наполнены быстрыми обслуживающими девами.

За этими столами сидели главные капитаны и воины озиров. Сотни больших, светловолосых людей, в шлемах и кольчугах, блестящих в свете факелов, пировали и пили. За столом на возвышении, возле южной стены, сидела знать озиров и их леди. Посередине, на высоком резном стуле сидел Один. Около него находилась женщина пышной красоты, его королева, леди Фригга.

— Ярлы и капитаны озиров, — быстро поднялся Один. — Выпьем спиртные напитки за ярла Кейта, нашего гостя и друга из внешнего Ниффлехейма.

— Слава ярлу Кейту! — проревел бородатый Тор, подмигивая весело мне, потом он поднял огромный питьевой рог.

— Слава! — зазвенел серебряный голос Фрейи. Каждый голос в зале Валгаллы повторил приветствие. Сотни питьевых рожков были подняты. Один указал мне на место за его столом знати, между Фрейей и изящной прекрасной женой Тора. Когда я сел, обслуживающие девушки принесли мне большую лопатку говядины на тарелке, и рог меда. Я попробовал спиртной напиток из любопытства. Он был тонкий, приятный и мощный.

Фрейя наклонилась ко мне. Она была одета теперь подобно другим озирским леди, в длинное белое льняное платье. Ее яркие волосы были связаны в серебряный кружок, ее платье было перепоясано тяжелым металлическим поясом, усыпанным вспыхивающими изумрудами.

— Я представлю Вас остальным, ярл Кейт? Вы скоро встретитесь с ними всеми.

Справа от меня, за гигантом Тором и его женой, сидел трое сыновей Одина — Видар, Вали и Хермод, высокие и светловолосые, все — рослые люди. Был и Хеймдалл, начальник караульной службы ворот Асгарда, которого я уже видел. Ниорд был приземистый, веселый лысый человек среднего возраста, со своей женой Скади. Форсети был трезвым молодым человеком, очевидно, многоуважаемый другим озирами.

Слева от меня, за Фрейей, сидел Фрей и его прекрасная жена, Герда. За ними расположился Браги, нежно выглядящий человек с мечтательными глазами, его жена, благородно—показательная Идан; Огир, гигантский белобородый старый викинг, и его жена в возрасте, Ран. В конец стола сидел Тир, молодой человек, наиболее мрачный и тихий из всех в зале. Пьющий капризно, он наблюдал веселыми празднично—задумчивыми глазами.

— Тир всегда незаметен и тих, — объяснила Фрейя, — но не в сражении. Он берсерк.

Я помнил легенду о берсерках — людях, которые становились безумными от крови в сражении, и боровшихся без кольчуг с нечеловеческим безумием.

— Как получилось, что некоторые из Вас стары, когда радиация удерживает Вас всех от старения? — спросил я.

— Они были стары, когда в начале катастрофы разожглась радиация внизу. С тех пор, ни один из них не стал старше. Немногие дети, рожденные здесь, растут обычно, пока они не достигают зрелости, и затем не растут дальше.

— Вы все жили здесь в Асгарде течение столетий и столетий, — пробормотал я. — Это кажется отталкивающим.

— Не все из нас, ярл Кейт, — сказала Фрейя. — я — не из старых столетий!

Она улыбнулась, когда я посмотрел на нее с сомнением.

— Ваше имя было известно и боготворилось во внешнем мире столетия назад, Фрейя.

— У моей бабушки также было имя Фрейя, — объяснила она. — Она была сестрой Фрея, который сидит около Вас. Она и ее муж Одур были среди части озиров, о которых упомянул Один, которые погибли в ходе миссии вне Ниффлехейма. Но Фрейя оставила двух дочерей, Хносс и Герсеми. Герсеми была моей матерью. Она погибла от наводнения двадцать лет назад, вскоре после того, как я был рождена.

— Тогда вы — действительно только двадцатилетняя? — воскликнул я. — Я доволен этим!

— Почему Вы должны быть довольны, ярл Кейт? — спросила она весьма невинно.

Я избежал ответа призывом с пиршества. Высокий Хейм-далл встал и произнес:

— Сага от короля скалдов, Браги!

Когда пировавшие подняли крик, Браги встал. Улыбнувшись, он подошел к большой арфе в конце зала. Его пальцы коснулись струн, и слегка их поколебали; музыка хлынула из них. Он пел ясным, сильным голосом.

Слушайте, все озирь,
Сыновья утра,
Мудрые люди и воины,
Люди с большими сердцами!
Те, кто живет наверху,
После ада огня Маспельхейма,
Смелые через все ужасы,
Ищущие землю!

Браги пел, описывая перемещение озиров начиная от их сраженного бедствием подземного мира, их отпора джотанам, охот и сражений их судов, про побережье Мидгарда, и ярость моря.

— Bravo, Браги! — заревела аудитория, и все подняли свои рожки.

Я выпил со всеми. Мощный мед сделал меня немного пьяным. Я почти забыл, что являюсь Кейтом Мастерсом. Я был ярлом Кейтом, сидящим возле Фрейи в Валгалле, пирующий и кричащий.

— Теперь игры, — объявил Один.

Ликующий вопль донесся от воинов.

— Какие игры будут? — спросил я.

— Игра мечами с тупыми лезвиями и борьба, — сказала Фрейя. — Как гость, ярл Кейт, вы примете участие в них, конечно.

Я видел каждого, смотрящего с надеждой на меня. Несколько отрезвленный, я встал.

— Я — всего лишь прекрасный фехтовальщик, лорд Один, — сказал я, — и все же я присоединюсь.

— Кто попробует игру мечом с чужеземным ярлом? — спросил Один. — Тир, Вы — наш лучший фехтовальщик.

— Нет, лорд Один, не я, — ответил берсерк Тир задумчиво. — Вы же знаете, что меч в моей руке творит безумие.

— Я стану перед ярлом Кейтом, — сказал Фрей встав, и улыбнувшись мне.

Мы стали на открытой площади перед столами. Там нам дали латные рукавицы, щиты, и два длинных меча, чьи концы были срезаны.

— Кто нанесет три крепких удара по шлему противника, тот побеждает в игре, — объявил Один.

Игра казалась опасной для меня, поскольку наши лица были весьма незащищены. Я не имел много надежд относительно приемов Фрея, но был убежден, не показывать любое подобие страха перед Фрейей и этими жестокими воинами.

Лезвие Фрея столкнулось с моим. В следующий момент, я понял, что встретился с неравным. Столетия практики сделали его не по-человечески квалифицированным. Его лезвие летало подобно полосе света и нанесло удар по моему шлему. Поскольку я закачался от ошеломляющего удара, он поразил мой шлем снова. Рев возвысился от толпы. Негодование охватило меня, и я жестко набросился на голову Фрея.

Явной удачей явился неожиданный удар, поразивший его плечо в кольчуге. Когда он запнулся, я сразил его снизу по шлему.

— Хорошо сделано, ярл Кейт! — проревел голос быка Тора.

Но Фрей восстановился прежде, чем это сделал я. Его лезвие стало пятном стали передо мной. Мрачно я попробовал удержать его. Но вскоре он нанес свой третий удар.

— Вы травмированы, ярл Кейт? — спросил заботливо Фрей.

— Только моя гордость, — сказал я с сожалением, убирая меч и щит.

Тор шагнул вокруг стола ко мне. Его бородатое красное лицо и глаза мерцали с веселым ожиданием.

— Вы напоминаете борца, ярл—чужеземец, — быстро прогрохотал он. — Попробуете побороться со мной?

— Да! Состязание между Тором и чужеземным ярлом! — закричала аудитория.

— Ярл Кейт не отдохнул! — закричала с негодованием Фрейя Хаммереру. — Это — не балаган!

— Я участвую, — сказал я прохладно Тору.

Я понял, что возможности моей победы над гигантом были бесконечно малы. Но я понял также, что все это было своего рода издевательство, которое эти викинги делали любому вновь прибывшему. Тор отбросил свой молот. Мы обнялись руками, делая захват.

Я был прекрасный борец, и я знал, что мой единственный шанс преодолеть Тора — это быстрая уловка, о которой он не мог бы знать.

Когда гигант, захватил меня, я скользнул мимо него. Прыгнув к его спине, я сделал на нем двойной нельсон прежде, чем он мог ожидать этого. Могущественный крик донесся от наблюдателей, поскольку все видели, что Хаммерер неистово тянет меня свободно. Неистово я повис на нем. Одной крепкой рукой напротив задней части его тяжелой шеи, и моих задних ног, я напрягся, чтобы вынудить его

огромную голову вниз. На мгновение я подумал, что имею шанс, чтобы выиграть состязание. Затем рев гневного быка донесся от Тора.

Он дернул головой вверх с такой огромной силой, что мой захват был свободно разорван. Подобно разгневанному медведю, Хаммерер стал кружить и поймал меня, обхватив вокруг талии.

Он боролся в своем стиле, со всей силой небольшой науки. Его огромные руки обхватили меня, хотя я проявлял всю свою силу, чтобы освободиться. Я чувствовал, что кольчуга находится под давлением, поскольку напрягался отчаянно, чтобы вырваться от него. Но он поднял меня подобно ребенку, и хлопнул мною вниз, об каменный пол.

— Хорошо сделано, — проревел он и помог мне встать. — Вы почти победили меня с вашими чужеземными уловками, ярл Кейт. Вы должны будете преподавать их мне.

— Когда—нибудь в другое время, — задыхался я. Я обратился к королю. — Если Вы удовлетворены, лорд Один, я не буду теперь принимать участие в больших играх.

Один улыбнулся.

— Вы показали себя хорошо, ярл Кейт, и ...

Его голос прекратился, поскольку строгое лицо, казалось, заморозилось. Когда я увидел, что он смотрит на мою грудь, я посмотрел вниз. Кольчуга открылась, что позволило рунному ключу свисать в полном виде.

— Рунный ключ! — прошептал он.

Каждый в большом зале Валгаллы был безмолвен, глядя в ужасе на древний золотой цилиндр, который висел над моей кольчуги.

— Рунный ключ! — повторил хрипло Один. — Он вернулся в Асгард. Это — день, который ждал темный Локи!

Глава 6. ДРЕВНЯЯ НАУКА

Замороженная неподвижность в Валгалле была ужасна. Вся озировская знать и воины, казалось, превратились в

камень, когда они смотрели на золотой цилиндр, висящий на моей шее. Я мог слышать, как трещат факелы, сверкает очаг, и унылый стон морского ветра завывает вокруг высокого карниза Валгаллы. Было так, как если бы пиршество озиров было сражено ужасом холода.

— Где Вы взяли этот ключ, ярл Кейт? — хрипло спросил меня Один.

— Ну, мои товарищи ловили рыбу, и выловили его из ледяного моря — за Ниффлехеймом, — ответил я изумленно.

Глубокий стон поднялся от всего собрания. Я обратил свой взор на них, но к несчастью, походил на преследуемое животное, которое знает, что делает что-то неправильно, но все же все продолжает это делать.

— Почему Вы принесли его на эту землю? — спросил в отчаянии Один.

— Я не знаю, — сболтнул я, не подумав. Вспомнив подозрительную чужую подсказку, которая заставила меня найти ключ, я добавил: — Некоторая странная прихоть в моем сознании указала мне, где он был, и предупредило меня не выбрасывать его.

— Работа Локи! — прошептал Один. — Зло бросило силы за границу, которые возвратили рунный ключ, что освободит его.

Лицо Тора запыхало темно-красным, затем он вскочил на ноги, сжимая свое могущественное оружие.

— Лукавый предатель все еще стремится уничтожить Асгард и озиров! — проревел он, подавляя гнев. — О, в этот момент я могу Миолниром лишить его черепа!

— Даже ваша сила и могущественное оружие потерпели бы неудачу против темной науки Локи, — сказал мрачно Один.

Я посмотрел вниз изумленно на золотой цилиндр, висящий на моей груди. В моем сознании высветились последние линии рунных рифм выгравированных на нем.

"В то время как я лежу далеко,
Озиры — в безопасности,
Не принеси меня домой,
Чтобы Рагнорок не прибыл со мной."

Те линии, казалось, пульсировали в моем сознании подобно бьющему барабану черной, страшной угрозы, которая не может быть замечена, но все же ее можно чувствовать.

— Я не понимаю, лорд Один, — проговорил я заикаясь. — Я сделал неправильно в отношении этого маленького, и, очевидно, небезопасного ключа, привезя его в вашу землю?

— Так как Вы принесли его, — заявил, Один, успокоившись, наконец, — то мы находимся под угрозой гибели. Ужасной угрозой была его тень для нас в течение всех этих длинных столетий. Это — единственный ключ, который может освободить злого предателя Локи, из его долгого заключения.

Когда он увидел после своих слов бледного меня, его глубокий, тяжелый голос прогрохотал утешительно через мертвую тишину.

— Это — не ваша ошибка, ярл Кейт. Я все это вижу. Это была мощь Локи, которая привела Вас и рунный ключ сюда. Да, из мрачной тюрьмы, где его ложь беспомощна, сознание Локи, проникло далеко через глубокое ремесло научных возможностей. Он заставил Вас через рыбную ловлю вытащить рунный ключ из моря, а также поднял шторм, который принес Вас сюда. Да, и они должны были забрать у Вас ключ, который освободит их темного лорда, поэтому джотаны напали на Вас, когда Вы прибыли.

— Но кто это — Локи? — спросил я изумленно. — В старых нортландских мифах, имелся рассказ о предателе с этим именем, который стремился уничтожить вас ...

— Черным предателем был проклятый Локи! — вскричал Тор. — Позор и проклятие озеров, так как сначала он был рожден озером.

— Да, он был действительно предателем, — сказал мрачно Один. — Очень давно, когда мы проживали в подземном мире Маспельхейма, Локи был удостоен чести единственным из озиров, находится непосредственно рядом со мной. Красивый, отважный, хитрый ученый, он был вторым среди озиров после меня. Но Локи, самый большой ученый из моих людей, очень хотел власти. Его эксперименты снова и снова подвергали опасности всех нас. Наконец, против моих распоряжений, Локи принес катастрофу в наш большой и прекрасный подземный мир.

— Так это Локи был ученым, про которого Вы рассказывали мне! — воскликнул я. — Он разжег атомные огни Маспельхейма и почти уничтожил Вас!

Один кивнул.

— Локи был тем безрассудным ученым, про которого я говорил. Он разжег радиацию, которая вызвала атомные пожары, которые охватили Маспельхейм и вынудили нас бежать на этот верхний мир. Я должен был наказать Локи за его опрометчивое неповиновение. Но я этого не сделал, потому что наводнение радиации будет держать нас практически бессмертными на этой земле. Вместо этого я предупредил его, что никто не должен вмешиваться в дальнейшие процессы с бродящими атомными пожарами внизу. Локи согласился не связываться больше с теми ужасными силами. Но его обещание ничего не стоило. Тайно, здесь на Асгарде, он путешествовал назад, в пламенный Маспельхейм, и начал снова экспериментировать. Он надеялся сделать такое огромное оружие из тех сил, чтобы смочь заменить меня как правитель озиров и победить всю Землю. Мой сын Балдур обнаружил запрещенные исследования Локи в глубоком Маспельхейме. Чтобы помешать Балдуру сообщить об этом, он убил его. Затем Локи сбежал из Асгарда. Он сбежал в темный Джотанхейм, взяв с собой двух отвратительных домашних животных, волка Фенрира и змею Мидгарда. Там он соединился со звероподобными джотанами. Он знал, что они ненавидят озиров, поэтому он

подстрекнул их напасть на нас, обещая, что с его научными возможностями он поможет им победить и уничтожить Асгард. Об этом времени я рассказывал Вам, ярл Кейт, когда неожиданное предательство почти позволили джотанам победить нас. Джотаны, во главе с Локи, и с помощью адских сил, изобретенных его наукой, побеждали нас, пользуясь тем, что я не использую собственные научные возможности, чтобы нанести поражение Локи, и не все боролись с нами отважно. Мы отразили джотанов в большой мясорубке.

Тор усмехнулся и кивнул, но его гигантское лицо, окрасилось ненавистью в красный цвет, когда Один продолжил.

— Победенный Локи бежал с волком и змеей в лабиринт пещер в Мидгарде. Мы последовали за ним в пещеру, в которой он скрылся, но Локи, в своей крайности, ловко заключил сделку на свою жизнь. Локи воззвал к нам: "Я имею инструмент, который может уничтожить весь Асгард и ози-ров, выпустив море атомных пожаров Маспельхейма. Если вы не согласитесь сохранить мне жизнь, я использую эту тайну, и вы все погибнете со мной". "Мы согласны потом сохранить твою жизнь, Локи, — ответил я. — Если ты сдашь этот смертельный инструмент. Локи сдал мне инструмент. Но затем я сказал ему: "Мы согласились сохранить твою жизнь, Локи, но это — все! Хотя ты должен оставаться живым, ты больше не будешь угрожать нам, поскольку ты будешь вечно в тюрьме, в этой пещере, в которую ты сбежал". И мы сделали это с Локи, ярл Кейт. Мы оставили его во временно отстраненном одушевленном состоянии, заполнив его пещеру газом, чью научную тайну я обнаружил. Тот газ парализовал, замораживая функции тела, но оставлял сознание. В это замороженное состояние сна мы поместили Локи и двух его отвратительных домашних животных. Потом мы закрыли ту пещеру навсегда дверью, которая была не из металла или камня, а из неуязвимой силы. Та стена энергии была экраном колебаний, управляемых генератором внутри крошечного проектора. Вы, ярл Кейт, имеете тот проектор — рунный ключ! Только рунный ключ может

отпереть дверь тюрьмы пещеры Локи. Пока его не откроют, Локи будет находится там, с его двумя ужасными близкими, во временно приостановленном одушевлении. Но хотя тело Локи заморожено, его сознание активно, и он стремится умственными силами освободить себя. Мы дали рунный ключ от камеры Одуру, мужу Фрейи, одному из наших самых высоких ярлов. Сознание Локи работало издалека на Одура телепатической командой, делая попытку вынудить хранителя ключа выпустить Локи. Опасаясь, что телепатические распоряжения Локи могут однажды преуспеть, я приказал, чтобы Одур взял управляемый ключ в путешествие к большому океану, далеко за внешний ледяной Ниффлехейм, и бросил его в самое глубокое море. Тогда, я думал, Локи не будет способен принести ключ назад в Асгард, и никогда не сумеет избежать гибели. Одур взял рунный ключ и поехал за ледяной Ниффлехейма, и бросил ключ в океан, как я предлагал. Но прежде, чем он мог вернуться из льдов, Одур и его жена Фрейя, были утеряны. Я теперь думаю, что они достигли стран вашего внешнего мира, и что их рассказы об озирах и Асгарде стали мифами, о которых Вы упоминали, ярл Кейт. Но мы думали непосредственно о безопасности рунного ключа, лежащем в океане на глубине, вдали от Асгарда. Даже в случае, если незнакомец найдет ключ в недалеком будущем, руны предупредят его. В случае, если он не сможет прочесть руны, ключ был построен на постоянное телепатическое сообщение мысли. Он получал бы постоянное умственное предупреждение, что надо избавиться от ключа.

— Так именно поэтому я почувствовал зловещее предупреждение после того, как сначала коснулся ключа! — пробормотал я.

— Именно поэтому, — ответил Один серьезно. — И все же Вы, ярл Кейт, оказались под влиянием более сильных команд Локи. Вы сохранили ключ, и принесли его назад в Асгард. И теперь Локи, через своих союзников, джотанов, будет стремиться получить рунный ключ от нас, используя

его, чтобы освободить себя. И если Локи, когда—либо освободится снова, он поведет хозяев Джотанхейма еще раз против Асгарда. И может оказаться, что падение Асгарда, повлечет гибель озиров!

Я слушал в ужасе, ни на мгновение не сомневаясь, что Один говорил правду. Древняя наука озиров, при их пренебрежении к механическим открытиям, для которых они имели немного потребности, явно превзошла нас в изучении самых тонких сил Вселенной.

Да, теперь я знал, что эти две воли чужих голосов, были в моем сознании. Постоянное телепатическое предупреждение рунного ключевого проектора непосредственно, — и более мощная умственная команда заключенного Локи!

— Я не знал, лорд Один, — объявил я с искренним сожалением. — Если бы знал, что представляет собой рунный ключ в действительности, то я никогда не принес бы его сюда.

— Вы не знали этого, ярл Кейт, — ответил он. — И попытка Локи потерпела неудачу. Джотаны, которых он послал, чтобы забрать ключ, потерпели неудачу в своей задаче, и он все еще у нас.

Я снял небольшой золотой цилиндр с шеи и вручил ему. В тот момент я почувствовал себя освобожденным от того пульсирования—предупреждения, которое постоянно угнетало меня. Один взял ключ. В то время как все в Валгалле наблюдали за этим, он торжественно передал его Фрейе.

— Ваш дедушка был хранителем ключа, Фрейя, и эта обязанность возлагается на Вас, — заявил король озиров. — Вы должны держать его, пока мы не соберем совет и не решим, что с ним делать.

— Разве Вы не можете уничтожить эту вещь? — спросил я.

Один покачал головой.

— Вы знаете немного о нашей науке, чужеземный ярл. Проектор в рунном ключе поддерживает экран энергии в брусках тюрьмы пещеры Локи. Разрушение ключа

уничтожило бы тот экран. Не позволю никакому страху войти в ваши сердца, люди озирова. Локи — все еще заключен, и останется таким. Еще не прибыл час, когда зло должно убежать.

Жестокий рев криков донесся из толпы, когда их мечи отсветились высоко в факелах.

— Наши мечи для Асгарда!

— Это — хорошо, — сказал Один с мрачной гордостью. — Теперь позволю себе закончить этот предзнаменательный банкет. Хеймдалл, будьте сегодня вечером в самые ближайшие часы на воротах Асгарда. Сознание Локи знает, что ключ — здесь, и он может телепатически подстрекать джотанов напасть на нас, и я гарантирую это. И Вы, Фрейя, смотрите, чтобы ваш замок хорошо охранялся, защищая вашу родственницу и ключ.

Фрейя держала указательным пальцем шнур рунного ключа. Она посмотрела на меня с бессловесной, обеспокоенной привлекательностью, после чего ушла. Я последовал за ней в ночь.

Естественный слабый зеленый жар струящийся и покалывающей радиации, цеплялся за высокие замки. Никакого Северного Сияния не было видно, поскольку оно струилось за невидимым местом. Измученная луна сияла через летящие штормовые облака. Двигающийся северный ветер вопил, сильно жалил, и холодил. Далеко внизу был тусклый, отдаленный, быстрый, бурный океан, разбивающийся прибоем напротив утесов. Фрейя повернула ко мне свои темные и большие глаза.

— Ярл Кейт, я боюсь! — прошептала она. — Я никогда не знала страха прежде, но сейчас я напугана. Если Локи освободят ...

— На это нет никаких шансов, в то время как Вы и ваши люди держите ключ, — подбодрил я ее. — И даже если бы он был освобожден, он — только один человек.

— Он не просто зло. — Задрожала она. — Я никогда не видала Локи. Долгие столетия до моего рождения, он был

заклучен. Но я слышала рассказы от других озиров. Я знаю, что, в их секретных сердцах, они все еще боятся Локи и его темных сил.

Она дрожала подобно колеблющемуся листу на ветру. Я поместил свою руку покровительственно вокруг нее, и, прижавшись ко мне, она тоже дрожала при лунном свете. Даже страх, который я также чувствовал, не мог предохранить мою кровь от волнения, поскольку я смотрел вниз на ее прекрасное лицо. Фрейя, дочь старых золотоволосых Викингов, девушка озиров — я держал ее в своих руках!

Я поцеловал ее. Поскольку я держал ее за талию напротив моей кольчуги, холодный ветер занес ее яркие волосы поперек моего лица.

— Ярл Кейт! — прошептала она с любопытством.

— Фрейя, — тяжело дышал я, — я никогда не любил никакую женщину до этого, пока не встретил Вас в этот день. Но теперь ...

Она не ответила словами. Она поместила свои маленькие, сильные руки позади моей головы и потянула мои губы снова вниз, к своим. Я почувствовал себя странно потрясенным, когда я поднял голову снова. Мы услышали кашель. Фрей стоял с полуулыбкой возле нас в бледном свете.

— Я пойду с леди Гердой к нашему родовому замку, — сказал он мягко. — Без сомнения ярл Кейт желал бы сопровождать Вас туда.

Когда он и Герда ушли, мы пошли медленно. Моя рука была вокруг тонкой талии Фрейи, мы шли через тихие, залитые лунным светом улицы Асгарда. Она вела меня к замку на восточном крае Асгарда. Позади нас, обширные и мрачные башни Валгаллы устремились вверх бурного неба. Слева, далеко от нас, мерцала невероятная арка Бирфоста.

— Любимый, я чувствую теперь защищенной даже против Локи, — прошептала счастливо Фрейя.

— А я боюсь только, что это — мечта, от которой я проснусь, — шепнул я.

Мы приближались к темной большой части замка, который присел приземисто и массивно на явном утесе. Полдюжины воинов—блондинов озирова приблизились к нам в лунном свете. Когда они были всего лишь в нескольких ярдах от нас, они внезапно вытянули свои мечи. Их лидер отдал им команду жестоким тоном.

— Это Фрейя. У нее ключ. Схватите ее, и убейте этого человека!

Глава 7. ЗАСАДА!

Они бросились к нам. Хотя ошеломленный внезапным предательством озирских воинов, я сохранил достаточно присутствия духа, чтобы достать свой длинный меч. Я оттолкнул Фрейю в сторону, и отбил лезвие, которое летело в мое лицо. Мой меч глубоко разрезал шею воина. Его шлем отлетел, но до того, как он упал, его желтые волосы оторвались со шлемом!

— Это джотаны! — закричал я Фрейе. — Беги, объяви тревогу!

Я слышал, что ее крик огласил ночь, но она не побежала. Острие меча задело мое плечо, через кольчугу. Лезвие заставило меня завопить, и я с гневом бросился на замаскированных джотанов. Мое лезвие в пируэте срезало половину лица одного. Второй, качнулся вперед, задев мою почти обессиленную руку. Затем два лезвия нанесли удары снизу по моему шлему, и я рухнул на землю.

Когда я боролся, то, чтобы собрать с силами свои чувства, я бросил взгляд на замаскированных джотанов, тянущихся к Фрейе, которая дралась подобно дикой кошке, возле утеса. Последняя вещь, которую я запомнил, это изнурительная усталость...

Следующую вещь, которую я помнил — меня поставили на ноги. Тор поддерживал меня, и Фрей осмотрел меня с отчаянным беспокойством. Факелы высветили людей, выпавших из близлежащего замка.

— Что случилось? — проревел Хаммерер. — Где леди Фрейя?

— Джотаны! — задыхался я. — Они вошли в Асгард, замаскированные под озиров. Они, должно быть, видели, как Один передал рунный ключ Фрейе. Они захватили ее и забрали с собой в дорогу.

Я указал на утесы.

— По ступенькам к гавани! — закричал Фрей. — Они, должно быть, сели на судно!

Когда они помчались вперед к краю утеса, я поплелся за ними. Моя голова все еще болела от удара двух мечей, стукнувших по моему шлему. На краю утеса была узкая лестница, прорезанная вниз в твердой скале, ведущая в пропасть фиорда, вниз. Два мертвых озировских воина, лежавших на ступеньках, показали то, что случилось с охраной. Тор начал было шагать вниз, но его остановил крик Фрея.

— Посмотри! Мы опоздали!

На юг по океану, через бушующие волны, направлялось судно, его парус развевался в кричащих ветрах. Оно шло напрямик к крутому побережью Мидгарда и стремительно исчезло за утесами.

— Джотаны с Фрейей! — простонал Фрей. — Они заполучили ее и рунный ключ. Теперь они смогут освободить темного Локи и принести разрушение в Асгард!

Тор потряс своим большим молотом в ужасном гневе.

— Работа Локи! — жестоко проревел он. — Это дело рук предателя, который поместил мысль о той хитрой уловке в головы джотанов, своими телепатическими уловками.

— Мы только собираемся здесь стоять? — закричал дико я. — У них Фрейя, а также рунный ключ.

О Фрейе я думал в тот момент больше, чем о ключе. Хотя ключ мог бы освободить Локи и вызывать окончательное нападение на Асгард, которого боялись озирь, та возможность была для меня менее страшна, чем угроза Фрейе. Иметь ее выхваченной из моих рук в тот час, когда я завоевал ее любовь! Я почувствовал жгучую ярость, которая

наполнила меня надолго, чтобы уничтожить каждого джотана в плату за любой вред, который они могли бы причинить викингской девушке, которую я полюбил.

— Мы можем настигнуть их, если поспешим, — сказал Фрей. Он махнул озировским воинам, которые прибыли из его замка. — В гавань!

На большой скорости, мы сократили путь по лестнице через бороны в утесе. Ведомые Тором, Фреем и мною, за Хаммерером оказалось большое количество спешащих воинов. Луна сияла позади летящих штормовых облаков. Она освещала наш путь вниз головокружительной дорожки, по которой озиры прокладывали дорогу к гавани. Шаги были не больше, чем в четыре фута шириной, и для них не было никакого защитного препятствия какого-либо вида.

Кричащий ветер ударял по нам, угрожая сбить с ног. Внизу гремело черное море, разбивая белую пену, разрываясь волнами напротив утесов Асгарда. Когда мы приблизились к основанию, шаги были настолько влажны, что наши ноги почти скользили под нами. Там, где заканчивалась лестница — на выступе скалы у края гавани, еще трое озировских воина лежали мертвыми в своей собственной крови.

— Джотаны посмели сделать это! — проревел Тор, его красное лицо потемнело от гнева в лунном свете.

— На мое судно! — закричал Фрей своим людям громче воющего ветра. — Бросайте свободные швартовы!

Множество судов—драконов, находящихся в глубоком, узком фиорде между утесами, зазвенели отшвартованными от железного выступа. Судно, в которое прыгнул Фрей, было длиной семьдесят футов — с палубой и местами для двадцати гребцов. Его медный нос мерцал подобно живому металлическому чудовищу. Мы последовали за ним, когда швартовы уже были спущены. Вопящие воины прыгали на свои заученные места. Фрей схватил руль. Я стоял возле него, в то время как Тор поднимался по палубе.

— Оттолкнуть! — закричал Фрей сквозь рев. — Поплыли!

Воины напрягли свои мускулы, чтобы оттолкнуться длинными веслами. Судно—дракон понеслось из—под защиты фиорда в открытое море. Большие волны подняли нас с отвращением, угрожая швырнуть назад на утесы. Но квадратный, окрашенный парус возвысился в тот момент, когда люди Фрея отчаянно потянули веревки. Ветер закачал наше тяжелое судно далеко от вырисовывающихся утесов.

Медный нос утонул в темной воде, после чего всплыл, подняв нас над обширными черными разбивающимися волнами. Холодная соль распыляясь, разбивалась о наши лица. Хотя рев и колебание морского шторма мешало, судно направлялось на юг с увеличивающейся скоростью. Высокие утесы Асгарда, скрылись позади. Я бросил взгляд на факелы, тревожно вспыхивающие и распространяющиеся вокруг замка Валгаллы.

Мы проплыли мимо пролива между Островом Асгарда и материком Мидгардом. Далеко наверху, слева от нас, мерцала дуга Моста Бирфост. Затем Асгард и Бирфост, удалились из вида позади нас, поскольку скорость ускорилась. Мы пронеслись мимо могущественной береговой линии утеса Мидгарда.

— Ты видишь их, Тор? — обратился Фрей с тревогой к желтоголовому гиганту.

Тор глядел вперед, его блестящая борода развевалась, поскольку он стоял на возвышении.

— Еще нет! — проревел Хаммерер назад, против воющего ветра.

— Что они будут делать с Фрейей? — крикнул я.

Фрей покачал головой. Его красивое лицо было вытянуто в отчаянии ниже сверкающего шлема, затем он переместил руль.

— Что они будут делать с нами всеми, ярл Кейт, если они успеют использовать ключ, освободив Локи? Тот дьявол бросит джотанов на последнюю ужасную битву с Асгардом.

— Это вся моя ошибка, — сказал я горько. — Если бы я не принес с собой рунный ключ, этого бы никогда не случилось бы.

Летающие облака снова затемнили луну, и черная тень окутала бурное море. Близко слева, явно из воды, возвышались зловещие утесы Мидгарда. Фрей держал наше судно в опасной близости около пропастей, не теряя времени в преследовании. Мы были так близко, что каждая громадная волна угрожала опрокинуть нас. Воюющие ветра несли ожесточенный холод, замороженная соль распылялась на наших лицах. Каждый раз, когда судно ныряло медным клювом в волнах, нас окатывало водой, и воины Фрея неистово кричали.

Высокий черный мыс выступал из утесов вперед, и Фрей качнул рулем, чтобы пронести нас мимо той скалистой точки. Когда судно накренилось, вокруг нас разбилась масса ледяной воды, почти отбросив далеко от руля. Затем мы вернулись в ту же точку, и луна снова сдвинулась дальше.

— Они плывут там! — заревел большим голосом Тор, и гигант озирова наклонился, показывая молотом.

Далеко впереди на диких, залитых лунным светом водах, одинокое судно летело на юг к зловещему побережью.

— Они направляются прямо в Джотанхейм! — закричал Тор. — Мы сможем перехватить их ...

— Засада! — завопил в этот момент один из наших воинов.

Одновременно ливень стрел загрохотал вниз, подобного приветствию, в наше судно, немедленно убив двоих из наших людей. Я огляделся вокруг, потрясенный. Из—за острой скалы, которую мы только что обогнули, дюжина длинных судов бросилась к нам подобно голодным монстрам, продвигаемых изогнутыми веслами. Это были джотановские суда, переполненные огромными черноголовыми воинами и гребцами. Их луки выпустили другой ливень стрел в тот момент, когда мы обнаружили их.

— Джотановская засада! — вскричал Фрей, с трудом поворачивая руль. — Они знали, что мы будем преследовать. Они ждали здесь нас!

— Поворачивай к порту, или они перехватят нас! — проревел Тор.

Но было слишком поздно. В следующий момент, резной клюв передового судна джотанов поразил нашу сторону правого борта ударом, который сбросил всех нас с ног. Пока я взбирался, то увидел летящие стальные крюки к нашему борту, глубоко вонзившиеся в древесину.

— Достать мечи из ножен! — завопил Фрей.

Я помчался к Фрею, качаясь по сторонам. Вопли джотановских воины доносились до нас. Мы встретили их над головами наших собственных людей. Мечи столкнулись перед моими глазами. Я бросил взгляд на волосатое, зверское лицо, подбирающееся ко мне сзади с поднятым топором. Присев, я нанес удар, чувствуя, что мой меч прорвался между пластинами кольчуги, и поразил податливую кость и мускулы.

Тор достиг нашей стороны. С ревом, он взмахнул своим молотом и нанес удар вниз на джотановские шлемы, разбивая их, и черепа внутри.

Наше судно все еще тянулось на юг ветром, который заполнил его парус, тянущий также и джотановское судно, которое сцепилось с нами. Другие суда джотанов напрягали весла и паруса, чтобы сцепиться с нами. Рев волн под дрожащим судном был заполнен столкновением мечей, топоров и потрясающим лязгом, когда огромный молот Миолнир крушил внизу шлемы. Над всем возвышался ужасный крик сражающегося Тора.

Прямой топор джотана ударил в мое плечо, и я упал на колени. Меч в руке вопящего врага замерцал высоко над моей головой. Я беспомощно смотрел. Но Фрей, подобно быстрой змее, нанес удар. Он помог мне встать на ноги, когда донесся крик джотана, сваленного за борт.

Через секунду джотановское судно маневрировало рядом с нами. Вражеские солдаты швыряли крюки в сторону нашего борта. Фрей запрыгал, чтобы обрубить их прежде, чем вражеское подкрепление смогло напасть на нас.

— Хаммерер! Убейте Хаммерера!

Кричащие джотаны, прыгали на высокую фигуру Тора, подобно собакам, пробуящим снести медведя. Миолнир отсвечивался в его руке, почти как живая вещь. Но два лезвия обрушились на его шлем, и он упал, оглушенный. Я стремительно прекратил схватку с первым нападавшим. Мой меч разрезал скрытые веревки. Когда судно джотанов отбросило от нас волнами, я услышал крик души от отчаяния.

Я огляделся вокруг. Фрей прекратил схватку с другим джотановским врагом. Но дикий крен нашего судна, которое освободилось, бросило его в черные воды. Он беспомощно полетел вниз в тяжелой кольчуге. Немедленно я сорвал свою собственную кольчугу, отбросил ее, и нырнул с задней перекладки в море. Ледяной удар поразил дыхание моего тела. Когда моя голова появилась на поверхности, я увидел сражение, которое несло в сотне ярдов. Суда джотанов пробовали пойти снова на абордаж озировского корабля. Но воины озиров были поражены оглушенным Тором и потерей Фрея. Они отвернули судно вокруг и стали уплывать назад к Асгарду.

Я плыл в воде среди поднимающихся волн, ища Фрея. Когда я бросил взгляд на него, то он уже погружался в дюжине ярдов от меня. Я стал бороться с бродячим ветром и бушующим морем, пока не достиг его. Глубоко нырнув, я поймал его и потянул на поверхность. Это было почти больше, чем я мог сделать, чтобы удержать отягощенного его на плаву, поскольку он был в кольчуге и с мечом. Теперь я начал сожалеть, что взял собственный меч, поскольку он препятствовал мне. Громадные волны несли нас к вырывающимся и близко выступающим утесам.

— Оставь меня! — прокричал Фрей над ревом моря. — Спасай себя, ярл Кейт — или мы оба погибнем.

— Цепляйся за мое плечо — и гребь своими ногами, — задыхался я.

Его вес угрожал затянуть меня под воду в любой момент. Я боролся, чтобы отплыть от утесов, но был подобен ребенку в неустанной власти тех больших волн.

Тогда я бросил взгляд на небольшой пляж этих зазубренных утесов. Я узнал его сразу. Это был пляж, где я посадил свой самолет!

— В путь! — закричал я Фрею. — Мы разобьемся на утесах, если не сможем добраться до этого пляжа.

Течение угрожало утянуть нас к северу от небольшого песчаного углубления. Я поместил свою последнюю унцию силы в плавание поперек грозových волн. Но течение кипело и непреодолимо несло нас к вырисовывающемуся утесу. Нас собиралось выбросить на них ...

Я с Фреем сделал конвульсивное усилие. Мы проскользнули мимо утесов, и были выброшены в безопасности на пляже!

Глава 8. МИР ГНОМОВ

В течение нескольких минут мы лежали на песке. Хотя ревущие волны омывали нас, ни один из нас не был способен двигаться. Постепенно наши силы вернулись, и мы отползли на пляж. Фрей сидел и, задыхаясь, задал вопрос.

— Действительно ли убили Тора? Я видел, что он упал, после чего меня швырнуло в море.

— Я думаю, он был только оглушен. Люди с вашего судна получили свободу и сбежали назад в Асгард.

— Я задолжал Вам свою жизнь, ярл Кейт. — Голос Фрея пульсировал в темноте. — Я тонул в волнах, когда Вы прыгнули за мной. Я не забуду свой долг.

Я поднялся на ноги.

— Это будет важно после того, как мы пойдем за теми джотанами, спасем Фрейю и ключ.

— К настоящему времени, — пробормотал благородный озир безнадежно, — они должны быть около Джотанхейма. Мы не сможем их настигнуть, даже если бы имели судно.

— Я могу настигнуть их через несколько минут, — сказал я мрачно. — Вы, озир, можете много знать относительно атомных огней и тонких сил, но Вы не знаете про самолеты. Мой — пришвартован прямо на этом пляже.

— Ваше летающее судно? — тяжело перевел дыхание он. — Я забыл про него. Его достаточно чтобы быстро настигнуть суда джотанов?

— Достаточно быстро? — повторил я. — Ожидайте, пока Вы не войдете в него. Возможно, это заставит Вас думать немного более высоко о моей науке!

Я поспешил к двум большим валунам, между которыми я пришвартовал свой самолет. Его не было! Следы в песке показали, что его тянули до воды.

— Кто-то украл мой самолет! — простонал я.

— Должно быть, джотаны сделали это. Кто бы ни послал их, чтобы убить или захватить Вас, ярл Кейт, позже он послал других воинов, чтобы захватить ваше летающее судно.

— Они, должно быть, стянули его вниз и погрузили на борт одного из своих самых больших судов, — пробормотал я. — Теперь мы не имеем шанса перехватить пиратов Фрейи прежде, чем они достигнут Джотанхейма.

— Да, я боюсь, что все потеряно, — вздохнул Фрей. — Теперь, когда джотаны имеют Фрейю и рунный ключ, король джотанов Утгар поспешит выпустить Локи из его тюремной пещеры. И когда Локи освободиться, он снова вступит в сговор с джотанами и это будет гибель для всего Асгарда и озиров.

Моим естественным желанием было то, чтобы поспешить самым быстрым способом к Джотанхейму, в попытке спасти Фрейю. Но я понял, что должен в первую очередь помочь всем озирам. Именно я невольно принес рунный ключ, который может освободить Локи.

— Фрей, скажи мне. Где и как далеко отсюда — пещера, в которой заключен Локи?

— Это — мили на юг, глубоко в лабиринте пещер, которые лежат под Мидгардом, — произнес он изумлено. — Почему ты спрашиваешь?

— Если ты и я поспешим к двери тюрьмы Локки, и будем там ждать, — нетерпеливо объяснил я, — мы могли бы оказаться там, когда джотановский король придет, чтобы выпустить Локи. Мы могли бы внизу сразить Утгара и заполучить ключ назад прежде, чем он смог бы освободить того дьявола. И затем, в безопасности с ключом, мы смогли бы найти способ заполучить Фрейю из Джотанхейма.

Фрей был поражен смелостью моего плана.

— Это смелая схема, — прошептал он, — хотя я не жажду идти к Локи. Все же это может сработать и может предотвратить его спасение.

— Как мы сможем добраться до той тюремной пещере прежде, чем джотаны достигнут ее с рунным ключом?

— Имеется всего лишь один быстрый путь — через туннели альфингов, — объявил Фрей.

— Альфинги? Карлики, которые живут в пещерах под материком?

— Да, ярл Кейт, и они не любят, когда незнакомцы добровольно приходят в Альфхейм. И все же они — друзья Фрейи, и должны помочь нам пройти через проход для ее пользы. Опасно пробовать, но я готов.

— Тогда поспешим, — сказал я. — Надо найти самый близкий путь в пещеры Альфингов!

Фрей повел меня к черному отверстию в стене скалы, являющейся входом в темный проход, который бежал прямо в утес. Его стороны показали, что это производство земляных работ в совокупности с человеческой изобретательностью. Мы вступили в него.

Туннель был только высотой пять футов, вынуждая нас наклоняться, поскольку мы продолжали идти. В нескольких случаях, мы были ослеплены полной темнотой, но мы шли

на ощупь. Внезапно Фрей остановился в тесном проходе. Я бросил взгляд на мерцание зеленых глаз, сияющих впереди нас.

— Дикие животные? — спросил я, и моя рука обхватила рукоятку меча.

— Альфинги, — ответил натянуто Фрей. — Они могут видеть нас даже в этой темноте. Уберите вашу руку с меча, и не двигайтесь, чтобы не умереть быстро.

Я стоял, не перемещаясь, как статуя возле Фрея, глядя напряженно вперед в темноту, слушая приглушенный звук быстрых шорохов. Зеленые глаза, устрашающе сияющие сквозь черноту, увеличились в числе. Чрезвычайная напряженность в фигуре Фрея около меня показала мне, что мы были в опасности. Я вспомнил то, что Один говорил относительно альфингов. Это была старейшая раса, чем джотаны или озиры, и она не принимала никакую сторону в войнах между двумя большими враждующими народами.

— Мы — друзья альфингов! — сказал четко Фрей.

Из темноты ответил тяжелый, хриплый, рычащий голос.

— Вы прибыли незваными в Альфхейм. Это карается смертью, будь Вы джотанами или озирами.

— Мы — озиры, — ответил быстро Фрей, — и мы зашли в ваши проходы только из-за большой нужды. Я — Фрей, родственник леди Фрейи, которую Вы хорошо знаете.

Спереди донесся низкий ропот глубоких голосов, как если бы его заявление причинило волнение.

— Имя Фрейи может спасти нас здесь, — прошептал он мне. — Она всегда была другом альфингам, как и ее мать и бабушка до нее.

Голос басом ответил из темноты.

— Леди Фрейя всегда долгождана в Альфхейме. Но ее прием не распространяется на других озер, как Вы хорошо знаете. Однако, мы отведем Вас к нашему королю Андвару на суд. Сдайте ваше оружие.

— Отдайте Ваш меч, ярл Кейт, — сказал Фрей.

Вместе, наши мечи упали на скалистый пол. Мы увидели подход светлых зеленых глаз, услышали тяжелые шаги, шагающие вокруг нас, и внезапное царапанье кремня по стали. Запрыгали искры. Большие смолистые факелы запылали румяным светом, освещая целый тесный туннель.

Нас окружала дюжина альфингов — все вооруженное короткими, тяжелыми копьями и огромными металлическими булавами. Они держали свое оружие настороженно поднятым к нам, кроме двух, которые держали факелы. Самый высокий был только четыре с половиной фута в высоту. Но их тела были приземистые и массивные, с чрезвычайно широкими, сутулыми плечами, руками и ногами огромной толщины, и большими головами — с косматыми, темными волосами. Их лица были массивны и смуглы, их зеленые глаза, сияли как у животных. Они носили кожаные туники и кожаные сандалии, обрамленные железом.

— Андвар будет судить вас, озиры, — прогрохотал их лидер нам, его зеленые глаза, наблюдали за нами подозрительно. — Если Вы попробуете убежать — вы умрете.

— Мы не думаем о спасении, — уверил я его. — Веди нас к Андвару.

Альфинги перераспределились, один с факелом пошел вперед с нами по тесному туннелю, а другой позади. Остальные наблюдали за нами вблизи, держа свое оружие настороженно поднятым. Теперь туннель столкнулся с другим, низким проходом, прорезанным в скале, а затем с другим.

— Этот народ всегда жил в подземельях? — спросил я у Фрея.

— Не все время, ярл Кейт. Они иногда осторожно появляются днем. Но их жилье и мастерские находятся в этих пещерах.

— Мастерские? — переспросил я.

— Альфинги — хитрые рабочие со странными навыками, — объяснил Фрей. — Они замечательные подделыватели металла. Они знают, как по желанию преобразовать алхимией металлы, которые используют радиоактивную силу. Фрейя

часто рассказывала мне про их сверхъестественные достижения.

После того, как альфинг убежал вперед, чтобы принести новости нашего подхода, я услышал барабаны, глухо пульсирующие через лабиринт проходов. Они быстро выросли в грохоте, подобно усиленному биению многих сердец. Мы появились из туннеля в большой пещере, одной из их кузниц. Большая кузница грохотала, сверкая при этом, — молоты ловко били раскаленный добела металл.

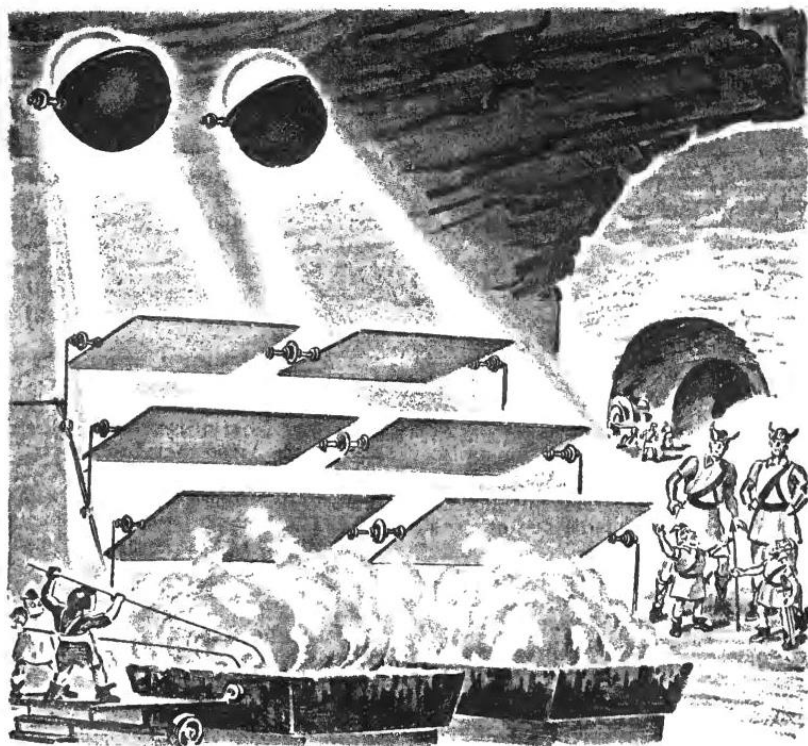
Дрожащий жар факельного света нашей охраны побледнел, стук звенящих медных молотов был оглушителен в отзывающейся эхом пещере. Альфинговские кузнецы оторвались от своей работы, чтобы посмотреть на нас широкими, подозрительными зелеными глазами. Мы прошли через другую звенящую пещеру кузнецов, и вступили в палату, которая была заполнена явным белым сиянием.

— Что это? — воскликнул я, мигая.

— Одна из пещер алхимиков, — сказал Фрей. — Видите, ярл Кейт, как они используют странную науку, чтобы изменить металлы.

Это была действительно странная наука. Примитивная наука карликов выполняла вещи отличные от высоко продвинутой науки моего современного мира. К спроектированным свинцовым скобкам в стенах пещеры была подвешена дюжина земных шаров подобно блестящим, крошечным солнцам, сверкающих белым сиянием. Они были частицами чрезвычайно активного вещества, полученного из глубин Земли бесстрашными карликами.

Окружение щитов тяжелого свинца ограничивало жесткую радиацию и твердо направляло ее вниз. Тот интенсивный поток силы отфильтровывался через изменяющиеся пластины прозрачного, подобного кварцу, камня. Таким образом, опущенная, струящаяся сила, направлялась на свинцовый набор подносов внизу. На этих тройках лежали железные или медные объекты — украшения, застежки, ножны кинжала, и радиация преобразовывала их в золото!

— Эти маленькие товарищи не настолько примитивны, — пробормотал я с завистью. — Превращение металлов радиацией — это было лабораторным экспериментом в моем собственном мире, но здесь они фактически используют это.

— Это весьма просто, ярл Кейт, — заявил Фрей. — Они получают радиоактивное вещество из более безопасных краев Маспельхейма, мира огня, далеко под этой землей, из которой мы первоначально прибыли.

— А что относительно тех пластин кварца, которые они используют как фильтры?

— Это не кварц в действительности, а синтетическое вещество, которое альфинги могут делать, — объяснил он. — Они могут быть приспособлены к экрану из любой специфической частоты желательно вибрирующей силы. Таким

образом, альфинги способны применить изолированную радиацию, в которой нуждается превращение.

Мы прошли еще два алхимических цеха, и затем повторно вступили в темные туннели.

— Фрей, а король карликов поможет нам? — спросил я низким, беспокойным голосом.

— Я не знаю, — произнес с сомнением Фрей. — Он поможет, если подумает, что имеется опасность освобождения Локи. Альфинги очень боятся Локи, также как и мы.

Глава 9. ТЮРЬМА ЛОКИ

Барабаны впереди перестали пульсировать. Фрея и меня сопроводили в самую большую пещеру, которая была освещена мерцающим светом многих факелов. Сотни альфингов торопливо собрались здесь. Имелось несколько короткорослых женщин, группа мужчин и немного детей. Все — и мужчины, и женщины, и дети — смотрели на нас в тяжелой тишине.

На каменной террасе в конце пещеры стоял массивный альфинг, который носил тяжелый золотой воротник, украшенный замечательными драгоценными камнями. Яркие, подозрительные и напуганные глаза смотрели на нас с темного, тяжелого лица. Это был Андвар, альфинговский король. Он выслушал объяснение нашей охраны и затем заговорил со мной грохочущим басистым голосом.

— Кто Вы, незнакомец? Вы не похожи на озира, и все же Вы утверждаете, что были другом леди Фрейи.

— Я обручен с ней, — объявил я, — а это — ее родственник Фрей.

— Леди Фрейя, одна среди озиров и джотанов, кто долгожданная здесь, — сказал Андвар замкнуто. — Она одна всегда была дружественна к нам. Но Вас — мы не примем. Вы нарушили границу при входе в Альфхейм.

— Страшная потребность вынудила нас нарушить границу, — сказал я искренне. — Мы спешим, чтобы достигнуть глубокой пещеры, где заключен в тюрьму предатель Локи.

Мои слова создали волну ужаса среди альфинов.

— Почему Вы желаете идти туда? — потребовал ответа Андвар. — Ни один из озиров не заходил в тюрьму Локи, с тех пор как тот был заключен туда давно, столетия назад.

— Мы должны последовать туда, — ответил я, — потому что теперь джотаны спешат другим способом выпустить Локи. Они похитили леди Фрейю, и с нею — они забрали рунный ключ, который отперет дверь тюрьмы Локи.

Крики опасения донеслись из толпы альфинов в освещенной пещере. Я видел, что массивное лицо Андвара стало бледнее его смуглой кожи.

— У них леди Фрейя и рунный ключ? — вырос гул. — Но, если они выпустят Локи с помощью ключа, это снова означает войну между джотанами и озирами. На сей раз, Локи может одержать финальную победу!

— Он может, — согласился быстро я. — И, если Локи победит озир, он поведет джотанов, чтобы поработить Альфхейм.

Ужас на лицах альфинов ясно показал, что они уже думали об этой возможности.

— Еще есть время, чтобы предотвратить освобождение сатаны, — продолжил я. — Если мы сможем раньше добраться к его тюрьме, чем джотаны придут туда с ключом, мы сможем предотвратить освобождение Локи. Вы можете нам?

Андвар покачал своей большой головой.

— Мы не можем помочь Вам напасть на джотанов. Очень давно мы пообещали, что не примем никакую сторону в их войне — озир и джотанов, и что будем жить в мире и торговать с обоими из них. Мы не можем нарушить наше обещание, подняв наше оружие против джотанов.

— Но, если джотаны добьются освобождения Локи, это означает войну, в которой Вы, альфинги, можете быть

сокрушены как между жерновами! Если Вы решитесь теперь, чтобы помочь нам, Вы сможете спасти вашу расу. И Вы сможете спасти Фрейю, вашего друга.

Сомнение и опасение были написаны на лицах всех смуглых, чахлых альфингов в отсветах факельного огня. Но когда Фрей и я ждали напряженно, Андвар снова покачал своей головой.

— Мы не осмелимся помочь Вам. Если джотаны, когда-либо узнают, что мы подняли наше оружие против них, то они будут стремиться уничтожить нас всех. Они разрушат наши сады и убьют наших охотников на поверхности, и мы не посмеем появиться больше. Таким образом, мы погибнем, так как мы не сможем жить всегда в темноте.

— Это бесполезно, ярл Кейт, — расстроено пробормотал Фрей. — Они боятся джотанов, чтобы помочь нам с засадой.

— Но они могли бы поддержать наши мечи тем, что провели бы нас самым быстрым путем к двери тюрьмы Локи, — сказал я быстро. — Мы одни смогли бы предотвратить выпуск Локи.

Фрей нетерпеливо кивнул, его глаза, горящие внезапным нетерпением, соответствовали остроумию и силе при встрече с врагом.

— Андвар, Вы можете помочь нам без того, чтобы поднять ваше оружие против джотанов, — сказал я. — Отведите нас самым коротким маршрутом к двери тюрьмы Локи. Ручаясь, мы сами предотвратим выпуск зла.

— Если даже джотаны узнают, что мы это сделали, они прогневаются на нас, — размышлял Андвар. — Но они не смогут узнать об этом, если Вы не сообщите им. Поклянитесь, что независимо от того, что случится с вами, вы не сообщите о нашем участии в этом. Тогда мы отведем вас к пещере Локи.

Фрей поднял свою руку.

— Я клянусь Норном, который управляет судьбами всех, и Вирдой, его матерью.

Хотя я повторил присягу, Андвар, казалось, только был частично удовлетворен.

— Это — большой риск. Но Локи не должен снова быть свободным и разорить Мидгард войной, смертью и разрушением. Мы дадим вам в поддержку ваши мечи и отведем Вас, озиров. Но мы оставим вас двоих, чтобы предотвратить выпуск Локи.

Красные факелы альфингов, направились к нам.

— Мы почти у тюрьмы — пещеры Локи, — сказал Андвар. — Я опасаясь идти.

Массивное лицо короля альфингов было бледно, имелся страх в его зеленых глазах. Наши три других гида были одинаково испуганы.

— Вы обещали отвести нас к двери тюрьмы, — сказал я. — Отведите нас к тому месту, где мы можем ее увидеть. Тогда Вы можете возвращаться.

Андвар задрожал и нерешительно продвинулся со своими тремя гидами, хотя теперь их шаги были медленны и неохотны. Мы прошли через высокую, сводчатую впадину в глубокой скале под Мидгардом. Андвар и другой из альфингов, вели Фрея непосредственно в лабиринт естественных впадин. Путешествие шло всегда на запад и на юг. Я видел, что мы находимся под центром скалистого материка.

Прошли часы, прежде чем мы оставили туннели и пещеры Альфхейма. Путешествуя теперь в мрачных местах, мы не наблюдали никакого признака их присутствия. Хилые люди так боялись самого имени Локи, что никогда бы не пошли в этот лабиринт пещер. Он был слишком близок к тому месту, где временно покоится одушевленное тело Локи.

Мой мозг лихорадочно волновался с надеждой и отчаянием, когда Фрей и я следовали за нашими направляющими гидами — альфингами. Я с несчастьем понимал, что даже если мы будем способны предотвратить освобождение джотанами их страшного лорда, Фрейя все еще будет оставаться узницей в темном, отдаленном Джотанхейме. Заключенной, или, возможно, замученным трупом к настоящему времени.

Об этом думал я, сжимая рукоятку меча с дикой страстью. Альфинги дали нам в поддержку наше оружие. От этих двух наших лезвий зависит победа над джотанами, которые придут с рунным ключом, чтобы пробудить и выпустить Локи. Это была отчаянная гонка, но мы имели шанс. Но если Фрей был прав, то наши мечи остались единственной надеждой относительно срыва выпуска из тюрьмы хитрого дьявола.

Андвар повел нас в узкий раскол в скале. Мы протискивались через него в единственном проходе, царапая наши члены. Из этой щели, мы появились в тихой, могилоподобной галерее, сложенной из камней фантастических форм.

— Мы дальше не пойдем! — затрясся Андвар. Дрожа, он указал на далекий конец большой галереи. — Там находится дверь тюрьмы Локи.

Я посмотрел между массами опускающейся скалы, которая заполнила галерею. Далеко, кое—что вроде сети мерцающего сияния, закрывало промежутки в стене скалы.

— Да, это — дверь тюрьмы хитрого изменника, — прошептал Фрей. — Я хорошо помню, как Один поместил его туда, много столетий назад.

— Джотаны все еще не прибыли сюда с ключом! — нетерпеливо шепнул я. — Мы вовремя!

— Теперь мы оставим вас, поскольку мы не можем подойти ближе к Локи, — пробормотал жутко Андвар. Он вручил нам один из факелов. — Если вы преуспеете в предотвращении выпуска Локи, то вы спасете нашего друга, леди Фрейю?

Беспокойство короля карлика смягчило меня.

— Мы приложим все усилия, Андвар, — пообещал я. — Так или иначе мы заполучим ее из Джотанхейма.

— Она всегда была добра к нам, как и ее мать, и мать матери до нее, — объявил Андвар. — Вы будете счастливы, завоевав ее любовь, незнакомец.

— Я знаю, — сказал я подобострастно.

— Поспешим, Андвар! — позвал мягко другой альфинг. — Джотаны могут прибыть в любой момент.

Андвар принял во внимание их беспокойное предупреждение, и поспешил через щель, которой мы только что прибыли. Поступь их тяжелых шагов смолкла.

— Джотаны могут добраться до тюрьмы Локи, минуя Альфхейм, как это сделали мы? — спросил я у Фрея.

— Да. Имеется много путей с поверхности в эти пещеры, ярл Кейт. Джотаны пойдут одним из них.

Держа факел высоко, я продвигался с Фреем через высокую пещеру. Глубокая тишина делала потрескивание факела и даже мое собственное дыхание, громким в моих ушах.

Мое сердце стучало, поскольку мы приблизились к мерцающей двери в конце пещеры. Теперь я видел, что двери не было вообще, но сила, являющейся, очевидно, сетью света, была, вероятно, менее уязвима, чем любая материальная дверь. Она проектировалась от апертур с обеих сторон проема. Я предположил, что внутри скалы должны быть скрыты механизмы, которые удерживали силу. Фрей подтвердил мое предположение.

— Сам Один изобрел проекторы, и установил их в скале. Они используют неистощимую атомную энергию, и производят абсолютный барьер ко всему трехмерному измерению. Они управляются крошечным проектором в рунном ключе. Именно поэтому, если бы ключ был разрушен, дверь исчезла бы в одной потрясающей вспышке силы.

С подозрительностью, перебарывая страх, я приблизился к прозрачной сети. Я собирался коснуться ее, когда Фрей торпливо отодвинул меня.

— Держись на безопасном расстоянии, — предупредил он. — Экстра—размерная силовая сеть разрушит вашу руку.

Колеблясь, я остановился в нескольких футах от мерцающего занавеса, глядя в маленькую пещеру за ним.

— Локи! — хрипло прошептал я.

Он лежал на кожаном коврике, смутно видимый в свете сияющей двери. Его руки были распростерты, лицо вздернуто. Ярким золотом были волосы и усы Локи. Стройным и изящно сформированным было его тело. Он носил шлем, кольчугу и меч подобно озирам.

Лицо Локи было — красиво! Простая красота никогда не могла вселить такой страх в меня. Его глаза были закрыты, длинные, золотые волосы дремали на его белых щеках.

— Внешне Локи был наиболее красивым из всех озирова — несправедливая оболочка, под которой скрывалась его черная, злая честолюбивая душа, — сказал отчаянно Фрей. — Смотри, ярл Кейт. Возле него лежат его чудовищные домашние животные, узники подобно ему, оживление которых тоже временно приостановлено.

Я перевел глаз с ангельского лица Локи. Когда я посмотрел за него, я почувствовал, как ошетинились волосы на моей шее. На грубом скальном полу небольшой пещеры лежал огромный серый волк. Большой как медведь, он держал свою могущественную голову между лапами, его губы обнажали ужасные клыки в вечной ухмылке. Вокруг Локи и ужасного волка лежали черные, неподвижные катушки огромной змеи.

— Волк Фенрис и Иормунгард, змея Мидгарда! — прошипел Фрей, его глаза блестели ненавистью. — Домашние животные, которых Локи лелеял, были заключены здесь, с ним, наукой Одина.

— Почему мы не слышали о волке и змее, столь больших, как эти? — изумился я.

— Локи заставил их вырасти благодаря некоторыми научным средствам, — пробормотал Фрей. — Из его злых экспериментов.

— Он, должно быть, использовал некоторую форму контроля желез, — глубокомысленно произнес я. — Локи, конечно, должен иметь множество научных знаний.

В течение нескольких мгновений, мы смотрели на этих трех злодеев в тишине.

— Фрей, действительно ли они только временно приостановлены оживленными? — шепнул я. — Они, кажется, мертвые.

— Они живы, — уверил меня Фрей. — Только функции физического тела Локи приостановлены. Он в сознании даже в этот момент. Также, как человек, может быть парализован, и все еще полностью сознавать это, так и Локи.

— Но даже если он осознает, как он мог повлиять на меня издали, чтобы удержать рунный ключ? Как он мог поднять шторм, который унес меня сюда, и дал распоряжения джотанам, чтобы они ожидали меня?

— В своих исследованиях, Локи развил мощь посылать телепатические сообщения, — объяснил Фрей. — Ваши ученые имеют такую силу?

— Они только начинают выяснять относительно этого. Они называют это экстрасенсорным восприятием.

— Локи развил ту мощь на большие расстояния, — произнес Фрей. — Хотя его тело заключено здесь, его сознание может посылать далеко мощные мысленные сообщения. Такие команды он послал отсюда в ваше сознание, ярл Кейт. И такие сообщения, он, должно быть, послал джотанам, приказав им использовать его странные механизмы. Они могут поднимать бури типа той, которая принесла Вас сюда.

— И он находился здесь в течение столетий, с его умом — активным и в сознании! — пробормотал я в ужасе, дрожа. — А что за тот пар дрейфует по камере?

— Он содержит тайну временно приостановленного оживления, — сказал мне Фрей. — Один изобрел пар,

который замораживает и останавливает химическую деятельность клеток тела, в то же самое время сохраняя каждую клетку целой. Один пар держит Локи и его домашних животных замороженными. Если бы сияющая дверь была открыта и пар ушел бы, хитрый предатель и его домашние животные проснулись бы ...

— Слушай! — прошипел внезапно я, сжав руку Фрею.

Я услышал приглушенный ропот голосов и приближающиеся шаги из конца галереи.

— Джотаны идут! — выдохнул Фрей.

— Приближаются освободить Локи! — сказал я. — Мы успели добраться раньше, надо спрятаться и застать их врасплох!

Глава 10. ПЛЕННИКИ В ДЖОТАНХЕЙМЕ

Я потушил факел и отбросил его. Мы погрузились в темноту, которая освещалась только жемчужным сиянием от мерцающей двери тюрьмы Локи. Я потянул Фрея под защиту одной из фантастических груд камней, которые загромождали пещеру. Мы вытянули наши мечи и засели в ожидании.

Голоса и шаги росли громче. Красный факельный свет начал мерцать неопределенно в темной галерее из щели в ее дальнем конце. Затем, когда носители факела ступили в пещеру, они засверкали с мерцанием темно—красного света. В группе имелось десять людей — джотанов. Помимо восьми больших, черно—бородатых джотановских воинов, трое несло факелы и имелось два лидера.

Один из них был гигантским джотаном с волкоподобным, диким лицом и сверкающими черными глазами. Его большой шлем и броня были инкрустированы драгоценными камнями, его жестокое лицо сверкало с волнением. Другой была темноволосая джотановская девушка, чья гибкая фигура была одета в длинное, глубоко — синее платье. Ее темная красота была поразительна, но имелось кое—что

безобразное в энергичном рвении ее блестящих черных глаз.

— Утгар, джотановский король, — прошептал Фрей. — И Хел, принцесса Джотанхейма, в прошлом — сообщники Локи в его заговорах против озиргов, и его ученики в темном научном знании.

— Утгар имеет рунный ключ, — пробормотал я, схватив рукоятку меча.

Я увидел небольшой золотой цилиндр, сияющий в руке джотановского короля. От Утгара донесся прорвавшийся грубый триумф и скотское ликование, поскольку его глаза нашли мерцающую дверь в конце галереи.

— Это — то место! — закричал он. — Вон дверь тюрьмы нашего лорда.

Хел, темная джотановская принцесса, издала низкий смех.

— Я говорила, что могу привести Вас к месту путями, избегающими альфингов? — спросила она хриплым, мрачно богатым голосом. — Поскольку сама я руководствовалась в соответствии с мысленными указаниями нашего лорда Локи, который проинструктировал нас, как получить ключ из Асгарда ...

Ее гибкая фигура напрягалось, и ее суженные глаза забродили вокруг освещенной факелом пещеры.

— Я слышу мысли нашего лорда, говорящего со мной сейчас, — забормотала она. — Он предупреждает, что имеется опасность, скрывающаяся в этом месте. Враги были здесь и — они все еще здесь!

— Фрей, мы должны ударить теперь, — зашептал я срочно. — Убей носителей факелов, в то время как я сразу Утгара и захвачу ключ. В темноте, мы сможем убежать.

Но как только мы собрались прыгнуть на джотанов, принцесса Хел издала резкий крик.

— Наши враги — там! — Она указала прямо в камни, позади которых мы присели. — Наш лорд предупреждает ...

Немедленно Фрей и я прыгнули с нашими мечами, вспыхнувшими в факельном свете. Но предупреждение Хел за долю секунды до этого, разрушила наше преимущество неожиданности. Также стремительно, Утгар и его воины выхватили свои мечи. Они встретили нас с поднятыми лезвиями, и мы скрестили их.

Я прыгнул к Утгару, и мой меч хлестнул отчаянно. Но с ревом гнева, джотановский король парировал мой удар своим собственным большим лезвием. Удар ослабил мою руку, поскольку моя сталь столкнулась против его. Потрясающие искры ударов выхватывали рунный ключ в его руке, я бросил взгляд на Фрея. Он сразил сначала одного из трех джотанов, носителей факелов, затем другого.

Принцесса Хел бросилась с дорожки боя и стояла с крошечным кинжалом в руке. Ее глаза сверкали с волнением. Каким бы профессионалом не был Фрей, и независимо от моего разъяренного решения спасти Фрейю, нас окружало большое число воинов. Они начали теснить нас назад.

— Это — Фрей и чужеземец! — проревел Утгар, отбивая мое нападение. — Разделите и сразите их!

— Убить их! — скомандовала грубым голосом Хел. — Они стремятся предотвратить освобождение нашего лорда!

С силой, которая была рождена отчаянием, я отбил меч Утгара. Я хрипло завопил, и своим кружащим лезвием попытался рассечь шею короля джотанов.

— Ярл Кейт, смотри сзади! — закричал Фрей, хотя подвергался сильному нажиму трех противников.

Я услышал, как меч со свистом проносится вниз позади меня. Я начал поворачиваться вокруг, но лезвие опустилось на мой шлем с ошеломляющей силой. Мой мозг закачался, и разрывающий свет ослепил меня.

Я почувствовал свое падение, меч вывалился из бессильной руки, зрение стало темнеть. Я бросил взгляд на двух джотанов прыгнувших на спину Фрея, когда он боролся. Ударив его кинжалами, они потянули их вниз, замазав кинжалы кровью.

— Теперь дайте мне рунный ключ, Утгар! — услышал я крик Хел. — Я освобожу нашего лорда прежде, чем другие озиры прибудут, чтобы остановить нас.

— Да, и группу Локи освобождай сразу! — проревел Утгар, его зверское, темное лицо торжествовало, когда он вручил ей золотой цилиндр.

В то время как я боролся, чтобы сохранить сознание, я смутно видел, как Хел заскользила вперед, к мерцающей двери тюрьмы Локи, с рунным ключ в руке. Я увидел, как она поднесла золотой цилиндр к мерцающей сети. Когда она нажала на выгравированную кнопку в сложной комбинации, дверь начала исчезать!

— Сознание нашего лорда хорошо проинструктировало меня, как использовать этот ключ, который изобрела наука Одина! — злорадствовала Хел.

Сеть силы исчезла. Проекторы, которые поддерживали ее, теперь были выключены действием рунного ключа. Из пределов пещеры вырвалось облако бледно-зеленого пара. Хел отскочила от него. Утгар, пораженный и ошеломленный, также шагнул назад. Мое сознание уходило.

Мрачно я чувствовал, что обессиленное тело Локки активизируется. Я увидел, что он пошатывается на ногах. Огромный волк Фенрис возвысился, открыв сверкающие, дикие глаза, зарывав так, что дикий рев, оглушительно отразился. И катушки гигантской змеи заскользили медленно в повторно пробужденной жизни.

Локи сделал шаг по комнате, в которой он и его чудовищные компаньоны были заключены в тюрьму столь долго, во временно приостановленном оживлении. Поскольку он стоял, его высокая, стройная, изящная фигура, казалось, расширялась. Его красивое белое лицо и золотые волосы сияли в факельном свете.

Те великолепные глаза сверкали подобно Люциферу, недавно восставшему из пепла, охваченные благоговением. Задрожали джотаны, скрючилась фигура Фрея и непосредственно, ошеломленное и затененное страхом лицо Утгара,

безобразное, темное, красивое лицо Хел. Материальный свет и сила, казались пламенем из синих глаз Локи.

Около Локи, волк Фенрис ужасно зарычал на нас. Его страшные белые клыки были обнажены, его огромный череп выпирал вперед со сглаженными ушами. А за хитрым изменником, с другой стороны, воздвиглась большая лопа-тообразная голова мидгардовской змеи. Сверкал холод реп-тильных глаз, разветвленный красный язык мерцал между его чешуйчатыми челюстями.

Темнота заволокла мое сознание. Как если бы из туск-лых, огромных расстояний, я услышал ликующий, золотой голос Локи.

— Наконец — свобода! Теперь прибудет час моей мести озирам!

Тот голос был последней вещью, которую я услышал. Даже когда прозвучали его акценты сверхчеловеческого триумфа, я полностью погрузился в бессознательное состо-яние.

Пульсирующая боль ослепления в моей голове была моим первым признаком возвращающегося сознания. За-тем я понял, что лежу на твердой кровати, и что воздух был холодный и влажный. Я попробовал открыть глаза, и не смог. Большим мысленным усилием я поднял ослабленную руку к голове. Немедленно я услышал радостный, приятный голос.

— Он пробуждается, Фрей!

Тот голос, вибрирующий через нити памяти в моем оше-ломляемом мозгу, заставил меня открыть глаза. Фрейя склонилась надо мной. Ее бледное, красивое лицо было об-рамлено желтыми волосами, и оно лучилась радостью. Ее теплые, синие глаза смотрели нежно вниз на меня.

Она все еще носила белое льняное платье, в котором кра-совалась на банкете в Валгалле, перед ее похищением. И я видел также, что Фрей, бледный, перевязанный вокруг шеи и плеча, нагнулся, чтобы посмотреть вниз на меня.

— Фрейя! — Мой голос был только слабым шепотом.

Слезы застыли в ее прекрасных глазах, когда она поместила свое лицо напротив моего, ее прохладная щека находилась напротив моих губ.

— Ярл Кейт! — прошептала она. — Я боялась, что Вы умерли. Это были часы, когда Вы спали подобно мертвому.

Со слабостью я поместил свои руки вокруг ее тонких плеч и притянул ее поближе к себе. Яркое золото ее волос зашелестело по моему лицу, и мне казалось, что в тот момент я держал самую любимую девушку в мире.

Затем я посмотрел за нее. Часто вспоминалось лицо бледного Фрея и ужасное воспоминание промчалось через мое ошеломленное сознание. Локи, волк Фенрис и большая змея, покинули их тюрьму!

— Локи! — выдохнул я. — Я видел, как он пошел дальше

— Да, ярл Кейт, — сказал Фрей. — Случилось то, чего мы, озиры боялись в течение столетий. Хитрый дьявол был освобожден.

Кровь, казалось, оставила мое сердце, поскольку наша попытка потерпела крах. Древняя рифма на рунном ключе, казалось, насмешливо отзывалась эхом в моих ушах.

Не принесите меня домой,
Чтобы Рагнарёк не пришел.

Это случилось. Я принес роковой рунный ключ домой. И теперь Локи и его чудовища освободились и поведут хозяев джотанов в последнее и наиболее ужасное нападение на Асгард. Я застонал от мысли о своей собственной вине, поскольку это было целиком на моей совести. Сознание Локи, которое я не мог вообразить, вдохновило меня и заставило найти рунный ключ. Я свободно принес его в эту скрытую землю к невероятно злой угрозе, которая лежала в бездействии в течение столетий — все же сознавая, чтобы добавить новые мучения и более порочные ужасы к старым.

Фрейя подняла свое лицо. Она смотрела на меня синими глазами, которые были ярки страхом, с красными дрожащими губами.

— Но где — мы? — вскричал я, пробуя сесть. — Почему Вы с нами, Фрейя?

— Мы находимся в Джотанхейме, ярл Кейт, — прошептала она. — Я находилась здесь после того, как джотановские налетчики привели меня сюда и забрали рунный ключ. Вас и Фрея принесли сюда и заключили со мною несколько часов назад. Вы были без сознания — и я боялась, что Вы умерли.

Ее тонкая рука поддерживала меня, когда я сидел. Изумленно я осмотрелся вокруг. Мы занимали маленькую каменную камеру, со стенами, которые состояли из массивных, влажных блоков. Тяжелая деревянная дверь была однозначно закрыта. Одно крошечное, зарешеченное окно пропускало бледный дневной свет и достаточно воздуха. Фрей и Фрейя помогли мне, и я поднялся на ноги, встав с кушетки, где лежал. С их поддержкой я подошел к окну, и выглянул на древний Джотанхейм.

Джотанхейм присел подобно большой, дремлющей рептилии на низком плато, над испаряющимися болотами. Вялая, черная речная рана от бурных холмов была позади города. Внизу каменные стены просачивались через сырые, задумчивые болота к отдаленному морю.

Это был город приземистых, массивных замков и фортов, построенных с грубостью старомодного человека. Гигантские каменные блоки обрастали зеленым, отвратительным мхом. Наша камера была на подвальном уровне наиболее огромного из замков, высокой, продолговатой структуры.

Даже при дневном свете, город был заполнен холодом и туманами из струящихся в низине болот. Из нашего окна я мог видеть множество длинных кораблей, пришвартованных на реке, которые пронзала северную стену старого Джотанхейма. Хозяева джотанов были заняты на судах и берегу. Воины и рабы несли оружие, удовлетворительные новые

весла и мачты — все находились в суматохе поспешной деятельности. Через древний, мрачный город неслись команды спешащих воинов, спешащих мужчин и женщин. Каждый был лихорадочно занят в таинственных приготовлениях.

— Пленники в Джотанхейме, — простонал я. — И Локи ...

— Он также здесь, — сказал с несчастьем Фрей. — В этом дворце, который принадлежит Утгару, он руководит приготовлениями, которые Вы видите. Те приготовления к последнему большому нападению на Асгард.

Фрейя, держа мою руку, посмотрела на меня синими глазами, которые были почти черными от страха.

— Джотаны сошли с ума, когда Локи прибыл с Утгаром, Хел, Вами и Фреем, — произнесла она. — Они кричат, что теперь, наконец, сотрут существование озер.

— Вырисовывается Рагнарёк — заключительная борьба, — объявил торжественно Фрей. — Да, это — борьба, как мы, озирь, знали, должна наступить, если, когда-нибудь Локи будет освобожден.

— Но Один и озирь не уступят! — закричал я. — Они отбросят Локи и джотанов!

— Я прошу у судьбы, чтобы это было так, — сказал Фрей. — Но джотаны превосходят численностью нас теперь больше, чем прежде. С Локи и его злой наукой, Фенрисом и Иормунгандром, борющимся на их стороне, у нас есть причины опасаться за Асгард. Но если мы должны погибнуть, джотаны и Локи должны погибнуть с нами. Это то, что я знаю.

— Разве мы не можем сбежать отсюда и вернуться в Асгард? — спросил я быстро.

Его измученное лицо, скривилось в безнадежной улыбке.

— Как мы можем сбежать из этой камеры? Если целый город роится с вооруженным приготовлением воинов. Мы никогда не сможем пробраться мимо всех солдат Джотанхейма к свободе.

— Что они будут делать с нами? — настаивал я. — Почему они держат нас, вместо того, чтоб убить?

— Я не знаю, — пробормотал он. — Убежден, что Локи имеет какой-то злой план в уме, как использовать нас.

Он зашатался, и я поспешил помочь ему, отвел к кушетке, где он ослабленно сел. В том сражении в пещере, раны Фрея оказались серьезными. Он потерял большинство своей нестареющей силы.

Моя собственная сила быстро возвращалась. Я ходил взад—вперед от двери до окна камеры, мучая свой мозг, ища средство для спасения. Не имелось ни одного. Наконец я уступил, и тупо сел внизу возле Фрейи.

Должно быть, прошли часы, когда мы сидели в тяжелой безнадежной тишине. Солнце фильтровалось через медленные толстые туманы Джотанхейма, бросая бледный луч на каменный пол. Послышался скрежет в замке нашей двери. Она открылось — там стоял большой, жестокоглазый джотановский капитан, впившийся в нас взглядом. Позади него были дюжина охранников.

— Вы, чужеземец, — сказал капитан мне. — Пойдете с нами. Наш лорд Локи желает говорить с Вами.

— Что Локи хочет от меня? — спросил я, вставая на ноги.

— Мне или Вам — чужеземной собаке, подвергать сомнению причины вызова нашего лорда? — проревел капитан. — Пошли или потащим!

Я пожал руку Фрейи и пошел с охраной. В мрачном, каменном коридоре, они обнажили свои мечи, чтобы зарубить меня, если я сделаю попытку спасения или сопротивления. Дверь камеры закрылась снова, и двое джотанов заняли свои места. Другие сопровождали меня.

Сырой холод прохода пронял меня до мозга костей. Но я чувствовал еще больший холод от страха, который вызывал Локи. Я собирался предстать перед хитрым изменником, который пробудился для его заключительной, наиболее порочной мести ...

Глава 11. ЖИВОЙ САТАНА

Мы прошли через мрачные коридоры и палаты из старого камня, покрытого зловеще выглядящими белыми грибами и лишайниками, капающих сжатым паром. Крысы пищали поперек нашей незамеченной дорожки. Мы поднялись на верхние уровни массивного дворца по широкой громадной троглодитной лестнице. Всюду мы встречали солдат и рабов, снующих туда—сюда, носящих груды копий и стрел, массу щитов, и других военных припасов. Напряженные, нескончаемые приготовления к нападению на Асгард проходили через целый дворец и город.

Джотановский капитан повел нас через другой коридор, к краю большого, плохо освещенного зала.

— Ожидайте, — пролаял он, останавливаясь. — Наш лорд еще не закончил с принцессой Хел.

— Что они делают? — спросил со страхом я. — Что это за машины?

— Тихо, чужеземец! — раздраженно произнес капитан.

Я стоял среди охранников, смотрящих на удивительную сцену, которая имела место. Зал, на который я смотрел, имел большие размеры, его крыша была поддержана лесом массивных каменных столбов. Единственное освещение имелось от бледных шахт дневного света, которые дрожали внизу от маленького, высокого резного окна, как если бы боящегося войти в это темное место. Белые пучки тумана все еще циркулировали среди столбов, подобно бездомным, праздно дрейфующим призракам.

На поднятой каменной платформе в одном конце зала, на массивном троне, вырезанном из черной скалы, сидел Локи. Его яркие золотые волосы, блестящие во мраке, и отсвечивающая кольчуга, которую он носил, заставляли его казаться фигурой живущего света. Около его трона, между лапами лежала могущественная голова волка — монстра Фенрира. Мидгардовской змеи я не видел.

Красивое лицо Локи было поглощено, его изящная фигура, наклонилась вперед. Возле его трона стоял большой, черноволосый джотановский король Утгар, и мрачно—красивая Хел, принцесса Джотанхейма. Они смотрели на незнакомо—выглядящий механизм, чьи внутренности пылающих проводов и стеклянных пруты были частично скрыты металлическим покрытием. На покрытии был квадратный кварцевый экран, который воспроизводил живую сцену.

— Смотрите, лорд Локи, чистая картинка! — вскричала Хел.

— Я тоже вижу, — проревел Утгар. — Это — Асгард!

— Да, это — Асгард, — произнес Локи чудесным, приятным голосом, его глаза были задумчивы, когда он глядел на экран. — Вижу, знать озирова собралась в Валгалле на совет. Мы слушаем их.

Локи коснулся другого управления. С края большого зала, я мог только услышать низкое гудение механизма.

— Я не могу слышать четко, — пожаловался Утгар. — Что они говорят?

— Говорит король Один, — сказала Хел, с высокомерной улыбкой на ее красивом лице. — Он сообщает озироваской знати, что боится, что Локи с Фенрисом и Иормунгандром освобождены, и что Фрей, Фрейя и чужеземный ярл являются пленниками в Джотанхейме. Озиры дико смотрят друг на друга от этих новостей. Доносится крик Тора.

— Это глупый—глупый медведь! — сказал презрительно Локи. — Мужлан, который только и знает — борьбу, еду и как взломать череп.

— Что говорит Хаммерер? — спросил Утгар.

Хел засмеялась.

— Лорд Тор сердит. Его голова перевязана от раны, как Вы можете видеть. Он ревет, что озиры победили Локи и джотанов однажды раньше, и они сделают так снова. И на сей раз, говорит он, они убьют Локи вместо того, чтобы посадить его в тюрьму.

Локи вскочил на ноги. Вспышка гнева, подобно ослепительной и ужасной молнии скрутила его лицо.

— Убить меня? — зашипел он. — Сыновья озиров, моих древних людей, Вы будете сожалеть, что думаете так, а Асгард уйдет вниз в пламени и смерти.

— Король Один снова говорит, — сказала Хел Утгару. — Он говорит, что они должны готовиться к будущей борьбе. Они должны изобрести, если возможно, какой-нибудь путь к спасению Фрея, Фрейи и ярла Кейта из Джотанхейма. И Один говорит, что он боится, что Локи может использовать свои научные достижения, чтобы шпионить за ними. Он говорит, что удостоверится ...

Торопливо Локи потянулся и коснулся винта того странного механизма. Картина в ее кварцевом экране и гул голосов прекратилась. Я знал, что это должно быть какое-то сверхразвитое телевидение, способное работать без передатчика.

— Мы видели и слышали достаточно, — сказал капризно Локи. — Озиры знают, что мы нападём на них, и у них есть небольшое время, чтобы подготовиться. Следовательно, через двое суток, мы выступим на Асгард, чтобы сокрушить их.

— Да, но будь осторожен, лорд, — предупредил с тревогой Утгар. — Один также имеет большие достижения в древней науке. Однажды ранее он выхватил победу у нас, из-за вашего слишком большого самомнения.

— Плевать мне не ваши предупреждения! — бесновался Локи. — Я имел столетия, чтобы все продумать. Ничто не может спасти озиров, на сей раз. Теперь вы оба уйдите, пока я не позову вас.

В тон голоса хозяина, Фенрис поднял свою огромную голову и ужасно зарычал. Утгар торопливо отступил от молниеподобного гнева Локи, и поспешил к двери, более медленно принцесса Хел последовала за ним. Не смотря в ту сторону, где стоял я с моими охранниками, наблюдая эту сцену в очаровательном ужасе, Локи заговорил:

— Подведите ко мне чужестранца.

Когда джотаны вывели меня вперед, я увидел, что они все задрожали. Они приостановили меня перед черным тронном, и я вызывающе посмотрел в задумчивые синие глаза Локи. Наконец он заговорил с капитаном охраны джотанов.

— Возьмите ваших людей, и ожидайте вне зала.

— Но, лорд, мы не можем оставить Вас здесь одного с этой чужеземной собакой! — возразил капитан.

Локи впился взглядом в него.

— Вы думаете, я нуждаюсь в Вас, чтобы защитить себя? — спросил резко он. — Убирайся!

Капитан и его люди почти в беспорядке поспешили, чтобы оставить зал. Я стоял там один, стоял и Локки с волком, только змея двигалась к трону, в этом обширном и мрачном зале дрейфующего тумана и холода. Неудержимо мое сердце застучало во внезапном волнении и надежде.

Мои глаза остановились на мече, который висел на боку Локи. Если бы я мог бы прикончить жизнь хитрого предателя этим лезвием, я умер бы с удовольствием, зная, что испустил принесение рунного ключа в мирный Асгард.

Ускоряясь, я прыгнул с диким намерением. Но немедленно, подобно удару молнии стремительной плоти, огромный волк Фенрис прыгнул на меня. Вес монстра прибил меня к полу. Его огромное волосатое тело сокрушило меня, его горячее дыхание опалило меня, и я увидел ужасный блеск клыков могущественных челюстей Фенрира, зевающих над моим лицом.

Явные, дикие зеленые глаза гигантского волка сверкали вниз на меня с почти человеческой ненавистью. Те раскрытые челюсти, могли сокрушить мой череп подобно яичной скорлупе.

— Фенрис, освободи его! — донесся голос Локи, как будто бы с большого расстояния.

Фенрис немного убрал свою массивную голову, и возразил диким рычанием. Он сопротивлялся приказу его хозяина. Он желал убить меня.

— Ты становишься непослушным? — вспыхнул голос Локи.

Я услышал быстрый шаг, прибывающий от трона ко мне. Все еще придавленный огромным весом Фенрира, я увидел приблизившегося Локи, и волк закрыл свой большой рот.

Фенрис захныкал извиняющимся тоном своему хозяину. Волк медленно поторопился. Когда Локи вернулся и снова сел на черном троне, огромное животное снова присело внизу возле него. Но его дикие, сверкающие глаза никогда не оставляли мое лицо. Шатаясь, я встал на ноги. Я видел развлечение в блестящих синих глазах и на ангельском лице Локи, когда он сидел напротив меня.

— Вы все еще желаете убить меня, чужеземец? — спросил он с шокирующе приятным смехом. — Я могу не удержать Фенрира у вашего горла, в следующий раз.

Услышав свое имя, чудовищный волк зарычал глубоким воем, обнажив свои большие клыки, глядя на меня. Горячее негодование в дьявольской насмешке, которая оценивала меня таким развлечением, заставило меня напрячься и сжать кулаки.

— Если Вы собираетесь убить меня, то почему бы не сделать это сейчас? — спросил я.

— Я не уверен, что заберу вашу жизнь, чужеземец, — сказал Локи мне в лицо. — В конце концов, я задолжал Вам многое. Это Вы, кто вернул в эту землю рунный ключ, который, наконец, дал мне и моим домашним животным свободу.

— Мне жаль, что я не умер прежде, чем ваши отвратительные мысленные команды совратили мой мозг!

— Но почему Вы должны желать этого? — спросил Локи с глубоким интересом. — Почему Вы должны ненавидеть меня так?

— Поскольку я знаю, что Вы — зло, и что ваши планы являются порочными, — сказал я резко. — В течение двадцати столетий во внешнем мире, имя Локи было синонимом предательства, даже при том, что никто, во внешнем мире не знал, что реальный Локи, когда-то существовал.

Локи глубокомысленно кивнул золотой головой.

— Это правда. И все же, какое зло я сделал лично Вам, ярл Кейт? Не я ли привел Вас на землю, которой никто другой из вашей расы никогда не видел? Не я ли дал Вам новое и невообразимое приключение? Чего больше я мог сделать для Вас? Вы видите, я знаю, что в душе Вы — авантюрист, ищущий новое и странное.

— Именно то, что Вы планируете сделать с озирами, заставляет меня ненавидеть Вас, — парировал я. — Я восхищаюсь ими — а Вы подготовили заговор, чтобы использовать джотанов, для их уничтожения.

Красивое лицо Локи затемнилось, подобно солнцу, когда штормовое облако скрывает его. Его невиданные глаза запульсировали со старой ненавистью.

— Я тоже люблю озиров, ярл Кейт, — сказал он задумчиво. — Давно, когда мы проживали в глубоком Маспельхейме, и я был вторым лицом после Одина. Я сделал много для моей расы. Я рылся в научных тайнах, которые были скрыты от них. И я нашел новые истины. Я сделал бы намного больше для них, сделай они меня своим правителем вместо Одина. Поскольку Один был в застое, я никогда не был удовлетворенным. Я горел желанием найти все знания, которые человек мог приобрести, узнать причину для каждого явления в мире и в небе. Я стремился приобрести любую силу, которую человек, когда-либо мог найти, чтобы мы стали бесспорными владельцами всей природы. Именно я освободил озиров от болезней и возраста. Я сделал их почти бессмертными, разжигая атомные огни, чья радиация предотвращает болезнь и возраст. Не это ли было большим подарком, который я сделал своим людям?

Как ученый, я не мог сдержать чувство некоторой симпатии к Локи. И все же я понял, что он просто представил свою собственную сторону случившегося.

— Да, — признал я. — Но в создании озирам подарка — практически бессмертия, Вы почти уничтожили их. Вы принесли катастрофу в подземный мир Маспельхейма, и вынудили их бежать сюда. Неудивительно, что Один запретил Вам продолжать такие опасные исследования!

Локи пожал плечами.

— Не может быть никакой большой победы, без большого риска, чужестранец. Я имел видение продвижения озиров к невообразимым высотам силы и мудрости, хотя эту дорогу окружают обширные опасности. Я желал рискнуть теми опасностями, быть всем или умереть. Но унылый Один блокировал мою дорогу. Он сказал: "Не хорошо подвергнуть опасности весь мир, чтобы получить для нас силу". Озиры согласились с ним, и отвернулись от меня и моих мечтательных прыжков. Я сделал бы их подобно орлам, устремляющимся в небо. Но они предпочли последовать за Одином и

жить их унылой жизнью в приученной установившейся практике.

Глаза Локи сверкали, его изящная фигура напрягалась на черном троне, когда он говорил. И я не мог сдержать чувство симпатии к нему. Никакой настоящий ученый не смог бы добровольно подчиниться давлению его желания знаний и стать хозяином законов природы. Синие глаза Локи, остановились на мне, и он глубокомысленно улыбнулся, его страсть исчезла.

— Я читаю ваши мысли, ярл Кейт, — сказал он быстро, — И я вижу, что Вы думаете также как и я.

— Не про Вашу жажду власти, — огрызнулся я.

— Не отрицаю этого, — сказал он. — Вы из того же теста, ярл Кейт. Мы очень похожи, чем любые другие на этой земле. Потому что я также рисковал своей собственной судьбой, и судьбой моих людей, чтобы получить новое знание и власть, как и Вы — такой же ученый и искатель правды, прибыли на север в опасность и трудности, искать новую, странную правду. Да, мы двое, имеем такой же самый ум.

Хотя его голос звенел с искренностью, я мысленно боролся против его соблазнительных мыслей.

— Потому что так много нам подобных, — продолжил он, — что я был способен бросить сеть моего предложения в ваш мозг. Хотя Вы были далеко на вашем судне за льдом, я все же смог направить Вас, чтобы возвратить затонувший рунный ключ.

— Как Вы могли сделать это, Локи? — спросил я с усиленным интересом. — Как могло ваше сознание простереться далеко, когда ваше тело поддерживалось во временно приостановленном оживлении в той тюремной пещере?

— Вы, чужестранцы, сконцентрировались больше на механических устройствах, чем на более тонких силах науки. Иначе бы, Вы поняли лучше природу сознания. Мозг, в действительности, — это электрохимический генератор, и мысли — электрический ток, который их производит. Мозг, который развил мощь, может бросать сеть электрических

мыслей — импульсов за границу и в другой мозг. Это можно направлять на другой мозг и даже немного направлять его в физическое тело. Таким образом, в течение столетий, что я лежал заключенный и беспомощный, я посылал сеть моих мыслей вдаль, ища средства спасения. В далеком прошлом, я установил, что рунный ключ озиры бросили во внешний океан. Я не мог послать никого из джотанов, чтобы гарантировано достать его, поскольку они не могут пересечь обширный лед без гибели. Но, наконец, ваше судно прибыло на север и находилось около затонувшего рунного ключа. Я получил возможность повлиять на Вас, чтобы Вы выловили рунный ключ. И как только Вы получили его, и были в воздухе на вашем летающем судне, я послал умственное сообщение принцессе Хел, моей ученице, и приказал, чтобы она использовала штормовые конусы в моей лаборатории, которые заставят бурю принести Вас сюда.

— Штормовые конусы? — повторил я. — Какое же устройство могло быть использовано, чтобы принести такую бурю?

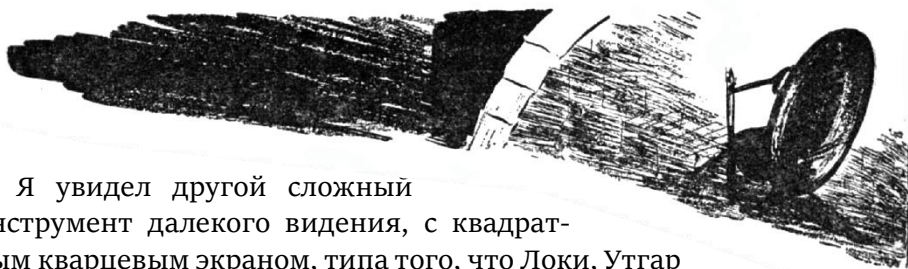
Локи улыбнулся и встал на ноги.

— Пойдемте, ярл Кейт, я покажу Вам. Я думаю, Ваши ученые, подобно мне, непосредственно будут заинтересованы моей лабораторией.

Глава 12. ЛАБОРАТОРИЯ НАУЧНОГО МАСТЕРА

Он последовал вперед, поперек обширного, колонного зал. Гигантский волк Фенрис поднялся и последовал за нами на расстоянии нескольких футов, его дикие зеленые глаза, никогда не оставляли меня. Локи привел меня в маленькую каменную палату. Это было действительно лаборатория — самая странная, чем когда-либо я видел.

Два маленький, сверкающих радиоактивных солнца, заключенных в ведущих шарах, освещали темноватую комнату. Интенсивное белое сияние блестело от множества незнакомых механизмов и инструментов.

Я увидел другой сложный инструмент далекого видения, с квадратным кварцевым экраном, типа того, что Локи, Утгар и Хел использовали в большом зале. И я заметил устройства, которые, казалось, были подобными аппаратам превращения, используемыми альфингами. Но они были очень переоборудованы в конструкции. Используя сконцентрированные лучи радиоактивного выстрела энергии из свинцовых труб, они могли производить даже более быстрое превращение маленьких металлических объектов.

Локи следовал впереди, к наиболее поразительной особенности этого множества чужих научных инструментов. Гордо он жестикулировал среди ряда больших объектов, которые напоминали тяжелые носики сплавленного кварца, установленные на вертящиеся вышеупомянутые квадратные, огражденные медью, механизмы. Внутренние сложности я не мог видеть. Локи положил руку на один из носиков кварца.

— Я давно изобрел эти штормовые конусы, ярл Кейт. Они могут устроить наиболее потрясающую бурю на расстоянии сотен миль.

— Как они могут сделать это? — спросил я недоверчиво.

— Это весьма просто. — Он улыбнулся. — Штормовые молнии вызваны внезапным острым различием в электрическом потенциале между облаком и Землей, или облаком и облаком. Эти штормовые конусы распыляют тщательно нацеленные и проводимые каналы электрического поля, которые причиняет такое неправильное различие потенциала в любом желательном местоположении. Когда я поведу джотановскую орду, чтобы напасть на Асгард, я сначала

обрушу разрушительную молнию вниз, на силы озиров. Тогда они падут легкой добычей моим диким воинам.

Я также был потрясен этой угрозой, чтобы комментировать. Локи повел меня к двери в противоположной стороне лаборатории.

— Теперь, возможно, Вы сможете меня немного проинструктировать, ярл Кейт, — сказал он. — Идите за мной.

Дверь открылась в большой, выложенный камнем двор, вне древней цитадели. Он был окружен стеной, но большие ворота в одной стене были открыты, ведущие к наклону, который круто бежал к реке. Сумрак спал, и белые туманы, что окутали Джотанхейм, были более плотными.

Мои глаза остановились на знакомом объекте в этом дворе. Это был мой ракетный самолет. В конце концов, он не был разрушен.

— Да, это — ваше летательное судно, — произнес Локи. — После того, как Вы приземлились в Мидгарде, я знал, что это был только вопрос дней, пока я не освобожусь. Я послал мысленный приказ принцессе Хел отправить корабли джотанов и привезти самолет сюда, поскольку я желал досконально исследовать это изделие чужеземной всемирной науки. Но не лелейте какие-то надежды относительно внезапного спасения на нем, ярл Кейт. Я могу только сказать слово, и Фенрис вопьется в ваше горло.

Волк—монстр позади нас снова зарычал, поскольку услышал свое имя. Я пожал плечами.

— Так или иначе, я не улечу бы без Фрейи и Фрея.

Локи осмотрел целый интерьер самолета, задавая мне быстрые, интеллектуальные вопросы относительно каждой особенности его. Он, казалось, немедленно схватывал проект судна и его высоко улучшенный ракетный двигатель.

— Вы умны, чужеземцы, изобретая такие вещи, — сказал он с искренним уважением.

— Разве Вы не хотите посмотреть на средства управления? — спросил я.

Мое сердце глухо билось, поскольку я увидел дикую, безумную возможность. Локи залез в кабину, и я объяснил ему про средства управления. Затем я открыл мешок белых химикалий, которые мы всегда ложили в эти арктические полеты. Я взял горстку и показал их ему.

— Это — химикалии, которые производят высокую температуру. Мы используем их, чтобы освободить колеса самолета, если они вмерзнут в лед.

— Это также умно, — размышлял он, когда вылез из самолета. — Вы, чужестранцы, действительно механически изобретательны, хотя и не исследовали древнюю науку самых глубоких сил природы, как мы, озиры, это сделали.

Он не сказал ничего больше, потом он привел меня назад, через лабораторию, к темноватому большому залу. Фенрис шел по пятам. Затем Локи обернулся.

— Я могу научить Вас нашей древней науке, ярл Кейт, — сказал он на мое удивление. — Вы могли бы узнать много чего, над чем ваша наука ломает голову. И Вы были бы вторым после меня, как только озиры будут побеждены.

Я начал понимать то, что он предлагал.

— Вы хотите, чтобы я пошел против озиров — против моих друзей?

— Та девушка Фрейя, и даже Фрей, если Вы пожелаете, могут быть помилованы.

— Почему Вы желаете, чтобы я стал вашим последователем? — спросил я с подозрением.

Красивое лицо Локи было бесспорно искренне, когда он ответил мне.

— Я отвечу. Мы двое — более родственны, чем любые другие на этой земле. Мы ищем научную правду, и любим новое и странное. Кроме того, я у меня нет никакого человеческого друга, поскольку Утгар — всего лишь инструмент, а Хел — всего лишь злое рискованное предприятие, которая никогда не станет изучать мою науку. Все, что я имею — это Фенрис и Иормунгандр. Мои волк и змея мудры и хитры, и являются почти человеческими, но они — не человеческие

друзья. Скажите, ярл Кейт, Вы присоединитесь ко мне как друг и последователь?

Ошеломленный данным предложением, я попробовал отчаянно размышлять. Если бы я мог заставить Локи полагать, что я желаю присоединиться к нему, и затем работать против него ...

— Ваши слова убедительны, — ответил я, как если бы глубоко вдумывался. — Мы похожи. Я думаю, что присоединюсь к Вам, Локи.

Локи улыбнулся мне, утомленной, наполовину презрительной, наполовину удивленной улыбкой.

— Ярл Кейт, я хотя и лучше Вас, но надеюсь не ожидать от Вас, что Вы попробуете какие—нибудь призрачные хитрости, как обмануть меня, — сказал он. — Вы не можете не понимать, что по отношению ко мне, Вы как маленький ребенок? Вы смеете надеяться обмануть меня, когда я могу читать ваше сознание?

Я посмотрел на него вызывающе.

— Я боролся бы с огненным дьяволом. Вы знаете, теперь правду, Локи. Я имею только ненависть к Вам, что касается и всех предателей. Вы готовитесь вести этих дикарей джотанов против ваших собственных людей, потому что ваш собственный народ бросил Вас.

Я понял по его суженным глазам, что добрался до его нутра. Его рот напрягся, и за доли секунды, пока я бросал взгляд, его ангельски красивое лицо превратилось в маску ада белой ярости. Было так, как если бы бушующее зло внутри него выглядело дальше голым и не спрятанным. Волк Фенрис, как бы поняв настроение своего владельца, прыгнул к его ногам и злобно зарычал на меня. Затем лицо Локи прояснилось, и он засмеялся надо мной без следа плохого чувства.

— Вы храбры, ярл Кейт, доказывая даже больше, что Вы являетесь непосредственно похожим на меня. Да, Вы боитесь признать себе, насколько мы двое похожи, и насколько Вы любите меня.

Это задело меня, поскольку я ощущал, что это было правдой. Я чувствовал симпатию к этому павшему Люциферу, который был труден для меня, толкая вниз.

— Вы должны оставаться заключенным здесь, в Джотан-хейме, пока наши силы не победят Асгард, — решил Локи. — Как только озиоров уничтожат, и прошлое не может быть возвращено, я думаю, что Вы будете достаточно мудры, чтобы присоединиться ко мне, как друг и последователь.

Он повысил голос в беспелляционном приказе.

— Охрана, верните этого заключенного в его камеру!

Джотановский капитан и его люди прибыли, выбежав снаружи. Даже не осмелившись посмотреть на своего повелителя, они вытолкали меня из зала.

Когда я пошел с ними, я оглянулся назад. Локи, казалось, забыл про меня. Он сидел в этом мрачном, заполненном туманом зале, задумчиво теребя подбородок рукой, его ярко-золотая голова согнулась. Волк Фенрис смотрел на него преданными, блестящими зелеными глазами.

Меня провели назад через те же самые сырые коридоры и проходы к подземному уровню дворца. Высокие охранники проследовали к двери нашей камеры и открыли ее. Без церемоний я был втолкнут. Когда дверь была заперта за мной, охрана ушла.

Фрейя подбежала с тревогой поперек темной небольшой камеры и бросилась в мои руки.

— Я боялась, что Вы не вернетесь, ярл Кейт, — простонала она мягко. — Что Локи хотел от Вас? — спросила Фрейя с бледным лицом.

Я рассказал им большинство того, что имело место. Фрейя слушала с расширенными от ужаса глазами, ее родственник — вдумчиво, в тишине.

— Так Локи желает, чтобы Вы присоединились к нему, — пробормотал он, когда я закончил. — Это странно.

— Я думаю, что только потому, что он одинок, — сказал я. — Он презирает этих джотанов, которых он однозначно

просто использует, чтобы сокрушить озиров. Я чувствую небольшое сожаление к нему.

Фрейя посмотрел на меня с удивлением. Бледное, красивое лицо Фрея сжалось, он предупредил меня.

— Учтите, ярл Кейт, у хитрого предателя — тонкие убеждения! Никогда никто другой из живых не может навредить человеку или животному, как Локи, с его серебряным языком и красивым лицом.

— Никакой опасности, — заверил я его. — Моя лояльность — с озирами. Никакое убеждение не может когда-либо изменить это.

Я продолжал сообщать им то, что Локи сказал мне в своей лаборатории, объясняя его намерение использовать штормовые конусы против озиров.

— Мы должны вернуться в Асгард и предупреждать Одина, чтобы он смог подготовить защиту, — закончил я. — Мое летающее судно находится во дворе на прибрежной полосе цитадели ...

— Как мы сможем достигнуть вашего судна, когда мы не можем даже выйти из этой запертой камеры? — ответил Фрей безнадежно.

— По крайней мере, я думаю, что мы можем сбежать из этой камеры, — произнес я. Я вытянул из моего кармана горстку белого химического порошка и показал это им. — Это химикалии, которые я всегда держу в моем самолете, чтобы таял лед у колес, когда это необходимо. Я показал Локи эту горстку и затем поместил ее в мой карман.

— Ну и как добровольно сделать это, ярл Кейт? — спросила Фрейя в недоумении.

— Замок на двери этой камеры — грубый, сделанный из мягкой меди, — ответил я. — Я полагаю, что это вещество сможет уничтожить достаточно замка, чтобы освободить нас. Во всяком случае, я собираюсь попробовать это.

Я наполнил химическим порошком большую щель неуклюжего замка. Затем я взял флягу с водой и немного полил на порошок. Шипение химической реакции длилось в

течение нескольких минут. Когда оно прекратилось, я мягко потащил замок. Он все еще держался. Я потянул сильнее, и с трением, он вышел.

— Следуйте за мной, — прошептал я напряженно. — Я думаю, что знаю направление ко двору, где самолет. Если мы только сможем пройти через коридоры, чтобы никого не встретить!

Мы появились в пыльном каменном проходе. Я последовал вперед и право, в первый взаимосвязанный коридор, который вел на север. Лютый холод вечернего тумана проник через сущность наших костей, и наши нервы были туги, как струны арфы, поскольку мы шли через темные коридоры.

Внезапно я отпрянул назад в тень. Я увидел двух джотановских воинов, приближающихся из смежного коридора впереди.

— Поспешим! — жутко убеждал один другого. — Ты желаешь встретить отвратительное чудовище, что сейчас скрывается в этих проходах?

— Фрей, мы должны проскочить их, — прошептал я. — Будь готов.

Двое джотанов завернули за угол в наш темноватый коридор. Фрей и я прыгнули на них, беря их врасплох. Что последовало — не было симпатичным. Мы схватили их горла, поскольку это было необходимым, чтобы они не объявили тревогу. Была жестокая, смертельная драка в туманном, темном туннеле, пока мы не задушили их.

Джотаны лежали безвольно, когда Фрей и я выпрямились, задыхаясь. Мы забрали мечи этих двух воинов, которые не имели шанса, чтобы вытянуть их.

— Продвигаемся, — задыхался я. — Этим путем. Те воины, должно быть, вышли из одного из внешних дворов.

Мы поспешили вниз темного прохода, из которого прибыли джотаны. Потом Фрейя внезапно остановилась, и заставила меня приостановиться.

— Послушайте, ярл Кейт, — произнесла она тихим голосом. — Что-то зловещее прибывает.

В тишине, я услышал странный, шелковистый, скребущий звук в темном и туманном проходе впереди. Он становился ближе, громче ...

Гигантская, лопатообразная голова, выдвинулась из вьющихся туманов перед нами! Два опаловый, немигающих глаза, блестящие чужим интеллектом, и смотрели на нас сверху, в зевающем рту мерцал разветвленный красный язык.

— Это — то, чего боялись джотаны! — закричал дико Фрей.

— Судьба спасет нас! — взмолилась Фрейя. — Это — Иормунгандр.

Я также узнал гигантское, чешуйчатое длинное тело, слегка колеблющееся в темноте, огромную голову и те чужие, блестящие глаза. Это был Иормунгандр, который вынырнул перед нами в туманном сумраке холодного туннеля. Нестареющая и бессмертная, большая мидгардовская змея, смотрела вниз кроваво—блестящими глазами!

Глава 13. ПОЛЕТ И СМЕРТЬ

Мы стояли оцепеневшими от ужаса в этом туманном, окруженным каменной стеной коридоре, ошеломленные отвратительным существом, чья рептильная голова возвышалась из вьющихся белых туманов. Тонкая фигура Фрейи сжалась возле меня с шокирующим криком. Фрей стоял перед нами, его меч поднялся, лицо исказилось, когда он смотрел на вырисовывающуюся голову.

Можно было бы только предполагать за туманом отвратительные, неправильно огромные катушки. Но гигантская лопатообразная голова, которая висела возле нас, была явной, в нашем потрясенном видении. Огромные, опаловые глаза были холодными бриллиантами, когда они глядели на нас — глаза в глаза.

В тот момент ошеломляющего ужаса, я увидел интеллект в тех немигающих рептильных глазах. Эта змея

старого возраста жила в течение столетий на этой земле вечной молодости, с ее владельцем Локи и волком Фенрисом. Она приобрела интеллект, сопоставимый с человеческим. Станный ум сиял из тех холодно—злостных глаз.

— Мидгардовская змея! — прошептал Фрей.

— Ярл Кейт! — закричала мне Фрейя.

Большая голова змеи Иормунгандра резко бросилась к нам. Фрей безумно ударил ее мечом. Я видел, что лезвие хлестнуло по чешуйчатой шее. Но это причинило только мелкую рану, из которой просто немного выделилось черной крови.

Однако Мидгардовская змея отскочила. Ее опаловые глаза запылали гневом. Из челюстей монстра, с потрясающим шипением, распылилось облако чадающего зеленого сверхъестественного пара. Но я, прыгнув вперед, потянул за собой его и Фрейю, увидев наш единственный шанс. Мгновенный отход змеи оставил открытым проход коридора справа!

— Быстрее! — прокричал я, потянув их к черному проходу.

Фрей казался ослепленным зеленым распылением змеи. Обширные катушки монстра задержались с гневом, его голова, колеблясь сердито, снова ускорила. Но мы благополучно побежали в выполняющий переход коридор. Он был крайне темным. Когда мы продвигались вперед по нему, я услышал отдаленный сигнал тревоги с верхних уровней джотановского дворца.

— Джотаны последуют за нами, — предостерег я. — Локи будет предупрежден относительно нашего спасения.

— Ярл Кейт, Иормунгандр следует за нами! — закричала дико Фрейя.

Сердитое шипение гигантской змеи отзывалось эхом от каменных стен. И я услышал громкий шорох ее тела, когда она скользила в темном проходе за нами.

Не более чем несколько моментов смогло пройти, прежде чем мы достигли конца прохода. Мы бежали в

слепом, неблагоприятном ужасе. Скользя на мшистом, влажном каменном полу, мы слышали доносящуюся в отдалении тревогу, растущую громче, и шипящий шелест Мидгардовской змеи, настигающей нас.

Затем я столкнулся с металлической дверью, которая закрыла конец прохода. Мое сердце запульсировало, как будто оно разорвется, когда я потянул отчаянно за ручку. Если она будет заперта, тогда мы будем пойманы здесь змеей ...

Моя рука нашла ручку, и я, распахнув, открыл дверь. За ней была открытая площадка. Перед нами простиралась ночь, которую заполняли завивающиеся белые туманы, через которые сияла призрачная луна. Я потянул Фрейю, и оглушенного Фрея через нее, и захлопнул дверь, закрыв позади нас. Ручка опустилась. В следующий момент, с другой стороны двери последовал громкий удар, когда огромная голова Мидгардовской змеи ударила в нее.

Мы появились в одном из внутренних дворов большого дворца. В неопределенных туманах, приземистые, зверские башни строений Джотанхейма мрачно возвышались вокруг нас. Но теперь факельный свет вспыхивал с верхних окон дворца, как только тревога распространялась.

— Каким путем? — пробормотал Фрей, относительно плотно покрывающих туманов. Его меч остановился в руке, лишенной присутствия духа.

— Этим путем, — сказал я решительно, ведя их налево. — Там следующий двор.

Затем я услышал стук беспокойных лошадей на мощном камне смежного двора. Мы побежали вперед. Фрей шатался подобно пьяному человеку, когда мы ворвались в этот смежный двор. Из туманов вырисовался охранник джотанов, огромное чернобородое лицо было пятном в белом тумане.

— Кто это? — бросил вызов он. Когда он увидел светлые волосы моих двух компаньонов, он издал громкий крик. — Озиры!

Он ударил меня своим мечом, но я имел преимущество неожиданности. Я бежал с восходящим толчком моего лезвия, которое скользнуло мимо его защиты, и образовало рану между шнурками его кольчуги. Кровь повреждения пузырясь, заполнила его горло.

Я начал бежать к неопределенной форме моего ракетного самолета, который вырисовывался из тумана. Но внезапно я вспомнил, что окно кабины было разбито, когда я в самом начале приземлился на песчаном пляже внизу хмурых утесов Мидгарда. Пролетая в холодном, тонком воздухе Арктики, я мог бы потерять сознание и врезаться в море. В любом случае, мои руки были бы слишком оцепенелые, чтобы справиться с замерзлыми колесами.

— Защищайте судно от атаки! — закричал я Фрейю, вручая ему меч охранника.

Когда я мчался в кабину, я бросил взгляд на него, стоящего с мечом в руке, но он пьяно колебался. Я знал, что он не сможет удерживать нападение долгое время. Я надел летательное пальто, которое я отверг перед восхождением на Мидгардовское плато. В тот момент, когда я привязал кислородный баллон к своим плечам, я услышал испуганный крик Фрейи.

— Ярл Кейт, Фрей в обморочном состоянии, и джотаны прибывают!

Я схватил супер—автоматический пистолет из запасного отсека и помчался наружу. Полная луна скользнула из—за облаков, осветив джотанов, которые мчались в нападении. Локи вел двух жестоких джотановских солдат — рогатый шлем на его голове, меч в руке, золотые усы, корчились над его дикими губами. Но Фрейя боролась с почти инертным весом Фрея. Лезвие выскользнуло из его бессильного обхвата.

— Неси его в заднюю часть судна, и закрой дверь! — закричал я девушке.

Джотановский копьеносец замахнулся копьем, наклонившись, чтобы сразить меня тяжелым копьем. Я уклонился

FEATURING
A YANK AT VALHALLA
A Complete Book-Length Novel
of Amazing Adventure
By EDMOND HAMILTON

и выстрелил одиночным, застрелив его. Пикейщик поднял свое копьё, но затем опустил его, свалившись как слизняк, так как его череп взорвался. Прежде, чем я мог обернуться к Локки и прикончить угрозу озирам, Фрейя позвала меня в отчаянии.

— Ярл Кейт, я не могу занести его в судно! Он в обмороке.

Я выстрелил в Локки, он увидел и стремительно уклонился с пути пули. Затем я получил небольшое время на передышку. Я спрятал пистолет и поймал Фрея за правое плечо. Меч ушел из его захвата, когда он пошатнулся назад.

Отчаянно я побежал к двери кабины и втянул Фрея внутрь. Когда я быстро бежал, Фрейя открыла дверь и держала ее, в то время как я нес его и ложил на полу. Я обернул его в одеяла и велел Фрейе делать то же самое. Оно было бы более теплым и более легким в кабине, поскольку судно было электрически нагрето и искусственно окислено. Но разбитое окно кабины пропустило бы свой собственный воздух и теплоту, и холод, так как пропускало тонкий воздух, несмотря на плотность двери, которую я закрыл. Затем я прыгнул назад, на пилотское место.

Прибыло джотановское подкрепление, но я завел реактивный самолет, и взлетел. Самолет попал в замороженный воздух, и я был доволен, что уделил время для моего полета, баллона кислорода и одежде. Даже через мой защищенный костюм, я мог чувствовать оцепенелый холод, и мои легкие сжались от уменьшенного давления.

Далеко внизу, я увидел мерцающую реку сквозь обволакивающий туман. Высокие мачты судов джотанов напоминали лес. Я крутанул штурвал на высшую скорость, и мы поднялись настолько круто, что я подумал, что самолет соскользнет в штопор. Но он справился, и мы поднялись на высоту, над туманной рекой и темными, окутанными туманом лесов за ней. Когда я оглянулся назад, зловещая цитадель Джотанхейма изобиловала перемещающимися факелами. Я мог хорошо вообразить сверкающий гнев, который Локи выплеснет на джотанов из—за нашего спасения.

"Мы свободны! — думал я торжествующе. — Возможно, к этому времени Локи зауважает чужеземную науку".

Я установил автопилот и перерыл отдел запасных частей для нового окна. Установка разбитого стекла было только работой нескольких моментов. Затем я широко открыл баллон кислорода, и позволил кабине заполниться свежим, подбадривающим, теплым воздухом. Я снял летное пальто и открыл дверь, ведущую в салон. Фрейя и я помогли Фрею в салоне, помещая его в кресло. Его затуманенные глаза выглядели менее беспомощными, и он сидел неустойчиво, но без повреждений.

— Вы в порядке? — спросил я с тревогой.

Он слабо кивнул.

— Верно вы, чужестранцы, имеете странную силу, — пробормотал он. — Мы должны предупредить Одина относительно нападения ...

— Локи желает использовать дьявольские штормовые конусы, чтобы победить озиров, — сказал я. — Мы доберемся, чтобы изобрести какую-нибудь защиту против этого оружия ...

Я вернулся к штурвалу и повел самолет над черными холмами Мидгарда. Ужасный голос Фрейи, позвал меня, перекрывая рев ракетного двигателя.

— Ярл Кейт, Фрей упал!

Я оглянулся вокруг. Он находился на полу и дергался. Потом я видел кое-что, что устрасило меня. Его тело было покрыто зеленью, которую распылила Мидгардовская змея, когда нападала на него. Вокруг перевязанных ран, его плоть покрывалась черным!

— Яд попал в его раны! — вскричал я.

Я никогда не думал, что змея размером с Иормунгандра могла быть ядовитой. Никакая земная змея больше, чем девять или десять футов не обладает ядом. Но я забыл, что наука Локи развила ее огромный размер.

Фрей открыл свои возбужденные глаза и тупо посмотрел на нас. Его губы, слабо зашевелились.

— Это было моим последним сражением ... Яд Мидгардовской змеи убил меня ...

— Пробуй бороться с этим ядом! — настаивал я хрипло.

— Норны, наконец, прекратили мою длинную угрозу жизни ... — пробормотал он. — Я хотел бы увидеть Герду, прежде чем уйду. Но Вирд определил иначе.

Его тусклые глаза стали странно бриллиантовыми и ясные в течение этого момента.

— Ярл Кейт, Вы были достойным товарищем. Я оставляю свою родственницу на Вашу заботу, поскольку знаю, что Вы ее нежно любите. Попытайтесь спасти ее в день, который приближается — в Рагнарёк.

Фрейя рыдала сквозь расширенные озирские глаза, как если бы смотрела мимо нас на какой-то гигантский, ужасающий спектакль.

— Я вижу Локи, идущего в огне, и шторм, который уничтожит Асгард — я вижу умирающих озир — я вижу целую землю ...

Его глаза резко закрылись, и челюсть обвисла, когда жизнь покинула его. Фрейя повернула дрожащее, заплаканное лицо ко мне, самолет грохотал на север через ночь.

— Ярл Кейт, он мертв. Мой родственник был самым старым среди озир и жил очень долго. Теперь он мертв.

Я почувствовал твердый комок в горле. Красивый, стойкий Фрей был моим первым другом среди озир.

— Мы не можем помочь ему теперь, Фрейя, — произнес я. — Проклинаю Локи и его жестокие происки!

— Да, — горько сказала Фрейя. — Мой родственник всего лишь первый из многих озир, кто должен пасть, потому что хитрый предатель был выпущен.

— И это случалось только потому, что я принес рунный ключ в Асгард, — сказал я в тяжелом самоупреке. — Я был злым гостем у озир, Фрейя.

Она сжала мою руку.

— Не думайте таким образом, ярл Кейт! Это — не ваша ошибка, что сила Локи принесла Вас и роковой рунный ключ

сюда. Рано или поздно, он выполнил бы это — так или иначе. Весь мой народ всегда боялся этого.

Рассвет бледнел в небе. В течение последнего получаса мы пролетели более чем наибольшую длину Мидгарда. Напротив неба, несколько миль к северу от нас, стоял не-большой высокий остров Асгард, с его орлиным гнездом се-рых замков, среди которых вырисовывалась громада Ва-лгаллы. Несущая дуга Моста Бирфост заблестела, когда ко-роткая полярная весенняя ночь закончилась.

— Мы должны сесть на поле, на этой стороне моста, — размышлял я. — Места недостаточно, чтобы благополучно приземлиться в Асгарде.

Я благополучно посадил самолет на голой равнине мыса материка. Поскольку мы появились оттуда, по Мосту Бир-фост из Асгарда проскакал длинный поток галопирующих озирских воинов. Во главе ехал желтоволосый и желтоборо-дый гигант, размахивая своим большим молотом.

— Тор увидел нас, и подъезжает! — воскликнула Фрейя.

Через несколько моментов, Тор и озирские воины до-стигли нас. Всадники, казалось, благоговели от вида моего летательного судна.

— Ярл Кейт и Фрейя! — вскричал Хаммерер, его малень-кие глаза засветились радостью, когда он быстро узнал нас. — Но где Фрей?

— Мертв, — горько сказал я. — Убит в Джотанхейме ядом Мидгардской змеи.

Тор изучил мертвую фигуру в самолете, как если бы не-способный поверить своим ушам. Он прошептал безучастно:

— Фрей тот, кто прошел со мной эти многие столетия — мертв! — Дикий гнев сделал красным его лицо, и он покачал вверху большим молотом Миолниром. — Работа Локи! Да, это первые плоды свободы этого дьявола!

— Локи готовится вести джотанов на Асгард, — предупре-дил я его. — Завтра, хозяин злого страха выступает против нас, Тор.

— Хорошо! Лучше бы скорее! — Он обратился к озировским воинам, которые все еще смотрели с благоговением на самолет. — Берите лорда Фрея и разместите его на щите. Он идет домой в Асгард, как должен идти воин!

Фрейя стояла возле меня, ее синие глаза были ярки с наворачнувшимися слезами, когда она наблюдала, как тихо уносят тело Фрея и мягко кладут его на большой щит. Я утешительно поместил свою руку вокруг девушки. Но теперь она не плакала. Напряжение викинга было слишком сильно в ней. Хотя ее красные губы дрожали, она устойчиво наблюдала, когда озировские воины подняли щит, который нес тело Фрея.

Мы шли назад в Асгард, за воинами, несущими щит. Тор, Фрейя, воины и я шли позади медленно, ведя лошадей. Мы достигли мыса в конце Мидгарда. Когда мы начали движение по невероятному, иллюзорному каменному промежутку Моста Бирфост, море громко шумело в тысяче футов под нами. И когда мы маршировали, озировские воины позади нас ударяли свои эфесы по щитам в ритме похорон.

Мы прошли арку Моста Бирфост в медленном, печальном ритме этого лязга. В замке, который охранял конец моста Асгарда, большие ворота распахнулись для нашего входа. И с башни над воротами мы увидели, что Хеймдалл подул в большой Гиаллар—рожок, который издал длинное, низкое, жалобное звучание.

В проясняющемся восходе солнца мы прошли через ворота в Асгард, окруженный вокруг замками озировской знати, взгромоздившихся на утесах, и во главе огромной груды стояла Валгалла. Внутри ворот, торопливо собравшаяся группа озиров встретила нас.

Один был впереди. Сильное, строгое лицо озировского короля стало напряженным и странным. Его глаза, мрачно нахмурились, когда он увидел ношу на щите.

— Так Фрей пал от приближающегося зла Локи, — пробормотал Один. — Теперь я знаю, что Вирд склонился низко

к нам. Норны растягивают концы своих нитей для многих в этой земле.

— Фрей и я сделал все, что смогли, чтобы предотвратить выпуск Локи, лорд Один, — сказал я. — Но мы потерпели неудачу.

— Вы не могли успеть, — сказал Один задумчиво. — Это было предначертано, что Локи будет выпущен. Как скоро он выступит с джотанами против Асгарда?

— Завтра, — ответил я. — И он будет вооружен своими штормовыми конусами и направит на нас освободившуюся бурю и молнии.

— Мы должны готовить защиту, — объявил Один. — Теперь переносите тело Фрея в его замок.

Глава 14. КЛЯТВА ТОРА

Наша небольшая торжественная процессия извивалась поперек Асгарда, через улицы каменных зданий, старого большого замка Валгаллы. Мы со скорбью передвигались к замку на восточных утесах, где проживал Фрей и его родня. Когда мы приблизились к его входу, леди Герда стояла, ожидая, чтобы встретить нас. Прекрасное лицо жены Фрея стало бледным, когда она увидела неподвижную фигуру на щите. Но она не поколебалась.

— Мой лорд приходит домой в последний раз, — спокойно сказала она в глубокой тишине. — Вносите его.

Когда мы вступили в замок, Герда шла возле нас, ее глаза, остановились на мертвой фигуре Фрея. Мы внесли его в большой зал замка, в большую каменную палату. Там щит, на котором переносили его тело, был положен поперек деревянных эстакад, которые были торопливо возведены.

Я попробовал сказать слова утешения Герде, и не смог. Ее странные глаза, казалось, не видели никого из нас, оставаясь на ее мертвом муже. Она села на стул. Руки обернули колени, она смотрела бессловесно. Фрейя ущипнула мою

руку, поскольку я стоял, шатаясь от истощения. Глаза девушки были ярки, со слезами.

— Мы не сможем успокоить ее печаль, ярл Кейт, — прошептала она. — И Вы в душе утомились. Вы должны спать.

— Да, поспите, — прогрехотал быстро выросший тяжелый голос Тора. — Завтра мы будем нуждаться в каждой руке в Асгарде.

Я позволил рабам ввести меня в маленькую палату в замке. Едва я лег на расстеленную кровать, как погрузился в дремоту чрезвычайной физической и возбужденной усталости. Мои сны были беспокойными. Казалось, я снова стоял перед красивым лицом Локи и рычащим волком Фенрисом. Снова я видел Фрея смотрящего в лицо ядовитой Мидгардовской змеи. И снова, подобно тусклому эху издали, в моем мозгу отражалось умирающее удушье Фрея.

— Я вижу Локи, идущего в огне, и шторм, уничтожающий Асгард ... Я вижу умирающих озер ...

Я пробудился со вздрагиванием. Солнце садилось. Я спал весь день. Раб коснулся моего плеча, чтобы разбудить меня.

— Леди Фрейя попросила меня разбудить Вас. Время похорон лорда Фрея.

Я торопливо надел кольчугу и шлем, пристегнул меч. Потом я спустился на более нижний этаж замка, и изучил зал, который теперь в сумерках становился темноватым. Герда все еще сидела точно так, где я оставил ее. Ее руки были также не трогательно свернуты, ее прекрасное лицо было странной, неподвижной маской, когда она смотрела на тело Фрея на щите.

Фрейя коснулась моей руки. На девушке была надета ее собственная короткая туника кольчуги и шлем. Снова она была девушкой—воином, которую я встретил в начале. Ее белое лицо было спокойным.

— Сейчас мы будем хоронить Фрея, ярл Кейт, — сказала она. — Носители щита прибывают. Вы должны быть одним из них.

Темнолицый Тор, задумчивоглазый Тир—берсерк, и грустный, благородно выглядящий молодой Форсети выступили. Мы зашли в зал, где Герда наблюдала за мертвым.

— Время, леди Герда, — мягко произнес Тор.

— Хорошо, — сказала она спокойным голосом.

Мы подняли щит, который нес тело Фрея. Неся его высоко на наших плечах, мы зашагали медленно из замка, Фрейя и Герда шли за нами.

Темнота раннего сумрака легла на Асгард. С северо—запада дул сильный, острый и холодный ветер, шумящий вокруг высоких утесов. Компании сотен воинов ждали с внешней стороны, одетые в полной броне. Когда мы прошли через них, они заняли свое место позади нашего кортежа. Они шли за нами, ударяя эфесами по щитам, образуя звенящую панихиду.

Мы шли по краю утеса к лестнице, которая вела к фиорду. В начале лестницы, на краю утеса собрались Один, его леди Фригга, старый Огир, Ран, Браги, и вся остальная озировская знать.

— Прощай, Фрей, — сказал Один. — Ты в самом начале ушел в тень, но скоро и другие последуют.

Те воины, которые следовали за нами, и весь озировский народ, повторили это торжественное горе.

— Прощай, лорд Фрей!

Теперь мы четвером начали спускаться вниз по крутым и узким ступенькам, которые были прорублены со стороны утеса. Только Герда и Фрейя следовали за нами. Ветер дул большими порывами, быстро развивающийся и стонущий вокруг утесов в сумерках. Таким образом, мы спустились к глубокому, узкому фиорду, в котором опустили якоря длинные драконовские суда озиров. Среди них стояло судно Фрея готовое дать ему викингские похороны. На нем было нарезана и сложена древесина на низкой, широкой деревянной платформе, которая была построена среди судов.

Мы ступили на борт и положили щит, который переносил тело Фрея на ту платформу. Тор поместил меч Фрея в его

мертвую руку. Затем завели на судно черную лошадь Фрея. Кинжал Тира вспыхнул, и лошадь упала мертвой.

— Теперь все готово, — прогрехотал Тор.

Мы отступили на берег.

— Не все еще готово, — спокойно сказала Герда.

Она поднялась на платформу, где лежал ее муж. Когда она посмотрела вниз на него, ее прекрасное лицо было странно счастливо.

— Долгое время, — произнесла спокойно она, — мой лорд жил со мной рядом. Он не может продолжить эту поездку в страну мертвых без меня.

Прежде, чем любой из нас смог двинуться, она вытянула из одежды кинжал, и воткнула его в свое сердце. Мы твердо смотрели, как она упала на платформу. Ее золотые волосы опали поперек мертвого лица Фрея.

Из Фрейи вырвалось дикое рыдание, и она уцепилась за меня. Мы смотрели в ужасе и жалости, а Тор поднял свой большой молот в салюте.

— Слава, леди Герде! — загрохотал он. — Она идет гордо в смерти с ее лордом, подобно истинному викингу.

Тир отрезал пришвартованное судно. Затем он взял ожидающий факел из гнезда, и бросил его в смолистую древесину, которой было заполнено судно. Груда засверкала с потрескивающим ревом, бросая красный, дрожащий свет через углубляющиеся сумерки. Мы согнули наши плечи напротив кормы. Судно смерти, заиграло беззаботно на поднимающихся волнах. Потом, поскольку ветер надул его поднятый парус, оно запрыгало вперед, подобно живому предмету.

Моя рука поддерживала Фрейю, когда мы поднялись обратно к Асгарду. Наверху утеса, мы постояли с Одином и другими озирами. В свете многих факелов, мы тихо и пристально глядели на похоронное судно Фрея и Герды. Сверкая красным огнем, высокий парус несясь под быстрым ветром, судно плыло на юг, по поднимающимся черным волнам.

— Викинговские похороны, для истинного викинга и его помощника! — объявил Один.

Тор поднял молот в воздух. Его красное лицо было даже более красным, чем свет отдаленного огненного судна.

— Дух услышит мою клятву, Фрей! — прогудел гигант. — Это был слизистый Иормунгандр, злая змея Локи, которая убила тебя. Я клянусь избавить Землю от этой Мидгардовской змеи в будущем сражении, или умереть. Вирд связывает меня этой клятвой!

Сверкающее судно, которое несло тела Фрея и Герды, было теперь далеко в темном море. Большой факел красного огня, все еще неся на юг под ветром. Потом мы увидели падение носа судна. Все сгорающее судно, погрузилось вниз, под волны.

— Так ушли лорд Фрей, и его помощник, — сказал тяжелый голос Одина в тишине, которая последовала. — И теперь, ярлы и воины—озирь, мы должны готовиться. Хозяева джотанов нападут на следующий день, во главе со злым Локи, намереваясь уничтожить нас.

— Мы удержим Асгард, где мы живем, лорд Один! — вскричал Браги.

Все голоса закричали хором. Я также присоединился к тому крику. Жестокое желание мести к Локи и джотанам действительно горело во мне. Только один из нас не участвовал в том жестоком вопле, и это был Тир. Берсерк все еще стоял, пристально глядя в ветреную ночь, его темное, непостижимое лицо было задумчивым.

— Сегодня вечером мы закатим шикарный, когда-либо банкет в Валгалле, которым мы отметим победу над захватом Локки, — промолвил Один. — Сейчас я пойду готовить его. Сыновья, Тор, пойдете со мной — и Вы тоже, ярл Кейт.

Озировский король зашагал с Фриггой и своими рослыми сыновьями — гигантами Тором, Видаром и Вали, назад к черному, вырисовывающемуся большей частью, замку Валгаллы. Остальная озировская знать, и воины медленно рассеялись к своим собственным замкам и домам. Я остался с

Фрейей на краю утеса. Темнота холода казалась изобилующей голосами от ветра, которые быстро усилились и вопили относительно утесов Асгарда, как если бы оплакивали кого-нибудь.

Фрейя дрожала в моих руках. Больше она не была жесткой, гордой викингской девушкой, которая наблюдала похороны своего родственника и его помощника. Дрожащая девушка, она чувствовала, также как и я, тень колоссального бедствия, углубляющегося с неизбежной стремительностью к нам.

— Держите меня близко, ярл Кейт, — прошептала она. — Я боюсь, что, когда наступит завтрашняя ночь, мы можем быть отдалены навсегда.

— Нет! — воскликнул я отчаянно. — Живыми или мертвыми, Фрейя, Вы и я должны быть вместе.

В темноте, ее синие глаза сияли ко мне с яркой нежностью. Ее немного холодные руки коснулись моей щеки. Я поцеловал ее дрожащие губы. Мы обнялись вместе в холодной темноте, стонущий ветер обернул вокруг нас обоих темный плащ, который я носил на своей броне.

Мы услышали топтание ног, лязг молотов, делающих копья и наконечники стрел, суматоху деятельности, когда военные корабли внизу готовились. Все движение было подготовкой будущего сражения. Фрейя подняла свою яркую золотую голову с гордой радостью.

— Прибывший Локи и все его злые хозяева, непосредственно принесут конец Асгарду, но я не буду плакать теперь, — зашептала напряженно она. — Любимый, который прибыл ко мне извне льда — теперь у нас по времени один конец.

Она отстранилась.

— Вы должны ответить на вызов лорда Одина. Мы встретимся снова на банкете сегодня вечером.

Мое сердце запульсировало с гордостью и радостью, затем я повернулся от нее и поспешил поперек Асгарда к замку Валгаллы.

Глава 15. ВНИЗ К ОГНЕННОМУ МИРУ

Один и Тор ожидали меня в большом зале Валгаллы. Суровое, железно—сильное лицо озировского короля было тяжелым. Когда он говорил, я мог слышать суматоху к подготовке, грохот щитов и копий, спешащих повсюду ног в большом замке.

— Ярл Кейт, я не буду скрывать от Вас, что Асгард находится в страшной опасности. Хозяева джотанов превосходят нас численностью — много к одному. Хотя мы могли бы отразить их, если бы это было все, но их будет возглавлять хитрый Локи, которому поможет штормовое оружие, о котором Вы упоминали.

Я кивал бессловесно, поскольку все это знание давило на мое собственное сознание в течение этих последних часов.

— Это необходимо, чтобы не дать Асгарду погибнуть, — продолжил Один, — и я изобрету некоторую защиту против тех штормовых конусов. Иначе они разрушат наши силы и сделают нас легкой добычей.

— Вы сможете изготовить защиту против них, лорд Один? — спросил с надеждой я.

— Я думаю, что смогу, — серьезно задумавшись, сказал Один. — Я овладел многим из древней науки нашей расы, как и Локи, хотя и не проводил те безобразные исследования, которые он делал. Скажите мне, что Вы узнали о характере его штормовых конусов?

Быстро я рассказал Одину и Тору, отношение Локи в моем присутствии с теми удивительными устройствами. Они могли проектировать управляемую электрическую область на любом желаемом месте и причиняли неправильное различие электрического потенциала между тем местом и небом. Результатом был бы уничтожительный электрический разряд молнии.

— А—а—а, теперь я понимаю, — пробормотал Один. — Локи нашел способ притянуть мощь от статической электрической нагрузки Земли, преобразовывая и проектируя ее

в управляемую область. Верно, он — смелый ученый, как и всегда.

— Проклятье ему, и уловкам этого дьявола! — прорычал Тор. — Я всегда не доверял ему, даже в древние дни в Маспельхейме.

— Имеется какой-нибудь путь создания электрического поля энергии, которое будет экранировать проектируемую область Локи? — спросил я Одина нетерпеливо, с большим беспокойством.

— Мы имеем единственную возможную замечательную защиту, ярл Кейт. — кивнул Один. — И вскоре я смогу построить механизм, чтобы создать такой экран энергии. Но требуется огромная мощь для использования его. Только управляемый распад большой массы интенсивно радиоактивного вещества может выдать такую мощь, как эта.

— Вы однажды говорили, лорд Один, что имеются огромные массы радиоактивного вещества в глубоком мире, из которого озиры первоначально прибыли.

Один посмотрел на меня.

— Вы говорите, что мы сможем получить радиоактивные субстанции из Маспельхейма?

— Это — моя идея, — заявил я. — Вы сказали мне, что там был путь вниз в Маспельхейм. Это был путь, которым озиры первоначально пришли, и который Локи позже использовал для его исследований внизу в атомных пожарах.

— Это правда, — сказал медленно Один. — Имеется такой путь до Маспельхейма, хотя он — рискованный и страшный, чтобы им следовать. Вход к той дороге находится в самой глубокой палате этого замка. Когда мы давно появились здесь, мы построили Валгаллу на нем. И он — тот же самый путь, которым Локи имел обыкновение спускаться и экспериментировать с атомными пожарами внизу, пока мы не обнаружили то, что он делал, и не выслали его. Но это было бы смертельно опасно для любого, кто спуститься по тому пути к Маспельхейму и стремящемуся взять радиоактивное вещество. Глубоко захороненный мир — место ужасных,

бушующих атомных пожаров. Потрясающая радиация такова, что даже течет через кору Земли на эту землю.

— Я знаю, но основной предмет одежды достаточной толщины защитил бы меня от радиации, — сказал я искренне. — Я знаю это из моей собственной науки. Позвольте мне выполнить эту миссию, лорд Один!

Он заколебался.

— Ведущие костюмы, которыми пользовался Локи для его секретных спусков в Маспельхейм все еще здесь, — пробормотал он. — Это может получиться, ярл Кейт. Я пойду с Вами в этом рискованном путешествии.

Но Тор покачал своей большой, косматой головой.

— Нет, отец, Вы не должны идти, — объявил Хаммерер. — Вы должны быть здесь, чтобы командовать, если нападение сил Локи начнется раньше, чем завтра. И Вы будете также нуждаться во всем доступном времени, чтобы построить механизм, о котором Вы и ярл Кейт говорите.

Он обратился ко мне.

— Я пойду с ярлом Кейтом вниз, в Маспельхейм.

Один неохотно согласился.

— Тогда будешь ты, хотя я не желаю посылать Вас, ярл Кейт, на эту ужасную миссию. Борьба ради нашего народа — не ваша.

— Озиры — теперь и всегда, мой народ, если Вы позволите мне просить об этой привилегии!

Железное лицо Одина смягчилось, и он положил свою большую руку на мое плечо.

— Ярл Кейт, я приветствую Вас как одного из нас. Благо или горе, жизнь или смерть, Вы больше не чужеземец, а ярл и капитан озиров.

Изворотливый американский ученый я или нет, но я почувствовал гордость, которую никогда не чувствовал прежде — быть принятым в компанию этих могущественных людей.

— Теперь идемте в палату, которая держит вход к ужасной дороге на Маспельхейм, — сказал Один. — Пошли!

Тор и я последовали из большого зала через коридоры. Мы спустились темной каменной лестницей, пока не достигли самого глубокого уровня замка Валгаллы. Мы прошли в дверь, изрезанную рунами, и с большим замком на ней. Один коснулся рун в некоторой комбинации, и дверь качнулась медленно внутрь.

От света факела, который нес Тор, я увидел, что мы вступили в круглую каменную палату значительного размера. Она была сырой и пыльной, как если бы не использовалась целую вечность. Стоящие и покрытые пылью инструменты и механизмы из меди, кварца и железа, как я предположил, были неиспользуемыми устройствами древней озировской науки.

В самом центре каменного пола большой палаты разверзлась яма пятидесяти футов в диаметре, снижаясь к невообразимым глубинам. Из нее бил жестокий зеленый жар пульсирующей откуда-то далеко снизу силы. Я слышал тусклый, отдаленный, ревущий звук.

В отверстии той ямы плавал наиболее странный из всех, двадцатифутовый диск белого металла, с приземистым, толстым куском металла, возвышающимся из его центра. Он, очевидно, балансировал от радиации, без поддержки, качаясь мягко, на жестких зеленых лучах снизу, струящихся через него.

— Во имя мира, что это? — спросил испуганно я.

— Это — колесница, на которой Вы и Тор поедите вниз дороги, вглубь Маспельхейма, — объяснил Один. — Яма, в которой плавает диск, является непосредственно дорогой.

Один мрачно посмотрел относительно пыльной комнаты и вырисовывающихся в ней загадочных механизмов.

— Это — самое сердце Асгарда, ярл Кейт. То отверстие ямы было давно, когда озиры убегали из пораженного бедствием Маспельхейма. После открытия этой дороги я заставил построить замок Валгаллу. И тайно, из этой палаты, Локи приходил в Маспельхейм в рискованных исследованиях, которые послужили его изгнанию, используя

плывущий диск, который он изобрел, чтобы отбывать на нем и легко добираться.

Тор посмотрел на металлический диск, который устрашающе качался в пустоте воздуха на краю ямы.

— Я не ездил на диске с тех пор, когда мы поймали Локи в его секретных исследованиях, — прогрохотал бородатый гигант. — Я имею не много желания повторить ту поездку. Но я полагаю, что это должно быть сделано.

— Имеются ведущие костюмы, ярл Кейт, — произнес Один.

Я пошел в сторону, куда ушел озировский король. Там внизу, зацепленными, висели, два из четырех странных предметов одежды, собирая пыль долгое время. Предметы были жесткой тяжелой одеждой, из странно—гибкого свинца, опадая к лодыжкам, со свинцовыми ботинками для ног и свинцовыми перчатками для рук. Капюшоноподобный кожух из того же самого материала пробегал через голову, и имел два отверстия для глаз и тяжелое свинцовое стекло для обзора.

— Это — костюмы, которые надевал Локи и рабы, которых он вынудил помогать ему в жестоких исследованиях внизу, — сказал Один. — Когда Локи был вынужден бежать из Асгарда, он оставил их позади себя.

Я исследовал тяжелые предметы одежды.

— Они должны быть непроницаемы против любой обычной радиации, — пробормотал я. — Но мы доберемся, чтобы заполучить кое—что, и чтобы вернуть массу радиоактивного вещества.

Один кивнул понимающе.

— Вот вам тигель для достижения цели. Поместите его на диск, Тор.

Тигель был большим, свинцовым, и настолько тяжелым, что даже огромный Тор крикнул, когда поднял его. Он, шагаясь побрел с ним к плывущему диску. Он немного качнулся, затем поместил костюм на него. Тор и я, каждый из нас, надели по одному из защитных костюмов. Ведущие

предметы одежды были настолько тяжелы, что я чувствовал себя подавленно, и мог только смутно видеть через темное стекло отверстия для глаз. Один вручил каждому из нас крепкую железную палку.

— Тор, Вы давно знаете, как использовать диск, — сказал он своему огромному сыну. — В то время как Вы уйдете, я буду начинать преобразовывать один из этих механизмов в генератор, чья энергия сможет экранировать нас от штормовых конусов Локи в будущей битве.

— Мы доставим вещество, используемое в том генераторе, или не вернемся, — пообещал я.

Железно—сильное лицо озировского короля забеспокоилось.

— Я попрошу Норнов, чтобы Вы вернулись с ним, ярл Кейт.

Тор ступил на плавающий диск. Я последовал, натянуто перемещаясь в задерживающих своих предметах одежды, и чувствовал более чем, немного нелегко, когда взбирался на диск, который плыл в пустом воздухе.

— Присядьте стандартно со мной, ярл Кейт, — донесся приглушенный голос Тора. — Цепляйтесь за скобы.

Я последовал его примеру и присел внизу около приземистого столба, который возвышался от центра диска. На том столбу был единственный рычаг,двигающийся в дипломированной щели, которая, казалось, была единственным управлением этого странного транспортного средства. Там, на столбе находились защищенные скобы вокруг целого диска, для пассажиров, чтобы за них цепляться. Тор рукой нажал рычаг и переместил его слегка. Он использовало простое механическое устройство, которое открыло множество крошечных дверей в диске, которые до сих пор были полуоткрыты.

Диск сразу начал падать в яму. Все быстрее и быстрее падали мы, воздух шелестел вокруг нас, и сверкающая зеленая радиация, струилось яростно через многие крошечные отверстия в диске.

— Как, во имя мира, эта вещь работает? — закричал я Тору сквозь рев воздуха. — Является ли это лучевым давлением?

Я услышал его приглушенный ответ.

— Вы предполагаете это, ярл Кейт. Металл этого диска — является чрезвычайно легким и непрозрачным к радиации. Давление радиации внизу так ужасно мощно, что направляет диск вверх. Открывая небольшие двери и управляя радиацией через диск, транспортное средство может быть сбалансировано неподвижным, против давления, или напротив, давая опуститься.

— Наверняка Локи — умный ученый, чтобы изобрести такую вещь, — объявил я.

Тор прорычал ответ, но я его не услышал. Свистящий ветер и шум, грозовой рев, идущий издалека снизу возрос громче. Мы падали на потрясающей скорости, прямо вниз ямы. Это была дикая поездка, вне воображения, с воздухом, вопящим подобно злодеям, и жестокими зелеными лучами, струящимися вокруг нас. Даже при том, что я носил защитный ведущий костюм, через каждую фибру моего тела показывали более сильные колебания силы стимулирования, которые я чувствовал, начиная со входа в эту землю. Это дико волновало и опьяняло.

Большая, одетая в свинец фигура Тора присела, его рука в перчатке застыла на рычаге управления. Его голова была согнута, когда он глядел вниз через квадратную пластину кварца в основании диска. Легкомысленное чувство, родственное тошноте, шатало меня, столь быстро теперь было наше падение.

— Мы приближаемся к Маспельхейму! — заревел Тор. — Держитесь сильней, ярл Кейт.

Его рука переместила рычаг в щель. Крошечные двери в основании диска немного закрылись. Наше падение начало замедляться. Тяжело прижатый напротив диска, сокрушенного замедлением, я поглядел вниз, через кварцевую пластину обзора с Тором. Конец вертикальной ямы понизился к

окончанию. Внизу этого я увидел обширное пламенное пространство.

Далее диск замедлился, когда Тор переместил рычаг. Наконец, он снова завис неподвижно, его вес был только сбалансирован давлением радиации снизу. Он остановился там, где вертикальная яма являлась крышей немыслимо обширного, сверкающего места. Подземный мир ужасного атомного сияния протянулся далеко на мили от стены скалы, возле которой поднималась яма.

— Вы рассматриваете глубокий Маспельхейм, — достиг меня приглушенный голос Тора. — Бывший дом озиргов, теперь это — дом атомных пожаров и огненных существ.

Сцена передо мной была внушающей страх. Обширные измерения этого могущественного места под коркой Земли были достаточны, чтобы поразить сознание. Это не было никакой простой пещерой, а огромной пустотой, как многие верили, оставленной под поверхностью планеты отколовшейся Луной.

Скалистая крыша была на милю выше дна. Наш диск остановился там, где вертикальная яма вступила на крышу, вблизи одной скальной стены большого пространства. От места, где Тор и я пристально глядели, подземный мир, протянулся вне поля зрения, справа, слева и впереди.

Вдалеке, на много миль от нас сияла великолепная вещь, которая доминировала над обширным целым, сверкая фантастическим блеском. Это был колоссальный фонтан холодного, белого огня, который лился из пропасти дна. Он возвышался на сотни футов в воздух, возвращаясь к себе, распыляясь в непрерывном ослеплении. От этих стреляющих лучей и ослепительных знамен света и силы, сияние колебалось и дрожало.

Поперек всего подземного мира возвышались подобные, но меньшие гейзеры белого огня, льющие струи сияния подобно тому могущественному, отдаленному. Везде, куда смотрел глаз, он сталкивался с такими пламенными

фонтанами. Они заполнили подземный мир ревом, который был оглушителен, и потрясающим зелено-белым сиянием.

— Так здесь ваш народ жил? — шокирующе закричал я Тору, пристально глядя с плывущего диска.

— Да, ярл Кейт. Столетия назад мы проживали здесь, где мы развивались и жили целую вечность. Но тогда это было справедливый мир. Не имелось никакого огня, за исключением одного большого атомного фонтана, который Вы видите вдалеке. Он был тогда меньше, чем теперь, но все же его радиация была достаточна, чтобы содержать этот целый подземный мир теплым и пригодным для жизни. Потом проклятый Локи вмешался в наш фонтан огня. Он стремился стимулировать его еще к большей деятельности так, чтобы его увеличенная радиация сделала нас почти бессмертными. Он так нарушил и пробудил фонтан, что его струи стали падать здесь и там, везде поперек подземного мира. В конечном счете, оно установило сверкать массы радиоактивного вещества повсюду в атомном пламени самостоятельно. Таким образом, мы должны были бежать из пораженного бедствием Маспельхейма. Мы вскарабкались по трудным ступенькам, вырезанной на этой стороне и сумели проникнуть в яму к верхнему миру. И с тех пор Маспельхейм стал миром огня, оставленным людьми.

Я был так ошеломлен устрашающим зрелищем, что почти забыл про нашу миссию здесь. Но Тор напомнил мне о ней.

— Мы не должны оставаться здесь долго, ярл Кейт! — предупредил он. — Ужасная радиация здесь убьет нас, если проникнет через наши свинцовые костюмы.

Я поглядел вниз.

— Там должно быть множество хорошего радиоактивного вещества, — произнес я. — Но как мы перейдем к поверхности?

— По ступенькам. Они — часть древнего пути, которым мой народ убежал к верхнему миру.

Теперь, когда диск остановился, я увидел ступеньки, которые были вырублены в стене скалы подземного мира. Ступеньки поднимались вверх с поверхности и исчезали в шахте ямы, которой мы спускались.

Полностью пробужденный от опасности долгого нахождения в этом аду жестокой радиации, я торопливо помог Тору поднять свинцовый тигель, который мы привезли. Мы ступили с диска на место приземления, и начали спускаться вниз. Мы трудно шли в наших жестких ведущих предметах одежды и с весом тигеля, который несли. Кроме того, ступеньки были без какого-нибудь защитного ограждения, и рискованно сужались.

Глава 16. СУЩЕСТВА ПЛАМЕНИ

Когда мы достигли поверхности подземного мира, мы стояли в пределах сотни ярдов одного из многочисленных гейзеров атомного огня. Хотя наполовину и ослепленный его блеском, я был способен видеть, что эти струи исходят из массы радиоактивного минерала, чей обычно замедленный распад, был чрезвычайно ускорен. Я знал, что он был предрасположен к этому более быстрому распаду горящим пламенем, которое опадало из центрального фонтана.

— Мы будем должны найти радиоактивное отложение, не разожженное пока еще, — обратился я к Тору.

Он энергично закивал свинцово-капюшоновой головой.

— Давайте попробуем в этом направлении, ярл Кейт.

Мы потащились с тигелем между гейзерами атомного пламени. Иногда мы были вынуждены идти возле одной из струй так, что ее невообразимая радиация, казалось, скакала, чтобы проникнуть через наши костюмы. Ослепляемый бушующим блеском даже через обзорные стеклянные отверстия для глаз, каждая фибра моего тела зудела. Отчаянно, я искал такое отложение, которое нам требовалось. Если бы наши костюмы были повреждены, мы бы умерли ужасной смертью.

— Сюда, Тор! — позвал внезапно я, поскольку нашел массу минерала в нише нарушенного дна скалы.

Она пылала мягким светом, который казался слабым по сравнению с пылающими атомными фонтанами. Я признал непосредственно в ней изотоп радия, который был никогда не найден в естественном состоянии в моем собственном верхнем мире.

— Здесь имеется материала больше, чем достаточно, если мы сможем вырыть это! — воскликнул я. — Мы должны использовать наши палки.

Железные пики, которые мы несли, были плохо приспособлены к выкапыванию твердого, пылающего минерала. Но мы принялись за работу, вырывая куски из вещества и швыряя их в тигель. Когда я однажды остановился для восстановления дыхания, я бросил взгляд на удивительный вид на среднем расстоянии.

Вокруг одного из гейзеров кружилась и мелькала дюжина существ, которые напоминали сферы циркулирующего пламени, с намотанными бриллиантовыми щупальцами света.

— Те существа смотрят, как если бы они были живыми! — завопил я в ужасе.

Тор выпрямился, чтобы смотреть.

— Дети пламени! — воскликнул он, его приглушенный голос внезапно забеспокоился. Он обратился ко мне торопливо. — Они живы. Но это — не жизнь, подобно нашей. Это — существа, которые развились от пылающей радиации этого подземного мира атомных огней. Мы полагаем, что они состоят из потоков силы, которые связаны в постоянной модели, которая полномочна за движения отрядов и возможно обладает тусклым интеллектом. Мы не знаем много относительно них, поскольку они развились здесь, начиная с оставления озираи бедного Маспельхейма.

— Они выглядят красивыми, подобно птицам пламени, эскадрильи света, — произнес я, смотря в страхе и обаянии.

— Они опасны, ярл Кейт — это чистая сконцентрированная атомная энергия! — предупредил Хаммерер. — Мы должны уйти прежде, чем они найдут нас.

Я удвоил тяжелый труд, помогая выявлять радиоактивные куски. Тигель, был наполовину наполненный драгоценным минералом, когда я почувствовал потрясающий удар силы со стороны спины. Я обернулся и вскрикнул. Один из великолепных детей пламени балансировал позади меня, только что коснувшись моего костюма. Простой контакт сверхъестественного существа почти жег через толстый свинец!

— Мы должны выбираться, чтобы выйти! — проревел Тор. — Существо почти проникло в ваш костюм. Радиация проникнет через него через несколько минут, и вы ужасно умрете.

— Но мы не имеем всего радиоактивного вещества, в котором нуждается Один, — возразил я.

— Мы имеем большинство его. Если Вы здесь погибнете, то мы никогда не получим даже этой большей части. Быстрее, ступайте к диску!

Он схватил ручку тигеля. Неохотно я взял другую ручку и пошел с ним к ступенькам. Так как мы спешили с нашим тяжелым грузом между ревущими гейзерами атомного огня, я оглянулся назад. Тот из детей пламени, который экспериментально коснулся меня, теперь соединился с несколькими другими великолепными существами подобно себе, и дрейфовал за нами.

Торопливо мы пустились по ступенькам. С некоторым облегчением, я увидел, что дети пламени не последовали за нами, а начали дрейфовать, кружиться и мелькать вокруг другого из фонтанов огня. Очевидно, тусклый интеллект существ, если они действительно они обладали им, потерял интерес к нам.

Задыхаясь, истощенные, мы достигли места приземления и забросили тигель на плавающий диск. Тор торопливо отрегулировал средство управления, чтобы восполнить

увеличенный вес на нем. Когда он присел вниз, перед запуском в шахту, я заметил кое—что.

— Тор, а что это за дверь, там, высоко на крыше?

Он направил пристальный взгляд, чтобы следовать за моим указательным пальцем. Дверь напоминала массивный скользящий лист унылого металла, установленного на крыше подземного мира на некотором расстоянии от нас. В скале имелся защитный механизм набора двери, очевидно управляющий ей.

— Это — запрещенные исследования, которыми Локи был занят, и которые заставили нас выслать его из Асгарда, — объяснил Тор. — За той дверью — туннель, связанный с морем верхнего мира. Если бы дверь была открыта, морская вода помчалась бы вниз в этот подземный мир.

— О, господи! — закричал я в ужасе. — Если бы морская вода, когда—либо полилась вниз в этот мировой огонь, тогда мог бы произойти взрыв, который потряс бы планету!

— Да, и Один видел эту опасность, — сказал Тор. — Локи планировал допустить достаточно морской воды, чтобы произвести колоссальную мощь, которая требовалась для его экспериментов. Но Один указал, что если что—нибудь пойдет неправильно — если бы эта дверь была полностью открыта и море помчалось вниз беспрепятственно в Маспельхейм — получился бы такой взрыв, который разорвал бы всю землю выше. Это было причиной для изгнания Локи.

Когда Тор говорил, он переместил рычаг управления. Плавающий диск начал подниматься в вертикальной шахте, из пламенного подземного мира. Все крошечные двери клапанов закрылись, и это повысило быстрое давление мощной радиации. Мы помчались в темной шахте со скоростью, почти эквивалентной нашему спуску.

Вскоре мы неслись слишком быстро. Дикая боль в моей спине подсказала мне, что радиация только что начала проникать через мой ослабленный защитный предмет одежды. Она уже опалила мою плоть!

Цепляясь за раскачивающийся, поднимающийся диск, я придерживал тигель, чтобы предохранить его от скольжения. Радиоактивное вещество при этом отсвечивало слабым жаром на темные стены ямы, когда те опускались вниз. Потом Тор замедлил наше поднимание, и диск, наконец, был на остановку у отверстия шахты. Снова мы были в освещенной палате под замком Валгаллы.

Один ожидал нас. Озир произнес восклицание облегчения, когда Тор и я сошли с диска с тигелем и сняли наши жесткие предметы одежды.

— Лорд Один, я боюсь, что мы не получали все радиоактивное топливо, в котором Вы нуждаетесь для вашего механизма, — сказал я горько. — Это было моей ошибкой, что мы вынуждены были оставить ...

Один мрачно посмотрел на волнующий его глаза наполовину заполненный тигель. Но он заговорил уверенно со мной.

— Этого должно хватить, ярл Кейт, чтобы защитить нас от штормового оружия Локи. Посмотрите, я преобразовал другой механизм в генератор, в котором мы будем нуждаться для защиты.

Механизм был скрыт сферическим медным куполом, на котором был установлен маленький медный шар. Имелся бункер в его боку, в который мы вложили куски пылающего минерала.

— Этой мощи достаточно, чтобы поддержать защитный экран против силы штормовых конусов Локи в течение короткого времени, — произнес Один. — Если он использует штормовые конусы более дольше, чем это ...

Он не закончил, но я увидел глубокое волнение, которое отразилось на его сильном лице.

— Я видел работу рук Локи внизу, — сказал я, и описал скользящую дверь в крыше мира огня, которую Локи разрабатал, чтобы допустить морскую воду. — Неудивительно, что Вы выкинули Локи из—за такого ужасно опасного плана.

— Да, это Балдур обнаружил этот план, и был убит Локи для демонстрации его силы, — сказал мрачно Один. — Локи усовершенствовал дистанционное управление для той скользящей двери на действие, настроенное вибрацией. Оно здесь.

И Один показал мне, среди многих покрытых пылью инструментов в палате, маленькую квадратную серебряную коробку. На ней была установлена кнопка, чей указатель мог быть повернут по полукруглому масштабу.

— Поворот этой кнопки открыл бы морскую дверь немного или широко, — произнес озировский король. — Когда Локи сбежал из Асгарда, он взял эту коробку управления с собой. И когда мы заманили его в ловушку в той пещере внизу Мидгарда и собирались убить его, Локи угрожал открыть морские ворота широко и уничтожить нас всех. Это было тем, почему мы должны были согласиться не убивать его, если он отдаст эту коробку управления нам. Он сдал ее. Мы сдержали наше слово и не убили его, но поместили его во временно приостановленное оживление, в котором он лежал столь долго.

Один подошел к двери и позвал через коридор несколько рабов, которые пришли. Когда они зашли, он приказал им вынести большой сферический медный генератор.

— Мы разместим это в поле Вигрида, на материке поперек Моста Бирфост, — промолвил он, — и сегодня вечером будем держать его под охраной. Поскольку там — наша позиция против сил Локи, когда, они обрушат всю ярость.

Он, Тор и я последовали за рабами, когда они переносили тяжелый механизм через замок Валгаллы в ветреную, порывистую ночь. Несущие факелы рабы пошли вперед, чтобы осветить путь. Огни сияли во всех замках Асгарда. Луна была скрыта плывущими облаками, мы передвигались небольшой группой, освещенной факельным светом, поперек легкомысленного промежутка Бирфоста в плоское поле на противоположном мысе.

Мой самолет был все еще там, где я посадил его. Озировские воины и разведчики на верховых лошадях были начеку, наблюдая за югом, для упреждения подхода Локи и джотановской орды. Когда Один стал размещать медный механизм, я пошел к своему самолету. Кое—что произошло со мной, что могло бы позволить мне изобрести дополнительное оружие для приближающегося сражения.

В самолете было полдюжины больших сигнальных ракет, которые должны были использоваться в случае, если я сделаю вынужденное приземление и должен буду вызвать помощь. Я начал брать отдельные ракеты, закладывая боевой порох в них, и тщательно закрепляя детонаторы. В конце получаса, я сделал три грубых ручных гранаты или маленьких бомбы. Я надеялся, что их можно будет использовать против джотанов, которые ничего не знали про взрывчатые вещества. Я оставил бомбы в самолете и вышел, чтобы обнаружить Тора, ожидающего меня.

— Мой отец уже вернулся в Асгард, — сказал мне Хаммерер. — И тем временем мы последуем за ним, скоро ночью начнется наш Валгалловский банкет.

— Тор, что насчет завтрашнего сражения? — спросил я. — Если превосходство джотанов над нами в мечях и копьях во много раз, то что мы сможем сделать?

— Мы одержим победу, или умрем! — прогудел гигант. — И если это смерть — то хорошо, озиры прожили долго и не боятся умереть, и мы возьмем наших врагов с нами.

Он подбросил свой большой молот в воздухе и поймал его в протянутую руку, как если бы это была веточка ивы.

— Не будь нетерпеливым, Миолнир. Твоя жажда не будет долгой. А теперь в Валгаллу, ярл Кейт.

Валгалла сверкала факельным светом, когда мы вошли в нее. Бревна в большом очаге, горели высоко. В мерцании факельного света, все капитаны и великие воины озиров были собраны за многочисленными столами. Озировская знать появлялась и шагала к высокому столу на возвышении. Я сел на свое место возле Фрейи. За ней были два пустых места

Фрея и Герды, затем сидели Браги и Идун, старый Огир и его жена, задумчивый, тихий Тир.

Один и Фригга встали, и все мы тоже встали. Глаза озировавшегося короля смотрели на нас со строгой гордостью.

— Садитесь, ярлы и капитаны, — прогудел он. — Позволяю нам есть и пить старые спиртные напитки. Хотя на нас и обрушится завтра военная, смертельная волна, все же нет никакого страха в наших сердцах.

— Хвала Одину! — зазвенел глубокий голос Форсети.

Мы осушили мед и сели. Высокие обслуживающие девы спешили принести нам большое количество спиртного напитка и мяса. Шум голосов и смеха зазвенел дальше, громче, чем когда-либо. Угрожающая тень страшного бедствия, которая легла на Асгард той ночью, скорее усилила, чем уменьшила веселье банкета. Мы пили рог за рогом приятного, мощного меда.

Синие глаза Фрейи возле меня, смотрели на мое лицо. Затененная нежность и любовь в них заставляло мое сердце чаще биться, чем все остальное.

— Хорошо или плохо, Фрейя, — прошептал я, — но это стоит жизни, — сидеть здесь сегодня вечером с Вами и вашим народом.

— Да, ярл Кейт, — ответила она. Но имелась задумчивость в ее голосе, поскольку она добавила: — Я могу предсказать, что наше заседание продолжится здесь снова завтра.

Внезапно все радостные голоса замолкли. В зал вошел высокий Хеймдалл, страж ворот Асгарда.

— Почему Вы здесь, Хеймдалл? — спросил Один. — Не вашей ли задачей сегодня вечером является наблюдение за Мостом Бирфост, и заиграть громким ревом на рожке Гиаллар, когда враг приблизится?

— Лорд Один, Локи послал к нам переговорщика, — ответил Хеймдалл. — Переговорщиком является джотановский король Утгар, которого я впустил под перемирием. Он ждет, чтобы войти.

Жестокая страсть отразилась на каждом лице, люди стали доставать свое оружие. Тор угрожающе поднял большой молот, но Один произнес строго и спокойно.

— Позвольте переговорщику Локи войти.

Утгар один зашел в сверкающую факельным светом Валгаллу. Большой, чернобородый джотановский король зашел, ведя себя подобно завоевателю, затем он зашагал к нашему столу, где сидела озировская знать.

Глава 17. БИТВА НАУК

Зверское лицо Утгара не показало никакого признака опасения, несмотря на то что он встретил пламенный пристальный взгляд его смертельных врагов. Он заговорил с Одином, его грубый, строгий голос, вещал громко, с чрезвычайной секретностью.

— Я принес сообщение от лорда Локи, правителя Мидгарда и вскоре правителя Асгарда.

Жестокое восклицание донеслось из каждого горла. Но строгое лицо Одина не изменилось, затем он ответил.

— Говорите сообщение Локи.

— Вот слова Локи, — сказал громко Утгар. — "Один и другие озиры, время вашего поражения пришло. Я, кого Вы давно бросили и заключили на столетия, являюсь теперь свободным и измученным жаждой мести. Завтра я выступая против Вас с джотанами. Мы имеем три воина против вашего одного воина, три судна против Вашего одного судна. Вы не можете противостоять нам. Но потому, что я был однажды вашей крови, я предлагаю вам ваши жизни. Если Вы поклянетесь подчиняться мне, как вашему правителю, если вы станете моими подданными, как и джотаны, и коронуете меня вашим королем в зале Валгаллы, то вы сохраните ваши жизни. Долго подумайте, прежде чем отказываться от этого предложения. Если вы откажетесь от этого, то я буду вынужден уничтожить всех вас». Это — слова Локи. Каков ответ, лорд Один?

— Я отвечу теперь Миолниром! — прорычал Тор с темно-красным гневом на его лице.

Жестокий хор воплей из каждого горла, включая мой собственный, повторили его крик. Но Один замахал нам, призывая к тишине. Он говорил медленно, торжественно, пристально и серьезно глядя вниз на Утгара.

— Передайте этот ответ Локи, джотан. Сообщите ему, что он хорошо знает озиров, которые никогда не уступят его требованиям. Мы будем бороться, пока наши мечи не попадают из наших руки, пока наше дыхание не будет в нас. Но мы не будем захватывать в плен убийцу Локи, который давно доказал, что он предатель нашей расы. Также передайте Локи следующее. Сообщите ему, что он никогда — даже при том, что он и его хозяева джотаны одолеют нас, — не извлечет пользы от своей работы. Поэтому я говорю, что прежде, чем это случится, вся эта земля дрогнет, и снизу разрушится. Пламя и смерть уничтожат Мидгард и Асгард, и всех джотанов и озиров. Сообщите это хитрому предателю!

Непреднамеренно Утгар отскочил от темной, ужасной угрозы голоса Одина. Затем джотановский король презрительно выпрямил свою огромную фигуру.

— Не думаю, что наш лорд будет испуган такими словами, — парировал он. — Вы просили о гибели, гибель и получите.

Он обернулся, чтобы идти, но Тир, задумчивый берсерк, выступил перед ним.

— Ты знаешь меня, Утгар, — сказал медленно Тир ожесточенным голосом. — Ищи меня в завтрашнем сражении. А я буду искать тебя.

— Так найди меня, озир, — засмеялся зло Утгар. — Слишком долго слышал я о твоей доблести. Завтра я проверю это своим мечом.

Утгар гордо зашагал из зала, Хеймдалл за ним. В тишине, мы услышали галоп джотановского короля через Асгард к Мосту Бирфост.

— Продолжаем банкет, — предложил, наконец, Один.

Снова начали пить, возник жестокий гул голосов. Моя голова опьянела от меда, который я пил, поскольку прошли часы. Фрейя сидела тихо, близко возле моей руки, смотря то и дело на мое лицо. Я видел задумчивого Одина, который наблюдал за своими людьми, которые делались веселыми на краю ужасов войны. Гордость и благодарность к озирам за то, что они разрешили мне быть одним из них, заполнила меня.

Первый свет рассвета начал проникать через окна. Браги выступил вперед с арфой, и все голоса умолкли, поскольку нежно стоящий певец коснулся дрожащих струн. Его ясный голос зазвенел по-военному громко через Валгаллу.

Теперь прибывает большой час
Когда Норны собирают
Нити судьбы воинов
Из озер и джотанов.
Теперь темные дочери Вирда
Делают сражение,
Борьба, надолго обреченная
Твикстом между тьмой и светом.

Браги пел с активными напряжениями. И когда он закончил, огромный крик аплодисментов сорвался от нас всех. Когда эхо нашего крика умолкло, далеко внизу, прозвучал длинный рев рога.

Могущественная труба пульсировала через каждый угол Асгарда, становясь все громче и громче, поскольку мы слушали в напряженной тишине. Затем она опала и замерла.

— Большой гудок рожка Гиаллара, — сказал Один с тихой строгостью. — Хеймдалл предупреждает, что подчиненные Локи приближаются.

Мы вскочили на ноги. Голос Одина зазвенел в быстрой команде.

— Мы идем встречать их. На поле Вигрида, с другой стороны, Моста Бирфоста, мы будем ждать их. Соберите ваших людей и лошадей. Огир — Вы и Ниорд командуйте нашим флотом! Отплывайте со всеми нашими судами из Асгарда, пока не увидите побережье с джотановским флотом.

С воплем озировская знать, и капитаны полились из Валгаллы. Трубы громко проревели на рассвете, и донесся гром галопирующих лошадей, звенящих оружием торопливо идущих людей, рев распоряжений. Я остался в почти пустом зале с Фрейей, Одином и его семьей. Озировский король поместил поверх своей кольчуги серебряную эмблему, на которой были вырезаны руны.

Видар через секунду принес большой меч Одина, и король пристегнул его на пряжку. Небольшие глаза Тора сверкали, он качал большой Миолнир в воздухе, давая последнее испытание его силы к руке.

Один изучил красивое лицо леди Фригги.

— Прощай, моя жена, — сказал он глубоким голосом. — Мы вернемся победителями или мертвыми, как пожелает этого Вирд.

Я принял Фрейю в свои руки. Почти в отчаянии я держал ее между руками и поцеловал. Яркие солнечные лучи из окна осветили ее волосы великолепным золотом, затем я отпустил ее. Ее синие глаза в гордой глубине смотрели на меня без тени опасения.

— Ярл Кейт, я должна остаться с женщинами вместо поездки с вами, как хотела бы. Но мое сердце будет с Вами. Я горда, что Вы, чужеземец, сражаетесь сегодня за мой народ.

— Ваш народ — мой, Фрейя, — ответил я. — Это я принес ключ, который выпустил Локи. Я только могу искупить это, сражаясь против дьявола сегодня.

Один зашагал к выходу большого зала. Я отстранился от Фрейи и последовал с гигантом Тором, Видаром и Вали. Мы появились из замка Валгаллы в яркий день. Перед нами были сосредоточены воины Асгарда, шлемы и кольчуги сверкали на солнце. Три тысячи всадников и пяти тысяч

слуг простирались, их ярлы и капитаны сидели на лошадях во главе людей.

Большой крик приветствовал Одина, как только мы появились. Рабы держали наших лошадей, когда мы садились в седла. Тор тяжело прыгнул на своего большого черного жеребца. Один поднял высоко руку и звонко прокричал:

— К Вигриду!

Мы поскакали вперед — король, его сыновья и я, галопируя во главе массы всадников. Мы ехали поперек города Асгарда, к замковым воротам Бирфоста. Когда мы приблизились, они распахнулись, и Хеймдалл, страж ворот, ожидал нас на собственном коне.

Охрана на высокой башне снова прогудела большим, звенящим ревом рожка Гиаллар, когда мы проехали через ворота на мост. Мы продвигались с Одином, наши всадники струились в узком проходе, в броне, сияющей золотом на великолепном солнце, когда мы галопировали по дуге моста радуги. При этом подобно грому, гремели копыта наших лошадей, стуча о камень дуги.

Далеко внизу нас бушевало зеленое море между Асгардом и Мидгардом. Далеко позади справа, от восточных утесов Асгарда, суда озирова выходили к морю под командой Огира. Сорок больших драконов войны подняли по ветру квадратные паруса. Медные клювы опускались в поднимающиеся волны, они быстро выезжали, чтобы ожидать прибытие джотановского флота.

Дикое ликование пульсировало во мне подобно вину, когда мы ехали вниз спускающейся дуги Моста Бирфост. Я забыл, что я был Кейт Мастерс из внешнего мира. Я забыл все, за исключением того, что был одним из озирова, с которыми я должен был бороться за Фрейю и Асгард, против дикого многочисленного зла Локи.

Мы приостановились на открытой, скалистой равнине, которая лежала в северной оконечности Мидгарда. Позади нас выгнулся мост радуги, ведущий в Асгард. Перед нами, за полем Вигрида, ширились темные, лесистые холмы

Мидгарда. Один приостановил нас около пригорка, на котором стоял его сферический медный генератор, и возле которого был припаркован мой самолет.

— Слуги будут массой в нашем центре под руководством Видара, — приказал Один. — Половина наших всадников на левом крыле под руководством Тора, и половина справа под Хеймдаллом.

К настоящему времени пехота заструилась вдоль Моста Бирфост плотными, длинными рядами стрельцов, копьеносцев и меченосцев. Тор проревел приказ, который остановил его и всадников перед небольшим пригорком. Один поднялся на пригорок к генератору, я последовал за ним. Наконец Тор, закончив размещение наших сил, въехал на тот пригорок, где озировский король и я исследовали генератор.

— Они приближаются! — прогудел Тор, указывая на юг своим сверкающим молотом.

Мы стали пристально вглядываться через яркий дневной свет. С юга, блестящего от леса шлемов и копей, отсвечивающих в солнце, плотная масса джотановских солдат продвигалась по краю утеса, прикрытая всадниками. Далеко в море, справа, большой флот драконовских судов подплывал с севера. Имелась, по крайней мере, сотня черных длинных джотановских судов, и озировские суда продвигались, чтобы встретить их. На юге, возрастающая темнота омрачала небеса. Странный сумрак быстро полз поперек блестящего неба.

— Штормовые конусы Локи! — вскричал я. — Смотрите, он установил их на том гребне, лорд Один!

Я указал. На юге, далеко позади продвижения джотановской армии, возвышался гребень. На нем была маленькая группа объектов, которые мерцали в последних лучах полузатененного Солнца.

— Да, я вижу, — сказал Один своим глубоким голосом. — Локи готовится бросить свои молнии на нас, как мы и боялись.

Озировский король начал управлять загадочным средством большого сферического генератора, включая защитный экран. Ветер стонал вокруг нас с увеличивающейся силой, в то время как темнота быстро распространялась поперек неба. Мрак, казалось, явно кипел от отдаленного гребня, где находились штормовые конусы Локи, от которых он распылял потрясающее электрическое поле, чтобы открыть бурю.

Внизу, в море, за утесами, темные волны были высоки, чем когда-либо. Они и вопящие ветры дико швыряли джотановские и озировские суда, которые стремительно маневрировали для сражения.

Бум!

Из черного ночного неба, вспышка белой молнии ударила среди нашей массы слуг. Она оставила опаленную кучу мертвых. Следом ударила другая ослепительная молния, которая уничтожила трех всадников.

— Лорд Один, молнии Локи начинают убивать моих людей! — проревел Хеймдалл с правого крыла. — Позвольте нам атаковать их!

— Ждите! — необескураженно приказал Один.

В это самое время, сферический медный генератор начал пульсировать с силой. Радиоактивное вещество в нем, которое Тор, и я обеспечили таким риском из глубин Маспеллхейма, разрушался в чистую силу. Энергия преобразовывалась в сияющую раковину мощи, которая шла вразброс из меньшего медного шара сверху генератора.

В штормовое ночное небо, механизм Одина выбросил большой ореол пылающего света. Ореол, который укрыл наши силы и остановил сверкающие зигзаги молний, которые начали подкашивать нас! Те вспышки ослепления поразили ореол и расплескались безопасно на нем.

— Это ограждает нас от штормовых конусов Локи! — вскричал я торжественно. — Мы нейтрализовали его лучшее оружие!

— Подождите ликовать, ярл Кейт, — предупредил Один. — Радиоактивного топлива недостаточно, чтобы использовать этот механизм, намного более дольше. Когда он остановится, молнии Локи будут наносить большое опустошение у нас.

— Разве мы не можем всеми нашими всадниками уничтожить Локи и его дьявольское оружие? — закричал отчаянно Тор.

— Как только мы оставим защиту экрана этого генератора энергии, молнии Локи поразят нас, — ответил Один.

Я понял отчаянный характер критического положения. Если озиры и джотаны должны вступить в сражение, то штормовые конусы Локи должны быть разрушены! Даже если это случится, озиры будут держаться перед подавляющими числом. Но имелся бы шанс для победы, по крайней мере, принимая во внимание, что не будет никакого шанса вообще, если силы Локи не будут ограничены.

В этом критическом положении, мои глаза упали на мой самолет, припаркованный на некотором расстоянии в тылу наших сил. Внезапно я вспомнил бомбы, которые я сделал ночью, для возможного использования в сражении.

— Лорд Один, я думаю, что могу быть способен уничтожить оружие Локи! — прокричал я нетерпеливо. — В моем летающем судне имеется оружие моего вида, используемое людьми в войне. Позвольте мне попробовать это.

— Любое летающее судно сможет лететь живым в этой буре? — спросил недоверчиво озировский король.

Я тоже задавался этим вопросом. Шторм, который бушевал по этому странному полю битвы, теперь стал хаотическим в своей неодушевленной ярости. Со всего черного неба шипели и вспыхивали вниз, по нам, зигзаги молний, вызванные штормовыми конусами Локи. И хотя они брызгали на экран защиты Одина, лошади наших всадников дико становились на дыбы. Перед нашими воинами был свет белых вспышек. На юге, могущественная джотановская армия продвигалась сформировано против нас.

— Я смогу сделать это! — упорствовал я без убеждения. — Я буду кружиться вокруг самого слабого из этих штормов.

— Тогда идите, ярл Кейт, пусть Норны ведут Вас, — сказал почтительно Один.

Глава 18. БИТВА ЗА АЗГАРД

Я побежал назад к самолету. Через мгновение, я уже запустил ракетный двигатель, и затем осуществил рискованный взлет с поля. Бушующие ветры дули теперь в моем направлении, и угрожали швырнуть мой поднимающийся самолет назад на поле. Широкие полосы и яркие вспышки молний ослепляли мои глаза. Но я поднялся, и, сделав круг назад, по морю, стал подходить к позиции Локи с тыла.

Я мчался через неестественную темноту над водой. Широкие полосы молний дали мне мгновенное представление об озировских и джотановских судах, сцепившихся в смертельной битве внизу на диких водах. Я пролетел над ними. Затем я полетел назад к утесам Мидгарда и появился из-за них, пикируя вниз на гребень, где находились штормовые конусы Локи.

Я открыл окно кабины, мои грубые бомбы находились под рукой. Поскольку я нырнул круто, я посмотрел вниз, на гребень. Локи стоял рядом у штормовых конусов. Большие механизмы были сгруппированы близко друг от друга, их кварцевые носики, были направлены на отдаленные силы озиров. Прекрасная фиолетовая электрическая щетка составляла их, поскольку они распыляли ее управляемое статическое поле.

Я увидел пораженное белое лицо Локи и встревоженные черты лица Утгара, Хел и джотановских капитанов, когда мой самолет напал. Ныряя в пределах нескольких ярдов от штормовых конусов, я сбросил четыре маленьких бомбы. Появилась темно-красная вспышка молнии в черноте позади меня. Я оглянулся назад, и увидел штормовые конусы, которые все, кроме одного, находились разрушенными и

разбуренными. Я бросил взгляд на Локи и Утгара. Невредимый озировский хитрый предатель отдавал приказы, и джотаны бежали к своим лошадям.

— Один выигрыш моей науки, — пробормотал я между зубов, поскольку швырнул самолет назад к озировским позициям.

Единственный остающийся штормовой конус все еще работал, вспыхивали молнии и грохотал гром. Но потрясающее приветствие зигзагов, которые угрожали уничтожить озиров, остановилось.

— Хорошо сделано, ярл Кейт! — прогудел Тор, когда я посадил свой самолет и подбежал к пригорку, где стоял Один и его капитаны.

— Это было хорошо сделано, — объявил Один. — Мой генератор теперь работал неуверенно. Если бы Вы не разрушили штормовые конусы, мы были бы беспомощны.

— Локи подготавливает продвижение всеми джотановскими силами, — сказал я, затаив дыхание. — Смотрите, они теперь наступают!

Джотаны разворачивались на более далекой стороне поля Вигрида. По крайней мере, тысяч десять пеших воинов сформировалась позади широкого заслона конницы.

— Вон едет хитрый предатель! — вскричал гневно Хеймдалл.

Я увидел Локи. Он ехал позади конницы, во главе массы джотановских слуг. Его яркий золотой шлем мерцал во вспышках молний, его белый конь сгибался. Возле лошади Локи бежал с его владельцем на битву подобно военной собаке — большой, серый, огромный волк Фенрис.

— Если бы только Иормунгандр также был с ним! — раздраженно произнес Тор. — Мидгардовская змея должна умереть этим днем, тогда я выполню свою клятву.

Лучники—джотаны, продвигающиеся позади заслона всадников, освобождали от луков свои стрелы. Стрелы посыпались вниз на нас подобного дождю. Люди падали от их попаданий, а лошади ржали с болью.

— Держите ваши места, но не атакуйте, пока я не скажу, — приказал Один.

— Мы должны быть поражены без того, чтобы нанести ответный удар? — вскричал неистово Тор.

— Ждите, пока я не дам сигнал, — приказал серьезно Один. — Оба наши крыла всадников должны ехать через их центр и расколоть их главные силы. Затем последует Видар со слугами. Тогда, если это угодно Вирду, мы сократим их силы расколов на части.

Один поехал вперед, и я последовал с Вало, Браги, Форсети и другими озировскими капитанами. Заняв позицию между всадниками Тора слева, и Хеймдаллом справа, мы ждали. Я почувствовал ужас остановленного момента. Стрелы грохотали внизу среди нас в течение медленного продвижения большой массы джотанов. Гром и молния шторма все еще ворчали поперек темного неба. Перед их лицом, всадники и слуги озиров ждали тихо и неподвижно позади Одина.

Джотаны были в пределах лучного выстрела, и их стрелы наносили большие потери. Они были так близко, что среди них я мог видеть белое лицо Локи, подгонявшего их вперед. Я мог видеть и большого Утгара, джотановского короля, едущего возле хитрого предателя. Древняя вражда мчалась к ее кульминационному моменту в этих последних моментах. Я чувствовал напряженность людей, которые были, так или иначе, больше, чем людьми. Когда это сражение начнется, это будет столкновение космических сил ...

— Теперь! — закричал Один, поднимая свой закованный в броню кулак и высвечивая высоко мечом.

В ответ трубы озиров дико заревели. С воплем скрытой напряженности, мы погнали наших лошадей и поскакали вперед. Наши два установленных крыла сходились, нацеливаясь прямо в центр большой джотановской армии. Едущий вперед с другими, я едва ощущал индивидуальное действие. Инстинктивно я погонял, и вытянул свой меч, наклонившись вперед к седлу.

Передо мной галопировала могучая фигура Одина с большим мечом, все еще поднятым высоко. Около меня, Тор уже крутил своим гигантский молотом, проревев свой ужа-сающий боевой крик. За ним следовали Хеймдалл, Форсети и Браги. И позади нас гремели три тысячи озировских всад-ников, сопровождаемые слугами под руководством Видара, Вали и Тира.

Стрелы лились среди нас. Люди и лошади кувыркались, терпя крах в нашей середине, когда мы галопировали в той дикой атаке. Гром оглушительно ревел впереди из почер-невшего неба, глуша наши вопящие трубы. Молнии высве-чивали зигзагом поперек неба.

Мы ударили по завесе джотановских всадников подобно удару молнии, пройдя через них как меч через бумагу. За-тем наша атака понеслась глубоко, разбивая главные силы джотановской армии. Вся Земля, должно быть, чувствовала удар того столкновения! Моя лошадь скакала по джотанов-ским телам. Я наклонялся из седла и неистово бил моим ме-чом по чернобородым воинам, которые стремились достать меня топорами и лезвиями. Я зарубил внизу двух врагов прежде, чем их копыта могли коснуться моего тела.

Все вокруг меня вопило в жестокой жажде крови или пронзительной смертельной агонии, стучали мечи по шле-мам людей, раненые лошади визжали ужасно, раскалываю-щиеся щиты оглушительно звенели. Трубы озиров ревели нескончаемо. Хриплые рожки джотанов дико отвечали в от-вет.

Тор оказался около меня в сражении, вынуждая жеребца ехать вперед. Его огромный молот продолжал падать по-добно предмету, жившему своей собственной жизнью, на шлемы джотанов. Сталь Миолнира была красна от крови и сера от мозгового вещества, когда покрасневший бородатый гигант кружил им. Трижды, в тех многих моментах, он сби-вал джотанов, которые хотели убить меня. На другой сто-роне, Хеймдалл владел топором подобно дровосеку, а Видар ехал вперед через трупы, которые он делал.

Прямо перед нами, орлиный шлем Одина мерцал в хаосе сражения. Большой меч возвышался и опадал, когда озировский король, заезжал глубже в массы джотанов.

— За Асгард! — звенел его глубокий голос.

От озировских всадников и слуг позади нас ответил хор криков.

— За короля! За Асгард!

Массы джотанов начал раскалываться и давать путь нашему сконцентрированному нападению. Хотя они очень превосходили нас численностью, мы вклинились между ними.

— Они дрогнули! — закричал Видар, дико ликуя. — Последний трудный шаг, и сражение наше. Они сломлены!

Поскольку мы выдвинулись вперед, джотановские слуги отступили очень быстро. Если бы мы смогли расколоть их надвое, сократить и уничтожить их ...

— Прибыл Локи! — закричал Хеймдалл.

Я увидел его золотой шлем, сияющий через темноту иссушенного молнией шторма. Локи бесстрашно проталкивался через массы джотанов к нам. Его лицо было белым, красивым и взволнованным от сражения, когда он пробивался через битву к нам. Возле него ехал Утгар, а между ними находилась большая, серая фигура Фенрира.

— Твердо стоять, джотаны! — вопил Утгар своим дрогнувшим массам. — Лорд Локи — с нами!

С жестоким криком, Один помчался вперед, чтобы встретить Локи. Тор, Видар, Хеймдалл, Браги и я скакали позади озировского короля. Хеймдалл и Браги, вынуждены были ехать впереди, напав сначала на Локи и Утгара. Я видел вспышку меча Локи, и Хеймдалл кувыркнулся с лошади, задетый ударом.

В тот же самый момент топор Утгара нанес удар по шлему Браги. От Тора донесся ужасный вопль гнева, поскольку он видел падение двух наших товарищей.

— Готовься встретить меня, предатель! — проревел он Локи.

Но вместо него хитрого демона достиг Один. Вспыхнули молнии, они ударили друг друга мечами, которые вспыхнули подобно полосам света. Бесстрашно сверкало красивое лицо сияющего Локи, когда он боролся. Его серебряный голос зазвенел от ликования.

— Наконец, Один, я отомщу тебе за мое длинное заключение!

Но Один, в этот момент, ударил дальше, отчаянно, со всей силы большим ударом по шлему Локи. Локи уклонился, но меч задел его шлем. Ошеломляющая сила удара заставила его наклониться назад в седле.

— Смерть Локи! — завопили озиры позади нас в диком триумфе.

Ужасный рев рычания и крик предупреждения с моих губ, оба сорвались в тот же самый момент. Когда Локи был поражен тем ужасным ударом, гигантский волк Фенрис прыгнул подобно серому удару молнии на Одина. Его огромные челюсти сомкнулись на горле Одина. Быстро дернув, он стянул озировского короля с седла.

— Один пал! — забушевал крик радости от масс джотанов.

Я уже спрыгнул из седла. Я нанес потрясающий удар по Фенриру, когда огромный волк рвал обессиленное тело Одина. Мой меч хлестнул глубоко по плечу волка. Он обернулся, его зеленые глаза сверкали адскими огнями, и он бросился на меня.

Но с хриплым криком, Видар ударил в прыгнувшего волка своим топором. Удар отделил голову Фенрира от его плеч одним огромным ударом. Горло Одина было порвано на красные ленты. Его глаза были закрыты, и он только казался живым, когда Тор поднял его.

— Один убит! — зазвенел серебряный голос Локи. — Теперь Асгард падет. Вперед джотаны!

Локи оправился от последнего ошеломляющего удара Одина. Он убеждал джотанов двигаться вперед, его глаза, вспыхнули с нечеловеческим гневом за убийство его волка.

Наступление озиров приостановилось, наши воины были встревожены падением Одина. И теперь, поскольку джотаны мчались вперед на нас, мы отступили назад перед их превосходящим числом.

Мы были вынуждены отступить назад, к концу поля, край утеса от которого, падал на Мост Бирфост. Хотя озирь боролись подобно сумасшедшим, они забрали тело Одина, и унесли его назад с нами, так как мы отступили. Со всех сторон кроме тыла, джотаны поднялись на нас. Резня здесь была страшная. Я, казалось, боролся в нереальном сне.

Не было никакого противостояния более сильной массе джотанов. Наши разбитые силы струились по высокой дуге Моста Бирфост, через ворота Асгарда. Видар, Тир, Форсети и я отступали последними.

Теперь все наши выжившие силы были в безопасности в пределах ворот. Утгар и Локи вели торопливо джотанов на мост за нами. Но поскольку лебедки внутри замка охраны торопливо заскрипели, ворота, медленно покачиваясь, закрылись. Локи завопил приказ. Как если бы по заранее подготовленному плану, два десятка джотанов бросило тяжелые копья в заключительные стержни ворот. Копья забили стержни, и ворота прекратили закрываться.

— Рывком закройте ворота! — завопил Видар людям на лебедках.

— Мы не можем, поскольку они забиты! — последовал ужасный ответ.

Поперек радужного моста, Локи вел своих людей вперед и кричал с ними торжествующе.

— Быстрее, джотаны! По мосту! Ворота Асгарда открыты для нас!

Глава 19. ФЛАНГОВАЯ АТАКА

Видар завопил воинам позади нас.

— Часть из вас пусть очистит стержни! Остальная часть сдерживает джотанов!

Он прыгнул на Мост Бирфост. Тир, Форсети и я, с двумя десятками озировских воинов, последовали за ним. Люди позади нас заработали отчаянно, чтобы вырвать тяжелые копья, которые забили стержни ворот Асгарда. Мы вчетвером стояли в ряд на арочном мосту, наши воины были позади нас, стоя перед джотановскими массами, которые мчались позади Локи и Утгара.

Шторм затемнял целое небо, и дикие ветры угрожали сбросить нас с нереально узкого промежутка, на котором мы стояли. Молнии вспыхивали непрерывно поперек зловещего неба, и гром катился сильнее.

Тир сорвал свою кольчугу и отбросил шлем. Его большая голая грудь была измазана кровью, он держал в своих руках два меча. Его пещерные глаза ослепительно сверкали ужасным светом, когда он выступил перед ними. Он завопил в завывании подобно дикому животному и выдвинулся к джотанам.

— Берсерк — это я! Кто против меня?

Джотаны на узком мосту заколебались при его появлении, поскольку он был очень ужасен в своем берсерковом безумии.

— Я жду тебя, Утгар! — завыл Тир, дрожа всем телом. — Иди на эти мечи!

Утгар ответил ревом гнева. Он и Локи показались теперь, подойдя по дуге моста напротив нас во главе джотановской массы. Тир не стал ждать их прибытия. Со свирепым криком, наш компаньон—берсерк побежал, чтобы встретить их.

Его два меча прыгнули подобно живым существам. Топор Утгара рубанул в его сторону — но Тир рассмеялся! Крича с ликованием, он снес голову Утгара с плеч единственным ужасным ударом. Пять джотанов упали перед ним, когда он бушевал в берсерковой ярости. Резко, лезвие Локи нанесло удар в его сердце. Тир закачался, пораженный на краю моста. Затем он обмяк и резко упал вниз как камень в бушующее, бурное море далеко внизу.

АУАНКАТ

Видар, Форсети и я помчались вперед с нашими людьми, чтобы поддержать Тира. Там мы встретили джотанов, которые были взбешены убийством Утгара, подстрекаемые серебряным голосом Локи.

В течение целых минут мы держали мост против них! Как, я не знаю. Мои глаза отсвечивали сталью в волчьих лицах, которые я поражал скорее инстинктивно, чем в

соответствии с планом. Я почувствовал раскаленные удары клинков по моему левому плечу и правому бедру. Я увидел шатающегося назад Форсети, умирающее от невероятно быстрых и смертельных ударов Локи. Я бросил гневный взгляд на красивое лицо сатаны, который боролся с Видаром.

Мы двинулись назад по дуге моста, к воротам. Вопль потерпевших крах, донесся от людей позади нас.

— Ворота освобождены!

Мы протиснулись назад через маленькую полоску почти закрытых ворот. Немедленно ворота захлопнулись закрытыми перед лицом Локи и его орд. В течение нескольких моментов мы стояли неподвижными, задыхающимися, с дикими глазами, налитыми кровью. Джотановские орды безуспешно стучали в ворота мечами и топорами.

Не более чем несколько сотен озировских воинов осталось истощенно—ранеными, но живыми, после того ужасного сражения. На Вигридовом поле наши мертвые исчислялись тысячами. Вороны планировали на трогательные трупы со штормового, черного неба.

— Поднимитесь в башни и используйте ваши луки по ордам Локи! — хрипло приказал Видар части наших воинов.

Они повиновались, и дождь стрел посыпался вниз на осаждающую сторону на мосту. Вой джотанов был громок даже через углубляющийся гром шторма, когда они стремились пробить ворота.

Видар ускорился с нами через охраняемый замок к внешней каменной площади. Там Одина положили на камни. Тор стал на колени возле умирающего отца. Губы Одина задвигались, он дрожаще посмотрел, провожая слабый, умирающий свет, затем взглянул на своего гигантского сына.

— Нити Норна разъединили нас, — прошептал он. — Моя гибель предопределена Вирдом, — и, боюсь, Асгарда тоже. Если Локи победит, вы должны сделать то, что я приказал вам.

— Я сделаю, отец, — прогрехотал Тор, его большая, напряженная рука, сжала рукоятку его могущественного молота. — Будь с нами!

Жизнь уже уходила от Одина, тем не менее, он потратил последнее усилие, чтобы заговорить.

— Перенесите меня в Валгаллу! — приказал большой голос Тору, который поднялся.

— Локи и часть джотанов отошли далеко, — передал воин со сторожевой башни замка.

Мы поспешили назад и посмотрели через бойницы в воротах. Локи и половина джотановских сил маршировали назад поперек моста и Вигридового поля, идя на юг. Остальная часть джотанов все еще колотила в ворота, не смотря на стрелы, которые падали на них сверху.

— Локи планирует какую-то уловку — пробормотал Тор.

— Где наши суда? — закричал Видар. — Смотрите!

Он указал вниз на море, к востоку от Асгарда. Там волны бежали высоко и белопенно, ниже воющих ветров шторма. Я увидел внизу джотановский флот, уничтоженный и уменьшенный почти менее чем до сорока бесполезных судов. Но они двигались на юг, к побережью, параллельно подходящим силам Локи. Хотя суда джотанов и были повреждены и потрепаны сражением, озировских судов я не видел, только плавающие обломки.

— Хвала Огиру и Ниорду! — вскричал Тор. — Хвала викингам, которые нашли смерть под волнами!

Лязг гибельного шума донесся от ворот, когда джотановская орда на мосту стремилась пробить их. Мы работали по указаниям Тора, торопливо складывая блоки камня, чтобы удержать ослабевающие ворота. Затем к нам подбежал дико выглядевший озировский воин. Он звонко закричал ужасающую весть, подобно сильному грому.

— Силы Локи плывут к нам на своих судах! — завопил он. — Они стремятся высадиться в нашей гавани!

Тор произнес жестокий крик, когда поглядел своими глазами на бурное море. Джотановский флот перемещался к побережью. Суда, набитые людьми, направлялись к незащищенному фиорду в восточных утесах Асгарда.

— Они попробуют найти вход в Асгард с гавани — и там мы имеем немного охраны! — проревел Тор. — Видар, держите эти ворота! Половина из вас пойдет со мной, чтобы защитить гавань!

Бородатый гигант побежал могучими скачками к восточному краю острова Асгард. Половина из нас последовала за ним. Шторм теперь обрушивался на Асгард с полной силой.

Молнии и ударяли поперек ночного, черного неба. Факельные огни вспыхнули с темной, громадной массы Валгаллы, откуда через бурю донесся тусклый вопль из женских голосов, поскольку тело Одина перенесли домой.

Когда я спешил с Тором и нашей скудной силой воинов к восточному утесу, из иссушенного штормом сумрака, в мою сторону бросилась тонкая, одетая в броню фигура. Это была Фрейя, одетая в кольчугу и шлем, держащая в ее наклоненной руке щит.

— Ярл Кейт! — закричала она. — Я боялась, что Вы убиты в том ужасном сражении! Я не оставляю Вас больше!

— Вы не можете оставаться со мной! — возразил я. — Мы идем удерживать гавань от нового нападения Локи.

— Тогда я буду сражаться с Вами! — сказала отчаянно она. — Если гибель прибудет теперь в Асгард, то я встречу ее на Вашей стороне.

Я не мог отвернуть ее от цели. Она легко бежала около меня, и мы поспешили вниз за Тором, делая первые шаги по узким ступенькам утесной стороны. Молния осветила скалы, и оглушительный раскат грома заглушил вопящие ветры и рев моря. Во вспыхивающих зигзагах, мы увидели суда джотанов, уже быстро заплывающие в узкий фиорд внизу нас. Позади них в бушующем море плыла какая-то продолговатая, черная и извилистая, большая, невероятная фигура.

— Иормунгандр плывет за своим хозяином Локи! — прогудел Тор. — Это хорошо!

Прежде, чем мы оказались на нижних ступеньках, джотаны пришвартовались внизу. Крайне маленькие силы озирова охраняли там, и побежали к нам на соединение.

Я отодвинул Фрейю за себя.

— Держитесь за моей спиной, — приказал я.

— Я не боюсь! — прозвучал ее ясный голос в моем ухе.

Зазвенела тетива ее лука, и стрела ускорила вниз, попав в горло одного из передовых джотанов. Я увидел Локи,

спрыгивающего на берег с одного из судов. Затем самый близкий джотан достиг нас.

Глава 20. НАСТУПАЕТ РАГНАРЕК

Молот Тора опустился вниз, и первых два джотана упали назад с проломленными черепами. Они полетели со ступенек вниз, на глубину. Стрелы вражеских лучников засветили через иссушенный молнией сумрак и отразились от нашей кольчуги или сразили наших людей. Зазвенела тетива лука Фрейи. Каждый раз, когда она выпускала стрелу, ее ясный крик пел громко в моих ушах.

Я пробовал держать ее около себя, когда отчаянно сражался возле Тора и высокого Вали, пробуя сдержать джотанов. Но ступеньки были достаточно широки только для одного из троих нас, чтобы бороться в ряд. Тор, темно—красный от крови многочисленных ран, махал своим молотом подобно демону разрушения. И все же мы были вынуждены отступать по лестнице. Вали пал, пронзенный стрелой в глаз, и озир за ним занял его место.

Мы были отодвинуты наверх, к вершине ступенек, к краю самого утеса. Там мы рубились на мечах и топорах. Ужасное оружие Хаммерера крушило и разрушало с такой яростью, что джотаны не могли пройти узким путем.

— Дайте мне дорогу! — прозвенел серебряный голос Локи снизу, через лязг битвы и рев шторма. — Я буду вынужден пройти.

— Я жду тебя, Локи! — проревел Тор хитрому предателю.

Молния вспыхнула снова в непрерывном пламени ослепления. Это показался золотой шлем Локи, вспыхивающий среди джотанов, переполнявших ступеньки. Также показался слизистый, черный, чешуйчатый монстр, чьи катушки слегка колебались, когда он продвигался перед его хозяином. Молния вспыхнула снова в непрерывном пламени ослепления.

— Ползет Иормунгандр! — закричала Фрейя. — Мидгардовская змея!

Джотаны отпрянули по сторонам утесам на ступеньках. Даже они были потрясены их страшным союзником, когда невероятная змея корчилась к нам. Тор поднял высоко свой молот. Подобно стреляющему удару черной молнии, Иормунгандр бросил себя на бородатого гиганта.

В полосе молнии, я увидел гигантскую лопатообразную голову змеи, летящую со скоростью света. Ее опаловые глаза холодно сверкали. Ее открытые челюсти испустили смрад прекрасного, зеленого яда — распыление которого охватило темно—красную фигуру Тора.

— Моя клятва Фрею! — проревел Тор, и его молот опустился вниз.

Змея, с нечеловеческой скоростью метнулась, чтобы избежать потрясающего удара. Но ее отклонение было не столь быстро, как

удар Тора. Стальная голова Миолнира, обрушилось вниз на лопатообразную голову и впечатало ее в основание скальных ступенек. Молот непосредственно рассыпался

на фрагменты от того огромного удара.

Чудовищное тело Иормунгандра корчилося в смертельных муках, сбрасывая джотанов со ступенек к смерти. Затем большое тело змеи упало с края и полетело к морю далеко вниз.

— Убит мой волк, и змея убита! — бушевал голос Локи. — Отомстим, джотаны! Отомстим Тору!

Гигант зашатался почти беспомощно. Ручка его сломанного молота внезапно упала из его руки. Его красное лицо стало бледнеть, зеленый яд через кровь покрыл его. Я прыгнул с Фрейей, чтобы поддержать его. Немногочисленные озировские воины пробовали сдерживать джотанов. Острый меч Локи наносил смертельные удары среди них.

— Я спешу, — задыхался Тор. — Яд Иормунгандра входит в мои раны. Помогите мне попасть в Валгаллу, поскольку Асгард потерян. Там все еще остается то, что Один предложил мне сделать.

Фрейя и я потащили шатающегося гиганта подальше от того безнадежного сражения. Наши последние озировские воины не могли надеяться сдержать Локи и его бушующую орду. Бесконечный барабанный бой грома грохотал в Асгарде. Освещенные молнией, мы видели озировских женщин, спокойно стоящих возле их мужчин в смерти. Мы, шатаясь с Тором, вошли при факельном свете в замок Валгаллу.

— В палату ... к дороге ямы ... в глубокий Маспельхейм ... отнесите меня туда, — задыхался Тор.

Когда мы вступили в замок Валгаллы, я услышал дикий, подобно волчьему крик о триумфе позади нас. Я оглянулся назад. Последнее озировское сопротивление было преодолено, и Локи с джотанами поднимались на высокое плато Асгарда. Некоторые из джотанов уже бежали, чтобы открыть ворота Асгарда тем, кто разбивал их с Моста Бирфост. Женщин, которые помчались искать своих мертвых помощников, становилось меньше.

— Асгард пал! — застонала Фрейя, ее синие глаза, отразились в факельном свете. — Триумф Локи!

— Нет! — вскричал Тор дрогнувшим большим голосом. — Господство Локи никогда не будет торжествовать в этих залах. Несите меня!

Фрейя выхватила факел из гнезда, когда мы вступили в проходы Валгаллы. Мы проследовали мимо большого зала, где Фригга все еще сидела неподвижно возле тела Одина. Мы пошли, вниз в темные проходы, к палате ямы, которая вела к пламенному Маспельхейму.

Торопясь, вслепую, Тор стремительно нажал руны на двери терпящей неудачу рукой. Дверь распахнулась, и мы вступили. Немедленно бородатый гигант встал возле противоположной стены. Борясь, чтобы сохранить сознание, он указал на квадратную серебряную коробку, которая осуществляла дистанционное управление морскими воротами в крыше пламенного подземного мира.

— Дайте мне коробку управления, ярл Кейт, — прошептал он ослабленным голосом, — я смогу открыть ворота далеко внизу и позволить водам моря опрокинуться вниз, в атомные огни Маспельхейма. Это был приказ моего отца Одина мне. Да, атомные огни больше не будут местом вечной молодости и теплоты.

— Но, когда морские водные удары попадут в Маспельхейм, там будет взрыв, который разрушит эту землю! — возразил я.

— И это также было бы хорошо! — вскричал Тор, шатаясь. — Позволить земле быть разрушенной прежде, чем Локи и джотаны пожнут плоды своей победы и станут страшной угрозой всей остальной части Земли. Это было предупреждение Одина — Локи нельзя позволить угрожать всему миру!

Он упал тяжело на пол. Но он поднял свою большую голову, и его голос донесся, задыхаясь:

— Дайте мне коробку!

Я слышал быстро приближающийся рев джотановских голосов из залов Валгаллы выше. Я слышал вопль последних озировских женщин, уничтожаемых последователями

Локи. В моем сознании развернулось отвратительное видение, что Локи, используя свои подавляющие полномочия злой науки, задоминирует над всем внешним миром. Я прыгнул к серебряной коробке управления и повернулся, чтобы вручить эту смерть Тору, когда Фрейя закричала.

Человек ворвался в комнату. На ангельском лице Локи была маска адского гнева. Меч блестел в его руке, его синие глаза сверкали.

— Я знал, что озиры будут стремиться таким образом при помощи моей собственной древней ручной работы перехватить мой триумф, путем разрушения, — сказал он. — Но, увы, слишком поздно.

Он прыгнул ко мне со стремительностью тигра, его меч поднялся. Я выхватил свое собственное оружие, но лезвие Локи уже остро прошло через мое плечо, подобно раскаленному добела железу. Я покачнулся от той агонии, чувствуя себя терпящим неудачу, отпуская серебряную коробку управления. Фрейя бросилась вперед с гневным криком, и я увидел, как Локи отшвырнул ее спиной к противоположной стене.

— Вы все потеряли, озиры! — съязвил злонамеренно Локи. — Асгард мой, и последний озир падет от мечей моих джотанов.

Он не видел большую фигуру, возвышающуюся позади него. Тор, разбуженный звуком ненавистного голоса Локи, оперся о стену скалы бессильными, в кровь изодранными пальцами и потянул себя вертикально. Непреднамеренно я отскочил от зловещей, черно-высвеченной фигуры. Но Локи оказался неподготовленным и был пойман. Гигантские руки оказались близко — и сжали белую шею Локи!

— Поверните кнопку на коробке управления, ярл Кейт! — проревел Тор.

Локи нанес свирепый удар своим кинжалом вслепую, назад, в грудь Тора, ядовито борясь, чтобы освободить себя. Я шагнул вперед и схватил серебряную коробку. Ухватившись за кнопку, я повернул ее, насколько это возможно.

Из ямы, расположенной в центре комнаты прибыл унылый, отдаленный рев мчащихся вод. Затем потрясающий удар закачал Асгард до его основания. Ослепительный пар зациркулировал из ямы с исступленным свистом.

— Дурак! — завопил Локи, поскольку он свободно вырвался после смерти Тора.

Он бросился ко мне, пытаясь схватить коробку управления из моего захвата. Я толкнул его из последних своих сил. Через шипящий пар, который заполнил комнату, Локи зашатался назад — и, раскачиваясь, упал прямо в яму!

Исчезающий крик донесся из ревающего облака пара, затем он погрузился вниз в пропасть ...

Весь замок Валгаллы дико закачался над нами. Один оглушительный удар Земли следовал за другим. Дикие хоровые вопли паники сверху, тонко донеслись через шум разрушаемых гор. Фрейя бросилась на каменный пол, и я в отчаянии наклонился над ней.

— Это — хорошо! — шокировано произнес Тор. — Асгард и Мидгард умрут с озирами! — Когда он осел на полу, он поднял свое умирающее лицо ко мне. — Спасайте Фрейю, если сможете, ярл Кейт. Если Вы достигнете вашего летательного судна, Вы сможете избежать смерти, которая теперь наклонилась надо всей этой землей.

Его глаза сверкнули последним светом быстро покидающей жизни. На мгновение его голос затих.

— Хвала озирам! Хвала великой расе, которая ушла навсегда!

Затем его бородатое лицо после смерти откинулось на полу.

Я помог Фрейе встать на ноги и потянул ее из той заполненной ошпаривающим паром комнаты. Удары Земли становилась более сильные с каждым моментом. Крушение падающей каменной кладки было зловеще громко.

— Мы не можем оставаться здесь дольше! — закричал я ей. — Но, если мы попадем на мой самолет, мы сможем убежать.

— Позвольте мне умереть здесь, с моим народом, — про-
стонала Фрейя, ее белое лицо агонизировало. Резко вытерев
глаза, и она сжала мою руку. — Нет, ярл Кейт. Даже теперь
я желаю жить для Вас. Но мы сможем убежать?

Я продвигался с нею через шатающиеся, разламываю-
щиеся залы замка Валгаллы. Джотаны сбежали или были
погребены. Сцена вне замка потрясала. Шторм все еще очер-
нял небо. Молнии вспыхивали, гром ревел, но все шумы
были утоплены ужасным крушением Земли от разрушаю-
щих ударов.

Замки вокруг окраин Асгарда разрушались в массы би-
той каменной кладки. Джотаны дико неслись вниз к своим
судам в фиорде.

Я поспешил с Фрейей к Мосту Бирфост. Ужасный рев
снизу нас объявил новый удар, который сбил нас с ног. Из
трещин, раскалывающих твердую скалу Асгарда, помчались
дикие облака пара. Загрохотал длительный рев падения
камней. Фрейя вскрикнула. Я оглянулся назад как раз во-
время, чтобы увидеть большую Валгаллу, разрушающуюся в
пылающем, кувыркающемся крушении.

К этому времени мы достигли головокружительного, за-
мусоренного трупами Моста Бирфост и, спотыкаясь, напра-
вились поперек этого шатающегося промежутка. Радужный
Мост резко закачался под нами, угрожая сбросить в безумно
кипящее море далеко внизу. Некоторые джотаны убегали
перед нами, не обращая на нас никакого внимания в своей
безумной панике.

Мой самолет внезапно вырисовался из бурного сумрака.
Джотаны, в их жестоком рвении войти в Асгард, даже не по-
вредили его. Я затянул Фрейю в кабину. Ракетный мотор за-
урчал жизнью, и самолет помчался по дрожащему полю и
поднялся в воздух. Когда мы поднялись вверх, судно стало
брыкаться, качаясь в потрясающих потоках.

Когда мы поднялись выше и направились на север, я уви-
дел всю степень бедствия, которое поразила скрытую
землю. Мидгард и Асгард, дико шатались, и между ними

колебались фрагменты Моста Радуги, падая в море, окутанное с паром.

Колоссальный взрыв, вызванный наплывом моря в бушующие атомные огни Маспельхейма, вынудил целую землю обрушиться на тот захороненный подземный мир. Перед нашими глазами земля торжественно погрузилась, затем я стал бороться, чтобы удержать самолет наверху.

Имелось только море и завесы пара. Преломление со слепым пятном вокруг целой земли немедленно исчезло. Рифма рунного ключа была исполнена.

Пришел Рагнарёк — сумерки и гибель озер, их разрушитель, уничтожив их удивительную, замечательную цивилизацию ...

ЭПИЛОГ

Из моего большого приключения немного остается что рассказать. Наш обратный полет поперек замороженного океана к шхуне экспедиции был без неудач. Я никогда не забуду изумление доктора Каррула и остальной части членов экспедиции, когда я посадил ракетный самолет возле "Питера Саула". Когда они увидели Фрейю и выпачканные кровью разбитые шлемы и кольчуги, которые мы носили, то стали лихорадочно задавать возбужденные вопросы.

Я рассказал им правду, хотя предполагаю, что они не поверили моей истории. Но об их недоверии, я не заботился. При этом я не заботился относительно того, что случилось после нашего возвращения Нью-Йорк. Экспедиция включила в свое сообщение — заявление, что Кейт Мастерс, физик и пилот, вернулся в безумном состоянии. Они сообщили, что я попал в арктический шторм, и привез с собой девушку, которая была, очевидно, оставшейся в живых с какого-то разрушенного штормом норвежского судна.

Я знаю теперь, что самодовольный скептицизм современных людей не должен быть слегка поколеблен. Далеко на севере, под замороженным океаном, лежат разрушенные

руины скрытой земли, по которой я шагал. Хотя люди однажды смогут проникнуть к погруженной, потерянной земле, где лежат голые сломанные камни, которые однажды были гордыми замками Асгарда, они все равно полностью не поверят.

И при этом я полностью не могу обвинять их. Приходят времена, когда даже мне, все что я испытал, кажется мечтами. Это, конечно, походит на мечту, что я ехал по Мосту Бирфост с Одином и воинами Асгарда. Действительно ли я сидел в высоком зале Валгаллы на банкете со знатью и капитанами озирова? Как я могу убедиться, что я боролся рядом с Тором против Локи и его орд, на этом последнем великом дне?

Но удостоверится, что это не было никакой мечтой, я могу только когда поворачиваюсь и улыбаюсь с благодарностью Фрейе, моей жене. Она одета теперь в современную одежду, но с теми же самыми яркими золотыми волосами, морскими синими глазами и стройной фигурой, как тогда, когда я встретил ее впервые на утесах Мидгарда. Фрейя всегда возле меня, и нет ни одного дня, который разделит нас.

Мы не часто говорим относительно потерянного Асгарда и его народа, хотя всегда они находятся в моем сознании, поскольку я знаю, где они находятся. Но одной ночью каждый год, в канун ночи того Судного Дня, когда мы пировали в Валгалле перед прибытием врага, я разливаю вино в два стакана, и мы выпиваем, произнося тост. И наш тост содержит слова, которые сорвались с умирающих губ Тора.

— Хвала озирам, великой расе, которая ушла навсегда! — произношу я и поднимаю свой стакан.

И поперек стола доносится приятный, заполненный горем голос Фрейи, шепчущий свой ответ.

— Хвала!

И мы выпиваем в память о самом великом народе, которого, когда—либо знала Земля.

ДОЧЬ ТОРА

Глава I

На далеком севере колоссальные течения холодного сияния плыли поперек задумчивого вечернего неба. Они пульсировали красным и зеленым цветом, перемещаясь в венце, достигая высоту зенита. Внизу, под сверхъестественным, дрожащим жаром Северного сияния, раскинулись покрытые снегом горы, похожие на гигантскую белую охрану черных границ фьорда Нарвик.

Нелс Хелверсон наблюдал за этим из зарешеченного окна своей темной тюрьмы.

Его худое, утомленное лицо, измученное и небритое, отражало глубокие линии усталости в перемещающемся сиянии. Его подбитые глаза были унылы и мрачны, его плечи опустились внутри порванной форменной куртки. Он чувствовал горечь отчаяния, которое сопровождало не только его одного в эти первые роковые недели нацистского вторжения в Норвегию.

— К ночи будет сражение и смерть, — пробормотал Хелверсон. — Когда приедут валькирии как пламя огней в небе.

Тяжелый, грохочущий голос его товарища—заключенного донесся из темноты позади него:

— О чем ты говоришь, Нелс?

Фаллон немного говорил на норвежском языке, который его товарищ—заключенный преподавал ему в течение утомительного времени их заключения. Нелс Хелверсон встал на ноги — норвежский солдат гигантского телосложения, под желтыми волосами которого было изможденное массивное лицо, а синие глаза дико горели.

— Валькирии, — повторил Хелверсон, приходя в замешательство от устойчивой вспышки неземного света. — Девушки—воины, посланницы Одина, которые переносят убитых в сражениях в Валгаллу.

Фаллон посмотрел на него немного тревожно.

— Ты, конечно, не веришь тому старому суеверию.

— Они не суеверие, — прогрохотал норвежский солдат. — Старые боги—герои моих людей все еще живут! Они придут к нашему Одину на помощь — одноглазый Тор, бог молний, и все остальные. Они сбросят предательских захватчиков в море.

Глаза Хелверсона сверкали, его изможденное лицо было вне себя от страсти.

Огромный, он возвышался в дрожащем жаре переменных лучей снаружи.

Молодой американский пилот почувствовал углубленную тревогу. Его большой товарищ—заключенный был все более и более странным и капризным в последнее время. Ошеломленный ударами внезапного вторжения, исчерпав возможность бороться, учитывая бедственное поражение, полусумасшедшее сознание Хелверсона повернулось теперь к древним верованиям его расы.

Этого не должно было быть. Вся Норвегия была ошеломлена и ошарашена. Без предупреждения нацисты ударили с моря, и за единственную ночь захватили почти тысячу миль береговой линии от Осло до далекого северного порта Нарвик. Их танки, самолеты и пушки уничтожили обескураженных защитников, и теперь захватчики безжалостно и быстро продвигались через долины, чтобы закончить свое завоевание.

Великобритания одинаково была неподготовлена для смелого нацистского удара, но имела возможность сплотиться, чтобы противостоять этому. Большие патрульные бомбардировщики Королевских Военно—Воздушных сил понеслись к северу, разведать захваченные норвежские порты, чтобы лучше всего преуспеть в установлении противодействия захватническим силам вторжения.

Фаллон, американский пилот, летел на одном из тех бомбардировщиков к захваченному нацистами порту Нарвик,

раскинувшемся далеко к северу от Северного полярного круга.

Он не вернулся назад. Его сбили у фьорда Нарвик, и с тех пор он содержался в камере импровизированной тюрьмы, которую нацисты установили на высотах над городом. И здесь, день за днем, он беспощадно подвергался допросам со стороны молодого гестаповского офицера Виктора Хейзинга, внешне похожего на волка, о британских приготовлениях.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Нелс, — сказал он норвежцу. — Прессинг со стороны Хейзинга тоже почти сделал меня сумасшедшим. Но ты не позволяй ему сделать это с тобой.

Бычья шея Хелверсона натужилась, его фанатичные глаза ярко осветились, когда он бросил взгляд на чары Северного сияния над снегом.

— Скоро наступит время, когда старые боги поднимутся против них, — пробормотал он. — Меч Одина и молнии Тора уничтожат их.

Он указал дрожащей рукой на перемену лучей.

— Приznak этого уже есть в небе! Сонм богов бодрствует, и девы щита придут этой ночью! Кровь и месть — уже рядом!

Фаллон видел безумие в гигантских пылающих глазах скандинава. Древние верования расы пробудили его к жизни. Молодой американец застонал внутри. Эта мономания его друга была почти последней соломинкой.

— Нелс, приди в себя и забудь те мифы, — попросил он. — Северное сияние — это никакое не предзнаменование. Оно ничто, но...

Крах! Бум! Как взрыв внезапного грома донесся по соседству поразительный звук. Он сопровождался большими грозовыми молниями.

— Небеса, это — пушки! — завопил американец. — Артиллерийские орудия! Они внизу, во фьорде!

Он подбежал к окну. Но тюрьма стояла далеко от фьорда. Он мог только видеть жуткий снежный свет снаружи, и частокол колючей проволоки, которая огораживала эту кустарную складскую тюрьму.

Нацистские солдаты бежали туда — темные фигуры напротив снега. Стрельба орудий с запада повышалась в бурном темпе. Завыла предупредительная сирена на нацистском летном поле около тюрьмы.

— Это британские суда, которые ведут артобстрел города! — закричал взволнованно Фаллон. — Двенадцатидюймовые! Должно быть, там линейный корабль в эскадре!

Он и Хелверсон, прижались к зарешеченному окну, увидев, как прожекторы ударили в небеса с соседнего летного поля. Зенитные орудия отчаянно закашляли туда, по самолетам, пикирующим сверху.

Затем донесся звук гигантской хлопающей двери, и большое красное пламя взорвалось на краю аэродрома. Другая британская бомба взорвалась двумя секундами позже намного ближе к тюрьме. Фаллон из своего опыта, как пилота бомбардировщика, знал, куда упадет третья бомба.

— Вниз, Нелс! — завопил он, бросаясь вместе с большим норвежцем на пол.

Когда они распластались на цементе, казалось, целый мир поднялся от взрыва третьей бомбы. Пол поднялся и качался под ними, разрушилась и опала падающая каменная кладка, залязгало железо по камням.

Раненные нацисты завопили, где-то поблизости, когда Фаллон поднялся на ноги.

Внешняя каменная стена их камеры была разломана выше и ниже зарешеченного окна.

Бомба, очевидно, поразила один конец тюрьмы, или около того.

Нацистские самолеты—истребители взревели из соседней области, покачиваясь на краю Северного сияния. Пулеметы затакали там, в небе, едва слышимые из-за грома отдаленного артобстрела.

— Разве я не говорил, что кровь и месть рядом? — прокричал Хелверсон. — Признак в небе был верен!

У поцарапанного Фаллона внезапно возникла надежда, когда он бросил взгляд на прутья окна. Взрыв бомбы сломал часть их, расколол каменную стену и вывернул половину прутьев, освободив их из гнезд.

— Нелс, помоги мне! Если мы сможем выйти отсюда до прихода Хейзинга и его дьяволов, то здорово их удивим...

Фанатичное волнение Хелверсона не помешало ему уяснить немедленную возможность спасения. Гигантский норвежец отставил Фаллона в сторону и показал свою великую силу, сгибая ослабленные прутья. Его сутулая фигура навалила на прутья, которые просели вовнутрь.

Через секунду он и Фаллон были за окном. На мгновение они присели в тени стены, по колено в снегу и дрожащие от ледяного ветра. Они могли видеть теперь, что весь западный конец длинного, низко сидящего каменного здания был разбит.

Затем они бросили взгляд на сражение, продолжающееся внизу во фьорде. Темнота там постоянно рвалась красными вспышками орудий. При этом неуверенном освещении, Фаллон заметил британский линейный корабль и полдюжины эсминцев, поливающие снарядами пришвартованные нацистские эсминцы и батареи, которые отчаянно вели ответный огонь из города.

Британские самолеты теперь нападали, чтобы определить и разбомбить те батареи. Им препятствовал дикий рой «мессершмиттов». Сражение было в самом разгаре в этом странном месте — среди снежных пиков и темного моря, освещенного вспыхивающим Северным сиянием.

Фаллон заметил, что секция частокола была стерта бомбой. Он потянул Хелверсона через снег.

— Мы сможем достигнуть британских судов? — выдохнул норвежец, когда они бежали.

— Никакого шанса на это, — выдохнул Фаллон.

— Это только набег, не высадка, у них нет никаких транспортов. Но вот то летное поле, которое рядом... Если мы сможем достать нацистский самолет...

Двойной выстрел из винтовки позади них и хриплый немецкий голос известили о тревоге. Тюремные охранники, оправившись от деморализации, вызванной взрывом бомбы, заметили двух беглецов.

Фаллон и Хелверсон спрятались позади снежного пригорка. Когда они пригнулись за высоким наносом снега, американец услышал ясный голос Виктора Хейзинга, ревущего приказы.

Судя по звуку голосов, нацистские охранники направились к фьорду, предполагая, что сбежавшие пленники пробуют достигнуть британских судов, все еще обстреливающих город. Фаллон прошептал благодарственную молитву, после чего он и норвежец сделали рывок к летному полю.

Когда они достигли края поля, он увидел, что там стоят три или четыре нацистских самолета, оставленных на снежной области. Их постигла удача, поскольку один из тех самолетов оказался возле них. Это был «мессершмитт», пилот которого торопливо стучал чем-то в кабине и проклинал всех. Двигатель не работал.

— Я возьму его, — проговорил Хелверсон, когда они ползли поперек поля, держа путь к самому близкому к ним самолету, подальше от нацистов.

Большие руки норвежца схватили и зажали шею нацистского пилота прежде, чем он осознал, что они позади него. В зловещей тишине Хелверсон вытянул корчащегося человека из самолета. Треснул ломающийся звук. Задушенный нацист прекратил сопротивляться и Хелверсон опустил его.

— Теперь один из детей Хэля не будет больше взрывать наших деревень! — пророкотал гигант.

Фаллон взобрался в кабину.

— Быстрее, Нелс, садись сюда! Если мы...

Громкий выстрел пистолета прервал его слова, и Хелверсон застыл, пораженный.

Внезапно кровь стала хлестать из его плеча. Американец повернулся и увидел единственного человека, мчащегося с направления, откуда они прибыли. Его пистолет поднялся для второго выстрела. В жутких лучах, которые красили небо и снег, невозможно было спутать: стройная фигура, одетая в черную форму, с белокурым красивым волчьим лицом.

Виктор Хейзинг не совершил ту же самую ошибку, что нацистские охранники тюрьмы, которые приняли как очевидное, что беглецы попытаются достигнуть фьорда.

Офицер гестапо пробирался к ним через снег. Правая рука Хелверсона бесполезно повисла. С ужасным неудобством Фаллон втащил качающегося норвежца в кабину, втиснув в узкое место.

Вторая пуля из пистолета Хейзинга отрикошетила от тонкой брони возле места пилота, когда Фаллон запустил неработающий двигатель. «Мессершмитт» заревел, проехал по полю и взлетел настолько тяжело, что смог подняться лишь на очищенном пригорке за полем. Почти немедленно, Фаллон оказался над глубоким фьордом.

Там внизу сражение приближалось к концу. Британские военные корабли отправлялись в море, их орудия все еще грохотали. Два нацистских эсминца и полудюжина транспортов были уничтожены и догорали, пылая.

Фаллон сделал круг и направился на север, к Северному сиянию. Борясь за высоту, он обогнул соседние снежные пики и лег на курс, немного восточнее севера.

— Мы не можем достигнуть Шотландии на этом истребителе, в нем меньше половины достаточного количества топлива, — подергал он по плечу Хелверсона. — И даже если союзники вторглись на юге, мы тоже не сможем достигнуть тех портов. Мы попробуем добраться до рыбацких деревень на далеком северном побережье, которые все еще находятся в норвежских руках.

Хелверсон, убрал руку с раненого плеча и кивнул большой головой. Его синие глаза все еще излучали фанатичный яркий свет.

— Мы летим к северной земле Одина. Это хорошо!

Фаллон встревожено поглядел на полусумасшедшего товарища. И он напрягся, когда бросил взгляд на черную точку далеко позади них в небе Авроры.

— За нами нацистский истребитель! — закричал он. — Это дьявол Хейзинг!

У того не было времени отдать распоряжение другим пилотам, чтобы те последовали за ними. Тогда он лично должен быть в том самолете!

Фаллон знал, что молодой офицер гестапо был техничным пилотом. Вопросы Хейзинга в течение того длинного мучительного расследования показали ему это. И он знал, что Хейзинг думает, что Фаллон обладает ценной информацией и при любом для себя риске предотвратит их спасение.

Неустанная прямота в преследовании нациста разбудила новый гнев в Фаллоне.

Воспоминание о тех днях, когда Хейзинг измывался и запугивал его в течение многих часов подряд, заставило Фаллона испытать желание вернуться и встретить своего преследователя в бою.

Фаллон знал, что его возможности в этой битве были бы минимальны, поскольку перегруженный самолет не мог бы маневрировать, чтобы соответствовать истребителю Хейзинга. И его обязанностью было — спастись в далекой Арктике, в прибрежных деревнях за северной дикой местностью, за которой он мог достигнуть Англии с информацией относительно обороноспособности Нарвика, которая была бы жизненно важной для союзнической коалиции.

Он дал газу до предела. Но самолет сзади подползал все ближе. В ревящем темпе миль преследуемый и преследователь мчались над обширной, почти необитаемой дикой местностью — северной Норвегией.

Фаллон видел, как возвышаются зубчатые белые горы, раскинулись мрачные затененные долины, а большие ледники ползли как блестящие змеи к отдаленному морю. Нигде не было ни света, ни дома, ни деревни.

Не присутствовали даже дикие саамы — северные олени, которые обычно паслись на этих бесплодных, безжизненных равнинах далекой, ледяной земли.

И по покрытым снегом пикам и ледникам мерцал громадный блеск Северного сияния. Целое небо впереди казалось палисадом люминесцентного блеска, из которого лучи несли свой свет поперек морозных небес.

Он никогда не видел такой Авроры. Хелверсон сделал архаичный жест почтения к тому сверкающему небу, его глаза светились восторженным огнем.

— Старые боги пробудились этой ночью! И мы идем к ним!

Фаллон на сей раз не смог найти слов для недоверия. Он чувствовал себя загипнотизированным Авророй. Ее жестокие лучи все еще вырастали интенсивно. Это было, как если бы они летели на солнце.

Покалывающие силы казались волнующими, проходя через его опустошенное тело.

Он чувствовал себя так или иначе на краю огромных открытий, которые заставили его забыть о неустанном преследователе позади. Как фанатичный скандинав, он также чувствовал странное, дикое рвение сверхчеловеческих ожиданий, когда они летели.

Глава 2 ВАЛЬКИРИИ

Зверское прерывание вытеснило все странные чувства из сознания Фаллона.

Пулеметы застрекотали позади него, и поток трассирующих пуль прошли левое крыло его самолета. Мгновенное понимание, что Хейзинг настиг их, отразилось в мозге американского пилота.

Ни секунды не размышляя, он резко вывернул руль, чтобы направить самолет резко вокруг. Он поймал только проблеск самолета Хейзинга, пролетевшего вокруг него с неустанной стремительностью.

«Нацистский дьявол! — подумал он яростно. — Он бы последовал за нами даже к черту, чем увидеть, что мы сбегает».

Хелверсон заревел с совершенной яростью. Но сознание Фаллона стало ледяным и ясным, когда он напряженно маневрировал в своем положении. Он знал, что это сражение приведет к смерти. Его перегруженный самолет не сможет скрыться от Хейзинга. Один или другой из них должен будет упасть.

Легкое судно нациста имело превосходящую маневренность. Но Фаллон надеялся, что офицер гестапо окажется слабым, как боевой пилот.

Как два кружащихся ястреба, они летели в сверхъестественном блеске той невероятной Авроры. Внизу под ними разлеглась дикая местность снежных диапазонов и ползающих ледников, отражающихся в лучах сияния. Они, должно быть, отделились далеко на север, думал быстро Фаллон, далеко к диким, непосещаемым горам Финмарк, возле побережья Северного Ледовитого океана. И если бы он смог бы оказаться над Хейзингом, они могли бы...

Нет времени, чтобы думать о будущем теперь!

И не будет никакого будущего, если он позволит Хейзингу зайти в хвост. Нацист теперь почти преуспел в этом, что упорно делал. Фаллон пустил свое тяжелое судно в изумительный штопор, затем взял круто вверх, пока его самолет почти не стал вертикально, и затем закрепился петлей назад и вниз, пройдя непосредственно сотню ярдов, очутившись позади сбитого с толку нациста.

За долю секунды он заполучил самолет Хейзинга во всех его деталях — кусок темноты напротив огромной Авроры. Его палец немилосердно нажал на гашетку. Но никакого

ответного рева не донеслось от пулеметов его судна. Пулеметы его «мессершмитта» были молчаливы и мертвы.

Потрясенный Фаллон внезапно вспомнил, что нацистский пилот этого самолета стучал и ругался в кабине, когда они схватили его. Теперь он понял, почему этот пилот не участвовал в битве за фьорды. Но осознание этого пришло слишком поздно.

— Оружие не работает, Нелс! — закричал он Хелверсону. — Мы не можем бороться, и я думаю, что не сможем уйти.

Хейзинг уже обнаружил их присутствие позади него, и отвалил в сторону. Но затем нацист прилетел, мчась с тыла, стреляя из всего оружия.

— Он не сможет убить нас, — известил громкий голос Хелверсона с фанатичной верой. — Старые боги будут бороться вместе с нами сегодня вечером.

Фаллон не верил этому, и его сердце похолодело от предчувствия гибели, когда он бросал самолет из стороны в сторону на всем протяжении неба, чтобы улететь от нациста. Ощущая их беспомощность, Хейзинг стал опрометчиво, при любой возможности стрелять по ним с каждой возможной дистанции.

Они спикировали снова вниз, к диким, снежным пикам и долинам, в безумном танце великолепных лучей, в небесах, окрашенных Авророй. Фаллон знал, что только вопрос времени, сколько они останутся в живых. Но время закончилось еще скорее, чем он ожидал.

Порыв повышающегося ветра стал опрокидывать самолет, круто изменяя его положение. Когда он отчаянно боролся, чтобы избежать падения, Хейзинг напал сверху. Пулеметы нациста застрочили, прострелив насквозь двигатель Фаллона. Его поврежденный двигатель закашлял и сдох. Приборы показали, что, по крайней мере, два бензопровода повреждены.

— Он попал в нас! — заорал теперь громко Фаллон, когда двигатель умер. — Держись, Хелверсон, мы летим вниз.

Он знал, что приземлиться вниз на мертвом движке — один шанс из ста. Но это был единственный, оставленный им шанс.

Усиливающиеся ветра свистели вдоль его крыльев и проталкивались в поврежденное судно, когда он мчался вниз через дергающийся утренний яркий свет.

Хейзинг снизился к ним и выпустил очередь, которая попала в фюзеляж. Фаллон осознал горечь того, что неспособен забрать нациста с собой.

Он устремился к длинному, снежному ущелью, окруженному стеной ледяных пиков горных хребтов. Нос самолета теперь сильно наклонился, что Фаллон напряженно вытягивал шею, чтобы оценивать расстояния в нереальном освещении. Теперь ветер перешел на свистящий вопль, и ущелье приближалось к ним с ужасной скоростью.

Фаллон почувствовал, как колеса зарылись в снег, и замерзший фюзеляж скрылся под ним. Самолет, несясь со скоростью поезда—экспресса, безумно подпрыгнул с земли ущелья. Когда он снова хлопнулся в более глубокий снег, то прокатился по нему, ударившись носовой частью в препятствие, оглушив его.

Он не знал точно, как долго был без сознания, когда пришел в себя. Очумело он осмотрелся вокруг, и обнаружил, что Хелверсон все еще лежит без сознания. Он стал слабо корчиться, пока не открыл дверь из зажатой кабины. Тогда он спустился с находящимся без сознания норвежцем в снег.

Морозные ветра поразили его лицо, налетая в ущелье с запада, с увеличивающимся усилием. На севере и юге возвышались крутые, ледяные утесы. Небо в высоте все еще пылало загадочным сверхъестественным блеском Северных Огней.

— Нелс, приди в себя! — хрипло вскричал он, ударяя по лицу бессознательного гиганта.

Только сейчас он заметил, что Хелверсон потерял много крови. Норвежец с усилием открыл синие глаза. Он, казалось, не видел Фаллона, глядя выше него.

— Послушай! Они прибывают! — воскликнул он хрипло. — Я слышу их над ветром, они едут к нам. — Его глаза вспыхнули с величием. — Валькирии прибывают! Мы мертвы и посланницы Одина едут, чтобы родить нас в Валгалле!

Фаллон поразился, как можно услышать гром стремительного движения, цокот копыт и понукающие серебряно—ясные крики над визгом ветра в столь дикой и жуткой среде.

Снег внезапно поднялся в ярде от американца, и прозвонел выстрел через шум бури. Он обернулся и посмотрел скептически.

Виктор Хейзинг прошел в ущелье к ним. Его черная фигура ясно отсвечивалась напротив освещенного Авророй снега. Нацист выстрелил из пистолета снова, и пуля просвистела мимо Фаллона.

Фаллон, возможно, восхитился бы нацистом в другое время за неустанную преданность своим обязанностям. Было ясно, что Хейзинг наблюдал за ними из самолета, и видел, что они, возможно, избежали гибели. Поэтому он самостоятельно сел внизу ущелья и пришел пешком, чтобы прикончить их, в то время как они лежат без сознания.

Слепой гнев взорвался в мозгу Фаллона. Он бросился в сумасшедшем приступе к немцу. Оружие Хейзинга выпало дважды и жгучее пламя задело американца. Он оказался у нациста раньше, чем тот смог выстрелить снова. Фаллон бросился с одними руками на немца, его кулаки слабо обрушились на лицо Хейзинга.

— Ты хилый дурак! — зарычал высокомерно нацист, защищаясь от бессильных ударов.

Ужасно красивое молодое лицо блондина Хейзинга ничего не выражало.

Атлетически сложенный офицер обладал жесткой силой волка, и Фаллон знал это, поэтому атаковал быстро.

Это знание и яростное чувство ненависти сотрясало его тело для заключительного усилия. Он жестоко ударил обеими руками в подбородок Хейзинга.

Когда нацист изо всех сил пытался сохранить равновесие, Фаллон отчаянно схватился за его пистолет. И заполучил его. Но, прежде чем он мог воспользоваться им, Хейзинг схватил его сзади с криком ярости. Его кепка отлетела и растрепанные светлые волосы, а также искаженное, красивое лицо отсвечивались в спектральном блеске. Руки Фаллона оказались свободными, и он ударил неуклюже рукояткой оружия. Пистолет попал по голове нациста, и тот упал в снег.

Фаллон вернулся к норвежцу, и когда он сделал так, то упал вперед на руки и колени. Он знал, что сознание покидает его, но пополз, вслепую перемещаясь через снег.

Но почему, над воплем и свистом ветров он все еще слышал гром приближающегося цокота копыт и орущего крика охотящегося животного? Почему неземная вспышка Авроры, кажется, блещет по всему ущелью?

Хелверсон оказался на коленях в снегу, его массивное лицо дико пылало, когда он указал на край ущелья.

— Девы—валькирии! — зашелся он в хриплом крике против ветра. — Они прибывают!

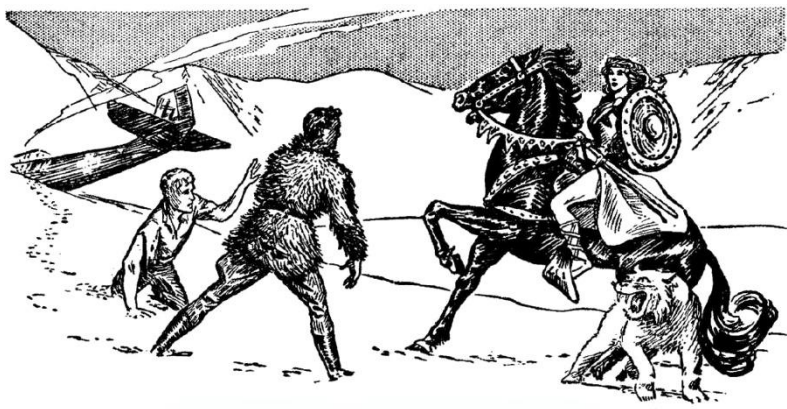
Фаллон попробовал повернуться, чтобы посмотреть позади себя, но, казалось, что теперь все повернулось вокруг него. Его мозг отказался воспринимать то, что видели глаза.

Отряд наездников дико загрохотал по ущелью в стремительном движении. Это были валькирии, девы—воины из древних легенд, вооруженные и в нагрудниках, с бледными золотыми волосами, развевающимися из—под крылатых шлемов. Их серебряный крик перекрывал беснующийся ветер.

— Эй хо! Эй хо!

Посыльные Одина, те, которые забирают убитых, ехали быстро к нему среди ночи, ветра и пылающего Северного сияния!

Фаллон понимал, что это бред, когда те невероятные всадники помчались на него. Во главе, на черном жеребце, скакала девушка, которая не носила шлема, и чьи золотые

волосы колыхались позади на ветру, как пламя. И у ее колена, как охотничья собака, мчалась огромная белая рысь.

Этот лидер валькирий заметила небольшую группу — нациста без чувств, бредящего норвежца, пьяно шатающегося американца. Ее голос отдал командное распоряжение, когда она потянула узду возле Фаллона.

Сознание Фаллона уловило невероятно красивое белое лицо, смотрящее вниз через темные туманы. Это было лицо, бесстрашное и динамичное, чьей самой замечательной особенностью были бурлящие синие глаза, в которых, казалось, вспыхивали молнии.

Ее красные губы произнесли звонкий приказ. Белая рысь остановилась возле Фаллона и зарычала. Дева—валькирия подъехала к бессознательному Хейзингу, низко наклонилась и подтянула его, положив поперек седла. Следующим валькирия взяла подобным способом норвежца. Затем Фаллон почувствовал, как с невероятной силой девушка взяла его за плечо и перебросила на третий крюк своей лошади.

Дева—лидер без шлема прокричала следующую команду и поскакала вперед. И целый отряд загалопировал по снежному ущелью, с вихрями позади и серебряным криком под Северным сиянием.

— Эй хо!

Фаллон понял, что все это должно быть бред перед смертью, и все же он осознавал, как трясется на галопирующем коне. Он мог смутно слышать голос Хелверсона, бредящего около него.

— Я говорил Вам, что старые боги ожили! Мы мертвы, и они несут нас к Валгалле!

Затуманенное сознание Фаллона задалось вопросом, а что, если скандинав может быть прав. Это ведь могло оказаться в действительности — их тела мертвы.

Он открыл глаза в последний раз. Они скакали через ущелье к узкому, снежному проходу. За его гребнем лежала большая долина, которой придавали чашевидную форму, возвышающиеся ледяные пики.

Но он не мог видеть внизу эту долину. Было ли это его замутненное видение или в действительности волшебство, которое заставляло целую долину казаться невидимым мертвым местом?

И все же девушка—лидер бесстрашно ехала вперед, сопровождаемая другими валькириями. Фаллон внезапно почувствовал острый, мучительный удар, как если бы он упал с большой высоты. Теперь он оказался в долине мертвого места.

И теперь, он мог видеть ее интерьер. Она протягивалась на мили вдаль, перетекая в тусклую перспективу леса, а тот, в свою очередь, в каменные замки, на отдаленном утесе, напротив которого сморщилась масса самой большой каменной цитадели.

Больше этого сознание выдержать не могло. Когда он проваливался в темноту, его последний проблеск сознания услышал безумный, ликующий крик Хелверсона.

— Валгалла! Валгалла!

Глава 3 ДОЧЬ БОГОВ

Фаллон проснулся от тяжелого сна с чувством экстраординарной легкости и благосостояния. Он изумленно

заозирался. Фаллон лежал на кровати, сделанной из массивной деревянной структуры, чьи четыре угла были вырезаны в виде волчьих голов. Она занимала часть темноватой каменной комнаты, которая не имела никакой другой мебели, кроме нескольких скроенных стульев.

В комнате было два окна — высокие и узкие, подобно разрезу. Они были полностью открыты и без утепления, пропуская воздух, и, таким образом, в помещении было резко холодно, что привело Фаллона в дрожь.

У одного из окон возвышалась массивная фигура Хелверсона, пристально вглядывающегося в далекий серый дневной свет.

— Нелс! — воскликнул американец, сев. — Я думал, что ты почти мертв. Те две раны...

Хелверсон повернулся. Его синие глаза мерцали с любопытным величием, когда он приблизился.

— Да ведь я мертв, — сказал норвежец просто. — Ты тоже. Фаллон почувствовал порыв нетерпения.

— О чем ты говоришь? Ты такой же живой, как и я.

— Мы мертвы, — повторил Хелверсон с устойчивым осуждением. — Мы умерли в этом снежном ущелье, и валькирии прибыли, чтобы отнести нас сюда, в Валгаллу.

Фаллон внезапно вспомнил крушение их самолета, борьбу с Хейзингом, невероятный отряд диких дев-валькирий, которые галопировали в ущелье и несли всех их троих в скрытую странную долину, которая не могла быть замечена снаружи.

Но ведь это все было бредом? И все же, если так, то, где они оказались теперь, и как они появились здесь? Фаллон торопливо поспешил к одному из узких окон.

Удивление и страх обуяли его, когда он посмотрел вдаль. Его окно оказалось высоко в массивном, квадратном, каменном замке, который огибал вырисовывающийся утес во главе долины. Он мог видеть прямо внизу строения и маленькие каменные здания. Там двигались люди. Они носили

нагрудники, рогатые шлемы и короткие меховые безрукавки. И еще они носили мечи, щиты и топоры!

Ошеломленные глаза Фаллона поднялись, чтобы оценить расстояние. Серый дневной свет имел любопытное бледное, облачное качество, но сквозь него он мог видеть, как далеко простирается долина. Темные леса косматых сосен и елей, склонялись над пропастями.

Он бросил взгляд на маленькие каменные замки в далеких милях. Теперь он не сомневался, почему долина не видна снаружи — все дело в окружающем бледном свете, полностью укутывающем долину.

— Я не понимаю этого, — произнес Фаллон. — В этой дикой местности северной Норвегии не может быть никакой жизни! Что это за место?

— Это Валгалла, дом старых богов, — сказал Хелверсон с абсолютной уверенностью. — Рай, куда переносят всех, кто умирает в сражении. Если не валькирии, то кто принес нас сюда? — продолжил норвежец. — Их лидером был не Тор, а непосредственно его дочь — богиня—воин Бринхилд. Она — волшебная хозяйка молний, ветра и шторма, как и ее отец.

— Дочь Тора? — теперь Фаллон вспомнил красивую девушку, которая ехала без шлема во главе тех диких дев—воинов, с большой рысью у колена.

— Да, дочь Тора, бога молний, — подтвердил Хелверсон. — Она всегда ведет посыльных Одина.

Американец взорвался.

— Тор, Один и другие старые норвежские боги — только мифы! Ты, должно быть, сошел с ума от ран. Позволь мне посмотреть на них.

Он открыл запачканную кровью куртку Хелверсона. Холодное изумление потрясло его. Он обнаружил, что два пулевых ранения норвежца исчезли. Остались только два мертвенно бледных шрама, отметивших их место.

Фаллон ошеломленно поднял руку к своей собственной голове. Видимая борозда, которую оставила пуля Хейзинга исчезла. Он почувствовал только вылеченный шрам.

— Это безумие, — прошептал он. — Наши раны исчезли. Это волшебство!

— Да, волшебство сонма богов, старых богов, — искренне прогрохотал Хелверсон.

— Теперь, когда мы мертвы и в Валгалле, никакие раны не могут повредить нам.

Сознание Фаллона из двадцатого века пошатнулось от воздействия необъяснимой тайны. Его скептицизм дрогнул. Что, если они действительно умерли в том ущелье?

Он знал легенды о старых норвежских богах. Легенды об их невероятном доме в Асгарде, замке Валгалле, к которому переносились все воины, которые погибли в сражениях, и кто там жил в бессмертии. Тысячи лет в эти легенды твердо верили жестокие викинги севера. Что, если те истории не были легендой, а правдой?

— Я не верю этому! — вскричал Фаллон, пытаясь найти поддержку. — Сейчас 1940 год и не тьма веков. И я не мертв — я жив. Если бы я не жил, то чувствовал бы себя холодным?

Он действительно дрожал от острого холодного воздуха из открытого окна.

Осматриваясь, он заметил меховые куртки, висящие на вешалке в углу каменной комнаты. Он надел одну из коротких, подобно безрукавке, предметов одежды. При этом Фаллон обнаружил внутри собственной униформы тяжелый пистолет, который он вырвал у Хейзинга в борьбе. Его магазин был все еще наполовину полон, и это придало ему новое чувство уверенности.

— Слушай, я хочу, чтобы ты возобладал над этим сумасшедшим понятием, что здесь Валгалла, и спустился на землю, — сказал он быстро Хелверсону. — Мы сейчас выйдем и узнаем, где находимся, как добрались сюда, и какой самый короткий маршрут к северным деревням побережья.

Норвежец покачал желтой головой.

— Мы не сможем уехать отсюда. Те, кого девы—валькирии переносят в Асгард, никогда не возвращаются к людям.

— А мы вернемся к людям, — пообещал мрачно Фаллон. — Информация, которую я имею о нацистской обороноспособности Нарвика, будет жизненно важна, если я смогу вернуться в Англию. И я собираюсь осуществить это.

Он сунул руки в меховые карманы и двинулся к тяжелой дощатой двери комнаты.

Она внезапно открылась прежде, чем он достиг ее, и двое мужчин шагнули внутрь.

Они были фигурами из исторического романа, викингами, большими мужчинами с желтыми волосами, растекающимися по их плечам, чьи бледные глаза были холодными, как северный лед. Каждый был вооружен тяжелым мечом и круглым щитом. Каждый носил рогатый шлем, меховую куртку и штаны из мягкой кожи.

Один из этих двух викингов, человек среднего возраста с твердым, обветренным лицом, заговорил коротко с Фаллоном и Хелверсоном. Он говорил на архаичной форме норвежского языка, странной, но понятной.

— Принцесса Бринхилд требует вашего присутствия, незнакомцы, — пробасил он. — Мы проведем вас.

— Бринхилд! Дочь Тора! — повторил Хелверсон. Он взволнованно повернулся к американцу. — Разве я не говорил тебе об этом?

Фаллон изумленно поглядел на двух викингов.

— Вы двое не люди из Внешнего мира!

Старший воин пожал плечами.

— Мы посещали однажды Внешний мир. Я — Тир, капитан сонма богов, а это — Хеймдалл.

Хелверсон закашлялся, его глаза расширились с внушенным страхом.

— Тир, бог войны? И Хеймдалл, наблюдатель богов?

Фаллон посмотрел недоверчиво с одного воина на другого, с твердолицего человека, который назвал себя Тиром, к тревожному мужчине средних лет, Хеймдаллу.

Молодой американец почувствовал себя пойманным в какой-то кошмар отрицания фактов. Эти мужчины были

столь же реальными, как непосредственно он сам. И все же они утверждали, что относятся к сонму богов, являются древними норвежскими богами, которые были легендой тысячи лет.

Фаллон боролся против раздирающего его скептицизма.

— Тогда это Валгалла?

Тир уставился на него.

— Вы находитесь в замке Валгалла, цитадели сонма богов и цитадели Асгарда.

Он и Хеймдалл последовали впереди за дверь, а американский пилот с Хелверсоном поспешили за ними.

Они продвигались по темному каменному коридору, затем вниз по массивной лестнице.

Фаллон бросил взгляд на мужчин и женщин в комнатах и проходах замка. Все они были светловолосой расой, как и его эскорт. Воины носили броню, несли меч или топор. Некоторые из гибких молодых девушек были в блестящих туниках. Другие носили белое платье.

Его и Хелверсона провели к длинному каменному залу гигантских размеров. Его единственные обитатели были группой высоких вождей сонма богов, которые собрались около поднимающегося каменного возвышения на более далеком конце.

Когда они приблизились к той группе, то Фаллон напрягся, с повторно пробудившейся ненавистью. Там стоял Виктор Хейзинг. Красивый, белокурый молодой нацистский офицер, смотрелся странно в его черной униформе, наблюдая подход Фаллона суженными глазами.

— Какой дьявол принес его сюда, — пробормотал с ненавистью Фаллон. — Я ведь не сплю? Так или иначе, но он реален.

— Дочь Тора! — произнес Хелверсон. — Я говорил тебе, что это была она!

Фаллон нетерпеливо последовал за норвежцем, почтительно смотря глазами на девушку, которая сидела на возвышении, на черном мраморном кресле.

Он затрепетал, как от удара материальной силы. Вся мысль о его ненавистнике была отмечена шумом эмоций. Его первая мысль была такой, что эта девушка, которая смотрела вниз на него, является богиней.

Теперь она не носила яркую тунику, которая на ней была как на лидере диких валькирий. Почти единственным предметом ее одежды был короткий черный киртль, украшенный драгоценными камнями пояс и высокие сандалии из мягкой кожи. Ее единственным верхним предметом одежды были длинные волосы, которые опадали как поток золотого пламени вокруг ее высокой, белой груди. Станный, сверкающий свет, казалось, исходил от ее тела.

Это была неземная, динамическая красота лица, которая уставилась на Фаллона.

Королевская красота точеных особенностей тела, сладкие красные губы противопоставлялись структуре глаз, синий пристальный взгляд которых встретил его как удар меча. Ясная лазурь в той глубине глаз, в которых постоянно вспыхивали и играли крошечные молнии, держали его за гипнотизированным.

Низкий рык отвлек его от созерцания. Около мраморной плиты кресла дочери Тора сидела белая рысь. Животное было нетрадиционно огромно для его вида. И оно показывало клыки и когти, когда ее зеленый взгляд блуждал по американцу.

Голос Бринхилд отдал нетерпеливую, серебряную команду животному.

— Тихо!

Рысь покорно улеглась позади ее на живот, но продолжала впиваться взглядом в Фаллона.

Глаза Бринхилд осмотрели высокую, худощавую фигуру Фаллона, его темные волосы, остановились на нетерпеливом, массивном лице Хелверсона, и затем вновь вернулись к американцу.

— Вы темный, и не похожи на одного из нашей северной расы, — обратилась она к Фаллону с размышляющим интересом. — Как Ваше имя?

— Фаллон, — ответил он ей.

Бринхилд повторила имя, ее сладко—красная форма губ выговаривала его странно.

Внезапно она спросила:

— Почему Вы и этот другой чужеземец, боролись в ущелье?

Фаллон испепелил взглядом Хейзинга.

— Он наш враг. Наши народы находятся в состоянии войны.

Результат его утверждения поразил его. Вспышка осветила синие глаза Бринхилд.

И от высоких вождей сонма богов донесся хор нетерпеливых и взволнованных восклицаний.

— Война? — вскричал жестокоглазый Тир. — Война снова в Нортленде? Вы принесли хорошие новости, чужеземец!

Ропот ликующего согласия прибыл от других вождей сонма богов. Факт войны во Внешнем мире, казалось, порадовал их, как зов трубы.

— Очень долго внешние народы дремали в мягком, жирном мире, — объявила Бринхилд. — Расскажите мне об этом войне, незнакомец.

Фаллон обвиняюще указал на Виктора Хейзинга.

— Его люди, немцы, начали войну. Они вторглись в Нортленд и его люди подверглись нападению без причины. А мои собственные отдаленные страны стремятся помочь сопротивляющимся норвежским защитникам.

Хейзинг шагнул вперед, говоря торопливо для слушающей дочери Тора.

— Это не так, принцесса! — начал отрицать нацист. — Мои люди пришли на север, к своим кузенам по крови — норвежцам. Мы вошли в Нортленд только чтобы защитить наших норвежских друзей от вырождающихся чужеземцев, которые используют их как инструменты в своих собственных целях.

Хелверсон издал рев гнева.

— Немецкая ложь! Мы, норвежцы, не желали никакой их «защиты»!

Фаллон заговорил искренне с девушкой, блестящие синие глаза которой перемещались по их лицам в течение этого горячего спора.

— Действительно ли возможно оставить эту долину? — спросил Фаллон. — У меня есть информация, которая поможет моим людям вышвырнуть захватчиков из Нортленда, если я смогу передать ее им.

Он напряженно ждал ответа. И, несмотря на все, полагал, что он и Хелверсон уже действительно мертвы. Если бы они не умерли, то это усилило бы тайну этих неземных древних легенд о богах. Но это также означало, что он обязан сбежать из этого странного места, и предоставить свою информацию командованию.

Бринхилд заговорила решительно.

— Вы не можете оставить долину Асгард, чужеземец. По крайней мере, только когда мы изучим всю правду об этой войне, о которой Вы говорите.

Она размышляла, ее подбородок поглаживала белая рука.

— Мы, сонм богов, устали от мира. Теперь, когда война снова пришла в Нортленд, мы еще раз познаем радость сражения!

Электрическая вспышка снова появилась в ее глазах, мимолетная, дикая, жестокая, как неприрученный дух.

Фаллон шагнул.

— Но я должен выбраться отсюда и вернуться к моим собственным людям!

Синий пристальный взгляд Бринхилд резко потемнел. Ее серебряный голос зазвенел.

— Никто здесь в Асгарде не скажет дочери Тора «должен», чужеземец!

Хелверсон ущипнул за рукав Фаллона и прошептал отчаянно:

— Не возмущайте богиню!

Бринхилд надменно продолжила:

— Теперь я не часто езжу далеко за внешний снег с моими валькириями—слугами.

Это наша традиция, когда мы делаем так, чтобы вернуть раненных мужчин.

Случалось, находили и давали им жизнь здесь. Но ни один из них не оставлял эту долину после этого!

Виктор Хейзинг наградил Фаллона ядовитой улыбкой, когда понял, что молодой американец не сможет выбраться далеко с его информацией. Триумф этой улыбки привел Фаллона в бешенство. Он занервничал. Так или иначе, но он должен выбраться из этой таинственной долины древних богов. Судьба союзнического нападения на Нарвик зависела от этого.

Его рука скользнула в меховую куртку и схватила рукоятку пистолета. Он внезапно выхватил оружие и прицелился из него в Бринхилд. Его худое лицо стало темным и напряженным.

— Это чужеземное оружие, — сказал он ей твердо. — Оно может убить Вас немедленно. Вы позволите мне оставить это место.

Рев гнева раздался от вождей сонма богов, их мечи с лязгом выскользнули из ножен. Белая рысь присела и зарычала, готовясь к прыжку на американца.

Хелверсон, потрясенный его действием, казался ошеломленным суеверным ужасом.

— Всем стоять! — закричал Фаллон. — Ваша принцесса умрет прежде, чем вы сможете тронуть меня.

Это был отчаянно дикий блеф.

Но Бринхилд засмеялась! Явное развлечение слегка отдавалось в ее серебряном смехе, когда она смотрела вниз на Фаллона.

— Вы действительно думаете, что сможете убить дочь Тора этой игрушкой? — задала она вопрос. — А ведь Вы, незнакомец, безумны, я полагаю.

И она распрямила руку в быстром, отталкивающем жесте. То, что последовало затем, было почти вне понимания Фаллона.

Казалось, молния прыгнула из ее руки. Вспыхнувший разряд электрического пламени ударил в пистолет и отбросил его.

Фаллон закачался, его рука внезапно оцепенела от удара. Оглушенный, он очутился на полу, совершенно incapable понимать, как девушка владеет такой силой. Он увидел внушенный страх на лице Хелверсона, изумление и внезапное облегчение у Хейзинга.

Но самые четкие в его ошеломленном видении были высокомерные синие глаза Бринхилд. Волшебная хозяйка молний смотрела с прохладным презрением, и неблагоприятный гнев и отчаяние в этот кульми-

национный момент охватили Фаллона.

Не учитывая последствий, он помчался вперед к девушке на возвышении.

Глава 4 ВОЛШЕБНАЯ УГРОЗА

Бринхилд немедленно переместила свои белые руки быстрее, чем мог заметить глаз, в интересном текстильном жесте. Все ее тело, казалось, запылало. Танец молний сверкнул из ее рук, чтобы сформировать ужасный и одновременно великолепный занавес электрического огня перед

ней. Раскаты грома встряхнули большой каменный зал. Фаллон отпрыгнул от того занавеса молнии — и он исчез.

— Мой Бог! — удивленно произнес американец, уставившись на девушку неверящими глазами.

Рев гнева донесся от капитанов сонма богов. Один из них — высокий, угрюмолицый вождь, замахнулся мечом на Фаллона.

— Подожди, Тиалфи! — отдала команду серебряным голосом Бринхилд. — Я не говорила, чтобы этот человек должен быть убит.

Капитан по имени Тиалфи остановился, но сердито произнес:

— И почему он не должен быть убит, когда он посмел угрожать одному из нас, сонма богов?

— Я управляю сонмом богов, кузен Тиалфи, — напомнила она властно. — Ты растешь таким самонадеянным, как и твой отец Локи, как я думаю.

Она мягко засмеялась, переведя взгляд на Фаллона.

— Этот чужестранец имеет храбрость, даже несмотря на то, что он не из северного народа. И все же он не должен умереть.

Фаллон стоял все еще буквально ошеломленным невероятным явлением, которое почти стоило ему жизни. Была ли эта дико красивая девушка человеком? Может ли любой человек вызвать такое пламя искр молний? Может ли любой, как богиня, выпустить такие силы? Богиня, которая может управлять самими элементами природы?

Волшебство из сверхчеловеческих усилий исходило от этой девушки как материальная и ужасная аура.

Испуганный шепот Хелверсона подтвердил кружение его мыслей.

— Она действительно дочь Тора, штормового бога молний.

Бринхилд услышала норвежца, и кивнула на его справедливые слова.

— Да, скандинав. Я — дочь Тора и внука Одина. И хотя Тор и Один теперь ушли, я придерживаюсь их мудрости и их силы.

Виктор Хейзинг вышел вперед. Изумление на красивом лице блондина—нациста теперь изменилось на затаившееся волнение.

— Принцесса, я никогда не сомневался относительно вашей силы, — проговорил быстро немец. — И все же я изумлен всеми этими вещами. Мои собственные люди три тысячи лет почитали имя Одина, Тора и остальных из сонма богов, и мы даже мечтать не могли, что кто—нибудь из вас все еще существует. Вы действительно древние боги?

Бринхилд размышляла.

— Мы боги? Вы из Внешнего мира всегда мыслили так. Я помню, как ваш мир приветствовал меня и моих слуг—валькирий как богинь, когда мы заехали далеко, тысячу ваших лет назад.

— Тысячу лет назад? — удивился Хейзинг. — Прошу прощения, принцесса, я, конечно же, даже не думаю сомневаться, что вы, сонм богов, бессмертны...

— Я не сказала, что мы бессмертны, — нетерпеливо ответила Бринхилд. — Тысяча лет из вашего Внешнего мира равняется только десяти нашим годам. Время в этой долине медленнее, в сотню раз медленнее.

Момент этого открытия пробудил сознание Фаллона к жизни. Возможно ли такое, что именно на этом зиждется вся удивительная тайна этой Долины богов?

— Вы не поняли бы, если бы я стала вам объяснять, — продолжила Бринхилд высокомерно. — Ваши познания основываются только на практической науке материи и машин. Вы ничего не знаете про более глубокую мудрость космической власти и сил, которые мы, сонм богов, изучали здесь.

Ее блестящие синие глаза размышляли.

— Я скажу, что это все — признак времени или измерения космоса. И космос, поскольку в настоящее время вы только

начинаете изучать, не является статическим, а кривой, расширяющейся сферой. Напряжение из расширения вызывает ошибки или слабые пятна в тех местах сферы «пространство—время», где время видится в перспективе. Эта долина — такое пятно. Год в нашей долине равняется ста годам снаружи. Это были три тысячи ваших лет назад, когда мои люди, сонм богов, нашел эту волшебную долину. Они были всего лишь одной из норвежских рас того времени, воинственные викинги, которые следовали за их вождем Одином через северные, более дикие места в поисках нового дома. Они натолкнулись на эту долину и обосновались здесь, назвали город Асгард. Три тысячи ваших лет назад это было — и только тридцать наших лет! Здесь, под мудрым лидерством Одина, мои люди построили дома. И здесь Один и его сын Тор глубоко исследовали космические силы, которые занесло в центр этой ошибочной сферы «пространство—время», и получили для себя такие возможности, о которых ваш Внешний мир и не знает.

Лицо Бринхилд покрылось мечтательностью.

— Я родилась в этой долине, в Асгарде, двадцать лет назад по моему времени и две тысячи лет назад, по—вашему. Я была всего лишь маленьким ребенком, когда мой дедушка Один и отец Тор преподали мне первые уроки их мудрости. Мы сонм богов были тогда великими. Слух о наших возможностях и сверхчеловеческой длине жизни распространился во Внешнем мире, и Нортленд стал поклоняться нам, как богам.

Горечь появилась в ее голосе.

— Но гордыня и амбиции среди нас принесла трагедию, когда я была еще ребенком. Кузен моего собственного отца, лукавый и злой Локи, захотел стать правителем сонма богов. Произошло ужасное сражение, когда восстал Локи, в котором погиб не только он, но и встретили смерть Один и мой отец Тор.

Вождь сонма богов по имени Тиалфи сделал сердитый протест Бринхилд:

— Может, ты никогда не забудешь восстание моего отца? Все теперь давно мертво и поросло быльем.

Глаза девушки вспыхнули на мгновение, но затем она расслабилась.

— Да, все теперь — мертвое прошлое, — допустила она. — Все вы знаете, что я никогда не отождествляю злодеяния твоего отца с тобой, Тиалфи. Ты тогда был всего лишь ребенком, как и я.

Ее золотая голова гордо поднялась.

— Но как раз тогда, когда я была ребенком, я успела получить возможности сонма богов, и унаследовала способности Одина и моего отца Тора получить власть над естественными силами природы.

— И Вы управляли нами с мудростью, племянница Бринхилд, — лояльно объявил жестколицый Тир. — Это не ваша ошибка, что такая жизнь стала ручной и утомительной для нас в этой мирной долине.

— Этот простой, и невыразительный мир утомляет меня, — воскликнула почти в отчаянии Бринхилд. — Мы, сонм богов, были созданы для войны, а не для пустого проживания. Наши жизни ржавеют и гниют здесь, вдали, без радости сражения.

Она сделала презрительный жест.

— Но нам без пользы оставить нашу долину для Внешнего мира. До сих пор, ручной и позорный мир правит там, в Нортленде, сотни их лет.

Фаллон слушал в углубляющемся замешательстве и тревоге. Так это скрывалась невероятная действительность за старыми легендами о норвежских богах, их бессмертии и сверхчеловеческих полномочиях в природе?

Это было достаточно логично и его ошеломленное сознание это допускало.

Представить, что эта секретная долина в северной дикой местности была действительно ошибкой или слабым местом в пространственно—временном континууме, из чего в

перспективе следовало, что время здесь могло видеться снаружи как сто дней, хотя было всего лишь одним днем здесь.

Из этого также следовало, что это место могло быть центром огромных естественных сил, чье власть была покорена правителями их сонма богов.

Но это было и тем, что встревожило Фаллона, так как если это было верно, то тогда часы, которые он уже провел в этой долине, составили недели или месяцы во Внешнем мире!

К этому времени, сражение за Нарвик уже давно состоялось. Его план предоставить жизненно—важную информацию командованию был теперь безнадежно устаревшим и бесполезным.

Фаллон услышал, как Виктор Хейзинг заговорил с принцессой сонма богов.

Молодой нацистский офицер казался охваченным волнением.

— Принцесса, не все отдаленные народы являются ручными и мягкими, — начал Хейзинг. — Мои собственные немецкие люди, которые являются вам кровными родственниками, норвежцам, отклоняют мягкие уговоры о мире в пользу строгих идеалов. — Голос нациста зазвенел с металлом фанатизма. — У нас есть лидер, самый великий во Внешнем мире. Он вернул миру войну, хотя трусливые южные и западные нации умоляли о мире. Он создал из нас расу воинов, которые шагают к завоеванию всего мира.

Хейзинг наклонился вперед, его глаза пылали.

— Вы, сонм богов, могли бы присоединиться к нам в этом могущественном сражении, принцесса. К сражению, которое завоюет весь мир, так как непосредственно вы, северная раса, такая же, как и мы. Если вы присоединитесь к нам, то ваши возможности над естественными силами природы склонят мягкие народы мира перед нами!

Фаллон был ошеломлен. Нацист, когда понял, что эта долина является центром космической естественной силы,

решил, так или иначе, использовать в своих целях познания дочери Тора.

С характерным оппортунизмом, Хейзинг стремился завербовать необъяснимую власть этого оружия на сторону легионов Гитлера! Он предложил союз принцессе сонма богов, что означало, без сомнения, использование ее полномочий как инструмента для завоевания стран.

Глаза Бринхилд вспыхнули, когда она слушала.

— Приятно слышать, что один из расы Внешнего мира остался твердым и воинственным!

И вожди сонма богов стали внезапно напряженными, с жестоким волнением.

— Принцесса Бринхилд, я одобряю план этого человека! — воскликнул Тиалфи, дикий свет теперь заиграл на его угрюмом лице. — С тобой и твоими возможностями, ведущими нас и следовавшими ордами его немецкой расы, мы смогли бы захватить весь мир!

— По крайней мере, это означало бы сражение и снова действие, вместо того чтобы гнить далеко в этой долине, — пробормотал высокий капитан сонма богов Хеймдалл.

Потрясенный Фаллон перебил их.

— Вы вообще понимаете, что этот немец предлагает вам? — закричал он, обращаясь к дочери Тора. — Он присоединит вас к лидеру, руки которого красны от крови вырезанных наций. Его раса без повода напала на безобидные народы.

Бринхилд посмотрела вниз на американца с выражением презрения.

— Я думала, что ты воин, чужеземец. Ты так говоришь, что как будто бы война ужасна.

— Она действительно ужасна, — объявил Фаллон от глубины чувств, его переполнявших. — Война должна закончиться навсегда, когда мои люди победят немецкую расу.

Дочь Тора и вожди сонма богов уставились на него с холодом и резким презрением, как если бы он сказал, что—то позорное.

— Норны, немец говорил правду, когда сказал, что другие отдаленные расы выродились! — воскликнул презрительно Тиалфи. — Этот «товарищ» пригоден только быть рабом.

— Мои люди не придерживаются таких трусливых верований, — вставил Хейзинг гордо. — Мы возвеличиваем войну и воина превыше всего остального. — Он нетерпеливо переспросил у Бринхилд. — Вы присоединитесь к нам, принцесса?

Присоединитесь ли Вы с вашими возможностями к единственной истинной расе воинов Внешнего мира?

— Я скажу! Мы присоединимся к этим немцам, — объявил Тиалфи, и быстрый хор согласия донесся от многих вождей сонма богов.

— Я напоминаю тебе снова, что это я управляю сонмом богов, — попрекнула Бринхилд сына Локи.

Хелверсон, до сих пор просто стоявший возле Фаллона, изумлено слушал взволнованное обсуждение. Теперь, в первый раз, большой норвежец заговорил своим грохочущим голосом, обращаясь к девушке на мраморном кресле.

— Вы ведь не присоединитесь к немцам? — спросил он недоверчиво. — Ведь вы — сонм богов, древние герои—боги нашей норвежской расы. И немцы — наши враги.

Хейзинг торопливо вмешался:

— Мы не враги норвежским людям, — стал отрицать он. — Как я вам сказал, мы стоим только на их защите от трусливых западных наций, которые обманывают их в соответствии со своими эгоистичными целями. — Нацист быстро добавил Бринхилд, — однажды вы, сонм богов, появились бы и присоединились к нам, а все северные народы последовали бы за нами. Поскольку ваши имена имеют древнюю власть в сердцах севера.

Фаллон знал, что нацист был прав в этом своем последнем заявлении. Появление сонма богов, древней легенды, непосредственно во главе с дочерью Тора, склонил бы старые скандинавские верования на сторону немцев.

Прежде чем американец смог изобличить остальную ложь Хейзинга, Бринхилд встала на ноги. Ее синие глаза вдумчиво размышляли, когда она смотрела вниз на них.

— Боги сонма! «Решение относительно этого вопроса не должно быть поспешным, — сказала она им. — Прежде, чем я решу, я соберу совещание всех вождей наших людей». Позовите их сегодня вечером сюда, на совет.

Тиалфи указал на нациста.

— С твоего разрешения, этот человек побудет сегодня со мной. Я желаю услышать больше про его план.

Бринхилд коротко кивнула.

— Но приведи его на совет в Валгаллу сегодня вечером.

В следующий момент ее глаза остановились на темном, отчаянном лице Фаллона.

— Присмотрите за этим человеком и его товарищем, чтобы они не совершили никакой попытки оставить долину, — приказала она. — Я делаю тебя ответственным за них, Тир.

Ее тонкая фигура исчезла через занавешенный дверной проем около возвышения.

Белая рысь тихо направилась в ее сторону.

Хейзинг пошел с Тиалфи, глядя назад, на американца, с тайным триумфом. Фаллон потянул за рукав Хелверсона.

— Я не могу понять, — произнес норвежец, его массивное беспокойное лицо казалось озадаченным. — Они — старые боги моего народа. Естественно, они не должны присоединиться к захватчикам, которые теперь опустошают нашу землю?

— Они не примкнут к нацистам, если я могу помешать этому, — сказал Фаллон. — Нелс, мы должны остановить это, так или иначе! Мой Бог, та девушка может управлять молнией и непосредственно силами природы! Если нацисты овладеют ее возможностями...

Ужасные варианты развивались в его сознании. И все они содержали бедствие для Союзников. Такое бедствие не придет от простого дополнения нескольких тысяч жестоких воинов нацистских легионов. И дело даже не в том, что

появление легендарного сонма богов, как союзников Оси, могло бы суеверно—благотворно повлиять на северные народы, которые последовали бы за Гитлером.

Реальная угроза была в тех огромных и таинственных возможностях Бринхилд. Эта уникальная ошибка в пространственно—временном континууме была центром космических сил, неизвестных Внешнему миру. Управляя долиной сонма богов, можно узнать, как овладеть теми силами. Если Германия узнает об этом, их ученые были бы в состоянии изобрести оружие, которое уничтожило бы армии демократических государств.

— Хейзинг не должен убедить Бринхилд присоединиться к нацистам! — проговорил Фаллон лихорадочно. — Они будут использовать ее и ее воинов как инструменты. И как только узнают тайну ее возможностей, оставят ее в стороне.

Хелверсон застонал:

— Но как мы можем остановить это? Они ведь сонм богов и жаждут войны и сражений. Они соблазняются обещаниям немца.

— Они — раса викингов со столетними воинственными традициями в прошлом, — согласился Фаллон. — Они думают, что война является мужественной и замечательной.

— Мне показалось, что дочь Тора симпатизирует тебе, Фаллон, — произнес с сомнением норвежец. — Я видел, что ты заинтересовал ее. Возможно, если она полюбила бы тебя, то ее можно направить против предложения Хейзинга?

— Не будь дураком, — парировал американец. — Она и вся остальная часть ее людей теперь думают, что я трус, поскольку я сказал, что ненавижу войну. Мы должны найти более лучший план, который обломает нациста...

Он прервался. Вождь Тир приближался к ним, когда большой зал Валгаллы почти опустел за исключением их.

Тир имел выражение отвращения на твердом, седом лице.

— Теперь вы в моих руках, и я буду вас охранять, — прорычал он. — Позвольте мне дать вам справедливое

предупреждение — при малейшей попытке убежать, вы будете убиты.

— Это достаточно ясно, — согласился Фаллон. — Но Вы не обязаны содержать нас в той камере снова, не так ли?

Тир пожал широкими плечами.

— Я могу сопроводить вас понаблюдать за нашими воинами на их играх, если вы пожелаете. Или, возможно, даже вид дружественный борьбы вызовет отвращение у такого любителя мира как непосредственно Вы?

Фаллон усмехнулся, но ответил равномерно.

— Мы пойдем с Вами.

Когда они сопровождали закованного в броню вождя сонма богов вниз, к длинному каменному залу, американец задал вопрос ему.

— Тиалфи очень близкий товарищ принцессы Бринхилд?

Тир смотрел на него насмешливо.

— Он надеется стать ее женихом. Хотя я не знаю, почему это должно Вас интересовать, чужеземец.

Фаллон встревожился от этой информации. Он понимал, что сумрачнолицый Тиалфи благоволит предложению Хейзинга. И если человек при этом близок к дочери Тора, он, конечно, повлияет на ее планы.

Ситуация казалась все больше безнадежной, но американец отказался от капитуляции. Так или иначе, сказал он себе в отчаянии, должен найтись путь, чтобы победить злую схему нациста.

Они появились у массивных ворот замка Валгаллы в холодный день. Оглядываясь назад вверх, он был поражен, что цитадель явно сморщилась на утесе скалы, который возвышался далеко наверху.

Хелверсон посмотрел озадаченно на серое небо.

— Я не могу понять, почему есть день и ночь в этой долине, — пробормотал он.

— Если время здесь в сто раз быстрее чем снаружи, то должен быть дневной свет и ночь каждые несколько минут.

— Ты забываешь, что это полуночная солнечная страна, раскинулась далеко на севере от Северного полярного круга, — напомнил ему Фаллон. — День и ночь снаружи — тянутся долгие месяцы. Здесь же они только долгие часы.

— Тогда прошли уже месяцы с тех пор, как мы ступили сюда, — встревожился норвежец. — Что случилось с моей страной с тех пор?

Всадники скакали далеко вниз по долине к другим отдаленным замкам, раскинувшимся по узким дорогам через темный лес.

— Они едут, чтобы вызвать всех наших вождей на совет сегодня вечером, — разъяснил Тир. — Ниорд, Браги, Хермод и все остальные будут здесь.

Седой капитан последовал вперед к маленькому естественному амфитеатру возле замка Валгаллы, в котором собралась толпа. Высокие воины—викинги, гибкие девушки—валькирии в блестящих платьях, старые женщины в длинных белых льняных платьях, даже дети — все прибыли сюда, чтобы понаблюдать за играми.

Фаллон был удивлен характером соревнований. Воины сонма богов сражались с тупыми боевыми топорами, но те оставались все еще очень опасными для черепов.

Они боролись неистово, с множеством падений, бессмысленным избиением одним другого. Мечи и щиты были в крови обоих соперников от серьезных ран.

Толпа дико ликовала.

— У вашего сонма богов грубые спортивные состязания, — прокомментировал с изумлением американец. — Я думаю, вы поубиваете друг друга в этих играх.

— Время от времени человека убивают, но не часто, — ответил небрежно Тир. — Многих ранят, но волшебство Бринхилд исцеляет их.

Он добавил недовольно:

— Но мы утомлены этой ложной борьбой. Это все пустое. Иногда мы охотимся в лесах наших областей. И мы будем

рады, если Бринхилд направит нас, чтобы снова испытать настоящую войну!

Соседний вождь Хеймдалл иронически пригласил Фаллона:

— Не хотите присоединиться к соревнованию на мечах, чужестранец?

Рев оскорбительного смеха раздался со всего сонма богов. Фаллон покраснел, осознавая, что теперь жесткие, воинственные мужчины думают о нем.

Он поднялся на ноги, чтобы принять шутовское приглашение и доказать то, что он никакой не трус. Он достаточно помнил фехтовальных приемов с военно—кадетских дней, чтобы сделать, по крайней мере, показательное выступление.

Но внезапное вдохновение озарило его мозг. Это была идея, которую он искал, чтобы победить планы Виктора Хейзинга. Она могла бы сработать, и если он это сделает, то это сорвало бы планы нациста.

Фаллон снова присел, медленно и неохотно. Он очень не хотел делать так, но собирался осуществить свою идею сегодня вечером.

— Я думал, что Вы дважды подумаете, перед тем как пойдете на игры, — сказал ему зло Хеймдалл.

Тир повернулся и впился взглядом в американца.

— Норны, Вы действительно любите мир. Тот, кто называет себя немцем, был прав о мягкости вашей расы.

Фаллон не рискнул ответить. Но позже, на пути назад к замку, когда они чувствовали отвращение охраны, он нашел шанс прошептать Хелверсону.

— У меня есть идея, как сломать дьявольские планы Хейзинга, — проговорил он быстро. — Если нацист будет сегодня вечером, то его расчет не оправдается.

Темнота опустилась мягко и медленно вниз, на долину Асгарда. Было странным думать, что замедленные сумерки здесь — долгие месяцы арктической ночи у стран снаружи.

Факелы вспыхнули в залах и проходах Валгаллы. К настоящему времени вожди сонма богов постоянно приезжали из дальних замков внизу долины. Каждый приводил с собой свиту взволнованных воинов.

Тир провел Фаллона и норвежца в зал Большого совета. В красном свете факелов, были собраны сотни вождей сонма богов. Тиалфи также там присутствовал, возле возвышения трона, и Виктор Хейзинг был с ним.

— Уважение принцессе! — проревел крик жестоких глоток, когда вошла Бринхилд и стала перед ними у возвышения. Гордость и осознание власти блестели в ее синих глазах, когда она стояла перед ними. Белая рысь присела около нее, мягко скуля.

Прежде, чем она или кто—либо еще смогли заговорить, Фаллон стал претворять свою отчаянную идею в действие. Он предпринял шаги к возвышению и громко произнес:

— Принцесса Бринхилд, услышьте меня прежде, чем ваш совет откроется! — провозгласил он. Фаллон указал на Виктора Хейзинга. — Этот человек сказал, что я лгу, когда говорил Вам, что его лидер и цели являются злыми. А я утверждаю, что он лжет. Это кровная месть, между нами, и все должно разрешиться по традициям викингов.

Его голос возвысился громче.

— Я требую право воина уладить эту вражду здесь и сейчас. По традиции, Вы обязаны дать мечи мне и моему врагу, и позволить нам сражаться до смерти!

Глава 5 ШТОРМОВОЕ КОЛДОВСТВО

Это была отчаянная попытка Фаллона. Он смутно помнил ту древнюю викингскую традицию — прилюдный поединок для разрешения личной вражды воина. И он увидел в этом опасный шанс предотвращения злых планов Хейзинга, оборвав жизнь нациста.

Он отдавал отчет, насколько опасным являлся этот шанс, так как полностью понимал, что Хейзинг, как наиболее подготовленный немецкий офицер его класса, вероятнее всего обладает высоким навыком сражения с саблей, чем собственная слабая практика Фаллона.

Но отчаяние американца было таким, что он почти приветствовал бы смерть для себя, если бы мог быть уверенным, что заберет нациста с собой.

Залитый факельным светом зал зашумел. Жесткие вожди сонма богов немедленно стали обсуждать перспективу смертельного поединка.

А Тиалфи оказался перед Фаллоном, указывая на него пальцем:

— Это уловка! — обвинил он. — Темноволосый чужестранец — трус, который не имеет никакого желания бороться.

Сам Виктор Хейзинг заговорил уверенно.

— Я готов встретиться с ним, — громко стал бахвалиться нацист. — Мы, немцы, не избегаем сражения.

Рев аплодисментов приветствовал его хвастовство. В этом кратком интервале, Бринхилд посмотрела на Фаллона с озадаченным светом в глазах.

— Я не могу понять... — пробормотала она недоуменно, но затем прервалась, и заговорил ясным, холодным тоном к американцу. — Вы потребовали право викинга, и Вы его получаете, чужеземец. Хеймдалл, дайте им шлемы, щиты и мечи.

Широкое место было торопливо очищено для этого поединка, перед возвышением, на котором сидела Бринхилд. Выжидающее волнение проникало через толпу воинов сонма богов, когда делались приготовления.

Хелверсон попробовал переубедить Фаллона, но тот не обращал внимания.

Хеймдалл принес ему блестящий рогатый шлем, маленький щит из тяжелого металла и длинный меч, который используется в бою. Тир показал ему, как надевать щит на левую руку.

— Ты лучше всего обращайся с мечом, чем со щитом или будешь вскоре мертв, — дал совет Тир.

Шлем тяжело сидел на голове Фаллона, а щит стал неуклюжим препятствием, когда он взял меч и выступил, чтобы встретить Хейзинга.

Голос Бринхилд прозвенел ясно:

— Поединок происходит до смерти или пока одна из сражающихся сторон не признает себя побежденной, — напутствовала она их.

Виктор Хейзинг имел тонкую, торжествующую улыбку на его красивом белокуром лице, когда он повернулся, чтобы стать перед американцем.

— Слишком плохая идея, — поддразнил он Фаллона, — думаю, ты не знал, что я был чемпионом по сабле в Гейдельберге.

Фаллон стиснул зубы и ничего не произнес. Дочь Тора, наклонилась вперед и резко бросила:

— Начинайте!

Смерть почти настигла Фаллона на первой минуте. Хейзинг не лгал, когда хвастался о своем навыке с саблей. Нацист яростно атаковал, его бледные глаза мерцали позади лезвия. Он, очевидно, настроился закончить борьбу насколько возможно быстро.

Фаллон попробовал парировать первый удар щитом, и чуть не погиб. Неуклюжее использование непривычной защиты просто заставило отклонить лезвие от сердца.

Только отступление спасло его, но меч врага разрезал рукав и задел его.

Фаллон нанес сначала неопределенный удар в ответ, а затем продолжил парой уверенных ударов, так как забытый навык стал возвращаться к нему. Но Хейзинг ловко парировал их, и стал напирать со злыми, свистящими выпадами так, что американец ушел в глухую оборону.

Хейзинг наверняка теперь чувствовал себя уверенным фехтовальщиком, и ликующее удовлетворение сияло в его глазах.

— Я рад, что ты бросил мне вызов, Фаллон, — сказал он насмешливо, когда они фехтовали. — Это очень увеличит мой престиж перед этими людьми, когда я убью тебя.

Фаллон не ответил. Холодное предупреждение неизбежной смерти охлаждало его.

Он не мог пробиться через защиту немца ни на мгновение, а меч Хейзинга, казалось, появлялся отовсюду.

Когда они кружили и бились, и лезвие звенело против лезвия или против лязгающего щита, он бросил взгляд на залитые факельным светом жестокие лица толпы сонма богов, наблюдающих борьбу в восхищенной тишине. И на мгновение он увидел Бринхилд — белое, красивое лицо и расширенный синий цвет глаз.

— Получи это! — внезапно прошипел Хейзинг и его меч, как голова паразитической змеи бросился к сердцу Фаллона.

Фаллон отчаянно попробовал поднять тяжелый щит, но оказался только в состоянии отклонить толчок. Он почувствовал, как раскаленное добела жало иссушенной стали пронзило его левое плечо, и отпрыгнуло назад с кровью из продырявленной куртки.

Рев волнения донесся из наблюдающей толпы сонма богов. И теперь Хейзинг походил на волка — он стал дико использовать все свои навыки, чтобы пробить защиту Фаллона. Второй рев раздался из толпы, когда стальной край меча просвистел и задел щеку Фаллона.

— Прикончи его теперь! — прокричал в мольбе голос Тифи, обращаясь к немцу.

И окровавленный Фаллон, вяло отбивающий дикое нападение нациста, бросил взгляд на жалостливые глаза Бринхилд.

Темно—красный гнев взорвался в мозгу американца. Через минуту он окажется мертв, и эта проклятая толпа волков завопит с ликованием. Небеса! Да он сделает все, чтобы прихватить нациста с собой!

В неистовстве, он отшвырнул обременяющий его щит и шлем. Без головного убора и с темной яростью на лице, он бросился на немца.

— Чужеземец неистов! — возвысился вопль из наблюдающей толпы сонма богов.

Фаллон едва слышал это. Он видел Хейзинга через красные туманы. Лицо немца стало пораженным. Он отскочил от сумасшедшего нападения.

Никакой теперь защиты или ученого фехтования! Фаллон был охвачен гневом, чтобы убить. И разъяренные размахами его меча слились в непредсказуемом нападении, против которого Хейзинг не имел никакой непосредственной защиты.

Конвульсивная сила его ударов отбила лезвие нациста. Когда Хейзинг зашатался, Фаллон хлестнул в отчаянии снова. Немец попробовал поднять щит, который поймал первый удар меча американца, но меч отклонил его и ударил в бок Хейзинга.

Нацист зашатался, опуская меч, и затем тяжело упал. Его шлем ударился о каменный пол со звучным лязгом.

— Чужеземное неистовство победило! — вскричал недоверчиво Хеймдалл.

Тиалфи выбежал, его угрюмое лицо стало разъяренным:

— Чужестранец дрался нечестно!

Одни голоса отклонили утверждение Тиалфи, но другие голоса поддерживали его.

Шум в залитом факельным светом зале Валгаллы был громким.

Тиалфи обратился к Бринхилд.

— Позволь поединку продолжиться снова, когда рана немца будет излечена!

Фаллон оперся на свой кровавый меч, ловя ртом воздух. Красные туманы раздирали его мозг. Бринхилд, Тир и весь сонм богов уставились теперь на него с озадаченным уважением.

Сейчас они знали, что он никакой не трус, думал он с мрачным удовлетворением.

Они думали, что он «неистов», поскольку больше всего боятся воина—викинга, который отшвыривает свою броню, когда охвачен безумием крови в сражении.

Бринхилд подняла властно руку ко все еще настоящему спору о справедливости триумфа Фаллона.

— Я не видела немецкого промаха, кузен Тиалфи, — произнесла она коротко. — Но поскольку Вы это утверждаете, то ему будет предоставлен шанс повторить поединок, когда он станет пригодным снова для борьбы.

Фаллон, стоя немного ослабленным от потери крови из раны, никак не возражая на то решение.

— Все в порядке, — сказал он Хелверсону, который подбежал к нему с тревогой.

— Хейзинг будет неспособен воплотить свою схему, пока не выздоровеет, и это даст нам время, чтобы изобрести способ обойти его.

Но вскоре он обнаружил, что в его расчет не входили фантастические возможности, которыми обладала Бринхилд.

Дочь Тора спустилась с возвышения к нему. Новое, озадаченное уважение было сильно в ней, когда она заговорила.

— Чужеземец, я очень скоро излечу ваши раны, — обратилась она к нему. — Я теперь вижу, что мы недооценивали Вас. Пошлите со мной.

— И немец? — вставил реплику Тиалфи.

Бринхилд кивнула золотой головой.

— Он тоже. Понесите его, Тир.

Она обратилась своим ясным голосом к толпе сонма богов толпа.

— Сейчас мы не сможем держать совет, вожди. Это должно подождать до завтра.

Бринхилд направилась через занавешенный дверной проем около трона. Белая рысь мягко передвигалась в стороне. Фаллон неустойчиво последовал за ней, а Тир шел за ними, неся бессознательного нациста.

Фаллон оказался с дочерью Тора в залитом светом каменном коридоре, ведущем к тыльной стороне замка Валгаллы. Он закончился тяжелой дверью из массивной бронзы, за которой располагалась спиральная лестница, прорубленная в твердой скале утеса.

— Куда мы идем? — спросил с сомнением Фаллон, когда они вошли в темноту лестницы.

— Чтобы излечить ваши раны, — ответила нетерпеливо Бринхилд. — У меня есть власть сделать так. Пошли!

Она схватила его запястье, ведя по скручивающимся скалам. Это был первый раз, когда Фаллон испытал контакт с ней. Это оказалось волнующим, как будто слабый удар током прошел через него, как если бы жизнь и энергия потекли в него от этого контакта.

И тонкое белое тело Бринхилд светилось в темноте с тем тусклым блеском, который был едва примечательным в освещенном зале. Это заставило казаться ее более устрашающей, нечеловеческой — и все же теплое покалывание сжимающих ее пальцев были далеки от этого.

Рысь зарычала из темноты выше них, и Бринхилд мягко рассмеялась мягко.

— Инро ревнует к Вам, чужеземец.

Фаллон почувствовал странный, стучащий пульс. Он услышал смех Тиры позади, когда тот поднимался со своей бессознательной ношей.

Они поднялись выше, внутри утеса. Фаллон расценил приблизительно, что они должны оказаться около его

вершины. Тусклый шум ветров донесся в его уши с высоты, и порывистые потоки замороженного воздуха окатили его лицо.

Внезапно они появились в темноте и холоде проталкивающих ветров. Фаллон резко остановился, на мгновение потрясенный головокружением от опасности их ситуации.

Они очутились на маленькой, плоской платформе, высеченной из твердой скалы на самом пике высокого утеса. Она была только дюжину футов поперек, и полностью открытой для ветров. Далеко—далеко внизу мерцали залитые светом окна замка Валгаллы. Сверху раскинулся унылый черный навес ночи неба волшебной долины.

Над твердой поверхностью скалы балансировала массивная серебряная платформа девяти футов в диаметре, с вырезанными странными руническими символами. Она загадочно висела в воздушном пространстве. Двигаясь с бесстрашной легкостью, Бринхилд завела его внутрь этого странного круга.

— Поместите сюда немца, Тир, — предложила она, и старый бог повиновался, опустив бессознательного нациста в серебряный рунический круг.

Затем Тир торопливо отступил, выйдя из круга. Он пробормотал:

— Я буду ждать внизу, на ступенях. Я не желаю видеть, как работает ваше целебное волшебство, племянница Бринхилд.

Фаллон закачался на ногах, частично от головокружения сомнительной ситуации, частично от ран, которые медленно иссушали его силы. Бринхилд странно тронула его, и снова покалывающая сила потекла в него от контакта.

Под ее руководством он разделся и стоял с голым, запачканным кровью торсом, дрожа от замораживающего ветра. Он также снял с Хейзинга куртку, обнажая глубокую рану на боку бессознательного немца. Белая рысь отступила к ступеням, тревожно рыча.

— Теперь стойте близко возле меня, чужеземец, и не выходите из рунного круга, ради вашей жизни, — предупредила Бринхилд. — Силы, которые я собираюсь вызвать, действуют стремительно, но они могут также стремительно и убить.

Оказавшись вне круга, дочь Тора подняла свои голые белые руки к вечернему небу. Ее синего цвета глаза сияли как бриллианты через поток бледных золотых волос, обдуваемых ветром.

И странный блеск, который исходил из ее тела, превратился в жар. Большие порывы ветра внезапно стали проталкиваться неистово, воя в ушах, как если бы стремились оторвать их от высокого утеса.

Холодная ночь внезапно загудела повышающимися штормовыми голосами. Фаллон почувствовал дрожь, не полностью происходящую от холода.

Звонкий серебряный смех Бринхилд зазвенел на неистовом ветру. Ее лицо было обращено к зениту, и из кончиков ее пальцев стали исходить крошечные нити света.

Волосы американца стали дыбом на голове. Он ощутил зловещий сбор обширных сил.

Крах! Он зашатался, ошеломленный и ослепленный потрясающей вспышкой молнии, которая нанесла удар вниз, в них. Тот вспыхивающий разряд, казалось, протянулся к рукам Бринхилд, и затем был отклонен к серебряному кольцу.

Другой ужасный разряд последовал за этим, и следующий, и следующий.

Электрический огонь великолепно отсвечивал на серебряном ринге.

Фаллон хрипло закричал девушке. Его голос был тонким и маленьким против раскачивающихся раскатов грома.

— Если та молния ударит в нас...

— Этого не будет, поскольку я — их любимица, — донесся голос Бринхилд. — Но держитесь в пределах кольца!

Сцена сильно воздействовала на сознание американца. Почти непрерывные вспышки молний, ударяющих в

кольцо, каждая из которых дико освещала пылающую фигуру Бринхилд; оглушительный гром; вопящие ветра, которые охватывали их с головокружительной высоты.

Электрическое пламя теперь полностью окружило их в медленно возвышающейся стене. Фаллон

The **DAUGHTER OF THOR**

чувствовал волнующий удар электрических или других сил, которые проникали в каждую ячейку его тела. Его мозг вращался с головокружением.

— Стойте! — предупредила дочь Тора через оглушительный шум. — Это будет всего лишь один момент.

Он оказался больше, чем бесконечная вечность в ошеломленном мозгу Фаллона, когда стоял с девушкой сонма богов и бессознательным немцем в сердце сверкающей, немислимо мощной сферы электрической силы.

Волнующие покалывания в его теле, были почти невыносимыми. Он посмотрел вниз и увидел, что фиолетовая электрическая щетка терла его собственное тело. Он услышал смех Бринхилд над ударами молний.

— Этого достаточно, — проговорила она, и опустила руки.

Волшебные вспышки молний прекратились, качающиеся отражения грома отступили, стены силы вокруг серебряного кольца снизились и умерли.

Фаллон приходил в себя медленно, обнаружив, что находится рядом с Бринхилд в ветреной темноте. Ее тело все еще сияло странно, по яркому, и ее бриллиантовые, смеющиеся синие глаза дразнили его.

— Посмотри теперь на свои раны, чужеземец, — предложила она ему.

Фаллон так и поступил, и изумился. Удар в плечо и отметина на щеке были невероятным образом вылечены, как будто соответствовали недельной давности. Раны никакого следа не оставили, кроме двух слабых шрамов. И теперь он не чувствовал никакой прежней слабости.

Он посмотрел вниз на Хейзинга. Нацист все еще лежал без сознания, но глубокий разрез меча в его боку был вылечен, как и гладкий шрам. И его дыхание теперь казалось легким и нормальным.

— Он полностью излечен, как и Вы, — Бринхилд кивнула американцу. — Он проснется через несколько часов таким же, как и прежде.

Она повысила голос.

— Тир! Приди и возьми немца — мое волшебство окончено.

Тир неохотно подошел на ветреное место, с белой рысью перед собой, которая потерлась жесткой головой о Бринхилд.

— Я слышал Вас при этом, — прорычал старый вождь сонма богов. — Хел меня заберет, если я когда-либо люблю это, племянница. Я думал, что молнии на сей раз, расколуют весь утес.

Он поднял бессознательного Хейзинга, как если бы человек был тюком с соломой, и возвратился с ним к ступенькам утеса.

Фаллон посмотрел искренне на сияющее лицо дочери Тора.

— Бринхилд, таким же способом Вы вылечили наши раны, когда в самом начале принесли меня с Хелверсоном сюда?

Она кивнула.

— Да, заживающим волшебством молнии. Я вылечиваю больше одного раненого или убитого воина, которых я и мои валькирии находили снаружи и приносили сюда, в старые времена.

Его потрясенное сознание искало возможные объяснения. Он еще мог понять, что потрясающая бомбардировка электрической радиацией, сконцентрированной мощностью энергии, которой он был подвергнут, вызывает беспрецедентное ускорение процессов регенерации. Но как Бринхилд в состоянии вызвать молнию по желанию?

Она скромно улыбнулась от этого вопроса.

— Разве Вы не можете предположить ответ? Вы слышали, что эта долина представляет ошибку или слабое пятно в ткани из пространства—времени. Почему невозможно, что обширные электрические силы вне нашей вселенной легко оказываются здесь? И почему не могли Один, Тор и я, использовать эти силы, чтобы преобразовать наши живые тела в мощные электрические сумматоры, которые могли привлечь молнию?

Ее улыбка усилилась, поскольку она продолжила:

— Или возможно, что это только пыль, которую я бросаю в ваши глаза. Возможно, есть странная сила, врожденная мне от природы, и я просто могу управлять теми элементами. Как думаете, что правда, чужеземец?

— Я даже не могу предположить, — признался Фаллон. — Хелверсон, мой товарищ, думает, что Вы — богиня, и объясняет все так.

— Только Вы не думаете, что я — богиня? — воскликнула она с ложным негодованием в ее голосе, но с юмористической насмешкой в ее глазах.

— Я так думал, когда Вы опускали вниз то пламя молний, — допустил Фаллон. — Но в этот момент, Вы похожи на самую красивую девушку, что я когда—либо видел.

Бринхилд скромно потупилась.

— Тогда получается, что в вашем Внешнем мире нет никаких достойных девушек?

Ее блестящие синие глаза были провокационными, наверное, больше немного удивленные, и все же немного затаившие дыхание. Королевская красота ее прекрасного молодого лица выделялось в темноте с этим странным слабым сиянием, которое было врожденным в ее тело.

Горло американца перехватило от эмоций. Он потерял понимание времени, места или чего—нибудь еще, кроме тех замечательных глаз, в которых теперь проскакивали небольшие искры—молнии. Он в отчаянии сказал, что потерял от нее голову.

Его рука неустойчиво тронула ее голое плечо. Покалывающая энергия затрепетала через него от того касания, окончательно деморализовав его желание. Руки Фаллона обвились вокруг дочери Тора, он нагнулся и поцеловал ее красные губы.

Головокружительно сладкий удар, от которого забурлила кровь.

Он почувствовал поток золотых волос напротив его щеки, как мягкое пламя. И Бринхилд не отодвинулась от его объятий. Когда он, затаив дыхание, поднял голову, то обнаружил странное, застенчивое рвение в ее ярких глазах.

— Это сумасшествие, — выдохнул Фаллон. — Я не хотел делать этого, но...

— Я рада, что ты сделал, — мягко сказала Бринхилд. — Чужеземец, я была увлечена тобой, когда нашла. Но до этой

ночи я думала, как и все мы, что ты трус. Я прошу прощения за эту недооценку.

— Ты просишь моего прощения? — удивился Фаллон, все еще держа ее. — Это должно быть наоборот. Я всего лишь человек, а ты — богиня или что-то около того...

Внезапно его прервал голос, говорящий в жестком гневе. Они оба повернулись.

Старый Тир возвращался по ступенькам, и появился на темном, ветреном гребне утеса, видя их, в объятиях друг друга.

Железное лицо вождя сонма богов разгневалось.

— Ты чужеземная собака! — плюнул он в Фаллона. — Ты посмел приставать к принцессе сонма богов!

— Утихомирься, Тир! — приказала властно Бринхилд. — Ты не понимаешь, что говоришь. Этот чужестранец любит меня, и теперь можешь успокоиться, так как я люблю его.

Такое откровенное признание заставило пульс Фаллона дико биться. Но это, казалось, только увеличило ярость Тира, который только еще больше сморщился от отвращения.

— Он любит Вас? — повторил неистово Тир властной дочери Тора. — Он сказал Вам это? Теперь я вижу, что было хорошей идеей вернуться сюда.

Старик из сонма богов навел обвиняющий палец на Фаллона.

— Он не любит Вас. Он только ищет любовь, только чтобы повлиять на Вас против становления союзником его врагов, немцев. Я подслушал, как он сообщил своему товарищу сегодня, что с этой целью займется с Вами любовью!

Потрясенный Фаллон внезапно вспомнил то, что до этих пор он полностью забыл — наивный совет Хелверсона заняться любовью с принцессой сонма богов.

И он также теперь вспомнил, что Тир оказался близко к ним, когда норвежец предложил тот совет. Было слишком очевидно, что подслушал старый вождь сонма богов.

Бринхилд заметила внезапную тревогу на лице Фаллона, и ее собственное белое лицо застыло.

— Правда ли то, что Тир говорит мне? — спросила она американца с опасной мягкостью.

— Пусть он отрицает это, если сможет, — громогласно прорычал Тир.

Голос Фаллона был хрипл.

— Верно только то, что Хелверсон сказал мне что-то глупое, типа этого. Но я не обратил на это внимания, Бринхилд. Ты не можешь поверить этому, когда я только сейчас...

Маленькая рука Бринхилд вспыхнула, и язвительный удар остановил слова в горле Фаллона. Она уставилась на него скептически.

Дикий гнев засверкал на лице дочери Тора. Немного молний вспыхнуло в ее синих глазах. Как если бы ощущая настроение своей любимицы, присевшая белая рысь поднялась и ужасно зарычала.

— Я вижу, что недооценивала тебя, и что немец был прав! — заявила Бринхилд. — Трусом ты можешь и не быть, но ты — предательский обманщик!

— Бринхилд, послушай! — взмолился он в отчаянии, но раскаленное добела пламя ее гнева не терпело никакой защиты.

— Теперь я вижу, что немец говорил правду, когда сказал, что все ваши чужеземные западные нации являются предательскими и злыми! — заключила она. — Нации, чьи мужчины ненавидят честную войну, и ищут способ выиграть процесс, шепча слова любви.

Она сделала разъяренный жест.

— Тир, я приняла решение. Мы присоединимся к немцам. Они, по крайней мере, воюют открытой войной и сражением, а не обманом. С ними мы победим западные народы и все их зло!

Фаллон вышел вперед в подавленном состоянии.

— Бринхилд, ты не можешь сделать этого! Если ты позволишь немцам использовать твои возможности...

Меч уколол его спину, и резкий голос Тира задал вопрос:

— Теперь я убью собаку, племянница Бринхилд?

— Не смей! Он должен видеть гибель своей недоразвитой расы, и это станет для него большим наказанием, — промолвила неистовая дочь Тора. — Он и его товарищ поедут с нами, когда мы выступим, чтобы присоединиться к немцам.

Ее голос вспыхивал как серебряный горн.

— До этого момента они будут под твоей опекой, Тир. И пошлите наездников вниз, в долину, с приказами собрать каждого воина сонма богов здесь, в Валгалле, завтра ночью. Передайте им, что мы, наконец, вступаем в войну, чтобы присоединиться к немцам в большом сражении за Внешний мир!

Глава 6 ГНЕВ БОГИНИ

Темнота снова ползла поперек долины Асгарда, как медленный, тайный поток. В течение всего длительного дня происходила непрерывная суматоха и лихорадочная деятельность вокруг Валгаллы — лязг молотов по оружию и броне, взволнованные крики спешащих людей, грохот закованных в металл всадников, торопливо прибывавших и движущихся. Теперь все исчезло, превратившись в напряженную тишину ночи.

Фаллон расстроено посмотрел вниз из узкого окна, на рой искр, который отбрасывали красные факелы перед замком. Свет факелов отражался от блеска шлемов и брони всадников, которые там собирались.

Было что-то зловещее и страшное в тишине от того воинства. Лицо Фаллона казалось измученным, когда он повернулся к Хелверсону. Большой норвежец мрачно сидел в углу запертой комнаты. Его запястья были связаны позади, как и у Фаллона. Он не сделал никакого движения львиной желтой головой, когда американец подполз к нему.

— Мы должны что-то предпринять! — воскликнул Фаллон срывающимся голосом. — Они сейчас собираются там.

— Но мы не можем ничего сделать, — прогрохотал Хелверсон. — Все теперь находятся в стране норнов.

— Проклинаю такой фатализм! — разбушевался Фаллон. — Если бы я убил Хейзинга, как рассчитывал, то все было бы отлично. И даже притом, что я потерпел там неудачу, Бринхилд все еще не повернулась бы к немцам, если бы не твой дурацкий совет, который достиг ее ушей...

Внезапно он остановился. Он стыдливо посмотрел на мрачного, бесстрастного норвежца.

— Я сожалею, Нелс, ты же знаешь, что я не то подразумевал, — пробормотал он.

— Мои нервы расшатаны. Но мы не можем позволить Бринхилд повести сонм богов для соединения с нацистами, — повторил он твердо. — Это ведь не только воины сонма богов. Больше всего я боюсь, что их появление будет иметь суеверный эффект, который может направить весь север в лоно стран Оси. Бринхилд владеет потрясающей властью над естественными силами. Я видел вчера вечером, как ее приказу подчинялись шторм и молния. Если люди Гитлера доберутся до тайны этих знаний...

Он оставил мысль незаконченной. Его отчаянное сознание качнулось к другому, глубокому мучению.

— И она думает, что я люблю ее с единственной целью — обмануть! Я не смог убедить ее, что действительно люблю, и всегда буду любить, девушка она или богиня.

Его мысли прервал Хелверсон, когда большой норвежец заговорил:

— Многие месяцы, должно быть, прошли на Внешней стороне мира в течение этих нескольких дней, что мы находимся в этой долине. Что там случилось на войне, в течение этого время?

Оба мужчины вскочили на ноги, когда лязгнул замок в их двери. Красный свет факела залил темноватую комнату. Тир и Хеймдалл вошли в полной броне с двумя воинами.

— Действительно ли вы готовы поехать, чужеземцы? — промолвил Тир. — Готовы ли Вы проследовать с нами

дальше и увидеть, как мы присоединяемся к немцам, чтобы разбить вашу жалкую расу?

— Тир, позволь мне поговорить с Бринхилд, — взмолился Фаллон. — Если она только выслушает меня...

— Она слушала слишком много твоей сладкой лжи! — проревел старый вождь сонма богов.

Высокий Хеймдалл, впившись взглядом в двух товарищей, добавил:

— Если бы нас послушали, вы были бы давно мертвы.

На мгновение сознание Фаллона озарил неопределенный свет отчаянной надежды.

Возможно факт, что Бринхилд пока предотвратила их смерть, означало, несмотря на ее гнев, что она полностью не потеряла любовь к нему.

Но затем он увидел ошибочность той надежды. Она экономила им жизнь так долго лишь для того, чтобы они могли испытать горечь, наблюдая за поражением и бедствием сил их стран.

Тир толкнул его к двери.

— Выходи, чужеземная собака. Сонм богов готов теперь ехать.

Руки все еще находились связанными позади них, когда Фаллон и Хелверсон пошли вниз в тяжелой тишине, по массивной лестнице перед эскортом их сопровождения.

Они появились у замка Валгаллы в холодной, ветреной темноте, колеблющейся от дрожащего света многих красных факелов.

Ночной факельный свет озарял жестколицых воинов сонма богов в полной броне, тихо стоящих у своих лошадей. Темно—красные лучи вспыхивали и мерцали на рогатых шлемах, отражались от нагрудников, огромных боевых топорах и эфесах.

Сверхчеловеческая напряженность ожидания застыла на лицах двух тысяч мужчин.

Рабы держали за уздечки лошадей.

Фаллона и норвежца втолкнули в седла двух коней. Руки им не развязали, и воины сонма богов взяли за уздечки их лошадей, чтобы вести. В этот момент, напряженная тишина была сломана внезапно громким криком.

— Принцесса! — донесся сокрушительный хор вопящих голосов.

Фаллон выпрямился в седле. Его сердце бешено застучало, когда он увидел, что Бринхилд гибко шагнула из замка в свет факелов. Она носила податливую, блестящую кольчугу, но ее бледная золотистая голова была без шлема. Легкий меч качался на поясе, и белая рысь семенила возле нее.

Немного позади нее отставал угрюмоглазый Тиалфи, и аккуратно красивая черная фигура Виктора Хейзинга. Их сопровождали тонкие валькирии в кольчуге.

Сердце Фаллона забилося с бессильным гневом при виде нациста. Хейзинг теперь не показывал никаких признаков плохих манер, его бледные глаза блестели от триумфа.

— Принцесса! Уважение Тору и его дочери! — звучали крики всадников, и лес мечей и топоров поднялся в приветствии к Бринхилд, которая подняла белую руку в подтверждение того дикого приветствия.

Сегодня вечером ее королевская красота походила на прыгающее пламя. Ее бриллианты глаз охватили жестоких воинов, игнорируя Фаллона.

— Бог и капитаны сонма богов! Этой ночью мы пойдем к тому, что вы все очень давно хотели — к войне! — зазвенел ее голос. — Да, к честной войне, меч к мечу, справедливому, жестокому бою, который мы знали и любили прежде, чем прибыли в эту долину.

— Война! Снова хорошая и чистая война! — завопили наиболее нетерпеливые воины в жестоком восхищении.

— После вечернего перехода, вы снова познаете сражение, — пообещала Бринхилд.

Она указала на Виктора Хейзинга. — Этот человек сказал мне, что отважные немцы, которые должны стать нашими

союзниками, находятся меньше, чем в ночном переходе отсюда.

— Это верно! — громко провозгласил Хейзинг. — Я связался с армией своих соотечественников, которые расположены недалеко от этой долины.

Фаллон понял. Нацист, выйдя из долины к своему самолету в ущелье, использовал радио для общения с самыми близкими немецкими силами.

Лицо Хейзинга запылало с волнением.

— Я узнал, что прошло почти два года в течение тех дней, что я был в этой долине! И в течение этого времени наши немецкие силы завоевали все северные земли, за исключением одной большой партизанской полосы, которая все еще сопротивляется. Немецкие силы теперь перемещаются, чтобы напасть на эту полосу.

Британские обманщики ввели в заблуждение прибрежную деревню на берегу Северного Ледовитого океана, которая теперь оказывает нам сопротивление. Она в нескольких часах перехода отсюда через горы.

Ясный голос Бринхилд подвел итог.

— Мы пересечем горы, чтобы присоединиться к отважным немецким силам в этом нападении! Впредь, мы будем их союзниками против изменнических чужеземных народов. Этой самой ночью, мы, сонм богов, пробудимся от вялого мира и снова присоединимся к открытой, мужественной войне!

Оглушительный рев одобрения приветствовал ее жестокое обещание. Когда он еще отражался, дочь Тора легко скользнула в седло своего черного жеребца. Остальные также торопливо оседлали своих коней.

Фаллон отчаянно воззвал к ней.

— Бринхилд, ты должна выслушать меня! Эта цель, которую вы начинаете — зло!

Тебя обманули, втянув в это ложью...

— Ты тот, кто прибегнул к уловке! — возразила она ему. — Теперь ты пойдешь с нами, чтобы увидеть плоды своего хитрого предательства.

Она поскакала с валькириями, Хейзингом и Тиалфи к фронту большого войска. Ее рука подняла факел в особом сигнале.

— Сонм богов, мы выступаем!

Трубачи немедленно затрубили в медные рожки длинным, волнующим звуком. Твердь дрогнула от шага тысяч ног. Сонм богов, состоящий из жестоких воинов, галопирующих колено у колена, стал продвигаться вниз, к долине.

Фаллон и Хелверсон, трясаясь в седле как тюфяки, находились во главе кавалькады с их охранниками, позади валькирий. Фаллон ощущал горечь разочарования. И та же самая эмоция овладела норвежцем, которая засквозила в его хриплом голосе.

— Фаллон, ты понимаешь, что сказал проклятый немец? — прокричал Хелверсон сквозь рев стремительного движения ног. — В нашем собственном мире к настоящему времени наступил 1942 год! Нацисты завоевали всю Норвегию, кроме далекой северной дикой местности, и теперь они послали армию завоевать ее!

— И сонм богов Бринхилд едет на помощь нацистам сделать это, сокрушив длительное сопротивление норвежских партизан, — горько заключил Фаллон.

— Они не могут сделать этого, — возразил Хелверсон. — Дочь Тора никогда не будет использовать свои возможности против нас, норвежцев.

Но Фаллон не имел никакой надежды в запасе. Он проиграл игру Хейзингу. Немец, скачущий впереди, был на пути к высшему триумфу. Этого не должно было случиться, чтобы нацисты проникли в тайну возможностей Бринхилд. Их ученые прибыли бы в эту скрытую долину, изучили бы космические силы, сосредоточенные здесь, и изготовили бы оружие сокрушительной силы.

И лейтенанты Гитлера нашли бы способ избавиться от Бринхилд, когда она удовлетворила бы их цели. Раздражала мысль, что ее открытая любовь к бою будет использоваться как инструмент против приведенных в боевую готовность демократических государств.

Они ехали вниз по темной долине, в прекрасной тишине за исключением пульсирующего грома тысяч ног. Напрягавшему нервы Фаллону это не показалось долгим прежде, чем они приблизились к западному концу долины.

Впереди ничего не было видно, кроме стены в темноте. И невозможно было видеть из этой странной мертвой точки. Когда Бринхилд и валькирии волшебным образом исчезли, Фаллон понял, что они появились во Внешнем мире.

Сверхъестественный чистый барьер вырисовывался впереди его собственной вedomой лошади. Тир, Хеймдалл и все другие вожди сонма богов бесстрашно ехали к нему. Они достигли барьера. И когда американец прошел через него, то он снова почувствовал тот острый, мучительный удар через каждый атом его тела.

Он оказался во внешней задней части долины Асгарда, снова в своем собственном мире более быстрого времени.

— Здесь снова зима, — пробормотал, Хелверсон, глядя недоверчиво. — Две зимы прошло с тех пор, как мы разбились здесь два дня назад.

Фаллону было трудно поверить, что здесь, возможно, прошло два года. Все белоснежное ущелье выглядело одинаково. Небо сверху пылало от блестящих зимних звезд. Но уже первые отсветы и течения Северного сияния ускорились поперек ночных небес, когда Бринхилд повела воинов в быстрой скачке вниз по длинному ущелью.

Фаллон мучался от этого ускорения, и задавался вопросом, правда ли что танец Авроры поперек небес такой быстрый, и верно ли, что Бринхилд вызвала те спектральные огни, чтобы осветить их путь. Он имел небольшую толику сомнения относительно этого, зная ее владычество над штормом и небом.

В течение многих часов, сонм богов двигался через снежные горы. Бринхилд следовала вперед, на север, через ущелья и узкие проходы. Фаллон знал, что они близки к норвежской деревне дикого арктического побережья, которое он сам облетал перед тем, когда его самолет потерпел крушение.

В тишине жестокой напряженности, воины Асгарда подтягивались со всех направлений. Наконец, дочь Тора оставилась возле склона последнего, длинного, снежного, горного хребта.

— За этим горным хребтом — прибрежная полоса, где мы присоединимся к немцам! — объявила она. — Теперь дайте перевести дыхание вашим лошадям и обнажите ваши мечи и топоры, так как скоро мы столкнемся с лезвиями наших врагов.

Сверкающее волнение в ее глазах отразилось жестоким светом сражения в лицах всего сонма богов. Фаллон в отчаянии попробовал заключительное обращение.

— Бринхилд, ты не можешь сделать этой вещи...

Его прервали. Хеймдалл с тревогой вслушался и теперь произнес острое восклицание:

— Послушайте! За горным хребтом идет сражение!

Смутно к их ушам прибыл унылый рев отдаленных взрывов, и разлился аляповатый, красный свет на севере бледной Авроры, за горным хребтом.

Виктор Хейзинг закричал торжествующе:

— Это мои немецкие товарищи, которые пришли, чтобы присоединиться! Они уже там нападают на врага!

— Тогда мы не можем ждать больше здесь! — возвысился серебряный голос Бринхилд. — За горный хребет, мужчины сонма богов! Мы едем в сражение.

— Мы следуем, принцесса! — донесся глубокий, нетерпеливый крик Тира. — Как будто ваш отец Тор сейчас с нами, когда мы снова несемся на войну!

Снежный склон усеяло большое войско, во главе с тонкой, яркой фигурой Бринхилд и скачущей рысью. И дикая

военная жажда тысяч воинов разразилась в звенящих боевых кличах.

Фаллон ухватился за седло коленями, так как его уздечка резко рванулась вперед с охранниками. Он увидел темно—красное от эмоций лицо Нелса Хелверсона.

Большой норвежец предпринимал безумные усилия разорвать свои путы, когда слышал рев сражения из—за горного хребта.

— Мои и ваши соотечественники воюют там! — хрипло известил он Фаллона. — Я буду бороться даже против дочери Тора и сонма богов и умру с ними, если я смогу освободиться!

Растянутый в длинной массе, взволнованный отряд сонма богов достиг сглаженного гребня последнего горного хребта. И там они внезапно остановились.

Бринхилд резко натянула узду, и также сделали все ее жестокие последователи. Они казались пораженные изумленным зрелищем, которое лежало перед ними, и чей оглушительный шум теперь достиг их.

Фаллон, подъехавший сзади, увидел, что волнение исчезает с лица дочери Тора.

Он отметил, что оно изменилось на ошеломленно—изумленное выражение.

— Что все это значит? — воскликнула она изумленно.

Сцена, раскинувшаяся под Северным сиянием, была ужасной. От горного хребта, на котором они сидели на лошадях, снежный ландшафт клонился вниз на две мили к ледяному берегу, за которым простирался черный Северно—Ледовитый океан. В море, два маленьких парохода пробирались через лед к портовому бассейну небольшой деревни на берегу.

Половина деревянных строений в той норвежской деревне отчаянно горела.

Пикирующие бомбардировщики с черной свастикой на крыльях непрерывно пикировали вниз, через тот аляповато—яркий свет, и разрушительные взрывы бомб были

постоянными. Огонь пламени тех взрывов, казалось, охватил здания, улицы, женщин и детей, которые бежали к портовому бассейну.

Бок деревни был защищен низкими баррикадами замороженной земли. Позади той неосновательной обороны, располагались рассеянные горстки мужчин с винтовками, которые сопротивлялись продвижению массы из нескольких тысяч нацистских пехотинцев,седающих на них с запада. Нацистам предшествовали легкие танки, которые уже ехали по баррикадам.

— Что это? Что мы видим? — воскликнула снова Бринхилд, ошеломленная, как и ее последователи, адским шумом.

— Мои соотечественники нападают! — торжествующе объяснил Виктор Хейзинг. — Послушайте, они стремятся завоевать деревню прежде, чем те британские суда смогут достигнуть гавани, чтобы эвакуировать защитников. Так мы, немцы, воюем.

— Но это не война! — вспыхнула Бринхилд. — Не чистая, открытая война мечом и копьем в равном бою, типа той, что мы, сонм богов, знали и любили! Это — резня железными машинами и огнем!

Ошеломленный крик согласия возвысился от ее ошеломленных последователей—викингов по всему горному хребту. Лицо Тира, подобное железной маске, забушевало, когда он это увидел.

— Да ведь эти немцы — не воины! Они мясники, которые убивают женщин и детей, сбрасывая на них пламя с неба.

— И те, которых они уничтожают, имеют нашу собственную норвежскую кровь! — неистово заорал Хеймдалл. — Немец сказал, что его соотечественники стремятся только защитить норвежцев.

Лицо Бринхилд стало белым пламенем от возмущения и ненависти.

— Мы, сонм богов, никогда не будем союзником расы, которая борется как эта!

Она наклонилась к Фаллону.

— Теперь я, наконец, поняла, почему ты сказал, что ненавидишь войну. Эта война ненавистна, и, таким образом, слабыми являются те, кто против мира.

Она склонилась еще ближе, и ее кинжал разрезал пути американца и норвежца. Ее синие глаза по-другому взглянули на Фаллона.

— Чужеземец, я прошу прощения! Ты говорил правду с самого начала до самого конца. Это немец лгал...

Внезапно она качнулась назад, ее голос зазвенел.

— Где немец? Схватить этого лживого заговорщика!

Воины сонма богов поскакали по снежному горному хребту в беспорядке, ведя поиск.

— Проклятый немец ушел! — завопил Тир. — Он, должно быть, увидел, куда подул ветер, и отступил по горному хребту. И Тиалфи тоже скрылся.

— Найдите и схватите их! — прокричала дочь Тора. — Если Тиалфи стал предателем и дезертиром...

Но воины сонма богов, которые неистово стали прочесывать подошву горного хребта, вскоре вернулись — с Тиалфи, но без Хейзинга. Сын Локи умирал. Широкий разрез на его горле ужасно пузырился, когда он попробовал заговорить.

— Немец был около меня, когда увидел ваш ужас и гнев, — прошептал Тиалфи принцессе. — Я поскакал за ним, чтобы остановить его. Он симулировал сдачу в плен и внезапно поразил меня кинжалом...

Голова Тиалфи откинулась. Независимо оттого, что он был сыном Локи, Тиалфи не оказался предателем. Фаллон заметил, что белый, ужасный гнев собрался на лице и в бурных глазах Бринхилд. И такой же гнев отразился на лицах всего сонма богов.

— Смотрите! — закричал Хеймдалл, указывая вниз на ревущее сражение в деревне.

— Немцы едут к нам!

Это было верно. Продвигающаяся нацистская сила внезапно отвернула от баррикад, на которые нападала, и

двинулась к гребню склона, на котором находились всадники сонма богов.

Танки уже следовали впереди, грохоча по снежному склону с их пушками, готовыми к действию. Позади них шла масса пехоты, в быстром марше.

Фаллон немедленно все понял.

— Это Хейзинг, сбежавший к ним, рассказал о нашем присутствии здесь! Они идут за тобой, Бринхилд. Если они смогут захватить или убить тебя, то они разрушат ваш сонм богов. Хейзинг знает, как они могут вторгнуться в вашу долину, и заполучить там ключ к победе над великими державами.

— Это все время было планом лживого дьявола! — добавил Хелверсон.

Крик гнева возвысился от сонма богов, когда все поняли двуличность Хейзинга, который всегда планировал обмануть их.

— Они собираются вторгнуться в Асгард? — проревел Тир. Он крутанул тяжелым мечом в воздухе. — Кажется, нам придется воевать, как мы и надеялись, в конце концов.

Синие глаза Бринхилд засверкали. Ее голос зазвенел над неистовым войском на горном хребте.

— Впредь, немецкие мясники — наши кровные враги, а норвежцы и их союзники — наши друзья. Подготовьтесь, дети Асгарда, для сражения.

Дикие крики ликования ответили ей. Мечи и топоры были приведены в готовность.

Хелверсон обеспечился топором Тиалфи, а меч погибшего вручил Фаллону.

— Бринхилд, что ты будешь делать? — обратился Фаллон к дочери Тора. — Ты не сможешь противостоять этим немцам. Независимо от того, насколько храбры ваши воины, мечи и топоры бесполезны против самолетов, танков и орудий!

Нацистские силы уже текли по более низким склонам. Танки грохотали впереди по снегу. Плюющая смерть из их

пулеметов должна была начаться в течение нескольких минут. Они и автоматчики позади них были почти в пределах дистанции стрельбы.

И пикирующие бомбардировщики, которые бомбардировали горящую деревню, прекратили это, в ответ на радиокоманды. Фаллон понял, что эти самолеты быстро определяют скопление войск сонма богов и снизятся над ним.

Бринхилд ответила на уговаривание Фаллона звенящим смехом.

— Я говорю тебе, что, несмотря на их железные машины, мы сокрушим их этой ночью. Теперь держитесь подальше от меня, и ждите моего сигнала.

Дочь Тора поехала вперед, на небольшой мыс снежного горного хребта. Ее тонкая оправленная в кольчугу фигура и голова без шлема отражались силуэтом напротив дикого яркого света горящей деревни и вспыхивающего Северного сияния.

Она подняла руки к небу в жестоком жесте. Нацисты с поднимающегося склона, бросили взгляд на нее, и пушки из их стремительно движущихся танков выплюнули град снарядов в нее. Но Бринхилд оставалась неподвижной на своем коне, руки все еще двигались вверх.

Фаллон почувствовал большую пульсацию опасения, когда заметил, что отдаленные нацистские самолеты теперь режут к ним. Через несколько мгновений те самолеты спикировали, чтобы выпустить свои бомбы для уничтожения войска сонма богов перед танками и прибывающими стрелками. Через несколько мгновений девушка, которую он любил больше жизни была бы взорвана...

Вспыхивающее небо внезапно стемнело. Облака, как обширные черные крылья, закрылись внизу, на стонущем ветру, чтобы уничтожить лучи Авроры.

— Это штормовое волшебство, — пробормотал Тир внезапно хриплым голосом. — Смотрите...

Фаллон почувствовал, что волосы вздыбились на его шее. Те обширные черные крылья облаков появились так

внезапно, и с невероятной стремительностью опустились к основанию гребня того горного хребта. Стонущий ветер возвысился до свиста, кричащая буря сверху била по самолетам, раскидывая их как листья.

— Я боюсь, Фаллон, — изрек Хелверсон, его глаза расширились от ужаса. — Это гнев богини...

Небеса и земля прыгали в ослеплении света, когда колоссальные вспышки молнии сверкали вниз, опускаясь в черноту. Сверкающая, мерцающая фигура Бринхилд стояла с дикими руками, все еще поднимаемыми ввысь.

Американец бросил взгляд на стрелы молний, великолепно поражающих грохочущие танки внизу склона, превращая их в опаленный металл. Он видел оглушенные и растерянные массы нацистской пехоты.

— Молот волшебной власти Тора обрушился на них! — завопил Хеймдалл. — Приготовьтесь, товарищи!

Непрерывные взрывы грома катились поперек почерневшего неба. Ливни неистового града неслись вниз по склонам, и, тем не менее, танец молний, поражал и поражал туда.

Фаллон видел нацистские самолеты, схваченные в небе, сопротивляющиеся этому ужасному шторму. Непрерывно бьющие молнии неистово поражали немецкие войска в снегу.

Внезапно Бринхилд появилась из адской бури на его стороне. Теперь она действительно была похожа на богиню — ее фигура и дикое белое лицо сияло с тем жутким блеском.

— Сыновья сонма богов, мы едем! — известил ее серебристый голос.

Три тысячи голосов издали ответ через грозовой шум.

Фаллон почувствовал себя выжатым от сверхчеловеческих эмоций, когда галопировал около Бринхилд вниз по снежному склону, к врагу. Он слышал орущий крик белой рыси, когда та прыгала перед мчащимся конем дочери Тора.

Его меч был в руке, когда они мчались вниз, через молнии, град и темноту. И через весь шум резни возвышался крик Бринхилд и валькирий.

— Эй хо!

Они врезались внизу в ряды нацистской пехоты как удар молнии. Фаллон стремился держаться перед Бринхилд для ее защиты. На нее бросали испуганный взгляд немцы, и пытались нанести удары штыками отовсюду.

Внизу он неистово рубил мечом людей, которые стремились поднять свои винтовки, чтобы выстрелить. Он видел, что нацистские солдаты отскочили с криками ужаса от прыгающей белой рыси и Тира, который кричал отчаянно, как если бы был поражен. И рядом несли Хелверсон, кружа тяжелым топором, обезумев от крови и сражения. Тонкий меч дочери Тора прыгал в быстрых и смертельных ударах.

Внезапно молния ударила перед его галопирующей лошастью, и Фаллон упал вместе с нею. Из фантазмагорического сражения при свете ночи вынырнуло разъяренное волчье лицо, срочно отправившееся к Фаллону. Красота Виктора Хейзинга пропала, когда он подъехал к американцу с направленным автоматическим пистолетом в руке.

Фаллон почувствовал рывок пуль по его куртке и через шум услышал неистовый крик Хейзинга.

— Боже, по крайней мере, я заберу тебя...

Молния осветила сумасшедшую сцену, когда Фаллон бросился на стреляющий пистолет с мечом, двигаясь прямо на немца.

Он почувствовал, как одна из пуль язвительно задела по бедру, и затем его протянутое лезвие вонзилось в тело Хейзинга, и Фаллон почувствовал, что его рукоятка остановилась напротив ребер немца. Прыжок коня освободил его меч, и, оглянувшись назад, он увидел падение нациста из седла.

Немецкие войска теперь повсюду бежали в беспорядке. И за ними скакали неистовые воины сонма богов. Это все произошло в течение получаса. Шторм бормотал далеко, и

Фаллон был почти рад, что эта темнота скрыла рассеянные и мертвые войска немцев на снежном склоне.

Он сидел на лошади возле Бринхилд, на гребне, когда войска сонма богов повторно собрались на склоне. Дикий крик донесся от них, когда они подняли красные мечи и топоры в приветствии дочери Тора.

— Уважение принцессе! Благодаря вашему штормовому волшебству, мы не оставили здесь в живых ни одного немца!

— Да, но есть другие мясники в Нортленде, — напомнила им Бринхилд. — И теперь нам, сонму богов, не будет отдыха, пока они не убрались туда, откуда они прибыли. Мы поедем дальше от нашей долины, и снова и снова будем наносить удары им везде, где найдем их, пока земля не очиститься от них.

— Мы слышим, и мы будем следовать за Вами, принцесса! — прибыл жесткий ответ.

— И я буду следовать за вами, если вы позволите мне, — прогрохотал Хелверсон с пылающим лицом.

Но Фаллон молчал. И Бринхилд посмотрела на него с внезапной беспокойной серьезностью.

— Я знаю, что ты тоже поедешь с нами.

Он тяжело покачал головой, и указал вниз на отдаленную деревню, где два судна теперь достигли дока и загружали беженцев.

— Те корабли идут в Англию, Бринхилд, — сказал он медленно. — И я должен поплыть с ними.

— Но ты не можешь! — закричала она. Ее блестящие глаза горели. — Чужестранец, ты знаешь, что я люблю тебя. Даже когда я была сердита оттого, что думала про твой обман, я все еще любила тебя и была уверена, что ты любишь меня.

Он наклонился в седле, чтобы обнять руками ее и почувствовал волнующий контакт ее губ.

— Девушка или богиня, но я действительно люблю тебя, Бринхилд, — произнес он хрипло. — Но я дал присягу,

которую должен сдержать. Я обязан возвратиться в Англию, чтобы поддержать снова свою часть в войне в небе.

Ее белое лицо опечалилось.

— Но ты возвратишься, чужеземец?

— Я вернусь, Бринхилд. Ничто не помешает мне вернуться.

Фаллон стоял у борта переполненного небольшого британского фрахтовщика, когда он и второй корабль—близнец упорно пробирались через лед к открытому морю. Он стоял, оглядывая позади дикую местность из снежных гор, которые удивительно простирались за берегом.

Радостные норвежские беженцы, которые переполняли палубу позади него, были все еще взволнованны, обсуждая тайну их спасения. Все, что они знали, было то, что какое—то потрясающее сражение имело место на отдаленных склонах, которые уничтожило нацистов, которые были в шаге от их завоевания. Шторм скрыл то сражение, и тайна их спасителей была неразгаданной.

— Они, должно быть, были большой силой из норвежских партизан, которые возвратились в горы после того, как уничтожили нацистов, — сказал человек.

Высокая норвежская женщина, с глазами, пылающими странным светом, покачала головой.

— Они были старыми богами, вернувшимися из Асгарда, чтобы помочь нашим людям.

Только Тор или его дочь могли разбить захватчиков штормом, как этот.

Странные истории дрейфовали по приведенной в боевую готовность Норвегии.

Полусомнительные утверждения снова и снова возникали, муссируя слух, о повторном появлении старых богов, помогавшим защитникам от захватчиков.

Могущественный сонм богов спускался ночью, влетая как ураган, делая набег на немецкие посты. Дочь Тора и ее валькирии снова приходят с Северной Земли, поддерживая

людей Норвегии, борющихся с тиранами, которые должны быть свергнуты.

Однажды, Фаллон знал, что так и будет, он вернется снова на эту дикую, сверхъестественную Северную Землю, и поедет в горы к долине, где дочь Тора ждет его.

ЗАБЫТЫЙ МИР

1. СТАРАЯ ПЛАНЕТА

Когда Марн ушла, Карлин в изнеможении опустился на кровать. Это была реакция на утомительное, долгое путешествие. И, без сомнения, следствие звездной болезни.

В спальню доносились звуки приглушенного разговора:

— ...если Контроль—оператор докопается до того, что мы делаем. — Карлин узнал голос Харба Ленда. Разговор вскоре затих.

«Что они замышляют? — подумал, засыпая, Карлин. — Видимо, это противоречит законам, с помощью которых Контрольное Консульство управляет объединением галактических миров...»

Когда утром Карлин спустился в нижний зал, он сразу почувствовал недружелюбие старшего брата. Харб, не глядя на него, процедил приветствие. Но Карлин не обратил на это внимания, а с ужасом смотрел на приготовленную пищу. Вместо нежно—розового синтетического желе, которое он обычно употреблял, на столе были вареные овощи, натуральное молоко и настоящие куриные яйца.

Преодолев отвращение, он немного поел и сразу же опьянел от слабости.

Харб с издевкой смотрел на него, а старый Грамп засыпал Карлина вопросами, связанными с полетами к звездным мирам.

— Я и сам кое—что видел! — говорил старик. — Космические путешествия в крови нашей семьи. Моя мать была прямым потомком самого Джонсона Корхема! — с гордостью закончил он.

— А кто он, Джонсон Корхем? — удивленно переспросил Карлин.

— И что только они изучают там, в своих школах? — сердито буркнул Грамп. — Разве вы не знаете, что Корхем был

первым, кто проложил дорожку к звездным мирам две тысячи лет назад?

— Сожалею, теперь я вспомнил это имя, — смущенно ответил Карлин. — Я много занимался астрофизикой, и у меня не хватало времени на древнюю историю.

— Вы изучали субатомiku или только пространственно—силовую динамику?

— И то и другое. А еще, я электронный механик, — ответил Карлин и заметил, как при этом Джонни бросил на брата торжествующий взгляд. Это его очень удивило.

— Джонни знаком с этими штучками, — заметил Грамп. — Он космический инженер и учился в университете на Канопусе.

— Вы получили образование на Канопусе? — удивился Карлин. — Так какого черта вы торчите на этой планете?

— Я люблю Землю! — с достоинством ответил юноша.

— Но этот мир так изношен, здесь нет поля для С. Е. Вам надо ехать на Ангол, — возразил Карлин.

— Вы все советуете нам оставить Землю! — грубо перебил его Харб. — И Контрольный Консул по поводу всех наших бед твердит одно: «Почему бы вам не эмигрировать на другие планеты?»

— Зачем винить Контрольного Консула? — с вызовом спросил Карлин. — Ваша вина, что вы глупо израсходовали запасы меди и теперь испытываете недостаток мощности!

Лицо Харба потемнело от гнева, и он воскликнул:

— Да, мы глупо растратили энергетические ресурсы! Мы двадцать столетий назад открыли дорогу к звездам. Мы растратили свою медь, чтобы основать внеземную цивилизацию. Теперь забыты всеми!

— Харб, пожалуйста! — с огорчением воскликнула Марн.

Они закончили ужин в полной тишине. Когда Карлин поднимался к себе наверх, его остановил Джонни.

— Не принимайте к сердцу вспыльчивость Харба. Все люди на Земле до безрассудства обеспокоены недостатком мощности.

Карлин вошел в спальню. Свет автоматически не зажегся, а где искать выключатель, он не знал. В полной темноте Карлин медленно разделся, лег в постель и долго всматривался в ночь.

Через открытое окно вся комната была наполнена ароматом цветов, слышался шорох листвы от слабого ветра, и чужое незнакомое звездное небо...

Карлин затосковал по дому. Он подумал, что если бы сейчас вернулся на Канопус, то отправился бы с Найлой потанцевать в танцзал Солнечного города или прогуливался бы в Желтых садах... Он незаметно для себя уснул.

Карлина разбудили солнечные лучи, нагло светившие в глаза. И, к своему удивлению, он почувствовал себя значительно лучше, чем вчера. На этой примитивной кровати он отлично выспался, и сейчас его уже не тревожило то, что придется надолго обосноваться на Земле.

Странные, пожалуй, музыкальные звуки лились в окно. Карлин догадался, что это пели птицы. А воздух был прохладным, чистым и немного пьянящим.

«Какой восхитительный воздух на этой старой планете», — подумал Карлин. Он оделся в приготовленный для него костюм на молниях из грубой ткани и спустился вниз.

В комнате была только Марн. В ее пепельных волосах красовался ярко-красный цветок. При виде спускающегося гостя по ее лицу скользнула беспокойная улыбка.

— Ну как, вам сегодня лучше? — спросила Марн.

— Немного. Боюсь, что вчера вечером я был резковат.

— Вы просто устали. Сейчас приготовлю завтрак.

Странное чувство испытывал Карлин, сидя в этой старой, залитой солнцем кухне и наблюдая, как девушка в своих варварских брюках готовила завтрак на самой обыкновенной электрической плите, вместо того, чтобы нажимать на кнопку и запрашивать из автосервиса все необходимое.

— Джонни с Харбом отправились на космодром, — через плечо бросила Марн. — Они готовят планетолет для полета на Меркурий.

— Меркурий? — удивился Карлин. — Это, кажется, самая удаленная и близкая к Солнцу планета?

— Да. Люди Земли часто отправляются на эту жаркую планету в поисках меди. Подобную экспедицию и готовят Джонни и Харб.

Завтрак, который Марн приготовила, Карлин, к своему удивлению, съел весь. Пища была грубая, но вполне приемлемая.

Позавтракав, Карлин поблагодарил девушку и добавил:

— Я постараюсь как можно меньше доставлять вам хлопот. Марн кивнула и, немного помолчав, сказала:

— У соседей останавливались путешественники, прибывшие отдыхать на Землю, и все они еще долго, после того как улетели, с удовольствием вспоминали нашу Землю.

Карлин думал иначе, но возражать не стал.

Марн заметила его молчаливое несогласие и добавила:

— Вы ведь много работали в космосе и на других мирах, Земля покажется вам скучной.

— Я должен воспринимать ее такой, какой она есть, — ответил Карлин. — Пойду прогуляюсь.

— Если вы подниметесь по ручью, то найдете Грампа. «Он удит рыбу!» — прокричала вслед Марн.

Карлин прошел мимо громоздкого, закрытого железобетонного сарая или склада, мимо большого, наполовину закрытого в землю, гидропонического резервуара, наполненного зеленой массой незнакомых растений, и вышел к дороге, которая тянулась широкой бетонной полосой, огибая лес. Впервые в жизни Карлин увидел дорогу, которая была не прямой.

«Бедная планета... Даже приличной дороги построить не могли». В небе было пустынно, лишь изредка голубой свод пересекал одинокий атомолет.

«Старая, допотопная модель...» — машинально отметил про себя Карлин.

«Нет ничего удивительного, что эти бедные и гордые земляне обижены на всю Галактику, — думал Карлин. —

Ведь то же было и со мной, если бы, к своему несчастью, я родился бы здесь.»

Дорога бежала на запад вдоль опушки леса и походила на огромный змеевик — как она изворачивалась, обходя большие валуны и неглубокие овраги.

Раздался странный звук. Карлин остановился и невольно попятился к обочине. Мимо него проехала машина — боже! — на самых обыкновенных колесах, вместо того чтобы скользить на воздушной подушке над полотном дороги.

А лес, по мнению Карлина, был в жутком беспорядке. Большие и маленькие деревья перемешались, душили друг друга, повсюду коряги, сухие ветви и ползучие растения.

Все это можно было встретить на необжитых планетах, но ведь Земля — старейшая планета Галактики! Карлин понимал, что здесь есть свои преимущества: чудесный, вино-подобный воздух, и ходить гораздо легче, чем на других мирах. Ему было странным гулять вот так просто, без плаща дегравитации.

Он не нашел ручья, о котором говорила Марн, и присел на пенёк у края дороги, размышляя об этом, полным тишины и сонного спокойствия, мире. Нигде не было слышно деятельности человека.

Карлин все ещё чувствовал себя разбитым. Он лениво наблюдал за небольшим блестящим насекомым, порхающим с цветка на цветок рядом с ним. Легкий ветерок заставлял падать, кружась в медленном танце, освещенные солнцем одинокие листья. И всюду пели, перекликались, заливались трелями всевозможные птицы.

«Старая, всеми забытая планета, — думал Карлин. — Люди Земли живут в прошлом...»

Когда же, наконец, Карлин встал и выбрался на дорогу, то в удивлении заметил, что солнце уже высоко поднялось в небо, а на душе было спокойно и словно радостно...

2. ТАИНСТВЕННАЯ МАШИНА

Однажды, возвращаясь с очередной прогулки, Карлин увидел, что большой сарай позади дома был открыт. Карлин заглянул внутрь и с удивлением обнаружил, что помещение оборудовано современными приборами. В дальнем углу мастерской возвышалась массивная машина, центральная часть которой была скрыта под металлическим кожухом.

— Похоже на генератор силового поля... — пробормотал Карлин. — Интересно...

Неожиданно из-за машины выскочил низкий квадратный мужчина с рыжей бородой.

— Что вам здесь надо? — заорал он.

— Я хотел взглянуть на машину... — растерялся Карлин.

— Так я и думал. Я же предупреждал Джонни! — рыжебородый выхватил из кармана атомный пистолет.

Галактическая цивилизация достигла того уровня, когда насилие над человеком стало редкостью. Поэтому вид оружия не испугал, а изумил Карлина.

В этот момент в мастерскую вбежали Джонни и Харб.

— Лоссер, опусти пистолет! — закричал Джонни.

Рыжебородый резко повернулся.

— Этот парень шпионит за нами! Я давно уже слежу за ним!

— Джонни, я тебя предупреждал! — взорвался Харб.

— Этот человек сумасшедший? — в удивлении спросил Карлин. Юноша, прихрамывая, вышел вперед.

— Возвращайтесь на работу! — приказал он товарищам. — Карлин, я очень сожалею о случившемся. Сейчас я тебе все объясню. — Подхватив Карлина под руку, Джонни повел его к дому.

— Харб, Лоссер, я и еще несколько человек готовим экспедицию на Меркурий, — объяснил Джонни. — Мы изобрели новый металлоискатель, основанный на принципе радиолокации, с помощью которого надеемся найти на Меркурии медную руду. Эта машина и стоит в мастерской. Мы

стараясь хранить ее в тайне: не хотели бы, чтобы другие воспользовались нашим изобретением. Боюсь, что Лоссер принял вас за шпиона. Понимаете, земляне подозрительно относятся к посторонним...

— Я это заметил, — перебил Карлин юношу.

Вернувшись на веранду старого дома, Карлин задумался. Объяснение Джонни его не удовлетворило. Эта машина мало походила на металлоискатель. В ее очертании было что-то другое, и это «другое» вызывало беспокойство и настораживало.

Прошло несколько дней, и Карлин стал забывать о машине в мастерской, хотя какое-то беспокойство осталось.

По вечерам в доме Лендов собирались соседи. Но Карлин старался держаться в стороне и не вмешиваться в спор. Постепенно неприязнь и подозрительность в отношении его стали исчезать.

Как-то вечером, после ужина, сестра Джонни предложила ему проехаться на космодром.

Карлин согласился. В космопорт они приехали в сумерках. Затем медленно брели по направлению к планетолету Джонни. Внезапно Марн заставила Карлина свернуть к устремленному ввысь бетонному лучу, смутно видневшемуся на темном фоне ночного неба.

— Это в честь первого человека, улетевшего к звездам, — объяснила девушка. — С этого места впервые взлетел Горхем Джонсон.

Карлин с трудом различал в наступающих сумерках ряд имен и дат, выгравированных на пьедестале монумента.

Горхем Джонсон — 2011 год.

Марк Кэрю — 2020 год.

Ян Уэнзи — 2046 год.

Джон Норт — 2062 год.

— Боже мой, почти две тысячи лет назад! — воскликнул Карлин. — Какие же маленькие, неуклюжие звездолеты они тогда имели?

Марн смотрела, задрав голову, на маячивший в темноте шпиль.

— Люди критикуют землян за их гордость. Мы горды потому, что являемся потомками тех, кто открыл Вселенную!

— Вы имеете великое наследство. Но главное все же настоящее, а не прошлое, — возразил Карлин.

— Вы, как и другие, считаете, что история Земли закончилась? — с вызовом спросила Марн. — Так ошибаетесь: земляне еще многое сделают.

Карлин попытался было спросить, что она под этим подразумевает, но девушка решительно направилась сквозь ряды планетолетов к кораблю брата.

— На солнечной стороне Меркурия ужасно, — быстро сказала Марн, увидев, что Карлин внимательно разглядывает генератор. — Для защиты экипажа нужно очень сильное заградительное поле.

В центре корабля находился большой трюм, он был пуст. И Карлин сразу вспомнил странную машину в мастерской Джонни: она как раз вошла бы сюда.

— Хелло, Марн! — раздался приятный голос. — Я видел, что вы проходили по космодрому. Как идут дела у Джонни?

К ним подошел молодой человек в форме агентства, следящего за соблюдением законности во всей Галактике.

— Я Росс Флоринг, — представился он Карлину. — Контролер—оператор. А вы тот парень, что прилетел на Землю лечиться и остановились у Лендов? Рад с вами познакомиться.

Он повернулся к Марн.

— Когда Джонни планирует полет на Меркурий?

— Не знаю, Росс... — Марн почему—то смутилась. — Им надо сделать какие—то приготовления.

В этом простом разговоре Карлин почувствовал какую—то недоговоренность.

— Марн, я люблю Джонни, — продолжал Флоринг. — И, поверь, мне бы не хотелось, чтобы он из—за этой экспедиции оказался в опасности.

Марн явно уклонялась от разговора.

— А что может произойти с Джонни в этой экспедиции? Полет на Меркурий ничего особенного не представляет. К тому же с ним будет Харб.

— Что-то я на это не надеюсь, — тихо ответил Флоринг. — Медь не стоит такого риска. Скажи Джонни это. Да, на днях я загляну к нему поговорить...

Девушка поспешила уйти, Карлин последовал за ней.

— Мы еще увидимся, мистер Карлин, и поговорим о доме, ведь я тоже с Канопуса! — крикнул им вслед Флоринг.

Когда автомобиль уже отъехал, Карлин сообразил, что он не называл Флорингу своего имени. «Интересно, о какой опасности говорил контролер—оператор?» — подумал он.

— Марн, Флоринг как будто неплохой парень?

Девушка была явно встревожена.

— Да, один из лучших, к тому же он любит Джонни. Но ради выполнения долга он забудет обо всем.

Карлину показалось, что Марн размышляла вслух, а не отвечала ему. Странно... Слова Флоринга звучали, как предупреждение.

3. ОТЧАЯННЫЙ ПЛАН

Грузовик, пыхтя и гроыхая, спускался по старой дороге. В черно—бархатном небе блеснула цепочка звезд: Вега, Арктур, Альтаир... — они были так далеко. Наконец, подъехали к дому, остановились, осмотрелись. Свет горел только в мастерской.

— Я отнесу Джонни инструмент, — девушка стала вылезать из кабины.

— Марн, а что на самом деле задумал ваш брат? — остановил ее Карлин. — И о чем таком знает Флоринг?

Марн вздрогнула и напряглась.

— Разве Джонни не рассказывал вам о своих планах? — с наигранным удивлением спросила она.

Маленькая обманщица в этот момент была такой привлекательной: ладная, миниатюрная фигурка и бледное

одухотворенное лицо с широко открытыми испуганными глазами. Карлин поддался внезапному порыву, нагнулся и поцеловал ее.

Под его руками оказалось плотное и теплое тело. Она не двигалась, но ее губы были плотно сжаты.

— Вы... вы не противитесь мне? — удивился Карлин.

— Нет, — спокойно ответила Марн. — Это же привилегия для путешественников с дальних миров — немного пофлиртовать с девушкой Земли, прежде чем улететь обратно.

— Зачем вы так? — запротестовал Карлин, но тут же умолк. Понимал: она ведь в общем права.

— Ладно, больше не будем, — порывисто сказала Марн. — Доброй ночи.

В спальне Карлин долго смотрел в открытое окно, где внизу, в долине, ярко горели бакены космодрома.

Он уже лежал в постели, когда услышал, что Марн вернулась одна. Видимо, Джонни и Харб продолжали работать.

— Что, черт возьми, они там делают? И почему Флоринг так осторожен? Впрочем... это меня не касается, — Карлин сладко зевнул. — Что может быть опасного в этой маленькой планетной системе? Восемь или девять небольших планет и среднее, заурядное солнце...

— Солнце?... — что-то, словно вспышка, озарило Карлина. Он поспешно сел на кровати. — Боже мой, а если они на самом деле задумали... Не может быть! Разработка солнечной фотосферы?.. Неужели они так обезумели, что пойдут на это? Эта сверхмощная термозащита корабля, сверхсекретность. И машина — та, что он видел в мастерской...

Разработка солнечной фотосферы! Невероятное, запрещенное Контрольным Консульством предприятие!

— Нет, Джонни Ленд не пойдет на это! Он же знает, что может случиться, — сказал он себе.

Сказал, но не убедил себя. Стал вспоминать о навязчивой идее, которая владела Джонни, о нехватке на Земле энергии, о предупреждении Флоринга.

— Я должен узнать правду! — Карлин вскочил и торопливо оделся. — Если Джонни с приятелями задумали такое катастрофическое предприятие, я должен остановить их.

Он осторожно спустился вниз, прокрался через спящий дом и вышел в слабо освещенный двор. Свет горел только в мастерской, и Карлин направился туда.

Он ненавидел шпионство, но сейчас выбирать не приходилось. Мастерская оказалась закрытой, свет падал из окна. Пока Карлин стоял в нерешительности, неожиданно, открылись передние ворота, и оттуда вышел Лоссер с двумя парнями. В их фигурах чувствовалась усталость.

— Придем завтра! — бросил в мастерскую Лоссер. — Пора кончать в ближайшие дни.

Все трое, шаркая ногами, побрели к машине и уехали. На минуту ворота оставались открытыми. Карлин быстро подошел к ним, вглядываясь в глубину большого светлого зала. Джонни и Харб ставили какой-то громоздкий металлический цилиндр — видимо, кожух центрального механизма машины. Карлину достаточно было одного взгляда: эта огромная катушка электромагнита, массивная балкообразная голова и батарея фильтров Маренхейма... Ленды планировали несчастье.

Что-то твердое вдруг уперлось ему в спину, и дрожащий от гнева голос проговорил:

— Это атомный пистолет. Руки вверх!

— Марн! — с удивлением узнал Карлин.

— Не поворачивайтесь! — предупредила девушка. — Я видела, как вы крались сюда. Шпион!

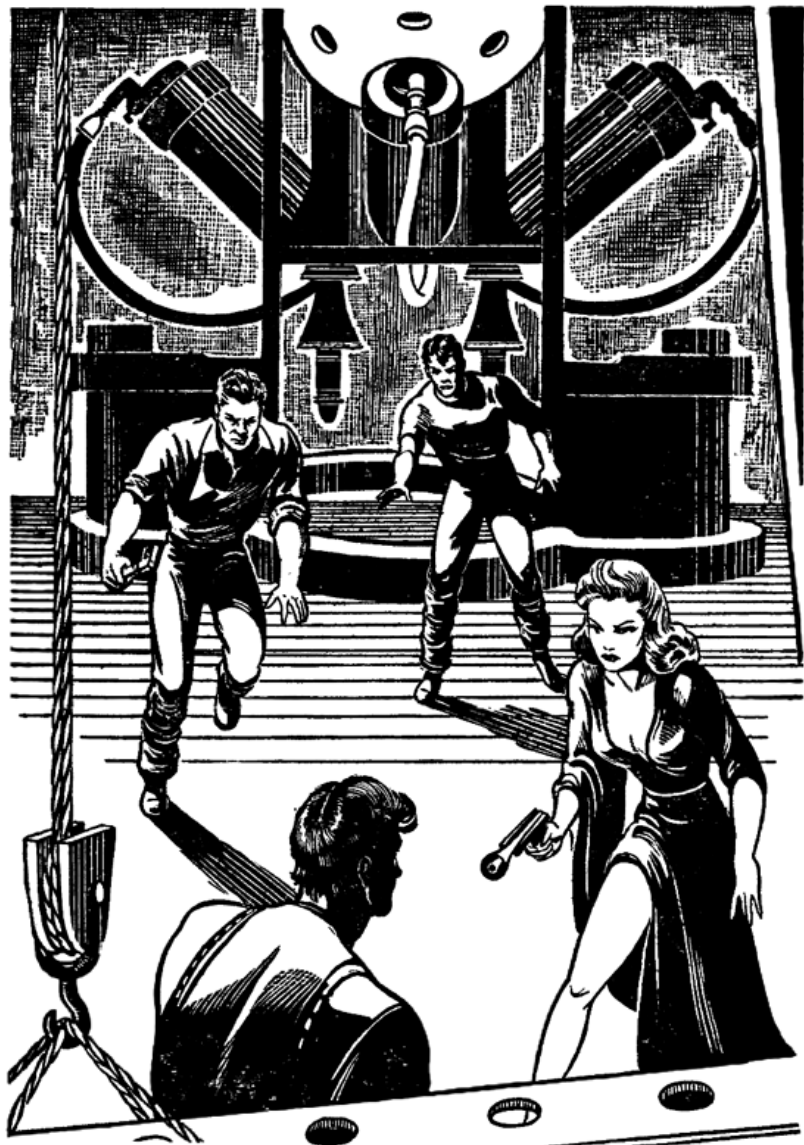
Карлин непроизвольно обернулся к девушке.

Это могло, конечно, обернуться убийством, держи Марн пистолет наготове. Но девушка была неопытная и не успела нажать на курок. А может, она вовсе и не хотела этого делать?

Прежде чем Марн успела опомниться, Карлин вырвал у нее пистолет.

— Харб! Джонни! — крикнула девушка.

Ворота распахнулись, и два брата выскочили из мастерской. Лицо Харба не предвещало ничего хорошего. Карлин отскочил и поднял оружие.

— Назад! — приказал он. А так как Харб был ослеплен гневом и был способен на что угодно, добавил: — Назад, я не хочу вас убить...

— Харб, остановись! — крикнул Джонни. Его лицо было бледным, но самообладания он не потерял.

Харб застыл на месте. Его гигантская фигура напряглась, огромные кулаки судорожно сжимались.

— Я говорил тебе! Говорил, что может случиться!

Марн бросилась к братьям:

— Это моя вина, Джонни! Я слышала, как он направлялся сюда, и последовала за ним, но он успел вырвать пистолет, прежде чем я выстрелила!

— Спокойно, Марн, — с нежностью сказал Джонни. — Все будет хорошо. Просто Карлин еще не все понимает.

Хромой юноша лучше всех сохранял выдержку и спокойствие.

— Я все знаю, — в волнении заговорил Карлин. — Вчера вечером я только предполагал, но один взгляд на вашу драгу убедил меня во всем. Так вы, говорите, направляетесь на Меркурий? Насколько я теперь вижу, у вас, по—моему, совсем другой план. Вы, кажется, решили заняться разработкой солнечной фотосферы?

Джонни сохранял полное спокойствие.

— Карлин, Земля задыхается от нехватки энергии. — Чтобы ее иметь, нам нужна медь. Но она давно уже израсходована. В нашей системе миллиарды тонн меди только в одном месте — на Солнце. В его горячем газе столько меди, что Земле и другим планетам хватило бы на тысячелетия.

— Вы так много рассуждали о меди, что стали безумными!

— А что, собственно, безумного в нашем намерении? — невинно спросил Джонни.

— Вы же С. Е. и еще спрашиваете? — вспыхнул Карлин. — Вы хорошо знаете, что разработка солнечной фотосферы приведет к катастрофе. На своем корабле вам удастся приблизиться к Солнцу, может быть даже с помощью

специальной драги высосать из газа необходимую вам медь. Но что за этим последует?

— Вам не хуже меня известно, — продолжал Карлин, — что случилось, когда пытались это сделать. Положим, ваше устройство вгрызается в атмосферу Солнца. Через некоторое время на поверхности образуется небольшое пятно, которое вдруг неудержимо растет, превращается в гигантский сифон, затем... Затем, известно, следует взрыв и выброс в пространство сгустка плазмы, что приведет к гигантской катастрофе! Ведь не зря же Контрольное Консульство строжайше запретило заниматься разработкой солнечной фотосферы.

— А предположим, что мы нашли способ, с помощью которого можно вести разработку солнечной фотосферы без образования солнечного пятна? — возразил Джонни.

— Не может быть! Это еще никому не удалось. Есть только единственный путь, который автоматически приведет к образованию солнечного пятна.

— Но я нашел новый способ! — повторил Джонни.

Тут Карлин вспыхнул:

— Вы меня просто обманываете, так как знаете, что я доложу о ваших планах контролеру—оператору.

— Вы не сделаете этого! — выкрикнула Марн.

— Не хотел бы, но я должен это сделать! Я не могу позволить группе сумасшедших совершить катастрофу, которая погасит жизнь на планетах.

Лицо Джонни вспыхнуло, но он сдержался и, прихрамывая, вышел вперед. Он не обращал никакого внимания на пистолет в руках Карлина.

— Лэрд, будьте благоразумны! Вы задумались, почему вы живете у нас? Потому что вы С. Е., Лэрд! Я скоро буду нуждаться еще в одном опытном инженере. Так хотите, я докажу вам, что нашел безопасный способ разработки солнечной фотосферы?

Карлин почувствовал глубокую убежденность в голосе юноши. Возможно, Джонни и в самом деле может доказать,

иначе зачем бы он разрешил ему остаться у себя в доме, когда рядом идет такая секретная работа?

— Словом, дайте мне возможность объяснить свой план, и я вам докажу, что смогу вести разработку солнечной фотосферы без малейшей опасности катастрофы! — энергично закончил Джонни.

— Если так, — не сдавался Карлин, — почему вы не смогли убедить в этом Контрольное Консульство и получить разрешение на разработки?

— Карлин, я пытался убедить Консула! Делал одну попытку за другой, даже дал детальный план. Но Консульство не имеет компетентных инженеров, а страх перед катастрофой велик.

— Вот почему Росс Флоринг и другие офицеры Консульства и не спускают с брата глаз! — добавила Марн. — Они знают о наших планах и подозревают, что мы тайно готовимся к их выполнению.

Все это звучало убедительно, но Карлин еще в нерешительности сжимал пистолет.

— Так договорились? — улыбнулся Джонни. — Я в деталях объясню вам свой план, и, если вы заметите, что он не полностью устраняет возможность катастрофы, даю слово, что позволю вам сказать об этом Флорингу.

Карлин еще раз в нерешительности посмотрел на Джонни, подумал и опустил оружие:

— Я не намерен принимать участие в этой аванюре, но готов выслушать объяснение.

— Уф! — вздохнул Джонни. — Драматический вечер закончился благополучно. Харб, запри мастерскую, работу оставим на завтра.

Когда Марн забирала свой атомный пистолет, Карлину было немного не по себе.

— Сожалею, что я так отплатил за ваше гостеприимство, — сказал он девушке. — Но иначе я поступить не мог.

— Знаю, — холодно ответила Марн.

— Джонни вам все объяснит, он знает, что делать.

— И я рад, что вы договорились! — раздался из темноты хриплый голос Грампа Ленда. — Время позднее, идите спать.

Старик вышел из темноты с усмешкой на морщинистом лице, покачивая в руке тяжелый атомный пистолет.

— Будьте уверены, мистер Карлин, эту штуку я держал за вашей спиной, — хихикнул старик.

4. ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС

Вернувшись домой, Карлин так и не уснул. Его одолевали сомнения. Почему он смалодушничал и дал Джонни убедить себя? Этот фантастический план. Ведь безрассудство землян было явным...

Карлин похолодел от ужаса, вспомнив, что произошло несколько лет назад в системе звезды Мицар. Как только луч магнитной драги врезался в атмосферу звезды, образовалось незначительное солнечное пятно, превратившись в водоворот плазмы. Пятно росло и расширялось с катастрофической быстротой. Вихрь раскаленных газов поглотил корабль, а затем последовал выброс плазмы в пространство. И, прежде чем солнечное пятно исчезло, жизнь на планетах этой системы прекратилась.

Затем то же самое повторилось и в созвездии Поллариса. Не удивительно, что последовало всеобщее возмущение и Контрольное Консульство строжайше запретило заниматься разработкой солнечной фотосферы.

Теперь Карлин стал свидетелем того, что и умами землян овладела навязчивая идея солнечных разработок. Ведь медь в их истощенной системе была только в одном месте — на Солнце.

Карлин заснул на рассвете и встал, когда уже вовсю светило солнце. Он нашел Лендов за завтраком.

— Как позавтракаете, мы покажем вам свою установку, — тихо сказал Джонни.

— Хорошо, что вы оказались покладистым парнем, — добродушно прогудел старый Грамп. — Не то я еще вдруг хлопнул бы вас вчера.

— Ты этого не сделал бы, — возразила Марн.

— Что ты мне говоришь? — возмутился старик. — Когда я был молод, меня называли самым жестоким человеком в космосе.

Карлин в сопровождении Харба и Джонни прошел в мастерскую. Хромой юноша отпер входную дверь и указал на возвышавшуюся цилиндрическую машину.

— Идите, смотрите сами!

Карлин быстро осмотрел ее. Это была магнитная драга несколько необычной конструкции.

— Вам, конечно, знаком принцип солнечных разработок, — начал объяснение Джонни. — Планетолет, защищенный от радиации силовыми щитами, приближается, насколько можно, к фотосфере Солнца. Силовое магнитное поле, созданное генератором драги, концентрируется в тонкий луч—шнур. Магнитный луч врезается в море солнечного газа, состоящего из различных элементов, и всасывает все без разбору. Затем газ, попавший в машину, проходит через фильтры Марнхейма, которые как бы просеивают эту смесь, не пропуская атомов меди. Медный газ сжижается в охладителях. Готовая смесь в виде крупинок—гранул складировается, а отработанная газовая смесь выбрасывается обратно в пространство...

Карлин грубо перебил его, воскликнув:

— Да, выбрасывается! Что вы мне рассказываете сказки... Отбирая газ, мы в какой—то точке звезды снижаем поверхностное давление. Возникает маленький водоворот, затем солнечное пятно, которое разрастается до гигантских размеров, выброс большого количества плазмы и... катастрофа!

— Карлин, не делайте поспешных заключений! Взгляните на лучевую трубу более внимательно.

Карлин последовал совету Джонни и, осмотрев трубу, удивился ее необычной конструкции.

— Не понимаю... Что это — две концентрирующие лучевые трубки вставлены одна в другую?

— Это и есть секрет моей схемы! — торжественно проговорил Джонни. — Две лучевые трубки, вмонтированные вместе в одну общую трубу. Первая предназначена для создания направленного луча с положительной магнитной тягой — всасывающая; вторая — для получения одновременного отрицательного магнитного потока. Она как бы выстреливает отработанные газы обратно на Солнце!

Карлин, ни слова не говоря, ринулся к магнитной драге. Он рассматривал ее снаружи, лазил внутрь...

— Ну? — с вызовом спросил Джонни.

— Гм... выглядит убедительно. Вы можете получить эффект всасывания газа без образования солнечного пятна. Но...

— Что, но? — взорвался Харб.

Карлин покачал головой и спросил:

— Почему Контрольное Консульство не приняло ваш проект, если это выглядит так надежно?

— Я же объяснял, — с раздражением заговорил Джонни. — Перестраховщики! Консульство не имеет в штате компетентных инженеров. Они рассмотрели выводы экспертов и решили: «Теоретически такое решение возможно, но очень опасно вести солнечные разработки. Нет необходимости получать медь таким опасным способом!»

Пальцы Джонни сжались в кулаки, он почти кричал:

— В Галактике, мол, достаточно меди! А Земля... Какое им дело до маленькой планеты под названием Земля!

Никогда еще Карлин не видел Джонни таким возмущенным.

— Есть только один путь доказать Консульству, что богатства солнца можно эксплуатировать без опасности катастрофы. Мы должны отправиться туда и вернуться с полными трюмами меди. Тогда они увидят, что ЭТО не опасно, и разрешат нам вести солнечные разработки!

Карлин стоял, раздираемый противоречивыми чувствами. Он восхищался гениальной идеей и ее блестящим инженерным исполнением, но в то же время его обязанностью как гражданина Галактики было поддержать Консульство.

— Джонни! — раздался крик Марн. — Джонни!

— Что произошло? — юноша бросился к вбежавшей в мастерскую девушке.

— Сюда едет Росс Флоринг! — Марн еле говорила.

Снаружи послышался звук останавливающейся машины.

Харб выругался, но Джонни оборвал его:

— Росс посмотрит на машину и все. Он только подозревает, но доказать ничего не сможет!

Харб указал на Карлина и спросил:

— А если он скажет?

— Приветствую вас! — Росс Флоринг, подтянутый, стройный, в форме офицера Контроля вошел в мастерскую. — Джонни, я решил навестить вас. Вы все заняты, все возитесь со своим планетолетом?

— Да, я много им занимаюсь, Росс, — улыбнулся Джонни.

Карлин знал, что молодые люди симпатизируют друг другу, но сейчас в мастерской ощущалось скрытое напряжение.

Офицер прошел вглубь помещения, к возвышавшейся драге.

— Это твой новый металлоискатель, Джонни? — Росс остановился напротив драги. — С помощью этой штуки ты намереваешься искать на Меркурии медь?

Харб чуть было не ринулся вперед, но Джонни остановил его предостерегающим взглядом.

— Ты угадал, Росс. Не хочешь ли взглянуть?

Флоринг засмеялся и ответил:

— Ты же знаешь, что я не инженер! Эта штука не по моей части. — Он повернулся к Карлину. — Мистер Карлин, вы же С. Е.! Что вы думаете о новом металлоискателе Джонни?

В мастерской наступила тишина. Лицо Флоринга выражало только простодушие, но его ход был понятен всем. Карлин — гость на Земле и должен дать объективный ответ.

Карлин почувствовал, что все глаза впились в него. Сейчас настало время доказать, что он примерный гражданин Галактики. Его долг информировать обо всем Флоринга. Но... он не мог этого сделать, не мог разрушить надежды мужественных людей.

— Интересная штука, — как можно спокойнее сказал Карлин. — Никогда не встречал таких любопытных металлоискателей.

— Значит, вы одобряете план Джонни?..

В ответ Карлин лишь пожал плечами.

Видимо, Флоринг надеялся получить от Карлина необходимое заключение, без которого не имел право, что-либо предпринять.

— Было бы, право, жаль, Джонни, если бы вы попали на Меркурии в катастрофу и эта замечательная конструкция была потеряна для человечества... — проговорил офицер.

Все наблюдали за Флорингом. Он медленно обходил драгу, как вдруг выхватил из кармана миниатюрную инфростереокамеру и, прежде чем ему успели помешать, сделал ряд снимков.

Харб с проклятием ринулся к Флорингу, но было уже поздно.

— Я сохранию пленку. Вдруг в полете с вами что-то случится!

— Вы не имеете права снимать машину! — заорал Харб.

— Вы думаете, что я украду изобретение?

— Я ничего не думаю, но...

— Что, но?.. — насторожился Флоринг.

Харб молчал. Его лицо было бледным. Он в замешательстве посмотрел на брата.

— Пускай хранит пленку, Харб! — буркнул Джонни.

Флоринг приложил руку к фуражке:

— Скоро увидимся!

5. ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНИЦА

Флоринг уже давно уехал, а они все еще молча стояли, не зная, что предпринять. Карлин высказал то, что было у всех на уме:

— Он пошлет снимки по космосвязи на Канопус, в главное управление. И оттуда придет ответ, что это магнитная драга.

— А когда придет ответ, он арестует наш планетолет и сорвет экспедицию! — прорычал Харб.

— Да, но у нас есть еще в запасе четырнадцать — пятнадцать часов! — с воодушевлением воскликнул Джонни. — Мы должны успеть до прихода ответа с Канопуса отправиться к Солнцу! Ведь машина почти готова.

— Монтировать драгу на «Фениксе», ночью? — лицо Харба исказилось от отчаянья. — Мы не успеем ничего сделать!

— Должны! — Джонни был тверд. — Харб, отправляйтесь за Лоссером и остальными. Пусть прихватят и трайлер. Если мы как следует поработаем, то к ночи установим драгу на «Фениксе», а монтаж закончим уже в полете.

Карлин больше не колебался. Он решил, что ему делать.

— Джонни, — сказал он. — Не забывай, что я инженер С. Е. и что я тоже собираюсь помочь вам.

— Я надеялся на тебя, Карлин! — признался Джонни. — Еще тогда, в порту, когда пригласил тебя к себе домой. Но предупреждаю: мы ведь все—таки нарушаем закон Контрольного Консульства. И даже в случае удачи нас будут ждать неприятности. Если вы делаете это ради нашей планеты, ради Земли...

— А кто сказал, что я делаю это ради Земли? — возразил Карлин. — Старая планета, для меня она ничего не значит!

— Карлин... — с упреком сказала Марн.

— Ладно, — перебил он девушку. — Не в этом дело. Я инженер, а это величайший эксперимент столетия. Разве я могу отказаться участвовать в нем?

— Тогда не будем терять времени, — напомнил Джонни. Он стал объяснять Картину, что нужно делать в первую очередь.

— Питатели, силовые трубопроводы и магнитные головки надо снять краном. Остов драги закрепить на раме и погрузить в трейлер. Затем охладители...

Они окунулись в работу.

Спустя час на улице послышался звук подъехавшего трейлера, и в мастерскую ворвалась возбужденная компания молодых людей.

— Я хочу извиниться! — к Карлину подошел Лоссер. — Вот уж не думал, что согласишься нам помогать...

— Брось! Лучше лезь сюда и захвати плазменный резак. Я покажу тебе, что надо делать.

Воздух в мастерской был обжигающим. Слепила глаза плазмосварка. В мастерской висел смрад от горелого масла и расплавленного металла.

— У нас осталось два часа! — подгонял их Джонни.

И эти два часа вымотали Карлина до основания. Все это время какой-то дьявол нашептывал ему: «Это же не твое дело... Зачем тебе это?»

— Заканчивай! — прокричал Джонни. — Остальное доделаем в полете!

Они были пьяными от усталости, от двенадцатичасовой непрерывной работы. Перепачканные смазкой, с включенными волосами — они выглядели шайкой чертей.

— Марн, подгоняй трейлер! Харб, готовь подъемник! — командовал Джонни.

Когда все было готово и огромная драга закреплена на платформе, Джонни прокричал сестре:

— Марн, помни, ты остаешься здесь!

Лицо девушки побелело от волнения.

Она взглянула на Джонни, затем посмотрела, как Харб засовывал в карман тупорылый пистолет.

— Неужели! — воскликнула она, — что-нибудь может случиться?

— Ты же знаешь, Марн, мы ставим на карту все, — ласково обратился к ней Джонни.

Девушка заплакала, молчаливым взглядом простилась с братьями.

Когда Карлин садился в машину, она остановила его:

— О, боже... Вы ведь вернетесь? Вы все должны вернуться, — шептала Марн, и ее трясущиеся губы прижались к щеке Карлина.

Взрели могучие двигатели, и все они, близкие, дорогие ей люди, уехали в темноту ночи, на космодром.

В последний раз особенно остро били в нос земные запахи, зеленые звуки стояли в ушах, глаза видели огни старого космодрома и маячившую башню — обелиск Покорителям космоса.

Карлин понимал, что он сейчас немного сумасшедший — они все тоже были немного сумасшедшие, стремившиеся к великой цели.

С потушенными огнями, на малых оборотах трайлер пробирался в дальний конец космодрома, туда, где стоял «Феникс». Небольшой планетолет казался в темноте направленным в небо острым шпилем. Харб подогнал машину вплотную к кораблю.

Вдруг яркий луч света прорезал темноту. От планетолета отделилась темная фигура с зажатым в руке пистолетом.

— Я знал, что вы приедете, Джонни, — сказал Флоринг. — Я очень сожалею, но пока я вас ждал, я осмотрел плането-лет. Вы установили мощные защитные экраны, и это доказывает, что вы намереваетесь лететь к Солнцу, а не к Меркурию...

— Вы не докажете этого, Росс! — вспылил Джонни. — Вы не имеете право нас задерживать!

Карлин заметил, как Харб скользнул в темноту.

— У меня достаточно прав, чтобы задержать ваш корабль до осмотра, — возразил Флоринг. — Утром придет ответ с Канопуса...

Позади Флоринга возникла гигантская фигура Харба. Он взмахнул рукой, и тяжелый пистолет опустился на голову офицера. Флоринг, как подкошенный, свалился на бетон.

— Посмотрите, нет ли кого в планетолете! — прошептал Джонни. Сам он нагнулся над лежащим без сознания офицером. — Заберем его с собой. Иначе его обнаружат и за нами отправят погоню.

Еще несколько недель назад Карлин был бы поражен, узнав, что может решиться на такое дело, как нападение на офицера Контрольного Консульства. Сейчас же он хладнокровно, будто это привычное для него дело, взвалил на плечо безжизненного Росса Флоринга.

— Свяжите его и оставьте в рубке управления! — приказал Джонни.

Харб вынырнул из планетолета:

— На борту никого нет!

Пока Карлин устраивал офицера в рубке управления, Харб с товарищами открыли главный люк и с помощью корабельного подъемника погрузили драгу в глубину центрального трюма.

— Быстрее! — торопил Джонни. — Взлетаем...

Прошло еще несколько минут в кромешной тьме. Карлин каждую секунду ждал, что в последний момент еще что-то случится, что их задержат.

— Го—то—во! — прокричал Джонни.

— Харб, подъем!!!

6. СОЛНЕЧНАЯ БОРЬБА

Взвыли моторы, завибрировали стены и дверь. Харб Ленд взобрался в кресло первого пилота. Быстрые, натренированные глаза пробежали по панелям, приборам, датчикам.

— Генераторы на ходу! — прозвучал по видеосвязи голос Лоссера. — К взлету готовы!

— Внимание! — громко и спокойно скомандовал Харб. — Старт!

И словно толстое одеяло окутало их, спеленало, повалило в кресло и сжало...

В голове Карлина промелькнула мысль: в какую авантюру он ввязался. На таком несовершенном корабле землян отправиться в очень опасную экспедицию. На тех звездолетах, на которых он летал, все было по-другому...

— Разрешение!!! — пискнул испуганный голос в приемнике универсальной связи. — Дайте разрешение на взлет!

— Уже дали! — и Харб, откинувшись в кресле, отключил универсальную связь. — Пускай немного поудивляются!

Атмосфера планеты возмущенно кричала, визжала и со вздохом облегчения замирала позади корабля. На востоке, подобно гигантскому глобусу, всплыла Луна, заняв собой весь экран. Но вот и она ушла в сторону, уступив место величавому Солнцу.

— О, черт! — рычал Харб. — Мы, с Земли, еще покажем, что можем прокладывать космические трассы там, где другой не посмеет. Мы еще покажем!..

По кораблю поплыла песня старых космических бродяг:

— И пусть порыв несет нас прямо к звездам...

— Да прекратите же, наконец! — словно выстрел, хлестнул голос Джонни. — Еще не время! Взгляните на Солнце...

Наступила гнетущая тишина. В душу забирался страх. Весь экран занимал гигантский огненный шар.

— Зачем спешить? — вопрошал Джонни. — Мы можем оказаться на орбите Солнца раньше, чем будет смонтирована драга. Всем в трюм!

Вокруг массивной драги закипела работа. Ее крепили на фундаменте. Змеевики охладителя, трубопроводы и силовые цепи собирались по схеме. Батареи фильтров Марн-хейма заполнили задние бункера.

Планетолет дрожал, стены, пол, двери вибрировали. Гигантская сила толкала «Феникс» сквозь пространство. В помещении трюма воздух был удушающе горяч. Два

кислородных регенератора не могли обеспечить нужной температуры и чистоты воздуха.

— Полный порядок! — после нескольких часов изнурительной работы прокричал Джонни. — Мы справились с монтажом вовремя. Харб, наверное, уже раскрыл главную часть заградительного экрана.

Когда Джонни и Карлин, покачиваясь от усталости, вошли в рубку, они были ослеплены. Мощный заградительный экран не мог сдержатъ яростного пламени. Солнце заняло все видимое пространство. Весь мир казался замкнутым вокруг полыхающего ядра, и «Феникс» словно падал в этот огненный ад.

— Еще час, и мы достигнем нужной орбиты! — раздался торжествующий голос Харба.

— Джонни, Харб! — взмолился Флоринг. Он давно уже пришел в себя и лежал связанный в кресле. — Вы должны повернуть обратно!

— Не пытайся меня убедить, Росс! — возразил Джонни. — Я очень сожалею, что втянул тебя в это опасное дело. Но мы уже не можем остановиться!

— Да вы просто не попадете к Солнцу! — воскликнул Флоринг. — Вас уже преследуют крейсера Контроля!

— Пустая трата времени, — засмеялся Харб. — Ищи ветра в поле!

— Джонни, посмотри на мой значок, — продолжал офицер. — Видишь на обратной стороне крохотный передатчик? Это «искатель», по его сигналам Контроль найдет своего офицера, как бы далеко он ни был. Они давно меня ищут!

— Это правда? — лицо Джонни потемнело. — Харб, включи универсальную связь!

Харб повиновался. Сквозь рев силового поля был слышен хриплый голос:

— Эскадрон Контрольного оператора номер четыреста тридцать вызывает «Феникс»! Последнее предупреждение! Вы обнаружены и, если не покоритесь, будете обстреляны. Последнее...

Харб переключил ручку экрана обзора. Позади «Феникса», в черной стене пространства, меж звезд, были видны четыре крохотных светящихся треугольника.

— Проклятье! Они нас нагоняют! — прорывал Харб.

Еще несколько недель тому назад Карлин даже во сне не смог бы представить, что он не подчинился приказу Контроля. Но сейчас в его жилах бурлила кровь независимых людей Земли.

— Полный вперед! — прокричал он. — Они не смогут преследовать нас, если мы выберем орбиту вблизи фотосферы. Ни один крейсер Контроля не имеет таких мощных термозаградителей.

— Он прав! — загудел Харб. — Но я не могу увеличить скорость, пока мы не скорректируем изменение орбиты!

— Действуй, Харб! Рассчитывай орбиту и начинай разгон. «Феникс» по касательной устремился к Солнцу.

Джонни развернул все резервные заградители, воздух в корабле был уже обжигающе горяч.

Харб застыл над пультом управления. Он задавал главному компьютеру режим, проверял данные, подбирал необходимое ускорение, и, наконец, «Феникс» вошел в колоссальную спираль, которая должна была закончиться у самого Солнца.

— Карлин, да растолкуй же им, что они сошли с ума! — кричал Флоринг.

Но Карлин не слышал его. Он не отрывался от экрана обзора, где были видны четыре преследовавшие их крейсера.

И началось... Четыре яркие вспышки, четыре ядерных взрыва расплосовали на части темноту космоса позади «Феникса» ...

Откуда-то послышался испуганный голос Лоссера:

— Следующим залпом они нас накроют!

— Джонни, закрой шестой и седьмой секторы заградительного экрана! — прокричал Харб. — Иду на орбиту!

— Осторожней, Харб, — вырвалось у Джонни.

Но Харб не слушал. Он знал свое дело.

Еще четыре вспышки брызнули вокруг них. На крейсерах знали, что на борту «Феникса» офицер Контроля и выстрелы были не прицельные. Но так или иначе, а контроль—оператор не мог допустить, чтобы начались работы, ведущие к катастрофе.

— Вы только взгляните!!!

«Феникс» вошел в корону Солнца. За стенами плането-лета бушевала двухтысячеградусная жара.

Разум отказывался верить, а глаза не могли оторваться от экрана. Еще никто из живущих в Галактике (кроме тех смельчаков, которые погибли в катастрофах при разработке солнечной фотосферы) не приближался к звезде так близко. Перед глазами смельчаков волновался гневный океан полыхающих газов. Океан парообразных металлов и металлоидов. Все бурлило, переливалось, слепило и обжигало.

— Они отстали! Отстали! Не хватает силенки! — торжествовал Харб.

— Они будут поджидать вас. Держать в прицелах локаторов! — кричал Флоринг. — Как только появитесь с другой стороны Солнца, они обстреляют вас. Вернитесь!..

В кабине прохрипел голос из машинного отделения:

— Заградители не выдерживают...

— Еще немного! — молил Харб. — Выхожу на орбиту!

Выход на орбиту даже вокруг планеты нелегкое дело, а если это звезда с колоссальным полем тяготения — задача становится в сто раз труднее.

Фигура Харба казалась вырубленной из камня. При таком форсированном режиме компьютер—пилот не справлялся с задачей, и в помощь ему требовался ум и опыт человека. Вспыхивали индикаторы, щелкали решающие устройства, вычислитель с ловкостью фокусника оперировал гигантскими цифрами. Все застыли в тягостном ожидании.

Гул внезапно умолк. Стрелка гравитациометра, еще секунду назад неистово плясавшая, застыла в нейтральном положении.

— Мы на орбите! — прокричал Харб и в изнеможении откинулся в кресле.

У всех было такое ощущение, словно они висели в этом пространстве рядом с Солнцем. Сейчас они были не просто люди. Они были нарушителями покоя царственного светила.

— Пора начинать! — Джонни с трудом оторвался от завораживающей картины. — У нас не так много времени. Мы не сможем долго выдержать в этом пекле.

Карлин и Джонни спустились в душный трюм. Работа не прекращалась. Магнитоэлектрический ротор начал свой разбег, постепенно превращающийся в ровный гул—ритм, — создавалось магнитное поле.

— Крейсера начинают атаку! — закричал Харб.

Эти последние минуты перед запуском магнитной драги Карлин провел точно в кошмарном сне. Наконец было отрегулировано устойчивое магнитное поле, и сопла лучевых трубок выглянули из амбразур. Джонни включил двигатель поля.

— Пошла—а!..

Весь экипаж столпился в трюме у экрана обзора. Драга набирала мощность, концентрируя магнитное поле в одной точке пламенного океана. Время шло с беспощадной быстротой. Наконец из этого моря огня выстрелила струя газа. По сравнению с гигантской бурлящей массой это был всего лишь тонкий шнур огня. Нить раскаленных газов различных элементов тянулась вверх вдоль магнитного луча.

Планетолет яростно трянуло — снаряды крейсеров рвались в непосредственной близости. А в следующий момент все они слышали сверлящий рев — это газовый шнур достиг драги, и по силовым трубопроводам потек ручей паробразных элементов.

Заработали фильтры Марнхейма, а затем отработанный газ с «выжатыми» из него атомами меди резкими выхлопами пошел обратно, строго вдоль магнитного луча в точку отбора.

— Идея сработала! — воскликнул Джонни. — Только бы не возник водоворот...

7. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вдруг «Феникс» подбросило так, что в мгновение экипаж оказался на полу.

— Паропроводы! — истошно закричал Лоссер.

Взрыв снаряда не повредил обшивки планетолета, но две всасывающие трубы сорвало с места, а через образовавшиеся трещины со свистом вырывался цветной пар.

— Перекрыть! — и Джонни бросился в отсек охладителя.

Пока Карлин включал задвижку аварийного устройства, позади его раздался сдавленный крик. Карлин повернулся.

Лопнула еще одна труба, и Джонни, который оказался рядом, был сбит с ног струей перегретого пара.

Харб бросился к брату и оттащил его в сторону, а Карлин «отрезал» всю секцию поврежденного охладителя.

Харб вынес Джонни из трюма и положил его под струю свежего кислорода. Грудь и шея Джонни были как одна сплошная рана. Лицо — черно—красная маска.

Снова «Феникс» подбросило, тряхнуло...

— Остановите драгу! — приказал Карлин. — Мы уже доказали, что процесс безопасен. Но сейчас... ведь Джонни умирает!

Харб ринулся в рубку управления.

— Контрольным крейсерам! Вызывает «Феникс»! Мы капитулируем! Прекратить обстрел! Подготовьте врача!

Двигатели взревели, «Феникс» задрожал, вырываясь из могучих объятий солнечного притяжения, уходя с орбиты.

Весь экипаж собрался около Джонни. Он лежал, прерывисто дыша. Его лицо кривилось от боли.

— Джонни, слышишь, мы это сделали! Ты это сделал, — шептал Лоссер. — Скоро к Солнцу направлятся корабли, много кораблей! Они будут добывать медь для нашей Земли!

Лицо Джонни передергивалось от боли. А когда затихла, вместе с ней ушла и жизнь...

Карлин почувствовал вдруг страшную усталость. Он видел, как уходил из жизни человек, ставший ему дорогим.

— Умер! — Карлин вошел в рубку управления.

Плечи Харба обвисли, но он не повернулся. «Феникс» уже приближался к крейсерам Контроля.

Суд разместился в небольшом зале главного корпуса космопорта. Здесь не было адвокатов и присяжных заседателей. Лишь трое судей за столом внимательно слушали Карлина и его товарищей.

До этого все они в течение четырех дней были на обследовании у психолога, который составил для суда спецкарты на каждого из них. Теперь суд подходил к концу.

Главный судья читал:

— В нашем судебном разбирательстве было рассмотрено весьма сложное дело. С одной стороны, подсудимые нарушили закон Контрольного Консульства, а с другой — они доказали практическую возможность разработок солнечной фотосферы.

— Оправдать на том основании, что все окончилось благополучно, мы не можем, — продолжал он. — Иначе и другие будут считать, что в исключительных обстоятельствах можно переступить закон. И тем не менее суд сожалеет, что должен наказать вас.

Карлин знал: так и должно быть. Но теперь ему было уже все безразлично. Он просто устал.

— Согласно законам Контрольного Консульства, вы приговариваетесь к двум годам тюремного заключения с содержанием в тюрьме на Ригеле, а также лишаетесь прав космонавтов на этот же срок.

Судья остановился, а затем добавил:

— Однако по усмотрению суда срок тюремного заключения и лишения прав снижается до одного года!

Он вышел из—за стола и подошел к осужденным:

— Мы поздравляем людей Земли с великим открытием!

Когда они вышли из зала суда, то увидели площадь, заполненную народом. Их появление было встречено гулом приветствий.

Харб улыбался и раскланивался по сторонам, пробираясь сквозь толпу туда, где стояли Марн и старый Грамп. Карлина окружили восторженные люди, хлопали по плечу, трясли руки, а один старик, схватив его за рукав, прокричал:

— Мы, земляне, показали всем, что именно мы — открыватели космоса!

— «Мы, земляне?» — Карлина вдруг оставило радостное возбуждение. Он... разве он тоже считает себя землянином?

К нему подошла Марн.

— Не думай о Джонни, Карлин! Женщины Земли давно привыкли, что их мужчины не всегда возвращаются из космоса.

К ним присоединился Флоринг.

— Идемте, я хочу вам кое—что показать, — сказал офицер.

Он повел их к возвышавшемуся Монументу Пионерам Космоса.

Они подошли. Карлин взглянул на пьедестал, и его глаза затуманились. Впервые за столетие в конце списка появилось новое имя:

«Джон Ленд».

Глаза Марн сияли, и Харб тоже, казалось, испытывал гордость. Лишь старый Грамп печально проговорил:

— Разве имя на камне заменит мне моего мальчика?

В этот вечер они сидели в полной тишине в своем старом доме.

За столом, казалось, кого—то не хватало, и они время от времени невольно поглядывали на дверь.

Карлин был возбужден.

— Вы знаете, когда врач до суда просмотрел наши спецкарты, — заговорил он, — то обнаружил там, что моя психика теперь уже снова стала нормальной, как у всех.

— Значит, ты в этом путешествии еще и выздоровел? — воскликнул Харб. — Вот уж не думал, что вся эта встряска пойдет тебе на пользу!

— Психологическое заключение гласит, — продолжал Карлин, — что некоторые из нас, жителей галактических миров, хорошо приживаются на Земле. Я оказался именно таким.

Немного помолчав, он грустно добавил:

— Кстати, сегодня вечером на Канопус отправляется звездолет. Другого долго не будет. Я должен решиться...

— Неужели ты летишь сегодня? — воскликнул Харб. — Зачем так спешить?

— Я думал, что улечу не скоро. Но теперь я здоров, мне надо домой, а затем в тюрьму, на Ригель.

Карлину хотелось, чтобы Марн прервала его, запротестовала. Но она только тихо сказала:

— Я провожу вас на космодром.

Уже смеркалось, когда Карлин, простившись с Лендами, в сопровождении Марн отправился по старой бетонке.

Они дошли лишь до первого поворота и остановились.

— Прощай, Марн!

Карлин некоторое время стоял, затем резко повернулся и решительно зашагал по выбеленной лунным светом дороге. К его горлу подступил комок, и он назло всему попытался рассмеяться. Эта маленькая, сумасшедшая, гордая планета... Он должен забыть ее, вернуться к своей собственной жизни, вернуться домой...

Но вопреки всему, вопреки своим рассуждением и логике он вдруг остановился и... пошел обратно.

Марн стояла на прежнем месте.

— Я ждала тебя, — просто сказала девушка. — Я знала, что ты вернешься!

Карлин обнял ее за плечи и прошептал:

— Я так и сделаю, Марн! Я много думал о Канопусе, о товарищах, о девушке, которая меня там ждет, о городском

саде, где я любил... Но все это теперь так далеко и нереально.

Девушка тихо ответила:

— Это заговорил в твоей крови забытый тобою мир, наша старая и добрая Земля. Она нуждается в тебе, Карлин. Нуждается, чтобы ты занял место Джонни и возглавил солнечные разработки. И я... я тоже нуждаюсь в тебе. Я буду тебя ждать...

Вокруг темной звезды вращалось только три планеты. В дни расцвета, возможно, их было больше, но если и так, то след их уже давно затерялся в туманности прошлого.

Небольшая флотилия из четырех тяжелых, громоздких звездолетов уже побывала на двух из них. Сейчас они висели над последней, внутренней, ожидая сообщения с разведывательной ракеты.

Долго ждать не пришлось.

В рубке "Большой надежды" прозвучал донесшийся из динамика слабый, неясный голос Сэма Флетчера:

— Здесь на плато неплохая посадочная площадка, практически ровная.

— Послушайте, — сказал Гарри Экс, наклоняясь к микрофону, — наплевать мне, ровная она или нет. Я хочу знать, стоит ли туда вообще садиться. Мы и так потеряли чертовски много времени на те два больших шатуна, и все без толку. Гарри Экс был широкоплечим коротышкой, с животиком, нависавшим над поясом. Комбинезон на нем был мятый и грязный, щеки давно нуждались в бритве, а маленькие волосатые руки не были чисты с тех пор, как последний раз их пыталась отскрести мать.

Он был владельцем "Большой надежды" и через родню имел акции на три других корабля. Это делало его влиятельным, но не богатым.

— Говорите, Флетч, — прохрипел он. — Что вы там видите? Есть хоть что-нибудь?

— Все разрушено, — сказал отдаленный голос Флетчера, — на всей планете. Я бы сказал — дистрофия.

— Что там есть?

— Темнота. Ничего, кроме темноты, на мили вглубь.

— Флетч, вы трезвы?

— Трезв?

— Да, вы трезвы?

— Я? — переспросил Флетчер и расхохотался.

Гарри Экс сжал кулаки и тяжело задышал.

— Ну, хорошо, хорошо. Можете вы мне, по крайней мере, сказать, есть там что-нибудь стоящее или нет?

— На плато какие-то формации. Квадратные, геометрически правильные, насколько можно судить по тому, что осталось от них. Похоже, они вделаны в скалы.

— Да? — внезапно заинтересованно спросил Экс.

— Да. И они большие. Судя по звуку пробы, они похожи на металл. Я покажу вам направление.

— Хорошо. Еще, Флетч... Послушайте, Флетч, не пейте больше, пока мы не приземлимся. Флетч...

Молчание.

Экс обернулся и вышвырнул брата своей жены из пилотского кресла.

— Я велел тебе присмотреть, чтобы он не пронес с собой бутылки. Знаешь, что с тобой, Джо? Тебе слишком наплевать на свою жизнь, вот что. Джо Лиди стоял и тер подбородок. Он был тощим высоким блондином с копной волос, торчащих во все стороны.

— Я обыскал его, Гарри, — осторожно сказал он. — Но ты же знаешь Флетча. Он слишком умен, когда речь заходит о бутылке.

— Он слишком умен для вас обоих, вот в чем беда, — раздался позади них женский голос. — Пьяный или трезвый, все равно.

Она вышла из дверей кают-компания, следующего от рубки помещения. Тяжелая дверь за ее спиной осталась открытой, оттуда послышался веселый гам детских голосов и донесся запах готовящейся еды. Это была молодая женщина с пухлыми чувственными губами и длинными золотистыми волосами, спадающими на плечи. Она гордилась своими волосами. Гордилась она и всем остальным. На ней был легкие комбинезон, местами распахнутый и незастегнутый, так что

она умудрялась выглядеть совершенно обнаженной несмотря на то, что была одета с головы до ног.

— Какого черта тебе здесь надо? — спросил Гарри Экс.

— Ты слишком хорошо умеешь драться, — сказала она, с отвращением взглянула на своего брата и добавила: — Почему ты никогда не дашь ему сдачи, Джо?

Джо пожал плечами и рассудительно сказал:

— Не хочу, чтобы мне сломали шею, вот почему.

Он отошел в сторону и уселся за рацию.

— Мы пойдем на посадку? — спросила Люси.

— Идиотский вопрос, — ответил Гарри Экс. — Что, по-твоему, мы делаем?

— Откуда я знаю? — сказала Люси. — Ты хочешь, чтобы мы слышали тебя сквозь стены? В конце концов, это твои дети, не мои. Если раздавят их маленькие головки, тебе будет хуже, чем мне.

Она громко хлопнула дверью и пошла помогать жене Джо укладывать и пристегивать детей в противоперегрузочных гамаках.

Далеко внизу, между черным, простреленным звездами небом и еще более черным миром, парила разведывательная ракета Сэма Флетчера. Он вглядывался в эти солнца, желтые и голубые, сверкающие группами и в одиночку на галактической дороге, которая никогда не меняется и никогда не остается одной и той же. Он взглянул на мертвое солнце, рядом с ним — огромный круг, затмевающий звезды и светящийся призрачным светом. Он взглянул на мир, лежащий внизу.

Он удивился уже не в первый раз: что мы делаем здесь? Зачем мы вообще покидаем Землю, мы, маленькие комочки плоти и крови, что за сумасшедшее желание ведет нас к звездам, звездам, которым мы не нужны, которые нас убивают? Был ли хоть один землянин счастлив, по-настоящему счастлив, покидая свой безопасный мир? Был ли я счастлив?

Но думать об этом не имело смысла. Давным—давно люди Земли начали скитаться от звезды к звезде, и было ли это безболезненно или даже приносило боль, они не могли повернуть обратно. И он не мог повернуть обратно.

— Но со мной все в порядке, — вслух сказал Флетчер.

Он выключил микрофон, чтобы его никто не мог услышать.

— Я лечу на разведывательной ракете, сейчас спущусь и ни о чем больше не собираюсь думать.

Он вынул из тайника небольшую пластиковую бутылку и приложился к ней. Под ним, в холодной темноте, лежало плато. Оно было недалеко от расщелины, но не слишком близко.

Посадка прошла легко.

На глаза Флетчера навернулись слезы.

— Будет ли когда—нибудь этому конец? — спросил он, неизвестно к кому обращаясь. — Неужели мне так и придется бороться с самим собой до самой смерти?

Ему никто не ответил.

Он опять выпил. Через минуту его руки твердо легли на пульт управления. Он включил микрофон и очень медленно и внимательно стал называть свои координаты.

Четыре корабля один за другим ринулись со своей орбиты вниз, к темному плато.

Был либо полдень, либо сумрачный день. Мертвое солнце висело над головой — большая круглая дыра в небе, на котором не было звезд. У планет была луна, тоже темная, но мерцающая отраженным светом далеких солнц. Корабли опустились на плато по кругу. Из них выбежали большие машины, которые тут же принялись резать и кромсать массивные стены каких—то зданий, прорезая огнями безвоздушную тьму.

— Это заставляет немного призадуматься, правда? — сказала Люси, выглядывая из иллюминатора.

Она переоделась в другом комбинезон, только что выстиранный и не такой прозрачный. Ее волосы были перевязаны

лентой, она двигалась уверенной, плавной, отработанной походкой, как, бы не обращая внимания на Флетчера. В углу жена Джо укачивала своего маленького, чему—то таинственно улыбаясь.

— О чем вы? — спросил Флетчер.

Он сидел за столом, методично накачиваясь виски. Он имел на это право. Двадцать четыре часа подряд он управлял разведывательной ракетой, отыскивая большим кораблям место для посадки.

— Как о чем? — переспросила Люси. — О зданиях, конечно. Гарри сказал, что они, судя по фундаменту, были по несколько миль длиной и очень высокие, чуть ли не со скалу. — Она торжественно тряхнула головой, откидывая длинный хвост волос за спину. — Разве не интересно, что за люди построили их и как они жили?

Флетчер что—то пробурчал.

— Я хотела сказать, — продолжала Люси, отходя от иллюминатора, — что это заставляет думать о времени, о жизни и смерти... о настоящих вещах. Она уселась за стол напротив Флетчера. — А вы когда—нибудь думаете, о чем—нибудь, Сэм, — спросила она, — кроме виски?

Он непонимающе, но с удивлением взглянул на нее.

— Вы имеете в виду, о жене Гарри Экса, например? — Он ухмыльнулся и качнул головой. — Ответ: и да, и нет. Я думаю о ней, да. Но я не думаю, что она хочет, чтобы я о ней думал, нет.

Выражение ее лица изменилось, она резко спросила:

— Что вы, собственно говоря, имеете в виду?

— Вы приятная женщина, Люси. И по существу, вы не хотите ничего плохого. Вам просто хочется, чтобы мужчина падал в обморок при одной вашем виде. — Он налил себе еще рюмку и медленно выпил, продолжая ей улыбаться. — Вы хотите, чтобы я мучился, потому что вы принадлежите Гарри, и я не могу иметь вас.

— Он небрежно махнул рукой. — Ну—ну, только не я. Но знаете, что, Люси? Другой парень может на это пойти, и

тогда у вас с Гарри действительно будут крупные неприятности. Так что лучше будьте осторожнее.

Лицо Люси покраснело, глаза сверкали.

— Чем это вы отличаетесь от других, вы, пьянчуга?! — воскликнула она. — И я кое—что скажу вам, мистер. Вы мне не нужны и за...

— Чем я отличаюсь от других? — сказал Флетчер, поднимаясь. — Я мертв. Разве вы этого не знали? Уже целых семь... нет, девять лет. Быстро летит время. — Он взял со стола бутылку. — Пока.

— Можете быть даже трупом, — сказала Люси, — настолько мне это безразлично.

— И быть по сему, — ответил Флетчер. — Я подарю вам поцелуй в знак мира и дружбы.

Он наклонился, целомудренно поцеловал ее в лоб и вышел, громко смеясь. Люси грохнула кулаком по столу.

— Кого он из себя корчит? — вскричала она. — Я так его ненавижу...

— Тсс, — прошептала жена Джо, — ребенок спит.

Но она наклонила голову, чтобы спрятать лицо, ее тяжелые плечи дрожали. Сэм Флетчер шел по коридору, направляясь к своей койке в самом углу большой комнаты. По пути он прошел мимо выходной камеры. Наружная дверь была закрыта, на ней горела красная лампочка, указывая, что вторая дверь открыта.

Он остановился, покачнувшись: высокий, худой, но мускулистый, с резкими чертами лица и впадинами под скулами, с густыми черными волосами, в которых прибивалась седина. У него были голубые глаза, сейчас немного затуманенные алкоголем, но сверкавшие из—под тяжелых бровей. Секунду поколебавшись, он поставил бутылку на пол и наклонился к глазку телескопа, вделанного в дверь выходной камеры.

Телескоп давал картину всего, что находилось за стенами корабля. Справа и немного сзади Флетчер видел ломаные линии стены и... Бог мой, это действительно заставляло

задуматься. Сколько они уже простояли здесь и как выглядел этот мир, когда они были новыми? Роботы коверкали и резали их: быстро, жадно, в поисках металла — неизвестно, как сюда попавшего, с бог знает какой молекулярной структурой и, возможно, стоившего целое состояние — вгрызались в безвременную скалу и такие же не имеющие возраста здания. Завтра придется выйти и работать наравне со всеми, и они не будут отдыхать до тех пор, пока последняя крупница трофеев не заполнит корабельные трюмы.

В документации эти корабли так и назывались: "Охотники за трофеями". Мусорщиком и то было лучше работать. Они использовали любой шанс, подбирая все, что угодно, на далеких галактических пляжах, и затем продавали. Неважно, что: потерпевшие аварию звездолеты, мумии мертвых и всеми забытых королей, следы, оставленные чужими цивилизациями — затерянные остатки прошлых дней и чужих мечтаний.

Всякий хлам.

Флетчер взглянул на машины и опять подумал, зачем людям нужно тратить силы, пробиваясь к звездам. Потому что вся борьба со звездами сводилась к одному — наживе. И к людям, которые, о чем-то мечтали, а затем умирали только для того, чтобы Гарри Экс и иже с ним воспользовались обедками отдаленных миров!

Он отвел взгляд от машин, от дикости высоких скал, бесконечной ночи и перевел его в противоположную сторону, к самому краю расщелины.

Фигура, серебриющаяся на фоне звезд, стояла на краю пустоты, глядя на корабли и копошащихся людей.

2

Я пьян, мне уже начало мерещиться неизвестно что, подумал Флетчер. Это невозможно.

Фигура продолжала неподвижно стоять на самом краю расщелины. Маленькая, почти ребенок. Вселенная вокруг нее была огромной и очень темной.

Флетчер отпрянул от глазка телескопа. В стенной нише стояли скафандры. Через пять минут он уже появился из выходной камеры, ступив на голую скалу. Фигура все еще была на месте.

Флетчер пошел к ней. Он не включил радиосвязь, поэтому голоса людей, управляющих машинами, не доходили до него и он шел в абсолютной тишине. Когда он повернулся спиной к плато, то больше не видел ни кораблей, ни света, и создавалось впечатление, что их вообще не существует.

Его шаги были беззвучны, как во сне.

Неподвижная фигура заметила его. Он понял это по тому, как она вздрогнула, и вся напряглась, словно собираясь улететь. Он протянул к ней руки. Ему преградила путь черная скала, он быстро обошел ее, улыбаясь, забыв, что создание, кем бы оно ни было, вероятно, не может видеть его лица.

Фигура походила на человеческую, только слегка серебрилась. Как и я сам, подумал он, просто какой-нибудь скафандр, защищающий от безвоздушного пространства. Голова тоже была серебристой, гладкой и круглой, такой же непонятной, как его собственный шлем из сверхтвердого сплава. Когда он был всего футах в сорока, непонятное создание повернулось и исчезло.

— Нет, нет! — закричал он. — Подожди!

Его голос эхом прокатился внутри шлема. Он вспомнил, что не включил связь, и нажал кнопку, не переставая думать, услышало ли его существо, и если услышало, то поняло или нет. Он побежал к краю расщелины, крича:

— Подожди! Подожди!

Он оказался на краю пустоты, покачнулся и чуть не упал. Его охватил смертельный ужас. Он откинулся назад от пугающей пропасти, судорожно хватая ртом воздух, дрожа и обливаясь потом. Потом он осторожно лег на живот и

медленно пополз на четвереньках, каждый раз пробуя рукой то место, на которое должен был опереться. Когда он достиг края расщелины, то лег неподвижно, переводя дыхание, потом заглянул вниз. Ниже...

И еще ниже, но пропасти не было конца. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул и сделал еще одну попытку. На дне расщелины были звезды, не такие яркие, как наверху, а туманные, горящие неровным светом.

Флетчер почувствовал невероятное возбуждение.

— Подожди! — закричал он. — Ты живешь там, внизу?

Ответа не было. Ему показалось, что он увидел серебряную змейку, мелькнувшую на скалистой стене, но она пропала и он не мог понять, показалось ему или нет. Он остался лежать, загипнотизированный глубиной и утонувшими в ней звездами.

Гарри Экс, Джо Лиди и еще один человек по имени Закариан с другого корабля — Закариан был женат на сестре первой жены Гарри Экса — осторожно подползли туда, где им удалось схватить Флетчера за ноги и оттащить от пропасти.

Они отволокли его довольно далеко от расщелины, затем Гарри Экс спросил:

— Что с вами случилось? Допились до белой горячки? Кому вы кричали?

— Там, внизу, есть воздух, — сам удивляясь, сказал Флетчер.

— Ну, конечно, — сказал Закариан, — он пьян.

— Посмотрите сами, — ответил Флетчер. — Внизу какие-то огни, и свет преломляется. Я не знаю, что там за огни, это зависит от того, насколько они далеко от нас.

— Мне кажется, вы говорили, что там нет ничего, кроме темноты, сказал Экс.

— Тогда я был в космосе. Сейчас я гораздо ближе. — Флетчер нетерпеливо вырвал руку, которую держал Экс. — Это может быть светом в домах. Это могут быть костры или вулканы. Я не знаю...

— Свет в домах? — спросил Джо Лиди. От удивления он даже рассмеялся.

— Ну, — сказал Флетчер, — должны же они где-нибудь жить.

— Кто? — спросил Экс.

Закариан расхохотался.

— Кто? Конечно, те, кому он кричал. Маленькие зеленые человечки. — Он подтолкнул Флетчера к "Доброй надежде". — Иди отдыхай. Когда проспишься, все будет в порядке.

Флетчер пошел к кораблю, но уходя, сказал со спокойной уверенностью:

— Здесь кто-то стоял и наблюдал за нами. Я спугнул его, но он вернется. Вполне возможно, что стены, которые мы сейчас разрушаем, являются священными реликвиями или чем-то в этом роде, и тем, кто живет внизу, наши действия могут не понравиться. На вашем месте, я был бы настороже.

Гарри Экс засопел и выругался, но в его голосе чувствовалась неуверенность. У него уже были прежде подобные неприятности.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Джо, тебе придется немного посторожить. Если кто-нибудь вылезет из этой дыры, дашь мне немедленно знать.

Джо Лиди вздохнул и пошел обратно к расщелине. Флетчер поднялся на корабль, снял скафандр и завалился спать.

Темное солнце медленно спускалось по небу, даже в своей смерти, не изменяя предначертанному курсу.

Вскоре после его захода Джо Лиди вернулся от расщелины, неся под мышкой маленькое обвисшее тело. Он напоминал гончую, затравившую кролика. Флетчер услышал возбужденные голоса вернувшихся на корабль людей. Он с трудом заставил себя проснуться, буквально сполз с койки и, зевая и потягиваясь, направился по коридору к кают-компании.

Там была целая толпа, производившая массу шума. Тощие ножки и детские личики путались среди взрослых, а те просто бездумно отгоняли детей прочь, как мух. Флетчер

пробрался туда, где Гарри Экс и Джо Лиди клали что-то на одну из своих коек. Оно было примерно четырех с половиной футов длины.

— Я ведь, кажется, говорил вам, а? — язвительно усмехнулся Флетчер.

Ему никто не ответил.

— Это человек? — спросил кто-то.

— Откуда я могу знать? — отвечал Гарри. — Вы что, не видите, что он весь чем-то покрыт. — Он легонько пихнул маленькую неподвижную фигурку, и она безжизненно качнулась в сторону. — Что бы это ни было, оно явно выглядит мертвым. Послушай, Джо Лиди, я тебе говорю: если только ты убил его, то отвечать за все тоже будешь ты.

— Да ну, — сказал Джо. — Я просто ударил его по шлему. Он сам за нами шпионил, так что моей вины тут нет. К тому же, он вовсе не мертв.

Он наклонился, ощупывая серебристый материал, которым было покрыто тело. На голове было нечто вроде шлема, который полностью скрывал лицо. Джо изумленно прищелкнул и сказал:

— Нет, вы только посмотрите на этот материал.

Все столпились вокруг.

— Наши скафандры перед этим — ничто, — сказал Джо Лиди. — Он как паутина. Могу поспорить, что вместе со шлемом он не весит и пяти фунтов.

Кто-то свистнул. Закариан стал щупать пальцами ткань. Он, Джо и Гарри Экс выглядели возбужденными.

— Какой-то пластик, — сказал Закариан. — Я такого никогда раньше не видел.

— Сколько, — спросил Гарри Экс, — можно будет на таком материале заработать? Я имею в виду, если нам удастся выяснить, что это такое, и заполнить его. Сколько?

— Это не ваше, — сказал Флетчер. — Это — его. Ему нужно будет вернуться домой, если, конечно, он еще дышит.

— Да, — жадно сказал Гарри, — если дышит. Давайте посмотрим, что на нем еще есть?

Они принялись возиться с поясом и застёжками костюма, при этом только мешая друг другу. Флетчер наклонился поближе, глаза его сощурились. Внезапно он начал действовать очень быстро. Он ударил Гарри Экса в скулу так, что тот взмахнул руками, упал назад и одновременно отбросил Джо Лиди на Закариана. Закариан выругался и вместе с Джо свалился в окружающую толпу.

Флетчер продолжал действовать. Своими огромными руками он схватил одетую в серебро руку незнакомца, но несмотря на всю быстроту, все—таки опоздал.

Шипящий белый луч вырвался из трубки, которую незнакомец держал в руке. Луч ударил в человека, стоящего у койки, прожег ему плечо и высверлил дыры в груди стоящего сзади мужчины.

Они оба застонали. Люди дико заматались во всех направлениях. Флетчер, стоя перед койкой на коленях, изо всех сил удерживал руку незнакомца, так что шипящий луч белым огнем бил в потолок.

— Да ударьте же его, — сквозь стиснутые зубы, задыхаясь, сказал

Флетчер.

— Ради бога, стукните его кто—нибудь.

Джо Лиди, без кровинки в лице, подобрался к нему сзади и ударил по серебристому шлему. Тело внутри скафандра вздрогнуло и обмякло. Джо Лиди ударил еще раз и Флетчер сказал:

— Достаточно.

Он по—прежнему стоял на коленях перед койкой, но трубка теперь была у него в руках. Из нее бил белый шипящий луч. Флетчер непонимающе уставился на него, держа трубку направленной строго вверх.

— Выключите ее, — сказал Закариан.

— Но я не знаю, как.

Гарри Экс оправился от изумления и закричал:

— Послушайте, вы сейчас прожжете дыру в потолке.

— Что я могу сделать? — спокойно сказал Флетчер. — Отойдите все от меня.

Он начал поворачивать трубку одной рукой, держа ее другой направленной все так же вверх. Его лоб нахмурился.

Двое раненых лежали на полу и стонали. Все остальные замерли, наблюдая за Флетчером.

Потолок накалился и сверкал.

Очень осторожно Флетчер нажал какой-то маленький выступ на поверхности трубки. Она выключилась.

Флетчер разжал руку, и трубка упала на пол. Затем он подошел к Гарри Эксу, взялся за отвороты его комбинезона и, рывком приблизив его лицо к своему, сказал, весь дрожа:

— Вы дурак, Гарри. Вы проклятый вор и жадный дурак. Мы чудом все здесь из-за вас не погибли.

— Причем тут я, — проворчал Гарри Экс, — если этот маленький... притворился мертвым? — Он высвободился из рук Флетчера, потирая подбородок.

— Джо, — злобно сказал он, — почему ты не следил за ним? Ты же сказал, что ударил его.

— Вам следовало в первую очередь обыскать его, Гарри, — ответил Джо.

— Флетчер прав. Пошли выпотрошим его так, чтобы этого больше не повторилось. Уберите куда-нибудь эту трубку, пока ее не подобрали дети.

На сей раз они связали незнакомцу сзади руки и сняли с него все, что только было можно, не забыв отобрать все непонятные предметы. Затем его усадили и привязали к спинке кресла.

— Теперь все в порядке, — сказал Гарри. — Маленький крысеныш...

— Да? — сказал Флетчер. — Что бы вы чувствовали, если бы пришли в себя после удара по голове и увидели бы столпившихся вокруг волосатых обезьян? Экс проигнорировал эти слова. Закариан помог унести раненых, а жена Джо увела детей. Пришла Люси и остановилась между Гарри и Флетчером.

— Похоже на то, что внутри его шлема кровь, — сказала она, указывая на голову незнакомца.

— Черт, — сказал Джо, — верно. Может, нам лучше вообще его снять?

Они сняли шлем, путаясь в непонятных, но довольно простых застежках. Несколько минут все молчали, затем Люси прошептала:

— Он выглядит так дико...

Она отступила назад как бы в поисках защиты за плечами Гарри.

Да, подумал Флетчер, вид у него дикий и изголодавшийся. Он не знал, чего ожидал увидеть, что—нибудь детское, возможно, пропорциональное размерам тела. Как бы то ни было, но он был испуган открывшимся зрелищем. Несмотря на небольшую голову, лицо было лицом взрослого мужчины. Оно было не совсем человеческим, но намного ближе к человеку, чем множество рас, которых называли гуманоидами.

Из—за того, что скулы и надбровные дуги резко выдавались вперед, щеки казались впалыми, а глаза глубоко посаженными. Кожа была белой, как мел. По серым дымчатым волосам нельзя было судить, нормальный это цвет или просто такова у этих людей седина. Волосы казались жесткими и были коротко подстрижены. Бороды никакой не было, но

лицо не выглядело молодым. Его линии были резкими и глубокими, а рот такой формы, которую люди назвали бы горькой усмешкой. Из ноздрей текли две маленькие струйки крови.

Глаза его были открыты, наблюдая за происходящим, и эти глаза больше всего потрясли Флетчера. В них светился ум, человеческая тоска и холодное, чисто животное желание выжить, что бы ни случилось.

На секунду Флетчер интуитивно почувствовал, увидел, каким должен быть мир, породивший этого человека и давший ему такой взгляд. Этой секунды Флетчеру оказалось достаточно. Он не хотел бы знакомиться ближе с таким миром. Но Гарри Экс был бизнесменом. Он держал в руках шлем, легкий, как солнечный луч, на котором не осталось и отметины от ударов Джо Лиди. Он держал шлем, как мать держит ребенка, и лицо его было задумчивым.

— Познакомьтесь с ним, — внезапно сказал он. — Скажите, что мы извиняемся. Вытрите ему нос, дайте чего-нибудь выпить — все, что захочет. — Он поглядел на них. — Вы что, не соображаете? Разве непонятно, что о таком случае можно только мечтать?

— Да, — медленно сказал Джо Лиди, — понятно. Только так нельзя.

— Сколько металла мы добудем из этих стен? — продолжал Гарри. Загрузим от силы два корабля. Сколько мы получим за него на рынке? Может быть, много. По крайней мере, мы на это надеемся. Но может быть, недостаточно, чтобы купить моей жене шпильки. Как ты считаешь, Зак?

К ним подошел Закариан и несколько мужчин. Закариан кивнул, соглашаясь, что все может быть.

— Вот так. Но посмотрите на этот шлем и костюм. Подумайте, сколько это может стоить. Не всякий там мусор, отбросы, как это называют, а по-настоящему ценные вещи. За них нам заплатят настоящие деньги. Нам надо торговать с ними, надо узнать, как они изготавливают эти скафандры. Может, у них есть еще что-нибудь в этом роде. Мы даже

можем начать настоящее дело, каждый из нас станет миллионером. Так уже, бывало. Может, наконец и нам повезло. — Он наклонился, заискивающе улыбаясь маленькому человечку. Слышишь? Друг. Понимаешь? Друг...

Маленький человечек взглянул на него яркими, холодными, мертвыми глазами.

— О, господи, отойди от него, Гарри, — сказал Флетчер. Люси, у вас не найдется теплой воды и полотенца? Чистого. И какой—нибудь еды. Все равно какой, лишь бы побольше.

Голод, хронический голод был буквально написан на каждой черточке этого слишком человеческого, слишком отчаянно животного лица. Обмакнув полотенце в теплую воду, Флетчер осторожно стер кровь с маленького лица. Кожа под его пальцами была тверда, как мрамор, ни один мускул не дрогнул.

Он улыбнулся и спокойно заговорил, но не получил никакого ответа. Он отложил полотенце в сторону, взял кусок хлеба, который принесла Люси, и протянул его человечку. И опять никакой реакции. Флетчеру пришло в голову, что этот человек мог никогда не видеть хлеба. Он отломил кусочек, положил себе в рот и съел, потом опять протянул хлеб и увидел в глазах незнакомца появившийся блеск.

— Развяжите ему руки, — сказал Флетчер, потом вложил в них кусок хлеба. Человечек помял его, понюхал, отломил кусочек и попробовал. Потом он с жадностью накинудся на него, но не как зверь, а как голодный человек. Когда он доел последнюю крошку, Флетчер предложил ему еще. Человечек взял, причем Флетчеру стало страшно от всплеска угрюмой иронии, которая блеснула у того в глазах. Как будто он сказал взглядом: "Ну хорошо, черт вас побери, если уж я здесь, то хоть что—то буду от этого иметь".

— Молодчина, Флетч, — сказал Гарри Экс. — Здорово ты к нему подобрался. Давай валяй дальше.

— Не надо спешить, — сказал Флетчер. — Подождите.

Поглощая вторую порцию хлеба, человечек оглядывал комнату и находившиеся в ней предметы. Его взгляд лишь

на секунду задержался на мужчинах, женщинах и детях. Его интересовали вещи. Что—то злое и хитрое промелькнуло на его лице, сразу же принявшем прежнее выражение, настолько быстро, что только Флетчер заметил его. Затем он снова сконцентрировал внимание на людях, стоявших вокруг, в особенности на Гарри Эксе.

Внезапно он улыбнулся и заговорил. Его избранником оказался Гарри Экс. Скороговорка его была, естественно, никому не понятна, но Гарри истово закивал, улыбаясь во весь рот, и сказал:

— Друзья, друзья, все друзья. Понимаешь? — Флетчеру он добавил: Наконец что—то получается!

Да, подумал Флетчер, но что? Он внимательно наблюдал за незнакомцем. Человечек снова заговорил, но уже медленнее. Он указал рукой на стену корабля, потом вниз, опуская руку все ниже и ниже.

— Да, да, понимаю, — сказал Гарри. — Внизу, в расщелине. Человечек указал на себя, затем поднял руки несколько раз сжав и разжав кулаки.

— Он имеет в виду себя и свой народ, — сказал Флетчер. — Я не знаю какая у них арифметика, но один палец может означать что угодно, хоть пятьдесят, хоть пять тысяч.

Гарри Экс взял в руки шлем и показал на скафандр. Он проделал руками несколько движений, должных означать обмен, и попытался одеть шлем себе на голову. Шлем был ему слишком мал и очень забавно поместился на макушке. Человечек чуть не расхохотался. Он тоже стал делать знаки, означающие обмен, а затем изобразил пищу, резко стуча зубами.

— Мне кажется, — сказал Флетчер, — он хочет сказать, что он и его народ будут торговать с нами за еду.

— Ага, — сказал Гарри, — вот оно что! Этого я и хотел. Он снял шлем, нелепо торчащий на макушке, и отдал его человечку, кивая при этом и ухмыляясь. Затем он стал быстро мерить шагами комнату.

— Немедленно соберите все лишнее со всех кораблей и загрузите в разведывательную ракету. Все равно что, лишь бы это было съедобно. Если что—нибудь должно скоро испортиться, то самое время избавиться от этих продуктов. Флетч, заполните баки ракеты топливом. И вот что. Пока нас не будет, вы как можно скорее закончите погрузку металла из этих стен на тот случай, если стартовать придется быстро. Понятно? Выполняйте.

Закариан, Джо Лиди и другие вышли из комнаты. Гарри Экс взглянул на Флетчера, который не сдвинулся с места.

— У вас какой—нибудь вопрос? — спросил он.

— Нет, — ответил Флетчер, — утверждение.

Он взглянул на маленького человечка, который спокойно сидел в кресле, держа шлем на коленях. Человечек, казалось, о чем—то глубоко задумался.

— Мне кажется, вы сошли с ума, если решили отправиться туда.

— Причина?

К Гарри подошла Люси, прислонилась к нему и взглянула на Флетчера отсутствующим взглядом. Ее ресницы были припущены, в приоткрытом рту белели зубы.

— Он трус, вот и вся причина, — сказала она.

— Да? — сказал Гарри. — Ты—то откуда это знаешь?

Она положила голову ему на плечо, по—прежнему глядя на Флетчера, и улыбнулась.

— Мужчина, который пытается украсть чужую жену, когда муж занят делами, не может быть никем иным. Разве я не права? Настоящий мужчина все делает открыто.

Из дальнего угла каюты донесся резкий голос жены Джо Лиди:

— Люси Экс! Это ложь, и тебе это прекрасно известно!

— Не лезь не в свое дело! — свирепо отрезала Люси.

Затем она снова потерлась щекой о плечо Гарри.

Гарри переводил взгляд с нее на Флетчера и обратно, колеблясь между сомнениями и закипающей яростью.

Флетчер покачал головой.

— Это ложь, Гарри, и она это знает. Мне жаль, что она это сказала. Кажется, я ошибся в ней. Ей действительно хочется иметь крупные неприятности.

— Он взглянул на Люси. — По крайней мере, вы могли бы подождать, пока мы вернемся. Если мы вообще вернемся.

— Идите, — неожиданно громким голосом сказал Гарри Экс. — Я приказал вам наполнить баки ракеты горючим.

Флетчер пожал плечами и вышел.

Человечек склонил голову над шлемом и улыбнулся.

3

Разведывательная ракеты нырнула из темноты в еще большую темноту, а затем и вообще в кромешную ночь.

Из кабины казалось, что вся планета разделена на две части трещиной с далекими звездами, сверкающими на каждой ее стороне. Флетчер почувствовал головокружение. Ему показалось, что он ныряет между двумя половинами мира, и он чуть не задохнулся при нелепой мысли о том, что сейчас его ракета нарушит вековой баланс и черные стены рухнут.

Ракета летела медленно, перегруженная пластиковыми ящиками с продуктами — на обратном пути им придется сидеть на сокращенном пайке, если Гарри Экс преуспеет в своей торговле.

Гарри сидел рядом с Флетчером в кресле второго пилота. Джо Лиди и Закариан расположились сзади. Человечек из расщелины сидел между Флетчером и Гарри Эксом на небольшом откидном сидении, показывая им направление. Флетчер чувствовал, как иногда дрожит его маленькое, но сильное тело то ли от волнения, то ли от страха.

Флетчер смотрел вперед, прощупывая взглядом окружающую их темноту.

— Мне кажется, — сказал он, — наш гость словно ждет какой-то беды.

— Он просто напуган, — хмыкнул Гарри. — Наверное, никогда не летал. Он искоса бросил на Флетчера взгляд. По его лицу можно было прочесть, о чем он думает.

— Надеюсь, вы правы, — сказал Флетчер.

— С чего вы вообще взяли, что я не прав? — воинственно спросил Гарри.

— Больно уж быстро вы превратились из пьянчужки в гения, безо всяких документов космонавта. Если бы не я, не видать бы вам работы, как своих ушей.

— Это верно, — сказал Флетчер. На его лице не отразилось никаких чувств, он так же пристально вглядывался в окружающую темноту. Совершенно, верно. Но от этого вряд ли что-нибудь меняется. Факты остаются фактами.

— Факты! — повторил Гарри и непечатно выругался. — Вы знаете об этом ровно столько же, сколько и я.

— Чуть больше, — сказал Флетчер. — Это можно было прочесть у него на лице буквами чуть ли не в десять футов величиной. Вам кажется, что вы ведете его к смерти. Нет, это он вас ведет.

— Упрямый бык, — ответил Гарри. — Велите ракеты, Флетч, и ни о чем больше не думайте. Давайте заниматься каждый своим делом.

Джо Лиди и Закариан заерзали в креслах, неуверенно глядя друг на друга. В кабине наступило молчание, слышался только легкий шум двигателя. Ракета вошла в атмосферу.

Сначала воздух был так разрежен, что его почти не было заметно, но по мере того, как ракета спускалась по спирали все ниже и ниже между каменными стенами, как бы на границе двух миров, он становился все гуще и теплее. На иллюминаторах мгновенно сконденсировались капли тумана, тут же убранные щетками. Остатки атмосферы, подумал Флетчер, в которую была, когда-то обернута планета и которая осталась сейчас лишь на относительно маленьком участке на дне расщелины. Снизу исходило тепло, и он опять подумал, чем могли быть туманные звезды, которые он видел

внизу. Возможно, вулканическими огнями, но он не мог спросить об этом у незнакомца. Оставалось лишь ждать. Ракета спускалась все ниже, в кабине стали слышны наружные шумы. Далеко внизу сияли красные огни, но смутные и неясные, словно смазанная рукой картина.

Он спускался медленно, как бы интуитивно чувствуя путь. Что-то огромное и белое, похожее на облако, неожиданно вынырнуло из темноты. Оно было больше ракеты. Оно хрипло кричало, с такой силой, что люди слышали этот крик даже сквозь обшивку ракеты и рев двигателей. Человечек застонал в диком страхе. В его стенаниях слышались молитвы, проклятия, указания, как бороться с этим. Флетчер так и не понял, о чем он говорил. Он просто поймал взгляд маленького человечка и сразу увидел, что, чем бы ни была эта штука, она не являлась врагом. А затем она пропала.

Ракета замоталась из стороны в сторону. Люди закричали. Иллюминаторы рубки по одному борту были закрыты белой, мягкой, трепещущей массой, похожей на перья. Ракету затрясло. Холодный, всеобъемлющий страх заполнил каждую клеточку тела Флетчера и только какая-то небольшая часть мозга действовала сама по себе. Она приказала его рукам, что делать, и они выполнили приказ. Они включили космические, посадочные и тормозные двигатели, не в каком-нибудь порядке, а просто все сразу. Ракета задрожала, протестуя, стеновая. Белая трепещущая субстанция, закрывающая иллюминатор, развила какую-то бурную деятельность. Раздался громкий крик, затем иллюминаторы очистились и Флетчер увидел, как нечто хрупкое и непонятное кануло белой массой вниз, в туман, в невидимость.

Человечек сидел, напряженно вцепившись в кресло. Он дрожал, дышал тяжело, зубы его стучали.

— Господи Иисусе, — сказал Гарри Экс и повторил это несколько раз. Что это такое?

— Я же всего-навсего проклятый пьянчужка, — с трудом вымолвил Флетчер.

— Спросите нашего гостя.

Его тошнило. Он бы сейчас развернулся и полетел назад, в холодную, свободную пустоту, если бы не был так зол на Гарри Экса.

— Что ж, неважно. Чем бы это ни было, его больше нет. Поспешите, Флетчер. Ведите ракету туда, куда он вам скажет.

Гарри Экс обтер лицо рукавом рубашки. Оно было смертельно бледно.

— Мне кажется, надо вернуться назад, — слабым голосом сказал Джо Лиди.

— Мы же убили это чудовище, не так ли? Мы можем справиться с любым, кто нападет на нас. Живут же эти люди внизу и ничего им не делается. Мы заработаем себе по состоянию. Вниз, Флетчер!

— Сейчас я бы не вернулся назад, — процедил сквозь зубы Флетчер, даже если бы вы все меня умоляли. — Он ткнул человечка локтем. — Куда? спросил он, делая рукой выразительный жест.

Человечек поглядел на него с новым выражением, показал, и Флетчер направил ракету в указанном направлении.

Он стал внимательно следить, не появятся ли белые формы в виде облаков на небе. Пока что он не увидел ни одной, но думал, что встреча вероятна, и пытался догадаться, какие еще формы жизни могла породить эта расщелина, которой бросила вызов маленькая ракета.

Ему не стало легче от того, что человечек был таким же настороженным и нервным, как и раньше.

Ракета спускалась все ниже.

Красный размазанный огонь локализовался примерно в двух—трех милях справа от Флетчера. Он сиял неровным светом. Потом Флетчер различил группу из трех конусов, с вершин которых и исходил этот свет. Они походили на гигантские факелы, освещавшие большое пространство вокруг себя, и Флетчеру показалось, что он увидел кое—что еще.

Ему показалось, что у подножия конусов он увидел огромное, полуразрушенное лавиной здание.

Он вопросительно показал на него. Человечек бросил туда взгляд, покачал головой и кивнул в другом направлении.

Джо Лиди, однако, заинтересовался.

— Здесь, когда-то, наверное, жил целый народ, — сказал он. — Если бы это здание было цело, то его размеры огромны. Оно минимум милю шириной.

— Запомните координаты, — сказал Гарри Флетчеру.

— Зачем?

— Там наверняка много полезного для нас. Надо будет посадить один корабль там.

— Я прямо поражаюсь, Гарри, — воскликнул Флетчер, — почему вы еще до сих пор не стали миллионером!

Ракета опять вышла из залитого светом пространства в темноту. Но в этой темноте горели далекие огни. Человечек всматривался, весь подавшись вперед на сидении, и в конце концов указал на один из них.

Он кивнул Флетчеру. Ракета приближалась к месту своего назначения, пробиваясь сквозь испарения и дым, поднимающийся из трещин в скале.

— Откуда здесь такая вулканическая деятельность? — спросил Закариан. — Я думал, это мертвый мир.

— Вы находитесь в самом его центре, — ответил Флетчер. — В последнем месте, где еще теплится жизнь.

Он вздрогнул. Было здесь что-то такое, из-за чего ему отчаянно не хотелось приземлять ракету.

Человечек протянул руку вниз и возбужденно заговорил. Люди подались вперед.

Там виднелся один конус, выше тех, что они миновали. Из него вырывалось яркое, ослепительное пламя. У его подножия лежала каменистая равнина, а на ней, довольно далеко от потоков лавы, стояло здание. Оно было высечено из того же камня, из которого состоял весь этот мир. Оно было большим, одна-две квадратные мили — трудно судить в

неярком, дрожащем свете с высоты. Было только видно, что оно большое. Оно не выглядело очень высоким, но, подлетев ближе, Флетчер понял, что оно кажется низким только из-за своей ширины. Там было что-то не так.

Огни: ровный свет в окнах, контрастирующий с огненным вулканическим пламенем, светился лишь в одной части здания, остальная же была погружена в темноту. Флетчеру показалось, что он видит там какие-то неправильные ломаные линии.

Человечек выразительными жестами показывал вниз.

— Ну? — грубо спросил Гарри Экс. — Чего вы ждете?

Буквально заставив себя взяться за рычаги управления, Флетчер выбрал ровное место и посадил ракету ярдах в пятидесяти от здания.

Человечек немедленно вскочил с кресла и подбежал к двери выходной камеры, весь трясаясь от нетерпения. Глаза его торжествующе сверкали.

— Будь я на вашем месте, Гарри, — сказал Флетчер, — я не отпустил бы его. По крайней мере, до тех пор, пока бы не узнал, на каком свете нахожусь.

Гарри заколебался.

Человечек оглянулся, всматриваясь в лица четырех землян, затем улыбнулся. Он протянул свой шлем и показал Гарри Эксу на пластиковые ящики с продуктами, затем махнул в сторону здания.

Он заговорил, опять улыбнулся и начал делать руками различные жесты.

— Если мы его задержим, — сказал Гарри Экс, — то, как он сможет привести сюда своих соплеменников для торговли? — Он кивнул Джо Лиди. Открой камеру. Сколько можно ничего не делать?!

Джо Лиди открыл дверь. Возник резкий запах серы, смешавшийся с воздухом в ракете. Человечек выкарабкался наружу, упал на четвереньки и осторожно оглядел равнину и небо наверху, затем вскинулся и быстро побежал к зданию, что-то резко крича на ходу.

Закариан указал на что—то в иллюминаторе за плечом Флетчера. На крыше здания внезапно вспыхнул яркий свет, заливший маленькую бегущую фигурку, отразившийся от неровностей камня, как лунный свет от черной воды, и высветивший маленькие человеческие фигурки, стоявшие на крыше рядом с какими—то непонятными предметами.

Предметами, которые не могут быть ничем иным, подумал Флетчер, как оружием.

— Вам все—таки не стояло отпускать его, Гарри, — резким, тревожным голосом сказал Закариан.

Лоб Гарри Экса покрылся крупными каплями пота, но он громко сказал:

— Говорю тебе, все будет в порядке. Лучше бы я взял с собой трех женщин, а не вас! Садитесь и успокойтесь!

— Вы тоже можете сесть и успокоиться, — сказал Флетчер. — Мы полностью в их власти, если это то, чего они хотели. Ракета не успеет подняться и на десять футов от земли, как ее собьют.

4

Флетчер и Джо Лиди вышли наружу, но держались поближе к ракете, чтобы в случае необходимости быстро забраться внутрь.

Гарри Экс ушел уже более получаса тому назад по корабельному времени. Оружие, или что бы там ни было, ни разу не палило с крыши здания. Человек вернулся на рассвете, ведя с собой еще двух. Они принесли с собой вещи: серебряный скафандр и шлем, несколько красивых драгоценных безделушек, два—три небольших механизма. Они передали все Гарри Эксу и дали понять, что это подарок. Затем, очень образно, они пантомимой рассказали о положении. Корабль стоял в пятидесяти ярдах от здания. Многие люди хотели вести торговлю, но не осмеливались подойти к кораблю, потому что он был мал и не мог вместить всех, а стоять на открытой равнине опасно. Всякие чудовища, летающие и

бегающие, были постоянно голодны и постоянно охотились. Флетчер задал вопрос об оружии на крыше, и человечки продавали множество движений, объясняя, что это оружие защищает их от врагов.

Вспомнив белое облако, напавшее на ракету, Флетчер сразу же поверил им. Но тем не менее, он отнесся к человечкам очень недоверчиво. Затем один из них жестами довольно ясно объяснил, что они хотели бы, чтобы люди Земли перенесли свои товары внутрь здания, где безопасно. Гарри Экс, держа подарки в своих толстых руках и особенно уцепившись за безделушки со странными драгоценными камнями, хитро улыбнулся и согласился перенести часть товаров в здание. Он очень ясно дал понять, что, если случится что-либо подозрительное, его друзья немедленно улетят и вернутся уже не с продуктами, а с разрушительными бомбами.

— У нас на кораблях нет даже бластеров, — усмехаясь, сказал Гарри, но откуда им это знать? Зак, вы с Джо садитесь на остальные ящики с продуктами и держите пистолеты наготове. Вот так. Они это поймут. Флетч, вы поможете мне нагрузить тележку.

Они нагрузили тележку — небольшой механизм с двигателем для перевозки грузов, — навалив на не как можно больше пластиковых ящиков.

— О'кей, — сказал Гарри самым обычным голосом, — вы пойдете со мной.

Флетчер улыбнулся одними губами.

— Нет, благодарю вас, Гарри. А вдруг я вас предам?

Лицо Гарри потемнело. Три маленьких человечка — один все еще в своем легком скафандре, другие в какой-то синтетической одежде, странно обернутой вокруг их небольших тел — с любопытством глядели, как люди забираются обратно в ракету.

— Да успокойся ты, Гарри, — сказал Джо. — Я знаю Люси дольше тебя и знаю, чего она добивается. Флетч...

Слова застряли у него в горле. Пронзительный шипящий рев ударил в уши, чуть не порвав барабанные перепонки. Флетчер быстро повернулся и успел заметить, как с крыши по направлению к трещине, из которой шел дым, метнулся язык белого пламени. Он проследил направление выстрела, но ничего подозрительного не заметил.

Человечки быстро и разом, о чем-то заговорили. Они тоже зашли в ракету, улыбались и тянули за собой Гарри Экса, уверяя его в безопасности и одновременно подталкивая к выходу.

— Ну, хорошо, — сказал Гарри и многозначительно посмотрел на Джо Лиди и Закариана. — Оставляю все это на вас.

Он вышел, забрав с собой тележку с продуктами.

Трое оставшихся глядели ему вслед.

— Что вы думаете? — спросил Закариан.

Флетчер покачал головой.

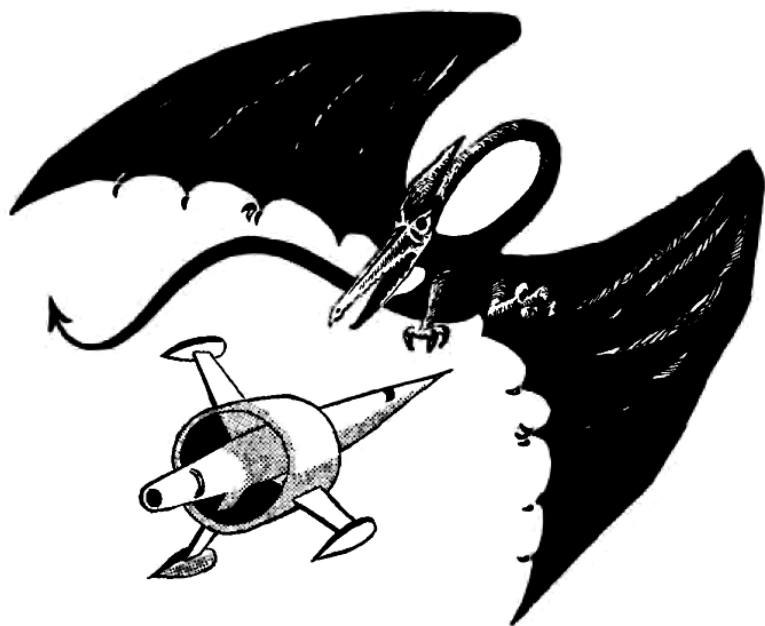
— У них волчьи лица.

— Не думаете ли вы, что они его убьют? — вопросительно взглянул на Флетчера Джо.

— Нет, — сказал Флетчер и добавил: — Не сейчас.

Но время шло и, в конце концов, Флетчер выбрался из ракеты и постоял рядом, а через несколько минут к нему присоединился Джо Лиди.

— Странное место, правда? — сказал Джо и вздрогнул. Даже более того, подумал Флетчер. Циничное и угрожающее. Темнота, как искаженный негатив нормального неба. Небо — узкая щель между двумя вздымающимися башнями темноты, которым, казалось, нет конца. В тяжелом воздухе пахло серой, в нем чувствовались то горячие течения из недр вулкана, то налетающий сверху жгучий холод, насыщенный паром и дымом. Красное, сверкающее пламя из конусов пульсировало и колебалось, заставляя голый скалистый пейзаж все время меняться, как неясные видения во сне.

Чудовищное здание вздымалось вверх — черная пустота с регулярными рядами света. Где-то наверху находилось оружие и крохотные фигурки людей рядом с ним, и огни, сияющие на фоне вулканического света.

Последнее прибежище жизни на планете. Флетчер подумал о том, что лучше было бы просто выйти на поверхность, когда погасло солнце, чем жить вот так, как в этом уродливом кармане голого мира. Он подумал о том, сколько времени умирало это солнце, долго—долго, вместе со своими планетами. Он подумал о том, сколько времени стоит это здание и сколько поколений жило в нем, сколько людей родилось ночью, чтобы никогда не узнать, что такое утро. Что-то промчалось над их головами, громко хлопая крыльями.

Люди немедленно отпрянули в выходную камеру, но существо пролетело мимо, наверное, хорошо зная о наблюдателях на крыше. И теперь Флетчер понял, что в расщелине

очень много звуков. О чем—то шепча во сне, ворочались вулканы, шипел пар, что—то катилось или ползло, и слышались крики не богом благословенных созданий.

— Войдем внутрь, — сказал Флетчер, охваченный какой—то чисто нервной тревогой.

Но Джо резко сказал:

— Подождите... Вот, кажется, и он.

В освещенном здании открылся вход и оттуда вышел Гарри Экс, окруженный десятком человечков. Тележка катилась рядом с ним. Она была завалена какими—то вещами, причем по бокам бежали двое и поддерживали их, чтобы эти вещи не свалились с верху. Гарри Экс бежал впереди, о чем—то крича. Они слышали его голос, радостный, ликующий, отражающийся от голых стен.

— Посмотрите, что я принес! Вы только посмотрите! Человечки испуганно схватили его, а люди на крыше взволнованно забегали, всматриваясь в окружающее пространство.

Гарри Экс бежал по каменной равнине к ракете. Он смеялся, тяжело дыша, глаза его сверкали.

— Они сумасшедшие, — сказал он, — сумасшедшие, говорю вам. Они были готовы отдать мне кожу с собственной спины, если бы только она мне понадобилась, за пищу. — Он дрожал от возбуждения. — Вы даже себе не представляете, что там у них внутри здания. Скорее, скорее, помогите мне разгрузить тележку и снова наполнить ее продуктами.

Несколько маленьких человечков принесли с собой изделия из металла и быстро складывали их в ракету. Делая это, они непрерывно оглядывали небо и равнину. Остальные действовали как охрана. Гарри Экс швырял вещи в выходную камеру, предоставляя заботиться о них дальше Флетчеру и Джо Лиди. И он говорил, не умолкая.

— Сумасшедшие... Отдают своих жен, своих дочерей. Они здесь подышают с голоду, понятно? Все, что угодно, за кусок хлеба. Нам действительно повезло. Вы только взгляните.

Флетчер методично работал в выходной камере, разгружая предметы, который швырял туда Гарри. Несколько

серебристых скафандров, шлемы из легких металлов. Безделушки и драгоценности. Искусно сделанные, непонятного назначения предметы. Все это действительно стоило колоссальных денег, не само по себе, а то, что за этими вещами скрывалось: новые производственные процессы. Он подумал, сколько это стоило людям, живущим в здании.

— Выносите ящики с продуктами, — скомандовал Гарри Экс. — Все до единого. Поскорее. Заставьте их пошевеливаться.

Он был как в лихорадке. Закариан начал снимать пластиковые ящики и передавать из Джо Лиди, который передавал их в выходную камеру Флетчеру, а уж оттуда их принимал Гарри Экс. Человечки поспешили на помощь. Очень скоро один из них стоял в выходной камере рядом с Флетчером, а трое зашли на корабль, включая и того, которого Джо Лиди поймал на поверхности. Они работали быстро. Их лица были напряжены, они перебрасывались короткими резкими фразами. Снаружи ящики накладывали на тележку и некое подобие тачек, на которых несколько человечков доставили металл.

— Давайте! — кричал Гарри. — Поскорее!

Они спешили, но не успели выгрузить еще и половины ящиков, как темноту прорезал жуткий вой и моментально с крыши ударили белые лучи, направленные на границу света и тьмы. Лица обитателей расщелины еще более заострились. Они разом оставили ящики и застыли, напряженно всматриваясь и вслушиваясь, положив руки на пояса, из-за которых торчали трубки. Земляне тоже прекратили работу.

В поле зрения появилось создание, напоминавшее гору. Оно двигалось медленно, как двигалась бы гора, и выло, приближаясь, голосом, которым могла бы выть гора. Флетчеру, выглянувшему из камеры, показалось, что он увидел толстую длинную шею, квадратную, грубую, как булыжник, голову и огромную челюсть, свисавшую, как ковш экскаватора.

Ослепительные лучи оружия нашли ее. Белый огонь засверкал, и гора тяжело отпрыгнула в сторону, но не была убита. Она спокойно легла за выступом скалы и стала наблюдать.

Один из человечков начал хватать ящики и выкидывать их из корабля. Гора заворочалась, завывала и двинулась вперед.

Гарри Экс проворно забрался в ракету.

— Великий боже, — закричал он, — эта штука сокрушит нас. Она раздавит ракету.

Он метнулся мимо Флетчера и прыгнул в пилотское кресло.

— Все по местам, давайте выбираться отсюда. Быстрее, ради всего святого!

Снаружи вновь ослепительно сверкнули белые лучи и на сей раз удар настиг цель. Гора упала и перекатилась по камням — зрелище для титанов, но все еще не была мертва. Она опять откатилась за скалу и завывала, заставляя расщелину звенеть ее голодом и яростью.

Дрожащими руками Гарри Экс взялся за рычаги управления. Маленький человечек, указавший путь сюда, подошел к нему и показал на оставшиеся пластиковые ящики с продуктами. Остальные человечки продолжали торопливо выносить их, в то время как Закариан и Джо Лиди в нерешительности стояли в стороне.

Гарри, не глядя, потянулся к рычагу и одним ударом отбросил человечка в сторону.

— Выкиньте их отсюда, — сказал он. — Черт с ними. Ничто не стоит того, чтобы быть убитым.

Человечек, брошенный ударом на пол, сидя, прожег две аккуратные дырки в запястьях Гарри Экса, по одной на каждую руку.

Гарри застонал, взглянул на свои руки, затем сунул их между колен и начал раскачиваться взад—вперед, громко крича.

Маленький человечек действовал очень быстро. У Джо Лиди пистолет был в руках, так как он ожидал появления чудовища снаружи. Джо почти успел выстрелить и опоздал на какую-то долю секунды. Лучевая трубка прожгла отверстие в левой стороне его груди, и он умер, не успев сделать ни шага, без единого звука.

Одновременно два человечка, работавшие внутри ракеты, опустили пластиковый ящик на голову Закариану, который упал как подкошенный. Флетчер в выходной камере быстро обернулся, выхватывая оружие. Он прыгнул в сторону, чтобы можно было стрелять внутрь кабины, но, как и Джо Лиди, чуть-чуть не успел.

Они просто увлекли его вниз тяжестью тел, повисших на руках и ногах, бьющих по голове. Флетчер подумал, что они убьют его, но этого не произошло. Он пытался драться ногами, всем телом, перекатываясь по полу, но сильные удары по голове лишили его сил, а маленькие мускулистые тела держали крепко. Ладно, подумал он, едва не теряя сознание и слыша, как сквозь сон, их быстрое, звериное дыхание. Ладно, пусть будет так, если вы этого хотите. Он расслабился и лежал неподвижно.

Человечки, о чем-то заговорили, затем вытащили его из камеры, бросили на каменное плато у ракеты, отобрали пистолет и ушли. За скалой ворочалась и рычала голодная гора.

5

Дальнейшее свершилось все с той же мрачной и сумасшедшей быстротой.

Флетчер все видел. Сначала он наблюдал за происходящим в полубессознательном состоянии, неподвижно лежа на жестком камне. Фигуры человечков прыгали и носились между выходной камерой ракеты и тачками, на которые они торопливо накладывали пластиковые ящики. Как только очередная тачка наполнялась, человечек, которому она

принадлежала, бежал с ней к зданию. В промежутках с крыши сверкали белые лучи, держа гору в ее укрытии.

Флетчер улыбнулся. Какой безумный кошмар, подумал он. Надо будет постараться запомнить все подробности, когда я проснусь. В голове прокатилась волна боли, во рту появился привкус крови. Это не кошмар, подумал он. Это действительность. Бедняга Джо Лиди мертв.

Гора тяжело затанцевала в агонии нетерпения, и над головой послышался новый звук — шум крыльев. С трудом приподнявшись, Флетчер взглянул наверх и увидел огромное создание, затем еще одно и еще, формой напоминающие букву "дельта", с длинными, вытянутыми вперед шеями. Лучи с крыши били теперь уже в небо, чудовища громко и страшно стонали, покачиваясь, как огромные чайки над водой.

Флетчер с трудом пополз вперед, к огромному корпусу ракеты. Человек уез через каменную равнину последнюю тачку. Оставшиеся выносили последние ящики, работая с неукротимой яростью под угрозой уничтожения другими созданиями, которые тоже были готовы все отдать за пищу. Они нагрузили тележку — меньше полного груза, — затем вывели Гарри Экса, шатающегося и обвисающего в их руках, и все это время лучи, не переставая, с шипением пронизывали воздух над их головами.

Флетчер быстро и бесшумно заполз под корму ракеты. Ее дюзы черными отверстиями нависали над ним. Человечки выволокли с корабля Закариана и положили рядом с тележкой.

Флетчер приподнялся, схватился за край нижней дюзы и забрался в знакомо пахнущее углубление.

Человечки выволокли тело Джо Лиди.

Устраиваясь поудобнее в узком отверстии, Флетчеру удалось повернуться так, что он мог наблюдать за происходящим. Человечки искали его, их голоса звучали зло и недовольно. Тем временем двое из них откатали тело Джо Лиди поближе к голодной горе, переваливая его по камням, как

тряпичную куклу. Ослепительные лучи полыхали пламенем. Пронзительные голоса стонали и выли. Белая форма опустилась пониже, и луч перерезал ее почти пополам. Она с грохотом упала и немедленно что-то тяжелое и громоздкое выбежало из-за скалы и принялось насыщаться.

Человечки бросили Джо Лиди и со всех ног кинулись к ракете. У них уже не оставалось времени на поиски Флетчера. Возможно, они подумали, что он мертв и съеден.

Они схватили Закариана, тележку с ящиками и неимоверно быстро двинулись к зданию. Лучи, бьющие с крыши, прикрывали их отступление. Две огромные белые формы спустились вниз и начали драться за те объедки, которые им оставили.

Флетчер оказался совсем один.

Оружие смолкло. Лучей больше не было видно. Туманный, призрачный свет озарял каменистую равнину красными неровными огнями. Две белые, громко стонущие формы вгрызались в Джо Лиди и друг в друга. Флетчер хотел заплакать, но слез не было. В нем бушевали только ярость и ужас.

Если они не заминировали ракету, подумал он, я смогу сесть в нее и улететь, я смогу рискнуть. Гарри Экс получил по заслугам, ну и черт с ним! Затем он подумал о Закариане, который не был ни в чем виноват, и о том, как он встретится с женой Закариана и с Люси Экс. Он прекрасно мог представить себе, что они подумают и скажут, если он вернется один.

Все эти мысли в одну секунду промелькнули в голове Флетчера. Он думал об этом, вылезая из дюзы. Как только он оказался внизу, все его мысли подчинились одной цели. Он подчинился этой цели не совсем по благородным мотивам. Одна его часть как бы говорила: Закариан неплохой парень и я не могу так просто взять и оставить его.

Но другая, большая часть твердила совсем иное: проклятый лживый язык Люси сковал меня, и, если только я вернусь на звездолет один, все подумают, что я убил остальных

и, очень может быть, убьют меня самого. Поэтому надо вытаскивать их оттуда и вернуться всем вместе.

Ему придется сделать это без всякой помощи. Не было никакого смысла возвращаться к звездолетам и атаковать ими обитателей расщелины. Это значило бы подставить четыре медлительных корабля с женщинами и детьми под удары белых шипящих лучей. И, как признался сам Гарри, у них на борту не было даже бластеров.

Он отполз подальше от порождений каменистой равнины, которые были слишком заняты, чтобы заметить его. Он полз со всей скоростью, на которую был способен, прячась за каменные выступы, делая короткие перебежки, когда приходилось пересекать открытые места. Он направлялся к той стене здания, где на равном друг от друга расстоянии сияли огни. Но он специально двигался по дуге, чтобы подойти к зданию с той стороны, где этих огней не было.

По пути он прополз мимо того места, куда был направлен первый выстрел с крыши, когда он не успел заметить, в кого стреляли. Что-то бледное и неподвижное лежало в нескольких футах от него. Флетчер заколебался, но тут же осторожно пополз в том направлении.

Там лежало тело человека, голова которого была практически сожжена. Тело было небольшим. Одежда и оружие, все еще находившиеся при нем, напоминали, но не были точными копиями одежды и оружия тех, кто пришел к ракете из здания. Флетчер замер на месте, размышляя.

Вряд ли они убили бы одного из своих. И вряд ли он прятался бы в укрытии. Значит, мертвец был из какого-нибудь другого здания, стоящего в этом ущелье. Вспомнив то, которое разрушил поток лавы, Флетчер сразу понял, что когда-то здесь было много таких зданий. Возможно, несколько еще остались, возможно, они все время находились в состоянии войны, борьбы за существование, шпиона, раскрывая секреты, убивая друг друга с холодной беспощадностью необходимости.

Много ли этот человечек успел увидеть и был ли один, подумал Флетчер. Расщелина, из которой шел пар и дым, продолжалась узкой канавкой, очень напоминающей дорожку, но это ему ни о чем не говорило.

Он надеялся, что человечек был один, потому что если у него был товарищ, то наверняка отправился за подкреплением, а тогда и так почти невозможная задача вызволить Гарри и Закариана становилась намного труднее.

С отвращением Сэм Флетчер протянул руку и вытащил из—за пояса мертвеца лучевую трубку. Тяжелое хлопанье крыльев над головой предупредило его вовремя, и он побежал сквозь клубящийся туман. Чудовище с громким стуком приземлилось позади него и начало рвать что—то на части. Он побежал изо всех сил к темной части здания, забыв об осторожности, забыв обо всем, кроме отчаянного желания куда—нибудь спрятаться.

Он достиг стены, но она оказалась сплошной и прочной, а окна были в пятидесяти—шестидесяти футах над головой. Он прижался к стене с бешено колотящимся сердцем, слушая, обоняя, осязая смерть, находившуюся повсюду, в каждом звуке, в каждом движении. Затем он стал медленно продвигаться вдоль стены, дальше и дальше от теней, во все скрывающую темноту.

Здание было огромным. Оно было почти таких же размеров, как и те, что эти люди или их предки выстроили на поверхности до гибели планеты. Флетчеру пришлось пройти целую милю, даже больше, прежде чем он дошел до угла. Перед ним простиралась другая стена, как поверхность скалы, и с этого места он хорошо видел высокий конус, из которого полыхало пламя. Здесь красный свет был ярче. Флетчер буквально вжался в стену, чувствуя себя как бы голым и всем видным при этом свете.

Он пошел вперед, потому что больше ничего не оставалось делать. Мили окон, черных и пустых, в которых слегка отражалось полыхающее в вулкане пламя. Стены из черного камня, длинные и высокие, крепость, которую нельзя

завоевать снаружи, но пораженная изнутри все побеждающим временем и смертью людей. Пустота и опустошение. Сюда невозможно было проникнуть, здесь негде было спрятаться. Он продолжал идти — крошечная фигурка, пробирающаяся сквозь сон.

Он дошел до второго угла, самого дальнего от обитаемой части здания. Люди, вероятно, ушли отсюда в первую очередь.

И здесь был пролом в стене. Какой—то вулканический толчок дал трещину в фундаменте дома и перекошил его. Часть стены осела и часть крыши рухнула, образовав отверстие, в которое можно было проникнуть.

Флетчер начал отчаянно карабкаться вверх. На самом верху осевшей стены он нашел маленькое отверстие, едва достаточное для того, чтобы протиснуться. Он полз очень осторожно. Дымный и смутный свет, проникавший в окна, освещал пол, обрушившийся в одном углу, но, по всей видимости, еще прочный. Он ступил на него и пол выдержал. Он был внутри.

Он прошел в противоположный конец комнаты, уселся на пол и отдохнул, чувствуя себя в безопасности. Дыхание постепенно выравнилось, дрожь унялась, и он вновь поднялся, нашел широкие двери и вышел из помещения. И тогда он увидел, что разрушение этой части дома—города было гораздо больше, чем он думал.

Массивные наружные стены стояли непоколебимо, словно отдавая дань своим давно погибшим создателям. Но многие внутренние перегородки обрушились и свет проникал сквозь дыры в крыше, слабо освещая часть того, что еще осталось. Флетчер перевел взгляд с этих дыр на внутренние двери и задрожал, но никаких признаков того, что сюда забирались создания и порождения расщелины, не было. Через огромные дыры в крыше могли пробраться и летающие чудовища, но у них был слишком большой размах крыльев для такой относительно маленькой площади.

Время от времени он все—таки останавливался, прислушиваясь, но в здании царила тишина. Бесчисленные количества заброшенных комнат все еще стояли неразрушенными, мириады функций, для которых их построили, были забыты. Тишина висела гнетущая. Она напоминала о том безнадежном существовании, которое эти люди вели с незапамятных времен, умирая вместе с погибшим миром. Это заставило его задуматься, зачем они вообще борются за жизнь? Это заставило его задуматься, зачем вообще нужно бороться за существование? Он шел длинными, как улицы, коридорами, пробираясь с этажа на этаж, чтобы следовать в нужном направлении или просто обходя очередные обвалы крыши и стен. Иногда он шел в полной темноте, чутьем определяя направление. Иногда сквозь окна проникал колеблющийся свет, освещая то, мимо чего он шел. Квартиры с настежь распахнутыми или сорванными с петель дверьми и окнами "на улицу" больше не интересовались, кто проходил мимо. Им это было безразлично. Общественные места с прозрачными стенами, иногда очень большие, иногда поменьше, с какими—то потускневшими буквами или знаками, все еще рассказывали о том, чем они были раньше и чем перестали быть. Он видел обломки мебели, личные вещи, оставленные людьми перед уходом отсюда, прекрасные произведения искусства, разорванные или упавшие, высеченные из вечного камня мечтательные лица мужчин и женщин, статуя смеющегося ребенка, краски, образы, какие—то огромные конструкции из серебряной проволоки, сверкающие металлические части, самые обычные вещи, похожие на лампочки, когда—то дававшие свет этому городу, постепенно превращающемуся в пыль, залы, предприятия, синтетические фабрики — всюду царила тишина и спокойствие. Он стал замечать, что каждый из покинутых секторов кончается большой стеной. Их, наверное, выстроили позднее, исходя из того, что Флетчер все ближе продвигался к обитаемой части здания. Возможно, между городами—зданиями в более ранние времена не было войн. Возможно, все

они тогда чувствовали себя братьями в легионе проклятых. Но позже, по мере того как их становилось все меньше и меньше, они стали отгораживаться друг от друга, боясь своего собственного народа.

Сейчас эти старинные каменные стены были разрушены и Флетчеру не составляло труда пробираться через них. Но он начал беспокоиться. Он карабкался по рухнувшим камням все более и более осторожно, зная, что приближается к обитаемой части здания. Скитания опять привели его к наружной стене, и внезапная вспышка света, проникшая через окна, поразила его. Он осторожно выглянул наружу, но не увидел ничего, кроме вулкана и языков пламени, пляшущих на голых камнях. Ракета стояла в противоположном углу здания и отсюда ее не было видно.

Он продолжал идти вперед, преследуемый чувством, что все, что он сделал, было напрасно, и то он, может быть, сам погибнет в этой огромной, черной, выстроенной человеческими руками горе. Он вышел к широченному коридору, ведущему в нужном направлении, и пошел по нему, пока не уперся в глухую стену.

Флетчер попытался пройти через комнаты по обеим сторонам коридора, нашел другие коридоры и в отчаянии испробовал даже другие этажи, но повсюду натыкался на непреодолимую стену, и не было в ней никакого пролома. Путь в жилые помещения был отрезан. И тут он услышал на равнине шум битвы.

6

Батареи на крыше шипели и плевались. Звук их был резок и пронзителен, он перемешивался с более глубоким звуком и каждый раз, когда Флетчер слышал этот непонятный звук, здание сотрясалось, правда, не слишком сильно. Возникнув, шум этот не прекращался, а наоборот, становился все сильнее и сильнее. По всей видимости, у человека с сожженной головой был товарищ, и очевидно, этот товарищ

отправился за подкреплением. Он должен был знать, что со странного корабля сгружали какое—то продовольствие, потому что ничего, кроме еды, не могло вызвать такого оживления у человечков, которые, рискуя жизнью, отгоняли страшных чудовищ от места выгрузки. Возможно, решил он, человечки из соперничающего здания наладили контакт с кем—то на поверхности и теперь пища будет у них постоянно.

Но, как бы то ни было, они не могли допустить, чтобы один из городов получил такое преимущество перед остальными. Значит, между ними происходило сражение, а Гарри Экс и Закариан все еще находились по ту сторону непреодолимой стены, если они еще не мертвы. Он, Флетчер, находился как бы в мертвой зоне, но что он мог сделать? Здание сотрясилось не сильно, но угрожающе. Орудия продолжали стрелять. Флетчер подумал о крыше.

Там были батареи и люди, стреляющие из них, а следовательно, туда как—то можно было попасть. Если человечки заняты тем, что обороняют свое здание от нападающих, они не заметят, что за спиной у них, из давно брошенных секций здания ползет человек. Стоит попытаться.

Флетчер пробрался на самый последний этаж и, в конце концов, нашел люк. Люк был хорошо сделан, легко открывался изнутри и почти не был виден снаружи. Он открыл люк и выбрался на крышу.

Он сразу же распластался, чтобы его не заметили. Позади расстилалась огромная крыша из того же камня, что и тот, на котором стояло здание. По краю ее, с одной стороны, проходил бортик. Впереди виднелась секция батареи, которую обслуживало несколько человек. Оттуда полыхало пламенем. Наверху, в сером небе, хлопали широкие крылья и раздавались крики чудовищ, и каждые несколько минут одно из орудий посылало луч вверх, чтобы держать их на расстоянии.

Флетчер рискнул выглянуть через бортик. Ему нужно было знать, как протекает сражение. Отсюда он видел часть

каменного плато и человечков, суесящихся вокруг каких-то передвижных орудий, стреляющих в стены здания. Они, по-видимому, не имели большого успеха и часть их батарей валялась разбитой. Флетчер почувствовал, что осажденные выигрывают сражение, и пожалел об этом. Если бы сражение сейчас кончилось, ему стало бы намного труднее. Примерно в сотне ярдов он увидел открытый люк и кинулся к нему. Никто его не заметил. Внизу Флетчера тоже никто не увидел. Возможно, те, что должны охранять люк, тоже присоединились к человечкам у батареи, а охранять верхний этаж не было никакого смысла. Он решил рискнуть и нырнул вниз.

Он очутился в длинном широком зале, ярко освещенном, пыльном, с расставленным вдоль стен оружием. В зале никого не было.

Держа наготове лучевую трубку, которую он забрал у мертвого человечка, Флетчер стал спускаться на нижние этажи. Он чувствовал в себе странное возбуждение, слова "страх" и "отвага" потеряли всякий смысл. Он даже не думал об этом. Он напоминал человека, который неизвестно почему попал в сильное течение и теперь не имеет другого выбора, как следовать вместе с ним, стараясь просто не утонуть.

Все этажи были освещены, повсюду стояла тишина. В пыльных, переплетающихся коридорах виднелись полуоткрытые двери, в углах и вдоль стен валялся мусор. В воздухе пахло серой и гнилью.

Флетчер шел вниз по скатам и винтовым лестницам.

В серном воздухе появился новый запах — запах грязных человеческих тел, — одинаковый по всей вселенной, который ни с чем нельзя спутать. Вскоре после этого Флетчер услышал голоса. Он пошел осторожнее, пригибаясь, проскальзывая мимо полуоткрытых дверей, избегая окон, выходящих в коридоры. Голоса звучали как будто под ним, но, казалось, доносились и сверху.

Потом он увидел в стене стеклянную дверь, выходящую на некое подобие балкона. Дверь была открыта, голоса отсюда слышались громче всего. Флетчер рискнул пройти на балкон и слегка перегнулся через перила.

Внизу было огромное пространство. Возможно, когда-то оно служило амфитеатром и предназначалось для общественных развлечений, а балконы, на одном из которых он сейчас стоял, были для зрителей. Зал внизу был полон народа, преимущественно там находились женщины, дети и немного стариков. Флетчер решил, что это какой-то общий зал, в котором они собираются, когда всему зданию грозит опасность. Такое помещение, расположенное в самом центре жилых комнат, легче защищать. Насколько он мог судить, людей здесь было не меньше трех тысяч. Пустые балконы, на которых могло разместиться в десять раз больше народу, нависали над кучкой людей, как бы издеваясь, но казалось, на них никто не обращал внимания. Люди не выглядели угрюмыми, они весело переговаривались, ухаживали за детьми, занимались какой-нибудь работой, которую принесли с собой. Они, казалось, совсем не волновались за судьбу здания. Вероятно, им уже не раз приходилось так отсиживаться и до сих пор ничего не происходило, а следовательно, и не произойдет. Среди взрослых бегали дети, кричали и играли с игрушечными батареями на самом нижнем балконе. Для них все это было естественным. Это их дом. Они родились в нем и другого у них не было. Они были очень маленького роста и их было немного. На одном из самых нижних балконов дети резвились особенно оживленно, но там, у колонны, стоял стражник, единственный молодой человек во всем зале, который нетерпеливо отгонял детей прочь. Он стоял у дверей отгороженного у балкона пространства, и, хотя Флетчеру не было видно, что там, он прекрасно мог догадаться об этом. Он запомнил это место и снова принялся осторожно спускаться вниз.

То, что часть людей защищала здание на крыше, а остальные находились в зале, помогло Флетчеру повсюду

проходить незамеченным. И эта обитаемая часть была намного хуже покинутой. Отовсюду пахло нищетой и смертью, всюду чувствовалось безразличие и забвение. Сломанные машины, забаррикадированные двери и окна, произведения искусства, валяющиеся по углам, в общем, когда-то прекрасное здание — произведение искусства архитекторов и инженеров гордой расы — превратилось не более, чем в жалкое убежище дегенеративных ее остатков, которые даже не могли соблюдать чистоту.

Он понял, что энергетические установки и синтетические фабрики были полностью автоматизированы, и когда в конце концов что-то портилось, оно так и оставалось сломанным и бесполезным, что, естественно, сразу уменьшало запасы продуктов и прочих предметов первой необходимости, включая металлические изделия, одежду и, собственно, синтетическую пищу, что должна была быть основой их существования. Перед глазами Флетчера промелькнула короткая и страшная картина, как в один прекрасный день оставшиеся в живых люди будут вынуждены выйти из здания и охотиться в полной темноте на чудовищ расщелины, которые, в свою очередь, будут охотиться на них.

Дети продолжали играть и над чем-то смеяться.

Флетчеру показалось, что шум сражения стихает. Он быстро пробрался по грязному коридору мимо грязной стены и прозрачной открытой двери балкона, на которой остались грязные отпечатки пальцев и лежал слой пыли. Он осторожно пробрался на балкон и глянул вниз.

Теперь он ясно увидел ряд кабинок с окнами, и та, которая была ему нужна и которую охранял стражник, находилась совсем недалеко, справа от него. Гарри Экса не было видно, но Закариан был там. Через высоко расположенное окно Флетчер видел только его голову.

Закариан обернулся, сделал головой безнадежное движение животного, которое знает, что его пещеру обложили охотники. И тут он увидел Флетчера. Глаза его широко

раскрылись, а нижняя челюсть отвисла. Флетчер бешено затряс головой, знаками приказывая ему молчать.

Он добился своего. Молчал не только Закариан. Батарей с обеих сторон прекратили огонь.

Люди, сидевшие в зале, тоже замолкли, даже дети перестали играть. Все прислушивались.

Вдруг на нижнем этаже через широкую дверь в зал вбежал человек. Он закричал с торжеством в голосе.

Громкий крик вырвался из груди женщин и стариков. Они смеялись и потрясали в воздухе кулаками, дети пронзительно визжали, как молодые ястребы. А затем все начали покидать зал. Враг отошел, атака отражена, и битва закончилась, сейчас все могли спокойно разойтись по своим квартирам.

Флетчер, застигнутый врасплох в коридоре, огляделся в поисках места, где можно было бы спрятаться.

Потом он заметил, что все покидают зал через нижние коридоры. Через несколько минут, вероятно, все этажи будут буквально забиты семьями, но тем временем стражник встал спиной к Флетчеру, и он мог бы рискнуть. Из коридоров снизу уже доносился шум и оживленные голоса. Люди возвращались со своих наземных постов, что бы они там ни делали, а скоро начнут спускаться с крыши. Флетчер застыл и пополз. Когда он поднялся, то был уже рядом с кабиной и глядел прямо на Закариана. Руки и ноги Закариана были связаны, он лежал в каком-то подобии кресла.

Стражник стоял в нескольких футах от кабинки, словно раздумывая, не пойти ли ему вместе с толпой.

Гарри Экса в кабинке не было.

Зал опустел. Стражник неожиданно повернулся и направился к кабинке, как будто все-таки решив, что ему лучше остаться. И тут он увидел Флетчера. Его маленький, твердо очерченный рот открылся, он набрал в легкие воздуха, намереваясь закричать. Это был его последний вздох в жизни. Флетчер неумело, но наповал убил его из лучевой трубки.

Он нырнул в кабинку и стал разрывать веревки на руках Закариана, и все время неподалеку слышались ликующие голоса, люди расходились по коридорам, поднимаясь и опускаясь в свои помещения.

— Где Гарри? — спросил Флетчер.

Закариан плакал.

— Я думал, вы погибли, — сказал он. — Я думал, мы все погибнем.

Его руки были уже свободны, он остервенело рвал веревки с лодыжек, только мешая Флетчеру.

— Флетч, нам надо спешить.

— Да, — сказал Флетчер, — но где Гарри? Они убили его?

— Убили? — Голос Закариана неожиданно поднялся до визга. — Убили! Знаете, что сделал этот негодяй? Он заключил с ними договор. Они хотят, чтобы мы полетели с ними на ракете к звездолетам, они бы проникли туда, неожиданно напали, а затем забрали все продукты. И Гарри согласился сделать это. Он поднялся, сбрасывая с себя обрывки веревок, потом бросился куда-то, но Флетчер остановил его. Закариан глянул так, словно Флетчер был его врагом.

— У меня там жена и дети, — сказал Закариан и отпихнул Флетчера. Пустите меня!

Флетчер встряхнул его.

— Прекратите! — резко сказал он. — Все будет в порядке. Значит, Гарри согласился вести ракету?

— Они собирались заплатить ему и отпустить. Он думает, что заработает целое состояние и спасет свою шкуру. Как же он мог отказаться от таких условий? — Закариан снова попытался вырваться из рук Флетчера. — Пустите!

— Успокойтесь, — сказал Флетчер.

— Вы что, принимаете меня за убийцу? Слушайте, может, вы не поняли, о чем я толкую? Гарри договорился с ним. Они как раз пришли к соглашению, когда началась атака. Сейчас, когда сражение закончилось, они отправятся к звездам, как только соберут людей.

— Да, я понимаю, — сказал Флетчер и его затошнило. — Он чувствовал безнадежность и горькую ярость, он чувствовал себя оплеванным из—за того, что принадлежал к той же расе, что и Гарри Экс. Он чувствовал, что больше ничего не хочет.

— Нам надо скорее добраться до ракеты, Флетч, — продолжал говорить Закариан. — Если мы успеем туда первыми, то можем остановить...

— Да, — сказал Флетчер, — конечно. Именно это нам и надо сделать. Закариан молчал. Флетчер наклонился, вытащил из—за пояса убитого стражника лучевую трубку и протянул ее Закариану.

Они вышли в коридор.

Отовсюду слышались голоса и движение, но пока еще никого не было видно. Теперь уже как одержимый, Флетчер бежал наверх, все выше и выше, пока голоса не замерли далеко внизу.

Флетчер не знал, сошли ли с крыши человечки у батареи, через тот же люк они сошли или через другой. Он решил, что бесполезно бояться встретить кого—нибудь, потому что если они не попадут к ракете раньше Гарри Экса и, если ракета улетит вместе с ним к звездолетам, их можно считать покойниками. Они бежали вверх по коридорам, никто не увидел и не остановил их. Они добрались до крыши, и Флетчер увидел несколько закрытых люков. Он открыл один. Они вскарабкались на крышу, которая была темна и пуста, лишь отблеск вулканов играл на ней.

— Скорее, — сказал Закариан, задыхаясь и хватая ртом воздух.

Скорее.

— Сюда, — кивнул Флетчер и показал на люк, из которого в первый раз выбрался на крышу здания. Они скользнули через него в брошенные помещения, и Флетчер закрыл люк за собой.

— Скорее, — сказал Закариан.

— Спокойно. Нам предстоит еще долгий путь.

Он секунду постоял, что—то обдумывая. У них не оставалось времени, чтобы возвращаться тем же путем, которым он пришел сюда, да в этом и не было необходимости. Изнутри всегда можно найти более легкий путь наружу. Он стал пересекать здание возле разделявшей его стены, стараясь держаться поближе к ракете.

Коридоры были темны, тянулись, казалось, на тысячи миль, и все это время люди знали, что не успеют. Потом они выглянули из высоких окон наружу.

— Она еще там, — обрадовался Закариан. — Смотрите, ракета все еще там!

— Интересно, что их задержало? — спросил Флетчер.

Потом он присмотрелся внимательнее и увидел, что поле битвы очищается от трупов голодными чудовищами, пожирателями падали, кровными братьями Гарри Экса.

— Пойдемте, — сказал Флетчер. — Надо будет спуститься ниже. Глядите по сторонам, потребуется какая—нибудь веревка или длинная цепь, способная выдержать человеческий вес.

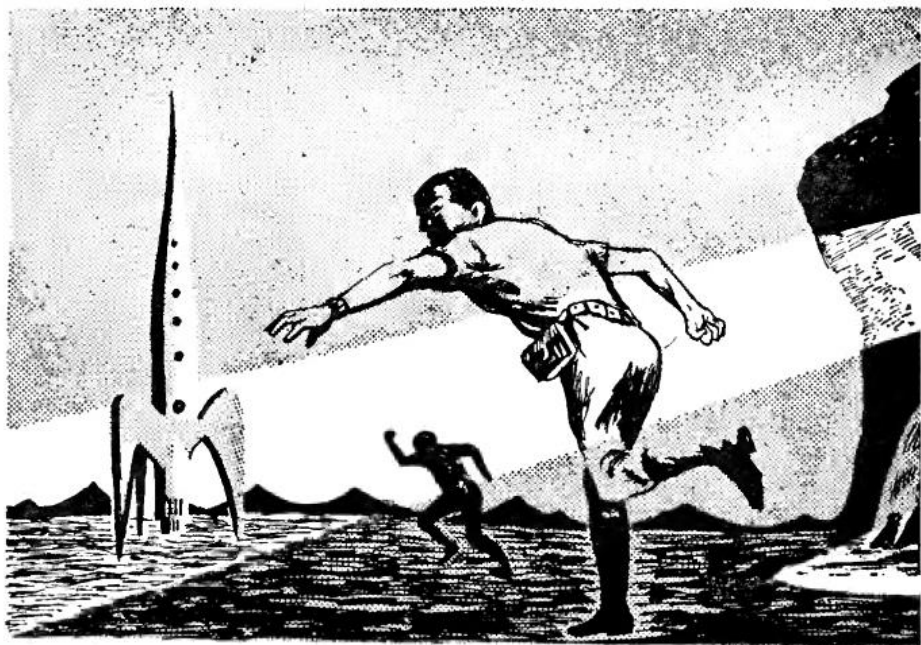
Они поспешили вниз, задыхаясь, спотыкаясь и падая, по скатам и спиральным лестницам, через пустые залы и комнаты, сквозь молчание и слабые отблески света. Они нашли моток легкого, но прочного, красивого кабеля в углу одного из помещений, служившего раньше, видимо, машинным залом.

Захватив моток с собой, они спустились к самому нижнему ряду окон. Ракета все еще стояла на каменистой равнине.

— Здесь уже есть несколько выбитых окон, — вскричал Закариан. Батарей нападающих сокрушили их.

Флетчер взглянул вниз. Чудовища еще не ушли, но придется рискнуть. Они закрепили конец серебристого кабеля и выбросили моток из окна, а затем быстро спустились по нему.

Они побежали к ракете, пригибаясь, прячась за скалистые выступы. Чудовища опять завывали. В поисках пищи они

ссорились и дрались друг с другом: чудовища с белыми крыльями и горы, которые умели ходить и выть.

Люди бежали, две маленькие фигурки в окружающей ночи, а затем разом спрятались за скалы, когда вой и хриплые крики приблизились.

— Никогда нам это не удастся, — тихо сказал Закариан.

И Флетчер, задыхаясь, подумал: да, никогда. Боже, какой долгий путь прошел этот мир и народ к своей медленной кончине...

Внезапно загорелись огни, освещая мрачное каменистое плато и расхаживавших по нему чудовищ. Батареи на крыше ожили, изрыгая огонь, отбрасывая зверей с этого места, где уже не осталось даже обьедков. Флетчер обратил внимание на то, что ни одно из чудовищ не было серьезно ранено. Если бы хоть одно из них было убито, другие не ушли бы отсюда, пока не сожрали его.

А пока что они с ворчание отступили подальше от светового круга. Открылась дверь в стене здания, из нее вышли Гарри Экс и шесть—семь человечков.

Закариан сыпал проклятиями. Флетчер потянул его из убежища под скалами, и они побежали к ракете, пригибаясь как можно ниже, оставляя скалы между собой и зданием.

Они уже были в ракете, когда к ней подошли Гарри Экс и окружающие его человечки.

Закариан закрыл дверь выходной камеры, затем они начали стрелять в только что вошедшую в камеру группу.

— Не попадите в Гарри, он должен вернуться с нами! — закричал Флетчер.

Лицо Закариана застыло маской жгучей ненависти.

Гарри застонал, свалился на пол и пополз к ним, как побитая собака, крича:

— Что вы хотите сделать?

Бедные вы изголодавшиеся маленькие негодяи, подумал Флетчер, я не хочу убивать вас, но не хочу умирать сам, поэтому должен, должен...

Все было кончено в несколько секунд. В выходной камере остались лишь трупы да запах нагретого металла. Флетчер выбил из рук Закариана лучевую трубку.

— Нет, — произнес он.

— Что вы сделаете? — все время повторял Гарри Экс. — Что вы хотите сделать? Это был просто блеф. Я хотел помочь вам. Разве вы не понимаете?

Флетчер ударил его ногой, но очень сильно, просто с брезгливым презрением.

— Вставайте, — сказал он.

Гарри встал.

Он рухнул в кресло и Закариан стал внимательно наблюдать за ним. Флетчер закрыл внутреннюю дверь выходной камеры, оставив в ней трупы, и уселся в кресло пилота.

Батареи на крыше здания уже расчистили небо для ракеты. Естественно, ведь на борту были их люди.

7

Четыре звездолета неслись через пространство далеко от мертвой звезды. Флетчер сидел за столом в рубке "Доброй надежды", перед ним стояла бутылка и стакан. Гарри Экс сидел на другом конце стола, его перевязанные кисти руки покоились в лубках. Перед ним стояла Люси, лицо ее покраснелось, глаза сощурились от злости. На койке, обняв жену, сидел Закариан. Они поменялись местами, так что Закариан занимал сейчас место Джо Лиди, а жена Джо летела на другом звездолете, иначе она бы убила Гарри Экса.

— Я уже устал повторять вам одно и то же, — говорил Гарри. — Я сказал вам, что не собирался выполнять своего обещания этим маленьким ворам. Я хотел вернуться за помощью.

— За помощью для кого? — спросил Закариан. — Не пытайтесь мне лгать, Гарри. Я присутствовал при этом. Я видел, как засверкали ваши свиные глазки, когда они показали вам полную горсть этих камешков. — Он ткнул рукой в сверкающую грудку в центре стола, затем наклонился и придвинул свое лицо вплотную к Гарри. — Если это был только блеф, — сказал он, — то почему вы даже не намекнули мне? Они бы не поняли, о чем мы говорим, а вам бы понадобилась моя помощь, если бы вы решили обмануть их. Но нет, вы не сказали ни слова. Вы просто схватили эти камни и были готовы лизать им все места. Вы позволили им увести себя, чтобы я не мог вам помешать.

Еще один человек, который присутствовал на борту звездолета и являлся членом совета, поглядел на Гарри Экса и спросил:

— Что вы можете сказать на это?

Люси Экс взглянула на Гарри, затем на кучу сверкающих камней, и глаза ее загорелись.

— Ему больше нечего сказать, — резко произнесла она. — Он здесь хозяин. Зак врет все про него. Он завидует, что Гарри удалось принести с собой камни, которые стоят целое состояние. — Она повернулась к Флетчеру. — Что же касается его...

Закариан выпрямился и дал ей пощечину.

— Вы и так наделали достаточно бед своим языком, — сказал он. — Лучше сядьте в сторонку и молчите.

— Так что вы можете сказать? — спросил у Гарри член совета.

Гарри затряс головой, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Я болен. Они мучили, пытали меня, разве вы этого не видите? Вы думаете, что человек может пройти через то, через что прошел я, и чувствовать себя при этом хорошо? Я болен. Оставьте меня в покое.

— Задай им как следует, Гарри, — с бешенством в голосе сказала Люси. — Они не имеют права так с тобой разговаривать. Ты хозяин.

Но Гарри только сидел, раскачиваясь, и твердил, что он болен.

— Это ваша вина, — сказала Люси Флетчеру. — Вы пьянчужка, вы...

— Я кое-что скажу вам, — медленно произнес Флетчер. — Несколько лет назад я был офицером "Звездного луча", который разбился при посадке. Я был одним из троих, оставшихся в живых. Я видел мужчин, женщин, детей, младенцев, которые умерли, пытаясь достичь звезд! Тогда я начал пить. — Он протянул руку к бутылке, налил себе полный стакан, одним духом выпил его, потом заткнул бутылку пробкой и толкнул ее по столу к Гарри Эксу.

— А сейчас, — сказал Флетчер, — я бросил пить.

Люси заплакала, повернулась и изо всех сил ударила Гарри по лицу, затем выбежала из рубки.

Позже, сидя в пилотском кресле за пультом управления, Флетчер взглянул на звезды и кивнул им. Теперь он знал,

почему мужчины, женщины и дети умирали, почему умерло столько землян в стремлении достичь звезд.

Ты можешь быть разумен. Ты можешь сидеть дома, в созданном самим собой маленьком, безопасном мирке. Люди из расщелины сделали это давным—давно, и он видел, чем это кончилось. Нет, в сумасшествии землян больше мудрости.

Неисповедимы пути человечеств, но он более не принадлежал к ним. Его ждали звезды.

Теперь он знал, куда и зачем...

ПЛОСКОГОРЬЕ НЕВИДИМЫХ ЛЮДЕЙ

1. НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

Когда большой аэроплан—амфибия спикировал на заросшее джунглями плато, Марк Брэдфорд сжался, прикрыв глаза рукой.

Крах! Со скрежетом рвущегося металла, в треске ломающихся ветвей самолет упал на поляну, которую Марк выбрал для вынужденной посадки.

Наступила тишина.

Дрожа, Марк расстегнул привязной ремень и, покачиваясь, вылез из разбитого самолета. Пока он изучал повреждения, его загорелое скуластое лицо оставалось непроницаемым.

“Ладно. По крайней мере, добрался до плато Сияющего Бога, – сказал он сам себе. – Но предстоит долгое обратное путешествие – восемьсот миль по джунглям”.

Он повернулся – угловатый, мускулистый, одетый в хаки – и не спеша огляделся.

Высокие деревья. Поляна, заросшая розами. За деревьями, в полумиле к северу находился край плато, на которое приземлился Марк. Далее и гораздо ниже, отделяя его от цивилизованного мира, лежали густые зеленые джунгли Бразилии – величайшее белое пятно, оставшееся на картах Земли. Двадцать часов летел Марк над джунглями в поисках этого плато. И он нашел его – но как раз тогда, когда закончилось горючее!

Марк посмотрел на юг. Где—то за деревьями пряталось большое синее озеро. До него было около мили. Плато понижалось к центру.

Марк еще при посадке разглядел маленький черный островок – черный пик, и какое—то строение из черного камня на западном берегу озера.

– Пока, приятель, – бросил Марк развалившемуся аэроплану. – Ты доставил меня сюда... а теперь мне пора отправляться за Сияющим Богом.

Из разбитого самолета Марк вытащил патронташ с револьвером, пробковый шлем и маленький рюкзачок, а затем двинулся через лес, направляясь к далекому озеру.

“По крайней мере, всех опередил, – пробормотал он сам себе с усмешкой. – Я, кажется, опередил Хогрима и остальных! Здорово!”

Марк Брэдфорд был агентом военной разведки Соединенных Штатов. В эти неисследованные, дикие места Бразилии он попал, отправившись на поиски таинственного плато, чтобы раскрыть величайшую тайну.

Секрет невидимости!

Год назад отважный американский профессор Фрэнсис Траск, отправился в этот неисследованный район. А через месяц он, израненный, приплыл на каноэ по Тапаяусу к торговому посту. Умирая, он в иступлении кричал о невероятной тайне таинственного плато.

– Сияющий Бог! – кричал в бреду Траск. – Сияющий Бог, который может сделать невидимой любую вещь!

Траск умер. Но у него на спине в полузажившей ране нашли то, что частично подтвердило слова профессора.

Невидимый наконечник стрелы. Медный наконечник – совершенно невидимый для человеческого глаза. Однако постепенно, со временем, он стал видимым.

Значит, существовал секрет невидимости – секрет, который мог сделать армию и флот любой страны непобедимыми. Возможно, американские генералы тоже так решили и поэтому он, Марк Брэдфорд, здесь.

Марк знал: агенты других стран могли опередить его. Империя Балтии – жестокая страна, управляемая диктатором – угроза мировой демократии в течении последних нескольких лет, тоже отправила своего агента, прославленного шпиона Жозефа Хогрима.

Хогрим и агенты других европейских государств отправились раньше Брэдфорда... Новость об открытии Траска сперва достигла Европы. Но Марк Брэдфорд решил опередить всех, пустившись на поиски плато на аэроплане. Добравшись до диких земель, еще не нанесенных на карты, он нашел плато, но, когда плато было найдено, закончилось горячее.

Теперь же Марк упорно пробирался по джунглям на юг. Если Сияющий Бог – тайна невидимости – и впрямь сокрыт тут, он добудет его для Америки.

Вокруг раскинулись молчаливые джунгли, если, конечно, не считать обезьян и попугаев, кричавших с вершин высоких деревьев. Тучи мух яростно набросились на Марка. По лицу американца струился пот, но он решительно двигался к огромному озеру.

Наконец он выбрался на полоску песка между водой и джунглями. Перед ним на дюжину миль вытянулось синее озеро. Далеко, в центре озера темнел остров. Его черная вершина напоминала монумент, возведенный человеческими руками.

Марк опустил на песок, напился чистой воды. А подняв голову, содрогнулся от страха.

Он стал свидетелем невероятного.

На берег из джунглей вышел ягуар. Марк ясно видел отпечатки больших кошачьих лап, видел, как один за другим они появляются на песке.

Но он не видел зверя, который оставлял следы! К нему подкрадывался невидимый ягуар.

Марк Брэдфорд, словно пригвожденный к месту, уставился на появляющиеся следы. Он увидел, как невидимый зверь остановился. Новые следы не появлялись. Марк понял – ягуар готовится к прыжку.

Что-то вылетело из джунглей. Веревка обвилась вокруг невидимого зверя.

Невидимый ягуар ужасно зарычал, попытался освободиться, но лишь сильнее затянул петлю.

– Невидимый зверь? – хрипло прошептал, вспотев, Марк. Внезапно его захлестнула волна ликования.

“Секрет невидимости существует! Я обнаружил страну Сияющего Бога!”

В этот миг что-то острое уперлось ему в спину.

Марк вышел из транса.

Дюжина высоких, коричневых воинов в медных шлемах и нагрудниках молча стояли вокруг удивленного американца.

Воины выглядели свирепо. Несмотря на орлиный профиль, они не были индейцами—дикарями. Их шлемы и оружие указывали на принадлежность к полукцивизованному государству. В руках они держали большие луки. Стрелы были нацелены в сердце Марка.

Один из них, видимо, был офицером. На шлеме он носил сверкающее золотое перо, а его длинный медный меч кончиком упирался в спину Марка.

Туземец—офицер грубо заговорил с Марком, и американец удивился – туземец использовал древний язык, на котором говорила половина Южной Америки до появления белых людей.

– Что ты, белый чужестранец, делаешь здесь, на земле Крима? – спросил офицер.

Марк подобрался. Наконечники стрел казались ему сверкающими драгоценностями.

– Я прибыл сюда из Внешнего Мира, – объяснил Марк. – Я пил воду, когда на меня напал невидимый зверь...

Говоря, Марк Брэдфорд ухватился за рукоятку кольца. Офицер заметил движение Марка.

– Отпусти—ка эту штуку! – приказал он.

Марк заколебался. На него была нацелена дюжина стрел. Ему вред ли удалось бы сбежать.

Он медленно отпустил револьвер и удивился – откуда воин—варвар знает, что это оружие?

– Я – Джусс, офицер Гроро, короля Крима, – объявил туземец. Его глаза широко раскрылись, когда он внезапно

спросил. – Ты пришел в земли Крима в поисках Сияющего Бога?

Марк ощутил душевный подъем. Он оказался прав... Именно здесь Траск обнаружил Сияющего Бога – то, что могло сделать невидимым любой предмет.

Но Марк скрыл свои чувства. Возможно, для этих людей Сияющий Бог был священным. Нужно действовать осторожно.

– Нет, я ничего не знаю о Сияющем Боге. – ответил он. – Я заблудился.

– Думаю, ты лжешь, – со злостью заметил Джусс – Ты пойдешь с нами в город Крим, и пусть король Гроро сам судит тебя.

Он отвернулся и что-то приказал воинам. Те накинули сеть на невидимого ягуара.

– Свяжите зверя. – приказал им Джусс. – Остальные пойдут со мной назад, в Крим.

Медным мечом он указал на юг.

– Марш! – грубо приказал он Марку.

Марк понял: послушаться, значит умереть, поэтому он решил покориться. Сияющий Бог – великий секрет невидимости, возможно, спрятан в городе Криме, о котором говорил Джусс.

Марк двинулся по узкому берегу, а офицер и восемь воинов в медной броне пошли следом, держа луки наготове. Четыре воина остались, осторожно стягивая сетью ягуара.

Уже час Марк и его эскорт шли по узкой полоске берега между джунглями и озером. Остров остался позади. В нескольких милях впереди лежал город из черного камня.

Город Крим занимал несколько квадратных миль. Его высокие стены в одном месте были разрушены. Каменные доки покрывала бахрома пришвартовавшихся каноэ. Рядом с городом раскинулись поля и пастбища для скота, отвоєванные у джунглей. Здесь, в городе, как и на середине озера, черная горная порода выходила на поверхность. Давным—

давно в камне вырезали несколько тысяч одно и двухэтажных домов с плоскими крышами.

Над черным городом возвышались два огромных здания. Одно – чашеподобный амфитеатр, напоминающий футбольный стадион. Другое – квадратная башня в несколько этажей – черная колонна у озера.

– Дворец короля Гроро, – прорычал Джусс, кивнув на черную башню. – Мы направляемся прямо туда.

Население Крима с удивлением разглядывало Марка Брэдфорда, в то время как лучники вели его по городу – монолиту.

Тысячи людей с коричневой кожей и орлиными лицами. Большинство – рабочие или крестьяне. Они носили белые льняные туники, но среди них было много солдат в медной броне.

Стражи у входа во дворец ударили в медные щиты, салютуя, когда Джусс и его воины вместе с пленным американцем вошли в здание. Марк очутился в громадном помещении, полном теней – тронном зале.

Гроро, правитель Крима, сидел на возвышенности в центре, громко говоря, что–то двум подбострастным слугам. Король был гигантом с бычьим торсом. Он повернул свое массивное, коричневое лицо к Марку Брэдфорду.

– Мы поймали белого чужеземца на северном берегу озера! – объявил Джусс. – Мой охотничий отряд преследовал ягуара из Корлу, когда мы увидели незнакомца.

– На берегу?! – взревел Гроро. Его рыжевато–коричневые глаза уставились на Марка. – Что ты делал там, чужеземец? Ты собирался отправиться на остров Корлу?

Марк Брэдфорд не слышал его. Молодой американец, не отрываясь смотрел на человека, который стоял перед Гроро.

Белый! Коренастый человек в хаки с грубым, красным лицом. Его свиные маленькие глазки с удивлением уставились на Марка.

Потом эти глазки брызнули весельем, и незнакомец расхохотался во всю глотку.

– Брэдфорд – американский секретный агент! – со смехом воскликнул он. – Я надеялся, что ты появишься гораздо раньше. Что же тебя так задержало?

– Жозеф Хогрим! – не веря своим глазам, воскликнул Марк.

Все надежды рухнули. Хогрим – агент Балтийской Империи опередил его. Наверняка он уже узнал секрет невидимости.

2. ДОЧЬ КОРЛУ

Чувствуя тошноту от поражения, Марк Брэдфорд вглядывался в насмешливое лицо Хогрима. Тот взирал на него с нескрываемым триумфом.

Хогрим – агент Великой Балтийской Империи – безжалостной диктатуры, угрожающей всему миру! Хогрим победил его. Американец ничего не мог сделать.

– Конечно, печально, – дразня, заговорил Хогрим, – обнаружить, что тебя обошли. Твое начальство очень расторопно, друг Брэдфорд. Я отправился сюда месяц назад, когда известие об открытии Траска достигло моей страны.

– Значит ты уже узнал тайну Сияющего Бога? – спросил Марк.

– Нет, но с помощью моего друга Гроро скоро узнаю, – ответил Жозеф Хогрим.

Настроение Марка чуть–чуть улучшилось. Раз Хогрим не посвящен в секрет невидимости, то у него еще есть шанс... шанс Америки!

– Не обольщайся ложными надеждами, – захихикал Хогрим, увидев, как блеснули черные глаза Марка. – Боюсь, тебе осталось жить не так уж долго.

Гроро – король–гигант Крима разволновался, пока европейец и американец говорили на английском. Наконец, быкоподобный правитель вмешался в их разговор на своем языке.

– Этот новый чужеземец с белой кожей, он что – твой друг? – спросил король Хогрима.

– Нет, враг, как и остальные, – быстро ответил Жозеф Хогрим. – Он пришел, чтобы украсть Сияющего Бога.

Гроро взревел от ярости и вскочил на ноги, обрушив всю свою ненависть на Марка Брэдфорда.

– Так ты ищешь Сияющего Бога? – закричал он на американца. – Такая самонадеянность достойна ужасной смерти. Бог не для таких чужеземцев как ты... Он предназначен нам – жителям Крима. Скоро он будет нашим.

Понемногу Марк начал понимать происходящее. Сияющий Бог – вещь, которая делает невидимым, находилась не здесь, не в Криме. Жители Крима сами хотели достать ее... но пока у них ее не было.

Тогда, где же она? Марк не мог понять. Но он догадывался, что Хогрим сыграл на желании Гроро достать Бога и стал союзником короля варваров.

– Этот человек уничтожит вас, хотя пока он изображает из себя вашего союзника, – заявил Марк Брэдфорд, показывая на Жозефа Хогрима. – Он тоже ищет Бога, но для себя.

– Ложь, – печально объявил Хогрим взбешенному правителю. – Ложь врага, который пытается уничтожить меня. Вы же, ваше величество, знаете – я обещал вам помощь достать Сияющего Бога. Больше мне ничего не надо.

– Конечно, я это знаю, – проревел Гроро. – Я уже придумал подходящую казнь для этой чужеземной собаки, которая посмела оскорбить тебя, мой друг и слуга.

Разъяренный правитель взглядом подозвал своего офицера, Джусса.

– Отведи его к двум другим чужеземцам и девушке, – проревел король, ткнув пальцем в Марка. – Завтра ночью начнутся Игры Полной Луны. Тогда мы и решим, как он умрет.

Жозеф Хогрим захохотал, когда Джусс острым мечом подтолкнул Марка к выходу.

– Ты встретишь тех, кто обрадуется твоему появлению, друг Брэдфорд! – насмешливо прокричал вслед Марку шпион Балтийской Империи.

“Что же все это значит?” – удивлялся Марк, шагая под конвоем стражников.

По темным коридорам воины Крима отвели его к ведущей вниз лестнице. Марк спустился по вытертым за века каменным ступеням. Солнечные лучи из редких бойниц лишь немного рассеивали темноту.

Его вели лабиринтом сумрачных коридоров и комнат. Все лестницы, стены и коридоры были вырезаны в монолитной, твердой скале. Снова Марк удивился, насколько искусна оказалась работа неведомых мастеров. Как могли создать такой город полуцивилизированные дикари?

Марка подвели к большой деревянной двери, запертой на медный висячий замок. Коренастый воин с суровым лицом вошел в комнату и одним из ключей, звеневших у него на поясе, открыл дверь.

– Смотри, чтоб он был хорошо заперт, Ручо, – приказал Джусс приземистому тюремщику.

– Все будет в порядке, – поклялся тюремщик Ручо. – Когда потребуется, вы найдете его вместе с остальными.

Кончиками копий конвоиры безжалостно толкнули Марка в дверь – в темную, маленькую, затхлую темницу. Его глаза лишь смутно могли рассмотреть окружающее. Он увидел двух мужчин, прикованных на цепях к каменной стене. На ногах у них были колодки.

Марка Брэдфорда грубо швырнули на каменный пол. Копья воинов Джусса не давали ему шевельнуться, пока низкорослый Ручо одевал на него колодки. Потом Джусс, его люди и тюремщик ушли.

Дверь со скрипом закрылась.

– Еще один белый, – рядом с Марком удивленно воскликнул кто-то.

– Кажется, – холодно протянул другой. – Кто ты, старина?

Марк Брэдфорд удивленно повернулся. Теперь, привыкнув к полутьме, он мог разглядеть лица других заключенных.

Они были белыми. Один – щеголеватый, жилистый малыш с вьющимися черными волосами и опрятными маленькими черными усиками. Он с недоверием разглядывал Марка.

Другой прикованный оказался долговязым и светловолосым человеком, с холодным, красивым лицом и спокойными серыми глазами. Его левая нога была перевязана грубым подобием бинтов, покрытых засохшей кровью.

– Я же видел тебя раньше! – воскликнул Марк, обращаясь к тощему раненному блондину. – Ты – Питер Креллус, лейтенант Королевских Военно–Воздушных Сил! Год назад мы встречались на Ямайке.

– Правильно, – подтвердил англичанин. – Но месяц назад я оставил Королевские Военно–Воздушные Силы. Мне дали особое задание.

– Так ты – английский агент, которого отправили за Си-яющим Богом!

Креллус пожал плечами.

– Это очевидно. Бессмысленно отрицать, янки. Ты же американец?

Марк кивнул.

– Американский агент, посланный сюда с аналогичной миссией, – и Марк назвал свое имя.

– Ха, жизнь сделала нас *le trios mosquetaires*²! – воскликнул щеголеватый, усатый малыш. – Я Этьен Мореа, послан в это проклятое место из Франции, а свинья Хогрим побил меня. Он посоветовал бросить меня в эту грязную нору две недели назад.

– Со мной произошло примерно то же, – печально сказал Марку Питер Креллус – Только я поднялся на плато пять дней назад. Словно дурак, я пошел прямо в Крим, не

² Трех мушкетеров (фр.)

подозревая, что Жозеф Хогрим опередил меня. По его приказу воины Гроро схватили меня. Я стал сопротивляться... и меня ранили.

– Почему вместо того, чтобы сразу убить, он посадил нас в тюрьму? – удивился Марк.

– Гроро не может нас убить, – ответил Креллус. – Стервятники Крима обычно не убивают пленников до начала праздника Игр Полной Луны. Думаю, заключенных держат для игрищ на том большом стадионе.

Неожиданно из темноты раздался мягкий женский голос, говорящий на языке туземцев.

– Я не понимаю твоей речи, Креллу. Кто новый пленник?

Голос шел откуда–то справа. Марк обернулся. В камере больше никого не было.

– Что за дьявол... – Марк от удивления открыл рот.

Усмешка исказила болезненное лицо Креллуса.

– Это всего лишь Луа, – объяснил англичанин.

– Но там же никого нет! – изумленно воскликнул Марк. – Там...

Слова замерли у него на губах, по спине пополз холодок, волосы встали дыбом.

У стены висели цепи и стояли еще одни колодки. Когда он вошел в темницу, то видел, что они были пусты.

А теперь эти колодки и цепи двигались! Марк вытянул руку и его пальцы дотронулись до теплого, упругого тела – невидимого тела!

Он потрогал обнаженное округлое плечо. Когда его пальцы медленно соскользнули ниже, он почувствовал грубую ткань примитивной домотканной одежды.

Рядом с ним была прикована невидимая девушка!

– Мой бог, это невозможно! – закричал он. – Девушка, которую я не могу увидеть...

– Ее зовут Луа, – повторил Креллус. – Она из Корлу – невидимых людей.

– Невидимые люди! – воскликнул Марк Брэдфорд.

Англичанин кивнул.

– Их несколько тысяч. Они живут на острове в центре озера. Там же находится то, зачем мы сюда приехали – Сияющий Бог.

– Невидимая девушка... невидимые люди... неужели это происходит на самом деле! – от удивления Марк открыл рот. – Я не верю в это!

Его рука сжала плечо невидимой девушки. Он почувствовал ее гладкую кожу и крепкие мускулы. Проведя пальцами вдоль ее тела, он обнаружил, что Луа носит короткую тунику, наполовину закрывающую ее длинные ноги. Одежда, как и девушка, была невидимой.

Марк ошеломленно дотронулся до головы невидимой девушки. Он обнаружил, что мягкие, шелковистые волосы, спадающие на плечи, перехвачены узким металлическим обручем. Кончики его пальцев скользнули по низкому, широкому лбу, тонко очерченному носу, мягким, полным губам и узким скулам.

Конечно, он не мог ее видеть. Глаза говорили ему, что перед ним никого нет. Жуть. Весь его жизненный опыт восставал против этого.

– Невидимые люди? – бессмысленно повторял он. – Невозможно... так же невозможно, как невидимый ягуар, напавший на меня на берегу озера.

– Ты встретил невидимого ягуара! – воскликнула Луа. – Что с ним?

– Воины Крима, те, что схватили меня, поймали его, – объяснил Марк.

– Они поймали моего Куро! – гневно воскликнула невидимая девушка.

– Твоего Куро? – недоверчиво повторил Марк. – Значит зверь был твоим другом?

– Да, – подтвердила Луа. – Они помогают нам защищаться от воинов Крима. А Куро – мой ягуар, мой товарищ и любимец. Четыре ночи назад он вместе со мной приплыл с острова. Я пришла сюда, разыскивая своего брата, но не нашла его, – продолжала невидимая девушка. – Я попала в

одну из ловушек, расставленных на нас жителями Крима. Когда меня схватили, Куро убежал. Я надеялась, что он вернется назад, на остров.

– Воины не убили его. Лишь связали, – утешил ее Марк.
– Но голос Луа остался печальным.

– Они убьют его каким–нибудь ужасным способом. Я знаю.

– Как твое имя, незнакомец? – с любопытством спросила невидимая девушка, а потом добавила. – Мне нравится твое лицо.

– Делаешь успехи, *mon ami*³, – с улыбкой заметил Этьен Мореа.

– Ты видишь меня, Луа? – удивился Марк. – Ты, сама невидимая, а все видишь?

– Конечно, а почему все должно быть по–другому?

– Не понимаю, – недоуменно обратился Марк к остальным. – Ученые, которые исследовали невидимый обломок наконечника стрелы сказали, что это невозможно. Частота колебаний атомов обломка была смещена так, что световые лучи проходили между ними.

Креллус кивнул:

– В этом тайна невидимости. Смещение частоты вибрации атомов. Сияющий Бог – источник некой энергии, которая может изменять, смещать частоту вибрации атомов.

– Но, если световые лучи проходят между атомов глазной сетчатки, как девушка может видеть? – спросил Марк.

– Никогда даже и не задумывался об этом! – удивленно воскликнул Мореа.

– Послушайте, – задумчиво протянул Питер Креллус, – мне кажется, я понимаю, как это происходит. Свет, проходящий между атомами сетчатки способен вызвать реакцию чувствительной субстанции, так же как это происходит, например, в телеграфном аппарате. Так что люди Корлу зрячие.

³ Мой друг (фр.)

– Возможно, – не сразу согласился Марк. Потом он повернулся к девушке. – Вы – Корлу – невидимые от рождения?

– Нет, – ответила Луа. В ее голове послышались нотки раздражения. – Все из-за этих воинов–варваров. Мы вынуждены искать спасения в невидимости. Мы – Корлу, – продолжала она, – белая раса, а не коричневая, как жители Крима. Тысячи лет назад мы пришли с востока на это плато с земли, погрузившейся в пучину вод. Мы построили этот город, вырубив его из черной скалы. Вскоре мы открыли существование Сияющего Бога – удивительного, светящегося существа, обитающего на острове. Со страхом и почтением мы стали поклоняться Сияющему Богу. Мы поняли, что он может сделать невидимой любую вещь, даже нас самих. Но тогда, мы еще не хотели быть невидимыми. Мы предпочитали видеть друг друга, а не существовать подобно призракам. Потом, через несколько столетий на плато пришли нынешние жители Крима. Они явились с запада. Дикаие, яростные воины, они захлестнули плато, напали на нас и вышвырнули нас из города. Мы нашли убежище на острове, где живет божество. Но жители Крима атаковали нас даже там. Они хотели истребить нас. Только тогда мы вынуждены были стать невидимыми. Конечно, мы сделали невидимыми и нашу одежду, оружие и наших ручных ягуаров. С тех пор мы успешно отражаем непрерывные атаки варваров на наш остров. Так продолжается до сих пор. Пока у нас есть еще силы сопротивляться, но наш народ испуган. Мы узнали о белом чужеземце, который пришел на плато месяц назад. Он придумал как Гроро сможет нас победить. Мы не знаем, что он придумал, но, если Гроро и впрямь удастся перебить нас по одному, он овладеет Сияющим Богом!

3. ИГРЫ ПОЛНОЙ ЛУНЫ

Трепещущий голос невидимой девушки смолк. В тусклой темнице стало тихо.

– Это их история, Брэдфорд, – наконец заговорил Петер Креллус. Его красивое лицо скривилось. – Хогрим придумал что–то, с чем Гроро и его воины смогут победить Корлу и достать Сияющего Бога.

– Да. Тогда они станут *le dieu radiante*⁴, – вспыхнул Этьен Мореа. Его усы трепетали от негодования. – Этот дьявол Хогрим как–нибудь выкрадет у варваров Сияющего Бога и отнесет своим хозяевам, Балтийской Империи.

– А ты знаешь, что это значит? – спросил Креллус. – Такая сила как невидимость в руках безумного диктатора! Невидимые аэропланы бомбят города, невидимые танки и солдаты атакуют крепости – безумец использует невидимость для уничтожения системы мировой демократии!

Марк Брэдфорд в порыве чувств вскочил на ноги. Цепь, прикрепленная к его кандалам, громко зазвенела.

– Нет! Это не должно произойти! – закричал он. – Мы не дадим сбыться планам Хогрима!

– Мы, как три *entente Cordinale*⁵? – энергично спросил Моруа. – Нам надо не дать Хогриму завладеть секретом.

– Согласен. Мы – три представителя трех великих демократических государств. Мы должны работать вместе.

– Я с вами! – объявил Марк. – Раз нас тошнит от планов Хогрима, постараемся, чтобы он не достал Бога. Мы должны спасти наши страны от величайшей опасности. Если Сияющий Бог достанется Балтийской Империи...

Они крепко пожали друг другу руки, но тут вмешался недовольный голос Луа:

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – заявила она. – Вы планируете убежать отсюда? Это невозможно.

Марк Брэдфорд успокаивающе похлопал ее по теплему, невидимому плечу.

– Как–нибудь смоемся, – решительно усмехнулся он.

⁴ Сияющим божеством (фр.)

⁵ Кардинальное согласие (фр.)

– Легче сказать, чем сделать, – устало протянул Креллус.
– Завтра ночью нам представится шанс. Завтра ночью Игры Полной Луны. Мы отправимся на арену.

– Думаете, я, гражданин Франции, стану персонажем “Римских Каникул”?! – воскликнул Мореа.

– Не римских, а кримианских, – поправил Креллус, слегка усмехнувшись.

– Никакой разницы! – кипятился француз. – Ах, как они будут обмануты. Вот увидите. Я, Этьен Мореа, этих кровавых варваров разочарую.

– Сказать – не сделать, – фыркнул Марк. – Попытаемся снять колодки. Может, нам удастся отпереть замки.

– Мы целыми днями пытались это сделать, – беспомощно сказал ему Питер Креллус.

Марк задумался. Язычком своего пояса он попробовал открыть замок тяжелых кандалов, обмотанных вокруг тонких, невидимых лодыжек Луа.

– Если мы сможем освободить Луа, – прошептал он, работая. – Она поможет нам, так как она – невидимая.

Но замок оказался очень искусно сконструирован. Он успешно сопротивлялся всем усилиям Марка. Наконец, американец отступил.

Креллус откинулся назад, прислонившись к каменной стене. Его красивое лицо искривилось от боли в раненной ноге.

Этьен Мореа прилег и, казалось, задремал, во сне борючая ужасные угрозы на французском.

Единственный луч света из окошечка тюремной камеры поблек. Царила полная темнота, которую рассеивал лишь тонкий луч белого лунного света. Ничего не было слышно, лишь один раз прошлепали тяжелые шаги – Ручо, тюремщик, прошел по коридору.

– Марк, с вами тремя мне не так страшно умереть на Играх завтра ночью, – ласково прошептала Луа.

Девушка прижалась к американцу, и он почувствовал ее дыхание.

Марк обнял ее за плечи. Она прижалась к нему еще крепче; ее мягкие волосы касались его лица, успокаивая. Невидимая девушка... но теплая, дышащая, испуганная.

– Если я смогу хоть что-то предпринять во время Игр, ты не умрешь, – решительно сказал ей Марк. – Как-нибудь сумеем выбраться отсюда и расстроить дьявольские козни Хогрима.

– Боюсь за мой народ, – шептала Луа. – Да, боюсь, наступит время, когда воины Крим уничтожат мой народ и овладеют священным божеством.

– Но тогда гибель твоего народа означает гибель мировой системы демократии, – с горечью прошептал Марк. – Если Хогрим разбудит Бога...

Он замолчал, рисуя в своем воображении мрачные картины.

Время от времени он слышал тяжелый вздох Луа. Но он знал: девушка спит. Потихоньку он и сам задремал в ее объятиях.

На заре, когда яркий солнечный луч проник через узкое окошко, в камеру заглянул Ручо. Осторожно двигаясь, он поставил на пол чашу с вареными овощами и бутыл с водой так, чтобы заключенные смогли дотянуться до них.

– Ешьте и набирайтесь сил, – посмеивался он. – Они вам понадобятся завтра ночью на Играх.

Но Луа не стала есть.

– Пища жителей Крима остается видимой, – объяснила девушка. – Это может лишить нас шанса на спасение.

– Никогда не задумывался об этом! – воскликнул Марк. – Значит, вы, Корлу, становитесь частично видимы после еды.

– Нет, Марк, – возразила ему невидимая девушка. – Перед тем как съесть, мы освещаем пищу перед Сияющим Богом, так что она тоже становится невидимой. В самом деле, не можем же мы ходить частично видимые...

За долгий жаркий день в темной камере Марк Брэдфорд составил множество планов спасения. Несколько часов он

провозился с замками своих оков, но так и не открыл их. Наконец, он обратился к своим товарищам по несчастью:

– Есть только один шанс спастись. Мы должны сбросить цепи, когда нас станут выводить на арену. – сказал он.

– Я думаю, бесполезно, – печально ответил ему Питер Креллус. – Но мы попробуем.

Луч солнца медленно завершил круг по стенам камеры, потускнел и потух. А потом сверкающий белый луч луны осветил пленников.

– Теперь недолго осталось, – сказала Луа.

Сразу же после ее слов в коридоре слышались шаги, и дверь отворилась.

Джусс – офицер, который взял Марка в плен – вошел в камеру вместе с Ручо и полудюжиной солдат с обнаженными мечами.

– Начинаются Игры, – объявил Джусс, а потом с улыбкой добавил. – Мы не хотим, чтобы вы пропустили их.

Новые кандалы защелкнулись на их ногах, прежде чем тюремщик снял старые. Вооруженные солдаты не выпускали из рук цепей, к которым были прикованы пленники. Джусс кончиком своего медного меча подталкивал в спину невидимую Луа.

Они вышли в зал, в камере остался лишь Питер Креллус.

– А как же я? – удивленно спросил англичанин.

– Ты останешься тут до следующих Игр, – ответил ему Джусс. – Раненый не может заниматься спортом.

– Да, да, – злобно захихикал Ручо. – Я сделаю его здоровым и сильным к следующим Играм.

– До свидания, Креллус, – коротко попрощался Марк. – Если с нами расправятся этой ночью, удачи вам...

– ...и, если вы останетесь в живых, дай вам бог убить этого дьявола Хогрима! – воскликнул Этьен Мореа.

Когда пленных повели по коридору, Луа плечом прижалась к Марку Брэдфорду. Их кандалы звенели. Вооруженные тюремщики крепко сжимали в руках цепи, сковывавшие пленников.

Они не пошли во дворец. Их повели через лабиринт туннелей, высеченных в скале. Вся огромная масса Крима изрыта ходами, уходящими в неведомую глубину.

Тюремщики освещали путь факелами. Они вышли к запертой на засов двери, позади которой лежало огромное поле. Было светло как днем – светила полная луна. Пленники услышали приглушенный рев многотысячной толпы.

– Арена, – насмешливо объявил им Джусс. – Вы пока пождете здесь.

Их оставили неподалеку от выхода на арену. Марк Брэдфорд облегченно вздохнул.

Кулаком он ударил одного из воинов Крима. Когда человек упал, Марк выхватил у него меч и с яростью напал на Джусса.

Туземный офицер отскочил и пронзительно закричал. Марк прыгнул вперед, потащив за собой тяжелую цепь. Его меч проткнул воина, державшего цепь Луа.

Мореа вступил в схватку с воином, державшим его цепь. Но тут на пленных набросились воины Крима.

– Не убивайте их! – закричал Джусс. – Мы не должны срывать Игры!

Марк пронзил медным мечом еще одного воина, и крикнул Луа, чтоб она убегала. Потом меч плашмя обрушился на его голову, он покачнулся, и коричневые тела смяли его.

Схватка длилась минуту. У закованной Луа не было шансов убежать. Мореа, сыпавшего гэльскими проклятиями, схватили два могучих воина.

Голова Марка была окровавлена. Его черные глаза сверкали в свете факелов, когда его поставили на ноги.

– Ты заплатишься за это, чужеземец, – прошипел Джусс, с ненавистью пожирая глазами американца.

– Не судьба! – тяжело дыша, Марк повернулся к своим спутникам. – Жаль, но не получилось.

– Чтобы очистить это дьявольское гнездо нужен целый полк! – яростно прошептал француз.

– Ты весь в крови, Марк! – воскликнула Луа, осторожно дотронувшись до головы американца.

Он услышал звук рвущейся ткани туники. А потом невидимые руки обмотали полосу невидимой ткани вокруг его головы.

Марку удалось на мгновение дотронуться до девушки. Его пальцы прикоснулись к невидимым, шелковистым волосам.

– Луа, ты должно быть шикарная крошка, даже несмотря на то, что тебя не видно. А здесь, похоже, все кончится плохо.

Рев толпы в залитом лунным светом амфитеатре внезапно разорвал протяжный, режущий ухо звук рога.

– Сигнал для первой жертвы! – пояснил Джусс и тут же ткнул пальцем в Марка. – Он пойдет первым!

Шесть воинов грубо схватили и потащили Марка к запертой на засов двери. Когда ее открыли, Марк увидел огромную арену, сверкающую в лунном свете.

С него сняли колодки, а потом выпихнули на арену. Он упал на песок. Когда он поднялся, Джусс, стоя в дверях, бросил ему свой медный меч, а потом дверь с грохотом захлопнулась. Воины изнутри опустили засов.

– Теперь защищайся, чужеземец, – насмешливо прокричал сквозь дверь Джусс. – Тебе надо быть осторожным.

Марк подобрал меч и завертелся, оглядываясь. На него обрушился возбужденный рев толпы.

Он посмотрел вверх.

Вокруг, залитые сверкающим серебряным светом, поднимались стены арены – в тридцать футов высотой – которые ни зверь, ни человек не смогли бы перепрыгнуть. А над ними, под углом, поднимались каменные ряды гигантского амфитеатра.

Эти сидения сейчас были заполнены людьми Крима – многие тысячи мужчин и женщин в белых одеждах ремесленников и медных панцирях солдат. Свирепая толпа

варваров взревела, увидев молодого американца, который должен был стать первой жертвой Игр.

Марк Брэдфорд посмотрел на амфитеатр. Там, на каменном возвышении, восседал Гроро, король Крима. Стража, чьи медные мечи сверкали в лунном свете, выстроилась перед ним в шеренгу.

Рядом с королем стоял Жозеф Хогрим, агент Балтийской Империи. Он весь подался вперед, его маленькие глазки сверкали в лунном свете, когда он разглядывал Марка Брэдфорда.

– Языческая сцена, не так ли, друг Брэдфорд? – в голосе Хогрима послышалась насмешка. – Я боюсь, что вы не сможете оценить здешний колорит. Для вас подготовлено нечто особое.

Гроро поднял свою огромную руку:

– Выпускайте зверя! – проревел он.

Снова затрубили в рог. Открылась дверь в противоположном конце арены.

Зрители замерли. Все головы повернулись к открытой двери. Потом раздался ужасный рык.

– Ягуар!

Рана на голове Марка Брэдфорда все еще кровоточила. А теперь еще он должен сражаться медным мечом с диким зверем? В отчаянии он сжал оружие, наблюдая за открытой дверью в противоположном конце арены.

Но никто не выходил. Марк растерялся, но, посмотрев на песок арены, похолодел.

Как по волшебству, на залитом лунным светом песке, появлялись следы. Все ближе и ближе. Огромные следы с отпечатком когтей. Все ближе и ближе... Зверь—призрак!

– Боже! – приглушенно пробормотал Марк, когда ужасные воспоминания нахлынули на него.

Ему придется сражаться с невидимым ягуаром! Невидимый зверь, которого пленили Джусс и его воины, медленно приближался.

Марк, не отрываясь, смотрел на приближающиеся следы, словно кролик, загипнотизированный удавом. Он знал, у него есть всего один шанс на миллион в схватке с невидимым зверем. Следы приближались. Марк поднял свой меч.

Он словно оказался в каком-то кошмаре. Бриллиант полной луны сверкал в небе, заливая светом огромный амфитеатр. Толпа напряженно наблюдала. На серебряном песке один за другим появлялись следы зверя.

– Прощай, друг Брэдфорд! – насмешливо выкрикнул Жозеф Хогрим.

Зверь остановился в десяти футах. Когда песок взвился с того места, американец понял: ягуар прыгнул. Марк встретил его с занесенным мечом, яростно рубя невидимого хищника.

Меч со свистом рассек воздух. Марк едва успел отскочить в сторону, когда тяжелое тело ягуара рухнуло на песок. Крутанувшись, Марк упал, но тут же попытался встать на ноги.

Огромные невидимые лапы обрушились на плечи человека. Невидимый ягуар прижал Марка к земле. Ужасные клыки разодрали ухо, и американец почувствовал горячее, зловонное дыхание. Челюсти зверя открылись, готовясь впиться ему в горло.

4. БЕГСТВО

Тысячи мыслей пронеслись в голове Марка Брэдфорда, пока он ждал, когда же невидимые челюсти огромного зверя сомкнутся на его глотке. Он еще механически боролся, но ягуар держал его словно беспомощную марионетку.

Словно отдаленный прибой, доносился до него рев жителей Крима. Марк задыхался от злости. Как хотел бы он, умирая, прихватить их с собой.

Но клыки ягуара не впились ему в горло! Что-то остановило зверя. Ворча, хищник держал американца в своих огромных лапах и обнюхивал его голову.

Неожиданно Марк догадался – полоска ткани от туники Луа, которой она обмотала ему голову! Куро, любимец девушки и ее спутник, почуял запах ткани ее туники.

Марк лежал в ожидании смерти. Сможет ли запах остановить невидимого зверя? Происходящее казалось невероятным, но ягуар не нападал. Он фыркал, принюхивался и утробно жалобно урчал, словно огромная кошка.

– Человек мертв, поймите зверя и верните в клетку, – проревел Гроро.

Марк, распростертый под могучими лапами животного, заметил, что дверь, из которой его выпихнули, начала открываться.

Появились Джусс и его воины. Они несли сеть, осторожно подкрадываясь к невидимому зверю, который, как они считали, уже убил американца.

Ягуар отвернулся от Марка, обратив все внимание на приближающихся людей. Марк тут же вскочил на ноги.

– Луа! – закричал он, обращаясь к ягуару. – Там Луа!

Он рванулся к остолбеневшим от удивления воинам. Еще одна безумная попытка... Марк надеялся, что имя девушки подстегнет зверя.

Замысел удался. Может потому, что в этот миг издалека донесся приглушенный крик:

– Куро!

– Назад... ловите зверя! – заорал Джусс.

Офицер и двое его стражников оказались сбиты с ног невидимой силой, обрушившейся на них. Между испуганными, кричащими воинами словно пронесся вихрь.

Невидимый ягуар Куро с легкостью раздавал удары налево и направо. Его огромные когти оставляли кровавые полосы на телах воинов. Ужасная сцена убийства в лучах полной луны.

– Куро! – снова позвал далекий, тонкий голос Луа.

Оставшиеся в живых воины с криками бежали, спасая свои жизни. Амфитеатр ревел. Гроро бранился, отдавая приказания своим воинам.

Марк Брэдфорд нагнулся и отцепил ключи от оков с пояса Джусса. Он помчался к открытой двери.

Впереди него летел Куро. Тонко запели стрелы – в Марка стреляли воины Гроро.

Марк очутился внутри освещенного каменного туннеля. Два воина были убиты ужасными ударами лал, невидимого ягуара. Мореа испуганно отпрянул к стене.

Потом Марк услышал радостный крик Луа и увидел, как покачнулись в воздухе колодки девушки.

– Куро! – воскликнула она.

Зверь радостно заскулил, и американец понял – с ним девушка в полной безопасности.

– Dieu⁶, что случилось? – спросил ничего не понимающий Мореа. – Что...?

– Объясню позже. У нас появился еще один шанс. – ответил Марк. – У меня есть ключи.

Он наклонился над колодками девушки. Пока он возился с ключами, невидимый ягуар угрожающе рычал.

– Тихо, Куро, – приказала ему девушка. – Это – друзья!

Замолк щелкнул и оковы спали с невидимых ног. Но когда Марк наклонился к Мореа, он услышал лязг брони и яростные крики, доносящиеся из туннеля.

– Воины идут! – закричала Луа.

– Еще минуточку... – взмолился Марк.

Он успел освободить Мореа. Маленький француз тут же подобрал меч одного из мертвых воинов и замер. Его глаза сверкали, усы топорщились.

– Куда идти? – спросил он. – Мы должны вернуться к Креллусу и освободить его.

– Не можем! – воскликнула Луа. Она стояла, где-то рядом с Марком. – Посмотрите, воины между нами и темницей. Если мы выберем этот путь, то погибнем, но если мы спасемся, то еще вернемся за Крелли.

⁶ О, боже (фр.)

– Она права! – согласился Марк. – Мы лишим Креллуса всякой надежды, да и сами погибнем, если они схватят нас.

Отблески факелов заиграли на стенах туннеля. Крики воинов раздавались все ближе и ближе.

– Сюда! – закричал Марк, рванувшись в темный, узкий боковой туннель.

Они скрылись. Помчались по совершенно темному коридору, вырубленному в монолитной скале.

Рев позади утих. Они бежали вперед. Ничего не видя, они потеряли чувство направления и заблудились в лабиринте катакомб твердыни Крима.

– Воины прочешут все туннели... и быстро схватят нас, если мы не сможем выбраться отсюда. – выдохнул Марк.

– Мы должны добраться до озера – там убежище моего народа, Корлу. Нам нужно добраться до острова, – объяснила Луа. – Там – безопасно.

– Может нам удастся по этим крысиным норам добраться до воды, а там мы украдем каноэ, – заговорил Марк. – Но в какую сторону идти, чтобы выйти к озеру?

– Бог его знает! – растерянно воскликнул Мореа. – Эти коридоры все одинаковы.

Луа внезапно остановилась, и Марк натолкнулся на нее.

– Нас отведет Куро! – воскликнула она с надеждой в голосе. – Он чувствует то, что не ощущаем мы.

Девушка позвала ягуара. Лапы огромного зверя прошуршали по каменному полу. Американец почувствовал, как хищник проскользнул мимо него, спеша на зов хозяйки. Он чисто рефлекторно отпрянул, когда хищник проходил мимо него.

– Куро, отведи нас к озеру, – внятно проговорила Луа. – Озеро... Вода.

Низким, отдающим эхом, рычанием ответил могучий зверь. Потом он, быстро двигаясь, мягко побежал сквозь туннель.

Луа пошла за зверем, держа руку у него на шее. Марк и Мореа побрели следом за ними, удивляясь, словно они видели удивительный сон.

Они миновали несколько коридоров. Внезапно впереди появился круг яркого серебряного света. Беглецы пошли осторожнее. Согнувшись, они двигались по туннелю, внимательно вглядываясь в темноту.

Перед ними открылось озеро, залитое лунным светом. У выхода из туннеля начиналась монолитная стена, прикрывающая Крим с воды. Чуть правее стены находились каменные доки.

Беглецы слышали голоса людей, работающих в доках, видели сверкающие медные доспехи солдат, бегающих с факелами по берегу.

– Нас ищут! – прошептал Марк. – Они поняли, что мы можем воспользоваться каное... теперь нам не удастся удрать этим путем,

– Я смогу пройти так, что они не увидят, – заявила Луа. – Я пригоню каное. Вы подождите.

Она похлопала ягуара по пушистому загривку и тот замер, оставшись в туннеле вместе с Марком и Мореа.

– Ты тоже подожди, Куро, – приказала она. – Ждать!

Крадучись, она ушла.

Марк сидел на корточках, не думая ни о чем, кроме близости ягуара, и усиленно пытаясь разглядеть его в сверкающем лунном свете.

Но он не видел ничего, кроме воды, городской стены и доков. Вскоре одно из пришвартованных каное, отвязавшись, медленно отплыло от берега.

Медленно и не спеша, словно подгоняемая легким ветерком, длинное каное поплыло к ним вдоль стены. Пустое на вид, оно остановилось точно напротив выхода из туннеля.

– Теперь пошли... быстро! – подгоняя, прошептала Луа.

Марк и маленький француз выскользнули из туннеля и нырнули в каное, а за ними, промчавшись по камням, прыгнул в лодку ягуар.

Тут Марк почувствовал, как каноэ медленно заскользило по озеру. Луа села на корточки рядом с американцем. Он слышал, как шуршит ее одежда. Девушка стала грести руками. Деревянные весла пока без дела лежали на дне лодки.

Лежа рядом с ними, Марк видел нависший над черной кормой удаляющийся берег. Каменные доки кишели солдатами, которые при свете факелов, искали беглецов. Рядом мерцали огни в окнах королевского дворца—башни.

Беглецы проплыли около полумили по посеребренному лунным светом озеру.

Марк увидел, как один из воинов на берегу внезапно остановился, заметив их каноэ. Яростный крик разорвал тишину ночи.

– Убегают! – завопил воин, показывая на их суденышко.

Марк тут же вскочил – скрываться больше не было смысла – и, схватив весло, начал грести. Мореа тоже схватился за весло. Описав круг в воздухе, оно с яростью врезалось в воду. Луа присоединилась к мужчинам.

– Мы должны плыть как можно быстрее... – если мы доберемся до острова – мы будем в безопасности! – воскликнула она.

Длинное тяжелое каноэ летело вперед, словно живое существо, подгоняемое бешеными ударами весел. Они выбрали на серебрянный простор озера.

Впереди, в миле или около того, из воды поднималась черная масса острова Корлу.

Но вслед за беглецами уже отплыло полдюжины лодок, заполненных вопящими воинами. От озверевших преследователей некуда было спрятаться.

Марк изо всех сил налегал на тяжелое весло, толкая лодку вперед мощными гребками. Весло невидимой девушки поднималось и опускалось очень быстро, словно гребла машина, да и маленький француз работал словно безумный.

Шли минуты, преследователи нагоняли. Смолкли дикие крики, люди Крима изо всех сил налегли на весла. В каждом

каное сидело пять—шесть воинов, и они могли разогнать свои суденышки лучше, нежели их предполагаемая добыча.

А остров Корлу все еще маячил далеко впереди. Марк чувствовал, что постепенно слабеет. Силы уходили словно песок сквозь пальцы. Да и Мореа почти выдохся. Весло Луа тоже с трудом поднималось из воды.

Куро громко зарычал. Обернувшись, Марк увидел, что воины Крима нагоняют их, подпрыгивая и подвывая от нетерпения.

– Еще один рывок! – воскликнул он. – До острова всего миль!

Внезапно Луа пронзительно закричала. Она дважды повторила странный крик.

В ответ ей воины Крима тоже начали что—то выкрикивать в диком триумфе. Они уже почти нагнали свою добычу.

До острова оставалось с полмили. Темный, несколько миль в диаметре, он вздымался над озером. Но Марк уже знал, что они не успеют.

– Нас догонят! – закричал он. – Луа! Ты и ягуар... прыгайте за борт. Вы сможете спастись!

– Я не оставлю тебя, Марк! – воскликнула девушка.

– Я приказываю! – задохнулся американец. – Они же убьют нас... если ты убежишь, то сумеешь помочь Креллусу и расстроишь замыслы Хогрима.

– Qia! – завопил Мореа. В лунном свете его лицо выглядело мертвенно бледным. – Мы погибнем, но вы должны освободить Креллуса.

– Нет! – непокорно воскликнула девушка. – Мы спасемся вместе, Марк... Мы останемся в живых, или умрем вместе...

Марк Брэдфорд прекратил грести и встал, сжимая в руках тяжелое весло. Его лицо вытянулось, превратившись во вселяющую ужас маску.

Вззз! Прозвенело, где—то поблизости, и одновременно огромный воин Крима, стоявший на носу одного из каное, схватился за горло.

Какая—то таинственная сила разворотила ему шею. Потом он медленно повалился в воду. И когда он исчез, воздух вокруг Марка загудел. Вzzз! Вzzз!

– Корлу! – ошеломленно закричали воины Крима. – Корлу напали на нас.

– Мой народ... я звала, и они пришли! – радостно прозвенел голос Луа. – Смотрите, как их невидимые стрелы поражают воинов Крима!

5. ОБИТЕЛЬ БОГА

Эта сцена запомнилась Марку Брэдфорду как непостижимый кошмар. Звенели тетивы луков, и стрелы немилосердно косили врагов – невидимые стрелы, выпущенные невидимыми воинами в невидимых каноэ.

И не было силы, которая сумела бы предотвратить гибель безумно испуганных воинов Крима. Одна из лодок уже замерла неподвижно, наполненная мертвыми телами.

– Qieu! – задохнулся от удивления Мореа. – Мы спим или... это невозможно...

На поверхности воды появились длинные извилистые борозды. Они окружили каноэ с беглецами. Борозды и брызги, которые поднимали невидимые весла – все, что смогли различить глаза американца, когда невидимое каноэ с воинами приблизилось к ним.

– Луа, с тобой все в порядке? – донесся могучий мужской голос с одного из невидимых судов.

– Я здесь в безопасности, Фиор! – радостно ответила Луа. – Эти двое – друзья. Они помогли мне бежать из Крима.

– Твой отец, Нурт, будет счастлив, что ты жива, – продолжал невидимый Фиор. – Мы все думали, что ты погибла.

– Я бы погибла, если бы не эти белые чужеземцы, – ответила ему Луа. – Они спасли меня, и принесли известие об опасности, угрожающей нашему племени.

Вскоре Марк, девушка и француз снова взяли за весла, продолжив путешествие к острову невидимого племени. Вокруг них плыли невидимые каноэ Фиора.

Затем беглецы причалили к песчаному берегу. Чуть поодаль возвышался черный лес. Выбравшись на берег, Марк с интересом наблюдал, как на песке появляются все новые и новые следы: невидимые люди вытаскивали из воды невидимые каноэ.

Луа, взяв Марка за руку, повела его через лес. Мореа шел следом за ними. Марк слышал шорох шагов вокруг, радостно звенело множество голосов. А визгу Куро ответило множество мурлыкающих рыков других невидимых ягуаров.

– Очень рад, что их священные звери невидимы, – прошептал Мореа. – Может они и ручные, но если бы я увидел их... как вы говорите... хищников...

В сопровождении призраков невидимая девушка привела Марка и маленького француза через залитый лунным светом лес прямо к черной горе.

Вокруг росли фруктовые деревья, вдали виднелись возделываемые поля. Марк разглядел отверстие пещеры, закрытое толстой медной решеткой.

– Город Корлу, – объяснила Марку Луа, когда они подошли к входу в пещеру.

– Город? «Где?» – озадаченно спросил Марк.

Через несколько мгновений все объяснилось. Медная решетка поднялась, словно занавес, когда они подошли поближе, и они увидели туннель ведущий вглубь горы.

Город невидимых людей лежал внутри горы! Лабиринт огромных залов и туннелей вел вглубь черной скалы. Искусно вырубленные колодцы и бойницы позволяли свету и воздуху беспрепятственно наполнять все уровни города—лабиринта.

В темных проходах пылали факелы. Много сотен голосов. Потом беглецы вошли в совершенно круглую залу в сердце горы, освещенную факелами и яркими лучами Луны,

которые проникали сюда по огромным наклонным вентиляционным шахтам.

Отсюда начинались галереи, которые служили рабочими и жилыми кварталами. Здесь, в освещенном факелами зале, было множество народа – разговоры, шорох бесчисленных ног – но одни только Марк и Мореа были видимы.

– Ciel⁷! – прошептал Этьен Мореа. Его глаза вылезали из орбит. – Похоже на город духов!

– Вернулась Луа! – прозвучал глубокий голос Фиора. – Эти люди – друзья.

Громкий вздох облегчения пронесся по огромному залу Корлу.

– Луа, моя дочь... Я думал, ты мертва! – прозвучал каркающий старый голос.

Девушка отпустила руку Марка, и он услышал, как она уверенно побежала к невидимому человеку, который только что говорил.

– Отец! – в ее голосе слышались плаксивые нотки.

Марк и Мореа замерли, изумленно оглядываясь в свете факелов, пытаясь поверить в толпы призраков. Но тут Луа снова взяла Марка за руки и потянула его вперед.

– Мой отец, Нурт, – старейшина Корлу, – объяснила она. – Я рассказала ему, что ты сделал для меня.

Тощая, костлявая, невидимая рука пожала руку Марка, и он услышал голос Нурта, дрожащий от переполняющих его чувств.

– Добро пожаловать, белые чужеземцы, – сказал Нурт. – Да, вы – первые чужеземцы за всю историю Корлу, которые пришли сюда на остров Сияющего Бога. Двенадцать лун назад другой белый человек пытался проникнуть сюда. Мы схватили его, но ему удалось бежать.

– Должно быть это был Френсис Траск! – внезапно воскликнул Мореа. – Человек, который открыл это место.

Марк кивнул.

⁷ Небеса (фр.)

– Наверное, они ранили Траска, когда он бежал. Вот откуда обломок невидимой стрелы, который извлекли из его раны.

Нурт заговорил снова.

– Луа рассказала мне, есть еще один чужеземец – краснолицый. И он вступил в сговор с Гроро, который хочет покорить нас. Его замысел может увенчаться успехом... но руки нечистивых не должны коснуться Сияющего Бога.

– Мы могли бы расстроить их планы, – вызвался Марк. – Но ведь и ваши люди... невидимы. Они могут легко остановить воинов Крима.

– Могут, – прошептал старый Нурт. – Но если злой белый человек снабдит людей Крима новым оружием, с тем, чтоб они использовали его против нас... Они могут выиграть. На несколько тысяч наших людей приходится десятки тысяч людей Крима.

– Спроси его об освобождении Креллуса, – прошептал Мартину Этьен Мореа.

Когда Марк рассказал вождю о плененном англичанине, в голосе Нурта слышались нотки сомнения:

– Можем ли мы так рисковать ради него... проникнуть в Крим даже будучи невидимым опасно. Множество ловушек... Но мы сможем поговорить об этом позже, – протянул старый вождь. – Сейчас мои люди готовят пир в честь возвращения моей дочери. Вы будете почетными гостями на нашем празднике.

Весь лабиринт подземного города заполняла невидимая веселящаяся толпа. В огромной зале сверкало множество факелов. Столы ломились от медных блюд и кувшинов.

Луа взяла Марка за руку и отвела вместе с Мореа к стульям, возвышавшимся возле одного из столов. Она села рядом с Марком, и американец услышал голос Нурта, сидевшего рядом с французом. Над столами не смолкали шутки, веселая болтовня, смех. Шум голосов немного оглушал.

Казалось, что Марк Брэдфорд и Мореа сидели в огромном зале совершенно одни. Только тот факт, что сосуды, блюда

и ножи находились в постоянном движении над столом, говорило о присутствии тех, чьи голоса он слышал.

– Праздник духов! – пробормотал маленький француз.

Сосуд рядом с Марком поднялся над столом и послышался звук льющейся жидкости, текущей прямо в медную чашу, стоявшую перед ним, хотя он и не видел никакой жидкости. Когда чаша наполнилась, невидимая рука поднесла ее к его губам.

– Выпей, Марк, – предложил мягкий голос Луа. – У нас хорошее вино.

Марк заглянул в чашу. На вид она казалась пустой, но, когда он поднес ее к губам, сладкое, крепкое вино полилось ему в рот.

Мореа внимательно посмотрел на свою пустую медную тарелку, и его лицо стало унылым.

– Пир духов, – продолжал он в том же духе. – Но почему не принесли угощения?

– Оно перед вами, мой друг, – уверил его отец Луа.

Мореа в высшей степени осторожно дотронулся до тарелки и, казалось, удивился тому, что он почувствовал.

– Жаркое из птицы! – недоверчиво воскликнул он. – Невидимые пища и вино!

– Разве я не говорила, что мы, Корлу, всю нашу пищу носим к Сияющему Богу, чтобы не становиться частично видимыми после каждого обеда, – напомнила ему Луа.

Марк тем временем набросился на пищу. Может она и невидима, но осязаема и вкусна. Жареное мясо с овощами. Луа подливала ему вина, согревавшего его истощенное тело и мозг.

– Вы не боитесь, что жители Крима нападут на ваш город? – любопытствовал Мореа у Нурта, хотя не видел старика, сидевшего рядом.

– Нет, мы постоянно следим за озером, – ответил голос Нурта. – Если жители Крима появятся, мы просто выйдем из города и нападём на них в лесу. Они уже давно не делали

попыток завоевать нас. Но и сейчас Гроро подумывает, как бы овладеть нашим богом...

– Не беспокойтесь о Гроро, – обратился Марк к вождю Корлу. – Освобождение Креллуса из адского города не займет слишком много времени, а потом мы втроем расстроим планы Жозефа Хогрима, чтобы он не задумал!

А действительно, как хорошо было сидеть на пиру за столом, освещенным факелами, в окружении Корлу! Пусть они были невидимы, но они смеялись, шутили, счастливо празднуя возвращение Луа.

Рука Марка, слегка нетвердая из-за вина, поднялась и прикоснулась к лицу невидимой девушки, дотронувшись до ее мягких волос.

– Ты прекрасна, Луа. Ах, если бы я мог увидеть тебя! – сказал он ей.

– Но ведь ты чувствуешь мою красоту, не видя ее, – усмехнулась девушка.

– Нет, во имя небес! – воскликнул он. – Ты самая отважная, самая прекрасная, самая искренняя девушка, которую я только встречал, несмотря на то что я не вижу тебя.

Ее теплые пальцы встретились с его рукой. Она обняла его, прижалась к нему.

– Я счастлива, что ты так думаешь, Марк, – мягко проговорила она. – Я очень счастлива.

Пир шел своим чередом. Громыхали медные блюда и чаши, двигаясь над столами, жители города—лабиринта ели вкусные закуски и пили крепкие вина. Женщины, смеясь, приносили все новые и новые сосуды с вином.

Марк никогда раньше не чувствовал себя так хорошо. Все печали, связанные с Креллусом и Хогримом, а также со смертельной опасностью, нависшей над миром, растворились в тепле, разлившемся по телу.

Мореа уронил голову на стол и уснул. Факелы притушили, и пир начал потихоньку угасать. Голоса и веселый смех притихли.

Когда Нурт решил оставить их, Марк услышал, как Луа что—то прошептала своему отцу. Американец тем временем налил себе новую чашу крепкого вина. Он выпил ее, и вдруг засмеялся, заметив Мореа, уснувшего прямо за столом.

– Марк, – позвала Луа, сидевшая рядом с ним. В ее голосе зазвучали странные нотки. – Ты не боишься меня, несмотря на то что я – невидима? Тебя это не пугает?

– Думаю, это шикарно! – ответил ей Марк. – Не обычная видимая девушка, а ты, Луа.

Его рука обняла ее невидимые плечи.

Внезапно сердце Марка застучало громче. Он обнял девушку за талию и подтянул ее поближе. Он почувствовал, как вздымается ее грудь, прижимаясь к нему.

– Луа, – прошептал он. Его лицо напряглось, глаза стали серьезными.

– Да, Марк, – прошептала она. – Я знаю, что ты хочешь сказать.

Его руки скользнули по ее невидимому лицу. Он наклонился, и его губы впились в мягкий, трепещущий рот. У Марка закружилась голова.

– Луа!... Луа... – шептал он снова и снова.

Они обнимались в свете факелов. Марк и не думал, насколько сверхъестественную картину представляет собой, обнимая то, что со стороны казалось всего лишь пустым воздухом. Он не чувствовал в этом ничего необычного.

Невидимая девушка в его руках... Она не была уродцем чужого мира – существом, достойным балагана. Луа, его отважный маленький товарищ, девушка, в которую он влюбился.

Через некоторое время Луа зашевелилась в его объятиях. Она задала Марку неожиданный вопрос:

– Ты не хочешь увидеть Сияющего Бога? – спросила она, затаив дыхание.

Даже переполненный вновь открытой любовью, Марк Брэдфорд внезапно напрягся.

Сияющий Бог! Таинственная вещь, которая делает невидимым все на этом странном острове... вещь, которую он должен был бы утащить, чтобы спасти мировую систему демократии.

– Луа, а ты можешь отвести меня туда? – удивленно спросил он у девушки. – Это позволительно?

– Да. Я спросила отца, и он разрешил, – объяснила ему Луа. – Пойдем, Марк, тут недалеко.

Факелы в огромном зале потихоньку гасли, начиная чадить. Тени заполнили обширное пространство, кроме тех мест, где через глубокие воздушные колодцы в зал проникали лучи луны. Маленький француз крепко спал.

Луа подняла и зажгла новый факел. А потом, взяв его в руку, пошла через большой зал и нырнула в один из ходов.

Вино окутало туманом мозг Марка: он споткнулся, но его верная, маленькая, невидимая провожатая поддержала его. Они спустились по темной лестнице, которая привела их в горные глубины.

Луа вела Марка все дальше и дальше. Наконец, они стали спускаться по изогнутому мрачному туннелю. Воздух стал сырым и холодным, но они продолжали свой путь. Американец заметил следы сырости на стенах.

– Мы сейчас, где-то под озером, – сказала ему Луа. – До Бога уже недалеко.

Сверхъестественный, слепящий свет сливался со светом факела. Светилось что-то впереди.

Неожиданно они очутились в обширной комнате, вырубленной в скале, столь же большой, как тот зал, который они недавно покинули. Комнату наполнял ослепляющий свет. Марк Брэдфорд сперва не мог ничего разглядеть.

– Сияющий Бог! – воскликнула Луа, с почтением в голосе. – Великий дар земли, который века скрывали и хранили люди моего племени.

Марк Брэдфорд приоткрыл полуослепленные глаза. Крик удивления сорвался с его губ, когда он стал присматриваться к сияющему объекту.

Valley Of

– Великий боже! – хрипло произнес он.

С восхищением и ужасом взирал американец на Сияющего Бога.

Сияющий Бог оказался необычной кристаллической массой десяти футов в высоту. Он поднимался из ямы в полу, словно цыпленок из скорлупы. И вся его кристаллическая масса сияла неземным, слепящим светом.

Каменные стены, пол и потолок пещеры были прозрачны на большую глубину.

– Это – невероятная масса радиоактивного материала! – воскликнул Марк. – Глубоко внутри земли...

– Да, – благоговейно прошептала Луа. – Наши мудрецы верят, что Сияющий Бог может привести к сильным

Invisible Men

By EDMOND HAMILTON

конвульсиям весь мир. Здесь сокрыта тайна, которую человек не должен знать.

– Радиоактивный материал из земных недр, – повторил Марк, подставив свое темное лицо яркому свету. – Но современная наука еще не полностью изучила радиоактивность...

Удивляясь, Марк Брэдфорд хорошо понимал – тут не было ни альфа, ни гамма–лучей, но, видимо, излучение обладало большой энергией.

Энергия, которая могла так усилить частоту вибрации атомов любого вещества, на которое попадали лучи. И вещество становилось невидимым. Могучая энергия таилась в Сияющем Боге!

– Посмотри. Тут вещи, которые принесли люди моего племени, чтобы те стали невидимыми, – объяснила Луа необычным для нее тоном.

Марк ничего не сказал. Вокруг сверкающей массы Сияющего Бога на полу лежало множество всевозможных вещей: каноэ, весла, копья, луки, стрелы, одежда, множество блюд с едой и кувшинов с вином.

Некоторые из вещей, которые принесли совсем недавно, были хорошо видны. Другие выглядели полупрозрачными, тускло просвечивали их контуры. Других уже совсем не было видно.

– Сюда мы, Корлу, приходим чтобы оставаться невидимыми. Каждый из нас должен провести тут одну ночь раз в две луны, – объяснила Луа.

– Но, думаю, если и не заходить сюда, любой из вас все равно останется невидимым, – удивленно произнес Марк.

– Нет, – ответила девушка. – Живые существа, если не приходят сюда раз в две луны, постепенно начинают становиться видимыми.

– Конечно! – воскликнул американец, внезапно все поняв. – Живое тело ведь постоянно создает новые клетки... Постепенно все старые клетки тела отмирают, полностью заменяются, и тогда существо становится видимым.

Тем временем Марк обратил внимание на кольцо с алмазом, которое носил на пальце. Внезапно он заметил – с кольцом происходит что-то странное. Драгоценный алмаз стал невидимым.

– Великий, Боже! – воскликнул американец. – Только пару минут назад я хорошо видел алмаз. Лучи сделали его невидимым!

– С алмазами всегда так, – объяснила Луа. – Они и еще несколько других вещей, типа древесного угля, становятся невидимыми почти что сразу.

– Алмаз и древесный уголь – оба из углерода, – прошептал Марк. – Атомы углерода должно быть особенно чувствительны к лучам потому, что их атомная структура...

Он пошатнулся, внезапно почувствовав легкую слабость. У него закружилась голова.

– Луа, давай вернемся, – тихо пробормотал он. – Страшное излучение или вино... голова кружится.

Луа взяла его за руку и отвела чуть подальше. Марк почувствовал, как у него потемнело в глазах, накатилась волна слабости.

– Останови... прекрати, – прошептал он, опускаясь прямо на пол. – Дай немножко поспать...

– Если хочешь – спи, Марк, – прошептала Луа мягким голосом, ее рука пригладила ему волосы. А я стану любоваться тобой.

– Так много вина... может быть... – он попытался сказать еще что-то, но тьма уже распростерла над ним свои крылья.

Когда сознание стало медленно возвращаться к Марку Брэдфорду, он почувствовал, что все его тело разбито. Прошло много часов. Страшно болела голова, во рту было сухо.

– Черт возьми. Чувствую себя, словно накачался наркотиков, – пробормотал он. – Но ничего... зачем Корлу так сильно меня напоили...

Он лежал на каменном полу. С трудом приподнявшись, он сел. Яркий свет ударил по глазам так, что американец вскрикнул от боли.

Сияющий Бог. Гора сверкающего радиоактивного вещества... и он спал в нескольких ярдах от него на полу огромного зала.

– Что же произошло, черт возьми! – изумленно прошептал Марк, вскочив на ноги. – Кто притащил меня сюда?

Потом, внезапно, ужасная мысль зародилась у него в мозгу. Ночной кошмар оказался реальностью. Он много часов проспал рядом с Сияющим Богом. Значит, ужасное излучение должно было изменить частоту вибрации атомов его тела. Значит...

Марк Брэдфорд медленно огляделся. Его сердце забилось учащенно.

Случилось то, чего он опасался. Он не увидел собственного тела. Он дико замахал рукой перед глазами, но не смог разглядеть ее.

Сияющий Бог сделал его невидимым.

6. ПРИЗРАКИ НОЧИ

Он – Марк Брэдфорд – стал невидимым!

– Но на самом деле этого не может быть, – хрипло прошептал он сам себе. – Я сплю... грежу...

Он поднес руки к глазам, но по-прежнему хорошо видел сквозь них сверкание Сияющего Бога. Его руки, все его тело растворилось в воздухе.

Марк закричал. Он стал невидимым человеком, фантомом! Все оказалось так неожиданно. Марк растерялся. Потом он снова закричал и его крик разнесся по огромному залу, но тут две теплые невидимые руки обняли его.

– Не бойся, Марк, – раздался счастливый голос Луа.

– Я не хочу быть невидимым! – отрезал Марк. – Я хочу быть нормальным живым существом, не духом, не невидимой тенью...

Он почувствовал, как Луа прижалась к нему, как напряженно зазвучал ее голос.

– Тогда я тень? Дух? – воскликнула девушка. – Марк, когда я спрашивала тебя, ты ответил, что спокойно относишься к моей невидимости, не боишься этого. Поэтому я получила разрешение от отца, и ты переночевал в обители Сияющего Бога, стал одним из Корлу... поэтому я и напоила тебя вином. Я думала, ты будешь счастлив, думала, ты любишь меня...

Она разрыдалась. Множество мыслей пронеслось в затуманенной голове Марка.

Луа хотела преподнести ему великий дар, великое сокровище ее племени, сделав американца невидимым. Девушка даже не могла и подумать, что он хотел бы остаться видимым.

Он притянул назад ее рыдающую маленькую фигурку, крепко обнял одной рукой, а другой вытер слезы на ее личике.

– Все так, Луа, – неуверенно начал он. – Я сказал правду, я люблю тебя, и очень хорошо, раз ты отвечаешь мне тем же.

Девушка прижалась к нему, ее рыдания стихли, когда он, утешая, стал нежно гладить ее волосы.

– Мы можем стать видимыми, если ты считаешь, что так лучше, – приглушенно прошептала Луа, прижавшись к его груди. – Мы должны подождать всего два месяца, и волшебная сила исчезнет. Если мы больше не станем приходить сюда, то станем видимыми.

– Поговорим об этом позже, – утешил ее Марк. – Видимые или невидимые, мы останемся вместе, Луа. И это – самое главное, – его руки сжали ее тельце.

Потом они вернулись через влажные коридоры из Обители Сияющего Бога. Марк не мог подавить в себе ощущения нереальности происходящего. Разве любой другой человек поступил бы иначе в подобной ситуации?

Лучи золотистого солнечного света проникали в огромный зал Корлу через воздушные вентиляционные колодцы. Луа позвала, и слышались многочисленные шаги,

множество голосов, невидимые обитатели подземного города быстро собирались вокруг них.

– Теперь вы один из Корлу, – произнес голос Нурта. – Вы – первый чужестранец, который удостоился великого дара Сияющего Бога.

– Я ценю это, – ответил Марк. – Но мой приятель... где он?

Тут он увидел маленького Этъена Мореа, пробирающегося через толпу призраков. Щеголеватый француз оставался единственным видимым человеком во всем огромном, заполненном толпой зале.

– Брэдфорд! – позвал он, оглядываясь. Казалось, он был сбит с толку. – Они мне сказали, что ты тоже стал призраком!

– Это правда, Мореа, – засмеялся Марк, хлопнув француза по плечу.

Мореа резко обернулся. Он смотрел прямо на Марка, но не видел его.

– Dieu!⁸ – воскликнул он. – Это правда!

– И вашего друга мы сделаем одним из нас, – сказал Марку Нурт. Но когда Мореа понял смысл слов вождя он отпрянул в сторону.

– Я, Этъен Мореа, стану невидимым? Тысячу раз нет! Я и так нравлюсь девушкам! Я хочу спросить: может ли невидимый человек нравиться девушкам? Может ли он рассчитывать на победу у слабого пола?

Тут лицо француза внезапно стало серьезным.

– Брэдфорд, твоя невидимость должна помочь нам в одном деле... Теперь мы сможем без всякого риска освободить нашего друга Креллуса из тюрьмы.

– Знаю, – согласился Марк. – Я отправлюсь в Крым за Креллусом. И заодно постараюсь прикончить Жозефа Хогрима.

⁸ Боже (фр.)

– Нет! – испуганно воскликнула Луа. – Ты не можешь вернуться в Крим. Коричневые варвары расставили множество ловушек на тот случай, если кто-то невидимый попытается проникнуть в город. Ты погибнешь.

– У меня есть шанс, – возразил Марк. – Питер Креллус наш товарищ и союзник. Мы не можем позволить ему умереть на следующих Играх. А Хогрим должен погибнуть до того, как он поведет жителей Крима на завоевание острова.

– Все так, – подтвердил Мореа. – Если Хогрим останется в живых, он приведет сюда воинов Крима с оружием, которое поможет им победить народ Корлу, и тогда Сияющий Бог попадет в его руки... В руки шпиона Балтийской Империи...

Марк Брэдфорд кивнул, совершенно забыв, что никто, кроме него не сможет заметить его жеста.

– Я отправлюсь в Крим этой ночью, – угрюмо объявил он. – На одном из ваших невидимых каноэ. Я незаметно появлюсь в городе. Войду через тот туннель, которым мы бежали.

– Тоща я пойду с тобой, Марк! – воскликнула Луа. Он запротестовал, но она остановила его.

– Ты говорил, что мы больше никогда не расстанемся – ты и я.

– Да, Луа. Ты можешь отправиться со мной, – наконец согласился Марк. – Но ты не будешь лезть на рожон.

– Я тоже отправлюсь с тобой, – заявил Мореа, но Марк отклонил предложение француза.

– С тобой моя экспедиция невозможна, Этьен... ведь ты – видимый.

Маленький француз яростно запротестовал, но потом смирился.

Подождав несколько часов, пока ночь не сменила день, они отправились в свое опасное путешествие. Марку Брэдфорду было не по себе от мысли о возвращении в Крим.

Он знал, что Жозеф Хогрим наверняка обнаружил способ победить невидимых Корлу. Хогрим придумал, как

завоевать Крим. И если все пойдет по его плану, он наверняка придумает, как переправить радиоактивную массу через океан в Балтийскую Империю, чтобы снабдить диктатора ужасным оружием.

Ради мира, во имя сохранения мировой демократии, Жозеф Хогрим должен был умереть! Совершенно необходимо оборвать карьеру ловкого шпиона. Если его не остановить, он даст в руки своих хозяев оружие, которое убьет миллионы.

Луа все это время провела сидя, тесно прижавшись к Марку. Потом, взявшись за руки, они, пройдя через подземный город, пересекли остров. По пути они видели чарующий фантастический спектакль подготовки Корлу на случай нападения из Крима.

Молотки летали в воздухе, в то время как невидимые кузнецы ковали медные стрелы, которые позже отнесут к Сияющему Богу. Щепки летели на землю от огромных древесных стволов, превращающихся в каноэ. По всему острову разносились всевозможные звуки: невидимые люди готовились к войне.

Они собирали плоды и относили их в подземный город, готовясь к возможной осаде. Фрукты и растения, казалось, сами внезапно отскакивали от веток и ныряли в корзины, которые покачивались в воздухе, двигаясь к входу в город. Рыба сама выпрыгивала на берег, пойманная на невидимые крючки, птицы мертвыми падали с деревьев, когда их поражали невидимые стрелы.

В то время как люди—призраки трудились, запасаясь всем необходимым, Марк Брэдфорд начал понимать до какой степени у невидимых людей развит слух. Они работали, различая каждое движение того, кто трудился рядом и даже на достаточном расстоянии выделяя его из общего шума. Они не натыкались друг на друга, не ранили сами себя, хорошо чувствуя положение своих ног и рук в пространстве.

Этьен Мореа тоже удивлялся. Он остался единственным видимым на острове существом.

– Dieu! Я напоминаю Робинзона Крузо, попавшего на остров духов! – объявил он вечером Марку. Становилось все темнее, всходила Луна. – Я хотел бы увидеть настоящий людей... может возьмешь меня с собой в Крым?

– Ты знаешь ответ на свой вопрос, – ответил ему Марк, а потом повернулся к туземцам. – Луа, Фиор и его люди готовы?

– Да, Марк, – ответила девушка. – Я тоже готова... У меня есть лук. К тому же, я надеюсь, мы возьмем с собой Куро. Он поможет нам отыскать дорогу.

Марк слышал мягкие шаги невидимого зверя, когда они направились к берегу, где их ждали Фиор и другие воины.

Они забрались на невидимое судно, невидимые весла опустились в воду, и они поплыли по залитому лунным светом озеру.

– Сейчас нам нужна вся сила Сияющего Бога, – прошептал Фиор. – Нас ждут великие опасности.

Каное уверенно двигалось по воде, посеребренной луной. Для глаз Марка это было просто длинная узкая вмятина, быстродвигающаяся по сверкающему озеру.

Марк чувствовал нож, висевший у него на поясе. Это было его единственное оружие: длинный, острый нож. Кроме того, Марк был почти голым. Он не хотел, чтобы его выдал скрип обуви или шорох одежды.

Воины Фиора гребли около часа, прежде чем черная громада Крима нависла над ними. Город оказался залит светом многочисленных факелов, по улицам бродили толпы. Свет горел в каждом окне квадратного дворца короля Гроро.

Они осторожно приблизились к волнорезу из темных камней. Марк мельком заметил солдат в медной броне, марширующих по набережной, вдоль которой было привязано множество каное.

– Все правильно, – прошептала Луа Фиору, который правил призрачным судном.

Они очутились в густой тени высокого волнореза и стали двигаться еще осторожнее, чтобы не удариться о камни. Фиор точно вывел каноэ к темному туннелю, через который сбежали Марк, Мореа, Луа и ягуар.

– Я сперва пойду за Креллусом, потом за Хогримом, – сказал девушке Марк. – Ты подожди здесь с Фиором и остальными.

– Нет, Марк, – прошептала она протестующим тоном. – Я пойду с тобой.

– Я сказал, что ты останешься! – приказал он ей. Потом его голос смягчился. Он на мгновение обнял девушку. – Пожалуйста, Луа... ради меня...

– Я не хочу оставаться, – решительно прошептала она. – Но я сделаю это.

Марк поцеловал девушку, потом молча встал и выбрался в туннель.

Туннель выглядел мрачно, но Марк, сжав в руке нож, направился вперед. Его босые ноги совершенно бесшумно ступали по каменному полу.

Он уже далеко зашел в лабиринт, однако никого не встретил. Пытаясь вспомнить дорогу, Марк шел в темноте на ощупь, до тех пор, пока не заметил слабого мерцания факелов, где-то над головой.

Пристально разглядывая этот коридор, Марк почувствовал, как застучало его сердце, когда он понял: этот коридор ведет к темнице. Он слышал звон оружия и шёпот голосов – где-то неподалеку скрывались воины Крима. Уверенный в своей невидимости, Марк осторожно скользнул вперед и прижал кончик кинжала к шее Ручо, стоявшего рядом с дверью темницы.

– Молчи или умрешь! – прошептал он.

– Корлу! – запинаясь, пробормотал приземистый страж.

– Открой камеру и войди, – приказал Марк.

Дрожащими руками тюремщик отпер дверь и вошел в тусклую темницу. Марк продолжал держать нож возле горла стража.

Креллус задвигался, сел и удивленно посмотрел на входящего в камеру Ручо с перекошенным от страха лицом.

– Это я, Креллус, – прошептал Марк, а потом приказал тюремщику. – Сними с него цепи.

– Брэдфорд? – задохнулся от удивления Креллус, осматривая камеру. Его красивое, светлое лицо выглядело удивленным. – Где вы?

– Здесь. Я – невидим, – ответил Марк, пока тюремщик возился с ключами.

– Боже! Значит ты стал как Корлу? – воскликнул Питер Креллус. Глаза англичанина засверкали. – Я рад, что ты пришел, Брэдфорд. Ты должен предостеречь Корлу... Гроро хочет атаковать их остров на заре.

– Этим утром! – воскликнул ошеломленный Марк.

– Да. Я слышал, как говорили об этом воины в коридоре, – быстро объяснил Креллус. – Хогрим хочет вооружить воинов Крима каким-то оружием, с помощью которого, как он клялся, они легко победят Корлу. Перед зарей они сядут в каноэ и внезапно нападут на остров.

– Хогрим должен умереть этой ночью! – сумрачно объявил Марк. – Я приду сюда к вам...

Внезапно Ручо рванулся. Почувствовав мгновение, когда внимание Марка отвлеклось, приземистый страж резко обернулся и оттолкнул Марка вглубь темницы. Потом Ручо рванулся к двери, его рот открылся и крик готов был уже сорваться с его губ, поднимая тревогу.

7. ГОРОД ПОЛНЫЙ ОПАСНОСТЕЙ

Однако крикнуть ему не удалось. Он кинулся к двери, но Марк Брэдфорд прыгнул на тюремщика, выставив вперед кинжал.

Острое, невидимое лезвие пронзило горло Ручо. На вид могло показаться, словно узкая рана внезапно с помощью волшебства появилась у него на горле. Хлынула кровь.

Задыхаясь, булькая в агонии кровью, Ручо ужасно выпучил глаза и повалился на пол.

Марк склонился над ним. Тюремщик задрожал. Из его горла со свистом вырвался последний вздох. Он был мертв.

– Мой бог! – воскликнул Питер Креллус, дико уставившись на мертвого человека.

Для Креллуса, Марк знал это, схватка с Ручо выглядела борьбой с пустым воздухом.

Марк сорвал ключи с пояса мертвого тюремщика. Потом он стал быстро совать их в замки колодок англичанина, пока не обнаружил нужный ключ.

– Пойдем, – прошептал Марк, взяв англичанина за руку.
– Мы должны смываться. Луа и другие из племени Корлу ждут нас в каное.

Он вывел искалеченного, спотыкающегося Креллуса в коридор и повел в лабиринт черных коридоров, которыми он пробирался сюда. Добравшись до выхода из лабиринта, американец быстро объяснил Креллусу как добраться до каное.

– А вы? – напряженно пробормотал Креллус.

– Я вернусь и убью Жозефа Хогрима, – угрюмо прошептал Марк. – Это единственный путь спасти Корлу от предстоящего завоевания и сохранить Бога подальше от лап Хогрима.

– Я пойду с тобой! – заявил искалеченный англичанин.

– Нет. Тогда у меня не будет никаких шансов! – яростно возразил Марк. – Иди в каное. Скажи Луа и Фиору, что, если я не вернусь через час, пусть возвращаются на остров без меня. В любом случае Корлу должны успеть подготовиться к атаке.

И не слушая дальнейших протестов Креллуса, Марк, толкнув его по направлению к каное, скрылся в темноте. Он вернулся в лабиринт в поисках королевских палат.

Невидимый американец беззвучно прокрался к лестнице, ведущей из лабиринта во дворец. Он хорошо

запомнил, где она, когда его вели из дворца в темницу, и теперь без труда нашел дорогу.

Но у подножья лестницы, разговаривая, стояли два воина.

– Говорю тебе, мне это не нравится, – заявил один из них. – Хотя мы и собираемся напасть на Корлу на рассвете всеми силами, эти невидимые дьяволы могут устроить засаду и перебить нас.

– Ты забыл о новом оружии, которое белый чужеземец, союзник Гроро даст нам, – возразил второй стражник. – Он сказал: с таким оружием мы победим Корлу.

– Но я не понимаю, зачем чужеземец раздал нам эти странные штуки, – удивился первый.

– Я тоже, – согласился второй воин. – Но должно быть это и есть то самое оружие ужасной силы.

Марк прокрался вперед. Он проскользнул между воинами. Хотя расстояние между ними было два фута, они ничего не заметили. Потом американец поднялся по лестнице.

Сжимая в руке кинжал и прячась в тени, он поднялся по лестнице.

Марк возликовал, когда добрался до дверей, ведущих во дворец. Невидимый, он неожиданно почувствовал, что ему все удастся. Как он радовался тому, что невидим.

Во всех сумеречных коридорах дворца через равные промежутки стояли стражи. Смеясь про себя, Марк словно фантом благополучно обходил их. Но на всякий случай он держался в тени... Он искал Хогрима.

Его губы сжимались, когда он думал об агенте Балтийской Империи. Жозеф Хогрим должен был умереть. Это будет убийство – ударить человека невидимой рукой... но это убийство должно предотвратить мировую трагедию.

Марк услышал отдаленные голоса, и его пульс учащенно забился, когда он среди прочих разобрал грубый голос Хогрима. Американец отправился в ту сторону, откуда доносились голоса и вскоре оказался у входа в большой зал, который был освещен ярче, чем остальные комнаты дворца.

Множество факелов горело в медных кольцах, вделанных в каменные стены.

Тут – то Марк и увидел Жозефа Хогрима. Грубое красное лицо агента было перекошено от возбуждения, его маленькие свинные глазки сверкали, он о чем – то спорил с гигантом, закованным в медь королем Гроро и с полудюжиной его офицеров.

Марк бесшумно проскользнул в комнату и замер в какой – нибудь дюжине футов от группы, уверенный в своей невидимости.

– Ваше Величество, – обратился Хогрим к Гроро. – Теперь, после всех этих столетий, вы сможете завоевать, уничтожить невидимых людей.

– Так в чем же дело? – недоверчиво проворчал Гроро. Грубое лицо короля выражало неудовольствие. Гроро разглядывал какую – то вещь, которую протягивал ему Хогрим.

Какие – то два медных шара. Лучше Марк Брэдфорд не смог рассмотреть.

– Я не вижу, как с помощью этой вещи можно кого – то убить, – продолжал Гроро. – Конечно, мои люди делали несколько недель эти штуки по твоим инструкциям безо всяких вопросов.

– Я ничего не рассказывал, потому что не хотел раскрывать секрет моего оружия. О нем могли узнать Корлу, – объявил Хогрим. – Когда мы начнем атаковать Корлу, я расскажу, как пользоваться ими.

С сильно бьющимся сердцем Марк Брэдфорд вышел на середину хорошо освещенной комнаты. Он должен убить Хогрима сейчас, до того, как тот объяснит действие своего оружия туземцам!

Шагнув вперед, Марк поднял кинжал. Один удар – и Луа с ее народом окажутся спасены. Америка, весь мир будут спасены от Балтийской Империи.

– Посмотрите – ка! – внезапно закричал Гроро, указывая на Марка. – Один из Корлу!

Марк на мгновение удивился. Как мог король Крима увидеть его, когда он был невидимый?

Внезапно он понял, что увидел Гроро. Кинжал! Его кончик испачкался в крови Ручо. Маленькое движущееся красное пятнышко оказалось незаметным в тусклых коридорах, по которым он до сих пор путешествовал, но в ярко освещенной комнате Гроро сразу заметил врага.

– Убейте его! – закричал Гроро. Он взревел словно бык и вытащил меч из ножен.

Марк рванулся вперед, пытаясь проскочить мимо воинов Крима к Хогриму. Но два воина прыгнули вперед. Их мечи со свистом рассекли воздух.

Американец рубанул ножом по направлению к одному из них, снова испачкав алым лезвие ножа.

– Используй свое оружие против Корлу, – яростно закричал Гроро Хогриму.

Но Жозеф Хогрим, с перекошенным от страха лицом, выскочил из комнаты, вопя от ужаса.

Марка полукругом окружили воины Крима. Они выставили мечи, не спуская глаз с ярко—красного пятна, выдающего месторасположение невидимого человека.

Марк быстро отступил, но тут же обнаружил себя зажатым в угол. Гроро и его люди подступали.

Вззз! Один из воинов Крима внезапно упал. В конвульсии он схватился за что—то, ударившее ему в спину.

Снова зазвенела тетива. Еще один воин упал, пронзенный стрелой.

Гроро и оставшиеся воины отвернулись от Марка, повернувшись к двери.

– Марк... сюда! – позвал серебряный голосок от пустого дверного проема.

– Луа! – воскликнул он, и рванулся через сбитых с толку воинов к девушке.

Он столкнулся с нею в дверном проходе. Девушка схватила его за руку, и они быстро побежали через

примыкающие комнаты. Но Гроро и его офицеры побежали за ними, поднимая тревогу.

– Стражи, закройте двери! – ревел король. – Корлу во дворце.

– Я предупреждала тебя, Марк, не делать этого! – воскликнула Луа, едва переводя дыхание. – Я подросла как раз вовремя...

Когда они вбежали в тускло освещенную комнату, в нее, с другой стороны, ворвались воины. Они захлопнули двери и, выстроившись в линию, пошли через комнату, выставив перед собой мечи.

Марк повернул назад. Через дверь, которой они только что воспользовались, в комнату вошли Гроро его офицеры.

– Они в комнате! – взревел король. – Заприте двери... Позовите еще воинов.

– Мы в ловушке, – хрипло пробормотал Марк. Он огляделся.

В комнате было два больших окна, но они были закрыты, как и остальные окна во дворце, узорными металлическими решетками.

Гроро и его воины охраняли обе двери, уверенные, что они пленили невидимых мужчину и женщину. По всему дворцу слышались крики. Где-то топали стражи – спешили на помощь своему королю.

Марк схватил тяжелый стул, поднял его и со всей силой ударил в решетку. Та разлетелась на куски. Когда воины Крима увидели летящий по воздуху стул, они разом бросились вперед.

– Они хотят убежать через окно! – проревел Гроро. – Отрежьте им путь.

– Быстро, Луа! – воскликнул Марк и, схватив девушку за руку, выпрыгнул в окно.

Они очутились в темноте. Позади слышались яростные крики, несколько стрел пролетело у них над головами.

– Пойдем к озеру! – позвал Марк. – Нам еще придется пробираться по улицам.

Улицы были запружены жителями Крима, люди порой даже сталкивались. Всюду горели факелы. Все готовились к великому нападению.

Марк и Луа побежали к озеру. Вслед за ними, громко крича, бежали воины Гроро. Началась паника.

– Корлу в городе! – вопили стражи.

Новость мгновенно разнеслась среди толпы. Тем временем, невидимые Марк и Луа беспрепятственно бежали по улицам.

Марк столкнулся с маленьким коренастым человечком, который тут же завопил от ужаса.

– Они здесь!

Американец оттолкнул дикаря в сторону. До воинов, бежавших следом за ними, было далеко. Люди Гроро вместо того, чтобы бежать сломя голову, перегородили улицы живой цепью и, оцетинившись мечами, медленно, но неотвратно надвигались на беглецов.

– Мы сумеем прорваться через их строй. Мы должны вернуться! – воскликнул Марк.

– Нет... они и впереди перекрыли нам дорогу! – закричала Луа.

Впереди них поперек улицы двигалась цепь воинов.

Две шеренги шли по улице навстречу друг другу, словно гигантские челюсти сжимались вокруг Марка и Луа.

Марк огляделся без всякой надежды. Здания с обеих сторон – сплошные стены. Они оказались в ловушке на улице города из монолитного камня. И хотя они были невидимыми, казалось, они обречены.

– Сюда, Луа! – воскликнул он, и толкнул девушку к двухстворчатой широкой двери, которую заметил в последний момент.

Дверь оказалась закрыта изнутри, но Марк выбил запор. Он услышал визг ужаса, а потом невидимый кулак ударил в искаженное ужасом лицо дикаря, пытавшегося закрыть дверь.

Марк и Луа промчались через темное, сумрачное здание, поднялись по лестнице. Следующая лестница привела их на крышу. Мгновение они постояли, переводя дыхание в свете полной луны.

– Крыши! – закричал внизу один из горожан. – Корлу избили меня. Они на крыше моего дома!

– Сюда, Луа! – воскликнул Марк, потащив девушку дальше. Он заметил сверкающее вдали озеро.

Девушка и американец перебрались на крышу соседнего здания, потом на крышу еще одного. Они двигались к озеру, видневшемуся в конце улицы.

Воины Крима с копьями наперевес и с факелами уже поднялись на крышу. Их крики пугали беглецов.

– Они хотят пробраться к озеру... они идут туда!

Американец слышал, как воины Крима с грохотом прыгают с крыши на крышу. Но тут беглецы остановились. Дальше бежать было некуда, перед ними в лунном свете раскинулось озеро. Вдали виднелся волнорез.

– Прыгай, и плыви вдоль берега к нашему каноэ! – воскликнул Марк.

Два невидимых тела пролетели по воздуху и с всплеском ударились в залитую лунным светом воду.

Проплывая под водой, Марк почувствовал, как стрелы туземцев вонзаются в воду в нескольких дюймах от его тела. Воины Крима яростно ревели, стоя на краю крыши.

Марк увидел рядом Луа – вытянутый пузырь воздуха под водой, и подплыл к ней.

Оставаясь под водой, они быстро поплыли туда, где по их расчетам должно было находиться каноэ.

Когда они вынырнули перевести дыхание, то оказалось, что они уже на изрядном расстоянии от домов, почти у самого волнореза. Неподалеку в тени пряталось невидимое каноэ. Со стороны казалось, что Креллус как бы сидел на воде.

Англичанин с интересом наблюдал, как невидимый Марк зацепился за борт призрачного каноэ. Марк помог

девушке забраться в лодку. Креллус, качнувшись вперед, сжал руку американца.

– Брэдфорд, это вы? Мой бог, я думал они вас...

– Они поблизости, – выдохнул Марк. – Фиор, поплыли отсюда, и как можно быстрее.

Фиор прошептал приказ, и невидимые весла невидимых гребцов опустились в воду. Каное поплыло вперед. Креллус – единственный видимый пассажир, лег на дно лодки.

На берегу, в том месте, где Марк и Луа прыгнули в воду, собралась толпа. Но никто из них не заметил отплывшего невидимого судна. Марк перевел дыхание. Он сидел, обнимая мокрую, дрожащую Луа.

– Вы добрались до Хогрима? – спросил Креллус.

– Нет, не смог, – сухо ответил Марк. – Я сделал ошибку... забыл, что мой кинжал испачкан в крови... и Хогрим спасся. Я видел оружие, которое он раздал воинам Крима для борьбы с Корлу. Это маленькие металлические шарики.

– Что же это такое? – озадаченно спросил Креллус.

– Не знаю, – с тяжелым вздохом произнес Марк. – Но видимо, что–то дьявольское. Я уверен в этом. Хотел бы я воткнуть нож меж ребер Хогрима.

Когда они достигли берега темного острова их уже поджидал Этьен Мореа и толпы невидимых людей. Француз сразу же подскочил к Креллусу.

– Брэдфорд, ты привез его! – радостно воскликнул маленький француз. – А что с Хогримом?

Марк вкратце рассказал ему о случившемся. Когда он закончил рассказ, толпа затихла.

Голос Нурта разорвал тяжелую тишину.

– Значит воины Крима нападут на заре? – попытожил старик. – Тогда мы подождем их. Нас ждет битва!

Корлу ответили ему яростными криками. А в это время Марк и Луа уже добрались до подземного города. В свете факелов им открылась сцена необычайно усердной работы невидимых жителей.

– Всевышний, в это невозможно поверить! – открыл рот от удивления Питер Креллус. Он выглядел ошеломленным. – Да и вы... Брэдфорд, невидимы, как и остальные.

Марк вместе с Фиором, который руководил войсками Корлу, вернулись в лес, чтобы быть готовыми встретить врага.

– Когда они приплывут, мы дадим им высадиться и встретим в лесу, – уверенно сказал Фиор. – Там мы сможем лучше использовать наше преимущество невидимости. Мы перебьем их нашими стрелами, как мышат. Мы всегда так поступали.

– Будем надеяться, – проворчал Марк, – что они не доберутся до Сияющего Бога.

– Они не смогут до него добраться, – раздался печальный голос Нурта. – Бог не должен попасть в плохие руки.

Марк не ответил. Он не разделял уверенности старого вождя Корлу и размышлял о предстоящем нападении, которое так и не смог предотвратить.

Мореа и Креллус яростно запротестовали, когда выяснилось, что они должны остаться в городе, в то время как Марк и Фиор отправятся сражаться, вместе с остальными воинами Корлу.

– Не в моем стиле отсиживаться, пока, где-то идет бой! – яростно возразил Питер Креллус.

– И не в моем, – запротестовал Мореа. Его усы топорщились от злости. – Parbleu⁹, что скажут мои друзья, если узнают, как я сыграл роль труса!

– Вы не пойдете! – возразил Марк. – Вы двое – видимы, и вы просто выдадите наши позиции врагу.

Потом он попросил остаться в городе Луа, но девушка только посмеялась над ним.

– Нет, Марк, я отправлюсь сражаться, – сказала она ему, нежно прижавшись к американцу. – Ты же видел: женщина

⁹ Ей-богу (фр.)

Корлу может использовать лук и стрелы так же хорошо, как мужчина.

– Я не пользуюсь ими, – обеспокоенно возразил он, но не стал менять своего решения.

По всему побережью острова были расставлены наблюдатели. К концу ночи все приготовления были закончены – невидимые копья, луки, стрелы и мечи были в полном порядке.

В молчании встретили туземцы рассвет. Эта заря могла стать их последней зарей. Когда Луна начала спускаться за горизонт, сидевший на земле, Марк Брэдфорд задремал, нежно сжимая в руках давно спящую Луа. Девушка спала безмятежно, как ребенок. Ее ягуар Куро тоже был, где-то поблизости.

Сердце американца стучало чуть сильнее от тепла ее прекрасного невидимого тела. Он чувствовал своей щекой ее мягкие волосы. Доживут ли они до исхода дня? Американец подумал об этом... и проклятия обрушились на голову Жозефа Хогрима.

Луна села. Бледным светом разгоралось небо на востоке. А потом, с западного берега острова, донесся необычный, улюлюкающий крик.

– Наши наблюдатели заметили врага! – воскликнул Фиор.

Луа проснулась и сонно спросила:

– Это ты, Марк?

Куро зарычал.

– Идут воины Крима, – сообщил ей американец. – Теперь мы будем сражаться за Сияющего Бога.

8. СИЛА БОГА

Губы девушки слились с губами Марка, теплые руки обняли его шею.

– Марк, если мы не победим... – прошептала она.

– Мы победим! Должны победить! – гордо объявил он. – Твое племя, Луа, сегодня будет сражаться за людей всего мира, против Хогрима и страны, которую он представляет.

– В лес! – приказал Фиор толпе невидимых воинов. – Вы знаете, что мы сражаемся за своего Бога!

– За Бога! – вырвался фанатический крик из сотен глоток невидимых людей.

Когда воины направились к лесу, Марк заметил, что Креллус и Мореа удивленно смотрят на него. Он подошел к ним.

– Хочется сказать так много, поэтому ограничимся коротким прощанием, – сказал Марку Креллус, пожав невидимую руку. – Я думаю, может вы измените решение и разрешите нам пойти с вами?

– Qцi, дайте Питеру и мне достать этого дьявола Хогрима. Мы бы оборвали его карьеру с великим удовольствием! – воскликнул Мореа.

– Вы же знаете, что это невозможно, – воскликнул Марк. – Нурт уверен, что вы останетесь в городе.

– Я уверен, – согласился Нурт.

Марк и Луа направились в лес вслед за Фиором, идущим во главе воинов Корлу. Ручные ягуары шли вместе с людьми. Без всяких приказов они построились в линию, перегородив лес. Они ждали в зеленой полутьме – сотни невидимых воинов вместе с невидимыми ягуарами. Они ждали врагов.

Марк слышал стук сердца Луа, когда девушка прижималась к нему. Они стояли бог о бок. Девушка сжимала в руках лук, а Марк был вооружен длинным, невидимым копьем. На его поясе висел меч. Где-то рядом прятался Куро.

– Посмотри, они идут! – прошептал Фиор.

К берегу причаливали сотни лодок, наполненных коричневыми, вооруженными до зубов дикарями.

Вопя, словно дьяволы, потрясая луками и мечами, тысячами высаживались воины Крима на берег.

Марк видел, как гигант—король Гроро командует остальными. Он видел коренастую фигуру Жозефа Хогрима. Шпион носил костюм хаки.

– Попытайся застрелить Хогрима из лука, – прошептал Марк Луа.

– Да, Марк, – печально ответила девушка.

Но Хогрим, когда выбрался на берег, стал прятаться за спинами воинов Крима. Он вел себя как можно осторожнее.

Бычьим голосом Гроро выкрикивал приказы. Наконец, с дикими криками, толпы воинов Крима быстрой рысью помчались вперед.

Марк видел, как они приближаются: волна перекошенных яростью лиц. Сверкало медное оружие. Наконец, до них осталось всего сто ярдов.

– Убивайте! – диким голосом закричал Фиор.

Лес вокруг Марка внезапно зазвенел. В воздухе зажужжали стрелы – смертоносный дождь невидимых стрел.

Стрелы приветствовали приближающихся солдат Крима и выкашивали их десятками. Ужасные стрелы из невидимых луков заставили перейти воинов Крима на шаг.

Словно распевая песнь смерти, продолжали звенеть луки Корлу, поражая врагов. Но и со стороны воинов Крима тоже полетели стрелы. Нападавшие стреляли вслепую, не видя врага. Они уже подошли почти вплотную. И тут, рыча, невидимые ягуары набросились на врагов.

– Они разбиты! – радостно воскликнул Фиор.

– Посмотри на краснолицего! – в голосе Луа прозвучала тревога. – Он отдает какие—то приказы...

Жозеф Хогрим выкрикивал что—то, прячась за спинами бронзовых воинов.

– Используйте свое новое оружие! – кричал Хогрим.

Марк Брэдфорд напрягся, когда увидел, как кто—то из воинов Крима достает из заплечных сумок медные сферы, похожие на те, что он видел в руках Хогрима.

Воины Крима стали бросать медные шары в воинов Корлу. Шары падали среди невидимых воинов. Каждый шар

при ударе лопался, и от него во все стороны поднимались густые облака черного дыма.

– Дымовые бомбы! – взревел Марк. – Так вот, что придумал Хогрим. Но зачем они?

– Не бойтесь! – закричал Фиор, тоже попавший в черное облако. – Скоро дым разойдется.

Уже тяжелые скользкие облака дыма частично рассеялись, ветром их отнесло от позиций Корлу. Воины Крима снова яростно закричали.

Дым рассеялся. Но сердце Марка чуть не остановилось, когда он осознал, что видит вокруг своих товарищей реву-щих ягуаров.

Они стали частично видимы! Сальный черный дым оставил тонкий угольный налет на невидимых телах, превратив их в серых призраков.

– Теперь мы можем видеть этих собак! – взревел Гроро. – Вперед! Убейте их всех!

Тучи стрел воинов Крима обрушились на призраков. Но Корлу продолжали стрелять им в ответ.

Многие Корлу удивились тому, что стали видимы. Они принялись стирать черный налет со своих тел, но растертая сажа делала их еще лучше видимыми.

– Мы погибли! – закричала Луа. – Краснолицый выполнил свою угрозу...

– Вперед! – яростно взревел Фиор.

Но Корлу, которых было меньше раз в двадцать, не принимая боя, начали отступать дальше и дальше вглубь леса, метко разя наступающих воинов Крима.

Марк почувствовал, что битва проиграна. Теперь стало ясно: у битвы будет лишь один исход. Скоро Корлу окажутся на открытой местности у подножья горы. Там исход битвы будет решен однозначно.

– Постарайтесь остановить их! – прокричал Марк своим невидимым спутникам.

– Во имя бога! – отчаянно закричали Корлу и, сжимая копья и мечи, ринулись на врага, чтобы сойтись с ним лицом к лицу.

Меч против меча, копье против копья. Безумный хаос битвы, где Марк Брэдфорд напоминал берсеркера.

Он старался спрятать Луа за спиной. Пронзил копьем двух воинов Крима, а потом, выхватив меч, ринулся вперед на вопящую толпу коричневых туземцев.

Снова стали взрываться бомбы, и теперь обе стороны оказались с ног до головы выпачканы черной сажей. Корлу стали еще лучше видны. Марк увидел, как пал Фиор, пронзенный тремя копьями. Он заметил Гроро – короля–гиганта, который крутил над головой огромный меч и яростно кричал. А потом Куро, пронзенный множеством стрел, мертвый упал на траву.

– Мы погибнем, Марк! – закричала Луа – стройный, измазанный сажей призрак. – Сажа на нашей коже сделала нас видимыми. Это – наша гибель!

– Сажа? – удивился Марк. В его голове зародилась невероятная идея. – Мой бог, почему я не подумал об этом раньше? Ведь сажа – углерод! Кажется, это поможет нам победить!

Он закричал так, что его голос перекрыл шум битвы:

– К горе! – кричал он.

– Плохо, если нас заставят отступить внутрь горы! – воскликнула Луа. – Они перебьют нас в пещерах.

– Но я думаю, это – единственный способ нейтрализовать действие дымовых бомб Хогрима! – воскликнул Марк. – Пойдем!

Корлу слышали его команду и, сомкнув ряды, стали отступать ко входу в пещеры.

Марк и воины Корлу вошли в туннель, и тогда американец распорядился, чтобы опустили решетку. Но до того, как ее опустили, небольшая часть воинов Крима прорвалась в туннель.

Марк и его покрытая сажей орда словно безумцы накинулись на врагов и вышвырнули их прочь из туннеля. Тут — то американец обнаружил, что Этьен Мореа и высокий Питер Креллус, схватив невидимые мечи, уже сражаются в рядах защитников.

– Дьявол Хогрим выигрывает! – с ненавистью воскликнул Мореа. – Проклятые дымовые бомбы... нам оставалось только отступить.

– Мы должны опустить решетку, чтобы задержать их хотя бы на несколько минут... тогда мы победим! – воскликнул Марк. – Я смогу нейтрализовать оружие Хогрима. Нужно всего несколько минут.

– Диец, мы не сможем опустить решетку! – почти рыдал Мореа, яростно отражая удары могучих коричневых воинов. – Их слишком много!

Гроро, огромный король Крима, пробился вперед, ревя во все свое бычье горло.

– Вперед, люди Крима... Сияющий Бог станет нашим!

– Если приструнить эту птицу, у них поубавилось бы спеси, – сквозь зубы проскрипел Питер Креллус.

Внезапно тощий, искалеченный англичанин рванулся в самую гущу схватки, прямо к ревущему, быкоподобному королю.

– Нет, Креллус! – закричал Марк, но тут же понял самоубийственный поступок англичанина.

Четыре вражеских меча впились в его тело, но не остановили его.

Он пронесся прямо к Гроро. Король со всех сил обрушил на него свой огромный меч. Но перед этим Креллус последним усилием проткнул короля туземцев невидимым мечом.

Огромный король и его убийца упали одновременно. Печальный крик разнесся над воинством Крима, когда те увидели, что погиб их король.

– Теперь... все вперед! – закричал Марк.

Корлу волной захлестнули воинов Крима. И моментально враги побежали.

Клац! Тяжелая решетка скользнула по желобам и, встав на свое место, барьером отгородила толпу Корлу от воинов Крима.

– Берите бревна и ломайте решетку! – кричал снаружи Жозеф Хогрим.

– Отомстим за короля! Захватим Сияющего Бога! – ревели воины.

Крах! Огромный ствол ударил в решетку, и грохот пронесся по всем туннелям и пещерам городам—лабиринта.

– Они будут тут через минуту! – дико закричал Этьен Мореа. – Во имя бога, он умер как герой!

Голос Марка Брэдфорда заглушил грохот нового удара тарана. Воины снаружи дико взревели.

– Вниз, в обитель Бога, люди Корлу! – закричал американец. – Лучи Бога снова сделают нас невидимыми, и мы победим!

– Но потребуются часы, чтобы стать невидимым в лучах Бога! – возразила Луа. – Воины Крима окажутся тут через несколько минут.

– В этот раз Бог сделает нас невидимыми за несколько минут! – закричал Марк. Лицо его пылало. – Сажа – углерод, Луа! А лучи Бога делают углерод невидимым всего за несколько секунд... Помнишь драгоценный камень в моем кольце? Он стал невидимым за минуту.

– Может получиться! – согласился тонкий, пронзительный голос Нурта. – К Богу!

Корлу толпой тусклых измазанных сажей духов, прошли через лабиринт пещер и туннелей, спеша к сияющей обители.

Решетка уже начала поддаваться ударам вражеского тарана. В хриплом голосе Жозефа Хогрима слышались торжествующие нотки. Он продолжал командовать жаждущими крови дикарями.

Снова услышав его голос, Этьен Мореа хотел было повернуть назад, чтобы рассчитаться с коварным шпионом, Но

Марк крепко схватил француза и потащил его вместе со всеми в обитель Сияющего Бога.

Корлу ворвались в огромную пещеру Бога. Толпа, покрытая сажей, разбрелась по огромному залу в центре которого пылал радиоактивный камень, прожигающий насквозь ужасной радиацией, ослепляющий и превращающий реальную жизнь в сверхъестественную.

– Ciel! – удивленно воскликнул Мореа, когда увидел Бога.
– Сияющий Бог... величайший секрет невидимости... Хогрим и не подозревает, на что это похоже.

Грохочущие, отражающиеся от стен пещер звуки эхом доносились сверху. Потом послышался ликующий рев.

– Марк, они сломали решетку! – воскликнула Луа. – Они скоро окажутся здесь!

– Но посмотри! – возликовал Марк. – Посмотри, лучи уже выполнили свое дело!

Сажа, покрывавшая тела Корлу, уже стала совершенно невидимой! Орда теней Корлу исчезла. Марк и Луа тоже стали совершенно невидимыми. Лучи сделали невидимой сажу, очередной раз доказав силу Сияющего Бога.

Маленький Этьен Мореа остался один в большой, залитой ярким светом зале.

С триумфальным ревом воины Крима хлынули по туннелю в подземный город. Вопя во все горло Жозеф Хогрим подгонял их, перекрывая ликующие крики.

– Отойдите к стенам пещеры, – приказал Марк. – Когда они войдут, стреляйте из луков и бросайте копья, но только когда я вам прикажу.

Корлу быстро повиновались приказам Марка. Они сосредоточились вдоль стен гигантской пещеры. Луки оказались натянутыми, копья взяли наизготовку.

И вот, с ревом, воины Крима ворвались сплошной массой в палату. Они дико кричали. Их ослепило сверкающее великолепие бога невидимых людей, который мерцал в центре совершенно пустой пещеры.

– Сияющий Бог наш! – закричали они в безумном триумфе. – Корлу бегут!

Марк увидел коренастую фигуру в хаки. Жозеф Хогрим пробился сквозь толпу к возвышающейся над людьми массе Бога.

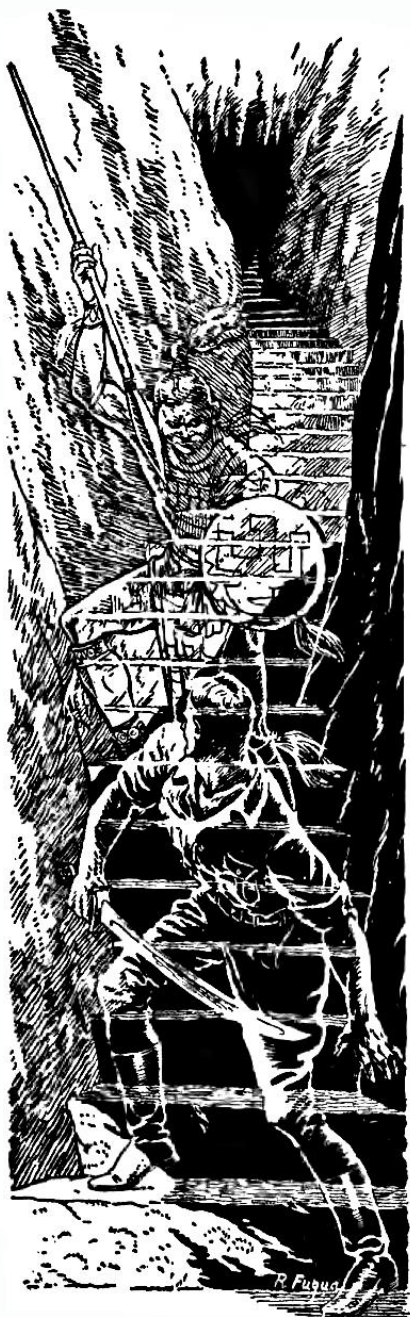
– Бог! – восхищенно закричал Хогрим. На его красном лице играли отблески сияния божества. – Теперь великий секрет в моих руках!

– Стреляйте! – закричал Марк Брэдфорд невидимым стрелкам.

И тотчас невидимые Корлу, стоявшие вдоль стен, опустили на столпившихся вокруг Бога воинов Крима облако стрел.

Воины с коричневой кожей падали под ударами невидимых противников. Дикий крик ужаса вырвался из их глоток, когда они осознали, что вновь столкнулись с невидимой смертью.

– Корлу снова стали невидимыми! – закричали воины Крима.

– Так используйте ваши бомбы! – приказал Хогрим. Некоторые из воинов Крима выполнили его приказ, стали швырять медные шары, которые, разрываясь, выбрасывали облака черного дыма.

Но дым поднимался... и тут же исчезал, становясь невидимым в излучении Сияющего Бога.

– Новое оружие не действует! – прокричал один совершенно испуганный офицер Крима. – Бежим... мы в ловушке!

Коричневые воины откатились назад к туннелю, ведущему в подземный город. Марк Брэдфорд и его невидимые союзники побежали вслед за врагами, держа мечи наготове.

Огромная пещера стала сценой кошмарной битвы, резни. Невидимые Корлу, словно духи, сеяли смерть, беспощадно поражая своих врагов.

У воинов Крима осталась лишь одна мысль... убежать туда, где их враги не смогут добраться до них. Но невидимые мечи и копья убивали их сотнями, в то время как они любой ценой спешили выбраться из пещер.

Марк Брэдфорд рубил и колот, прокладывая себе дорогу через бегущих, трясущихся от страха коричневых воинов, пытаясь добраться до Жозефа Хогрима. На красном лице шпиона Балтийской Империи был написан неподдельный ужас.

Тут Марк заметил Этьена Мореа, который гнался за Хогримом. Глаза маленького француза пылали от ярости, он размахивал своим мечом точно безумец.

– Мореа, вернись! – закричал Марк, но тут Хогрим и его преследователь исчезли в туннеле.

– Люди Корлу, убивайте! – звенел голос Нурта, перекрывая рев и гул битвы. – Не дадим спастись ни одной собаке!

Ужасное убийство продолжалось в лабиринте туннелей. Взбешенные, невидимые Корлу избивали бегущих, переполненных страхом воинов Крима.

У Марка не было возможности остановить убийство. Туземцы жаждали мести, ревели, гнались за своими врагами

по лабиринту пещер и переходов, которые хорошо знали – толпа духов, обезумевших от крови своих врагов.

Американец натолкнулся на Луа и попытался сделать так, чтоб девушка держалась поблизости от него, пока он пробирался через безумную толпу, наполнившую подземный город. У выхода из подземелий Марк обнаружил груды убитых воинов Крима.

Выжившие мчались через лес к своим каноэ. Их преследовали невидимые Корлу, нанося удары со всех сторон. Лишь немногие воины Крима добрались до своих лодок.

– Мы победили! – с радостью воскликнул Нурт. – победу дала нам сила... сила Бога!

– Где Хогрим? – спросил Марк Брэдфорд. – Он не мог просто так удрать. Уверен...

– Сюда, Марк, – озабоченно позвала Луа.

Она отвела американца в огромный зал, где лежало множество мертвых воинов Крима.

Среди мертвецов лежал и Жозеф Хогрим. Его лицо стало пурпурным, щеки раздулись, а глаза вылезли из орбит, уставившись в пустоту.

Рядом с мертвым шпионом Балтийской Империи, сидел на коленях Этъен Мореа. Его тело покрывало с полдюжины ужасных ран, но на его обескровленном лице светилась улыбка. Его глаза, похоже, уже ничего не видели.

– Мореа! – испугавшись, рванулся Марк к маленькому французу.

– Я достал... Хогрима, – прошептал Мореа едва слышно. – Мой меч сломался, но я задушил его.

Луа всхлипнула. Слезы навернулись на глаза Марка, он присел рядом с французом.

– Креллус и я... сделали то, что нужно, – прошептал Мореа. – Но тайна Бога спасла вас, Брэдфорд, спасла Америку и весь мир.

Его голова поникла. Губы еще некоторое время двигались, но беззвучно, а потом прозвучали последние слова:

– C'est loin de France¹⁰, – прошептал француз. – До Франции далеко...

После этих слов он откинул голову, тело его спокойно вытянулось.

Марк почувствовал, как его горло свел спазм и крепко обнял за плечи рыдающую Луа, прижал ее к себе. Минуту они сидели так, пока не услышали голос Нурта.

– Идите наверх, – говорил он невидимым воинам Корлу. – Ищите, где могли бы спрятаться воины Крима и будьте внимательны. Нападение может повториться. Даже если они и уплыли, и все благополучно закончилось, нам надо хорошенько следить за чужеземцами, которые могут принести в Крым новое оружие. А пока мы в безопасности. – Потом старик обратился к Марку. – Ты можешь остаться с нами, даже править племенем...

– Нет. Мне надо вернуться в свою страну и донести ваш секрет, – ответил старику Марк Брэдфорд. – Я... и Луа.

Он взял за руку невидимую девушку.

– Ты пойдешь со мной, Луа?

Теплые, невидимые руки обвилились вокруг его шеи.

– Куда угодно, Марк! Куда угодно!

ЭПИЛОГ

Военный секретарь что-то листал, когда его помощник, щелкнув каблуками, доложил:

– Агент Брэдфорд прибыл, сэр.

Квадратное умное лицо Секретаря засветилось от радости. Он встал и сам вышел навстречу вошедшим мужчине и женщине.

Марк Брэдфорд был одет в цивилизованную одежду. Подтянутая, спортивная фигура, темное мужественное лицо. Он отдал честь.

¹⁰ Это далеко от Франции (фр.)

Рядом с ним стояла темноволосая девушка с приятной внешностью и большими темными глазами. Даже в простом белом костюме она выглядела как—то необычно.

– Брэдфорд, вы не представляете, как я рад снова видеть вас! – сказал Секретарь. – Я думал над вашим рапортом, о том, что вы и ваша жена были невидимы.

Марк нахмурился.

– Мы были невидимы... да, но путешествие через джунгли заняло слишком много времени. Мы очень долго плыли по протокам и рекам. За это время невидимые клетки отмерли, и мы теперь видимы, как и все остальные люди. Еще до того, как мы достигли цивилизованных мест, я впервые увидел лицо моей будущей жены.

И его рука легко обняла тонкую талию девушки.

– Вы, Брэдфорд, написали, – продолжал Секретарь, – что привезли с собой этот великий секрет.

Марк полез в карман и достал оттуда вещьцу размером не больше теннисного мяча – кусочек камня, сверкающий, словно крошечное солнце.

– Вот, – спокойно сказал он. – Это – кусочек Сияющего Бога. Люди Луа позволили мне забрать маленький кусочек. Пусть наши ученые разберутся и искусственно создадут источник такого излучения, чтобы мы смогли сделать невидимыми нашу армию и авиацию.

Он передал камень Секретарю.

– Возьмите его, сэр... Он завернут в бумагу, но теперь она уже стала невидимой.

Секретарь удивленно взял маленький светящийся камень в руку и нажал кнопку на столе.

Он передал камень вошедшему офицеру.

– Отнесите это в лабораторию, – приказал Секретарь. – Мы соберем самых лучших ученых, чтобы они сделали анализ и воспроизвели такое излучение. А до тех пор камень останется в полной безопасности.

Когда человек в военной форме ушел, Секретарь снова повернулся к Марку и Луа.

– Я хочу добавить, сэр, – начал Марк, – что без помощи Питера Креллуса и Этьена Мореа мне никогда не удалось бы раздобыть этот секрет.

– Понимаю, Брэдфорд, – кивнул Секретарь. – Я хотел бы услышать всю историю. Но не здесь, кое–кто тоже хотел бы послушать.

– Кто? – удивленно спросил Марк.

– Президент.

Два часа спустя, когда хозяин кабинета, Марк и Луа вышли из Белого Дома под яркие лучи солнца, Марк глубоко вздохнул.

– Он заставил меня рассказать обо всем! – воскликнул Марк. – Но что он сказал, когда мы закончили... Пусть секрет остается секретом?

Секретарь кивнул и задумчиво замолчал. Тем временем Марк повторил про себя то, что услышал от президента:

– Тайна Сияющего Бога будет спрятана в архивах военного министерства. Она станет ужасным оружием, если, конечно, понадобится. Но давайте помолимся Богу, чтобы этот секрет так и остался секретом.

СОКРОВИЩЕ ГРОМОВОЙ ЛУНЫ

ЗА БОРТОМ

«Может быть, хоть сегодня повезет, — с отчаянием подумал Джон Норт. — Если только они не подумают, что я слишком стар».

Небольшого роста, жалкий в своем потертом черном костюме из синтешестри, он пробирался между доками огромных межпланетных кораблей среди торопливых чиновников, хвастливых молодых межпланетников и потных носильщиков к зданию местной конторы компании.

Оперативная контора Межпланетной компании по металлам и минералам, этой гигантской корпорации, известной повсюду под именем просто Компании, была огромным зданием из сверкающего хромосплава. Позади нее возвышались краны складов и доков, ворочавшие грузы из других миров.

Джон Норт задержался перед входом, чтобы поглядеть на свое отражение в полированной металлической стене, и деловито разгладил измятую куртку. Сердце у него упало, когда он увидел свое отражение. Темные волосы поредели на висках, вокруг черных глаз виднелись синие пятна усталости, загорелое лицо казалось худым, осунувшимся и старым.

— Тридцать семь лет не старость! — яростно сказал он себе. — Даже для межпланетника это не старость. Я должен выглядеть молодым, чувствовать себя молодым!

Но нелегко чувствовать себя молодым, когда голод мучит, начиная с полудня, когда предчувствие неудачи не оставляет ни на минуту, когда плечи сутулятся от двадцати лет трудов, лишений и отчаяния.

— Выпрямиться — вот что нужно, — пробормотал Норт. — Выглядеть ловким, бодрым, пылким и улыбаться.

Стараясь сохранить механическую улыбку на своем худом, старо—молодом лице, он шел по шумному хромиевому коридору к кабинету нового распорядителя рабочей силой. Он прождал там, казалось, целую вечность, борясь с голодным головокружением. Наконец его вызвали.

Гаркер, новый распорядитель — человек лет сорока, с глазами, как буравчики, и крепко сжатым ртом — сидел за большим столом, диктуя список материалов почтительному молодому секретарю. Он нетерпеливо взглянул на нервно откашливавшегося Норта.

— Джон Норт, сэр, ищу работы, — произнес Норт, стараясь походить на плакатное изображение ловкого и расторопного межпланетника. — Имею свидетельство М. О.

— Межпланетный офицер, да? — сказал Гаркер. — Ну да, нам нужно сейчас несколько хороших пилотов для рейса на Юпитер. Посмотрим ваши бумаги.

Это была минута, которой Норт боялся. Медленно протянул он сложенный истрепанный документ. Плечи у него слегка поникли, пока он ждал.

Распорядитель кадрами перевернул истрепанный листок, и его острые глаза начали читать послужной список на обороте. И вдруг он поднял их.

— Тридцать семь лет! — отрезал он, швыряя документ на стол. — Зачем вы сюда явились? Разве вы не знаете, что Компания никогда не берет людей старше двадцати пяти?

Джон Норт с трудом удерживал свою механическую улыбку.

— Я могу быть полезным для Компании, сэр. У меня двадцать лет опыта космических полетов.

— То—есть пятнадцать лишних, — грубо ответил чиновник. — Межпланетник кончает в тридцать лет. Мы не доверяем своим кораблям изношенным людям.

Джон Норт почувствовал, что его слабая надежда гаснет. Этот новый распорядитель кадрами держится той же точки зрения, что и все прочие.

Молодой секретарь с любопытством посмотрел на Норта:

— Вы летали уже двадцать лет назад? Но это были первые дни космических перелетов!

Норт мрачно кивнул:

— Мой первый полет был с Марком Керью в его третьей экспедиции.

— И вы, кажется, считаете себя годным на большую работу потому, что были героем двадцать лет назад? — неприязненно спросил Гаркер. — Вот в чем трудность со всеми вами, старыми межпланетниками. Вы думаете, что если вам случилось быть в первых разведывательных перелетах, то вам и сейчас должны давать капитанские нашивки?

— Но я не прошу места капитана, — возразил Норт. — Мне не нужно даже офицерского места. Я приму любую работу: на циклотроне, на дюзах, даже просто на палубе. — Он прибавил с напряженной мольбой: — Мне нужна работа, очень нужна. А космические полеты — единственное дело, которое я знаю.

Чиновник фыркнул:

— Тем хуже для вас, если вы ничего другого не знаете.

Норт закусил губы и, чтобы скрыть свои чувства, стал глядеть в окно. Его усталые глаза устремились на высокую легкую металлическую колонну, поднимавшуюся в солнечном свете позади квадратной глыбы складов Компании.

Это был Памятник Пионерам Космоса, отмечавший то место, где много лет назад приземлился Горхэм Джонсон, вернувшись из своего первого межпланетного перелета. Норт вспомнил тот день, когда он сам выпрыгнул из корабля вслед за Керью к восторженно вопившей толпе, к высокопарным речам...

Он слепо шел назад по сверкающему коридору, сжимая в руке свой бесполезный документ. Выйдя на солнечный свет, к шуму и суеде космопорта, он остановился.

Венерианский лайнер, сигарообразной громадой возвышавшийся на ближнем стапеле, готовился к отлету. Норт слышал отрывистый гром проверяемых дюз. Пассажиры,

носильщики, офицеры Компании в серых мундирах спешили к кораблю. Оркестр начал играть веселую, бодрящую мелодию.

Норт помнил, что двадцать лет назад здесь был пустырь. Не было ничего, кроме шаткого сарая, в котором десятка два пылких молодых людей под руководством искалеченного, но неукротимого Марка Керью строили до смешного маленький и неуклюжий корабль для великого перелета, долженствовавшего прибавить Сатурн, Уран и Нептун к списку посещенных человеком планет.

Ему не хотелось возвращаться в утлый домишко на Киллистон—авеню. Старый Питерс, Уайти и все остальные товарищи так горячо надеялись, что он сможет сегодня достать работу. Им всем так нужны были деньги.

Он пожал плечами. Когда—нибудь они должны узнать эту грустную новость. Он побрел прочь от космопорта, теряясь в пестрой возбужденной толпе, собравшейся, чтобы проводить лайнер.

Киллистон—авеню была закоулком среди узких улочек вокруг космопорта. Ее грязные гостиницы, распивочные и дешевые ресторанчики ютились, как уродливые карлики, в тени огромных складов Компании. Норт свернул к своему дому и устало поднялся по темной лестнице на пыльный чердак, в котором жил с товарищами уже около полугода.

Некоторые из них были дома. Был, конечно, старик Питерс, сидевший в своем самодельном колесном кресле и глядевший через толпу крыш на отлет лайнера. Он повернул свою седую голову.

— Это ты, Джонни? — пропищал он, щуря выцветшие глаза. — Я сейчас смотрел на этот лайнер. Самый скверный отлет, какой мне приходилось видеть! — Он затряс головой. — Будь я проклят, если эти молодые межпланетники не становятся хуже с каждым днем!

Норт рассеянно согласился. Он привык к старику Питерсу. Старик не бывал на корабле уже пятнадцать лет, но никогда не уставал говорить и думать о прошлых днях.

— Мы бы не потерпели такой работы, — проворчал он. Норт обернулся. К нему подходил Стини. Стини было сорок три года, но у него было гладкое лицо и ясные голубые глаза, как у четырнадцатилетнего мальчика.

— Мы отлетаем завтра, Джон? — жадно спросил он у Норта.

— Нет, не завтра, Стини, — мягко ответил Норт, — может быть, послезавтра.

Стини вернулся в свое кресло в углу и сел, рассеянно улыбаясь. Он улыбался так уже целые годы, с тех пор как вернулся из последнего перелета с Венци жалким обломком человека с потрясенным разумом.

К Норту подошел Ян Дорак. Смуглый, плотный, коренастый межпланетник испытующе поглядел в усталое лицо Норта.

— Как повезло, Джонни? Новый распорядитель...

— Такой же, как и все, — медленно ответил Норт. — Я слишком стар.

Подошли Хансен, Коннор, высокий Уайти Джонс. Они слышали его слова.

— Ничего, они когда-нибудь позовут нас, — доверчиво прошептал Ларс Хансен.

— И, во всяком случае, у меня была сегодня работа, мы можем поесть, — заявил Майкл Коннор. — Глядите, ребята, консервы и синтепиво для каждого.

Рябое, веселое, красное лицо Коннора было беспечным, как всегда.

Уайти Джонс, косматый белокурый гигант лет сорока, сочувственно похлопал Норта по спине своей левой рукой. Правый рукав у Джонса висел пустым уже несколько лет, со дня взрыва дюзы на корабле Венци.

— Чертовски скверно с этим новым распорядителем, Джонни, — прогремел он. — Я надеялся, что с ним ветер переменится.

— Правила Компании не меняются, кажется, — пробормотал Норт. — Человек старше двадцати пяти лет не может надеяться, что его возьмут.

— К чёрту Компанию! — проворчал Уайти. — Как будто ты не лучший межпланетник, чем все эти непропеченные младенцы, что ездят в их лоханках!

Норт не ответил. Что пользы было повторять это снова! Они все еще считают себя молодыми пионерами—межпланетниками, летавшими с Джонсоном, Керью, Венци и другими великими первыми исследователями, которые открывали новые пути в Космосе своими историческими перелетами к другим планетам.

Но все это было позади. С тех пор все изменилось. Межпланетная навигация выросла из этого ненадежного зерна в обширное, выгодное предприятие алчных бизнесменов. Борьба за ценные металлы и минералы на других планетах заставила ее расти с невероятной быстротой.

И в этом похожем на взрыв росте первые пионеры Космоса были забыты. Многие из них умерли от трудностей первых перелетов в ненадежных, плохо оборудованных, примитивных кораблях. Великий Грэхэм Джонсон погиб в своем третьем путешествии на Юпитер. Марк Керью, его славный преемник, погиб двумя перелетами позже. Венци недолго прожил после своего разведочного полета на Плутон. От ожогов лучами, от внутренних повреждений, от сердечной слабости пионеры Космоса погибли почти все.

А уцелевшим жилось плохо. Это было неизбежно, как закон. Они были межпланетниками, единственным их интересом были смелые перелеты и первооткрытия. Поэтому они не собрали никаких богатств в мирах, которые открывали. За ними шли алчные спекулянты и прожектеры, жадно делая заявки на всякие запасы ценных металлов и загребая баснословные прибыли. А самая крупная добыча досталась в конце концов хитрым дельцам—финансистам, ни разу не покидавшим Земли, образовавшим гигантскую Межпланетную компанию по металлам и минералам. Она

поглотила или уничтожила всех более мелких конкурентов и стала высасывать прибыли из шахт на других планетах.

Стареющие, обнищавшие, объявленные теперь непригодными к полетам, бывшим их единственной работой, эти уцелевшие космические пионеры держались друг друга. Соединяя свои скудные заработки от случайных занятий, они жили и не теряли надежды, когда—нибудь снова летать. Но сейчас последняя надежда Джона Норта и его товарищей, казалось, умерла навсегда...

Они ели жадно, молча, потом вскрыли жестянки с синтепивом. Слабый свет падал на потрепанную группу, когда они сидели со стаканами и обсуждали последние межпланетные сплетни: о судах, считающихся пропавшими, о рекордном перелете на Меркурий, о недавнем финансовом пиратстве Компании на Юпитере.

Джон Норт слушал в этот вечер с чувством серой бесполезности. Ком горечи стоял в горле. Ему захотелось выйти на улицу, побыть одному.

Он распахнул дверь и тотчас же остановился. За дверью стояла девушка в нарядном белом платье из синтешелка, только что собиравшаяся постучать.

Она чуть слышно вскрикнула от удивления:

— Вы меня испугали...

Норт окинул ее взглядом. Она была молода, высока ростом, с легкой неуклюжестью незрелости, которая почему—то была прелестной. Он увидел темные волосы, ясные карие глаза, приоткрытые красные губы.

— Здесь ли живут эти люди? — серьезно спросила она, достав блокнот и читая по списку. — Майкл Коннор, Джон Норт...

— Да, это наша резиденция, — иронически ответил Норт. — Чему мы обязаны честью вашего посещения?

Он подумал, что понимает теперь. Это была представительница одного из благотворительных обществ, которые пытались время от времени подать их маленькой группе жалкую милостыню.

Милостыню тем, кто проложил пути через биллионы миль пространства, тем, кто открывал миры!

КЛАД НА ОБЕРОНЕ

Девушка, казалось, почувствовала враждебность Норта, и в ее поведении появилась какая-то неловкость.

— Меня зовут Алина Лоурел, — сказала она неуверенно.

— А меня Джон Норт, — сухо ответил он. — Что вам, собственно, нужно от нас? Я сейчас уйду...

Коннор, всегда неукротимо любезный, подошел, чтобы загладить его поведение:

— Стыдно, Джонни, разве так встречают самое очаровательное видение, когда-либо посещавшее эту пыльную нору? — Ирландец сделал великолепный жест. — Войдите, мисс, и не обращайтесь внимания на этого парня.

Алина Лоурел нерешительно вошла. Легкая неуклюжесть ее высокой тонкой фигуры делала ее даже еще моложе, чем показалось Норту сначала.

В ее глазах мелькнуло огорчение, когда она оглядела пыльный чердак, оборванных пожилых людей, вставших из-за стола. Потом она в упор посмотрела в лицо Коннора.

— Вы Майкл Коннор, да? — быстро спросила она. — Я так и думала. Отец рассказывал мне о вас.

Коннор озадаченно поскреб свою лысую голову:

— Ваш отец, мисс?

— Его звали Торн Лоурел, — пояснила она. — Вы помните?

— Ну, конечно! — вскричал Коннор. — Он был главным штурманом у Керью еще на старой «Грёзе пространства».

— Верно, я тоже помню, — кивнул Уайти Джонс. — Высокий спокойный человек. Погодите, он, кажется, погиб, где-то около Урана?

Алина серьезно кивнула:

— Да, я была тогда маленькой.

— Дочь Торна Лоурела! — воскликнул Коннор. — Ну, тогда вы одна из наших! Хансен, дай стул да оботри пыль с него.

Норт увидел, что его товарищи потянулись к девушке, и его первоначальная враждебность растаяла.

— Извините мою грубость, — сказал он ей. — Я думал...

— Вы думали, что я чужая, — ответила Алина с серьезной улыбкой.

Коннор представил ей остальных одного за другим, и они почти робко кивали девушке, внешность которой так не вязалась с этой компанией.

— Ты забыл меня! — раздался пронзительный оскорбленный протест Питерса.

Коннор широко улыбнулся:

— Старый бродяга в кресле на колесах — это все, что осталось от Джексона Питерса, старшего по циклотронам у Джонсона.

— У Джонсона? Горхэма Джонсона? — недоверчиво переспросила девушка. — Вы летали с ним?

— Вот именно, молодая леди, — гордо пропищал старик. — И никто больше на Земле не может сказать этого. Я последний из всех.

Глаза у Алины сияли:

— Ну, так я знаю всех вас по имени. Вы... вы сама история!

— Я вспоминаю теперь вашего отца, — сказал Уайти Джонс своим низким голосом. — Он умер на Уране от повреждений, которые получил, когда пытался найти залежи левиума на спутнике этой планеты — Обероне.

— Да, я тоже помню его, — согласился Коннор. — Он был только одним из множества замечательных людей, лишившихся жизни из-за этого лживого мифа о левиуме на спутнике Урана — Обероне, прозванном Громовой Луной.

— Этот левиум не миф, — возразила Алина спокойно. — Отец нашел его.

Они изумленно посмотрели на нее. Норт выразил общее недоверие, сказав:

— Но будь это так, об этом гремел бы весь мир! Такие залежи левиума, как о них рассказывали, стоят баснословно дорого! Вы хотите сказать, что ваш отец привез его тайно...

Алина покачала темноволосой головой.

— Нет, отец не привозил левиума с Оберона. Он едва вернулся сам умирающим. Но он нашел там залежь левиума. Я знаю это.

Она сунула руку в сумочку и достала листок пожелтевшей от времени бумаги, который осторожно развернула.

— Отец написал это перед смертью, — сказала она. — Он отдал записку моей матери. Она умерла недавно.

Норт прочел вслух несколько неразборчивых строк прыгающего почерка:

Залежь левиума в западном из трех вулканических пиков, поднимающихся из Пламенного Океана. Высадка возможна только на базальтовом плато близ копьевидной бухты на южном берегу. Применять двойную теплоизоляцию. Переезд к пикам на каменном плоту. Остерегаться Огневики.

— Кто эти Огневики? — спросил Коннор, почесывая голову.

— Странные живые существа, живущие на этой планете, — ответил Уайти.

Норт произнес, сомневаясь:

— Все это не очень ясно. Ваш отец мог бредить. Немногие вернувшиеся с Громовой Луны наполовину сошли с ума после своих злоключений в этом адском месте.

— Да, — пробормотал Хансен. — Вот почему этот чертовский спутник еще почти не исследован. Во всяком случае, никто сейчас не верит сказкам о левиуме.

— Когда мой отец вернулся, в кармане у него было вот это, — произнесла Алина, доставая что-то из сумочки.

Это был маленький стеклянный пузырек с крохотным кусочком минерала, светящегося ледяным, волшебным голубоватым светом. Сияющая крупинка лежала не на дне пузырька, а находилась наверху, прижимаясь к пробке.

— Левиум! — ахнул Коннор. — Самый странный, самый редкий минерал во вселенной! Да одно это крохотное зернышко должно стоить огромной суммы!

Все смотрели с жадным любопытством. Все они слышали о левиуме, но немногие, когда-либо видели его. До сих пор его было найдено всего несколько граммов. Это действительно было самое редкое, самое странное и самое неуловимое вещество во вселенной.

Левиум — это элемент с обращенной полярностью притяжения. Он отталкивает другие вещества, а не притягивает их. Уроненный кусочек левиума не падает наземь, он улетает в пространство.

— У меня его было больше, — сказала Алина. — Я недавно продала остальное, чтобы найти средства для своей экспедиции.

— Для вашей экспедиции? — переспросил Норт. — Уж не думаете ли вы послать экспедицию на Громовую Луну на поиски залежи левиума?

— Я хочу полететь с экспедицией на Оберон за ним, — поправила она. — Вот почему я искала всех вас, старых товарищей моего отца. Я хочу, чтобы вы отправились со мной.

Предложение было настолько неожиданным, что Джон Норт был на мгновение ошеломлен. Коннор испустил радостный вопль.

— Слава богу, мы опять можем лететь в Космос! Мисс, вы принесли нам самую лучшую новость, какую мы когда-либо слышали!

— Но я не понимаю, почему вам понадобилась горсточка старых пилотов вроде нас для такого предприятия? — с недоумением спросил Уайти.

— Потому, что вы и есть старые пилоты, — серьезно ответила Алина Лоурел. — Я знаю, что вы, забытые миром,

лучшие межпланетники, какие есть на свете. И я знала, что вы согласитесь, так как это было бы шансом помочь всем другим забытым пионерам Космоса, тем разбросанным по свету людям, которые теперь больны, искалечены, выброшены из жизни и не могут помочь себе сами.

Она продолжала свое торопливое объяснение:

— Эта залежь левиума может стоить миллионы. Мы получим, наконец, средства для помощи всем больным, беспомощным, старым межпланетникам, какие еще остались в живых. Я знаю, что этого хотел всегда и мой отец.

Джон Норт ощутил комок в горле. Он отлично знал, что может означать такая помощь для его прежних товарищей — разбросанных по свету инвалидов.

— Какая же вы славная, мисс Лоурел, — сказал он с глубоким чувством. — Я хотел бы, чтобы мы смогли исполнить вашу мечту. Но... боюсь, что такая экспедиция невозможна. Вы не представляете себе Оберона!

— Это верно, — пробормотал Уайти Джонс, остывая от своего возбуждения. — Высокие температуры атмосферы, потоки лавы на этой Луне убивали всякого, кто пытался ее исследовать. Даже большая экспедиция, посланная для разведки Компанией, не вернулась оттуда.

— Но мой отец оставил, указания, как бороться с тамошними опасностями, — напомнила Алина. — Он указал, в каком месте можно высадиться на Обероне благополучно.

— Довольно слабая надежда, — задумчиво произнес Норт. — Не думаю, чтобы какое-нибудь место на Обероне оказалось безопасным для посадки. Но он, вероятно, узнал, что-нибудь. Вполне возможно, что там нужно садиться, чтобы...

— Конечно! — заявил восторженно Коннор, красное лицо которого сияло от возбуждения. — Чёрт возьми, это случай снова попасть в пространство! Неужели мы откажемся от него?

Норт пожал плечами:

— Кроме того, у нас нет корабля, нет денег на его покупку. Вот почему я сказал, что это невозможно.

— Но у меня уже есть корабль! — быстро возразила Алина.
— Я продала кусочек левиума и купила у Компании старый двенадцатиместный крейсер. Документы на него мне должны передать сегодня вечером.

Она прибавила нерешительно:

— Боюсь, что это довольно старая машина. Она ходила рейсами на Сатурн, пока не вышла в отставку. Но это было единственное судно, которое я могла купить за небольшую цену и которое могло бы дойти до Урана.

— Если у нее держатся вместе хоть две пластины, мы донесем ее на руках до Урана и обратно! — воскликнул Коннор.

Джон Норт почувствовал, что энтузиазм прочих заражает и его. Он увидел счастливый случай попасть в Космос еще раз и завоевать средство, которое позволит создать человеческие условия жизни для его старых, позабытых товарищей.

— Мы с Уайти пойдем с вами осмотреть корабль, — быстро сказал он Алине. — Но как насчет оборудования? Как с двойной теплоизоляцией, о которой сказано в письме вашего отца?

— Мы достанем ее, вероятнее всего, на самом Уране, в Лунном Городе на Титании, — ответил Уайти.

Лицо у Алины вытянулось:

— Но на это понадобятся деньги. А их у меня, боюсь, осталось немного.

— Не тревожьтесь, мы сами позаботимся об этом, когда будем там, — весело уверил её Коннор.

— Мы полетим послезавтра, правда, Джонни? — спросил у Норта Стини со своей ясной улыбкой.

— Конечно, Стини, — мягко ответил Норт. — Послезавтра.

— Я приготовлю свою сумку, — торопливо сказал Стини, забываясь дальше в угол. — Я буду готов.

— Бедный, — пробормотал старый Питерс. — Он думает, что мы возьмем его с собой.

Уайти поглядел на старика:

— Ты думаешь, что тоже полетишь?

— Хотел бы я знать, почему нет! — вспыхнул Питерс, и его выпцветшие глаза замигали. — Я летал, когда все вы были еще сопливыми ребятишками, не забывайте этого! Хотел бы я знать, как это вы оставите меня здесь...

Норт и Уайти спускались по лестнице с Алиной Лоурел.

— Женщина, которая убирает здесь, присмотрит за Питерсом и Стини, пока нас не будет, — сказал Норт. — Но нам придется быть дипломатичными с ними.

— Они... мне хочется плакать при виде их, — тихо проговорила Алина...

Сумерки спускались над беспорядочной, шумной Киллистон-авеню, когда двое мужчин и девушка направились к космопорту. Вскоре они достигли верфи, где Компания держала запасные корабли и оборудование.

Верфь была окружена высоким забором, длинными металлическими бараками, нагромождениями баков для горючего, кислорода и воды, штабелями ракетных дюз, частей к циклотронам и корпусных пластин. Часовой у ворот, одетый в серый мундир Компании, узнал Алину и пропустил их.

Она повела их к дальнему доку, где возвышалась потускневшая торпедообразная масса двенадцатиместного крейсера для дальних перелетов. На его корпусе виднелись вмятины. Выступающие дюзы казались изношенными и непрочными. На носу была надпись: «Метеор».

Они вошли, и Алина с беспокойством следила, как Уайти и Норт проверяли оборудование. Они начали с потемневших циклотронов, внимательно прослушали их пульсирующее жужжанье, проверили управление, нажимая на рычаги и педали.

— Ну, откровенно говоря, эта лодочка натерпелась трудов, а ее циклотроны номер три и номер пять не очень прогрессируют, — сказал Уайти Алине, когда они вышли. — Но все равно она доставит нас на Уран.

Норт кивнул:

— Но мы должны смотреть, чтобы не налететь на что-нибудь в пространстве. Управление не очень-то чуткое.

Алина облегченно вздохнула:

— Я рада, что корабль сможет работать. — Потом она указала на другой конец верфи: — Вот идет мистер Карсон, через него я купила корабль у Компании.

К ним подошли два человека в серой форме служащих Компании. Карсон был коренастым человеком средних лет, а его спутник — молодым человеком приятного вида с офицерскими звездочками на воротнике. Норт и Уайти задрожали от отвращения при виде ненавистных мундиров Компании.

— Моим друзьям понравился «Метеор», — быстро сказала Алина. — Мы вскоре сможем взять его отсюда.

Карсон покачал головой:

— Но, мисс Лоурел, боюсь, что мы должны расторгнуть нашу сделку. Я не могу продать вам «Метеор».

— Но я дала вам чек за него! — изумленно возразила Алина.

Карсон подал ей листок бумаги.

— Вот он, мисс Лоурел. Вот этот джентльмен, мистер Филипп Сидней, объяснит вам все.

Филипп Сидней, молодой офицер Компании, выступил вперед. На его правильном лице отразилось замешательство.

— Есть приказ из Главного Управления, мисс Лоурел, — сказал он. — Генеральный директор запретил продажу вам корабля. Но мы с радостью дадим вам новый корабль и команду для вашей экспедиции, если вы обещаете разделить с Компанией весь левиум, который найдете.

Норт быстро спросил у девушки:

— Говорили ли вы Компании, зачем вам нужен корабль, зачем вы летите?

Она ошеломленно покачала головой:

— Нет. Я не понимаю...

Филипп Сидней пожал плечами:

— Мы знаем, что вы летите за левиумом, мисс Лоурел. Компания никогда не верила рассказам о больших залежах на Обероне и слухам о том, что ваш отец нашел их. Но несколько недель назад вы продали одной фирме кусочек левиума. Мы узнали об этом сразу же. Нетрудно догадаться, что ваш отец нашел это вещество и что вы хотите лететь именно за ним.

— Значит, ваша прекрасная Компания решила немедленно вмешаться? — резко спросил Норт. — Так?

Филипп Сидней покраснел:

— Это приказ Главного Управления, и я только повинуюсь ему. Если мисс Лоурел уступит Компании восемьдесят процентов всех найденных ею драгоценных минералов, то мы дадим ей корабль и команду.

— Восемьдесят процентов?! — недоверчиво вскричала Алина. — Но это оскорбительно! Я никогда не сделаю этого!

Сидней сделал смущенное движение:

— Тогда я боюсь, что вы совсем не получите корабля. Ведь купить его можно только у Компании, и вы это знаете.

Уайти Джонс с потемневшим от ярости массивным лицом ступил вперед, сжимая кулак:

— Ну, грязная вы крыса...

— Сдержись, Уайти, — прервал Норт. — Этот парень только выполняет приказ, и ссориться с ним бесполезно.

Он повернулся к Алине:

— Лучше обдумайте его предложение. Это грабеж, конечно, но все же вы можете разбогатеть, а иначе не получите ничего.

Сохраняя наружное спокойствие, Норт чувствовал, что холодеет внутри. Его стремительная, почти дикая надежда снова вернуться в Космос, помочь старым заслуженным товарищам исчезла, как дразнящий сон.

— Это верно, мисс Лоурел, — серьезно произнес Филипп Сидней. — Двадцать процентов гораздо лучше, чем ничего. Вы должны обдумать наше предложение.

— Я никогда не соглашусь на такую вещь, — вызывающе возразила Алина. — Друзья моего отца — мои партнеры, и никогда я не откажусь от них. — Она сердито отвернулась.

Все трое подавленно молчали, медленно возвращаясь к старой гостинице. Сумерки стали ночью, и на Киллистон-авеню мягко зажглись голубые электросветильники. Межпланетники уже спешили к шумным увеселительным заведениям, ждавшим возможности обогнать команды приземлившихся кораблей. Из космопорта доносилось глухое «блям—блям» садящегося лайнера.

Норт прервал тяжелое молчание.

— Спасибо за то, что вы вспомнили о нас, — сказал он девушке. — Но теперь этого не нужно. Сидней дал вам хороший совет.

Глаза Алины вспыхнули:

— Он отвратителен! Расторгнуть сделку после того, как я купила корабль...

— О, он только исполняет приказ, и это, кажется, не нравится ему самому, — сказал Норт. — Но он прав: двадцать процентов все же лучше, чем ничего.

— Конечно, не надо вам терять своего состояния, чтобы помочь нам, — проворчал Уайти. Его массивное лицо слегка вытянулось, когда он прибавил: — Но сказать это остальным будет трудновато.

...Коннор и прочие в пыльной каморке жадно вскочили навстречу им.

— Ты видел корабль, Джонни? — возбужденно спросил ирландец. — Может ли он дойти до Урана?

— Как с горючим? — спросил Хансен. — Когда отлет?

Сердце у Норта сжалось, когда, рассказав о случившемся, он увидел подавленное выражение их стареющих лиц.

— Не волнуйтесь, мисс, — отважно сказал Коннор Алине. — Было так приятно, что вы хотели помочь нам.

— Я хочу, чтобы вы слышали меня, — гневно произнесла девушка. — Во-первых, меня зовут Алина, а не мисс. Во-

вторых, я не приму никакого предложения, вроде того, какое мне делает Компания.

— Но вы не можете жертвовать собственными интересами, чтобы помогать нам, — возразил Норт.

— Поймите, глупо вступать в договор с Компанией, — заявила она. — Вы знаете их разбойничьи манеры в делах не меньше, чем знаю я. Как вы думаете, неужели, узнав, что я могу рассказать им, прочтя записи моего отца, и достав левиум, они поделятся со мной?

— Клянусь небом, она права! — вскричал Коннор. — Пираты, что сидят в Компании, не задумаются ни на миг, чтобы обмануть ее, и, уверяю вас, это будет наименьшим из злодейств, совершенных ими.

Норт ощутил смятение. Он знал, что это правда. Бессовестные и безжалостные проделки Компании стали пословицей. Ее заправилы были заинтересованы только в том, чтобы выжимать максимальные прибыли из любой сделки.

— Это верно, что иметь с ними дело нелегко, — медленно произнес он хмурясь. — Но что еще вы можете сделать?

— Мы полетим на Оберон за левиумом, как условились, — твердо объявила она. — И полетим в моем корабле. Они продали мне «Метеор». Он мой. И я полечу на нем.

Уайти потряс своей огромной головой:

— Они никогда не отдадут вам его. Они затянут дело на целые годы, если вы подадите на них в суд.

— Мы не пойдем по судам, — возразила Алина. — Мы просто возьмем свой корабль, оставим за него чек и полетим.

— Но они обвинят нас в пиратстве, — запротестовал Норт. — Они...

Он запнулся. Оглянувшись на остальных, он увидел в глазах каждого ту же внезапно возбужденную решимость, которую ощутил сам.

— Они обвинят нас в пиратстве, — пробормотал он, — но нас уже не будет. Если мы сможем улететь...

Лицо Уайти пылало.

— Чёрт, а почему бы нет? Корабль по праву принадлежит Алине. И если мы можем взять его, чтобы найти левиум, чтобы помочь своим старым товарищам, мы его возьмем!

Норт быстро заговорил:

— Нам нужно лететь нынче ночью. Погрузить горючее надо раньше, чем поднимется тревога. Все антитермическое оборудование будем добывать на Уране, на луне Титании, если мы доберемся туда.

Он добавил предостерегающе:

— Но Компания поднимет бурю во всей Системе, чтобы остановить нас. У них есть станции почти повсюду.

— Ха, посмотрел бы я, как эти мальчишки, которых они называют межпланетниками, смогут остановить нас, — проворчал Хансен. Его синие глаза блестели.

— Сможем ли мы сделать это нынче ночью? — спокойно спросил Ян Дорак.

В КОСМОС

— Нужно подумать о горючем и о провизии, — размышлял Норт. — Мы можем взять горючее, кислород и воду из бункеров на верфи Компании, если только выключим сигнализацию тревоги. Но провизия...

— Я могу закупить всю нужную провизию и доставить ее ночью на верфь, — быстро предложила Алина.

— Ну, тогда пусть это будет ночью! — взорвался огромный Уайти. — Что значит несколько часовых, если они стоят между нами и путем к удаче? Приказывай нам, Джонни!

— Я — вам? — изумленно отозвался Норт. — Что за чёрт, но ведь я не капитан. Я еще щенок, самый младший из всех вас.

— Вот почему тебе и нужно быть старшим, — решительно загремел Уайти. — Ты самый молодой и самый проворный. У меня одна рука, Коннор — циклотронщик, Хансен — штурман, а у Дорака плохие глаза.

Остальные отозвались одобрительным хором. Норт нахмурился.

— Ладно, но будь я проклят, если чувствую себя на своем месте, приказывая вам. И это капитанское звание будет только на время.

Он быстро отдал приказания:

— Дорак, ты пойдешь с Алиной и пригонишь машину с провизией на ту верфь к одиннадцати часам. Хансен, начинай вычислять наш предварительный курс по С-образной кривой к Урану. Коннор, проберись на верфь и погляди, что делается вокруг «Метеора». Мы с Уайти будем там ровно в десять...

Когда они разбежались, старый Питерс подкатил свое кресло и задал тревожный вопрос:

— Ты не забыл о нас со Стини, Джонни? Неужели вы оставите нас здесь?

— Так нужно, — серьезно ответил Норт. — Ты сам знаешь, что ты слишком стар для перелетов, Питерс. Нагрузки при отлете могут убить тебя.

Старик принял это лучше, чем Норт ожидал.

— Ну, может быть, ты и прав, — пробормотал он, — хотя мне и хотелось бы увидеть пространство еще раз перед смертью.

— Разве мы не полетим с тобой, Джонни? — спросил Стини с ошеломленным выражением в своих пустых глазах. — Разве вы не возьмете нас?

— Мы не можем, Стини, — мягко ответил Норт. — Кто-то должен остаться, чтобы ухаживать за Питерсом. Видишь ли, мы хотим, чтобы это был ты.

— Но я понадоблюсь, потому что я хороший пилот, — настаивал Стини. — Говорят, я был лучшим пилотом, когда-либо поднимавшим звездолет, правда, Уайти?

Уайти сострадательно кивнул:

— Да, так говорят, Стини, и это правда. Ты был величайшим пилотом из всех в те прежние времена.

— Конечно, и ты понадобишься нам в следующем перелете, — подтвердил Норт. — Но на этот раз я хочу, чтобы ты остался. Это приказ, Стини.

Из туманного, полузабытого прошлого Стини извлек четкое движение салюта:

— Есть! Я повинуюсь.

Вместе со стариком в колесном кресле он следил в течение нескольких последующих часов, как Норт и Уайти лихорадочно помогали Хансену рассчитать курс на Уран и упаковать несколько оставшихся у них летных костюмов в плотные пакеты.

Коннор вернулся минут через сорок. Его лицо было пунцовым от возбуждения.

— На той верфи только двое часовых, — сообщил он. — Один у главных ворот, один у боковых.

— Мы с ними справимся, — заявил Норт. Он взглянул на свои часы. — Пора идти!

Они нерешительно поглядели через, полутемный чердак на Питерса, свернувшегося в кресле, и на Стини подле него.

Норт и трое остальных молча спустились по темной лестнице на улицу. Они тихо двинулись по яркой, шумной, тесной улочке к космопорту, красные и зеленые огни которого висели высоко в звездном небе.

Пламя ракеты косо рванулось к небу, — это транспортный корабль снялся с дока. Норт затрепетал. Вот уже почти два года, как он не был в пространстве. Сейчас он чувствовал себя опять семнадцатилетним и снова гордо шел с молодым Уайти к сумасшедшему кораблику Керью, который должен нести их в неизвестное.

В тени башни вблизи передних ворот запасной верфи Компании Норт остановился. — Нужно открыть дверь, — прошептал он. — Подождите здесь.

Он вошел в пятно света перед воротами и нажал кнопку звонка.

Часовой, коренастый человечек в серой форме Компании, стал зорко разглядывать его сквозь прутья ворот.

— Мистер Сидней послал меня за отчетом, который оставил здесь сегодня, — беспечно сказал Норт. — Откройте мне! Часовой колебался. — Вы не в форме, — заметил он.

— Я не из рабов вашей Компании, — весело возразил Норт. — Я товарищ Сиднея. Скорей, человече, не держите меня здесь всю ночь

Несколько колеблясь, часовой отпер ворота.

— Покажите теперь, где этот корабль «Метеор», — попросил Норт. — Он оставил бумаги внутри корабля.

Часовой повернулся, чтобы показать:

— Вот там...

Кулак Норта обрушился на угол его челюсти. Он упал, как груды тряпья. Норт тихо свистнул. Коннор, Уайти и Хансен мелькнули в воротах. Они быстро связали часового, заткнули ему рот, а потом молча поползли к боковым воротам. Второй часовой тоже был мгновенно связан.

— Стереги у главных ворот, Уайти, — приказал Норт. — Хансен, вот ключ от электросигналов. Кажется, их сейчас нужно проверять. Ступай постарайся разыскать их все. Мы с Коннором пойдем за горючим и кислородом.

Достигнув «Метеора», Норт стал искать линии горючего, кислорода и воды. Они должны быть, где-то близ дока, он знал это. Наконец он нашел три толстых трубопровода, идущих от подземных цистерн на другом конце верфи.

Вместе с Коннором ощупью они соединили гибкие муфты с входными патрубками на корпусе корабля.

— Теперь иди на склад и включи насосы, — сказал он, задыхаясь, своему товарищу. — Я буду следить за указателями и дам две вспышки, когда бункеры наполнятся.

Коннор убежал. Вскоре Норт услышал глухой шум насосов. А через несколько секунд из труб, которые вели в «Метеор», послышался журчащий шорох.

По одной из труб в бункеры корабля шла пылевидная медь, для питания циклотронов жидкий кислород поступал под давлением через другую трубу, а вода — через третью.

Скорчившись в кресле пилота внутри тесной кабины, Норт зорко следил за указателями, пользуясь для освещения фонариком часового. Вдруг в тесную темную каютку просунулась голова Хансена.

— Кажется, я нашел все электросигналы, — хрипло сообщил он. — Я был во всех уголках дока.

— Отлично, ступай к главным воротам, там Уайти, — приказал ему Норт. — Я думаю, Алина и Дорак уже привезли провизию.

Приборы показали, наконец, что бункеры «Метеора» полны. Стук насосов умолк. Норт разъединял патрубки, когда к нему подбежал Коннор.

Позади ирландца появился из мрака маленький грузовик с выключенными фарами. Алина и Дорак быстро выскочили из него, а за ними появились Хансен и Уайти.

Лицо Алины казалось белым пятном во мраке, таким оно было бледным, но голос дрожал от восторга, когда она сообщила Норту:

— Я оставила чек за корабль на связанном часовом. Провизия привезена.

— Идемте внесем ее, — приказал Норт. — Коннор, ступай к циклотронам и включи инжекторы. Нам нужно отлететь быстро. — Спеша и натываясь друг на друга в узких коридорах, они погружали плоские ящики с концентрированной провизией, когда слышался громкий предостерегающий шёпот Алины. Норт выскочил в темноту. Он услышал слабый скрип колес, а потом тишину прорезал тонкий голос:

— Готовы мы к отлету, Джонни?

— Святые кометы, да это Питерс? — ахнул Уайти. — Как, чёрт возьми, он попал сюда?

Эта загадка объяснилась скоро. Кресло старика инвалида вел Стини.

— Так вы хотели оставить старика одного, да? — хихикнул Питерс. — Как бы не так! Как только вы ушли, я велел Стини везти меня сюда.

— Я лечу в этом корабле, Джонни? — спросил Стини.

Норт застонал.

— Вам надо вернуться, Питерс! Вам со Стины нельзя лететь...

— Я полечу или узнаю, почему нет, — пропищал пронзительный голос старика. — Вы не отнимете у меня последнего шанса опять попасть в пространство. Я полечу или начну вопить сейчас же.

— Придется впустить их, Джонни, — простонал Уайти. — Старик разбудит всех в порту!

— Ладно, забирай их внутрь, — беспомощно сказал Норт. — Скорей, нам нужно еще взять последние ящики...

Бам! Бам!... Они подпрыгнули — это где-то поблизости в темноте яростно и громко зазвонил колокол.

— Чёрт, я, наверно, пропустил какой-нибудь из сигналов! — вскричал Хансен. — Все пропало! — Сквозь адский звон сигнального колокола слышались отдаленные тревожные крики. Визжали свистки. Большие прожекторы на башнях космопорта брызнули голубовато-белыми лучами.

— В корабль! Оставим эти ящики! — закричал Норт. — Полиция Компании будет здесь через две минуты!

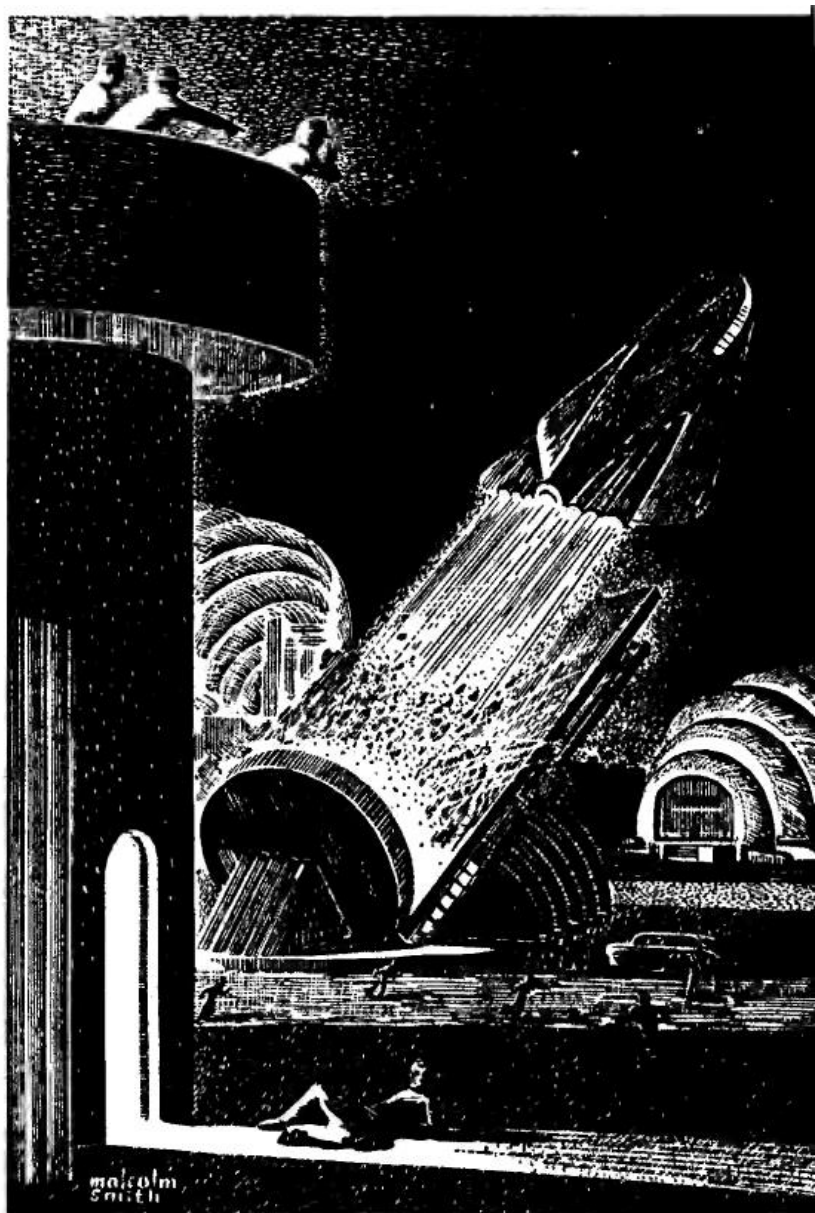
Уже кричали сирены. Издали слышался рокот машин, мчащихся к верфи. Голубые лучи прожекторов поймали и ослепили межпланетников в тот момент, когда они бросились к кораблю.

— Коннор, к циклотронам! — раздался голос Норты. — Хансен, двери! Остальные по гамакам!

Он кинулся в кабину управления и схватился за рубильник. Свет брызнул из затененных абажурами ламп и осветил панель с циферблатами и маховичками, рычаги и педали.

Руки Норты с лихорадочной быстротой распутывали шнуровку пилотского кресла. Огромный Уайти взбирался в другое кресло рядом с ним. За лязгом герметической двери последовал взрыв, громоподобный грохот, сотрясший обшивку старого корабля. Коннор включил циклотроны.

Руки Норта стиснули пусковой рычаг. Рывком двинув его вперед, в центральное положение, он включил килевые ракеты.

В иллюминатор он увидел с полдюжины ракетных машин, спешащих к ним через верфь. Из машин выскакивали люди, наводя оружие, выкрикивая неслышные команды...

Норт ощутил вдруг ледяное спокойствие. Сказались двадцать лет опыта пилота. Он снова был во власти дисциплины. Держа пусковой рычаг точно в центре, он нажал на педаль циклотрона и переключил управление на автоматическое.

Заскрипели эластичные пружины кресла: ускорение обрушило на них удесятеренную тяжесть грузного тела Норты. Гигантские железные руки сдавили ему грудь, мешая дышать. В голове загудело, глаза застлал красный туман.

Но он увидел, что огни, доки и кричащие люди снаружи исчезли, как по волшебству. Звездное небо в иллюминаторе закачалось от содроганий рванувшегося вверх «Метеора».

Норт перевел рычаг немного назад, продолжая давить на педаль циклотрона. Струи ионизированной материи, теперь слегка отклонившиеся к хвостовым дюзам, двигали старый крейсер вверх по крутой кривой.

— Я думал, пусковые дюзы не выдержат! — услышал он слабый крик Уайти сквозь грохот циклотронов и дюз. — А они выдержали!

Огни космопорта казались крохотным красно—зеленым пятнышком на темном шаре внизу. Корабль вышел из земной тени в медный блеск Солнца.

Норт разразился смехом.

— Хороший подъем! Мы здорово ускользнули от них, Уайти!

Душа у него пела вместе с циклотронами. Тяжелая работа межпланетника была единственным счастьем, которое он знал. Ощущение рычага в руках было как вино, сверкающие звезды в пространстве как манящие маяки, а старый

«Метеор» был волшебным кораблем, способным достичь самых дальних областей Бесконечности.

Старый звездолет и старые межпланетники, они опять в пространстве! Теперь Джон Норт знал, что не жил по-настоящему все эти скучные, серые месяцы на Земле. Он только спал, только существовал, ожидая того часа, когда оживет снова.

Пламя возбуждения на массивном лице Уайти сказало ему, что его старый товарищ чувствует то же самое. — Они были теперь вне атмосферы, и Земля казалась выпуклым зеленым шариком, удалявшимся назад, вниз.

Норт неохотно ослабил нажим на педаль. Шумные взрывы циклотронов перешли в ровное жужжание. Воя хвостовыми дюзами, старый корабль мчался к далекой зеленой искорке — планете Уран.

В кабину управления вошла Алина Лоурел, бледная и потрясенная. Норт понял вдруг, что это был ее первый полет в пространство.

— Вы больны? — тревожно вскричал он. — Я должен был бы подумать об этом. Но взлетать нужно было быстро...

Она покачала головой.

— Нет, я здорова. Но старый Питерс... Он ранен, Джон. Толчок...

Норт торопливо вызвал Дорака, чтобы передать ему рычаги. Вместе с Уайти он поспешил по трепещущему мостику к каюте, где лежал старик.

Один взгляд заставил сердце Норта сжаться. Глаза Питерса были закрыты, лицо посинело, из угла рта сочилась тонкая красная струйка.

— Он без сознания, — прошептал Норт, осмотрев старика. — Внутренние повреждения. Я говорил ему, что он не выдержит отлетного толчка.

На бледном лице Алины читался вопрос.

— Он не...

— Он не будет жить, — медленно ответил Норт. — Дело нескольких часов...

Корабль летел к орбите Марса, Норт установил вахты и развернул кривую, рассчитанную Хансеном.

— Мы далеко обойдем Юпитер, чтобы избежать главных космических путей, — сказал он остальным. — Компания вышлет полицейские крейсеры, будьте уверены. Но они не смогут прочесать все пространство.

Уйти сдержанно кивнул.

— Мы можем дойти до Урана, если эта штука будет тикать. Но если с нами что-нибудь случится вдали от главных путей...

Кончать было не нужно. Все знали, что тогда их уделом будет медленная смерть от голода или недостатка воздуха.

Прежде чем передать рычаг Хансену, Норт внимательно взгляделся в Уран. Зеленая искра стала ярче и больше. Но ее лун еще не было видно простым глазом.

Норт все еще не мог поверить в реальность этого странного путешествия — полета на страшную Громовую Луну в поисках левиума, который половина солнечной системы считает сказкой!

— Джон, Питерс приходит в себя! — окликнула его Алина.

Норт и остальные поспешили в каюту. Старый ветеран открыл выцветшие голубые глаза. Его взгляд устремился к иллюминатору, за которым висела черная пустота, усыпанная немигающими звездами. Выражение триумфа и счастья зажглось в его глазах. Почти довольный, он закрыл их снова.

— Он уснул, — с надеждой сказала Алина. — Может быть...

Норт мягким жестом остановил ее. Обернувшись, он тихо сказал Коннору:

— Заверни его, Майк. Мы похороним его в Космосе.

В мертвом молчании они пододвинулись к своему старому товарищу. Норт увел девушку в главную каюту. Она недоверчиво глядела на него.

— Он не может быть мертвым! — воскликнула она.

— Я видел многих умерших в полете, и со всеми ними было вот так, — ответил Норт. — Но старый Питерс умер

счастливым, он видел перед смертью, что опять вернулся в пространство.

Они вынесли завернутое тело и осторожно поместили его в воздушный шлюз главной двери. Стини стоял, глядя на них изумленным взглядом своих чистых, голубых глаз. Остальные повернулись к Норту.

— Можешь ли ты вспомнить ритуал погребения в Космосе? — спросил Уайти.

Норт сделал отрицательный жест.

— Ничего, кроме первых слов: «Так как этот человек, наш товарищ...» Как дальше, Уайти?

Уайти мрачно покачал своей большой головой.

— Я слышал их так давно, что уже забыл.

Норт обернулся к остальным. Но ни Коннор, ни Дорак не помнили. Тут Стини удивил всех. Помешанный межпланетник смотрел на закутанный труп в шлюзе. Словно это пробудило что-то в его затуманенном мозгу, он шагнул вперед и заговорил просто:

— «Так как этот человек, наш товарищ, встретил свой конец в опасном перелете, между миром и миром, и не может лежать ни в какой земле...»

Все молчали, пораженные удивлением, почти ужасом, пока спокойный голос Стини произносил слова, которые, когда-то Марк Кэрю произнес для Горхэма Джонсона, своего великого начальника, — классические слова, употреблявшиеся с тех пор для ритуала погребения в Космосе.

— «...то мы вверяем это тело великим глубинам Бесконечности для вечных странствований в просторах пустоты».

Стини умолк. Норт и остальные смотрели на него, затаив дыхание, наполовину надеясь, что какое-нибудь чудо восстановит в нем погасший разум. Но лицо Стини оставалось таким же ясным, голубые глаза такими же пустыми, как всегда.

— Я вспомнил все, не правда ли? — гордо спросил он.

— Да, Стини, — неуверенно сказал Норт. — Ты вспомнил все.

Он подал знак. Хансен, у рычагов, дал «Метеору» резкий полуповорот, ударив боковыми дюзами.

Завернутое тело старого ветерана выскользнуло из шлюза и быстро умчалось в пустоту. Все молча следили за ним, пока оно не затерялось среди звезд.

— Вот ушел последний из команды Горхэма Джонсона, — пробормотал Уайти.

Алина отвернулась. Норт проводил ее в кормовую каюту. Она заплакала, прижавшись лицом к иллюминатору.

В ЛУННОМ ГОРОДЕ

Джон Норт не был на Уране уже четыре года. С острым волнением следил он, как большой зеленый шар планеты растет в небе.

Они были, строго говоря, пиратами. И хотя земные законы не действовали здесь, в этих областях пространства, но законы Компании действовали. У Компании была станция в Лунном городе. А они и должны были идти в Лунный город, чтобы как—нибудь достать теплоизоляционное снаряжение, необходимое для их путешествия.

Весь экипаж собрался в кабине управления.

Алина Лоурел была бледна от недостатка воздуха, темные глаза ее на белом тонком лице казались огромными.

— Какой большой этот Уран! — шепнула она. — И какой страшный!

— Он, конечно, большой и скверный, — согласился Норт, глядя на большую планету. — Это самая бурная из всех крупных планет.

Огромный зеленый шар закрывал половину неба, — так близко от него был теперь «Метеор». Но поверхность его была плохо видна, так как он был окутан мутной атмосферой толщиной в сотни миль. Этот облачный покров кипел от страшных бурь и смерчей, перемещающихся по планете с громадной скоростью.

Три из пяти лун планеты были сейчас видны. Две маленькие — Ариель и Умбриель — проползали поперек ее диска. Совсем близко от корабля плыла более крупная луна — Титания. Густые, дикие джунгли, покрывавшие ее, придавали ей более темный зеленый цвет, чем у самой планеты.

— Она выглядит почти такой же страшной, как и Уран, — с волнением прошептала Алина, глядя на эту луну, ближайшую станцию их назначения.

— Она не так плоха, хотя джунгли ее полны странных зверей, — проворчал Уайти. Он указал на темное пятно на зеленом диске. — Вот и Лунный городок, самый дикий из всех шуми—городков в Системе.

— Это здесь мы должны искать антитермическое снаряжение? — серьезно спросила девушка. — А вы уверены, что мы получим его?

Норт ответил мрачно:

— Я уверен, что оно там есть. На него здесь большой спрос: оно используется для разведок на южном вулканическом полушарии Урана. Но как мы достанем его без денег или кредитов?

Они уже хотели уйти в главную каюту и зашнуроваться, когда Уайти поднял свою единственную руку и сказал быстрым шёпотом:

— Вот и Оберон.

Четвертый спутник Урана выходил из—за большого диска планеты. При виде его Алина вскрикнула.

Вид его был ужасен. Это был тускло—багровый шар, окутанный неглубокой атмосферой, густо пропитанной темным дымом. В прорывах этой темной, мутной дымки виднелись огненные острова, о пламенные берега которых бился алый прибой огромного океана расплавленной лавы.

Громовая Луна, самый зловещий мир в Системе! Его красные лучи проникли в иллюминатор звездолета, смешиваясь с более мягким светом планеты и окрашивая напряженные лица следивших за ним людей.

— Никакое антитермическое снаряжение не сможет сделать посадку здесь безопасной! — ахнула Алина Лоурел.

— Вы правы, — согласился Джон Норт. — Но записи вашего отца указывают, что он нашел место, где можно высадиться, пользуясь усиленным снаряжением. Мы должны найти это место.

«Метеор» спускался к Титании по длинной, плавной кривой. Норт искусно пользовался боковыми дюзами, чтобы ввести его в спираль, и тормозами — чтобы уменьшить скорость. Но когда старый корабль прошумел сквозь атмосферу спутника к зеленым джунглям, над Лунным городом уже сгущалась приближающаяся ночь.

Город — куча хромосплавных зданий — лежал на просеке, выжженной в джунглях. Несколько севернее была меньшая просека, на которой находился космопорт. Норт повел старый, скрипучий корабль вниз, к красным и зеленым огням. Он на мгновение задержал его парящим на пламенных вспышках килевых дюз, потом посадил на землю.

— Хорошая посадка, Джонни, — загремел Уайти, когда они расшнуровались.

Остальные выходили из гамаков в главной каюте. Хансен отвинтил дверь, и в нее ворвался поток теплого влажного воздуха, пропитанного едким запахом гниющей растительности.

— Всем надеть лунные башмаки, — предостерег Норт, наклоняясь, чтобы пристегнуть свинцовые подошвы.

Они вышли в сгущающиеся сумерки, ступая по обожженной земле, еще дымящейся от выхлопов ракет. В космопорте неясно маячили силуэты других кораблей, транспортов и нескольких крейсеров.

Странные создания — какие-то существа — кинулись к ним. Алина Лоурел, вскрикнув, отпрянула от этих зеленых фигур с огромными, без зрачков, глазами на лицах попугаев. Они протягивали к людям беспальные руки.

— Со! — проскрипело одно из этих созданий Норту. — Со!

— Это коренные обитатели Титании, — успокоил Норт испуганную девушку. — Они просят соли, дай им немного, Хансен.

Уайти схватил его за руку и кивнул массивной головой на один из двух блестящих крейсеров, стоящих на другом конце порта.

— Это быстроходный крейсер Компании, Джонни. Он сел как раз перед нами. Смотри, почва еще горяча после его посадки.

Норт встревожился.

— Мы и должны были ожидать этого, — пробормотал он. — Компания могла послать с Земли крейсер, который по обычным космическим путям прилетел сюда раньше нас.

— Если они попробуют отобрать у нас «Метеор», будет драка, — вспыхнул Уайти. — Законы Земли не действуют дальше Юпитера. Мы оставим корабль за собой!

Остальные согласились. Ненависть этих людей к Компании, так долго державшей их без работы, была беспредельна.

— Легче, легче, драки еще нет, — отрезал Норт. — Может быть, Компания решила позволить нам идти на Громовую Луну и будет следить за нами там. Или они думают, что мы пойдем к ним за антитермическим снаряжением.

— Не только Компания владеет здесь таким снаряжением, — заявил Хансен. — Его можно получить из складов, снабжающих разведчиков на Уране.

— Можно, если у вас есть деньги или кредит, — пробормотал Ян Дорак.

— У меня есть кредит, ребята, — весело объявил Майк Коннор. — Я знаю здесь человека, который даст нам снаряжение напрокат за долю в добыче. Это Шарль Бердо, хозяин одного кабачка.

— Бердо? — протянул Уайти. — Я ничего хорошего не слышал об этом межпланетном мошеннике. Его выгнали с Юпитера.

Джон Норт пожал плечами.

— Нам нужно снаряжение, а кто еще его даст? Мы с Майком пойдем в город и поглядим на этого парня. Остальным лучше остаться здесь на случай, если Компания захочет отобрать у нас «Метеор».

— А мне с вами можно? — быстро спросила Алина.

— Вам лучше остаться, — серьезно ответил Норт. — Лунный город — опасное, шумное место, он не годится для девушки.

Пристегнув атомное оружие, он ушел вместе с Коннором в густеющие сумерки.

Было уже почти темно, когда они миновали космопорт и направились к городу. Странные «летающие цветы» скользили мимо их лиц, оставляя в воздухе длительный след восхитительного аромата. Далеко в джунглях душераздирающим голосом вскрикивал древесный кот, а над головой раздавался сухой треск крыльев драконового коршуна. Пронзительно кричали летучие мыши.

Вверху ярко сверкали звезды. Над горизонтом на востоке поднималось призрачное зеленое пламя. Оно усиливалось с каждой минутой, и вот колоссальный изумрудный щит Урана выплыл в небо, заполнив половину небосвода и разливая зеленоватое сияние.

Поравнявшись с крайними строениями Лунного города, Норт спросил:

— Бердо... Где нам искать его?

— Где-нибудь здесь, если его еще не повесили, — весело ответил Коннор.

Лунный город, залитый зеленым светом могучего Урана, кишел жизнью. Сердцем его была единственная короткая улица, густо усеянная разного рода заведениями. Позади нее темнели склады и мастерские Компании и независимых предпринимателей. На грязной улице шумели земляне — старатели, прокучивавшие радиий или платину, добытые с риском для жизни на Уране.

Норт видел планетные шуми — городки и раньше, и все они были одинаковы. Они всегда были любимым местом

шулеров, бандитов, купцов и аферистов, присваивавших богатство, с таким трудом и опасностями добываемое отважными разведчиками и старателями. Но никогда, даже на Юпитере, в старые, шумные дни, не видел он такого бешеного темпа, какой господствовал здесь, под блеском огромного Урана.

— Здесь можно отлично повеселиться, Джонни! — воскликнул Коннор ухмыляясь.

— Мы здесь не для веселья, — отрезал Норт. — Где этот Бердо?

— Помяни чёрта, и увидишь его, — возразил Коннор. — Видишь, Джонни?

Ионознак, на который он указал, сверкал на хромосплавовом фасаде кабачка «Дворец Веселья. Бердо».

Они остановились у широко открытой двери. Большая, освещенная криптоном комната казалась тесной. Звон стаканов за стойкой, громкие голоса, медный грохот музыкальной машины, играющей какой-то танец, — все это смешивалось в общем гуле.

Коренастые разведчики, на лицах которых еще сохранилась зеленоватая бледность после многих недель, проведенных на Уране, толпились у стойки бара. Среди них мелькало несколько девушек. Певицы, танцовщицы, кельнерши, они следовали за шуми-городками из одного мира в другой.

Норт и Коннор протолкались к стойке. Ирландец спросил замученного, потного бармена. Потом он обернулся к Нарту:

— Бердо, где-то здесь. Подожди, Джонни, я найду его.

Норт заказал себе стакан вина. Медленно глотая легкую сладкую жидкость, он рассеянно слушал шумное хвастовство пьяного земного разведчика, сидевшего рядом.

— ...и вот так я нашел ее на Южном Уране, приятель. Говорю вам, я просто чую платину! Я собрал целое богатство, чтобы везти обратно на Землю...

Норт горько улыбнулся про себя. Пьяный разведчик, подумал он, имеет один шанс из миллиона привезти свое

богатство домой. Об этом позаботятся шулеры и мошенники в Лунном городе, об этом подумают агенты Компании. Общий гул в зале прорезал пронзительный женский голос:

— Отпусти мою руку, болван!

Норт обернулся. Одна из девушек, маленькая блондинка в коротком белом платье из синтешелка, яростно вырвала свою руку у гориллообразного грубияна — по внешнему виду разбогатевшего бродяги.

Коннор воинственно встал между ним и девушкой.

— Оставь ее в покое, горилла! — загремел его гневный голос.

Кто-то предостерегающе вскрикнул. Разъяренный рудокот выхватил из-за пояса атомный пистолет и направил на Коннора и девушку. Грубое лицо его побагровело от ярости.

— Я убью вас обоих! — хрипло крикнул он Коннору. — Вы в стачке друг с другом...

Норт мог бы выстрелить из своего атомного пистолета, но не сделал этого. Не колеблясь, он бросился вниз, под ноги разъяренного рудокопа, и сбил его с ног на пол.

Выстрел атомного пистолета рудокопа обжег волосы за ухом у Норта. Увидев квадратную голову врага совсем рядом, он нанес ему яростный удар кулаком. Удар обрушился на челюсть, и противник Норта сразу обмяк.

Норт далеко отбросил ногой атомный пистолет и встал, тяжело дыша.

— Выбросить отсюда этого бродягу! — закричал бармен. Слуги поспешили вытащить бесчувственного парня за дверь. Шум во «Дворце Веселья», на минуту утихший, возобновился. Драка не была здесь редкостью.

Кто-то тихо коснулся руки Норта. Тот обернулся. Это была девушка, из-за которой произошла драка.

Она казалась почти ребенком в своем коротеньком белом платье из синтешелка. Белокурая голова ее едва доходила Норту до плеча.

— Меня зовут Нова Смит, — сказала она Норту. — И я вам очень благодарна за то, что вы прыгнули на этого пьяного.

Коннор заторопился сквозь шумную толпу. Норт сумрачно вернулся к своему неоконченному стакану.

Девушка последовала за ним и встала у столика, осматривая его холодным взглядом голубых глаз.

— Вы из старых межпланетников, да? — спросила она.

— Оставьте меня в покое, — грубо ответил ей Норт.

Нова Смит пожала плечами.

— Ладно, моряк. Но вот вам кое-что за то, что вы сделали для меня: берегитесь, когда будете вести дело с Бердо. Он худший из всех здешних.

— Он ваш хозяин, да? — скептически спросил Норт.

— У меня нет хозяев, моряк! — вспыхнула девушка. — Я работаю у Бердо, но ни он и никто другой не хозяин мне. Так что...

Она умолкла. Джонни Норт не слушал ее. Он весь напрягся, увидев трех человек, которые только что вошли в зал.

Все трое были в серых мундирах Компании и были вооружены. Предводительствовал ими Филипп Сидней, молодой офицер Компании, с которым Норт и его товарищи поссорились на Земле.

Взгляд Сиднея остановился на Норте. Тотчас же его приятное лицо потемнело. Вместе со своими двумя спутниками он решительно направился к Норту.

НАПАДЕНИЕ

Рука Норта упала на атомный пистолет у него на поясе. Он знал, что Филипп Сидней послан сюда Компанией на крейсере, обогнавшем их на пути к Урану. Это говорило о твердом решении Компании завладеть их левиумом.

— Буря идет, — резко сказал Норт девушке не оборачиваясь. — Может быть битва, уходите.

Нова Смит перевела взгляд на приближающихся людей.

— Так у вас стычка с Компанией, моряк? В чем дело?

Ответить Нарту было некогда. Сидней уже стоял перед ним. Остальные двое, стоя позади, держали руки на пистолетах.

— Я так и думал, что вы где-нибудь здесь, — сказал Нарту Сидней. — Мы слышали, что вы только что пришли, и я требую, чтобы вы вернули «Метеор» Компании.

— Законный владелец этого корабля Алина Лоурел, — холодно возразил Норт. — Она купила корабль и заплатила за него.

— Эта насильственная сделка незаконна, и вы знаете это, — сказал Сидней.

Норт возразил:

— Земные законы здесь, на границе, не действуют.

Он приготовился к взрыву. Но Филипп Сидней не схватился за оружие. Голос молодого офицера Компании стал серьезным.

— Норт, я должен повиноваться приказам, нравятся они мне или нет. Но я скажу вам, как мужчина мужчине: вас мало будет убить, если вы возьмете такую замечательную девушку, как Алина Лоурел, на опасную Громовую Луну!

Правильное лицо Сиднея было полно тревоги. Его искренность была столь очевидной, что Норт ощутил к нему некоторую приязнь. Ему пришлось напомнить себе, что он говорит с офицером ненавистной Компании.

— Вы ужасно интересуетесь мисс Лоурел, — фыркнул Норт. — Так интересуетесь, что вы потащитесь за нами даже на Оберон, да?

Филипп Сидней пожал плечами.

— Я вижу, вы не хотите слушать доводов, Норт. Жаль.

Он повернулся, и все трое последовали за ним прочь из заведения Бердо. Норт проводил их сумрачным взглядом.

Какой приказ дала Сиднею Компания? Он был уверен, что это был приказ следовать за экспедицией Норта на Оберон и за левиумом, а не захватывать корабль. Во всяком случае, они не могут захватить «Метеор», когда Уайти и прочие ожидают такого нападения.

— Так вы идете на Громовую Луну, моряк? — спросила Нова Смит, покачав белокурой головой. — Скверный способ самоубийства!

Норт поглядел на девушку с иронической улыбкой.

— Вы хотите рассказать мне, как там опасно? Я был там, когда никто из этих людей не слыхивал об Уране, а вы сами были едва в пеленках на Земле.

Сквозь толпу протиснулся Коннор, весь в поту, а с ним кто—то другой.

— Вот Шарль Бердо, — весело представил его Коннор. — Я знал его на Юпитере, когда он держал игорный дом в Иовополисе. Он стриг меня после каждого полета. Правда, Чарли?

Бердо зажег зеленую папироску. Через огонек атомитовой зажигалки его наглые черные глаза нахально оглядели потертую фигуру Норта.

Авантюрист был худощав, смугл, красив, но чем—то напоминал волка. Что—то слишком откровенно хищное было в его нагло—красивом лице, в блеске его белых зубов. Дорогой костюм из черного синтешелка был самого модного покроя, на тонкой белой руке сверкал перстень.

— Коннор сказал мне, что вам нужно снаряжение для многообещающей экспедиции, — небрежно спросил он с деланным безразличием.

Норт коротко кивнул.

— Нам нужно усиленное антитермическое оборудование для двенадцатиместного крейсера и не меньше десяти штук инсулитовых костюмов с индивидуальными антитермитами.

— Большой заказ, — нахмурился Бердо. — Куда вы идете?

— На Оберон, — спокойно ответил Норт.

Бердо разразился смехом.

— Не собираетесь ли вы искать там левиум?

— Что в этом смешного? — спросил Норт резко.

Бердо хихикал.

— Не проходит месяца, чтобы не являлась какая—нибудь старая космическая крыса и не рассказывала, как она собирается искать левиум на Громовой Луне. Вы чуть ли не со—тый, кому нужно снаряжение.

— А они показывали вам что—нибудь вроде этого? — сдержанно спросил Норт.

Он достал флинтгласовую склянку, полученную от Алины. Сияющая голубая крупинка левиума, прижимающаяся к пробке, мгновенно стерла улыбку с лица Бердо.

— Это левиум с Громовой Луны? — быстро спросил он.

— Да, и там его еще много. Мы знаем, где он и как его достать, — ответил Норт.

Черные глаза Бердо возбужденно блеснули.

— Это другое дело! Я думаю, мы можем поговорить по—деловому. Идемте в мою контору...

Норт и Коннор последовали за авантюристом через шумную и буйную толпу в маленькую контору.

На вызывающе—красивом лице Бердо ярко выражалась алчность, когда он спросил:

— Ну, а где же на Обероне этот левиум? Как вы думаете высадиться на этой адской луне, не изжарившись?

Норт коротко засмеялся.

— Но вы же знаете, что я не расскажу вам этого! Вот наше предложение: дайте нам напрокат антитермическое снаряжение, и мы подпишем с вами контракт на десять процентов левиума, который найдем там.

Авантюрист нахмурился.

— Вы хотите, чтобы я дал вам снаряжение на огромную сумму, а сами не доверяете мне?

— Это тайна не моя, я не могу ее открыть, — возразил Норт.

— Но вы можете хотя бы сказать мне немного больше, — настаивал Бердо.

Норт коротко рассказал ему о том, как отец Алины Лорел нашел левиум, как она созвала старых

межпланетников, чтобы искать этот клад, и как Компания пыталась мешать им.

Глаза у Бердо сузились.

— Если Компания гонится за вами, значит здесь что-то есть, — пробормотал задумчиво авантюрист.

Через мгновение он протянул руку.

— Норт, вы можете не доверять мне, но я вам доверяю. Я дам вам снаряжение, которое вам нужно, и мне не надо никакого контракта, вашего слова достаточно.

Он направился к двери.

— Мы отвезем снаряжение на ваш корабль сейчас же, пока Компания не вмешалась.

— Вот теперь мы достигли кой-чего! — бурно вскричал Коннор, когда авантюрист скрылся. — Разве я не говорил тебе, что все устрою, Джонни?

Но Норт ощущал глубокое недовольство собой. Ему так не хотелось иметь дело с этим хищником, гоняющимся за богатством с планеты на планету. Он не доверял красивому авантюристу, несмотря на его видимое чистосердечие.

Они вышли из кабачка и нашли Бердо за серьезным разговором с тремя помощниками. Теннинг был коренастый, широкоплечий землянин с невыразительным взглядом. Келлс и Дарм оба были моложе, грубее и жестче.

— Мы готовы, — сказал Бердо Норту. — Теннинг с мальчиками помогут вам погрузить вещи. У нас есть ракетный грузовик.

Когда они двинулись сквозь толпу, Нова Смит схватила Норта за рукав.

— Моряк, мне нужно поговорить с вами, — настойчиво сказала она.

— Простите, мы спешим, — сухо ответил Норт, проходя мимо нее.

Грузовик загрохотал по шумной, блестящей улице Лунного города к одному из больших складов оборудования.

На складе Бердо начал яростно торговаться из-за снаряжения. Основной его частью были восемь корабельных

антитермитов, похожих на большие серебряные цилиндры. Наружные кожухи их итронов должны были непрерывно излучать энергию, нейтрализующую тепловые волны.

У инсулитовых костюмов такие же, но меньшего размера антитермиты были укреплены на спине. Костюмы походили на обычные скафандры, но из слоистого материала, составленного из термически наиболее устойчивых веществ. В таком костюме человек мог на некоторое время опускаться даже в жерло вулкана.

Когда тяжелое снаряжение было погружено на грузовик, Бердо приказал Теннингу вести машину к космопорту.

— Я знаю, что вам хочется лететь как можно скорее, — сказал он Норту. — Я буду ждать вашего возвращения с моей долей левиума.

Джон Норт ощутил некоторое облегчение. Казалось, его смутные подозрения против Бердо не оправдались.

Грузовик выехал из Лунного города и помчался по короткой дороге, ведущей к космопорту. С обеих сторон в зеленом сумраке виднелись папоротниковые деревья. Летучая мышь вылетела в свет фар и снова умчалась, хлопая крыльями.

Они уже приближались к порту, когда Норт заметил на дороге впереди чей-то силуэт. Он вскрикнул, и Теннинг остановил машину.

— В чем дело? «Кто это?» — резко спросил Бердо. Он и его люди выхватили оружие, висевшее у них на поясах.

— Это Стини, — с досадой ответил Норт, спрыгивая с машины. — Один из нашей команды. Он помешан, и ему нельзя бродить здесь одному.

— Это ты, Джонни? — с облегчением произнес Стини, когда Норт подошел к нему. — Я рад, что это ты. Я пошел искать тебя, только не знал, где искать.

Стини удивленно указал на торжественные, шумящие заросли папоротников, поднимавшиеся вокруг в зеленом сиянии Урана.

— Был ли я когда-нибудь на этой планете, Джонни? Кажется, был, когда-то, очень давно.

— Конечно, ты был здесь много лет назад, — успокаивающе сказал Норт. — Разве ты не помнишь, когда был старшим пилотом у Венци?

— Я был, когда—то пилотом, да? — быстро проговорил Стини. — Говорят, я был лучшим пилотом из всех.

— Да, — ответил Норт. — Но тебе нельзя бродить тут одному, Стини. Идем с нами обратно на «Метеор».

Пустые голубые глаза Стини отразили смущение.

— Мы не можем вернуться на корабль, Джонни. Потому я пошел искать тебя. На корабле теперь другие люди.

— Другие люди? «Какие другие?» — тревожно спросил Коннор.

Стини сделал неопределенный жест.

— Другие, в серых мундирах.

— Компания! — вырвалось с отчаяньем из уст Норта. — Молодой Сидней со своими людьми захватил «Метеор»!

— Как, чёрт возьми, могли они захватить корабль, если ваши люди были начеку? — спросил свистящим голосом Бердо.

Стини объяснил с детской простотой:

— Это случилось недавно, Джонни. Уайти сказал, что я могу пройти, только не должен отходить далеко от корабля. Мне хотелось посмотреть кругом. Я хотел вспомнить, был ли здесь, когда—нибудь раньше, когда я был пилотом...

— Да, но что сделали люди в сером? — напомнил ему Норт. — Как они вошли в «Метеор»?

— Я увидел, что к нашему кораблю идут люди в сером, — серьезно продолжал Стини. — Они выстрелили штуками, которые взорвались у двери. Уайти и все другие заснули. Тогда серые люди вошли в корабль. Я побоялся идти туда. Я решил найти тебя.

— Усыпляющий газ! — яростно вскрикнул Норт. — Сидней применил усыпляющий газ, чтобы завладеть кораблем!

— Мы возьмем его обратно! — вспыхнул Коннор. В руке ирландца тускло сверкнул вороненый металл атомного

пистолета. — Идем, Джонни, мы выметем проклятых компанийцев с нашей дороги!

— погоди! — настойчиво перебил Норт. — Так мы ничего не сможем сделать. Нас только двое...

Шарль Бердо быстро прервал его. Красивое лицо авантюриста оскалилось, как у волка.

— Нас шестеро, Норт! Мы сможем отобрать корабль!

Норт был поражен.

— Вы хотите поссориться с Компанией?

Бердо блеснул белыми зубами.

— Почему бы нет? Я вложил в вашу экспедицию солидный капитал и могу нажать состояние, если она удастся.

— Да мы шестеро очистим от них всю Луну! — вскричал Коннор.

— Легче, — отрезал Норт. — Не надо кровопролития. Может быть, мы сможем отобрать «Метеор» и без этого.

Они выключили фары и помчались по дороге через джунгли. На краю космопорта грузовик остановился.

Скрывшись в тени папоротников, они наблюдали сцену, происходившую в сотне ярдов от них. «Метеор» стоял там, где они его оставили. Но у открытой двери корабля, зорко сторожа ее, стояли трое людей в сером.

Норт быстро повернулся к Бердо.

— Есть у вас на грузовике автоматический ключ? Достаточно большой, чтобы снять дюзу?

— Святые кометы, я понял твою мысль! — воскликнул Коннор.

Шарль Бердо хмурился.

— Да, на грузовике есть инструменты. Но я не понимаю...

— Подождите здесь все, — приказал Норт. — Я хочу попасть в «Метеор». Если удастся, я захвачу их врасплох, а тогда дам вам сигнал.

— Разве будет битва, Джонни? — удивленно спросил Стини.

Норт нашел в инструментальном ящике тяжелый ключ, пригодный для снятия испорченных дюз. Взяв его и прихватив маленький ключ, он отправился к кораблю.

Он обогнул угол порта, держась в густой тени высоких папоротников, пока не оказался по ту сторону «Метеора», где двери не было. Затем быстрой перебежкой он пересек пространство, освещенное зеленым светом Урана, и достиг тени от кормы корабля.

Он пригнулся прислушиваясь. До него доносился едва слышный разговор сторожей у входа. Но они не видели его, скрытого кормой. Они зорко охраняли дверь, которую считали единственным входом в корабль.

Рядом с Нортом торчали большие кормовые дюзы. Их было шестнадцать, каждая в два фута диаметром. Норт топорливо приладил ключ к нижней из дюз.

Это было опасно, он знал это. Дюза должна была заскрипеть, когда он станет отвинчивать ее. Норт заколебался, не зная, как поступить. И тут он различил в глухом шуме голосов джунглей пронзительные крики летучей мыши, довольно громкие, ритмически повторяющиеся.

Норт заметил интервал между этими криками. И в тот момент, как мышь закричала снова, он изо всех сил налег на ключ. Дюза сдвинулась с резким скрипом, который смешался с криком летучей мыши.

Норт напряженно съежился. Но снаружи у дверей не обнаружили признаков тревоги. Они не слышали ничего. Переведя дыхание, он стал с бесконечной осторожностью отвинчивать дзую. Наконец она освободилась. Вес массивной трубки был таким, что ему пришлось напрячь все мускулы, чтобы опустить её наземь без предательского стука.

На месте снятой дюзы в короткой корме «Метеора» оказалось отверстие диаметром в два фута. Норт вполз в него и оказался в почерневшей от нагара трубе. Он отвинтил фланец и через несколько секунд снял часть трубы.

Опустив инструменты на пол, он прополз в отверстие и очутился в темном циклотронном отделении на корме

«Метеора». Вокруг стояли массивные циклотроны, опутанные проводами. Норт вынул атомный пистолет и осторожно направился по коридору.

Из главной каюты доносились голоса. Он тихо ступил на узкий мостик и осторожно заглянул в длинную светлую комнату.

СМЕРТЬ НА «МЕТЕОРЕ»

Прежде всего он увидел Уайти, Джонса, Дорака и Хансена; они сидели на полу у стены, связанные по рукам и ногам. Единственная рука Уайти была привязана к его телу, а лицо белокурого гиганта было пунцовым от ярости.

Алина Лоурел стояла, выпрямившись перед Филиппом Сиднеем. Ее тонкое лицо побелело от гнева. Молодой одетый в серое офицер Компании, стоя к Норту спиной, серьезно говорил с девушкой.

— Но я действительно захватил корабль ради вас, мисс Лоурел! — говорил Сидней. — Я не могу видеть, чтобы такая девушка, как вы, погибла страшной смертью на Обероне в этой химерической экспедиции!

— Не ждете ли вы, что я этому поверю? — спросила Алина, пылая темными глазами. — После всего, что ваша Компания сделала мне?

Сидней беспомощно пожал плечами.

— Пожалуйста, верьте мне, — умолял он. — Компания приказала мне следовать за вами на Оберон и напасть на вас, когда вы добудете левиум. Но я не могу позволить вам лететь на эту проклятую Луну.

Норт быстро и бесшумно ступил вперед и ткнул свой атомный пистолет в спину молодого офицера.

— Не двигайтесь, — приказал он, — Поднимите руки.

Руки Сиднея быстро взлетели кверху. На бледном лице Алины недоверчивое удивление сменилось яркой радостью.

— Джон Норт! — тихо вскрикнула она. — Но как...

— Джонни, они ждут вас с Майком у двери, — возбужденно сказал Уайти. — Они стреляли в нас сонными пулями.

— Я знаю, — ответил Норт. — Так они всегда и делают. Он обыскал карманы Сидней, не отнимая пистолета от его спины. В одном из карманов он нашел короткорылый пистолет с запасом сонных пуль.

— Алина, развяжите Уайти и прочих, — быстро сказал Норт. — Сидней, встаньте спиной к стене. Присмотри за ним, Уайти.

Филипп Сидней встал к стене лицом к Норту. Лицо молодого офицера было полно гнева, но он не протестовал.

— Я позабочусь о людях у дверей, — прошептал Норт. — Подождите здесь все...

Схватив пистолет с сонными пулями, Норт пополз по мостику к шлюзу. Трое людей Компании еще стояли у отверстия, зорко вглядываясь в зеленоватые сумерки.

Норт навел пистолет и выстрелил. Почти беззвучная струя сжатого воздуха вытолкнула из дула свистнувшие пульки. Они попали в головы и плечи стоявших людей и взорвались с легким шумом, оставив голубоватые облачка пара.

Все трое хотели обернуться, но так и не кончили этого движения. Они поникли и упали, как только белые пары коснулись их ноздрей.

Норт оттащил их вялые тела от корабля и замахал рукой.

— Коннор! Бердо! — негромко закричал он. — Готово! Он услышал стук ракетного грузовика. Не зажигая фар, машина помчалась через космопорт к «Метеору».

Норт вернулся в главную каюту. Сидней был уже привязан к одному из пружинных кресел.

— Нам придется улетать сейчас же, — сказал Норт. — Здесь есть и офицеры Компании. Они придут на помощь.

— Как со снаряжением? — крикнул Уайти.

— В порядке, — ответил Норт. Он быстро рассказал им о своей сделке с Шарлем Бердо. — Хорошо ли, Алина, что я предложил ему десять процентов левиума?

— Конечно! — весело вскрикнула она. — Это решает самую большую нашу проблему — получение снаряжения.

В каюту просунулось возбужденное лицо Коннора. За ним вошли Шарль Бердо и Стини.

Норт торопливо представил всем Бердо. Черные глаза авантюриста, пропуская прочих, остановились на девушке.

— Я не знал, что буду иметь такого прелестного партнера, мисс Лоурел, — сказал он, блестя зубами в улыбке. — Если бы я знал...

Норт настойчиво прервал его:

— Нам нужно поскорее внести снаряжение. Опасна каждая минута промедления.

— Я велю Теннингу и мальчикам внести его, — ответил холодно Бердо и вышел.

— Уайти, погляди, чтобы они внесли его в циклотронную, где оборудование можно быстро включить, — продолжал Норт. — Я пойду ставить обратно дюзу, Коннор мне поможет.

Он поспешил наружу. Теннинг и остальные уже начали вносить тяжелые антитермиты в корабль.

Норт поспешил к корме «Метеора». Он быстро поставил обратно снятый фланец, а потом вместе с Коннором поднял тяжелую дюзу на место и начал привинчивать ее.

Затягивая дюзу автоключом, Норт услышал, как вносят в корабль последний из антитермитов. В этот момент Кто-то схватил его за руку.

Он быстро обернулся, схватившись за пистолет. Но это не был кто-нибудь из людей Компании, как он ожидал. Это была девушка в коротком белом платье из синтешелка, лицо которой в сумраке казалось мутно-белым пятном.

— Моряк, я пришла предупредить вас, — раздался ее быстрый шёпот. — Вы не хотели слушать там, во «Дворце Веселья».

— Нова Смит! — Норт был поражен, потом рассердился. — Что за чёрт, зачем вы гоняетесь за нами?

Девушка крепче стиснула его руку.

— Моряк, слушайте! Бердо хочет обмануть вас! Я слышала, как он говорил с Теннингом и другими во «Дворце Велья». Он хочет напасть на вас и ваших друзей еще до отлета. Он не хочет, чтобы вы летели без него. Он хочет взять весь левиум себе!

— Она с ума сошла! — ахнул Коннор. — Это абсурд!

— Говорю вам, это правда! — яростно возразила Нова. — Вы оказали мне большую услугу, и я хотела предостеречь вас. Вы не хотели слушать, так я последовала за вами сюда.

Все подозрения Норта относительно Бердо мгновенно вспыхнули снова. Он все время удивлялся странно-дружелюбному сотрудничеству авантюриста, но думал, что у того не будет случая обмануть его. Атомный пистолет Норта был у него в руке. Он быстро шепнул Коннору:

— Майк, за мной! Останьтесь здесь, Нова.

В этот миг внутри «Метеора» раздался громовой выстрел атомного ружья. Потом вопль, яростный крик...

— Мы опоздали! — вскричал Коннор, кидаясь вперед. Норт обогнал его у двери корабля. Они ворвались в каюту, готовые стрелять.

Но тут Норт остановился, ошеломленный. На полу лежал Хансен, с грудью, почерневшей от огненного выстрела атомного ружья. Уйти и Дорак, бледные, как смерть, стояли, подняв руки.

Шарль Бердо смотрел на Норта из-за плеча Алины. Пистолет авантюриста был направлен девушке в спину.

Возражать на угрозу было невозможно. Медленно, дрожа от ярости, Норт и Коннор бросили свое оружие.

Позади себя Норт услышал крик ужаса. Нова Смит последовала за ними в корабль. Бердо заметил девушку.

— Так это вы предупредили их, Нова? — проскрежетал он. — Вы пожалеете об этом. Станьте рядом с ними.

Теннинг и Келлс торопливо собрали оружие Норта и его товарищей. Дарм, третий сотрудник Бердо, стоял в конце каюты с атомным ружьем, подкрепляя приказание авантюриста.

Коннор все еще смотрел на труп Хансена на полу.

— Они убили Хансена, — пробормотал он пораженно, — Хансена, с которым я летал тридцать лет. Нет, это невозможно. Зачем?...

Яростные глаза ирландца запылали. Бердо увидел это и крикнул:

— Я застрелю девчонку, если вы сделаете хоть шаг. Никакая угроза ему самому не могла бы проникнуть сквозь ярость Коннора и остановить его. Но угроза Алине сделала это.

Он задыхался. Спазма перехватила ему горло, но он сказал шёпотом:

— Бердо, я убью вас за это.

Норт увидел Филиппа Сиднея, смотревшего расширенными от ужаса глазами из кресла, в котором был связан. В эту минуту вошел Стини, находившийся в циклотронной.

— Джонни, можно мне сесть ненадолго к управлению, когда мы будем подниматься? — жадно спросил он. — Ты знаешь, я раньше был хорошим пилотом... — Тут голос у него замер, и пустые голубые глаза недоуменно остановились на трупе Хансена. — Хансена обидели? — сказал он с детской грустью. — Кто обидел Хансена?

Грубым, презрительным движением своей огромной руки Теннинг оттолкнул его к стене.

— Теперь слушайте меня все вы! — заскрипел голос Бердо. — Мы идем на Оберон за этим левиумом. Но теперь экспедицию веду я!

Кровь так и стучала у Норта в висках. Но он заставил себя говорить твердо:

— Бердо, эти девушки не помогут вам искать левиум. Оставьте здесь хотя бы их.

— Я не оставлю никого, кто бы навел на мой след Компанию, — отрезал авантюрист. Он метнул злобный взгляд на девушек. — Особенно Нову, которой я обязан кое-чем.

Маленькая фигурка Новы Смит гневно напряглась. В ее лице не было страха, когда она вскинула голову.

— Я жалею только, что не успела испортить вам всего дела, — вызываяще ответила она.

— Что касается мисс Лоурел, — продолжал Бердо, — то она мой главный козырь. Ни я, ни мои люди не умеем править кораблем. Но ваши люди могут, Норт. И вы сделаете это для меня. Вы сделаете, потому что Теннинг все время будет держать мисс Лоурел под прицелом. И при первом признаке неповиновения с вашей стороны атомный выстрел несколько испортит ее красоту.

Алина Лоурел заговорила с Нортом. В темных глазах ее блестели слезы, но голос был ровным.

— Я не боюсь, Джон, — сказала она. — Делайте то, что считаете лучшим, и не обращайтесь на его угрозы.

Но Норт понимал, что он побежден. Как бы страстно они ни желали отомстить за смерть Хансена, они не могли сделать этого, так как первое же их движение было бы смертью для Алины.

Он тихо заговорил с Уайти, Коннором и Дораком.

— Он сбил нас, ребята. Мы должны подчиниться.

— Вот теперь вы говорите дело, — иронически одобрил Бердо. Авантюрист смеялся, обшаривая их бледные лица своими черными глазами. — Трудно вам, а? Вам, старикам, было бы лучше не возвращаться в Космос. На границах сейчас слишком туго для вас. Мисс Лоурел, мне нужна записка вашего отца о том, где и как искать левиум. Дайте мне ее, или я прикажу Теннингу обыскать вас.

Алина, взбешенная, швырнула ему желтоватый клочок бумаги. Черные глаза авантюриста вспыхнули еще ярче, когда он прочитал неясные строки.

Потом он сказал:

— Садитесь в это кресло, мисс Лоурел. Теннинг, сядь напротив нее и не спускай глаз с прицела. Остальные готовьтесь к немедленному отлету, Норт, ведите корабль.

Дарм вытащил тело Хансена наружу и закрыл дверь корабля. Коннор включил циклотроны, а Келлс отправился следить за ним.

Авантюрист указал Норту на кабину управления и последовал за ним туда. Пока Норт медленно усаживался в кресло пилота, Бердо зашнуровался в другое кресло рядом.

— На Оберон, сейчас же, — коротко приказал он.

Норт взялся за рычаг. Горло у него пересохло, все тело дрожало от волнения.

— Контакт! — хрипло крикнул он и нажал на педаль. Старый «Метеор» в грохоте ракетных дюз ринулся вверх.

Они косо поднимались над зелеными джунглями Титании. Вопль рассекаемого воздуха быстро умолк: старый крейсер вышел в пространство. Огромная масса туманно-зеленого Урана маячила слева от него.

Меньше чем в миллионе миль от них плыл тускло алый шар Громовой Луны. Корабль, гремя кормовыми дюзами, направился прямо к ней.

Самый внешний из спутников Урана был самым странным в солнечной системе. Она не была большой, эта луна, получившая столь зловещие имя и славу. В диаметре она имела немного меньше тысячи миль, и ее небольшая масса давно уже должна была бы остыть и успокоиться, как у прочих спутников.

Но Оберон не остывал. Хотя большая часть его поверхности и отвердела, под твердой корой бушевал неугасимый внутренний огонь, питаемый слишком высокой радиоактивностью ядра. Пламя этого огненного сердца непрестанно вырывалось сквозь трещины и кратеры в коре, кипело расплавленной лавой бескрайного Океана.

Окутанная мрачной, темной дымкой, вулканическая луна становилась по мере приближения «Метеора» все более страшной. Норт уменьшил скорость, растягивая перелет. Его мысль лихорадочно искала способов перехитрить Бердо и его шайку.

Но придумать он ничего не мог. Авантюрист с кресла второго пилота следил за каждым его движением. Первый же признак бунта — это знал Норт — был бы смертным приговором для Алины Лоурел. Он не смел предпринимать ничего, ожидая, что на страшной луне, к которой они летели, ему, может быть, представится лучший случай.

Норт сказал авантюристу:

— Пора включать антитермиты.

Черные глаза Бердо сузились:

— Ладно, Норт, можете позвать кого-нибудь из ваших приятелей и передать ему управление, пока сами будете включать.

Сменить Норта пришел Дорак. Глаза старого межпланетника с ненавистью смотрели на Бердо, но он принял управление, не сказав ни слова.

Войдя в главную каюту, Норт обратился к Алине. Девушка была бледна, но держала подбородок гордо. Сидней, сидевший в кресле рядом, что-то тихо говорил ей. Коренастый Теннинг, упирая ружье в колено, целился в нее.

— Я в порядке, Джон, — сказала Алина в ответ на безмолвный вопрос Джона.

— Она не в порядке, она в смертельной опасности, и это ваша вина, — горько сказал Норту Филипп Сидней. — Это вы довели ее.

Норт ничего не ответил. Он чувствовал, что упрек молодого офицера был слишком справедлив. Он оглянулся:

— Где Нова?

— В моей каюте, — ответила Алина. — Я дала ей жакет и штаны, — нельзя же ей ходить в этом платье.

Норт подошел к Уайти.

— Нужно включить антитермиты. Мы скоро достигнем Оберона. Мне нужна твоя помощь.

Теннинг, внимательно слушавший и смотревший, бросил приказ решительному молодому человеку в конце каюты:

— Иди с ними, Дарм.

Пробираясь по узкому проходу к циклотронной, Норт тихо зашептал однорукому гиганту:

— Если бы достать атомное ружье и сбить эту скотину Теннинга, прежде чем он выстрелит в Алину...

— Невозможно, Джонни, — ответил шёпотом Уайти — Дарм и Келлс обыскали весь корабль. Оружия нет...

— Не шептаться, эй! — прорычал Дарм позади них.

В тесной циклотронной, дрожавшей от ровного гула массивных аппаратов, они нашли Коннора, молча сверкавшего глазами на третьего негодяя, Келлса.

Они принялись приключать большие антитермиты к циклотронам. Дарм и Келлс зорко следили за ними. Но все же, когда они остановились, чтобы присоединить фидеры, Норт нашел случай шепнуть Коннору:

— Не начинай ничего, Майк! Наше время придет, когда мы достигнем Громовой Луны.

Они кончили присоединение, включили антитермиты. Тяжелые механизмы начали пульсировать. Вокруг них появился голубоватый ореол — туманный нимб, которым окружился летящий «Метеор». Это была нейтрализующая энергия.

— Это должно отогнать большую часть жара, — пробормотал Норт.

Он направился обратно. На узком мостике его встретила Нова Смит. Норт изумленно взглянул на девушку.

Мягкий серый костюм для полета изменил ее. Еще больше она переменилась оттого, что зачесала назад свои светлые волосы.

— Не нужно было предупреждать меня, Нова, — мрачно сказал Норт. — Вы только попали в неприятность.

— Моряк я бывала в неприятностях всю жизнь, — ответила она, задорно улыбаясь. — Я ничуть не боюсь этого дешевого плута Бердо.

— Идите, идите, — проворчал Келлс позади них.

Дорак встал, чтобы уступить ему кресло пилота:

— Бери, Джонни. Мы скоро сядем, а мои глаза недостаточно хороши для этого.

Громовая Луна заслоняла теперь своим багровым, дымчатым диском половину неба. Они видели ее атмосферу, похожую на вьющийся дым, пронизанный алыми молниями и языками огня. Норт напрягся, как струна, вводя «Метеор» по крутой спирали в дымную атмосферу.

Далеко внизу он различал красный отсвет, указывающий на место Пламенного Океана. Он направил корабль в этом направлении. Визг и вой рассекаемой атмосферы резали уши. Он напряг зрение, чтобы рассмотреть, что—нибудь сквозь дым. Мысленно он повторил инструкцию Торна Лоурела:

«Залезь левиума в западном из трех вулканических пиков, поднимающихся из Пламенного Океана. Посадка возможна только на базальтовом плато близ копьеобразного залива на южном берегу...»

Они спускались к страшному Пламенному Океану Громовой Луны. Норт энергично дернул рычаг, включая килевые и боковые дюзы, чтобы свернуть к югу. Но яростные атмосферные течения над этим морем расплавленного камня швыряли «Метеор», как листок в бурю.

Норт с трудом повернул корабль, придавив педали циклотронов к полу. «Метеор» отважно рванулся вперед, пробивая себе путь к югу. В тот момент далеко на западе Норт заметил три острых вулканических пика, черными башнями поднимавшихся из красной лавы.

— Вот они, три кратера! — взвизгнул Шарль Бердо.

Никакой корабль не мог бы спуститься на обрывистые склоны этих огромных пиков. Норт понял это. Он повел ныряющий носом «Метеор» к далекому южному берегу Пламенного Океана.

— Ищите копьеобразную бухту, — приказал Бердо.

Южный берег Пламенного Океана летел навстречу. Исковерканная пустыня из беспорядочно набросанных скал, адские, ало светящиеся реки жидкой лавы, мчащиеся из

огненных родников к лавовому морю. Еще дальше к югу ряд больших вулканов бросал в небо тучи пепла.

Глаза Норта отчаянно шарили по берегу адского материка, но не замечали никакой копьевидной бухты. Он сдвинул рычаг, чтобы повернуть к западу, вдоль берега огненного океана. Но воюющие потоки дыма бешено швырнули «Метеор» вверх, и удар боковых дюз только еще больше вывел его из управления.

Раскатистый непрерывный гром словно смеялся над бешеными усилиями Норта выпрямить ныряющий корабль. Уже на опасно малой высоте ему, наконец, удалось поставить «Метеор» на что-то вроде ровного кия и повести его к западу усиленной работой хвостовых дюз.

— Вот залив! — завопил Бердо указывая. — Но где же, чёрт возьми, базальтовое плато?

Норт направил корабль сквозь клубящийся дым вниз. Там, в миле от огненного моря чернела слегка приподнятая площадка базальта.

— Вот оно! Но оно слишком маленькое, чтобы посадить на него корабль при таких течениях! — воскликнул Норт.

Он лихорадочно переключил всю энергию циклотронов на килевые дюзы. Толчок снизу на момент предохранил корабль от потери высоты. Густые облака черного дыма затемнили окно. Раскаты грома в дыму словно смеялись над ними. Вдруг воюющие вихри разорвали впереди слепящий покров.

— Вы перескочили! — тонким голосом закричал Бердо сквозь шум.

Руки Норта рванули рычаг с поразительной быстротой, нога прижала, отпустила и снова прижала педаль — все в какую-то долю секунды.

Трах! Трах—трах! Корабль от сумасшедшего удара ракет встал на дыбы, повернулся и закружился на боковых дюзах. Он встал вертикально над базальтовой площадкой, медленно спускаясь на пламенных столбах килевых дюз. Сильный толчок, скрип металла — и они сели.

— Клянусь небом, вы пилот, Норт! — ахнул Бердо. Потом многозначительно показал свое атомное ружье. — Теперь возвращайтесь в каюту к остальным.

Расшнуровываясь, Норт почувствовал себя усталым. Чтобы совершить эту опасную посадку, ему понадобилось предельное напряжение сил.

Пассажиры главной каюты прильнули к иллюминаторам. Корабль ежеминутно содрогался от страшных раскатов грома, а внутри становилось все жарче, несмотря на защитный ореол антитермитов.

— Какой ужасный мир! — прошептала Алина Лоурел.

— Конечно, не курорт, — заявила Нова. — Я думала, мы пропали, когда начали падать к этому огненному океану.

— Это была замечательная посадка, Норт! — с горячим восхищением произнес молодой Сидней. — Какой волшебник обучал вас пилотскому искусству! Он хорошо знал свое дело!

— Меня учил величайший пилот, когда-либо летавший в Космосе, — ответил Норт. — Вот он, вернее то, что от него осталось.

И он кивнул на Стини, который сидел, глядя на затянутый дымом пейзаж с детским удивлением в своих пустых глазах...

На пороге каюты показался Шарль Бердо. Коннор вскочил, массивное лицо Уайти Джонса окаменело. Взгляд черных глаз авантюриста холодно скользнул по их враждебным лицам. Он заговорил резко:

— Вам всем пора понять свое положение. Я хочу иметь этот левиум и буду иметь его. Но я не хочу убивать никого из вас, пока в этом нет необходимости.

— Великодушный Чарли, как его звали на «Титании», — хихикнула Нова Смит.

Бердо метнул на белокурую девушку свирепый взгляд, но продолжал спокойно:

— Этот мир опасен, и чем скорее мы его покинем, тем лучше для нас. Помогите мне, и я обещаю отдать вам десятую часть левиума, когда мы вернемся.

Норт размышлял. В мозгу у него возникла отчаянная идея. Если только он найдет случай для своей рискованной попытки...

— Что пользы спорить, ребята? — медленно сказал он своим товарищам. — Они победили. У нас нет другого выбора, как сделать то, что нас просят.

Межпланетники недоверчиво поглядели на него.

Дорак сказал недоуменно:

— Ты думаешь, мы должны подчиниться этим убийцам?

— А что еще мы можем сделать? — возразил безнадежно Джон Норт.

Голубые глаза Новы Смит яростно сверкнули на него.

— Моряк, не говорите глупостей! — вспыхнула девушка. — Разве вы не видите, что Бердо уберет вас с дороги, как только вернется на «Титанию» с левиумом?

— Я предупреждаю вас, чтобы вы не говорили лишнего! — вспыхнул авантюрист. — Еще слово...

Джон Норт знал, что Нова говорит правду. Но он беспомощно пожал плечами.

— Нужно сделать то, что он велит, — повторил он. — Мы у него в руках. Наше неподчинение грозит жизни Алины.

При этом напоминании Коннор, Уайти и Дорак сдались. Их свирепое молчание было признанием поражения.

— Вот теперь все в порядке, — холодно ободрил авантюрист. Он отдал приказания: — Дарм, ты с Келлсом останешься на страже здесь. Помни, что нужно держать мисс Лоурел под прицелом. Норт, вы с Коннором пойдете со мной и Теннингом на разведку. Прежде всего нужно придумать, как переплыть Пламенный Океан.

Сердце у Норта билось от возбуждения, когда он доставал четыре инсулитовых костюма. Они были похожи на обычные скафандры, но сделаны из плотного, сильно изолирующего материала. Шлемы их были непрозрачными, с

одними только прорезями против глаз. У каждого был кислородный прибор и стандартный радиотелефон.

Сначала оделись Бердо и Теннинг, потом Норт и Коннор. Все включили индивидуальные антитермиты, прикрепленные за плечами, и тотчас же каждый окружился голубым ореолом нейтрализующей энергии.

— Не забудьте лунных башмаков, — предупредил Норт, нагибаясь, чтобы надеть тяжелые металлические подошвы. — Протяжение здесь слабое.

Бердо и коренастый Теннинг взяли атомные ружья и открыли шлюз. Норт и Коннор вступили туда по приказанию Бердо первыми.

— Вы двое идите впереди, Норт, — приказал Бердо. — Все время в двадцати футах впереди нас. Поняли?

Норт и ирландец прошли через шлюз и ступили на шершавый черный базальт.

Вокруг них вились крутящиеся облака дыма. Сверху, шурша по шлемам, сыпался пепел. Даже сквозь плотную изоляцию костюмов и защитный ореол антитермитов проникал удушающий зной.

Базальт качался и вздрагивал у них под ногами — это далекие судороги пылающей луны колебали ее неустойчивую кору. Каждое такое содрогание сопровождалось оглушительным, раскатистым взрывом, похожим на артиллерийский залп. В сочетании с удушающей жарой и ослепляющим дымом этот грохот почти оглушил Норта.

В телефоне скафандра раздался голос Бердо. Авантюрист тоже был потрясен.

— Боже мой, что за планета! — пробормотал он. Он вышел из корабля вместе с Теннингом. Норт повернулся к ним и показал сквозь дым:

— Океан лежит в этой стороне.

— Идите оба вперед, — приказал авантюрист. — Мы — за вами.

Вместе со своим широкоплечим помощником он оставался все время позади Норта и Коннора.

Норт не решался выполнить составленный им опасный план так близко от корабля. Неудача стоила бы жизни не только им самим, но и Алине.

Они с Коннором зашагали вперед. Раскатистые удары грома звучали все громче. Жар был невыносимым даже сквозь защитный ореол энергии, окружающей инсулитовые костюмы.

Вдруг Коннор тревожно вскрикнул и рванул Норта назад. Они достигли западного края базальтового плато. В нескольких ярдах от них медленные тяжелые волны разбивались о камни. Зрелище было потрясающим. Море жидкой красной лавы простиралось перед ними.

Далеко в Пламенном Океане поднимались три крутых вулканических пика. Норт определил расстояние до них в две мили.

Послышался хриплый голос Бердо:

— Левиум в западном пике. Клянусь адом, нам нужно как-то добраться туда! Норт, можно ли попасть туда на корабле?

— Никогда, — ответил Норт. — Никакой пилот не сможет спуститься на эти крутые склоны при таких сильных атмосферных течениях!

— Старый Лоурел говорил, что можно переехать на каменном плоту, — пробормотал авантюрист. — Но сможет ли камень плавать на этой жидкой лаве?

Норт наклонился и бросил в шипящие волны кусочек черного базальта. Камешек утонул.

— Базальт плавать не будет, но тут должны быть и более легкие породы, — сказал он. — Нужно поискать.

Они отошли от края плиты и пошли по дымящимся камням. Им удалось найти породу, брошенный кусочек которой плавал в пламенном море.

— Хорошо! — вскричал Бердо. — Мы высечем большой кусок для плота...

— Джонни, смотри! — дико закричал вдруг Коннор. — Направо!

Норт быстро повернулся и окаменел от ужаса. Сквозь дым к ним приближались какие-то неясные, скорченные фигуры.

Это не были люди, и они не носили защитных скафандров. Это были чудовищные порождения этой адской луны, подкрадывающиеся, чтобы напасть. Существа были четвероногими и внешне несколько походили на больших павианов. Их тела отливали странным металлическим блеском. Никакая обычная плоть не могла бы ни минуты просуществовать в этой испепеляющей жаре.

На мордах звериных голов зияли разинутые пасти с блестящими зубами и широко расставленные, неподвижные кристаллические глаза. На задних ногах были копыта, на передних — огромные когти. При каждом дыхании изо ртов чудовищ вылетало пламя.

Норт знал, что это была форма жизни — бесконечно далекая от эволюции на всех других планетах — странная жизнь, зародившаяся в неорганических слоях и развившаяся до полумразумной формы.

Коннор громко крикнул:

— Это, должно быть, Огневики, от которых предостерегал старый Лоурел!

Норт кинулся к Бердо и Теннингу, стоявшим в нескольких шагах.

— За ружья! — крикнул он. — Они хотят напасть! Майк, назад!

Бердо очнулся. Он и Теннинг прицелились в подкрадывающихся Огневиков из тяжелых атомных ружей и торопливо выстрелили.

Свистящая струя атомного пламени ударила в переднего Огневика и отскочила от него без всякого вреда. Атомный заряд только поцарапал эти казавшиеся металлическими тела, сами жизненные процессы которых были огневыми.

— Атомные ружья против них не годятся! — вскрикнул Теннинг хриплым от ужаса голосом.

— Назад к кораблю! — крикнул Норт остальным. — Они разорвут нас в клочья!

Они повернули и помчались сквозь дым к «Метеору». Но они не могли быстро бежать в тяжелых башмаках, в которых только и можно было ходить нормально при этом слабом притяжении. Огневики погнались за ними, неуклюже прыгая на четырех конечностях.

Норт услышал вопль ужаса. Он обернулся и увидел, что Теннинг отстал и Огневики схватили его. Их металлические тела навалились на него и свалили его наземь.

Но Коннор тоже оказался слишком медлительным. Двое из чудовищных созданий быстро догоняли его. Это, обернувшись, увидел Норт.

— Майк, берегись! — пронзительно крикнул он и кинулся к Коннору.

Огневики догнали Коннора и прыгнули ему на спину. Острые когти одного из них зацепились за инсулиновый скафандр и разорвали его.

Норт схватил обломок базальта и бросился на выручку. Коннор упал, и два Огневика надели на него.

Норт бешено заколотил камнем по обоим тварям. Они отпрянули от яростных ударов, которые, очевидно, могли повредить им больше, чем атомные выстрелы.

Норт схватил Коннора за пояс и заковылял с ним сквозь дым. Слева он увидел еще четырех Огневиков, копошившихся над Теннингом, разрывавших его скафандр на клочья. Тело Теннинга уже обгорело и почернело в ужасающей жаре.

Бердо исчезал в дыму. Норт с лихорадочной быстротой последовал за ним, неся вялое тело Коннора. Двое Огневиков погнались за ним, потом кинулись к остальным, раздравшим тело Теннинга.

В дыму замаячил массивный корпус «Метеора». Громкий раскат грома и сотрясение почвы почти сбили Норта с ног. Но он достиг шлюза, проник в корабль и только тогда свалился на пол.

Бердо уже срывал с себя скафандр, Келлс и Дарм с ружьями наготове кинулись к нему.

— Они поймали Теннинга — говорил Бердо, на бледном лице его выступили капли пота, голос был хриплым. — Разорвали на нем скафандр на кусочки...

К Норту подбежали Уайти и Дорак.

— Джонни, что с тобой? — вскричал однорукий гигант.

Норт, тяжело переводя дыхание, сорвал с себя шлем.

— Помогите... Майку! — задыхался он. — Ему порвали костюм, жар проник туда...

Дорак и Филипп Сидней уже снимали с Коннора шлем и скафандр. Ирландец лежал неподвижно, с багровым вздутым лицом. Дыхание его было неровным,

К Норту легко подбежала Нова Смит.

— Моряк, вот аптечка! Ему обожгло спину...

Спина у Коннора была не только обожжена, — она вся почернела от ужасного жара, проникшего сквозь разорванный

скафандр. Сердце у Норта замерло, когда он увидел это. Ирландец застонал от прикосновений.

Потом глаза Коннора открылись и обратились с усилием на побелевшие лица, склонившиеся над ним. Слова с трудом выходили у него из уст.

— Бесполезно, Джонни... — прошептал он. — Я... готов. Простудился... — Глаза у него полузакрылись. — Мне... пить...

Нова Смит прибежала с бутылкой бренди и поднесла стакан ему к губам. Рука Коннора опустилась на плечо девушки. На лице мелькнула далекая тень прежней улыбки.

— Вот так я всегда хотел умереть, — прошептал он. — С бокалом вина из рук красивой девушки...

Последние слова прозвучали как замирающий вздох, губы раскрылись, глаза сомкнулись, голова запрокинулась.

Алина Лоурел разразилась рыданиями. Филипп Сидней утешал ее, но его собственное лицо побледнело и осунулось. Нова глядела на Джона Норта, смахивая слезы с голубых глаз.

Царапание чего-то о корпус снаружи нарушило тишину. У Алины вырвался крик ужаса, когда они увидели за иллюминаторами жуткие серые силуэты множества Огневигов, яростно скребущих «Метеор» когтями.

Келлс хрипло закричал:

— Да это просто черти!

Резкий голос Бердо заставил их замолчать.

— Это только Огневики, о которых говорил старый Лоурел. Атомные ружья им не вредят, но мы должны от них как-то избавиться.

— Если бы я включил циклотроны и ударил в них из боковых дюзов... — предложил Филипп Сидней.

Авантюрист кивнул:

— Хорошо, Келлс, пойдешь с ним.

Через минуту раздался отрывистый стук ракет. Короткая вспышка пламени отбросила Огневигов от корабля. Они умчались в дым.

В мертвом молчании Норт, Уайти и Дорак завернули труп Коннора. Надев инсулитовые скафандры, они вынесли его, чтобы похоронить. С ними вышли Келлс и Дарм с ружьями наготове.

Они насыпали над своим мертвым товарищем каменный холм. Затем в нерушимом молчании вернулись к «Метеору».

— Уйдем с этой ужасной планеты, пока мы все не погибли! — рыдала Алина. — Она убила моего отца, она убивает всех...

— Мы не уйдем, пока не достанем левиум! — В голосе Шарля Бердо прозвенела сталь. Рука угрожающе легла на атомный пистолет, а властные черные глаза пробежали по всем лицам. — Там, в этом кратере в Пламенном Океане, есть несметные богатства левиума. Я не уйду, когда так близко от меня лежит такая добыча.

Норт сказал тихо, с горечью: — Коннор был бы жив, если бы вы не приказали ему идти с нами, Бердо.

— Он хотел начать бунт, я не мог оставить его на корабле, — отрезал Бердо. — Будет еще хуже, если вы попытаете не повиноваться мне.

Массивная фигура Уайти окаменела, лицо дрожало от ярости. Но Норт снова бросил однорукому гиганту предостерегающий взгляд. Три атомных ружья скосят не только их, но и обеих девушек, если они начнут действовать сейчас.

— Мы отправимся сейчас за этим левиумом! — резко произнес Бердо. — Пойдем все, кроме девчонок и помешанного. Я не хочу оставлять здесь никого, кто бы мог захватить корабль и улететь, оставив меня на этой проклятой планете.

— Но если с нами всеми случится что-нибудь в дороге, то оставшиеся не смогут улететь, останутся здесь на медленную смерть! — запротестовал Филипп Сидней.

— Это, — проскрежетал Бердо, — заставит нас быть осторожными и следить, чтобы ничего не случилось. Надевайте скафандры. Возьмем с собой кирки, ломы и асбестовые

канаты. Мы должны быть достаточно сильными, чтобы отогнать Огневигов, если они опять нападут.

Норт начал медленно надевать инсулитовый скафандр и шлем. Сидней, Уайти, Джонс и Дорак последовали его примеру.

— Я хочу идти с вами, моряк, — заявила вдруг Нова Норту. Ее личико было бледным и тревожным. — Я могу помочь...

Норт покачал головой:

— Вы останетесь здесь с Алиной и Стини, Нова. Мы вернемся. Не тревожьтесь за нас.

Выскочив в грохот и дым пламенной луны, Норт огляделся. Не было и признаков Огневигов, нападавших на них. Они двинулись к берегу.

На берегу Пламенного Океана Норт увидел большую глыбу белого камня, того самого, что мог плавать в огненной лаве.

— Этот камень достаточно велик, чтобы поднять всех нас, — заявил авантюрист. — Норт, вы с Дораком и Джонсом начинайте высекать плот. Сидней, подберите несколько каменных весел.

Они принялись за работу. Подрубив плоский пласт своими кайлами и ломами, они сдвинули его к алым, шипящим лавовым волнам. Даже при малом притяжении спутника, проделывая эту работу, им приходилось напрягать все силы.

— Огневики идут! — раздался вдруг хриплый, полный паники голос Келлса.

Целый десяток огнедышащих тварей неуклюже подбирался к ним с востока.

— Кто—нибудь из вас отгоняйте их кайлами! — крикнул Бердо. — Остальные столкните плот!

Норт, Дорак и Уайти встретили Огневигов ударами ломов и кайл. Кайло Норта разбило кристаллический глаз одного из чудовищ, и оно слепо шарило своими когтистыми лапами. Уайти яростным взмахом тяжелого лома почти снес

голову другому. Огневики на мгновение отступили перед яростной обороной.

— На плот! — крикнул Бердо. — Скорее, пока они не кинулись опять!

Сидней и Келлс спустили тяжелый пласт белого камня на жидкую лаву. Норт и его два товарища прыгнули вслед за другими на качающийся плот.

— Гребите, живо! — крикнул Бердо.

Огневики бежали к берегу. Тяжелый каменный плот медленно двинулся по лавовым волнам. Норт и его товарищи яростно заработали каменными веслами.

Обманутые твари столпились на берегу, следя за плотом кристаллическими, похожими на стеклянные блюдечки глазами. Бердо, стоя на носу странного судна вместе с Дармом и Келлсом, указал на север через Пламенный Океан:

— Держите к этим трем вулканическим пикам!

Норта почти потрясла неукротимая решимость авантюриста. Их положение было опасным как никогда. Зной, которым веяло от ало сверкающей лавы, был почти нестерпим даже сквозь защитный ореол антитермитов. Каждое движение каменных весел сыпало вокруг фонтаны огненных брызг.

И все же грубый каменный плот подвигался по огненному морю. Вулканические пики приближались. Но людям казалось, что они едва ползут через это двухмильное расстояние.

На них все время сыпался пепел вулканов, далеко на юге мечущих к небу огненную бурю. Облака дыма, иногда обрушивавшиеся на пламенное море, обвивали их зловещей тьмой.

— Это... сам ад — прохрипел Филипп Сидней, работая веслом рядом с Нортом. — Мы никогда не вернемся отсюда!

На поверхности лавы там и сям плясали столбы выходящего пламени. Один такой смерч заскользил прямо к ним.

— Гребь к западу! — крикнул Норт. — Уйдем с пути этого смерча!

Они поспешно изменили курс. Огненный вихрь пролетел всего в нескольких десятках ярдов от них.

Норт снова, и снова, и снова погружал в жидкое пламя свое каменное весло. Когда он оглянулся, западный кратер был уже прямо перед ними. Его зубчатый черный конический пик круто, без всякого подножья или берега поднимался из Пламенного Океана. Только в одном месте заметили они узкую площадку, на которую можно было бы выскочить.

Каменный плот стукнулся о берег. Бердо и его сообщники выскочили первыми и сразу же отбежали на безопасное расстояние, чтобы следить с ружьями за движениями остальных.

— Берите с собой кайла, ломы и канаты, — быстро приказал Бердо. — Мы привяжем плот канатом.

Уйти, Сидней и Дорак с инструментами вышли на берег. Переходя каменный плот, Норт наклонился, словно споткнувшись. Его пальцы незаметно распутали застёжки свинцовых башмаков.

Время для выполнения опасного плана настало. Он знал, что у него будет только один шанс.

Он выпрямился, словно для того, что сойти с плота. Но вместо этого он сбросил с ног тяжелые башмаки. Освобожденный от их тяжести, он прыгнул прямо на Бердо и его людей.

Все трое были в тридцати футах от него. Но эти тридцать футов Джон Норт пролетел, как бомба. Выстрел прогремел позади его шлема в тот момент, когда он уже обрушился на Бердо.

Он свалил авантюриста наземь, яростно вцепился ему в вооруженную руку и одновременно ударил ногами, чтобы сбить Дарма и Келлса.

— Дорак! Сидней! Прыгайте скорее на них! — крикнул он.

Яростно борясь с Бердо, Норт услышал близко от себя выстрел атомного ружья. В телефоне у него раздались вопли и хрипенье агонии, но он не мог обернуться, чтобы взглянуть, кто это выстрелил. Он вложил всю свою силу в судорожный порыв, от которого Бердо зашатался. В следующий момент Норт схватил оружие и нацелил на него.

— Отступить, руки вверх, или я стреляю! — крикнул он.

Битва на узкой площадке кончилась. Преступник Дарм лежал ничком и не шевелился, гласситовая щель в его шлеме была разбита, лицо почернело от жара. Над ним выпрямилась гигантская фигура Уайти. Сидней отнял пистолет у Келлса и целился в него. Но позади схватившись за ногу и корчась от боли, лежал Ян Дорак.

— Дарм ранил Дорака, прежде чем я убил его, — прошептал Уайти.

Норт оставил его сторожить Бердо, Келлса и наклонился над Дораком. Нога упрямого межпланетника была ранена атомным выстрелом, инсулитовый скафандр порван.

— Нога... горит, — простонал он. — Но рана не опасная... Норт отрезал кусок инсулита от скафандра убитого Дарма и плотно обмотал им ногу Дорака. Это на время должно было предохранить его от жара.

Потом они отрезали несколько кусков каната и связали Бердо и Келлса по рукам и ногам. Норт почувствовал, что дрожит от реакции. Он боялся поверить в удачу своего смелого плана.

— Я не смел пытаться раньше, — хрипло сказал он Уайти и Сиднею, — потому что до сих пор Алину держали под прицелом, и первый же признак атаки означал бы смерть для нее.

— Это было хорошо сделано, Джонни, — горячо ответил Уайти.

Норт взглянул на крутой склон пика, у основания которого они стояли. Огромная базальтовая башня была

покрыта корой застывшей лавы. Вверх по склону вела узкая трещина в скале.

— Теперь за левиумом, — напряженно сказал он и повернулся к Дораку, который сидел, прислонясь спиной к глыбе лавы.

— Ступайте, ребята, — пробормотал тот. — Я могу сторожить Бердо и Келлса, пока вы будете ходить.

Норт дал ему ружье.

— Сожги их, если они шевельнутся, Ян, — сказал он.

Но было маловероятным, что Келлс или Бердо, лежащие связанными на узкой площадке, попытаются бежать.

Норт привязал канатом к площадке каменный плот. Захватив инструмент, Норт, Сидней и Уайти начали подъем по склону огромного конуса. Норт шел впереди, стараясь держаться пути, намеченного им по лавовым выступам и трещинам могучего кратера.

Мысли Норты сосредоточились на левиуме. Эту полулегендарную залежь самого таинственного из элементов нужно найти, иначе все муки, все лишения и смерти окажутся бесполезными. Если старый Торн Лоурел много лет назад действительно прошел этим опасным путем и нашел левиум, то этот клад еще должен быть здесь.

Они достигли усеченной вершины пика и кинулись на мгновение наземь, чтобы свирепые вихри, бушующие здесь, не сорвали их с утеса. Оказалось, что они цепляются за зубчатый край самого кратера.

— Неужели нам нужно забираться туда? — ошеломленно спросил Филипп Сидней, приподняв голову, чтобы заглянуть в кратер.

— В записях Лоурела сказано, что левиум находится в кратере, — ответил Норт. — Должно быть, он нашел путь вниз.

Жерло кратера было почти вертикальной шахтой диаметром около ста футов, спускавшейся в черную, слепую глубину. Стенки этого вулканического колодца, как и

склоны пика снаружи, были покрыты выступами и трещинами, а внизу отсвечивала жидкая лава.

Я вижу спуск по северной стенке жерла! — воскликнул Уайти. — Но он, кажется, опасный.

— Это и есть путь, которым шел Лоурел. Другого нет, это единственно возможный, — сказал Норт. — Идемте.

Они обошли кратер кругом, низко пригибаясь от визжащих вихрей дыма. Стены кратера заслонили их от неистовства атмосферных течений. Но содрогания грунта при каждом раскате грома были здесь еще сильнее.

Этот спуск в недра кратера был страшнее подъема снаружи. Им приходилось нащупывать дорогу от выступа к выступу, ни на минуту не забывая, что поскользнуться — значит упасть в расплавленную лаву, красновато отсвечивающую глубоко на дне колодца.

И вдруг Джон Норт заметил слабый голубоватый свет, брезживший из углубления в стенке кратера. Сердце у него забилося.

— Кажется, мы нашли его! — хрипло вскричал он. — Скорее!

Они спустились на покатую площадку, возле которой в стенке кратера открывалась глубокая впадина. Отверстие было в человеческий рост.

Норт вошел и очутился в небольшой пещере — одном из множества пузырей, пронизывающих толщу пика. Внутренность этой пещеры в скале была освещена странным холодным голубоватым светом. Он исходил сверху, и все трое взглянули туда.

— Левиум! — вскричал Уайти. — Но, Джонни, посмотри, сколько его!

Под сводчатым потолком пещеры виднелась грубая яйцевидная масса плотного каменистого вещества, сиявшая холодным голубым светом. Это было словно голубое солнце, подвешенное к кровле пещеры. Но оно не висело там, Норт понял это. Огромная масса левиума прижималась к кровле,

стараясь вырваться из кармана, в котором так долго была заключена.

Норт мог представить себе геологическую историю этого куска левиума. Рожденный в центре пламенной массы Оборона, левиум в течение веков продавливался все выше и выше, движимый в пространство своей странной силой обращенного притяжения. Оказавшись в этой пещере, он оставался в ней, как в ловушке, много—много лет.

— Теперь мы знаем, почему Торн Лоурел смог привезти только кусочек левиума, — хрипло сказал Норт. — Ни один человек не мог бы одолеть эту массу.

— Джонни, как мы вытащим отсюда эту штуку? — озабоченно спросил Уайти. — Мы не можем просто нести ее, — она будет рваться вверх. Мы не сможем удержать ее.

— Есть только один способ, — ответил Норт. — Надо привязать ее к глыбе обыкновенного камня, достаточно тяжелого, чтобы уравновесить отрицательный вес левиума.

Они нашли такую глыбу в углу пещеры — обломок камня, упавший вследствие непрерывных содроганий Громовой Луны.

Встав на эту глыбу, они начали просовывать ломы над массой левиума, чтобы накинуть на нее канаты и стянуть вниз. Но едва они начали тащить левиум вниз, как с кровли пещеры, к которой он так долго был прижат, посыпались обломки камня.

— Джонни, кровля может осесть прямо на нас! — вскричал Уайти.

Норт понял опасность. Глыба левиума, давя сверху в течение веков, вызвала напряжения и трещины в кровле пещеры. Если убрать теперь левиум, то последняя опора кровли исчезнет, и постоянные сотрясения Громовой Луны обрушат на них свод пещеры.

— Нам нужно вытащить левиум очень быстро, — заявил Норт. — Скорее привяжем его к камню.

Потребовалась вся сила троих людей, чтобы стащить левиум вниз с помощью накиннутых на него канатов. Пока

они торопливо привязывали его к глыбе черного камня, с потолка посыпались новые осколки.

Привязанный камень больше, чем уравновесил отрицательный вес левиума. Обе связанные вместе глыбы имели несколько фунтов положительного веса.

— Следующий же сильный толчок обрушит всю пещеру! — тревожно крикнул Норт. — Скорее вынесем его отсюда!

— Нет еще! — проскрипел знакомый хриплый голос. Они быстро повернулись. У входа стоял Шарль Бердо с атомным пистолетом, направленным на них.

Бердо быстро вошел в пещеру. На площадке снаружи они заметили силуэт Келлса.

— Я еще не вышел из игры, Норт! — заявил авантюрист. — Вы даже не подумали, что ваш друг Дорак может потерять сознание от боли.

Норт знал, что Бердо убьет их и что ни ему, ни Сиднею не удастся выхватить оружие, чтобы успеть помешать этому.

Но пальцы Бердо на один миг задержались на курке, когда авантюрист восхищенно взглянул на невероятно сияющую массу левиума.

— Сокровище Громовой Луны! — прошептал он, трепеща от алчности. — Величайший клад из всех...

Громовой раскат заглушил его слова. С потрескавшейся кровли посыпался дождь каменных обломков. Они ударили по вытянутой руке Бердо, разбили пистолет, а его самого заставили отпрянуть.

— Пещера рушится! — завопил Уайти Джонс. — Бежим! Они схватили связанные глыбы левиума и камня и быстро потащили их к выходу. Безоружный преступник Келлс, ждавший на площадке, убежал.

Бердо ошеломленно искал свое оружие, когда Норт с Сиднеем торопливо вытаскивали левиум сквозь узкое отверстие. Вдруг вся кровля пещеры с оглушительным грохотом обрушилась на авантюриста.

Да и сводчатый выход из пещеры уже опускался над Норт-ом и Сиднеем. Уайти прыгнул в это сжимающееся отверстие, и его гигантская фигура напряглась в геркулесовском усилии поддержать рушащиеся массы камня спиной и плечами.

Это дало Нарту и Сиднею несколько мгновений, достаточных для того, чтобы выскочить вместе с грузом наружу, на площадку. Когда Норт обернулся, гигантские плечи Уайти уже сгибались под тяжестью оседающей скалы, а голос превратился в задыхающийся стон:

— Джонни...

Норт никогда в жизни потом не смог забыть выражения любви и отчаяния в голосе Уайти, когда его огромная голова склонилась под сокрушительной тяжестью.

Норт яростно рванулся, чтобы высвободить гиганта. Но новое сотрясение бросило его наземь, и вся пещера сразу осела.

Норт, шатаясь, поднялся на колени. Ни отверстия, ни пещеры больше не было — ничего, кроме свежей груды обломков на том месте, где стоял Уайти. Он заколотил кулаками по камню, крича сдавленным голосом:

— Уайти! Уайти!

Но он знал, что Уайти погребен под обломками скал, которые он поддержал, чтобы спасти их.

Дрожащий, настойчивый голос Сиднея проник сквозь скорбь Норта. Молодой офицер цеплялся за глыбу левиума, скорчившись на крохотной сотрясающейся площадке.

— Келлс убежал! — говорил Сидней. — Он побежал назад по тропе, — он безоружен, но может захватить наш плот и уйти, если мы не остановим его.

— Несите левиум, — хрипло сказал Норт Сиднею. — Я побегу за ним. — Его потрясенный мозг сверлила все время одна и та же мысль: «Уайти погиб... Уайти погиб...»

Выбравшись на вершину кратера, Норт увидел одетую в инсулит фигуру Келлса, бешено бегущего вниз по склону

пика. Он яростно ринулся в погоню, не обращая внимания на опасности.

Но Келлс первым достиг площадки на берегу Пламенного Океана. Он успел отвязать каменный плот и столкнуть его на лавовые волны.

Норт выхватил атомное ружье и выстрелил. Келлс с ужасом дернулся назад, и струя атомного пламени просвистела мимо. Каменный плот уже отнесло от берега. Негодяй разбежался и прыгнул на него...

Но он не допрыгнул в своих тяжелых башмаках. Норт видел всплеск лавы и слышал ужасный крик, милосердно заглушённый радиотелефоном. Когда он решился взглянуть снова, над поверхностью лавы он увидел лишь дымное облако. Только каменный плот безмятежно уплывал все дальше.

Норт вернулся на вершину и помог Сиднею стащить упрямую связку левиума и камня вниз по склону, на площадку у подошвы пика. Там они склонились над неподвижной фигурой Дорака.

Дорак был еще без сознания, но дышал.

— Он выживет, если увезти его отсюда, — сказал Сидней.

— Но как, Норт? Плот уплыл...

Помрачневший Норт поднялся.

— Мы могли бы вырезать новый плот из этих камней, — пробормотал он. — Но боюсь, они слишком тяжелы, чтобы плавать.

Отколов кусок породы, они бросили его в огненное море. Обломок медленно погрузился в шипящие, алые волны.

— Я так и думал, — медленно произнес Норт. — Мы не можем уйти, из этой горной породы состоит пик.

Сидней воскликнул:

— Но даже если с нами кончено, как быть с Алиной, Новой и Стини? Они там, в корабле, и они тоже не смогут уйти отсюда. Девушки не умеют управлять кораблем. А если они попытаются сделать другой каменный плот и приехать за нами. Огневики наверняка поймают их!

— У них есть только один шанс уйти, — сказал Норт. — Это Стини. Если бы он смог увести корабль отсюда... когда-то, много лет назад он был великим пилотом. Это единственный шанс спасти их...

Он потратил несколько минут, чтобы присоединить батарею радиотелефона со скафандра Сиднея к своему прибору. Удвоенной мощности могло хватить для связи с «Метеором».

Он заговорил настойчиво:

— Джон Норт вызывает «Метеор»! Вызываю «Метеор»!

Ответа не было. Он вызывал снова и снова. Прошел почти час, прежде чем в ушах у него вдруг раздался возбужденный девический голос:

— Моряк, это вы? Я Нова! Я встревожилась, настроило аудифон, и...

— Нова, слушайте! Мы достали левиум, но не можем уйти отсюда. — Норт быстро рассказал ей все происшедшее. — Вам надо уйти с этой луны на «Титанию» и вызвать оттуда помощь. Это единственный способ для всех нас спастись.

— Неправда! — вскричала Нова. — Вы не сможете прождать там столько времени, сколько понадобится, чтобы полететь и вернуться с помощью!

— Нет, сможем, — солгал Норт. — Мы нашли запасы, спрятанные старым Торном Лоурелом, — баки с кислородом, пищу, воду и даже портативную жароупорную палатку. Когда вы вернетесь с помощью, вы найдете нас здесь с левиумом.

Нова согласилась:

— Если вы уверены, что это лучший способ помочь вам, моряк, мы сделаем это. Только как мы доберемся до «Титании»? Мы не умеем вести корабль — ни я, ни Алина.

— Стини, вероятно, сможет, — сказал Норт. — Дайте мне поговорить с ним.

Он ждал, пока Нова позвала старого пилота.

— Вы хорошо солгали, Норт, — тихо сказал Сидней. Без этого они никогда не согласились бы улететь.

Норт кивнул:

— Они вернутся с помощью, если смогут благополучно улететь. Мы будем мертвы, но левиум останется и будет потрачен на общее дело, как условлено.

Он прервал себя, услышав щелканье включенного на «Метеоре» аудифона. Потом послышался неуверенный голос Стини.

— Стини, слушай, это я, Джонни, — сказал Норт медленно и внятно, чтобы тот понял его. — Стини, ты хочешь вести корабль, неправда ли?

— Да, Джонни, — был радостный ответ. — Ты позволишь мне теперь?

— Ты думаешь, что сможешь, Стини? — напряженно спросил Норт. — Ведь уже годы, как ты не садился за управление.

— Я думаю, что вспомню все, как только возьмусь за рычаги, Джонни!

— Так слушай, Стини, — настойчиво произнес Норт. — Вот что ты должен сделать. Ты должен вести корабль прямо прочь с этой луны. Ты должен идти на «Титанию» и сесть в космопорте Лунного Города.

Стини задал недоумевающий, нерешительный вопрос:

— А что с тобой и остальными, Джонни?

— Мы должны остаться, — объяснил Норт. — Мы не можем уйти с этого пика. Вам надо идти за помощью.

— Но я могу прийти за вами с кораблем, — поспешно предложил Стини. — Я могу прийти и взять вас; тогда мы улетим все вместе.

— Нет, Стини! — настойчиво повторил Норт. — Ты не должен пробовать этого! Здесь нет места, чтобы посадить корабль.

— Но я могу подвесить его достаточно надолго, чтобы вы вошли, — заявил старый пилот своим чистым, детским голосом.

— Не пытайся, Стини! Атмосферные течения здесь ужасны. Никакой пилот не сможет подвесить корабль, не разбившись!

Норт умолк, но ответа не было. Он громко закричал в передатчик своего шлема:

— Стини, слушай меня! Не пробуй этого, иначе убьешь себя и девушек...

— Норт, смотрите! — Резкий крик Сиднея заставил Норта быстро поднять глаза.

Там, на юге, над пламенным огненным морем поднималось в дыму какое-то темное тело. Это был огромный продолговатый «Метеор», грохотавшей огненными вспышками своих килевых дюз.

Он ринулся к пику, словно сползая над пламенным лавовым морем. При малой высоте и огромной скорости он, казалось, неизбежно должен был разбиться о пик.

— Стини, назад! — напрасно кричал Норт в передатчик.

Слишком поздно! Огромная масса «Метеора» рванулась вниз к узкой площадке, на которой они скорчились.

Грохот ревущих дюз заглушил даже раскаты грома содрогавшейся луны. Корабль падал, падал, чтобы разбиться и утонуть в огненной лаве...

Килевые дюзы изрыгали вниз бешеное пламя, разбивавшее лаву внизу в чудовищный фейерверк огненных брызг. Уравновесившись на этих огненных столбах, качаясь во все стороны в бурных вихрях, мечущихся вокруг него, корабль замер, паря в воздухе.

— Сюда, Норт! — дико взвизгнул Сидней.

Дверь воздушного шлюза парящего рядом с площадкой корабля была всего в нескольких футах от них. Они кинулись к ней. Сидней тащил упрямую глыбу левиума и камня, Норт — бесчувственное тело Дорака.

Казалось безумием думать, чтобы какой-нибудь пилот в Космосе смог произвести здесь, в этих воющих дымных вихрях подвесную посадку — самый сверхчеловеческий из всех пилотских подвигов. Но Стини сделал это! Играя на

килевых и боковых дюзах, как на огненном органе, он несколько секунд держал корабль в равновесии...

Норт очутился в шлюзе вместе с Сиднеем Дораком и левиумом. Он захлопнул наружную дверь, распахнул внутреннюю и крикнул хрипло:

— Вверх, Стини, вверх!

Его швырнуло назад, когда «Метеор», словно брошенный гигантской катапультой, ринулся вверх. Выше, все выше, сквозь дым и пепел Громовой Луны, к свободному пространству и дружелюбным звездам...

Нова и Алина рыдали от радости и волнения. Норт прошел мимо них в каюту управления, где Стини сидел, согнувшись, далеко назад отводя рычаг.

Преображенное лицо Стини сияло. Весь пламенный ге-ний его великого прошлого ожил у него в мозгу на те несколько секунд, когда он вел «Метеор», несущийся все дальше и дальше в пространство.

А потом корабль пошел, ровно жужжа, а свободном эфире, под ясным зеленым оком большого Урана, и Громовая Луна стала тускло—красным шаром, уходящим назад.

Стини беспокойно взглянул на Норта.

— Я сделал это хорошо, Джонни? — с тревогой спросил он. — Неправда ли?

Рука у Норта дрожала, когда он положил ее на плечо товарища.

— Ты сделал то, чего не мог бы сделать никакой другой пилот в Системе, Стини.

Стини улыбнулся, это была счастливая улыбка довольного ребенка.

— Я был, когда-то хорошим пилотом, — сказал он.

МОНУМЕНТ

Скрипя каждым бимсом, словно утомленный долгим путем, «Метеор» опускался на ночную сторону Земли. На заливной лунным светом выпуклости внизу огни города

казались сверкающим пятном. Вокруг черного пятна космопорта дружески светили красные и зеленые маяки.

Норт медленно посадил корабль. Когда тот сел и жужжание циклотронов сменилось тишиной, он на некоторое время остался в пилотском кресле. Потом, понурившись, вернулся в каюту.

Сидней открыл дверь, и вошли люди, ждавшие снаружи с носилками и машиной. Они положили Дорака на носилки. Ему предстояло пройти длительный курс лечения.

Дорак смотрел мимо всех на Норта, и его бледное лицо было странно напряженным.

— Джонни...

— Поговорим после, Ян, — тихо сказал Норт. — Выздоравливай и отдыхай. Стини, я хочу, чтобы и ты пошел с ними помогать ухаживать за Яном.

Они вышли. Ясные глаза Алины затуманились, когда она посмотрела им вслед. Голос у нее слегка дрожал, когда она повернулась к Норту.

— Ни они, ни все другие старые межпланетники, вроде них, никогда не будут больше нуждаться ни в чем, — сказала она. — Нашего левиума хватит, чтобы обеспечить для них достойную старость.

Сидней сказал Норту серьезно:

— Мне не удалось поговорить с вами в пути, Норт. Но я хотел сказать вам... Неприятностей с проклятой Компанией не будет. Я бросаю их гнусную шайку и буду свидетельствовать, что Алина действительно купила корабль. Дела против нее они поднять не смогут.

За сокровищем явилась вооруженная охрана и бронированная машина. Норт следил за погрузкой, ощущая странное отсутствие волнения.

Сидней вернулся к нему, стоявшему в лунном свете подле корабля. В правильных чертах молодого офицера была нерешительность.

— Норт, есть еще кое-что, о чем я должен сказать вам. Мы с Алиной...

Норт слабо улыбнулся и кивнул:

— Я знаю, Сидней. Мне давно уже ясно, что вы любите друг друга...

Джон Норт остался один в лунном свете у исцарапанного борта безмолвного «Метеора».

Он медленно зашагал через порт к стройной, залитой лунным светом колонне Памятника Пионерам Космоса. Дул порывистый сильный ветер; он доносил звуки подготовки к отлету венерианского лайнера — музыку и смеющиеся голоса пассажиров, празднующих свой отлет в ближайшем кафе.

Но Норт не слышал ничего этого. Он не помнил, как очутился перед высокой колонной, ее сверкающие грани уходили в небо, завоеванию которого для человечества он посвятил всю свою жизнь. Он никогда не чувствовал себя таким одиноким, как в этот миг.

Он вспомнил тот день, когда они приземлились здесь, вернувшись с Кэрю из второго перелета. Он вспомнил шумную толпу, яркое солнце, улыбки и шутки Майка Коннора, высокую молодую фигуру Уайти, возвышавшуюся над всеми...

Норт наклонился, пытаясь прочесть имена, начертанные золотом на пьедестале, — имена тех, кто летал с Джонсоном, и Кэрю, и Венци. Там было и его имя, но он не искал его. Он читал бессмертные имена великих пилотов, и каждое имя вызывало призраки, окружавшие его в эту бурную ночь.

Джезон Питерс:

«...и никто не сможет помешать мне еще раз попасть в пространство...»

Майк Коннор:

«...вот так я всегда хотел умереть — с бокалом вина из рук красивой девушки...»

Харлей Стини:

«...Я был хорошим пилотом, неправда ли?»

Уайтман Джонс:

«Джонни»

Больше читать он не мог. Горло у него свела судорога, глаза застилало.

Кто—то схватил его за рукав.

— Моряк!

Он взглянул на лицо Новы, белое и напряженное в лунном свете.

— Моряк, я не могу оставить вас, я знала, что вы сюда придете, — сдавленно проговорила она.

Ветер донес до них звуки далекой песни. Это была старая песня — гимн тех сильных людей, кто открывал миры.

«Мы построим лестницу до звезд!...»

Норт взглянул на золотые имена на пьедестале, голос у него обрывался:

— Они построили лестницу до звезд. Нова. А теперь они погибли, погибли и забыты... Но я верю: время их славы еще придет! Я верю...

— Моряк, не надо... — Нова плакала, прижимаясь к нему. — Я знаю, что вы чувствуете, но вы не одиноки. Я всегда буду с вами, моряк, если вы только захотите...

— Но, Нова... — Он удивленно взглянул в ее заплаканные глаза.

— Я знаю, что я только глупая девчонка... — начала она.

— Вы самая храбрая и красивая девушка, какую я только встречал, — ответил он. — Но я стар...

Она спрятала лицо у него на плече. И Норт почувствовал, как странная теплота растопила ледяную боль в его груди. Он обнял ее, озаренную лунным светом.

Венерианский лайнер поднимался с громовым грохотом дюз, вздымаясь к зениту на огненных столбах взрывов. И сверкающая металлическая колонна казалась крохотной рядом с пламенным величием этого огромного, более прочного памятника.

РОЖДЕННЫЕ МОРЕМ

Шесть лет назад нам с Эриком Ли не было и шестнадцати. Мы жили в маленьком городке во Флориде, на берегу Атлантики. Как-то жарким летним утром мы с ним отправились на побережье. Море — раскалённое, бирюзовое — лениво накатывалось на острые кораллы, тянувшиеся вдоль берега.

Наконец я остановился, стянул рубашку и объявил:

— Пойду охладжусь. Ты со мной?

Эрик нахмурился, помрачнел, беспокойство явно читалось во взгляде его чёрных глаз.

— Не пойду, Фрэнк...

— Пошли, — нетерпеливо повторил я. — Твой отец ничего не узнает. Почему он запрещает тебе плавать?

— Думаю, боится, что утону или случится что-то в том же духе, — ответил друг. — В любом случае он взял слово, что я и близко к воде не подойду.

— Наверное, он не в себе, если взял такое обещание, — усмехнулся я, сбрасывая сандалии.

Джон Ли и в самом деле был самым эксцентричным из жителей Стоктона. Тощий мужчина лет пятидесяти, он приехал вместе с сыном в наш городок несколько лет назад. Построил небольшой домик на северной оконечности, неподалёку от бухты. Он всегда был спокойным и вежливым, но, разговаривая с ним, вы сразу замечали, что этот человек не слишком-то обращает на вас внимание, словно постоянно думает о чём-то ещё. Эрика тоже отчасти считали «не от мира сего». Пожалуй, я был его единственным приятелем.

Однако в то утро я немного злился на Эрика и мне в голову пришла озорная мысль.

— Иди сюда, — сказал я, стараясь выглядеть совершенно невинным. — Посмотри, что тут.

Эрик, ничего не подозревая, подошёл к коралловому обрыву. У его ног раскинулась лагуна глубиной в несколько

футов. Сделав вид, что собираюсь нырять, я схватил Эрика за плечи и толкнул в воду.

Мгновение или два я стоял, наблюдая, как приятель бултыхается и од водой, в любую минуту готовый вытащить его. Потом увидел, как Эрик нырнул и поплыл. Он разрезал водную гладь подобно рыбе. Прошла минута, а Эрик и не думал останавливаться. Он плыл вдоль берега, не выказывая никаких признаков усталости, и находился под водой уже больше двух минут! Это было так удивительно, что нервы мои не выдержали. Я нырнул следом за ним.

Подхватив приятеля за плечи, я потащил его к берегу.

— Придурок, ты ведь мог утонуть, — набросился я на Эрика. — Как тебе удалось задерживать дыхание так долго?

— А я не задерживал, — воскликнул Эрик. — Я дышал и од водой.

Глаза его сверкали от восторга.

— Дышал под водой? — воскликнул я. — Да ты сумасшедший! Никто такого не может делать!

— А я могу! — воскликнул он. — И в воде мне так легко дышится... — Он весь светился от счастья. — Это удивительно... Прохлада, зелень и такая красота. Я почувствовал себя, словно попал домой...

— Чепуха, — резко оборвал я его. — Должно быть, ты просто можешь задерживать дыхание дольше, чем остальные, не более того.

— Эрик, что ты делаешь?!

Это был его отец. Видимо, он шёл по берегу, но мы его не замечали.

— Ты плавал в море, — произнёс мужчина, не сводя глаз с сына.

Тот опустил голову:

— Да, папа. Я не хотел, но...

— Это я толкнул его!

Эрик поднял голову и внимательно посмотрел на отца:

— Но папа, послушай... Оказывается, я могу дышать под водой!

— Ему показалось, мистер Ли, — снова вмешался я. — Он просто надолго задержал дыхание, вот и всё.

Я ожидал, что Джон рассердится, слушая чепуху, которую нёс Эрик. Но тот стоял совершенно спокойно, смотрел на сына, и странная печаль плескалась в его взгляде.

— Пойдём домой, сын, — наконец сказал он, — хочу поговорить с тобой.

Эрик бросил на меня тревожный взгляд, после чего вылез из воды и побрёл за отцом. Я смотрел им вслед, и странное, неприятное чувство охватывало меня. Я подумал, что втянул друга в неприятности...

Только через два дня мы с Эриком встретились снова.

— Отец наказал тебя за то, что ты плавал? — спросил я.

Эрик только головой покачал.

— Нет. Только попросил, чтобы я никому об этом не рассказывал...

Что-то в парне изменилось, словно какая-то искорка заблестела в глазах. И странное дело... с тех пор мы почти не виделись с Эриком. Потом я уехал учиться в колледж и вернулся домой только после окончания, чтобы продолжить дело отца в его офисе. Тогда-то я узнал, что Джон Ли умер почти полтора года назад, а Эрик пропал сразу после похорон. Никто не видел, как он покинул город, никто не знал, куда он уехал. Маленький домик, принадлежащий семье Ли, стоял заколоченным.

Но как-то вечером, возвращаясь домой, я всё же увидел в окнах хижины Ли свет и сразу направился туда. Через окно была видна комната, залитая светом масляной лампы. Эрик сидел за столом, обхватив голову руками.

Когда я постучал, он поднял голову, быстро подошёл к двери и спокойно поздоровался, ничуть не удивившись.

— Привет, Фрэнк. Много времени прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Где ты был всё это время?

— В отъезде, — прошептал старый приятель.

— В отъезде? — с удивлением повторил я. — Ты имеешь в виду за океаном?

— Я имею в виду в океане, — уточнил Эрик. — Далеко отсюда живёт морской народ, и в моих жилах течёт их кровь.

Я сделал ошибку... и вынужден был вернуться на сушу.

Прищурившись, я внимательно смотрел на него. Было что-то странное в его лице, когда прозвучали эти странные слова.

А потом парень печально усмехнулся.

— Ты всегда считал меня немного сумасшедшим, не так ли, Фрэнк... потому что в тот день я сказал, что могу дышать под водой?

— Я думал, ты давно выбросил из головы эту чепуху, — спокойно заметил я.

— День, когда ты столкнул меня в воду, стал поворотным в моей жизни. В этот день я узнал, кто такой мой отец и кто я на самом деле.

Я буквально рухнул на стул. А Эрик говорил и говорил. Наверное, ему хотелось поделиться хоть с одним человеком своими переживаниями.

По словам Эрика, он ощущал смесь возбуждения и любопытства, когда в то злополучное утро последовал за отцом. Он одновременно верил и не верил в свои только что открытые удивительные способности.

— Как ты думаешь, почему я никогда не разрешал тебе купаться в море? — спросил его отец. — Не хотел, чтобы ты обнаружил то, что отличает тебя от других людей, даже от меня самого.

— Ты имеешь в виду... то, что я могу дышать под водой? — быстро спросил Эрик. — Ты знал об этом, пап?

Мужчина кивнул.

— Да, знал. Твои лёгкие не похожи на лёгкие обычного человека. Ты можешь дышать воздухом, но, кроме того, твои лёгкие также могут забирать воздух из воды, как лёгкие многих животных, обитающих в воде. Да и тело твоё

отчасти отличается. Мускулы расположены несколько по-иному, что позволяет выдерживать давление воды на большой глубине. У тебя зрачок больше, из-за этого ты более чувствителен к свету. Всё твоё тело приспособлено к жизни под водой.

— Выходит, я своего рода уродец? — нахмурился Эрик.

— Нет, — печально вздохнул отец. — Ты унаследовал эти странности от матери.

— Но ты всегда говорил, что она была испанкой, что вы встретились и поженились в Вест-Индии.

— Я лгал, надеялся, что ты не узнаешь правду о себе. Хотел, чтобы ты прожил жизнь, как обычный человек, чтобы ты был счастлив. Но теперь...

Джон выдержал долгую паузу.

— Это случилось пятнадцать лет назад, на острове Мартинике, — начал он. — Меня списали на берег с каботажного судна по здоровью. Местные жители оказались дружелюбными и приняли меня с радостью. Я снял бунгало вдали от деревни. Толстая старуха—полукровка матушка Блоис была у меня за кухарку и домохозяйку. Я ходил под парусами и рыбачил. В общем, несколько месяцев я наслаждался жизнью... А потом налетел ураган. Два дня он свирепствовал, а когда ветер утих, жители деревни стали приводить в порядок хижины и убирать мусор. Я решил пройтись по берегу. Мой взгляд привлекло нечто непонятное на песке. Подбегав ближе, я обнаружил, что это — девушка... Она была белой, но не как мы... розово—белые... а зеленовато—белой. С густой гривой чёрных волос, в короткой тунике, сплетённой из зелёных водорослей. Красавица...

Она оказалась жива, но сердце билось едва слышно. Подняв девушку на руки, я осторожно перенёс её в дом. Старая домохозяйка, увидев бедняжку на кушетке, закричала от ужаса.

— *C'est une dupe de la mer!* — А потом повторила то же на английском. — Она из морского народа!

— О чём вы говорите? Я нашёл эту девушку на берегу, и, судя по всему, она нахлебалась воды.

— Нахлебалась воды?.. Нет, нет, m'sieu. Морские люди не могут утонуть, они плавают как рыбы.

Из невнятных речей матушки Блоис я понял, что многие местные жители верят в существование морского народа; верят, что они обитают, где-то глубоко под водой, и редко кому выпадает удача увидеть их.

— Она точно из них... штормом её вынесло на берег, — уверенно объявила домохозяйка. — Лучше будет отнести её туда, где вы её нашли, m'sieu.

Я с негодованием объявил, чтобы она не говорила глупостей, а потом начал приводить в себя несчастную девушку.

В первую очередь я попытался сделать искусственное дыхание, чтобы вода вышла из лёгких. К моему удивлению, в лёгких у неё не оказалось воды. Затем я обнаружил странную вещь. Тело девушки, хоть я осмотрел его очень поверхностно, определённо отличалось от тела обычного человека... У неё было совершенно иное устройство дыхательного аппарата.

В тот момент, когда я раздумывал о том, что бы ещё предпринять, девушка пришла в себя. Она открыла глаза и с удивлением уставилась на меня. Потом огляделась, закашлялась и заговорила со мной на языке, подобного которому я никогда раньше не слышал. Я попытался успокоить её, но девушка продолжала просить о чём-то, а потом начала задыхаться. Я не мог понять, с чем это связано.

И тут девушка с трудом поднялась с кушетки, увидела через окно синее море, плескавшееся всего в нескольких сотнях метров от домика, и, покачиваясь, прошла к двери мимо меня, мимо Блоис, которая отшатнулась, чуть не завопив от ужаса. Девушка шла к морю.

Возле моего бунгало раскинулась большая лагуна с чистой, спокойной водой. Незнакомка нырнула. Конечно, я тогда подумал, что несчастная не в себе, и бросился в воду следом, чтобы её спасти. А потом сквозь толщу прозрачной,

спокойной воды я увидел нечто удивительное. Девушка плавала под водой, и я видел, что она дышит, выпуская пузырьки изо рта, как порой делают ныряльщики.

«Морской народ! — подумал я. — Выходит, это правда!»

Другого объяснения не было. Хотя я с трудом мог поверить, что девушка — представительница неизвестной расы, обитающей под водой.

У незнакомки на теле было множество синяков, царапин и ссадин, и следующие несколько дней она плавала в спокойной лагуне, восстанавливая силы. Я же всё больше времени проводил на берегу, наблюдая за ней и пытаясь с ней поговорить.

Вскоре мы нашли общий язык. Я узнал, что её дом находится в глубинах Атлантики. Её народ — несколько сотен мужчин и женщин — избегал суши. Она же слишком далеко уплыла от поселения, когда её настиг шторм.

Матушка Блоис по-прежнему пребывала в ужасе. Суеверные жители деревни стали обходить мой дом стороной.

Прошло недели три, а девушка всё ещё плавала в лагуне возле дома. Она полностью восстановила силы и могла бы уплыть, но...

Взгляд отца затуманился.

— Да, я полюбил эту странную девушку из морского народа, который давным-давно отпочковался от рода людского, вернувшись назад, в воду. И хотя она была из иного мира и могла только ненадолго оставаться на суше, мы всё-таки полюбили друг друга и поженились.

Наша свадьба выглядела странной, и странной оказалась наша жизнь в следующие несколько месяцев. Эта жизнь больше напоминала сон. Никто не тревожил нас, а суеверный страх держал в отдалении жителей деревни. Будущее меня нисколько не беспокоило... Я был счастлив.

Но моя морская жена увядала на глазах. Я видел, как медленно, месяц за месяцем тают её силы. Иногда ей становилось нехорошо, и в такие минуты она предпочитала оставаться одна. Наконец, как-то вечером, она уплыла и не

вернулась. Проходила одна ночь за другой, но она так и не возвращалась. Я обезумел из-за страха, но ничего не мог поделать.

Потом она вернулась ко мне в последний раз. В ту ночь в небе светила полная луна и море напоминало огромное озеро расплавленного серебра. По крайней мере с берега, где я стоял, мне казалось, именно так. И когда я увидел жену, плывущую среди невысоких серебряных волн, я заметил, что она держит что-то в руках. Это был крошечный ребёнок, который дышал под водой точно так же, как его мать. Это был наш сын.

Она умерла... А ты, Эрик, остался жив. Вместе с тобой я покинул Мартинику, чтобы ты никогда не узнал, что отличаешься от других. Думал, так будет лучше. И поэтому приехал сюда. Я запретил тебе подходить к воде. Может быть, мне стоило увезти тебя с побережья. Но... Я не мог покинуть море. Оно словно притягивало к себе, напоминая о твоей матери...

Теперь, Эрик, ты узнал правду. Ты, возможно, первый и единственный человек, совместивший в себе способности двух народов. Но если люди узнают, что ты способен жить и дышать под водой, они могут решить, что ты балаганный уродец.

— Я не скажу никому, отец, — пообещал он. — Ноя могу снова купаться... теперь, когда всё знаю? Ты даже представить себе не можешь, как это удивительно — плавать под водой! Прохладно, умиротворённо и... ты отпустишь меня?

Джон с грустью посмотрел на переполненное надеждой лицо сына.

— Понимаю, что ты чувствуешь, — это кровь морского народа, она зовёт тебя в море. Но никто не должен знать о твоих способностях. Обещаешь?

— Обещаю! — воскликнул мальчик.

Так для Эрика началась новая жизнь.

Теперь большую часть времени он проводил в море. Вскоре он понял, что может находиться под водой бесконечно долго, изучая новый мир.

Мальчик скользил между высокими странными зарослями зелёных и золотистых водорослей, которые колыхались в такт подводным течениям. Вокруг плавали креветки и морские коньки, сверкающими молниями проносились косяки кефали.

Эрик подолгу сидел в изысканном саду, где ветви «деревьев» напоминали пурпурные рога, оплетённые яркими морскими анемонами, которые медленно раскрывались и закрывались. Здесь ползали крабы и морские звёзды. Тут и там сновали алые рыбы—белки и сверкающие как бриллианты рыбы—ангелы. А иногда над головой неспешно проплывала большая зелёная морская черепаха.

Случалось, что налетал шторм, ломая и смывая кораллы, он уносил их в бушующей пене. Если шторм заставлял его в море, Эрик предпочитал прятаться в тёмных морских глубинах.

В день семнадцатилетия Эрик спросил у отца:

— Как думаешь, где они живут?

Джон сразу понял, кого имеет в виду сын.

— Должно быть, прячутся, где—то там, на востоке, в глубинах океана.

— Хотелось бы встретиться с ними, — чуть поколебавшись, заявил Эрик. — Они ведь похожи... на меня.

— Нет! — безапелляционно объявил отец. — В твоих венах течёт кровь морского народа, но ты не один из них. Так что выбрось эти мысли из головы.

Эрик больше не говорил на эту тему с отцом, поскольку видел, что подобные разговоры того огорчают.

После смерти отца Эрик заколотил окна и двери маленького дома, пошёл на берег и прыгнул в воду. Он взял с собой только пояс с длинным острым ножом — единственное, что могло понадобиться в пути.

Он поплыл на восток, ориентируясь по солнцу. Каждый час Эрик останавливался, отдыхал, поднявшись на поверхность, давая мускулам и телу расслабиться. Дважды за день юноше удалось выловить небольших рыбок. Он давно уже научился питаться сырой рыбой. В пресной воде он не нуждался, испытывая жажду только на берегу.

Ночью Эрик спал, свернувшись клубочком, уткнув голову в колени, плавая под водой у самой поверхности, покачиваясь на тёплых мягких волнах. Дважды он просыпался в ту ночь.

Первый раз Эрик сразу почувствовал: что-то не так, — и, открыв глаза, обнаружил, что к нему подбираются две белые акулы. В тот же миг он выхватил нож, приготовившись встретить незваных гостей. Он и до того убивал акул и барракуд, так как мог плавать столь же быстро, как они, а человеческий разум и нож давали ему несомненное преимущество в подобной схватке. Но разбудившая его парочка, словно почувствовав, что перед ними опасный противник, развернулась и исчезла.

Второй раз он снова проснулся от сильной вибрации, источник которой, судя по всему, находился совсем рядом. Вынырнув на поверхность, он увидел тёмную гладь океана под низко нависшим небом, ряды сверкающих иллюминаторов и залитые светом палубы круизного лайнера, медленно проходившего мимо. Эрику показалось, что сама гладь океана вибрирует в такт танцевальной музыке, доносившейся с верхних палуб.

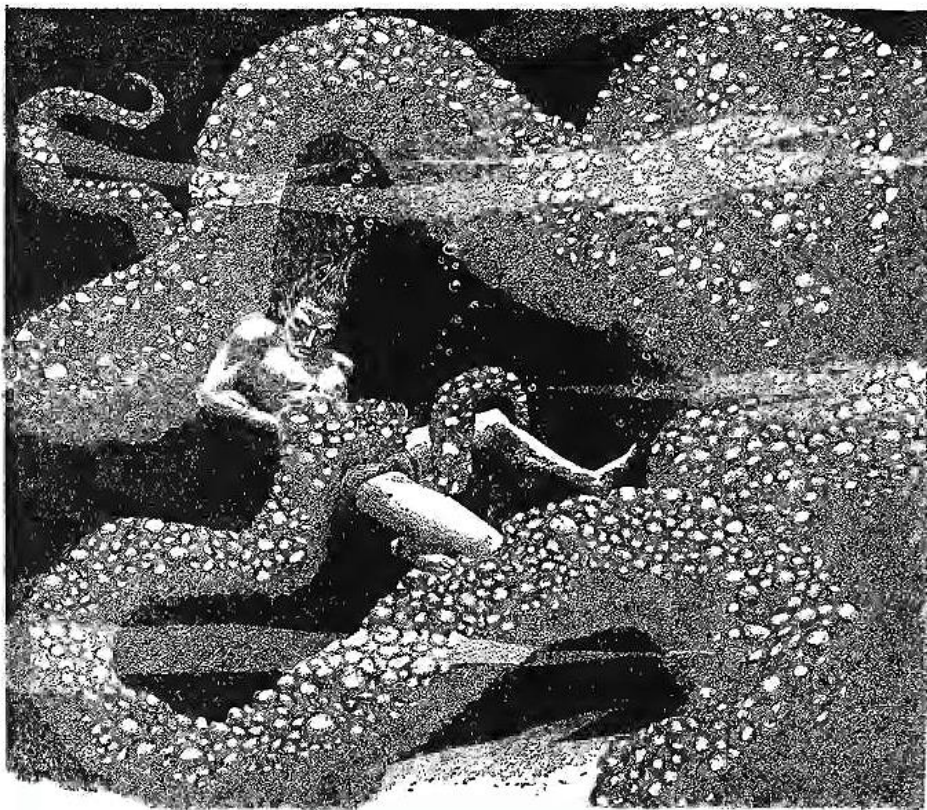
Эрик лишь приблизительно знал, куда держать путь. По его расчётам, он уже находился в тех краях, где обитал морской народ, но пока не замечал никаких признаков его присутствия.

Он плавал в этих водах уже неделю. На седьмое утро Эрик спал, как всегда, свернувшись клубочком, у поверхности воды, когда почувствовал, как что-то осторожно коснулось его тела. Он моментально проснулся, но было слишком

поздно. Холодное, толстое, похожее на верёвку щупальце крепко обхватило его тело, прижав руки к бёдрам.

Это был гигантский белый кальмар. Эрик никогда раньше не видел кальмаров такого размера. Огромная, трепещущая белая масса с двумя огромными плоскими глазами—тарелками и огромной головой. Юноша отчаянно бился, но никак не мог добраться до ножа, висевшего на поясе. Чудовище всё ближе подтягивало его к себе. А потом Эрик услышал странный низкий крик.

Краем глаза он заметил тень, вынырнувшую откуда—то снизу. Это была девушка с блестящими тёмными глазами. В одной руке она держала нож из обломка раковины, которым принялась кромсать гигантское щупальце.

Чудовище отшвырнуло Эрика, а потом отступило и скрылось в тёмных глубинах, выпустив облако едких чернил. Незнакомка взяла Эрика за руку. В её низком, мурлыкающем голосе звучали командные нотки.

— Не понимаю тебя, — ответил он.

К этому времени солнце уже поднялось. Его яркий свет осветил новую знакомую. Кожа девушки была с лёгким зеленоватым оттенком. Одета она была в облегающую тунику, сотканную из волокон тёмно-зелёных водорослей. Волосы струились за спиной тёмным облаком, лицо выглядело милостивым. Какое-то время они так и висели в воде, разглядывая друг друга, а потом девушка, коснувшись пальцем своей груди, произнесла:

— Аана.

Он попытался произнести своё собственное имя. Но так как прежде никогда не говорил под водой, у него это получилось не сразу.

— Эрик, — наконец выдавил он, улыбнувшись.

Аана ловко повернулась, махнула рукой, делая знак, чтобы Эрик следовал за ней. Они плыли около часа, пока не добрались до длинного, уходящего вниз склона. Последовав за ней, Эрик увидел сверкающие леса розовых кораллов, а на другой стороне разлома находился вход в настоящий коралловый город, где повсюду были небольшие пещеры. Множество морских людей сновали по своим делам, детишки играли в залитой солнцем зеленоватой морской воде.

С губ Ааны сорвался мурлыкающий звук, и она вместе с Эриком устремилась к подводной деревне. — Нуун!

Люди моря подняли головы, а потом, словно рыбы, метнулись к ним. Они плыли по обе стороны от Ааны и её спутника, с удивлением взирая на последнего. Он слышал, как люди моря обсуждают его на своём мурлыкающем языке, задают какие-то вопросы и Аана иногда отвечает на них.

Девушка проплыла через толпу и остановилась перед уступом. Мужчины были крупнее женщин, все темноволосые, темноглазые, их гибкие тела тоже прикрывали туники, сплетённые из морских водорослей. Все они носили ножи из обломков раковин, а некоторые были вооружены каменными топорами с рукоятками из кости.

Женщины держали крошечных, темноглазых детей в перевязях на груди, а те, что повзрослее, сами плавали и кружили в толпе. Часть морских людей расступилась и дала проплыть человеку, увидев которого, Эрик сразу понял: это старейшина.

Аана приблизилась к нему и что-то промурлыкала нежным голосом, показывая то на себя, то на Эрика. Нуун несколько раз взглянул на него и наконец произнёс несколько слов глубоким, вибрирующим голосом. Эрик

догадался, что старейшина позволил ему поселиться с людьми его племени.

Несколько дней Аана, плавая в залитых солнцем водах, над расселиной и коралловой деревней, произносила названия тех или иных предметов.

Постепенно Эрик научился воспроизводить мурлыкающие звуки их речи. Язык морского народа оказался несложным, и Эрик очень скоро начал успешно осваивать его.

Новые друзья отнеслись к нему дружелюбно. В первый же вечер его накормили белыми ломтями сырой рыбы, пикантными морскими улитками и зелёными бутонами каких-то растений.

Когда пришёл вечер и стало темнеть, они начали разбредаться по своим пещеркам — каждый спешил к своей семье.

Эрика отвели в коралловую пещеру, где вместе с Ааной жили её отец, Нуутт, и младший брат — улыбчивый юиота Чол, который устроился у самого входа.

Вскоре Эрик совершенно освоился. Он быстро выучил язык и смог говорить со всеми.

— Ты не из наших, — как-то сказал ему Нуун. — Но я не слышал, чтобы кто-то из морских людей жил особняком.

— Моя мать из вашего народа, но отец жил на суше.

— Выходит, ты наполовину принадлежишь суше, — задумчиво протянул Нуун. — Если бы я знал раньше... Люди суши всегда были врагами нашего народа.

— Но я не человек суши! — запротестовал Эрик. — Я приплыл сюда, чтобы найти вас.

Нуун оставался задумчивым.

— Люди суши всегда были жестокими, — объявил он. — Хотя давным-давно они тоже жили в море.

— Вы хотите сказать, что морской народ существовал до того, как люди переселились на сушу? — удивился Эрик.

— Наши легенды говорят о том, — подтвердил Нуун, — что род человеческий зародился в море. Давным-давно они обитали в океанах. Но некоторые племена попали в ловушку, со временем оказавшись во внутренних морях,

которые землетрясения отделили от океана. А когда моря высохли, у людей не осталось выбора, они вынуждены были отправиться по суше в поисках пищи. Постепенно они утратили умение дышать под водой. Тела их изменились. Со временем они заселили все континенты. А потом люди суши перестали смотреть на нас как на равных и пытались убить нас при первой же возможности. Поэтому мы стали покидать прибрежные воды, которые испокон веку были нашим домом, уходя всё дальше и дальше от берегов. Но мы не можем жить на больших глубинах. Только в этих краях мы обнаружили удобные отмели. Поблизости нет больших островов, здесь не плавают суда. Но если они вдруг появляются, мы прячемся. К сожалению, нас становится всё меньше и меньше, и я боюсь, что это — последнее поселение морских людей. — Закончив рассказ, Нуун выдержал долгую паузу, а потом спросил: — Скажи, а люди суши помнят нас или даже забыли о нашем существовании?

— Полностью не забыли, — ответил Эрик. — До сих пор среди людей ходят легенды о русалках, как они их называют. Но в этих легендах больше выдумки, чем правды, и мало кто в них верит.

— Это хорошо, — задумчиво протянул Нуун. — Если люди не знают, что мы существуем, они не станут охотиться на нас, — а потом он прибавил, задумчиво глядя на Эрика: — Хотел бы я, чтобы в твоих жилах не было ни капли крови людей суши. Боюсь, что твоё появление навлечёт на нас неприятности.

— Нет! — уверенно воскликнул Эрик. — Я люблю ваш народ и не причиню ему вреда.

— Наша кровь сильнее, чем кровь людей суши, — уверенно объявила Аана. — Иначе почему он отправился нас искать?

Так Эрик стал одним из людей моря. Днём он часами вместе с Ааной рассекал тёплые, зеленоватые, залитые солнечным светом воды. Иногда они отправлялись исследовать подводные леса губок, заплывали в мрачные гроты, где

вечно покачивались морские веерные кроны и высокие стволы ветвистых пурпурных кораллов тянулись вверх, словно мексиканские кактусы, а над садами сверкающих анемонов с нежными лепестками колыхались гроздья окрашенных на концах щупалец.

Вместе с Чолом, Ааной и другими людьми моря Эрик охотился на крупных рыб. Но большую часть времени люди моря проводили за игрой. И вокруг деревни коралловых пещер постоянно носились их дети.

Однако Эрик больше всего любил светлые ночи, полнолуния. Окрестные воды превращались в чёрно—серебристый волшебный мир магии, и за каждым пловцом тянулся мерцающий след. В такие ночи морские люди любили плавать парами бок о бок...

Морской народ вёл простую, спокойную жизнь. Дважды за те месяцы, что Эрик прожил среди них, кто—то умирал... Одного мужчину выбросило волной на острые скалы, и он разбился насмерть. А потом, как—то ночью, одна из женщин стала жертвой чудовища из глубин...

Однажды в углу коралловой пещеры Эрик заметил святиющийся камень, правильно огранённый. Он поднял его — это был изумруд.

— Откуда это? — с удивлением спросил Эрик.

— Один из камней людей суши, — ответил Нуун. — Чол принёс его с утонувшего корабля, который лежит в глубинах возле отмели.

— Там много сверкающих камней вроде этого, — объяснил Чол. — Я принёс только один.

— Камень стоит целое состояние! — воскликнул Эрик. — Ты можешь отвести меня к судну?

— Нет! Это опасно, — вмешался Нуун и добавил: — На суше льётся кровь за то, чтобы обладать подобными безделушками. Мы в море лучше понимаем, что такое истинная красота — она вокруг нас.

Позже Чол отвёл его в сторону и с улыбкой заявил:

— Мой отец всего боится... Он слишком стар. Я отведу тебя к обломкам, только мы никому ничего не скажем.

— Что, прямо сейчас? — удивился Эрик.

Чол кивнул.

— Только прихвати с собой нож. Он может пригодиться.

Вдвоём они проплыли несколько миль над подводным лесом губок, а затем оказались на краю склона, уходящего в тёмные глубины.

— Обломки корабля лежат внизу на склоне, — показал Чол. — Мы не сможем просто так нырнуть туда. Нужно взять груз.

Он обмотал верёвкой из водорослей несколько обломков скалы, затем подвесил их себе на талию и на талию Эрика.

— Держись поблизости, — предупредил Чол. — Если давление покажется непереносимым, режь верёвку и всплывай.

Эрик кивнул и двинулся вниз по пологому склону следом за спутником. Вскоре зеленоватые воды стали синими. А они плыли всё дальше и дальше. Теперь рядом с ними стали появляться совсем другие подводные обитатели: длинные сифонофоры, мертвенно-бледные рыбы-ангелы и крабы-пауки, ползающие в поисках псевдопланктона.

У Эрика от давления начала кружиться голова, становилось всё тяжелее дышать. Тело начало протестовать. Юноша даже пожалел, что ввязался в эту авантюру. А Чол уверенными гребками опускался всё глубже. Наконец он остановился. Эрик посмотрел вниз и увидел, что дно образует полку в несколько сот футов шириной, а потом опять уходит в неведомые глубины. В полутьме, покрытой многовековым слоем ила, где копошились крабы, среди анемонов и морских слизней на самом краю лежал сгнивший остов корабля. Эрик спустился на эту полку вслед за Чолом. Потом, с трудом продираясь через грязь, искатели сокровищ направились к обломкам.

У Эрика в голове звенело от сильного давления, голос на глубине звучал хрипло.

— Это испанский галеон, — объяснил он.

— Сверкающие камни тут, — сказал Чол, указывая на пролом в палубе. Маленький кальмар выскочил наружу, когда Чол со своим спутником осторожно спустились внутрь, стараясь не пораниться о зазубренные края. Они оказались в каюте, пол которой тоже покрывал скользкий ил. Рядом лежали два скелета и куча гнилого дерева.

Чол подошёл к сундуку. Когда он открыл крышку, даже в темноте стало видно, что тот переполнен сверкающими изумрудами и рубинами. Эрик подцепил целую пригоршню камней. И в этот момент Чол поднял голову:

— Эрик! Осторожно!

Огромная голова рептилии протиснулась в дыру у них над головой. Раньше Эрик не видел ничего подобного. Глаза твари смотрели, не мигая, на застигнутых врасплох юношей. Чол, взмахнув ножом из обломков раковины, бросился вперёд. Эрик тоже выхватил нож и поспешил ему на помощь.

Чудовище впилось зубами в бок Чола, хотя Эрик успел нанести удар снизу ей в челюсть. Кольца змеи разжались. Эрик схватил Чола и принялся срезать коралловые грузила, а потом с помощью ножа освободился и от своего груза.

Через мгновение они выскользнули из дыры в палубе. Эрик поднялся почти к самой поверхности и поплыл в сторону деревни. Он поддерживал Чола, но тело юноши уже потемнело и раздулось от яда морской змеи.

— Чол! — в отчаянии кричал Эрик. Он тряс юношу, пытался привести его в чувство, но всё было бесполезно.

Полный раскаяния, он проклинал драгоценности, из-за которых погиб Чол.

— Как вышло, что Чола укусила эта тварь, что обитает в глубине? — требовательно спросил Нуун. «=>

Запинаясь, Эрик рассказал, что случилось. Лицо Нууна становилось всё мрачнее.

— Ты возжелал драгоценные камни, — объявил вождь. — И это стоило жизни моему сыну.

Эрик ничего не мог возразить. Его сердце готово было разорваться и выпрыгнуть из груди.

— Да, это моя вина, — признался он. — Я приму любое наказание...

— Мы никому не мстим и никого не наказываем, — объяснил Нуун. — Но ты больше не можешь оставаться среди пас. Возвращайся туда, откуда пришёл.

— Только не это! — в отчаянии воскликнул Эрик. — Я приму любое наказание, но только не изгнание...

— Он не хотел смерти Чола, отец, — вступилась за Эрика Аана.

— Он человек суши, — усталым голосом повторил Нуун. — Пусть уходит.

Остальные с печалью наблюдали за происходящим. Эрик ждал, но Нуун не собирался менять решения.

На прощание Аана сказала ему:

— Эрик, я люблю тебя... Я знаю, и ты меня любишь! Если мой отец смягчится, я приплыву и позову тебя. Скажи, как тебя найти.

— Я буду ждать! — заверил он девушку. — Я всегда буду ждать, Аана...

Вот так он покинул людей моря.

В эти дни он, наверное, был бы рад сам пасть жертвой какого-нибудь морского чудовища. Но ничего не случилось. И как-то ночью он выбрался на берег и вновь оказался в маленьком домике, который покинул много месяцев назад.

— Вот и всё, Фрэнк, — закончил Эрик. — Я вернулся сюда, изгнанный моим народом. Но я верю, что Нуун смягчится.

Я ничего не ответил. Эрик посмотрел мне в глаза и, наверное, догадался, что я думал обо всём.

— Ты не веришь мне.

Я поёрзал на стуле.

— Это чистая правда. И кроме тебя, я никому не могу довериться.

Я прочистил горло.

— Эрик, у тебя всегда было слишком развито воображение. Не знаю, говоришь ты серьёзно или нет, но... я на твоём месте показался бы психоаналитику...

Тут он улыбнулся.

— Не рассказывай это никому, Эрик, — попросил я, собираясь уходить. — Если я, твой друг, не верю тебе, то остальные...

Он спокойно улыбнулся.

— Спасибо за то, что выслушал.

Не могу сказать, что следующие несколько месяцев часто видел Эрика. Он почти не выходил из дома, а у меня не было времени навещать к нему.

К тому же мне было с ним как-то неуютно. Эрик, похоже, искренне верил в свои фантазии. В те редкие вечера, когда я всё же заходил к нему, мне не хотелось задерживаться надолго. Он сидел с таким видом, словно постоянно прислушивался к чему-то.

Кубинец, домик которого стоял чуть дальше по берегу, говорил мне, что Эрик часто ночами сидит на берегу. Я спросил, видел ли он, как Эрик плавает, но кубинец отрицательно покачал головой. Мне стало спокойнее. Я надеялся, что со временем Эрик придёт в себя.

А через год всё закончилось. В ту ненастную ночь бушевал весенний шторм. Я проезжал мимо коттеджа Эрика, и вдруг какой-то человек выскочил прямо перед машиной. Это оказался тот самый кубинец. Он сказал, что Эрик утонул у него на глазах.

Сначала кубинец услышал странный крик и, выскочив на веранду, пытался понять, откуда раздаётся зов о помощи. Посмотрев в сторону коттеджа Ли, он увидел Эрика, стоящего на берегу. Чем-то сильно возбуждённый, тот кричал, словно кто-то там, в разбушевавшемся море, мог услышать его. Потом он бросился в дом. Несколько секунд его не было, и вот он появился снова в одних плавках с ножом на поясе.

Кубинец видел, как мой приятель нырнул прямо во вздымающиеся чёрные волны и исчез. Судя по всему, он тут же утонул.

— Он был сумасшедшим! — заверил кубинец, пока мы быстрым шагом шли к дому Ли.

Среди высоких валов я не заметил голов пловцов. В самом деле, достаточно было одного взгляда, чтобы понять: любому, даже самому опытному пловцу грозит немедленная гибель, стоит ему только отдаться разбушевавшейся стихии. Так что мы отправились в коттедж. Там на столе горела лампа.

Эрик, переодеваясь, бросил одежду прямо на пол. На столе лежал обрывок бумаги с торопливыми каракулями:

Фрэнк, приплыла Аана. Она позвала меня... Нуун при смерти, он смягчился, и я возвращаюсь. Я отправлюсь назад вместе с ней...

Переполненный печалью, я выронил записку

— Он решил, что услышал её зов! — потрясённо проговорил я, обращаясь к самому себе.

— Крик... Первый крик, который я слышал... шёл со стороны воды, — вспомнил кубинец.

Я повернулся, поражённый.

— Должно быть, ты ошибся. Ни лодка, ни пловец не смогли бы выдержать такой шторм.

— Я уверен, — продолжал упорствовать кубинец. — Станный это был крик... словно человек кричал, только как—то не по—человечески.

На мгновение я застыл, в голове постепенно начало складываться ужасное подозрение. Но я гут же постарался отбросить крамольные мысли в сторону.

— Ты принял за крик завывание ветра, — заверил я. — Должно быть, бедный Эрик тоже услышал его. Ладно, всё равно начать поиски тела мы сможем только утром.

По моему настоянию на следующий день и в самом деле начались поиски. Но тело Ли мы гак и не нашли.

До сих пор я часто думаю об этом. Совершенно очевидно, что Эрик верил в существование морского народа. Он бросился на обманный зов и утонул: это единственное разумное объяснение случившегося.

Когда я вошел на мостик — это было длинное, узкое помещение, — пилот, сидевший у контрольной панели, обернулся, приветствуя меня. — Альфа Центавра прямо по курсу, сэр, — доложил он.

— Поверните на тридцать градусов, — приказал я, — и сбросьте скорость до восьмидесяти световых; она должна оставаться такой, пока мы не пролетим мимо.

Сверкающие рычаги тут же защелкали под его пальцами, и, подойдя ближе, я увидел, как стрелки спидометров ползут назад, — мы замедлялись. Затем перевел взгляд на широкий иллюминатор, занимавший переднюю часть помещения, и принялся наблюдать, как звездная панорама по мере изменения курса сдвигается в сторону.

Мостик находился на верхушке длинного, похожего на сигару корпуса нашего корабля, и в его иллюминаторы видно было сверкающее звездное небо. Впереди пылала гигантская двойная звезда альфа Центавра. Два мощных ослепительных солнца, которые затмевали все остальные светила, медленно ползли в сторону по мере того, как мы огибали их. Справа от нас на фоне черного неба протянулись обширные, похожие на облака пыли участки Галактики, тесное скопление звезд, среди которых выделялись рубин Бетельгейзе, ярко сверкающий Канопус и излучающий горячий белый свет Ригель. А далеко впереди, за звездами — близнецами, сияла яркая желтая точка — Солнце нашей родной системы.

Я смотрел на желтую звезду — туда, куда наш корабль летел со скоростью, в восемьдесят раз превышавшей скорость света. Прошло уже более двух лет с того дня, как наш крейсер покинул Солнечную систему, чтобы присоединиться к могучему флоту Звездной Федерации, который

поддерживал порядок в Галактике. За эти два года мы проделали немалый путь, избороздили Млечный Путь вдоль и поперек, патрулируя в составе флота космические трассы и помогая уничтожать редкие пиратские корабли, которые взымали дань с межпланетных торговцев. Но сейчас приказ властей Солнечной системы призвал нас домой, и мы с неподдельной радостью ожидали возвращения. Жители планет, на которых мы побывали, относились к нам вполне дружелюбно, как к собратьям по великой Федерации, но, несмотря на все их гостеприимство, мы были рады вернуться. Хотя мы давно привыкли к инопланетным, негуманоидным формам жизни, расам, населявшим иные системы, от странных людей—мозгов Алголя до жителей Сириуса, похожих на птиц, их миры были для нас чужими. Мы тосковали по восьми знакомым маленьким планетам, вращавшимся вокруг нашего Солнца, и поэтому спешили изо всех сил.

Пока я таким образом размышлял у иллюминатора, два солнца альфы Центавра остались позади, и теперь, быстро щелкая рычагами, пилот включил двигатели на полную мощность. Через несколько минут корабль уже неслись вперед со скоростью, почти в тысячу раз превышавшей скорость света. Мы двигались при помощи недавно изобретенных детрансформирующих генераторов, они вырабатывают поступательные колебания с частотой почти в тысячу раз больше световых. На огромной скорости, которую могли развивать лишь несколько судов во всей Галактике, мы преодолевали миллионы миль в секунду, но сияющая желтая звезда, казалось, не менялась в размере.

Позади меня, щелкнув, отворилась дверь, пропустив Дал Нару, второго помощника капитана, происходившую из старого рода знаменитых космолетчиков; отдав честь, молодая девушка улыбнулась мне.

— Еще двенадцать часов, сэр, и мы на месте, — сказала она.

Я улыбнулся, видя ее рвение, и спросил:

— Вы ведь не пожалеете, что вернулись к нашему маленькому Солнцу, а?

Она покачала головой:

— Только не я! Возможно, по сравнению с Канопусом и остальными это всего лишь булавочная головка, но во всей Галактике нет ни одного места, похожего на нашу систему. Однако любопытно: почему нас так внезапно отозвали из флота?

При этих словах я нахмурился.

— Не знаю, — медленно проговорил я. — Не припомню случая, чтобы какая-нибудь планета отзывала свои корабли из флота Федерации, для этого должна существовать серьезная причина...

— Ну что ж, — весело произнесла Дал Нара, оборачиваясь к двери, — причина не имеет значения — главное, что мы летим домой. Экипажу придется хуже, чем мне, — они там, внизу, сражаются с генераторами, пытаются выжать из них еще несколько световых скоростей.

Дверь за Дал Нарой со щелчком закрылась, и я рассмеялся, но, когда снова обернулся к иллюминатору, понял, что заданный ею вопрос беспокоит меня, и задумчиво взглянул вперед, на желтую звезду. Ведь дело обстояло именно так, как я сказал Дал Наре: неслыханно, чтобы планета отзывала свой крейсер из могучего флота Федерации. Федерация, в состав которой входили все населенные миры Галактики, полностью зависела от своего флота в обеспечении безопасности межзвездного пространства, и каждая звезда обязана была предоставить ему определенное количество боевых кораблей. Я знал, что корабли эти можно отзывать только в крайнем случае, но сообщение, полученное нами, предписывало нам возвращаться в Солнечную систему как можно скорее и доложить о своем прибытии в Бюро астрономической информации на Нептуне. Я решил, что скоро узнаю, что скрывается за этим приказом, потому что мы преодолевали последний этап нашего пути домой; так что я постарался до поры до времени выбросить эту проблему из головы.

Но вопрос, как ни странно, продолжал тревожить меня, и двенадцатью часами позже, когда мы оказались в пределах родной системы, я нетерпеливо наблюдал, как увеличивается в размерах желтая звезда — наше Солнце. Постепенно замедляя движение на подлете к самой отдаленной от центра планете — Нептуну,¹¹ точке прибытия и отправления всех торговцев в Солнечной системе, — мы уже достигли одной световой скорости. Продолжая замедляться, мы миновали единственный спутник Нептуна и по переполненной трассе устремились к поверхности планеты.

Наблюдателю из космоса поверхность ее не видна из—за тысяч огромных кораблей, которые плотной массой висели на высоте пятидесяти миль над Нептуном. Запутанное движение и так делает планету—гиганта грозой для неопытных пилотов, а тут еще и пространство от одного горизонта до другого было заполнено теснившимися кораблями, прибывшими из всех уголков Галактики. Огромные корабли с зерном с Бетельгейзе, просторные роскошные лайнеры с Арктика и Веги, танкеры, груженные радиоактивной породой, с планет, вращающихся вокруг гиганта Антареса, длинные, проворные почтовые корабли с далекого Денеба. Все они и мириады других вращались и кружились над планетой, снижаясь по одному по мере того, как официальные регулировщики со своих кораблей вспышками света подавали сигналы, разрешающие счастливчику посадку. Время от времени в просветы, образующиеся между кораблями, можно

¹¹ В 1929 году, когда был опубликован рассказ «Похитители звезд», астрономы насчитывали в Солнечной системе восемь планет, последней из которых являлся Нептун. В 1930 году молодой американский астроном Клайд Томбо открыл девятую планету — Плутон. Однако в 2006 году астрономы пересмотрели официальное значение термина «планета», после чего Плутон стал считаться карликовой планетой, а Нептун вновь — восьмой и последней планетой Солнечной системы. Так что в этом Гамильтон оказался прав. Не прав он в другом — Нептун не мог бы стать торговой базой Солнечной системы, потому что у него, как и у других газовых планет-гигантов, нет твердой поверхности.

было видеть движение ниже над планетой — рой проворных маленьких катеров, беспрестанно снующих взад—вперед на своих коротких трассах, перевозя толпы пассажиров на Юпитер, Венеру и Землю, — рядом с могучими силуэтами межзвездных кораблей они казались детскими игрушками.

Однако, когда наш крейсер начал снижаться, приближаясь к массе кораблей, все немедленно расступились; символ Федерации, изображенный у нас на носу, был известен от Канопуса до Фомальгаута, и крейсерам ее флота уступали дорогу на всех трассах Галактики. Мы стрелой пронеслись вниз по внезапно открывшемуся пути и плавно скользнули к поверхности планеты, зависнув на мгновение над удивительным лабиринтом белых строений и зеленых садов, а затем снизились над величественным зданием с плоской крышей, в котором размещалось Бюро астрономической информации. Пока мы снижались, я невольно сравнивал залитый ласковым солнцем пейзаж с ледяной пустыней, которая простиралась на этой планете две тысячи лет назад. С тех пор ученые Солнечной системы изобрели гигантские передатчики тепла, которые улавливали энергию Солнца у его пылающей поверхности и в виде высокочастотных колебаний передавали ее к приемникам на Нептуне; там эти колебания снова преобразовывались в тепло, согревающее планету. Через несколько мгновений мы уже мягко приземлились на широкой крыше, на которой уже располагались несколько десятков других сверкающих крейсеров; команды их наблюдали за нашим прибытием.

Пять минут спустя я уже несясь вниз в небольшом конусообразном автоматическом лифте, а выйдя из него, оказался в длинном белом коридоре. Там меня ожидал служащий, и я следом за ним направился по коридору к высокой черной двери, которую он распахнул передо мной и закрыл, едва я вошел.

Я попал в комнату с высоким потолком и стенами цвета слоновой кости; дальняя стена была сделана из стекла, и

сквозь него открывался вид на зеленые сады, освещенные солнцем и обдуваемые легким ветерком. За письменным столом посередине комнаты сидел невысокий человек с волосами, серебрившимися сединой, и пронизательными глазами; когда я вошел, он вскочил и направился ко мне.

— Ран Рарак! — воскликнул он. — Наконец—то! Мы ждем вас уже два дня.

— Мы задержались на Альдебаране, сэр, неполадки с генератором, — ответил я с поклоном, узнав в своем собеседнике Хуруса Хола, главу Бюро астрономической информации. Затем, повинуясь его жесту, я сел на стул у стола, а он опустился в свое кресло.

Несколько мгновений Хурус Хол молча рассматривал меня, затем неторопливо заговорил.

— Ран Рарак, — начал он, — должно быть, вы удивляетесь, зачем вашему кораблю было приказано возвращаться в Солнечную систему. Ответу вам: причину вызова мы не рискнули сообщать в открытом послании; если она станет известна, то Солнечную систему тут же охватят паника и всеобщий хаос!

Он снова на минуту смолк, глядя мне прямо в глаза, затем продолжал:

— Вам известно, Ран Рарак, что Вселенная включает неизмеримые пространства, среди которых движутся огромные скопления солнц, группы звезд, отделенные друг от друга миллиардами световых лет. Вы также знаете, что наше собственное скопление звезд, которое мы называем Галактикой, приближенно имеет форму диска и что Солнце расположено на самом краю этого диска. За пределами Галактики лежат огромные просторы космоса, отделяющие нас от соседних галактик, маленьких вселенных, просторы, которые никогда не пересекали ни наши корабли, ни что—либо другое.

Но сейчас наконец эти бездны пересек, точнее, пересекает некий объект; более трех недель назад наши астрономы открыли гигантскую темную звезду, мертвое солнце—

титан, которое приближается к нашей Галактике из глубин космоса. Астрономические приборы показывают, что по размерам оно превосходит все известные нам небесные тела; хотя звезда эта потухла, она больше самых могучих живых звезд нашей Галактики — больше Канопуса, Антареса или Бетельгейзе. Это темная потухшая звезда в миллионы раз больше нашего Солнца — гигантский странник из некоего отдаленного места в бесконечной Вселенной несется к Галактике с невообразимой скоростью!

Расчеты специалистов показали, что эта темная звезда не войдет в пределы нашей Галактики, а лишь скользнет по краю и снова вылетит в межзвездное пространство, максимальное приближение к Солнцу составит пятнадцать миллиардов миль. Поэтому мы сочли, что нам не угрожает столкновение или какая-либо опасность; и, хотя всем в Солнечной системе известно о приближении темной звезды, никто не придает этому большого значения. Но есть один факт, который мы держим в секрете от жителей Солнечной системы, — он известен только нескольким астрономам и официальным лицам. Дело в том, что за последние несколько недель траектория полета темной звезды изменилась: раньше она летела по прямой линии, а теперь по дуге. Она должна вторгнуться в пределы нашей Галактики меньше, чем через двенадцать недель и пролететь мимо нашего Солнца на расстоянии менее трех миллиардов миль вместо пятнадцати! А если подобная гигантская темная звезда окажется так близко от нашего Солнца, результат может быть только один. Солнце неизбежно попадет в мощное гравитационное поле темного гиганта, и его увлечет вместе со всеми планетами в бесконечные глубины космоса, откуда нет возврата!

Хурус Хол смолк; лицо его побледнело и застыло, широко раскрытыми, невидящими глазами он смотрел куда-то мимо меня. Пытаясь переварить ужасное сообщение, я сидел прямо, не произнося ни слова, и через минуту он продолжил.

— Если эти сведения получают огласку, всю Солнечную систему немедленно охватит паника, поэтому лишь горстка людей знает о приближающейся катастрофе. «Улететь отсюда, — медленно произнес мой собеседник, — невозможно, в Галактике не хватит кораблей, чтобы за оставшиеся нам недели перевезти триллионы обитателей Солнечной системы к другой звезде». Но существует один шанс — отчаянный, хрупкий шанс: мы могли бы развернуть несущуюся нам навстречу темную звезду, изменить ее курс, заставить ее пролететь достаточно далеко от нашего Солнца и края Галактики, не причинив вреда. Именно по этой причине мы приказали вам вернуться.

Мой план состоит в том, чтобы вылететь как можно скорее, покинуть Галактику и встретить эту темную звезду, взяв с собой всю научную аппаратуру и оборудование, которое можно использовать для изменения теперешнего курса звезды. За последнюю неделю я собрал оборудование для экспедиции и флот из пятидесяти звездных крейсеров, которые сейчас ожидают на крыше этого здания, укомплектованные и готовые к путешествию. Однако это лишь быстроходные почтовые суда, специально оборудованные для нашей миссии, и мне показалось необходимым иметь в составе флота хотя бы один боевой корабль в качестве флагманского, так что мы вызвали вас. И несмотря на то, что я, разумеется, отправляюсь с экспедицией, я предлагаю вам принять командование этим флотом. Вы имеете полное право отказаться, так как провели последние два года на службе во флоте Федерации; если вы откажетесь, мы назначим на эту должность кого-нибудь другого. Это опасный пост... я думаю, гораздо опаснее, чем мы себе представляем.

Хурус Хол замолчал, пристально глядя на меня. Минуту я сидел молча, затем поднялся и подошел к огромному иллюминатору в дальней стене кабинета. Снаружи раскинулась зелень садов, за ними белые крыши строений сверкали под мягким солнечным светом. Инстинктивно я поднял взгляд в поисках источника света, — крошечное солнце,

далекое и тусклое, но все же солнце. Долго я глядел на него, затем обернулся к Хурусу Холу.

— Я принимаю ваше предложение, сэр, — сказал я. Он поднялся; глаза его засверкали.

— Я знал, что вы согласитесь, — просто сказал он. — Все подготовлено уже несколько дней назад, Ран Рарак. Мы отправляемся немедленно.

Десять минут спустя мы уже очутились на широкой крыше, и экипажи наших пятидесяти кораблей поспешили занять свои посты, повинаясь пронзительному сигналу колокола. Еще пять минут — и Хурус Хол, Дал Нара, и я уже стояли на мостике моего корабля и наблюдали, как белая крыша скрывается из виду. Через минуту полсотни крейсеров, находившихся на крыше, поднялись в воздух и, образовав тесный строй в виде клина, последовали за нами, направляясь к зениту.

Над нами быстро замигали сигналы кораблей—регулирующих, расчищая для нас широкий проход, мы миновали заторы и устремились по космической трассе, увеличивая скорость, но сохраняя тот же строй.

Теперь вокруг и позади нас сверкала величественная панорама огненных звезд Галактики, но впереди лежала лишь тьма — загадочная тьма, и в эту тьму со страшной скоростью неслись наши корабли. Нептун скрылся из виду, далеко позади осталась одинокая желтая искра — единственный видимый объект в нашей Солнечной системе. Мы устремились прочь за пределы Галактики, в мрачную бездну, навстречу неизведанным глубинам бесконечного космоса, чтобы спасти наше Солнце от уничтожения.

Через двадцать четыре часа после старта я снова стоял на мостике, рядом была молчаливая и невозмутимая фигура моего неизменного рулевого — бдительного Нал Джака, и вместе с ним мы вглядывались в черную бездну, лежавшую

впереди. Трудно сказать, сколько часов за предшествующие годы простояли мы вот так — бок о бок, изучая межзвездное пространство с мостика нашего крейсера, но никогда еще мой взгляд не падал на такую мрачную картину, как сейчас.

И действительно, корабль преодолевал область, где свет, казалось, почти не существовал, здесь царила тьма, которую не описать словами. Позади лежала покинутая нами Галактика, гигантское скопление сверкающих точек; она медленно уменьшалась в размере по мере того, как мы уносились прочь от нее. Справа от нас во тьме слабо мерцало несколько едва видимых туманных облачков; но я знал, что это другие галактики, скопления звезд, подобные нашему Млечному Пути, гигантские конгломераты миллионов солнц, которые казались крошечными искорками, — ведь нас отделяли от них невообразимые расстояния.

Если не считать этого, нас окружала пустота, которая поражала наблюдателя своей бесконечностью; это были вечный мрак и безмолвие, среди которых наш корабль был единственным движущимся объектом. Я знал, что сразу за нами следуют пятьдесят кораблей, каждый из которых отделен от соседних расстоянием в пятьсот миль и мчится со скоростью, не уступающей нашей. Но несмотря на то, что мы знали об их присутствии, мы, естественно, не могли их видеть, и теперь, когда я вглядывался в мрачные глубины космоса, лежавшие впереди, меня подавляло наше одиночество.

Внезапно дверь позади распахнулась, и едва я успел обернуться, как вошел Хурус Хол. Он мельком взглянул на наши спидометры и удивленно поднял брови.

— Неплохо, — заметил он. — Если остальные наши корабли в состоянии поддерживать такую скорость, мы достигнем темной звезды через шесть дней.

Я кивнул, задумчиво глядя вперед.

— Возможно, даже быстрее, — уточнил я. — Вспомните, темная звезда несется к нам с чудовищной скоростью. Взгляните на телекарту...

Мы вместе подошли к большой телекарте, огромной прямоугольной пластине из тщательно отполированного серебристого металла; такие карты оказывали неоценимую помощь в межзвездных путешествиях. На ней при помощи проецируемых и отражаемых лучей были тщательно воспроизведены положение и траектории движения всех небесных тел, находившихся поблизости от корабля. У нижнего края прямоугольника на гладком металле мерцала дюжина или больше маленьких светлых кружочков различного размера, изображавших звезды на краю Галактики, позади нас. Дальше всего от центра Галактики сверкал диск, представлявший наше Солнце, и вокруг него Хурус Хол провел сверкающий круг, отстоявший от Солнца более чем на четыре миллиарда миль. Он рассчитал, что если темный гигант приблизится к нашему Солнцу на расстояние, меньшее обозначенного кругом, то его мощное гравитационное поле неизбежно увлечет звезду за собой в космос; так что блестящая линия для нас представляла собой опасный предел. По направлению к этой линии и нашему Солнцу, сверху, оттуда, где на металлической пластине оставалось пустое пространство, полз одинокий большой кружок черного цвета, диск, в сотню раз превосходящий диаметром наше крошечное мерцающее Солнце. Описывая огромную кривую, диск полз вниз, к границе нашей Галактики.

Хурус Хол задумчиво взглянул на зловещий черный круг, затем покачал головой.

— В этой темной звезде есть что-то странное, — медленно произнес он. — Эта искривленная траектория противоречит всем законам небесной механики. Интересно, что...

Но он не успел закончить — слова застряли у него в горле. В этот момент раздался ужасный удар, наш корабль «нырнул» и бешено завертелся, затем перевернулся, словно его схватила и тряхнула какая-то гигантская рука. Пилот, Хурус Хол и я после первого удара отлетели к дальней стене, затем, когда нас швырнуло в сторону, я отчаянно вцепился в контрольную панель. В иллюминатор я мельком увидел

пятьдесят наших крейсеров, которые беспомощно метались, словно соломинки на ветру. Еще через мгновение два из них столкнулись, разлетевшись вдребезги от чудовищного удара, как яичная скорлупа; экипажи их погибли на месте. Затем, когда наш корабль снова оказался в нормальном положении, я увидел, как Хурус Хол ползет по полу к контрольной панели, и мгновение спустя я скользнул вниз, к нему. Еще секунда — и мы схватились за рычаги и медленно потянули их на себя.

Наш крейсер, ставший игрушкой каких-то могучих сил, медленно выпрямился и внезапно прыгнул вперед; казалось, сила, удерживавшая нас, ослабевала по мере того, как мы продвигались. Послышался резкий скрежещущий звук, от которого у меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди, — это один из крейсеров пронесся мимо нас, задел наш корпус, а затем внезапно могучая рука, схватившая нас, разжалась — и мы снова с безумной скоростью понеслись сквозь ту же тьму и тишину, что и несколько минут назад.

Я снижал скорость до тех пор, пока мы не остановились, и затем мы ошарашено оглядели друг друга — избитые, задыхающиеся. Однако, прежде чем с губ у нас успели сорваться изумленные восклицания, дверь распахнулась и в помещение ворвалась Дал Нара; по лицу ее текла кровь из раны на лбу.

— Что это было? — воскликнула она, дрожащей рукой достагиваясь до головы. — Нас поймали и швыряли, словно игрушки, и остальные корабли...

Никто из нас не успел ответить — рядом со мной резко зазвенел звонок, и из динамика донесся голос нашего связного.

— Корабли тридцать семь, двенадцать, девятнадцать и сорок четыре уничтожены при столкновениях, сэр, — доложил он дрожащим голосом. — Остальные сообщают, что опять образуют строй позади нас.

— Очень хорошо, — ответил я. — Прикажите им снова двигаться вперед через три минуты, на первой скорости.

Отвернувшись от переговорного устройства, я испустил глубокий вздох.

— Четыре корабля уничтожены меньше чем за минуту, — сказал я. — Но что уничтожило их?

— Водоворот эфира, вне всякого сомнения, — сказал Хурус Хол. Мы с недоумением уставились на него, и он, жестикулируя, начал быстро объяснять. — Вы знаете, что в эфире существуют потоки — они были обнаружены несколько веков назад — и что эти потоки в Галактике всегда считались сравнительно медленными и неопасными, но здесь, в межзвездном пространстве, должны существовать потоки гигантского размера и скорости; очевидно, мы случайно наткнулись на какой-то водоворот или воронку. Нам повезло, что мы потеряли только четыре корабля, — мрачно добавил он.

Я покачал головой.

— Я летал от Сириуса до Ригеля, — возразил я, — но никогда не сталкивался с подобным. Если мы попадем в еще одну такую же...

По правде говоря, необычное происшествие вывело меня из равновесия; даже после того, как мы залечили наши ушибы и снова устремились вперед сквозь пустоту, я смотрел вперед со страхом. Я знал, что в любой момент мы можем угодить в такой же или еще более мощный водоворот, и у нас не было способа избежать опасности. Мы должны были слепо лететь вперед на полной скорости и полагаться на удачу. Неизвестно, какие еще опасности подстерегают нас на пути к цели.

Но проходил час за часом, и мой страх постепенно ослабевал; больше мы не встречали на своем пути ужасных водоворотов. И все же; по мере того как мы неслись все вперед и вперед, мною овладевала новая тревога; с каждым днем мы оставляли позади миллиарды миль и приближались к своей цели — потухшей звезде. Мы видели на большой карте, как темный диск ползет нам навстречу, устремляясь

к Галактике, откуда он похитит Солнце, если мы потерпим неудачу.

Если мы потерпим неудачу! Но можем ли мы выполнить свою миссию? Существует ли во Вселенной сила, способная сбить с курса приближающийся темный гигант и предотвратить похищение Солнца? С каждым днем во мне росло сомнение относительно успеха нашей миссии. Мы устремились в отчаянное, опасное предприятие, ухватились за последний шанс, и теперь я наконец—то начал понимать, как этот шанс хрупок. Дал Нара тоже чувствовала это, и даже Хурус Хол, как мне казалось, понимал безнадежность нашего положения. Однако мы ни словом не обмолвились друг другу о своих мыслях; часы напролет мы молча простаивали на мостике, задумчиво глядя во тьму, где лежала наша цель.

На шестой день путешествия мы при помощи телекарты и бортового журнала рассчитали, что до темного гиганта осталось меньше миллиарда миль, и снизили скорость; вскоре мы едва ползли, пытаясь обнаружить звезду в непроглядном мраке.

Напрягая глаза, мы трое стояли у иллюминатора, из всех сил вглядываясь вперед, а рулевой, Нал Джак, сидя рядом со мной, молча регулировал скорость корабля, подчиняясь моим указаниям. Шли минуты, мы продвигались вперед, но перед нами лежала все та же абсолютная тьма. Неужели мы заблудились, неужели наши расчеты оказались неверными? Неужели... и в этот момент отчаянные мысли, возникшие в моем мозгу, были забыты — Дал Нара, стоявшая рядом со мной, коротко вскрикнула, затем молча указала вперед.

Сначала я ничего не заметил, затем постепенно разглядел на фоне космической тьмы слабое свечение, странное тусклое светлое облачко. Оно было едва заметным, и наши усталые глаза с трудом различали его. Но свечение быстро усиливалось, облако принимало форму огромного бледного

круга, который занимал все пространство перед кораблем. Я негромко приказал пилоту снизить скорость, но даже после этого свет становился ярче с каждой секундой.

— Свет! — прошептал Хурус Хол. — Свет на потухшей звезде! Это невозможно — и все—таки...

В следующий момент, повинаясь очередному приказу, корабль резко устремился вверх, к верхнему полушарию огромной звезды, за нами последовали остальные корабли. И по мере того как мы поднимались все выше и выше, круг на наших глазах превращался в сферу — гигантскую, слабо светящуюся сферу невероятного размера, заполнившую все небо, похожую на призрак какого—то огромного солнца, несущуюся сквозь пространство нам навстречу, в то время как мы огибали ее сверху. И теперь мы наконец оказались над ней, наш маленький флот летел на высоте полмиллиона миль над ее поверхностью, и мы безмолвно, в ужасе рассматривали титанический, слабо светящийся шар, пронесшийся внизу.

Несмотря на то, что мы летели на огромной высоте, шар протянулся под нами от одного горизонта до другого; мы видели гладкую, закругляющуюся поверхность, светящуюся странным тусклым светом, источник которого невозможно было определить. Этот свет исходил не от огня, не от раскаленного газа — ведь звезда, раскинувшаяся внизу, действительно потухла, какой бы огромной она ни была. Это был холодный свет, слабая, но устойчивая фосфоресценция, не похожая ни на что виденное мною ранее, тусклый белый свет, который освещал всю огромную планету. Мы потрясение смотрели вниз, а затем, по сигналу пилота, корабль начал плавно опускаться, его примеру последовали сорок с лишним крейсеров. Крейсер снижался все медленнее и медленнее, и внезапно мы вздрогнули, услышав донесшийся снаружи высокий шипящий звук.

— Воздух! — воскликнул я. — На этой звезде есть атмосфера! И этот свет — смотрите!

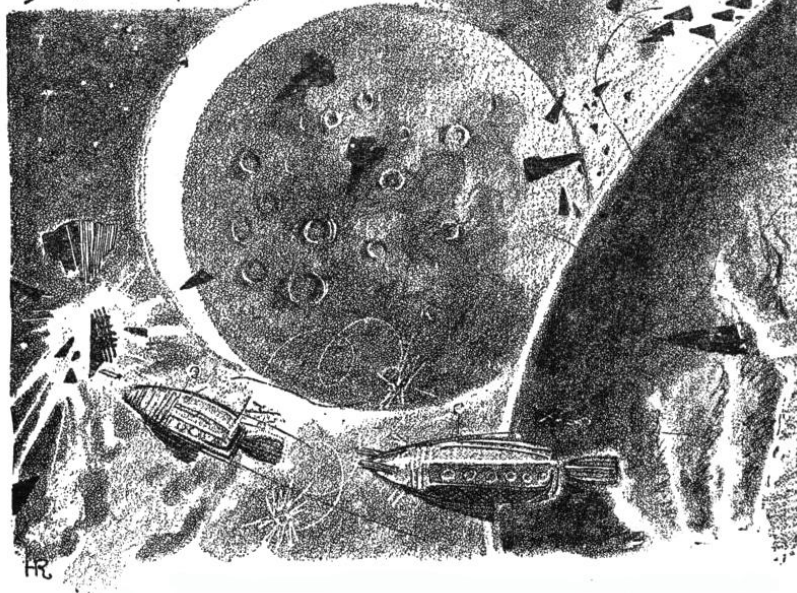
Взмахнув рукой, я указал на поверхность темного гиганта. Стремительно снижаясь, мы наконец смогли разглядеть, что свет, озарявший небесное тело, был не искусственным, не отраженным, но что сама огромная планета излучала его; равнины, скалы и долины испускали одинаковое слабое свечение — мягкое, приглушенное свечение, собственное радиоактивным минералам. Светящийся мир, мир, вечно излучающий холодный белый свет, титаническая люминесцентная сфера мчалась сквозь тьму и бесконечность космоса, подобно какой-то гигантской бледной луне. На мерцающих равнинах внизу поднимались плотные переплетенные массы темных безлиственных растений, искореженные древесные стволы и путаница низкорослого кустарника; все это было мрачного черного цвета. Растения возникали из светящейся почвы и сплетали свои гротескные стебли над мерцающей поверхностью, скрывая равнины, холмы и долины; все это походило на чудовищный пейзаж какого-то кошмарного ада!

Корабль продолжал снижаться, пролетая над поверхностью гигантской сферы, и впереди показалось какое-то светлое пятно; излучаемый свет все усиливался. Это оказался город! Город, огромные постройки которого имели форму усеченных пирамид и вздымались к небу на тысячи футов. Каждое строение, улица и площадь испускали тот же слабый свет, что и почва, на которой они располагались. Это был город из ночного кошмара; тьму, царившую в нем, рассеивало только свечение его могучих зданий и улиц. Здания протянулись на огромное расстояние, покрывая милю за милей поверхность странной планеты. Вдали в сумеречное небо поднимались светящиеся башни и пирамиды других городов.

Мы выпрямились, дрожа всем телом, побелев, и взглянули друг на друга. А затем, прежде чем кто-либо из нас смог произнести хоть слово, Дал Нара резко развернулась к иллюминатору и хрипло вскрикнула.

THE STAR-STEALERS

by EDMOND HAMILTON

— Смотрите! — воскликнула она и указала вперед и вниз, на гигантские странные здания; с их плоских верхушек внезапно поднялся рой длинных черных летательных аппаратов, и эта орда черных конусов устремилась прямо к нам.

Я выкрикнул приказание пилоту, корабль немедленно развернулся и резко пошел вверх, и следовавшие за нами крейсеры повторили наш маневр. Тогда снизу выстрелили блестящим металлическим цилиндром, который попал в корабль, летевший рядом с нами. Он тут же взорвался, сверкнула ослепительная вспышка, пламя окутало корабль, затем свет погас, вместе с ним исчез и несчастный крейсер. А конусы, преследовавшие нас, продолжали обстреливать нас такими же металлическими цилиндрами, сбивая наши

корабли, которые беззвучно взрывались и исчезали в огромных вспышках света.

— Эфирные бомбы! — воскликнул я. — И у нас единственный боевой корабль — на остальных нет никакого оружия!

Я развернулся, выкрикнул очередной приказ, и наш крейсер внезапно остановился, затем нырнул вниз, устремившись к группе атакующих кораблей. Навстречу нам вылетело два десятка металлических цилиндров, оцарапавших нам корпус. А затем наши орудия выпустили сверкающие зеленые лучи — смертоносные расщепляющие лучи, бывшие на вооружении кораблей флота Федерации. Они сбили два десятка вражеских кораблей, которые на мгновение вспыхнули зеленым светом, а затем разлетелись на кушочки, и вниз посыпался дождь мельчайших обломков — луч разорвал сцепление составлявших их частичек. Наш крейсер обрушился на скопление конусов и устремился вниз, к светящейся равнине, затем развернулся и снова полетел вверх, а навстречу нам со всех сторон неслись атакующие черные корабли.

Мы поднимались все выше, и тогда я увидел, что наш удар был напрасным: последние наши крейсера исчезли среди вспышек эфирных бомб. Остался лишь один из них — он на полной скорости летел вверх, а на хвосте у него висела дюжина огромных конусов. Прошла секунда — и снова мы развернулись и полетели на врагов, а вокруг нас безмолвно, с ослепительными вспышками взрывались эфирные бомбы. И снова наш корабль, летя вниз, разрубил зелеными лучами рой конусов; затем я услышал крик Хуруса Хола, развернулся к иллюминатору и заметил вверху, над нами, одинокий гигантский конус, который стремительно несясь вниз, идя на таран. Я что-то крикнул пилоту, подскочил к панели управления, но было слишком поздно — мы не могли отвести смертельный удар. В хвосте корабля раздался ужасный треск; мгновение мы бешено вертелись в воздухе, потом со страшной скоростью начали камнем падать вниз, на мерцающую равнину, с высоты в дюжину миль.

Сейчас я думаю, что безумное падение нашего крейсера длилось по меньшей мере несколько минут, но тогда мне показалось, что все произошло в одно мгновение. У меня остались обрывочные воспоминания о том, как помещение вращалось вокруг меня, а наш корабль, кувыркаясь в воздухе, падал вниз, как я последним осмысленным движением бросился к рычагам, а затем раздался скрежет ломающегося металла, сильнейший удар, и меня со страшной силой отбросило в угол.

У меня кружилась голова после стремительно сменявшихся друг друга событий последних минут, и я несколько секунд лежал неподвижно, затем кое—как поднялся на ноги. Хурус Хол и Дал Нара тоже, шатаясь, встали с пола, и последняя тотчас же поспешила вниз, в хвост корабля, но Нал Джак, пилот, неподвижно лежал у стены, оглушенный ударом. Прежде всего мы постарались простейшими способами привести его в сознание, затем выпрямились и огляделись.

Очевидно, корабль наш лежал на киле, но накренился набок под большим углом, о чем говорил наклон пола кабины. Сквозь широкие иллюминаторы мы видели, что вокруг упавшего корабля раскинулась густая, заслонявшая его от посторонних взглядов роща толстых деревьев, которые мы заметили сверху; мы врезались в нее после нашего ужасного падения. Позднее я понял, что только упругость растений, смягчивших удар, и мой последний рывок к рычагам замедлили наше падение и спасли нас от гибели.

Снизу, из других помещений, слышались голоса возбужденного экипажа, затем Хурус Хол внезапно вскрикнул, и, обернувшись к нему, я увидел, что он указывает вверх, на наблюдательное отверстие в потолке кабины. Я взглянул и отшатнулся. Там, высоко в небе, кружили десятка два или больше длинных черных кораблей, которые только что напали на нас; очевидно, они обследовали местность в поисках остатков нашего крейсера. Враги снизились прямо над

нами, и я резко втянул в себя воздух, затем мы упали на пол; сердца наши бешено колотились. Корабли приближались. Затем мы одновременно вздохнули с облегчением: конусы внезапно снова устремились в небо, видимо уверенные в нашей гибели. Они собрались вместе, развернулись и полетели к мерцающему городу, из которого поднялись, чтобы атаковать нас.

Мы снова поднялись на ноги, и сразу же, щелкнув дверью, появилась Дал Нара. Она была покрыта синяками, взъерошена, как и все мы, но на лице ее мелькнуло нечто похожее на улыбку.

— Конус, который протаранил нас, разнес на кусочки два задних колебательных контура, — объявила она, — но это единственное повреждение. И кроме одного человека, у которого сломано плечо, команда в порядке.

— Отлично! — воскликнул я. — Замена сломанных контуров не отнимет много времени.

Дал Нара кивнула.

— Я приказала установить на их место запасные, — пояснила она. — Но что потом?

Я поразмыслил несколько мгновений.

— Ни один из наших крейсеров не спасся, верно? — спросил я.

Дал Нара медленно кивнула.

— Думаю, что нет, — ответила она. — Почти все они были уничтожены в первые несколько минут. Я видела, как корабль шестнадцать рванулся вверх в попытке спастись, направляясь обратно к Галактике, но конусы догнали его, и он не смог оторваться.

Негромкий голос Хуруса Хола перебил нас.

— В таком случае только мы одни можем сообщить Федерации о том, что здесь происходит, — заявил он. В глазах его внезапно зажглись огоньки. — Нам известны две вещи, — объяснил он. — Мы знаем, что криволинейная траектория этой темной звезды, следуя которой она приблизится на роковое расстояние к нашему Солнцу, противоречит всем

законам астрономии. Теперь мы также знаем, что на этой потухшей звезде, в этих светящихся городах, живут какие-то существа, обладающие, судя по всему, необычайным интеллектом и могуществом.

Наши взгляды встретились.

— Вы хотите сказать... — начал я, но он живо перебил меня.

— Я хочу сказать, что уверен: ответ на эту загадку находится там, в светящемся городе, и именно туда мы должны отправиться, чтобы найти этот ответ.

— Но каким образом? — спросил я. — Если крейсер приблизится к городу, они заметят нас и уничтожат.

— Есть другой путь, — возразил Хурус Хол. — Мы можем оставить крейсер и его экипаж здесь, в безопасном месте, а сами подойдем к городу пешком — как можно ближе — и узнаем о нем все, что сможем.

Наверное, у всех нас перехватило дыхание при этих словах, но я быстро обдумал их и понял, что на самом деле это наш единственный шанс раздобыть какую-либо информацию для Федерации. Итак, мы приняли предложение, не обсуждая и быстро составили план похода. Сначала мы решили идти втроем, но Дал Нара настояла, чтобы мы включили в состав отряда и пилота; я согласился с ней, поскольку не раз имел возможность убедиться в его находчивости и сообразительности.

По совету Хуруса Хола мы поспали два часа, затем торопливо поели и осмотрели свое оружие — небольшие излучатели, сходные с огромными лучевыми трубками корабля. Два разрушенных колебательных контура уже заменили запасными, и мы отдали последний приказ экипажу и младшим офицерам — ждать нашего возвращения и ни в коем случае не покидать корабль. Затем распахнулся люк, и мы четверо ступили наружу, готовые к выполнению миссии.

Песчаная почва испускала слабый белый свет, который, казалось, исходил от всей породы, составлявшей эту

странную планету. Этот зловещий свет лился на нас снизу, а не сверху. Он освещал невиданные искривленные деревья без листьев, поднимавшиеся вокруг нас к сумеречному небу, их гладкие темные ветви переплетались и образовывали балдахин высоко у нас над головой. Мы ненадолго остановились, и Хурус Хол, подняв с земли светящийся камешек, минуту внимательно рассматривал его.

— Радиоактивность, — заметил он. — Все эти светящиеся камни и песок радиоактивны. — Он выпрямился, огляделся и уверенно направился сквозь черные заросли, в которые рухнул наш корабль.

Мы молча последовали за ним, шагая друг за другом по светящейся земле, под странными извивающимися ветвями чужих деревьев. Вскоре лес кончился, и перед нами раскинулась обширная, освещенная призрачным светом открытая равнина. Нашим глазам предстал фантастический пейзаж — фосфоресцирующие равнины и неглубокие долины, кое—где покрытые участками темного леса. Бледный свет, испускаемый планетой, слабо освещал мрачные сумеречные небеса. В отдалении, примерно в двух милях впереди, темное небо было озарено более интенсивным светом, исходившим от скопления зданий светящегося города. Туда мы и направились, шагая без остановки через светящиеся равнины и овраги, через небольшой быстрый ручеек, воды которого мерцали, словно потоки света. Через час мы приблизились к крайним пирамидам города на пятьсот футов и спрятались в небольшой рощице черных деревьев, глядя на незнакомый город как зачарованные.

Нашим глазам предстала необычайная картина активной жизни. Над множеством огромных зданий мелькали многочисленные эскадрильи длинных черных конусов, перелетавших с крыши на крышу; внизу, по светящимся улицам двигались толпы каких—то существ — это были жители города. Когда мы рассмотрели их внимательнее, нас объял ужас, несмотря на то что нам приходилось встречаться с

самыми разными инопланетянами, населявшими тысячи миров Галактики.

Но эти существа ничем не напоминали людей, в них не было ничего, что наш пораженный разум мог бы счесть знакомым. Представьте себе стоящий вертикально черный конус диаметром в несколько футов и немного больше в высоту, передвигающийся на дюжине или более гладких длинных щупалец, растущих из его основания, — гибких, бескостных конечностей, словно у осьминога. Щупальца поддерживали конусообразное тело в вертикальном положении и служили в качестве ног и рук. У верхушки конуса находились единственные органы чувств — два небольших отверстия, уши, а между ними — один круглый белый глаз с красным ободком. Такова была внешность этих существ, черных конусов, двигавшихся бесконечными бурлящими толпами по улицам, площадям и зданиям радиоактивного города.

Мы беспомощно устали на них из своего укрытия. Было ясно, что показаться таким существам означает верную смерть. Я обернулся к Хурусу Холу и вздрогнул: из города слышался низкий нарастающий звук; глубокий и громкий, он разнесся над домами, словно рев трубы. За ним последовал другой, затем еще один, и уже казалось, что двадцатка могучих труб оглашают своим ревом город, а затем все стихло. Мы снова взглянули на город и увидели, что светящиеся улицы внезапно опустели; толпы черных конусов — осьминогов скрылись в пирамидальных зданиях, а летавшие в небе корабли опустили на крыши. Через несколько минут единственным признаком жизни во всем городе остались лишь несколько аппаратов, которые продолжали парить в небе. Пораженные, мы смотрели на все это, а затем мне внезапно пришел в голову ответ.

— Наступило время сна! — воскликнул я. — Их ночь! Они должны отдыхать, должны спать, как и все живые существа, а на этой светящейся планете нет ночей, и поэтому трубные звуки нужны, чтобы оповещать о наступлении времени отдыха.

Хурус Хол вскочил на ноги, глаза его внезапно загорелись.

— Нам выпал один шанс из тысячи, чтобы попасть в город! — вскричал он.

Тотчас мы выскочили из нашего укрытия и пересекли пространство, отделявшее нас от поселения конусов. Пять минут спустя мы уже стояли на пустой светящейся улице, разглядывая вблизи уходящие наклонно вверх могучие стены окружавших нас зданий.

Хурус Хол сразу же повел нас по улице к центру города и, пока мы спешили за ним, ответил на мой вопрос.

— Мы должны попасть в центр города. Там находится нечто странное, я заметил это еще с корабля, и если это то, что я думаю...

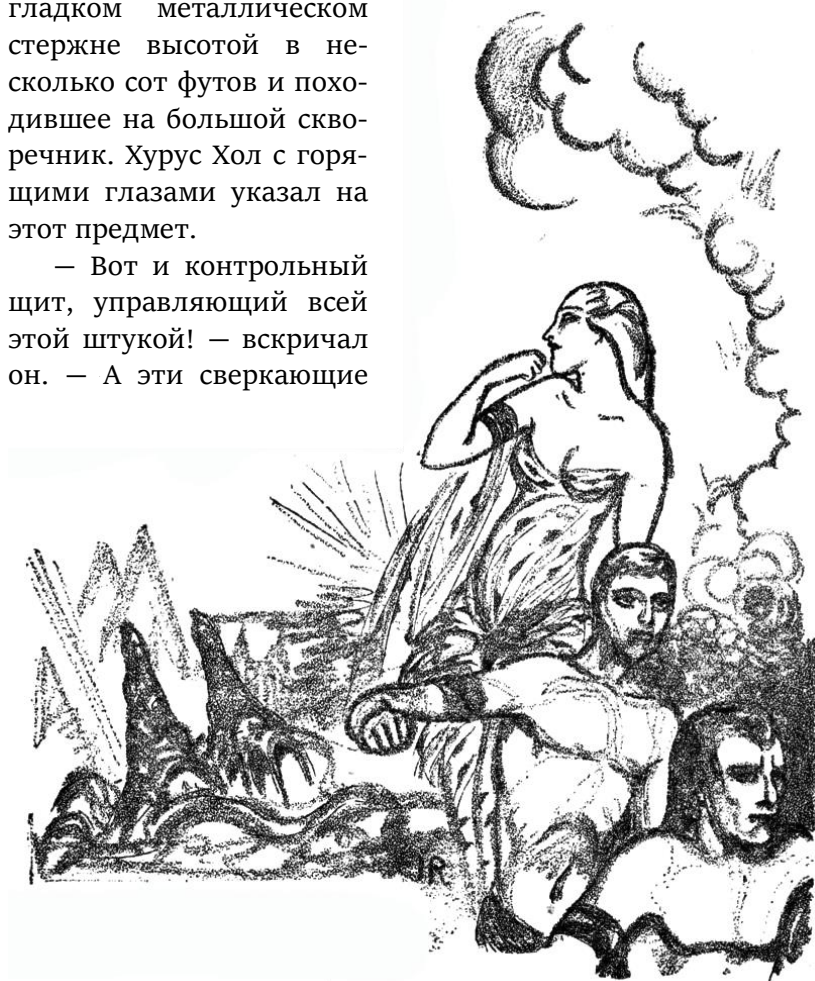
Он бросился бежать по широкой пустой светящейся улице, мы — за ним. На бегу я размышлял о том, что произойдет, если жители снова покажутся из окружавших нас гигантских зданий, прежде чем мы сможем отсюда выбраться. Внезапно Хурус Хол остановился, и, повинувшись его жесту, мы быстро спрятались за ближайшую пирамиду. Неподалеку от нас улицу пересекало полдюжины существ; они беззвучно скользили к открытой двери одной из пирамид. Мы на мгновение съежились и задержали дыхание, затем существа вошли в здание и дверь за ними закрылась. Мы тотчас же бросились дальше.

Я понял, что мы приближаемся к центру; широкая освещенная улица, по которой мы бежали, вела к какому-то открытому пространству. По мере того, как мы подходили к этому месту, впереди все отчетливее слышалось какое-то слабое жужжание, которое постепенно становилось громче. Открытое пространство впереди приближалось, и, миновав последние здания на улице, мы внезапно оказались прямо на краю его и остановились, потрясенно глядя на открывшееся зрелище.

Перед нами была не площадь и не открытая площадка, а яма — неглубокая круглая яма глубиной не более ста футов,

но имевшая милю в диаметре; мы стояли на ее краю. Дно ямы было гладким, и на нем группами располагались сотни полушарий, каждое диаметром пятьдесят футов; они лежали округлыми сторонами вверх. Каждое полушарие излучало свет, но этот свет резко отличался от слабого свечения зданий и улиц, это был яркий голубой свет, слепивший глаза. От ярких полушарий исходило громкое жужжание. В дальнем конце ямы мы заметили небольшое цилиндрическое сооружение из металла, расположенное на тонком гладком металлическом стержне высотой в несколько сот футов и походившее на большой скворечник. Хурус Хол с горящими глазами указал на этот предмет.

— Вот и контрольный щит, управляющий всей этой штукой! — вскричал он. — А эти сверкающие

полушария отмечают невероятный путь темной звезды — теперь все ясно! Все...

Внезапно он смолк; Нал Джак с криком указал куда—то вверх. Мы забыли о летательных аппаратах, паривших над городом, и теперь один из них стремительно неся вниз, прямо на нас.

Мы развернулись и бросились бежать, и в следующее мгновение там, где мы только что стояли, беззвучно разорвалась эфирная бомба, вспыхнули языки белого пламени. Еще одна бомба упала и взорвалась уже ближе, и тогда мной внезапно овладела ярость; я обернулся и навел свой маленький излучатель на конус, летевший за нами. Узкий ослепительный луч врезался в него, черный конус на мгновение застыл, затем рухнул на землю и разбился вдребезги.

Но сверху со всех сторон на нас устремлялись другие корабли, а из зданий—пирамид по тревожному сигналу хлынули орды черных существ со щупальцами.

Они обрушились на нас плотной массой; сопротивляться было невозможно. Я услышал поблизости пронзительный крик Дал Нары, шипение наших лучей, разрезающих черную плоть, а затем враги набросились на нас. На какое—то мгновение мы очутились среди беспорядочной свалки; мелькали человеческие руки, извивающиеся щупальца; затем кто—то предупреждающе крикнул, нечто тяжелое со страшной силой опустилось мне на голову, и я провалился во тьму.

4

Когда сознание вернулось ко мне, я первым делом различил сквозь веки слабый свет. Открыв глаза, я с трудом сел, затем снова повалился на спину. Голова кружилась. Я огляделся и понял, что лежу в маленькой квадратной комнате. Единственный свет исходил от фосфоресцирующих стен и потолка; одна стена косо уходила вверх, в ней было проделано небольшое окно, забранное решеткой; больше в

комнате окон не было. Напротив кровати я разглядел низкую решетчатую дверь из металлических брусьев, за ней виднелся длинный коридор со светящимися стенами. Внезапно все это заслонило склонившееся надо мной взволнованное лицо Хуруса Хола.

— Вы очнулись! — воскликнул он, и лицо его просветлело. — Вы узнаете меня, Ран Рарак?

Вместо ответа я снова попытался сесть, мне помогла появившаяся откуда-то Дал Нара. Я ощущал странную слабость и усталость; в голове пульсировала боль, череп словно жгло огнем.

— Где мы? — наконец выдавил я. — Бой в городе... я помню... Но где мы сейчас? И где Нал Джак?

Мои друзья переглянулись и отвели глаза; я встревоженно смотрел на них. Затем Хурус Хол медленно заговорил.

— Мы заключены в этой комнатке, в одной из гигантских пирамид светящегося города, — сказал он. — И вы лежите здесь уже несколько недель, Ран Рарак.

— Недель? — потрясенно повторил я, и он кивнул.

— Прошло почти десять недель с того дня, как нас захватили в плен там, в городе, — продолжал Хурус Холл, — и все это время вы лежали здесь без сознания после полученного удара, порой в горячке и бреду; порой полностью без чувств. И все время эта темная планета или, вернее, темная звезда неслась сквозь пространство к нашей Галактике, к нашему Солнцу, приближая его похищение и нашу гибель. Через десять дней она пролетит мимо Солнца и утащит его прочь. А я, узнав наконец, что стоит за всем этим, заключен в клетку!

После того как нас схватили и поместили в эту камеру, меня призвали к нашим тюремщикам, чтобы я предстал перед советом этих странных существ со щупальцами, который состоял, как мне кажется, из их ученых. Они изучили меня, мою одежду, все, что у меня было с собой, и попытались вступить со мной в контакт. Они не говорили — они общаются друг с другом при помощи телепатии, — но

пытались общаться со мной, проецируя на стену изображения. Там были изображения их темной звезды, нашей Галактики, нашего Солнца — картинка за картинкой; наконец я начал понимать их смысл, историю и цель существования этих странных созданий и их еще более странного мира.

Я узнал, что в течение многих веков и тысячелетий их мощное солнце летело сквозь бесконечные пространства космоса, одинокое, если не считать многочисленные планеты, на которых жили существа—конусы. Тогда солнце излучало живительное тепло, и обитатели окружавших его планет приобрели огромные знания и огромное могущество, пока их система, вместе с одинокой блуждающей звездой, преодолевала неизведанные глубины космоса. Но прошли миллионы лет, и пылающее солнце начало остывать, а температура на окружавших его планетах постепенно понижалась. В конце концов оно остыло слишком сильно, и для того, чтобы снова разжечь угасающий огонь, существа сорвали одну из своих планет с ее орбиты и направили ее прямо на солнце. Прошло еще несколько веков, и солнце снова начало гаснуть; они повторили свою попытку, отправили туда еще одну планету — и так продолжали делать много лет, пытаясь предотвратить смерть солнца, принося ему в жертву планеты, пока наконец у них не осталась только одна. А солнце все остывало, свет его тускнел, оно умирало.

Еще несколько столетий им удавалось поддерживать ненадежное существование на оставшейся планете, согревая ее искусственно. За это время солнце погасло, поверхность его затвердела до такой степени, что на нем стало возможно жить. Эта поверхность, благодаря заключенным в ней радиоактивным элементам, испускала слабый свет, и существа—конусы переселились на потухшее солнце. При помощи мощных аппаратов они перенесли атмосферу своей планеты на солнце, затем избавились от своего бывшего дома, предоставив ему самостоятельно блуждать по космосу, так как боялись, что он врежется в их темную звезду,

вокруг которой он когда-то вращался. Они расселились и размножились на теплой, светящейся поверхности огромной потухшей звезды, выстроили города из ее фосфоресцирующей породы и жили здесь, пока она неслась все дальше и дальше через темные бескрайние пространства Вселенной.

Но в конце концов, когда протекли века такого существования, конусы снова увидели, что им угрожает гибель; подчиняясь неумолимым законам природы, темная звезда продолжала остывать, расплавленная порода в ее центре, которая согревала поверхность, постепенно затвердевала, и на звезде становилось все холоднее. Они поняли, что пройдет немного времени и огонь в ядре звезды погаснет окончательно, после чего их огромная планета превратится в мертвый, холодный кусок камня, если они не придумают что-нибудь для своего спасения.

В это время их астрономы выяснили, что темная звезда, летящая через безжизненные пространства, вскоре минует огромное скопление звезд — нашу Галактику, — пройдя от него на расстоянии примерно пятнадцати миллиардов миль. Они понимали, что им не под силу захватить планету в этой Галактике, потому что они обнаружили, что в ее системах обитают триллионы разумных существ, которые смогут противостоять такой попытке. Следовательно, им остался только один выход: пролетая мимо, попытаться вырвать из Галактики одно из ее солнц, похитить из нее звезду и увлечь ее за собой в космос; звезда эта стала бы вращаться вокруг их темного гиганта и обеспечивать их жизнедеятельность.

Звезда, которую они решили похитить, расположенная на самом краю Галактики, оказалась нашим Солнцем. Если бы они прошли мимо него на расстоянии пятнадцати миллиардов миль, как предполагалось, они ничего не смогли бы сделать. Но если бы они смогли изменить курс своей звезды, пройдя по дуге и оказавшись в трех миллиардах миль от нее вместо пятнадцати, то мощное гравитационное поле их

гиганта увлекло бы за собой Солнце и унесло бы его прочь в космос. Планеты Солнечной системы последовали бы за ним, но конусы планировали направить их на Солнце, чтобы увеличить его размер и яркость. Таким образом, оставалось найти способ изменить траекторию движения темной звезды, и для этого они воспользовались огромными гравитационными конденсаторами, которые они уже применяли для управления планетами.

Вы знаете, что лишь сила гравитации удерживает звезды и планеты на их орбитах, и знаете, что гравитационное поле любого тела, солнца или планеты распространяется во всех направлениях и притягивает все предметы к этому телу. Таким же образом Галактика распространяет вокруг себя общее гравитационное поле от всех составляющих ее солнц, и небольшая часть этого поля воздействовала на темную звезду, слабо притягивая ее к Галактике. Если увеличить силу этого притяжения, то темную звезду притянуло бы к Галактике с большей силой и она, пролетая мимо, приблизилась бы к краю Галактики на нужное расстояние.

Они смогли осуществить свой замысел с помощью гравитационного конденсатора. В неглубокой яме в сердце одного из их городов — того города, в котором мы оказались, — они разместили свой конденсатор, множество сверкающих приспособлений в виде полушарий, которые усиливали силу притяжения Галактики и заставили ее воздействовать на темную звезду. Таким образом, звезда приближалась к краю Галактики, следуя по изогнутой траектории. Они планируют отключить конденсатор, оказавшись на расстоянии трех миллиардов миль от края Галактики, тогда звезда пролетит мимо нее, захватив по пути наше Солнце за счет своего собственного мощного гравитационного поля. Если выключить конденсатор раньше, то они пролетят слишком далеко от Солнца, чтобы сорвать его с орбиты, и снова окажутся в открытом космосе в одиночестве, ожидая полного охлаждения звезды и своей гибели. Именно поэтому конденсатор и его огромный переключатель всегда охраняются

летающими конусами, чтобы предотвратить его выключение раньше времени.

Таким образом, огромный гравитационный конденсатор постоянно работает, а темная звезда несется по направлению к Галактике по необычной траектории. Еще находясь дома, в Солнечной системе, я понял, каков будет результат встречи с этой звездой, поэтому мы прилетели сюда — и попали в плен! В результате за эти недели, пока вы лежали здесь без сознания, в бреду, темная звезда продолжала приближаться к Галактике и к нашему Солнцу. Еще десять дней — и она достигнет своей цели, унесет с собой Солнце в бесконечную тьму космоса, если прежде не отключить конденсатор. Осталось всего десять дней, а мы сидим здесь, будучи не в состоянии предотвратить гибель нашей Солнечной системы!

Хурус Хол смолк, и надолго воцарилась тишина — напряженная, тревожная тишина, которую я наконец нарушил одним—единственным вопросом.

— Но как же Нал Джак? — спросил я, и на лицах моих товарищей внезапно появилось странное выражение, а Дал Нара отвернулась.

В конце концов Хурус Хол заговорил.

— После того как существа—конусы обследовали меня, — мягко начал он, — они привели Нал Джака. Думаю, они на время оставили меня в живых из—за того, что я явно обладаю большими знаниями, но Нал Джак... они подвергли его вивисекции.

Мы снова надолго замолчали, и перед моим внезапно затуманившимся взором возникла фигура храброго, немного-словного пилота, моего спутника во время всей службы во флоте. Затем я резко вскочил с узкой койки, на которой лежал, у меня закружилась голова, и я ухватился за своих спутников, чтобы не упасть, и нетвердыми шагами приблизился к маленькому зарешеченному окошку. Внизу раскинулся город, населенный странными существами,

бескрайняя масса пирамидальных светящихся зданий; улицы были заполнены скользящими темными фигурами, над ними носились рои летающих конусов. Мерцающая стена пирамиды, в которой мы были заключены, наклонно уходила вниз на пятьсот футов, и до верхушки ее было примерно столько же. Подняв глаза, я увидел небо, покрытое россыпью ярких огоньков — это были звезды нашей Галактики, к которой стремительно приближалась темная звезда. И ярче всех сверкала среди них ближайшая к нам звезда, большая желтая точка — наше Солнце.

Сейчас я думаю, что именно вид желтой звезды, увеличивающейся в размере с каждым днем, приводил нас в такое отчаяние в течение последовавших за этим разговором часов и дней. Мы знали, что там, за городом, в черном лесу, прячется наш корабль, ожидая нас, и если бы мы могли сбежать, то предупредили бы Федерацию о приближающейся опасности, но побег был неосуществим. При этом силы быстро возвращались ко мне, несмотря на то что странная пища, которой тюремщики кормили нас раз в день, была почти несъедобной. Но вот духовное состояние становилось все хуже, мы все меньше разговаривали о приближавшейся гибели нашего Солнца. Шли дни, каждые двадцать четыре часа сигнал трубы оповещал жителей города о наступлении четырехчасовой «ночи», а мы все глубже погружались в пучину тупого отчаяния и апатии.

Но однажды мы внезапно очнулись от своей спячки и поняли, что со времени моего выздоровления прошло девять дней и завтра темная звезда должна пролететь мимо горящего над нами Солнца и увлечь его за собой. Тогда в конце концов мы стряхнули с себя апатию и принялись в бессмысленной ярости колотить в стены нашей темницы. А затем, совершенно неожиданно, мы получили возможность спастись.

В тот день уже в течение нескольких часов сверху доносился непрерывный стук и шум каких-то инструментов и

машин, множество конусов прошло мимо нашей двери, таща куда-то наверх орудия и приспособления. Мы вскоре перестали обращать на них внимание, но вдруг, после того как мимо прошло одно существо, снаружи раздались звон и бряканье, и, обернувшись к двери, мы заметили, что оно уронило большой моток тонкой металлической цепи и не заметило потери.

В мгновение ока мы оказались у двери и попытались достать моток, но, несмотря на то что мы по очереди изо всех сил вытягивали руки, до цепи оставалось каких-то несколько дюймов. Минуту мы смотрели на нее, не зная, что предпринять, опасаясь возвращения существа, которое уронило цепь, а затем Дал Нара, повинуясь внезапному порыву, легла на пол и просунула ногу между решетками. Мгновение спустя она уже зацепила ногой моток цепи, и в следующее мгновение мы уже втянули его в клетку и разглядывали.

Цепь оказалась не толще мизинца, но была необыкновенно прочной, и мы, примерно оценив ее длину, поняли, что ее вполне хватит для того, чтобы добраться до земли. Мы спрятали наше сокровище в угол комнаты и принялись с нетерпением ожидать «ночи», чтобы работать, не опасаясь тюремщиков.

Наконец, когда нам стало казаться, что время тянется бесконечно, снаружи донеслись трубные звуки, и улицы мгновенно опустели, а шум в нашей пирамиде стих. И наступила полная тишина, нарушаемая лишь жужжанием нескольких конусов—наблюдателей над гигантским конденсатором и низким гудением самого конденсатора, доносившимся издалека. Мы немедленно приступили к работе.

Мы яростно ковыряли камень у основания одного из прутьев решетки, пользуясь несколькими обломками металла, оказавшимися в нашем распоряжении, но прошло два часа, а нам удалось удалить лишь дюйм светящегося камня. Еще через час мы освободили нижний край прута, но до окончания периода сна осталось совсем немного времени, а затем

улицы наполнятся жителями, что сделает побег невозможным. Мы работали изо всех сил, обливаясь потом; наконец, когда наши часы показали, что до наступления «утра» осталось меньше получаса, я бросил ковырять камень и крепко привязал цепь к нижнему концу прута. Затем мы немного отошли в сторону, уперлись в стену под окном и изо всех сил потянули цепь на себя.

Несколько секунд мы напрягали все силы — толстый прут держался крепко, затем он вывалился из своего гнезда и с громким звоном упал на пол. Мы рухнули друг на друга, задыхаясь и прислушиваясь, не привлек ли звук внимания врагов, затем поднялись и торопливо привязали цепь к одному из оставшихся прутьев. Цепь мы спустили за окно; она, развернувшись, повисла вдоль стены, конец ее оказался далеко внизу, на светящейся мостовой. Я тут же подтолкнул Хуруса Хола к окну, еще секунда — и он протиснулся через решетку и, перебирая руками, начал спускаться вниз. Не успел он проползти и десяти футов, как за ним последовала Дал Нара, затем я тоже выбрался наружу и скользнул вниз; мы трое, держась за цепь, ползли по стене гигантской пирамиды, словно мухи.

Я уже отполз от окна на десять — двадцать футов и взглянул вниз, на мерцающую пустынную улицу. До нее оставалось пятьсот футов, которые казались тысячью. Затем внезапно я услышал сверху какой-то звук и, подняв голову, испытал самый сильный приступ страха за всю свою жизнь. Из окна, из которого мы только что выбрались, в двадцати футах надо мной, высунулось существо — конус, привлеченное в камеру, несомненно, звоном упавшего металлического прута, и его белый глаз, окруженный красным ободком, уставился прямо на меня.

Я услышал снизу полные ужаса восклицания своих товарищей, и какой-то момент мы неподвижно висели, ухватившись за цепь, раскачиваясь у светящейся стены на высоте нескольких сотен футов над землей. Затем существо подняло щупальце, в котором было зажато металлическое

орудие, и с резким звоном ударило им по цепи, лежавшей на окне. Оно повторило удар снова и снова. Оно рубило цепь!

5

Несколько секунд я висел без движения, а затем, когда орудие, зажатое в щупальце чудовища, снова с резким стуком опустилось на цепь, звук этот побудил меня к действию.

— Двигайтесь вниз! — крикнул я своим товарищам.

Но они не послушались меня и поползли вверх, ко мне, прямо в лапы ужасного существа. Я изо всех сил ухватился за цепь, подтягиваясь к окну и конусу, выглядывавшему из него в двадцати футах от меня.

Трижды его орудие опускалось на цепь, пока я полз, и каждый раз я ожидал, что звенья треснут и мы рухнем вниз, навстречу верной смерти, но прочный металл выдержал удары, и, прежде чем существо успело снова рубануть по цепи, я оказался на уровне окна и попытался схватить врага.

Проворные черные щупальца немедленно вытянулись вперед и вцепились в меня и Дал Нару, еще одна змееподобная конечность взмахнула зажатым в ней орудием, целясь мне в голову. Но оно не успело нанести удар — я вытянул правую руку, левой держась за цепь, схватил врага за туловище и вытащил его наружу, прежде чем он смог оказать сопротивление. При этом хватка моя немного ослабла, и мы повисли в нескольких футах под окном, цепляясь за тонкую цепь и нанося отчаянные удары друг другу: он — металлическим орудием, а я — кулаком.

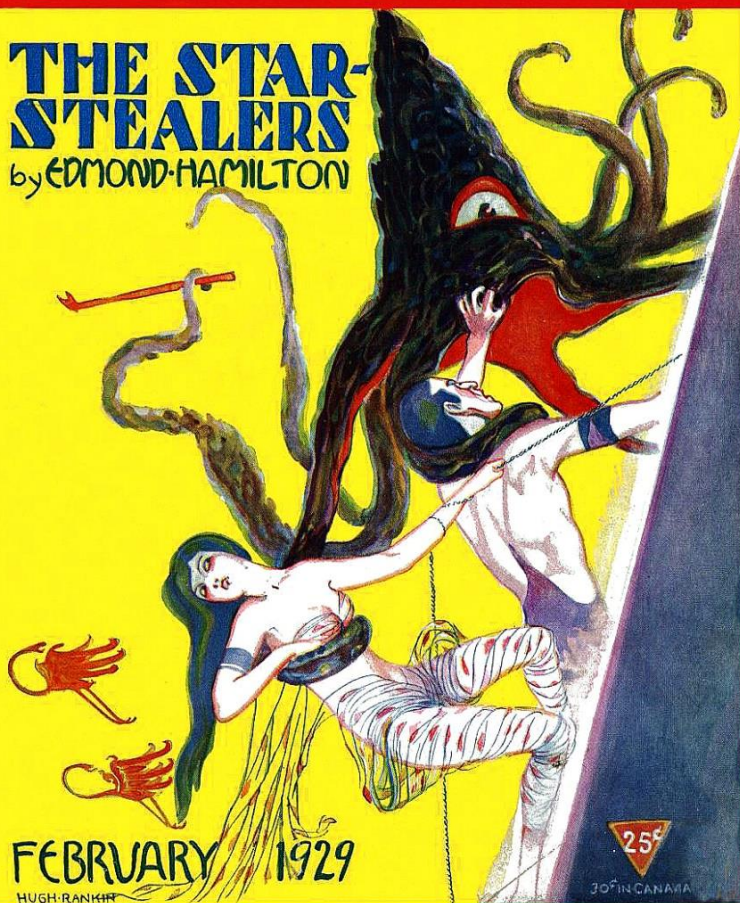
Какое-то время мы раскачивались в нескольких сотнях футов над светящейся улицей, затем щупальце стремительно обвилось вокруг моей шеи, сжимаясь, пытаясь задушить меня. Отчаянно ухватившись за тонкую цепь одной рукой, я вслепую нанес удар другой, но безжалостное щупальце продолжало сжимать меня, и я почувствовал, что теряю сознание. Затем последним усилием я крепко ухватился за цепь обеими руками, подогнул ноги и ударил врага

Weird Tales

The Unique Magazine

THE STAR-STEALERS

by EDMOND HAMILTON

изо всех сил. Удар пришелся прямо в туловище противника, и он выпустил цепь, шея моя резко дернулась, и я оказался свободен. Мы с Дал Нарой увидели, как темное тело полетело вниз, вдоль стены пирамиды, переворачиваясь на лету, и наконец рухнуло на гладкую светящуюся мостовую, превратившись в бесформенную черную кучу.

Задышавшись, я взглянул вниз и увидел, что Хурус Хол добрался до конца цепи и стоит на пустой улице, ожидая нас. Посмотрев вверх, я обнаружил, что существо, с которым я боролся, наполовину перерубило одно из звеньев, но у меня не было времени исправлять повреждение; молясь, чтобы цепь выдержала еще несколько минут, мы с Дал Нарой начали спускаться, скользя вдоль стены.

Острые края звеньев больно царапали нам руки, и один раз мне показалось, что она немного подалась под нашим весом. Я испуганно взглянул вверх, затем вниз, туда, где Хурус Хол ободряюще махал нам рукой. Мы продолжали ползти вниз, не осмеливаясь поднять глаза, не зная, сколько еще осталось до земли. Затем мы почувствовали, что цепь подается, послышался скрежет, слабое звено внезапно разжалось, мы рухнули вниз и, пролетев десять футов, упали прямо в объятия Хуруса Хола.

Мы повалились друг на друга на светящуюся мостовую, затем, шатаясь, поднялись на ноги.

— Бежим прочь из города! — воскликнул Хурус Хол. — Самим нам никогда не добраться до выключателя конденсатора, но на корабле у нас есть шанс. А до конца «ночи» осталось всего несколько минут!

Мы бросились бежать по улице, мимо площадей и аллей, мимо огромных светящихся пирамид, прячась каждый раз, когда наверху пролетали конусы, затем снова бежали прочь. Я знал, что в любую минуту над городом может раздаться рев гигантских горнов и на улицы хлынут толпы обитателей, и наш единственный шанс выжить — это выбраться из города до наступления «дня». И вот мы уже спешили по улице, по которой вошли в город, вдали показался ее конец,

а за ним раскинулись светящаяся равнина и черный лес, из которого мы пришли. Мы изо всех сил бежали по этой равнине, преодолели четверть мили, полмили, милю...

Внезапно позади нас слышались резкие нарастающие звуки мощных труб, отмечавших конец «ночи», вызывавших существа—конусы обратно на улицы. Мы понимали, что через несколько минут наш побег будет обнаружен, и, задыхаясь от быстрого бега, прислушивались, ожидая сигнала тревоги.

И он раздался! Когда до черного леса, где скрывался наш корабль, осталось полмили, над светящимся городом разнесся рев трубы, высокий, дрожащий, полный ярости. Оглянувшись, мы увидели, что с верхушек пирамид поднимаются тучи черных конусов, они кружили над городом, ища нас, устремлялись к равнинам, окружавшим город, и плотная масса их неслась прямо на нас.

— Вперед! — крикнул Хурус Хол. — Это наш последний шанс — вперед, к кораблю!

Спотыкаясь, шатаясь, мы из последних сил спешили по светящемуся песку и камням к опушке черного леса, до которого оставалось каких—то четверть мили. Внезапно Хурус Хол зацепился за что—то, споткнулся и упал. Я остановился, обернулся к нему, но в этот момент Дал Нара с глухим криком указала вверх. Нас заметили летающие конусы, и два из них летели прямо к нам.

Мгновение мы, оцепенев, стояли на месте, ожидая неминуемой смерти, а огромные вражеские корабли неслись на нас. Внезапно откуда—то сзади в небе показалась огромная черная тень, из нее возникли яркие зеленые лучи, ослепительные лучи, несущие разрушение, и ударили по двум снижавшимся конусам; те рухнули на землю, превратившись в кучи мелких обломков. Могучая тень быстро опустилась рядом с нами, и мы увидели, что это наш корабль.

Мы с трудом подошли к нему, забрались в открытый люк, ожидавший нас. Шатаясь, я добрался до мостика, и третий помощник крикнул мне в ухо:

— Мы заметили вас из леса и вылетели, чтобы помочь.

Оказавшись на мостике, я отшвырнул пилота от панели управления и резко направил корабль вверх. Хурус Хол уже стоял рядом, указывая на телекарту и крича мне что-то. Я оглянулся, и сердце мое замерло. Большой черный диск на карте находился всего в одном дюйме от светлой линии, окружавшей Солнечную систему, от последней черты.

— Конденсатор! — крикнул я. — Мы должны добраться до этого переключателя — разрушить его! Это наш единственный шанс!

Мы уже неслись к светящемуся городу. Огромная стая конусов слеталась и образовывала строй, чтобы встретить нас спереди, в то время как сзади и с боков прямо на нас летели другие стаи. Но хлопнула дверь, и на мостик ворвалась Дал Нара.

— Лучевые трубки корабля отказали! — крикнула она. — Последние заряды израсходованы!

При этих словах мои руки, лежавшие на рычагах, дрогнули, корабль замедлил движение и остановился. На мостике, на всем корабле воцарилась тишина, полная смертельного отчаяния. Мы потерпели поражение. Наш корабль, безоружный, неподвижно висел в воздухе, а со всех сторон к нему устремлялись тучи быстроходных конусов. Десятки, сотни их летели к нам — длинные черные вестники смерти, а на огромной телекарте могучая темная звезда подползала все ближе к сверкающему кружку, обозначавшему наше Солнце, к окружавшей его роковой линии. Мы потерпели поражение, и всех ожидала неминуемая гибель.

Черные орды конусов были уже совсем близко, они немало замедлили ход, словно боясь какого-то подвоха с нашей стороны, двигались медленнее, но все же приближались, а мы ждали их, впав в тупое отчаяние. Они подбирались все ближе, ближе...

Внезапно сзади, откуда—то из недр корабля, донесся громкий торжествующий крик, подхваченный множеством нестройных голосов, и затем Дал Нара с хриплым возгласом указала вверх, на наблюдательные отверстия, и я увидел стройный блестящий силуэт, который устремлялся к нам с неба, а за ним следовал огромный флот других кораблей, длинных, черных, мощных крейсеров.

— Это же наш корабль! — как безумная, кричала Дал Нара. — Это корабль шестнадцать! Они спаслись, вернулись в Галактику... и смотрите... там, за ними... это флот, флот Федерации!

В ушах у меня зашумело; я поднял голову, увидел множество могучих черных кораблей, спешащих к нам на помощь вслед за сверкающим крейсером, — пять тысяч боевых кораблей Федерации.

Флот! Тысячи военных кораблей со всей Галактики, крейсера с Антареса и Сириуса, с Регула и Спики, патрульные корабли Млечного Пути, избранные воины Вселенной! Корабли, с которыми я летал от Арктура до Денеба, рядом с которыми я сражался в стольких боях! Флот! Они развернулись, зависли высоко над нами, перестроились, затем одним титаническим броском атаковали тучу конусов, окружавшую нас.

Вокруг засверкали ярко—зеленые лучи и огненные вспышки; смертоносные лучи и эфирные бомбы крушили корабль за кораблем. Наш крейсер беспомощно висел в воздухе, в центре этой невиданной битвы, а вокруг нас могучие корабли Галактики и длинные черные конусы с темной звезды сталкивались, вращались, вспыхивали огнем, взлетая в небо, ныряя вниз, устремляясь друг на друга, обрушивались на светящуюся землю сотнями обломков, исчезали в ослепительных беззвучных вспышках. Издалека, из городов светящейся планеты, с верхушек башен, в воздух поднимались тысячи новых конусов, летели к месту битвы, бесстрашно бросались в атаку, падали, рассыпались на кусочки под ужасными разрушительными лучами, шли на таран и

падали на землю в самоубийственных атаках. Но теперь число их быстро убывало, они исчезали под сверкающими лучами.

Хурус Хол подбежал ко мне, крича и указывая вниз, на светящийся город.

— Конденсатор! — воскликнул он, указывая туда, где по-прежнему виднелось голубое сияние. — Темная звезда — смотрите!

Он махнул рукой в сторону телекарты: крошечное расстояние от светлой линии до звезды быстро сокращалось. Я окинул взглядом кипевшую вокруг нас битву; крейсера Федерации сотнями сбивали конусы, о конденсаторе все забыли. Этот конденсатор находился в какой-то полумиле от нас, там был переключатель, клетка на шесте, которую могло разрушить одно лишь прикосновение зеленого луча. А наши лучевые трубки были бесполезны!

В мозгу у меня мелькнула безумная мысль; я рванул на себя рычаги. И наш корабль, словно огромное металлическое ядро, устремился вниз, к конденсатору и его выключателю.

— Держитесь крепче! — крикнул я, когда мы начали падать. — Я хочу протаранить выключатель!

Навстречу нам неслись сверкающие голубые полушария в яме, высокий столб и клетка на нем; мы летели на них со скоростью молнии. Послышался грохот, и страшный удар сотряс корабль от носа до кормы; его нос сломал металлический цилиндр, оторвал его от столба и швырнул на землю. Крейсер завертелся, на мгновение повис, словно перед тем, как рухнуть наземь, затем выправился, а мы, стоя у окон, радостно кричали.

Там, внизу, ослепительное сияние, исходившее от множества полусфер, внезапно погасло! Бой, кипевший вокруг нас и в небе над нами, прекратился — последние конусы рухнули на землю под огнем смертоносных лучей могучего флота, и мы быстро обернулись к телекарте, впившись в нее пристальными взглядами. Мы увидели, что огромная

темная звезда продолжает ползти к линии, окружающей Солнце; она двигалась все медленнее и медленнее — и все же двигалась... Неужели мы проиграли в последний миг? Черный диск, двигаясь с трудом, почти касался роковой границы, его отделял от нее зазор не толще волоса. Мгновение мы смотрели, как он застыл на месте, — это мгновение решило судьбу Солнечной системы. А затем с наших уст сорвались нестройные крики. Зазор начал расширяться!

Черный диск удалялся прочь, снова летел в космос, прочь от Галактики и нашего Солнца, углубляясь по кривой в черные глубины Вселенной, откуда он пришел, без звезды, которую собирался похитить. Прочь, прочь, прочь — и мы поняли, что все—таки победили.

И экипажи кораблей нашего флота тоже поняли это, глядя на свои карты. Они сгруппировались вокруг нас и замерли на месте, а светящийся темный гигант внизу понесся прочь в неведомые глубины космоса; вскоре он уже казался нам тусклой огромной луной. Он отступал все дальше от сверкающих звезд Галактики, унося с собой светящиеся города и орды существ—конусов, чтобы никогда больше не возвращаться. Стоя на мостике, окруженные могучим флотом, мы трое смотрели, как он удаляется, затем обернулись к своей желтой звезде, далекой, безмятежной и ласковой, желтой звезде, вокруг которой вращались наши восемь маленьких планет. И тогда Дал Нара протянула к ней руки, чуть не плача.

— Солнце! — воскликнула она. — Солнце! Старое доброе Солнце, мы боролись и спасли тебя! Наше Солнце, наше навеки!

6

Вечером, неделю спустя, мы с Дал Нарой простились с Хурусом Холом, стоя на крыше того огромного здания на Нептуне, с которого мы вместе с пятьюдесятью другими кораблями отправились в путь несколько недель назад. За это

время мы узнали, что единственному уцелевшему из этих кораблей, кораблю шестнадцать, удалось избавиться от преследования конусов после первой яростной атаки и он направился обратно в Галактику, чтобы поднять тревогу. Могучий флот Федерации поспешил через всю Галактику с Антареса навстречу приближавшейся темной звезде, чтобы помочь нам, и достиг ее как раз вовремя, чтобы спасти наш корабль и наше Солнце.

Я не буду описывать все события этой недели и почести, которыми нас осыпали. Мы могли бы получить от соотечественников все, что пожелаем, но Хурус Хол ценил только занятия наукой, которая была делом его жизни; Дал Нара ограничилась тем, что по обыкновению представительниц своего пола отправилась в косметический кабинет, а я попросил лишь чести продолжать на своем крейсере службу во флоте Федерации. Солнечная система была нашим домом, всегда останется им, но я знал, что мы не сможем отказаться от увлекательной службы в могучем галактическом флоте, перелетов от звезды до звезды, долгих безмолвных часов космической ночи и сияния звезд. Мы, Дал Нара и я, останемся космическими бродягами на всю жизнь.

И сейчас, готовый присоединиться к своему флоту, я стоял на крыше могучего здания, позади возвышалась черная громада нашего крейсера, над нами раскинулся потрясающий воображение звездный ковер Галактики. Внизу, на улицах, тоже сверкали ослепительные огни, там толпы народа продолжали праздновать спасение мира. Хурус Хол заговорил; я никогда не видел его таким взволнованным.

— Если бы Нал Джак был здесь... — начал он, и мы на минуту замолчали.

Затем он протянул нам руку, мы молча пожали ее, а затем направились к люку своего корабля.

Дверь за нами захлопнулась, мы поднялись на мостик и оттуда наблюдали, как широкая крыша удаляется прочь, — мы снова взлетали с нее, и на миг на фоне огней города мелькнула темная фигура Хуруса Хола, затем скрылась. И

планета под нами продолжала уменьшаться, пока наконец Солнечная система не осталась позади, и мы могли различить только одинокую желтую искру — наше Солнце.

Наш крейсер, спешивший прочь, окружила вечная ночь бесконечного космического пространства — ночь и неизменные мерцающие россыпи пылающих звезд.

ОСТРОВ КАРЛИКОВ

Когда большая волна ударила и окончательно залила яхту, Рассел прыгнул в воду, вынырнул и его опять захлестнули вспененные волны, несущиеся к берегу; он вновь вынырнул и энергичными движениями стал продвигаться к берегу, линию которого временами видел сквозь водяную завесу. У него шумело в ушах, он плыл, оставляя за собой заходящее солнце, заливавшее мир медным светом.

С усилием продвигаясь, он несколько раз смотрел вперед и видел, что берег приближается. Огромные волны, догоняющие сзади, несли его вперед большими скачками, но одновременно встречное придонное течение опутывало его, как змея, и тянуло за ноги. Рассел долго боролся, пока не почувствовал под ногами твердый песок и, споткнувшись, наконец, встал на ноги. Он оказался там, куда не достигали волны.

Рассел, ошеломленный борьбой со взбесившимся океаном, осмотрелся. Он стоял на берегу острова, длина которого, как ему казалось, была около трех миль. Поверхность острова, покрытая зеленью сикомор, дубов и кустарников, плавно поднималась к середине.

Сквозь рев волн Рассел услышал какой-то звук. Он повернулся и увидел, что со стороны покрытого деревьями острова, по узкой тропе к нему спешит человек с непокрытой головой и закатанными рукавами рубашки. Когда он подошел ближе, Рассел увидел, что это мужчина средних лет, с острым взглядом, седеющими волосами и лицом интеллектуала. Оно выражало беспокойство. Человек протянул Расселу руку.

— Дорогой мой! Я видел, как тонет ваша яхта, но прежде, чем прибежал сюда, все уже закончилось. С вами ничего не случилось?

— Нет, я только расстроен, — попытался улыбнуться Рассел. — Там, в Чарлстоне, меня предостерегали, что, если я

слишком удалюсь от берега, меня захватит шквал, но я думал, что сумею справиться.

Мужчина явно успокоился.

— Вы знаете, я впервые видел такой случай. Еще чуть-чуть и вы бы... Это предательские волны и если бы не остров...

— Мне просто повезло, — признался Рассел. — К тому же, я совсем не рассчитывал найти кого-то здесь. Ведь большинство островов побережья Каролины необитаемы.

— Да, — подтвердил его собеседник, — но по счастливому совпадению на этом острове находится биологическая станция Северного Университета. Возможно, вы слышали о ней?

— Конечно! — заинтересовался Рассел. — Мне говорили о ней в Чарлстоне.

— Я — доктор Джеймс Гарлэнд, биохимик, и в настоящее время единственный член персонала этой станции, — представился мужчина. — Обычно, нас здесь с полдюжины: доктор Уоллес — руководитель, профессор Ловермэн и еще трое других, но все поехали сейчас в отпуск в Чарлстон, а мне бедному выпало остаться здесь, чтобы во время их отсутствия вести постоянные наблюдения.

— Меня зовут Рассел, — сказал молодой человек. — Я из Нью-Йорка, один из многих адвокатов, только начинающих практику. Выбрался на юг прогуляться на яхте; до сих пор я был уверен, что умею с ней управляться.

Доктор Гарлэнд улыбнулся.

— Боюсь, пару дней вам придется провести со мной, пока не вернутся остальные, поскольку они взяли нашу единственную лодку. Если вы снизойдете до холостяцкого хозяйства...

— Ни один робинзон не может выбирать, — с юмором заметил Рассел. — А поскольку я кое-что слышал об этой станции, то очень доволен, что мне представился случай посетить ее.

— Посещение лучше начать с переодевания во что-то сухое, — констатировал доктор Гарлэнд. — Ловермэн

примерно вашего роста. Если бы он был здесь, то, конечно, одолжил бы вам какую-нибудь одежду...

Гарлэнд повел своего гостя через пляж, а потом — узкой тропинкой, вьющейся вверх среди деревьев, покрытых весенней зеленью. Солнце теперь опустилось еще ниже, а резкий морской ветер заставил промокшего Рассела стучать зубами. Он был доволен, когда они наконец вышли на холм, где почти не было деревьев и который был самой высокой частью острова. Рассел увидел низкое бунгало, обитое досками, и немного дальше, еще один большой, некрашенный дом.

— Это наша лаборатория, — объяснил Гарлэнд, указывая в том направлении. — Я покажу ее потом, а сейчас вам необходимо побыстрее переодеться.

Вслед за хозяином Рассел вошел в бунгало и пересек большую комнату с удобной мебелью в мужском вкусе. Они вошли в одну из спален, находящуюся в глубине. Там биохимик достал из кучи беспорядочно валяющейся одежды довольно поношенный, но сухой и теплый костюм, а затем оставил Рассела одного. Тот зажег свет, поскольку уже наступили сумерки.

Переодевшись в сухую одежду, он возвратился в большую комнату, рядом с которой, в неожиданно чистой кухнеке нашел доктора Гарлэнда с закатанными рукавами, занятого приготовлением ужина. Рассел, который на яхте неплохо справлялся с обязанностями кока, принялся помогать. Они проголодались и за ужином почти не разговаривали.

Только потом, сидя с сигаретой в руке перед огнем, горящим в камине, Рассел подумал, что, несомненно, существуют места хуже, чем это. Сквозь вой ветра до его слуха доносился приглушенный шум волн. Он пододвинул кресло поближе к горящему камину.

— Меня в самом деле очень интересует эта станция, — обратился он к Гарлэнду, — я много слышал о ней в Чарлстоне...

— А хорошо ли о ней говорят? — довольно загадочно спросил хозяин.

Рассел улыбнулся.

— Если уж быть откровенным, то некоторые рассказывают, что здесь вроде бы происходят прямо—таки дьявольские вещи.

Гарлэнд засмеялся и выпустил струю сигаретного дыма.

— Невежество современных людей, — заявил он, — бывает иногда просто удивительным; самого факта основания нашей исследовательской станции на этом уединенном клочке земли этим добрякам достаточно, чтобы утверждать, будто мы что—то скрываем.

— Но согласитесь, для такой станции это довольно необычное место...

— Вовсе нет, — живо возразил Гарлэнд. — Нашей главной целью являются исчерпывающие исследования эволюционных различий у некоторых низших морских беспозвоночных. Станция должна быть в таком месте, где существуют разные глубины и различные условия; мы убедили университет, ну а он позволил нам основать станцию именно здесь. Конечно, каждый из нас продолжает заниматься своими исследованиями. Уоллес — хромосомами. Снеллинг — своей теорией клеток, а я — проблемами регуляции роста. Однако, большинство времени мы должны посвящать основным исследованиям, для которых основана станция, поскольку в противном случае университет не стал бы ее финансировать.

— Проблемы регуляции роста? — спросил заинтересованный упоминанием Рассел.

Биохимик махнул рукой, в которой держал сигарету.

— Это мой конек, — сообщил он. — Я открыл способ сильного возбуждения гипофиза, а также метод почти полного торможения его деятельности. Конечно, полный контроль секреции является еще одной проблемой.

— Боюсь, вы сочтете меня полным невеждой, — сказал Рассел, — но для меня это все равно, что алгебра для готен-тота.

— Ох, уж эти школы! — засмеялся Гарлэнд. — Чему вас там учат? Так вот, теоретически это довольно просто. Думаю, вы знаете, что размеры тела животного или человека прямо зависят от деятельности гипофиза.

— Кажется, я что-то слышал о железе, регулирующей рост, — признал Рассел.

— Без сомнения, — сухо ответил Гарлэнд. — Так вот, эта железа, гипофиз, находящаяся у середины головы, существенно регулирует размеры тела выделением своего гормона. Если секреция нормальная, то ваше тело — нормального размера. Если выделение чрезмерное — вы становитесь великаном, ниже нормы — карликом. Во всем мире биологи пытались искусственно регулировать рост тела путем воздействия на гипофиз. До сих пор эксперименты в этой области были малопродуктивными. Правда, иногда удавалось механически вызвать то, что некоторые животные становились немного большими или немного меньшими, чем обычно, но сумели достигнуть лишь замедления или ускорения процесса роста. Гипофиз и щитовидная железа настолько тонкие механизмы, что, подвергаясь хирургическому вмешательству, в девяти случаях из десяти оказываются поврежденными... Я это понял уже много лет назад, поэтому оставил подобные методы в покое и начал атаку с другой стороны. Так вот...

Гарлэнд внезапно прервал свой рассказ и встал. Он взял тяжелый кусок дерева, осторожно подошел к двери, ведущей на веранду, и резко открыл ее.

Удивленный Рассел услышал, как что-то быстро пробежало по веранде. С минуту Гарлэнд всматривался в темноту, а потом закрыл двери.

— Черт бы их побрал! Они нагледят с каждым днем! — гневно воскликнул он.

— Крысы? — спросил Рассел, доктор оглянулся и кивнул головой.

— Ужасно назойливые! — с раздражением сказал он. — Они везде, под домом и лабораторией, а поймать их вообще невозможно.

Лицо его прояснилось, когда он опять сел.

— Так, о чем я говорил? Ага... Итак, я решил разобраться с проблемой возбуждения гипофиза другим способом. Зачем с огромным риском вскрывать череп, чтобы добраться до этой железы, если можно воспользоваться кровообращением? Что произойдет, если я найду соединение, которое после впрыскивания через некоторое время дойдет до гипофиза и невероятно возбудит его функцию? А если я создам другое соединение, которое вместо того, чтобы возбудить, полностью остановит или частично затормозит выделение? Вы понимаете, что это означает?

Брови Рассела удивленно поднялись.

— Господи помилуй! — воскликнул он. — Это позволило бы вам произвольно увеличивать или уменьшать размеры тела!

Гарлэнд утвердительно кивнул.

— Вот именно! Поэтому я и приступил к разработке формул двух нужных соединений. На практике это оказалось исключительно трудно. Природа — хозяйка творения, которой нелегко изменить. Но в университете и здесь я не прекращал работы, пока не определил формулы этих двух соединений и метода их получения в необходимом количестве. Теперь возьмем, например, собаку. Впрыскиваю в одну из ее вен на шее соединение, возбуждающее гипофиз. Он с огромной скоростью начинает выделять свой гормон. Кстати сказать, укол вызывает у животного почти моментальную спячку. Через сутки пес просыпается великаном, в шесть раз большим нормальной собаки, и таким и остается; впрыснутое вещество непрерывно действует на железы, разве что его нейтрализуют противоположным соединением. Вы спросите: как же это собака в течение одного дня сна в шесть

раз увеличивает свой вес и размеры? А каким образом пес в течение года из маленького щенка становится взрослым? Потому что еда, которую он съел, и воздух, который он вдыхал, вызывает рост ткани.

— Благодаря огромному увеличению внутреннего выделения, — продолжал Гарлэнд, — я неимоверно ускорил степень ассимиляции организмом питательных веществ. Во сне собака не ест, но дышит воздухом, содержащим в себе углекислый газ и водяные пары, а вместе с ними важные элементы — кислород, азот, углерод и водород. Происходит невидимый рост тканей и костей. Если впрыснуть собаке противоположное соединение, оно замедлит темп секреции гипофиза, и тело очень быстро начнет терять ткани при выдыхании воздуха и потовыделении; после суточного сна собака проснулась бы, став в пять или шесть раз меньше нормальной особи. Несомненно, весь процесс происходил бы совершенно так же и в случае с человеком.

Рассел удивленно смотрел на доктора.

— Вы в самом деле открыли эти соединения? Они действительно опробованы на животных?

— Разумеется, и с большим успехом. Но прежде, чем я опубликую результаты исследований, они должны быть полностью завершены.

— Настоящая сказка, — заметил молодой человек. — Конечно, я не ставлю под сомнения ваши слова, но, когда из маленького делают большого и наоборот, это один из тех опытов, который нужно увидеть, чтобы в него поверить.

Гарлэнд засмеялся, опять зажигая погасшую сигарету.

— Завтра в лаборатории я вам покажу что-то, что заставит вас поверить, — сказал он. — Я мог бы это сделать и сегодня, но боюсь, вас замучили бы кошмарные сны...

— Кстати, о сне; я почти уже заснул, — зевая, сообщил Рассел. — Не могу понять, почему я такой сонный сегодня...

— Обычное влияние научной лекции, — объяснил Гарлэнд. — Пожалуйста, не извиняйтесь, я к этому привык.

Когда я начинал рассказывать слишком подробно, морфей всегда овладевал моими слушателями.

— Это скорее результат моих сегодняшних приключений, — смеясь, возразил Рассел. — Спать я должен в той комнате, где переодевался? Утром я, видимо, уже буду в состоянии посмотреть ваш эксперимент.

— Не беспокойтесь, вы отлично выспитесь, — с улыбкой ответил доктор. — Прошла неделя с тех пор, как я последний раз общался с людьми, поэтому я буду надоедать вам немилосердно!

Раздеваясь, Рассел заметил, что без конца зевает и непроизвольно потягивается. Едва коснувшись головой подушки, он тут же заснул. Ложась, Рассел слышал какое-то царапанье и шорох за стеной или под полом...

Первым ощущением после пробуждения была тошнота и странное одеревенение тела. Он шевельнулся, чувствуя себя странно неуклюжим, протер глаза и сел. Рассел в удивлении широко раскрыл глаза, замигал, осмотрелся вокруг ... Разозлился, что ничего не может понять... А через мгновение остолбенел. Сердце у него заколотилось...

Он был не в своей постели, а совершенно обнаженный находился на толстом слое какой-то, в несколько раз сложенной ткани, лежащей на полу. Он был не в комнате, в которой ложился спать. Пол помещения образовывала гладкая, очень толстая стеклянная плита. По бокам поднимались блестящие стены большой стеклянной комнаты, залитой солнцем.

Рассел неуверенно встал и невольно вскрикнул. Вокруг него, по крайней мере футов на двадцать вверх, поднимались стеклянные, толщиной в фут, стены, без дверей, окон или какого-нибудь другого отверстия. Вверху стены обрывались. Спотыкаясь, Рассел подошел к стене своей странной стеклянной тюрьмы и тупо посмотрел сквозь нее.

С губ его вновь сорвался хриплый крик. Он видел, что—то, что было одновременно знакомым и удивительно странным, гротескным. Большая стеклянная комната, казалось, находилась на длинной и широкой платформе из оксидированного металла, на которой тут и там стояли предметы знакомых очертаний — металлические и стеклянные химические стаканы, реторты, весы и микроскоп, но все было громадным. Большая труба микроскопа была в два раза выше его! В стаканах можно было бы спрятаться.

Он заскользил к другой стене четырехугольного помещения. Вид был другой: неподалеку от стеклянной стены находилось окно — тоже громадное. Сквозь него он видел раскаленный диск заходящего солнца, на фоне которого качались ветви каких—то незнакомых гигантских деревьев!

Рассел, бормоча что—то, подошел к следующей стене и теперь понял — вокруг громадная комната, размером с собор, четырехугольная, с белыми стенами и потолком. Здесь стояли громадные столы и кресла в несколько раз выше, чем сам Рассел. Его квадратная стеклянная тюрьма стояла как раз на одном из таких огромных металлических столов...

Еще не совсем нормально функционирующий мозг Рассела наконец понял... Его озарило: он вспомнил, что говорил Гарлэнд прошлым вечером, как спокойно утверждал, будто обладает своеобразным могуществом. Охваченный ужасом Рассел упал на сверкающий пол.

В следующее мгновение в его воспаленное сознание проник громкий треск и звон, заставивший Рассела вскочить на ноги. Одна из больших дверей гигантской комнаты внезапно открылась и вошел человек громадного роста... Ужасная фигура, ростом, наверное, тридцать или пятьдесят футов. Великан подошел к тюрьме Рассела; шаги — как гром. Это был Гарлэнд. Глаза его горели интересом, когда он наклонился над стеклянным кубом. Когда громадная голова заглянула через открытый верх, парализованный страхом Рассел заметил, что громадные губы двигаются, и до него донесся мощный раскат голоса Гарлэнда:

— Я обещал показать вам что-то, способное убедить вас в целесообразности моей работы. Так посмотрите на это что-то, на самого себя!

— Черт бы вас побрал, Гарлэнд! — Рассел прямо рыдал от бешенства и страха... — Что вы из меня сделали? Какого-то пигмея!

Громкий смех ученого загредел над ним.

— Не стоит принимать это так близко к сердцу, Рассел. Не вы первый обнаруживаете, что стали ростом в один фут. Уоллес, Ловермэн и другие мои уважаемые коллеги не выше вас! Вы не одиноки.

Уоллес и другие... Услышав это, Рассел почти забыл о своем ужасном положении.

— С ними вы это тоже проделали? — воскликнул он.

— Да! — загредел голос. — Вы думаете, я ограничусь проверкой моей теории на животных и никогда не испробую ее на людях? Люди для меня только объект исследований! Морские свинки! Все для правды! — Большие глаза ученого горели.

— Две недели назад я усовершенствовал оба соединения. Тем пятерым я ввел уменьшающий препарат. Впрыснул его, когда они спали под действием наркотика. Так же легко можно было бы испробовать и другое средство, но я хорошо знаю, как они могут отреагировать после пробуждения, если бы я их сделал великанами. Уменьшались на глазах. Я принес их сюда, в лабораторию; когда они перестали уменьшаться, приготовил им временное помещение и хотел применить противоположное средство, когда они проснутся. Для меня не было бы никакой опасности. Как и вы, они были злы и ошеломлены, но я хотел провести второй опыт, даже против их воли. Морские свинки! К сожалению, они сбежали! Ночью они вырвались через дырку, проделанную крысой, и все еще прячутся, где-то поблизости. Вы слышали их вчера под дверью? Надеюсь, со временем крысы до них доберутся. Человек в фут ростом не справится со взрослой крысой или змеей. Однако, мне требовался еще один

объект для опытов, и судьба послала мне вас. Я бы поплыл вам на помощь, если бы вы сами не выбрались на берег. За ужином вы получили наркотик и отсюда эта сонливость. Вы уменьшались с каждой минутой и стали великолепным доказательством моего открытия. Теперь я могу ввести вам другой препарат, увеличивающий, и таким образом закончу эксперимент с вами.

Говоря это, Гарлэнд положил на стол и открыл узкую, черную коробочку. В ней лежали две стеклянные трубочки, длиной примерно в шесть дюймов, одна со светло-красной, а вторая с поблескивающей зеленой жидкостью и необычной формы игла для уколов.

Рассела трясло от бешенства при виде склонившейся над ним головы.

— Ах ты, дьявол! Ты — сумасшедший! — завопил он.

Между тем, Гарлэнд спокойно вынимал ампулы из коробочки.

— Сумасшествие и гениальность настолько близки, что никому еще не удалось провести линию, разграничивающую их. Возможно, все безумцы — это только непонятые гении? Интересная мысль...

— Довольно идиотских экспериментов на мне! — крикнул Рассел.

— Вам не следует забывать, что только от меня зависит обретете ли вы вновь нормальный рост. Ничего не обещаю, но...

Рассел, хоть это было и смешно, погрозил кулаком склонившемуся над ним лицу великана:

— Нет! Скорее я так и умру! Ты сделал из меня карлика, монстра, но довольно этих дьявольских экспериментов.

Гарлэнд невозмутимо вложил назад в коробочку ампулы с препаратами.

— Абсолютно нелогично, — заметил он. — Даю возможность подумать до утра, а если будете упорствовать, думаю мне удастся с вами справиться. Впустить сюда пару больших

пауков... В самом деле, это было бы забавно! Подумайте, а чтобы у вас не было надежды сбежать, как сделали те...

Он накрыл верх куба листом сетки из толстой проволоки. Обвязал его цепочкой, закрывающейся маленьким висячим замком. Затем взял черную коробочку.

— До свидания, до утра...

Рассел, безвольно опершись на стену стеклянной тюрьмы, смотрел, как Гарлэнд закрывает за собой двери. Потом пошел вдоль стены своей стеклянной клетки, пока в приступе бешенства не бросился на нее всем телом. Упал и некоторое время лежал тяжело дыша; тьма в лаборатории сгущалась, но через окно напротив все более интенсивной струей вливался серебристый свет луны, наполняя длинную комнату.

Рассел посмотрел вверх, где в лунном свете блестела тяжелая сетка. На гладких вертикальных стеклянных стенах прозрачной кельи не было ни одного выступа, а в самой келье — ничего, кроме ткани, на которой он лежал перед этим. Рассел оторвал от нее кусок, в который завернулся, как в тунику. Это немного подняло его настроение.

Он сидел, полный тупого, безнадежного страха. В лунном свете четко вырисовывались и блестели различные предметы: часть микроскопа, рукоятка какого-то инструмента, чашки весов... Глубокая тишина царила в лаборатории, но через некоторое время ее нарушил какой-то звук...

Это было странное шуршание под затененной частью пола лаборатории, где стоял один из столов. Рассел напряженно прислушался...

Звук возобновился, потом утих. Затем послышались легкие, неуверенные шаги. Рассел вскочил и тихо подбежал к стеклянной стене. Вначале он не заметил ничего необычного, но потом из-под большого стола напротив осторожно вышли две фигуры: это были люди. Два карлика такого же роста как он!

В ярком лунном свете Рассел видел их совершенно отчетливо. Они осматривались. Оба были одеты в туники,

похожие на его собственную, и оба держали что-то, напоминающее длинные копья с металлическими наконечниками...

Они остановились и посмотрели вверх, в направлении его стеклянной тюрьмы. Он чуть не крикнул, но вовремя спохватился. Шикнул только, те вздрогнули, вбежали под стол, на котором находился Рассел, и пропали из виду. Неужели сбежали? На мгновение сердце у Рассела замерло. Потом он снова увидел их.

У края стола стоял близко придвинутый стул, и два незнакомца с трудом взбирались на него. Хватаясь за перекладины и ножки, они подтягивались, пока наконец не оказались на сиденье. Далее им предстояло более тяжелое задание: вскарабкаться на верх стола по одной из перекладин спинки. Рассел видел, как они карабкаются вверх, хватаясь за углубления. В конце концов они очутились на уровне крышки стола в нескольких дюймах от его края. На мгновение они прижались к перекладине, а затем — прыгнули. Упав на металлическую поверхность стола, они не удержали равновесия, но тут же вскочили и побежали к его тюрьме. Когда они уже были близко, Рассел заметил, что один из них молодой, примерно его возраста, а другой — немного постарше. У обоих были темные волосы и оба были небриты. Копья, которые они держали в руках, на самом деле были тонкими палочками, длиной восемь—десять дюймов, с прикрученными тонкой проволокой на конце маленькими острыми гвоздями. Для людей ростом в фут это было оружие тяжелое и опасное.

Они подошли к стеклянной стене и заглянули. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но один из людей предостерегающе покачал головой. Рассел молча смотрел на них, а сердце у него колотилось.

Они о чем-то переговорили шепотом, проверили толщину стеклянной стены, а потом показали на сетку, прикрепленную к верху стеклянного куба. Наконец один из них побежал по столу, видимо ища что-то, другой тем

временем стал разматывать обмотанный вокруг тела крепкий, как казалось, канат. В действительности это была обычная, длинная бечевка. Прежде чем он размотал ее и на определенном расстоянии завязал на ней узлы, его товарищ возвратился, держа в руке кусочек стальной проволоки.

Вместе, с большим трудом они согнули его так, что он принял форму крюка. Быстро привязали к нему веревку, затем старший из них раскачал крюк над головой и бросил его вверх. Крюк упал на сетку, закрывающую стеклянный куб, и зацепился за одну из ячеек. Тут же младший из двух мужчин стал взбираться вверх по узлам, а другой крепко держал веревку внизу.

Взбирающийся добрался до верха, быстро осмотрел цепь и замок, шепотом что-то сказал стоящему внизу человеку, а тот привязал одно из копий к шнуру. Человек на сетке тут же подтянул его наверх и, сунув наконечник в одну из ячеек сетки, начал приподнимать и вытягивать проволоку до тех пор, пока не сделал отверстие диаметром в несколько дюймов. Рассел напряженно ожидал.

Через отверстие мужчина опустил веревку внутрь стеклянной кельи. Отданный шепотом приказ был излишним, поскольку Рассел моментально схватил веревку и стал взбираться. Он вылез наверх и с минуту, тяжело дыша, балансировал на краю стеклянной стены.

— Вы новый объект исследований Гарлэнда? — спросил хриплым голосом мужчина. — Прибыли вчера?

Рассел представился.

— А кто вы? — спросил он.

— Я — Снеллинг, — шепнул тот, — а внизу — Ловермэн. Вы о нас слышали? Я подумал, что Гарлэнд рассказал вам после пробуждения. Мы видели, как вы пришли с ним вчера. Делали все, что могли, чтобы предостеречь вас, но ничего не получилось... Кроме нас двоих здесь еще Уоллес, Джонсон и Холл. Все подопытные кролики Гарлэнда — мы все пигмеи.

Рассел пытался собраться с мыслями.

— Где они?.. — спросил он.

— Там, под лабораторией, — прошептал Снеллинг. — У нас там убежище, мы пользуемся дырами и ходами, которые проделали крысы. Уоллес прислал нас за вами, у него есть план...

Человек, ожидавший внизу, предостерегающе шикнул, и Снеллинг подтолкнул Рассела к краю стены; он вытянул шнур из куба и опять спустил его наружу. Оба слезли.

Ловермэн подбежал к ним. В лунном свете отчетливо видно было его возбужденное, обросшее щетиной лицо. Он схватил Рассела за руку.

— Нам необходимо сейчас же спуститься вниз к остальным. — В шепоте его явно слышалось напряжение. — До утра осталось совсем немного времени.

— До утра? — переспросил ошеломленный Рассел, а Ловермэн быстро кивнул головой.

— Это план Уоллеса; он вам все объяснит, но сейчас нам надо уходить...

В затуманенном мозгу Рассела родилось осознание гротескной ситуации: он, двенадцати дюймов ростом, бежит с двумя себе подобными по столу!

Ловермэн без колебаний вскочил на ближайший боковой прут спинки стула, схватился за него, не выпуская из рук копье, после чего съехал на сиденье стула. За ним спустился Рассел, изо всех сил держась за прут, потом Снеллинг. Через минуту все трое оказались внизу.

Промчавшись по полу, показавшемуся Расселу обширной деревянной равниной, они подбежали к стене. Рассел увидел, что его ведут к круглой дыре с рваными краями, прогрызенной в дереве пола. В действительности она была несколько дюймов в диаметре, но ему казалось, будто дыра величиной в пару футов.

— Это единственный путь, Рассел! Мы здесь ходим две недели, — уже изнутри донесся до него голос Ловермэна.

Рассел подавил страх и протиснулся в дыру...

Что-то громко заскрежетало и треснуло. Внезапно вспыхнул яркий свет. Ловермэн держал в руке короткую

палку, горящую с одной стороны. Только вспомнив о своем теперешнем росте, Рассел понял, что это обычная спичка ...

Казалось, будто они в длинном, узком коридоре, ведущем куда—то вверх. В темноте Ловермэн какое—то время шарил вокруг себя, пока не нашел толстый, бесформенный огарок свечи. Большой спичкой он зажег его, подтолкнул Рассела, и они пошли длинным, узким туннелем внутри стены дома. Рассел пытался бороться с ощущением полной нереальности всего происходящего... Он ломал голову, куда его ведут...

— Снеллинг, внимание! — предостерегающе крикнул Ловермэн.

Все трое отскочили назад. Рассел услышал странный шорох, доносящийся спереди, а затем громкое хрюканье, от которого кровь застыла у него в жилах. Ловермэн впихнул ему в руку свечу и вместе со Снеллингом они выскочили вперед, выставив перед собой копья. Рассел увидел два больших, темных силуэта, не попавших в круг света, и заметил блеск чьих—то глаз.

Эти чудовищные фигуры Рассел не мог отождествлять с крысами, несмотря на то что рассудок говорил ему, что это они: покрытые густым мехом чудовища, с блестящими глазами и открытой пастью с белыми клыками двигались к ним. Снеллинг и Ловермэн стали на колени. Оба одновременно ударили чудовищ копиями.

Один из великанов запищал, когда длинный гвоздь глубоко вошел ему в тело. Ловермэн, отталкиваясь от пола, все глубже погружал колье, пока большое пушистое тело не прогнулось, а потом конвульсивно не ударилось о стену. А вот Снеллинг лежал придавленный второй крысой, мощные клыки которой были уже почти у его горла. Как безумный, Рассел бросился вперед и ткнул горящую свечу в бок чудовища.

Тошнотворно запахло паленой шерстью и мясом, а животное с диким писком бросилось на Рассела. Он зашатался и почувствовал, что в его ляжку впиваются острые, как

PIGMY-ISLAND

by EDMOND HAMILTON

иглы, зубы. Однако они сразу же отпустили его, ибо его спутники уже раз за разом погружали окровавленные копы в тело второй крысы.

Рассел с трудом поднялся на ноги. Большое животное лежало, медленно сжимая и разжимая когти. Через минуту конвульсии прекратились.

Рассел, чувствуя, что рядом с ним друзья, слабо засмеялся:

— Бой с крысами внутри стены! Смертельная борьба с крысами!..

— Ну, ну, держитесь, — Ловермэн схватил его за плечо. — Надеюсь, ваша нога не очень пострадала?

— Да нет!.. — покачал головой Рассел. — Только смилуйтесь, идем, идем дальше!

— Крысы наглеют с каждым днем, — сказал запыхавшийся Снеллинг, когда они двинулись вперед. — Не боятся даже огня свечи, а два дня назад чуть не отгрызли плечо Джонсону...

Подожли к дыре внизу стены. Спустились в нее. Рассел увидел, что они в новом коридоре, но на этот раз прокопанном во влажной земле. Коридор был узким и низким, так что передвигаться по нему можно было лишь согнувшись. Туннель поворачивал, петлял, его пересекали другие подземные коридоры. Перед каждым таким пересечением они останавливались и прислушивались.

Наконец все трое свернули в ответвление, закрытое земляной стеной, в которой было только маленькое отверстие.

Ловермэн погасил свечу, и Рассел увидел бледный свет, пробивающийся изнутри. Они пролезли через отверстие и оказались в большой яме, освещенной свечой, которая уменьшившемуся Расселу показалась гигантской. Их ждали трое мужчин. Один из них, самый старший, был высокий и седовласый. У другого плечо было обвязано толстым полотном. У стены ямы стояло несколько копий с наконечниками из гвоздей. Там же находились постели из травы и полотна, какие-то остатки пищи и вторая свеча. Запах влажной земли и дыма был просто удушающим.

Седовласый человек схватил руку Рассела.

— Я знал, что они вас приведут, — нервно произнес он. — Мы не решились все выйти наверх, поскольку Гарлэнд подготавливал множество ловушек...

Отупелый Рассел, представляясь, пожал ему руку:

— Так вы... Вы...

— Да, я доктор Фэйрфилд Уоллес. Начальник, вернее бывший начальник этой станции. Это Холл, а это Джонсон, который попал в переделку в бою с крысой, но уже пошел на поправку. Вы — Рассел? — наклонился к нему Уоллес. — Видите ли, у нас очень мало времени. Гарлэнд — сумасшедший, безумный гений, если в науке есть такой термин. Много лет он работал над усилением функции гипофиза, пока это не стало у него манией или одержимостью. Склонил нас к основанию станции на этом необитаемом острове. Мы никогда не догадывались о его замыслах. Здесь он сразу же усыпил нас и превратил в карликов, как и вас. Мы испугались,

когда подумали о том, какие еще дьявольские эксперименты придут ему в голову, поэтому сбежали и влезли в эту путаницу крысиных ходов... Что мы видели и что пережили за эти две недели!.. У меня семья, отличное положение в научном мире, а я прячусь здесь от крыс и змей, сражаюсь с пауками и охочусь на нетопырей, чтобы не умереть с голоду! Но довольно! Единственной нашей целью все это время было добыть красную субстанцию у Гарлэнда, ибо только она может вернуть нам нормальный рост. Весь запас Гарлэнд держит при себе в коробочке. Никогда не оставляет обе эти субстанции, а каждую ночь закрывается в спальне. Единственная надежда — украсть коробочку, когда Гарлэнд заснет. Всю прошлую неделю мы делали подкоп под его спальню... Остался только тонкий слой. Теперь попробуем проникнуть в его комнату. Вы пойдете с нами?

Рассел глубоко вздохнул. В голове у него гудело.

— Конечно! — сказал он.

Встали. Уоллес быстро отдал приказы, вручил Расселу тяжелое копьё, и один за другим они поползли, выбираясь из ямы в крысиный коридор. Ловермэн шел со свечой впереди, а Холл со второй свечой замыкал цепочку. Снеллинг однажды сделал выпад копьём против чего-то, что пронеслось мимо них. У Рассела мелькнула мысль об осьминоге и только через какое-то время он сообразил, что это большой паук. Когда они проходили через другой туннель, перед ними проползло что-то толстое и длинное, как змея, это был большой дождевой червяк...

Коридор начал подниматься и идти стало труднее; потолок все еще не позволял выпрямиться. Временами Рассел чувствовал дуновение свежего воздуха среди испарений мокрой земли. Наконец он увидел вверху круглое отверстие, через которое видны были звезды. Когда они были уже в нескольких шагах от него, какой-то темный силуэт внезапно загородил им дорогу. Снеллинг, Уоллес и Ловермэн, выставив копыя, бросились вперед. Послышалось хрюканье и

скрежет зубов... Через минуту Рассел перелез через большое, неподвижное, покрытое мехом тело...

Вышли на поверхность, Рассел увидел, что они находятся среди травы, большие стебли которой со всех сторон качались над их головами. В темноте он с трудом заметил далеко тянущуюся гигантскую стену. Он понял, это стена лаборатории, из—под которой они выбрались. Над верхушками травы нечетко вырисовывалась другая стена. Остановились. Уоллес указал на нее.

— Это бунгало! — тихо сказал он Расселу. — Теперь осторожно...

Они двинулись через траву, словно бы продирались сквозь густые джунгли. Однажды они остановились, когда что—то огромное, с крыльями, как у самолета, с шумом пролетело над ними. На этот раз Рассел знал: это нетопырь или какая—то птица. Потом посмотрел на звезды и подумал: «Видели они когда—нибудь подобное зрелище: банду карликов, продирающихся сквозь траву?..»

Вдруг идущий сбоку Джонсон шикнул и указал направо здоровой рукой. Замерли... Рассел с бьющимся сердцем посмотрел в указанном направлении. Высокие стебли травы раздвигались. Приближался сухой, шелестящий звук: это была громадная многофутовая змея. Наискосок она пересекала им дорогу.

В свете звезд Рассел заметил могучее сворачивающееся кольцами и растягивающееся тело, треугольную голову и большие, похожие на бисер глаза. Он пытался убедить себя, что это обычная змея, только кажущаяся чудовищной, потому что они были карликами. Змея не заметила их и исчезла среди травы. Они остановились рядом с углом дома под густыми кустами. В земле зияло черное отверстие — они уже входили в него. Было темно, пока не вспыхнула спичка, в свете которой над их головами разверзлась круглая дыра. Подтянулись и оказались внутри стены. Преодолевая препятствия, они дошли до места, где дерево и штукатурка

были так выскоблены, что оставался лишь тонкий слой, в котором пробили маленькую дырочку. Погасили свечи.

— Это комната Гарлэнда, — шепнул Уоллес. — Целыми днями мы работали, чтобы сделать этот подкоп.

Он посмотрел в дырочку. Затем приглашающе кивнул Расселу.

— Спит, — шепотом сообщил он. — Посмотрите: коробочка...

Рассел заглянул в комнату. При свете звезд видны были несколько ящиков и кровать. На ней, спокойно дыша, вытянувшись, лежал Гарлэнд. На низком столике у кровати (сердце Рассела внезапно забилося...) лежала черная коробочка.

— Сейчас попробуем, — шепнул Уоллес.

— Расширить отверстие? — спросил Снеллинг, держа копьё наготове.

Уоллес кивнул головой.

— Только, ради Бога, тихо...

Снеллинг и Холл стали долбить штукатурку, откалывая ее кусками, хотя она казалась твердой, как железо. Один раз кусок штукатурки упал в комнату и стукнул о пол на расстоянии одного или двух футов от отверстия. Все затаили дыхание. Слышно было только глубокое, равномерное дыхание Гарлэнда.

Наконец они расширили отверстие настолько, что через него можно было протиснуться, Первым пошел Снеллинг. Соскользнув на пол с копьём в руке, он поддерживал остальных, когда те спускались. Джонсон был последним и чуть не упал. Итак, они стояли на полу — шесть карликов, ростом в одну треть деревянного ящика, стоящего у стены.

Крадучись, они двинулись через комнату в направлении столика. Рассел задыхался от волнения, сжимая копьё и не отводя глаз от громадного человека, спящего на кровати. Абсурдность ситуации становилась явной. Что за мысль, десятидюймовым копьём пытаться убить такого великана!

Они были уже почти под столиком. Сердце Рассела колотилось. Глаза всех блеснули надеждой. Коробочка!..

Вдруг раздался крик Снеллинга, и все отскочили. Неподвижная фигура внезапно сорвалась с постели. Одним толчком могучей руки Гарлэнд придвинул деревянный ящик к стене, закрывая дыру, через которую они вошли. Высоко на потолке, как солнце, вспыхнули лампы, заливая комнату светом. Гарлэнд, который для них был сорокофутovým великаном, стоял теперь напротив шести фигурок, совершенно одетый, а в руке держал блестящий пистолет!

Смех Гарлэнда гремел, как гром.

— Пришли наконец—то! — насмехался он. — Все здесь, даже Рассел. Я знал, что вы рано или поздно придете! Болваны! Вы думали, будто я не знаю, что вы роете под стеной, да? Я знал, что вы придете украсть это средство. Вы теперь в ловушке, как крысы, и сдохнете! Помните, как сразу же по приезде мы стреляли по крысам из пистолета? Сейчас то же случится с вами... Я сумею найти более подходящие объекты для опытов...

Рука с пистолетом поднялась.

Фигурки одним прыжком очутились под столом,

— Хватайте его за ноги! Единственный шанс!.. — крикнул Уоллес.

Снеллинг и Холл мгновенно скрылись под гигантской кроватью, когда в комнате раздался ужасный гром. Большая пуля вонзилась в пол рядом с ними. Посыпались щепки. Гигантский Гарлэнд, смеясь в безумном веселье, послал новую пулю в пол. Джонсон чуть не упал, когда все остальные прятались под стол. Рассел втянул его за собой, а через мгновение новая пуля пробила дыру в полу там, где они перед этим стояли. Бросились в направлении кровати, но еще одна пуля осыпала их множеством щепок. Ловермэн упал навзничь, задетый куском дерева, а потом рука Гарлэнда направила на него пистолет. Маленькие фигурки Снеллинга и Холла выскочили из тени и с бешенством стали колоть копьями щиколотки великана, который споткнулся, и следующий его

выстрел тоже не попал в цель. Гарлэнд начал крутиться на месте, пытаясь растоптать двух карликов, но они схватили его за ноги. Он опять споткнулся и свалился на пол. Пистолет вылетел из его руки.

Четыре маленьких человечка вскочили на Гарлэнда, направляя копыя ему в горло. «Новая битва Гулливера и лилипутов!» — пронеслось в голове Рассела, когда он бросился вперед с копьем наизготовку. Гарлэнд в бешенстве пытался встать, а его могучие руки, как цепи, молотили вокруг, отбрасывая их. Рассела бросило на пол, и он увидел, что Гарлэнд встает с лицом багровым от бешенства. Великан схватил кресло и пытался швырнуть им в рассыпавшиеся по полу фигурки.

Рассел с трудом поднялся, когда кресло просвистело в воздухе, и увидел рядом с собой большой металлический предмет: пистолет! Для человека ростом в фут он был громадным, но почти без усилий Рассел поднял его, словно ружье, одним плечом поддерживая большой ствол, а вторую руку положив на курок. Прицелился в грудь Гарлэнда. Нажимал на спуск до момента, когда отдача оружия бросила его на пол. Потом наступила тишина...

Гарлэнд зашатался; большое кресло выпало из его поднятых рук и с шумом упало на пол. Красное пятно расползлось на груди великана, и он с грохотом упал на доски.

Рассел, как в тумане, слышал какие-то голоса и беготню. Его товарищи столпились вокруг него, чуть не плача, помогая ему встать. Уоллес и Ловермэн уже карабкались на столлик. Через минуту они вместе спустили вниз черную коробочку. Шестеро карликов мгновенно стали ее открывать. Ампулки с красной и зеленой жидкостью!.. Уоллес уже наполнял огромный шприц, а другие поддерживали стеклянную трубку вместе с иглой, когда он вливал в нее красную жидкость. Столпились на полу, посреди комнаты, подальше от лежащей фигуры великана. Рассел почувствовал боль в затылке, когда большая игла вонзилась в его тело. Затем вдруг наступила тьма...

Когда он проснулся, лучи солнца падали ему в лицо. Открыл глаза, пошевелился, неуверенно поднялся, чувствуя тошноту и невероятную усталость. Ошеломленный, осмотрелся, а потом память быстро возвратилась к нему: Уоллес, Ловермэн, Снеллинг, Джонсон, Холл тоже проснулись. Они зашевелились, лежа на полу комнаты, теперь казавшейся не громадной, а совсем маленькой. Рядом лежала неподвижная фигура. Гарлэнд. Мертвый. И он был не больше их!

С трудом встали, ошеломленные переходом от карликовых к нормальным человеческим размерам. Все были голыми, а на полу лежали маленькие туники и смешные маленькие копья. Открыв двери, они выбрались из комнаты и начали искать одежду в других помещениях. В этот момент они были похожи на людей, сумасшествие у которых внезапно прекратилось. На дрожащих ногах они вышли из бунгало. Солнце опять садилось. Они все еще говорили сумбурно.

— Лодка! — хриплым голосом произнес Уоллес. — Бежим отсюда! Ради Бога, бежим!

Он вдруг остановился.

— Только надо... Перед этим...

Он побежал обратно, затем через минуту исчез в лаборатории и возвратился к ним. Когда, шатаясь, они шли по берегу, удаляясь от исследовательской станции, над постройками появились тонкие струйки дыма. Они пришли на пляж, к месту, где Рассел выбрался на берег. Там стоял длинный сарай для лодок. Дверь Гарлэнд закрыл на замок. Они сбили его, вытащили моторку, и лодка с шумом отчалила от берега.

По мере того, как огонь пожирал оба дома, к небу с холма в середине острова поднимались клубы черного дыма. Косые лучи солнца тщетно пытались пробиться сквозь эту черную клубящуюся завесу. Снеллинг правил на запад. Ловермэн, Холл и Джонсон лежали в кокпите. Уоллес и Рассел смотрели на поднимающийся дым.

— Никогда не было никаких соединений, открытых Гарлэндом, — сказал Уоллес, указывая на остров. — Никогда не было людей, превращенных в карликов! Пожар вспыхнул случайно, и в нем погиб Гарлэнд. Вы понимаете?..

Рассел с трудом кивнул головой.

— Возможно, так будет лучше... — шепнул он. — Лучше, чтобы мир думал об этом так...

Он сел рядом с Уоллесом, все еще глядя назад. Остров исчезал, пропадая в море, и лишь поднимающийся вверх дым виднелся еще на горизонте, как толстая, черная колонна, как большой предостерегающий сигнал. Он был виден даже тогда, когда сам остров совершенно исчез из виду.

Снеллинг не обернулся ни разу, а только правил вперед, прямо к диску заходящего солнца.

ЛЕГКИЕ ДЕНЬГИ

Легкие деньги

Это была грязная игра, вот что я вам скажу. Но она оказалась довольно забавной. Этот старый док Мурта, который впутал меня в нее, наверняка рехнулся, когда пытался убедить меня в том, что я был не на Земле, а в другом мире. Вы можете такое представить? В другом мире?

Забыл представиться: Я, Мартин Слаггер, боксер—профессионал, возраст тридцать лет. Десять лет назад я чуть было не уложил нокаутом чемпиона, к сожалению, он успел проделать это со мной несколько раньше. Ну а десять лет в нашей профессии — это целая жизнь, и тихим утром, сразу после боя, сидя на скамеечке в Беттери—парке, я с грустью подумывал о том, чем теперь буду зарабатывать на жизнь.

И тут появился док Мурта, этот сморщенный плюгавый старикашка. На нем был порыжевший от старости черный костюм и шляпа. Десять минут он издали пожирал меня глазами, а затем подошел и, продолжая сверлить меня взглядом, заговорил.

— Молодой человек, — спросил он скрипучим голосом. — Вам нужна работа?

— Нужна, если это не просто болтовня, папаша, — ответил я, думая, что он спрашивает из любопытства.

— Не смейте называть меня папашей! — неожиданно резко ответил он. Я доктор Фрэнсис Мурта, первооткрыватель электронно—волнового эффекта Мурта.

— Никогда не слышал о таком, — бросил в ответ я и в свою очередь представился: — А я Мартин Слаггер, и я продержался девять раундов в борьбе с самим Мак—Гинти по прозвищу Тигр.

— Никогда не слышал о таком, — оборвал меня маленький доктор, стоя за моей спиной. — Вы боксер, да? Это хорошо. Мне нужен человек сильный телом и слабый интеллектом.

— Что? Что? — Я стал медленно подниматься с лавочки.
— Послушайте, мистер, я не настолько глуп, чтобы не понять, когда меня задевают. И вам лучше...

Я замолчал, вытаращив глаза на столларовую купюру, которой маленький доктор помахивал перед моим носом.

— А как насчет десяти таких же пташек? — спросил он. Невольно я оглянулся перед тем, как ответить.

— О'кей, док. Я ваш человек. Только назовите имя, но никакой полиции, имейте это в виду.

— О чем это вы?

— О том парне, которого вы хотите с моей помощью убрать, — ответил я. — Я не против. Лишь скажите, как его зовут и где он живет. И штуку вы должны будете дать мне вперед.

Док Мурта закричал:

— Ах ты, тупоголовый увалень! Я никого не хочу убивать! Я просто собирался заплатить тебе тысячу долларов за то, чтобы ты пожертвовал собой ради великого научного эксперимента.

— Да иди ты! — не сдержался я. — Думаешь, я разрешу вспороть себя за какую-то несчастную штуку?

— Да нет же! Нет! — нетерпеливо воскликнул он. — Ты слишком много читаешь бульварной литературы. Я физик, а не тупоголовый любитель—хирург. И я открыл метод переброски материи через пространство путем превращения ее атомов в чистую энергию, которая затем перемещается сквозь пространство и снова материализуется в месте назначения. Я могу мгновенно перебросить любой материальный объект через всю галактическую систему и вернуть его назад, втягивая в силовое обратное поле своей установки.

С угрозой в голосе я перебил его:

— Послушайте, док, вы что, пытаетесь посмеяться надо мной? Кто вообще видел обратное поле?

Док Мурта пробормотал что-то себе под нос. похожее на проклятие, свирепо посмотрел на меня и продолжил медленно и отчетливо:

— Я изобрел луч. Луч, который может перенести что-либо на большое расстояние и затем вернуть обратно. Это-то ты можешь понять?

— Конечно! — ответил я. — Вы что, считаете меня круглым идиотом?

Он вздохнул, пробормотал еще что-то и добавил:

— С помощью этого луча я уже отправлял и возвращал обратно кроликов. Животные вернулись целыми и невредимыми, это доказывает, что они приземлились там, где условия жизни похожи на земные. А теперь я хочу то же самое проделать с человеком, который мне расскажет о своих впечатлениях.

— Хм-м, что-то типа нового радио, которое вместо волн посылает людей? А почему вы для первого полета выбрали именно меня? — поинтересовался я.

— Да потому, что, если я обращусь к более разумному человеку, он вполне может украсть идею этого аппарата. Мою идею. Понятно?!

В его словах мне снова слышалось скрытое оскорбление, но я сдержался, помня о тысяче долларов.

— Ну хорошо, док, я попытаюсь. Но перед тем, как вы отправите меня с помощью своего радиоаттракциона, я хочу получить свои деньги.

— Ты их получишь. А теперь иди за мной. Мой аппарат у меня дома, на Лонг-Айленде.

Строение, которое Мурта именовал домом на Лонг-Айленде, на самом деле оказалось большим обветшалым складом, расположенным прямо у дороги. Вокруг никого не было, и, когда мы вошли внутрь, я увидел комнаты, заставленные какими-то механизмами, лампочками, баночками и скляночками. Все это напоминало кабинет зубного врача или что-то вроде этого.

Док Мурта подошел к прибору в центре первой комнаты, плоской круглой платформе, расположенной над огромным количеством трубочек, антенночек и подобного хлама. Он с

гордостью положил руку на прибор и торжественно произнес:

— Это и есть преобразователь поля доктора Фрэнсиса Мурты. Или, иначе, перебросчик. Эта штуковина как раз и отправит тебя в великое путешествие как дематериализованную силу, поток энергии.

— А вы сможете на этой штуковине отправить меня в Покипси? Я знаю там одну девчонку, которую не видел тысячу лет, — спросил я.

Странно улыбаясь, доктор ответил:

— Мартин, ты сможешь отправиться намного дальше Покипси. — Он вручил мне десять банкнот по сотне долларов и сказал:

— Ну хорошо. А теперь встань на трансмиссионный диск и начнем.

— Вы хотите сказать, что начну я, — исправил его я, уставясь на машину и почесывая затылок. — А что, если вы отправите меня аж в Сан-Франциско или еще куда-нибудь, а потом не сможете вернуть обратно?

Он серьезно ответил:

— Не волнуйся! Где бы ты ни оказался, когда рематериализуешься, просто оставайся на том самом месте и не двигайся, и через пять минут я втяну тебя обратно.

Я почти уже жалел о том, что согласился на эту, как мне теперь представлялось, опасную затею. Но мой девиз: "Нужно попробовать все, хотя бы раз". И я ступил на платформу. Док Мурта резко развернулся и судорожно принялся крутить ручки и нажимать кнопки. Загудели моторы или что-то вроде этого, и что-то зашипело в трубках под моей платформой.

Невольно я спросил:

— Док, а вы уверены... Но он воскликнул:

— Тихо, Мартин! Пошел! — И повернул выключатель.

То ли мне показалось, то ли действительно прошел отличный удар в челюсть справа, но я потерял сознание на некоторое время.

Хочу сказать, что, пришедши в себя, я чуть не слетел с катушек: я боксировал, тряс головой, и у меня дергались веки.

Я заскрипел зубами и рывкнул:

— Док, кто этот сукин сын, который ударил меня исподтишка? Я изобью его до смерти, когда...

Я умолк и застыл с отвисшей челюстью. Дело в том, что когда я открыл глаза и оглянулся, то не увидел ни дока Мурты, ни его машины, ни его дома, в котором я, несомненно, был, ни Лонг—Айленда

Я стоял в центре большого города, которого никогда не видел

— Матерь Божья! — задыхаясь, произнес я, продолжая оглядываться

Радио дока выбросило меня в Китай или еще куда—то.

Я находился в городском парке и укрывался за маленьким деревом. Это было странное дерево с квадратными листьями красного цвета, рядом с ним росло много таких же деревьев, и трава там была такой же красной, и даже солнце оказалось красным, да к тому же размером больше, чем обычно. Вокруг парка тянулись серебристые улицы и огромные, даже выше, чем нью—йоркский Эмпайр—Стейт—Билдинг, металлические здания, напоминающие пирамиды. Когда я увидел эти пирамиды, я понял, что, должно быть, он отправил меня в Египет.

Люди на улице остановились и уставились на меня. Все эти египтяне — и мужчины, и женщины — были одеты в короткие юбки и рубашки из металлических цепочек. Они глазели на меня и показывали пальцами, а потом все рассмеялись. От этого я чуть не сошел с ума. Я вышел на улицу и схватил одного из этих парней, который смеялся надо мной.

— Где вы нашли такое нелепое одеяние? — спросил он, нисколько не испугавшись и показывая на мою одежду

— Что значит "нелепое"? — закричал я. — Вы что, египтяне, никогда не видели цивилизованного человека?

Вдруг мне в голову пришла мысль, которая меня очень удивила, а ведь эти ребята не говорили по—английски и общались на своем собственном языке. И этот язык я раньше никогда не слышал, но теперь я его отлично понимаю и даже говорю на нем.

Странно! Но я знал, что смышленные ребята схватывают все на лету, и понял, раз я так быстро овладел египетским языком, то, значит, я намного умнее, чем всегда думал.

— Я никогда раньше не видел в Калторе подобной странной одежды, задыхаясь от смеха, выдавил тот парень, которого я схватил.

— Хочешь подразнить меня, да? — процедил я сквозь зубы и дал ему прочувствовать свой коронный удар слева в челюсть. Он упал и потерял сознание.

Воцарилась тишина. Все смотрели на меня с таким ужасом, как будто я ударил женщину или ребенка.

Египтяне отшатнулись от меня, и кто—то закричал:

— Этот человек вне Контроля! Другой завопил:

— Позовите Помощника!

И тут я вспомнил, что док Мурта говорил мне, что он может через пять минут вернуть меня с помощью своего радио, но только если я буду оставаться на том же самом месте, где и приземлюсь. А ведь я ушел от того дерева, и теперь мне надо или вернуться к нему, или оплатить стоимость проезда на пароходе до Нью—Йорка.

Но под каким деревом я оказался сначала? В маленьком парке их было довольно много. Я пригляделся и узнал свое по зарубке на стволе. Я было направился к нему, но кто—то схватил меня сзади.

Меня держали двое парней в коротких металлических юбках, а третий парень, стреляный воробей с хладнокровными голубыми глазами, направил на меня свой карандаш. И, тут я потерял всю свою силу и даже не мог стоять. Меня зашатало

— Это еще что? — почти безумев, завопил я.

— Будьте посдержаннее, гражданин, — впечатляюще заявил стреляный воробей. — Я — Тарнак, третий помощник Контролера!

— Плевал я на тебя и твоего Контролера! — закричал я. — Я проломлю и твою и его голову, как только вернется моя сила

Тарнак открыл рот от изумления. Волна ужаса прокатилась по толпе, наблюдавшей за этой сценой.

Кто-то изумленно воскликнул:

— Он до сих пор вне Контроля!

— Он неуважительно отозвался о Контролере! — кричали в толпе.

Глядя на меня, ошеломленный Тарнак сказал:

— Никогда за всю нашу историю еще не было такого случая! Никто еще так не выходил из—под Контроля, как вы!

Я огрызнулся:

— Мое терпение скоро тоже выйдет из—под контроля, если вы сейчас же не отпустите меня! Вы, египтяне, думаете, что можете безнаказанно оскорблять американского гражданина?

Тарнак сжал губы и решительно произнес:

— Этот мужчина явно сошел с ума, его причудливая одежда доказывает это. Но он так далек от Контроля, что нужно переговорить с Контролером о том, как с ним поступить.

— Я настаиваю на том, чтобы вы позвали американского консула! воскликнул я. — Вам придется иметь дело с американскими вооруженными силами, если вы арестуете меня.

Но на меня никто не обращал внимания. Строем они вели меня вниз по улице по направлению к самой большой пирамиде.

Этим двум полицейским пришлось нести меня, так как Тарнак продолжал наставлять на меня свой карандаш, и я по—прежнему был бессилён. Я бы сказал, что этот карандаш просто несчастье какое—то.

Внутри большой пирамиды оказалось много разных комнат, заполненных странными машинами и людьми, занятыми какой—то непонятной мне деятельностью. Меня затащили в дальнюю комнату. Она была большой и темной. В ней находился только один паренек. Он сидел на возвышении и ничего не дал ал. Я понял, что он здесь самый главный, так, как только начальники могут ничего не делать, а просто сидеть с важным видом.

У этого парня на голове красовался странный металлический предмет, похожий на огромный шлем для водолазов, только передняя часть у него оказалась срезана, и поэтому было видно лицо. С одной стороны этого шлема выступало огромное количество то ли винтиков, то ли кнопочек, а сверху маленькое кольцо мерцающих лампочек.

Это был Контролер, это точно.

Он посмотрел вниз на меня, и я увидел, что его квадратное лицо было как у опекуна, заботившегося о подопечных, правда, оно казалось более озабоченным и мрачным, а может, и задумчивым.

Тарнак быстро и отчетливо доложил обо мне, закончив следующими словами:

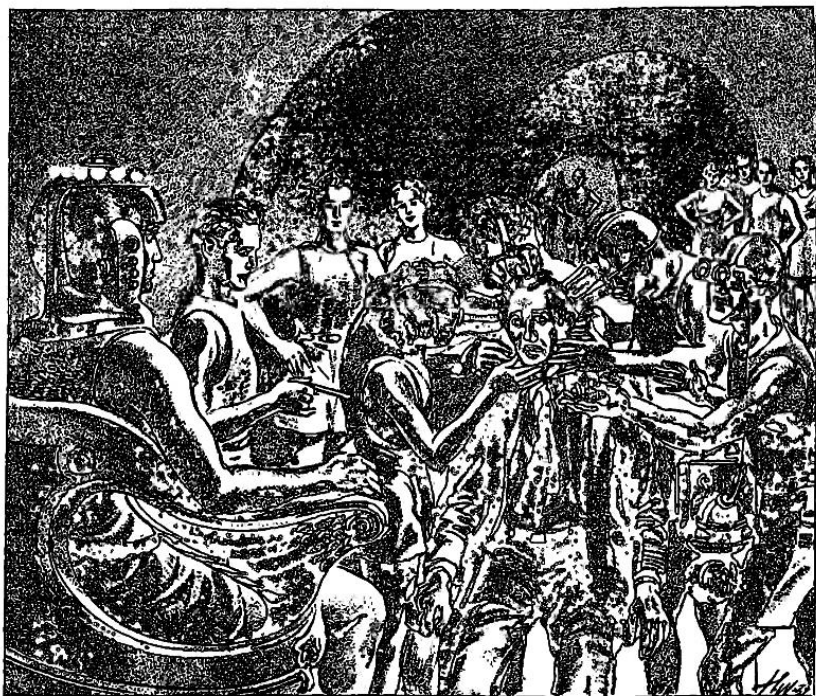
— Совершенно очевидно, что этот человек вышел из—под Контроля. И это прецедент.

— Позовите врачей, — сказал Контролер. Я попытался объяснить:

— Послушайте, я не болен. Я просто стоял в парке, занимаясь своим собственным делом...

Мне не представилось возможности закончить фразу, так как в комнату вошло с полдюжины врачей. Среди них были две дамы, одна из них оказалась довольно привлекательной и хорошо сложенной особой с черными волосами и такими же глазами.

Они все надели что—то похожее на очки, но в несколько дюймов толщиной и соединенные непонятным механизмом.

Когда они посмотрели сквозь очки на мою голову, мне показалось, что они проникли прямо внутрь моего мозга. Потом один как завизжит:

— Этот человек вообще не житель нашего мира! Он, очевидно, из мира с очень похожими условиями, но его строение мозга и других органов говорит о чужеземном происхождении.

— Это все объясняет! — взволнованно воскликнул Тарнак. — Он не поддается Контролю, так как у него другое строение мозга!

— Вы совершенно правы, Тарнак, — согласился с ним Контролер. — Его примитивный мозг воспринимают более простые элементы Контроля, такие, как знание языка, а к более сложным элементам он глух.

Я попытался понять, о чем они говорят, но это оказалось выше моих способностей. "Несут какую-то чушь", — подумал я и вслух спросил:

— Объясните мне, что все это значит?

— А как вы попали в наш мир? — в ответ спросил Контролер.

— Ну конечно, аист принес, — огрызнулся я. Контролер задумчиво произнес:

— Да, этот человек слишком примитивен, чтобы дать нам исчерпывающую информацию. Пусть врачи тщательно осмотрят его — возможно, они определят его происхождение.

Я рассвирепел от одной только мысли, что эта группа докторишек будет лапать меня. Но, подумав, все же решил уступить; может быть, если я буду потакать этим ребятам, то у меня появится шанс смыться и добраться до того дерева в парке, где я должен стоять, если, конечно, док Мурта все еще способен вернуть меня домой.

И я им сказал:

— Я не хочу, чтобы эти доктора все вместе обследовали меня, но я не буду ничего иметь против одного человека, — и я указал на ту хорошенькую, черноволосую докторшу.

Контролер кивнул ей:

— Зура, вы проведете обследование, очевидно, примитивный разум этого человека проникся к вам симпатией.

Зура проводила меня вниз, а за нами шли двое ребят со своими карандашами и были готовы лишить меня сил, если я сделаю хоть шаг в сторону. Маленькая черноволосая дамочка привела меня в комнату, похожую на офис, загроможденную странными машинами. Два охранника заняли позиции у выхода. Зура присела сзади меня и надела широкие очки, наверное, дюймов в шесть.

— Пожалуйста не двигайтесь, — сказала она, — я хочу более тщательно осмотреть структуру нейронов вашего мозжечка.

— Да брось ты выпендриваться и сними эти окуляры — они тебе совсем не идут, — сказал я, снимая ее очки. — А ты шикарная крошка! Хочешь потрогать мои мышцы?

Она недоуменно пролепетала:

— Я вас не понимаю.

Видя, что она действительно не понимает, я решил показать, на что я способен. Но она в испуге отпрянула от меня.

— Вы не должны целовать меня! Контролер приказал осмотреть вас, а вы мешаете мне выполнить его приказ.

— Как бы я хотел, чтобы вы, люди, выбросили из головы этого паренька Контролера, — горько произнес я. — Тоже мне важная персона!

Она затрепетала от страха, услышав столь кощунственные, по ее мнению, слова, но все же нашла в себе силы спросить:

— Вы вне Контроля, да?

— Послушай, милашка, да что он вообще означает, этот ваш контроль? Я ничего не понимаю!

Зура недоверчиво переспросила:

— Вы хотите сказать, что там, откуда вы прибыли, нет никакого Контроля? И у ваших людей разные идеалы и цели?

— Я бы сказал, что они отличаются, — ответил я. — И когда различия становятся полярно противоположными, это называется войной.

Зура быстро сказала:

— Много лет назад у нас тоже были войны. Люди постоянно дрались, бесчинствовали, спорили друг с другом, так как они отличались идеалами, вероисповеданием, принципами и желаниями. И наши мудрые предки пришли к выводу, что мир и согласие возможны только тогда, когда у людей одинаковые желания, принципы, мнения и позиции. Поэтому наши предки создали Контроль. Это надежный способ сформировать у всех одни и те же взгляды на различные вопросы. И самый мудрый из нас — Контролер. Он носит священный шлем, наивысшее достижение нашей науки. Шлем усиливает и распространяет поток нейронов мозга Контролера как мощное биоизлучение, которое влияет на мозг других людей, создавая во всех них подобные мысли. Таким образом то, что Контролер считает положительным, то и

каждый из нас считает хорошим и делает все, чтобы осуществить это. Поэтому мы всегда живем в идеальном мире и согласии.

— Ты хочешь сказать, что из-за того, что он носит этот дурацкий колпак, все думают то же, что и он? — переспросил я.

Зура честно ответила:

— Ну, не совсем. Если излучения шлема будут передаваться в полную силу, то каждый человек будет думать и чувствовать все в точности, как и Контролер, и в результате станет роботом, послушным его мозгу. Но излучение никогда не передается в полную силу: Контролер и его помощники заботятся лишь о том, чтобы наши мысли были схожи с взглядами Контролера. Таким образом у нас автоматически сформировались общие взгляды, язык и лояльность к государству

— Ну и работка у него, — пошутил я. — И самый главный у вас тот, кто, пока жив, носит этот шлем?

— Да, конечно! Контролером становится самый мудрый, миролюбивый и наиболее благосклонный гражданин, ведь его взгляды автоматически становятся взглядами целой нации.

И вдруг как гром среди ясного неба ко мне в голову пришла мысль Вдохновенная мысль, как выбраться из того тяжелого положения, в котором я оказался, и вернуться к дереву.

Но нужно было действовать очень аккуратно.

Осторожно я заметил:

— Послушай, Зура, я дурачил ваших людей. Я не настолько безобиден, как пытаюсь выглядеть.

Она воскликнула:

— Это невозможно!

— Что значит "невозможно"? Дело в том, что я проник сюда с определенными шпионскими целями. На вас пытаются напасть.

— Напасть? «Кто?» — испуганно спросила она. Ей и в голову не могла прийти мысль, что я вру.

Видно, она не встречалась еще с такими, как я. Я безапелляционно заявил:

— Я скажу об этом только Контролеру. Ты приведешь его сюда, и я введу его в курс дела.

Зура бросилась вон из комнаты, но очень скоро вернулась вместе с Контролером в этом странном шлеме.

Он вошел, оставив охранников за дверью.

Все шло по моему плану, и я был очень доволен собой.

Понимаете, этот воробей в колпаке привык к безоговорочному уважению и даже представить себе не мог, что кто-то может провести его.

— Что вы хотели сказать мне? — спросил он.

— Только вот это! — ответил я и двинул его в челюсть.

Контролер потерял сознание еще до того, как упал и стукнулся башкой об пол. Быстрее вора-карманника я стащил с его головы этот огромный шлем. Сейчас его огни горели немного ярче, как будто, упав, он стал работать с большей силой. Я водрузил этот символ власти на свою голову.

Теперь понимаете, какая удивительная мысль осенила меня? Того, кто носит этот шлем, все уважают, ему подчиняются, думают так же, как и он. Теперь, когда я ношу этот шлем, у меня появилась благоприятная возможность вернуться к тому дереву. Я до смерти обрадовался, что почти добился своего.

— Черт возьми! Сработало! — воскликнул я.

— Я счастлива! Я так счастлива! — кричала Зура, ее глаза светились завораживающим весельем, и она прыгала и ликовала.

Дверь открылась, и вошли два охранника, они пританцовывали. Да! Они танцевали! И, хохоча от счастья, кричали:

— Радость! Радость! Радость!

И Контролер, который к тому времени уже пришел в себя, тоже чему-то улыбался, смеялся, как будто его переполняло счастье. За окном нарастал шум голосов. Я

выглянул и увидел толпу счастливых, танцующих египтян, беснующихся от радости по непонятному поводу.

— Да что с вами?! — пребывая в недоумении, закричал я, обращаясь и к Зуре, и к охранникам, и к Контролеру.

И как только я спросил это, их состояние изменилось: улыбки спали с лица, создавалось впечатление, что кто-то сбил их с толку, так как они постоянно оглядывались, словно ломали голову над каким-то неразрешимым вопросом. Толпа за окном тоже вдруг перестала хохотать.

Я ничего не мог понять, но в любом случае мой план работал отлично, так как ни Контролер, ни охранники даже не пытались отнять у меня шлем, что доказывало, каким уважением пользуется тот, кто его носит. Я с облегчением вздохнул — и... все тоже вздохнули.

— Детка, ты хотела бы поехать со мной в Нью-Йорк? — спросил я Зуру. Я по уши в тебя влюбился!

Это была чистая правда! Сейчас, когда я успокоился и почувствовал уверенность в своем скором освобождении, у меня осталось немного времени, чтобы еще раз посмотреть и оценить Зуру. Да, она милашка. И я схожу по ней с ума. Но как только я промолвил о своей любви, Контролер и два охранника попытались опередить меня.

— Зура! Я люблю тебя! — завопил Контролер.

— И я! И я тоже! — вторили ему охранники. Послышался шум шагов, и тысячи мужчин устремились в комнату, направляясь прямо к Зуре. И все повторяли друг за другом:

— Зура, я люблю тебя!

Они окружили ее, а за окном собрались тысячи объясняющихся в любви к Зуре мужчин, которые пытались тоже войти в здание, в эту комнату. К счастью, это было невозможно, — слишком много здесь их и так уже набилось.

Меня заела ревность и, пытаясь отбить ее от этих ребят, я закричал:

— Оставьте ее в покое, хулиганье! И хотите верьте, хотите нет, но вдруг эти ребята, из ревности, затеяли драку.

— Оставь ее! Убери руки! — кричали они, безжалостно избивая друг друга.

Послушайте, я, конечно, бывал в переделках, но эта была самой ужасной! Чем безумнее становился я, тем безумнее становились они. В переполненной комнате толкались, обменивались ударами и пытались нанести побольше ударов остальным до сотни мужиков. Я выглянул на улицу, а там толпы народа разыгрывали целую битву.

И тут до меня дошло, что сделало их всех ненормальными. Шлем на моей голове. Вещь, которую все называют Контролем! Должно быть, он стал работать с большей интенсивностью после удара об пол.

И теперь Контроль настолько силен, что каждый из них думал и чувствовал то же, что и я.

Когда я чувствовал себя счастливым — они тоже были счастливы, а когда я вышел из себя, они последовали моему примеру.

— О, Боже! — воскликнул я. Не скрою, меня напугало происходящее.

После моих слов внезапно прекратилась драка. И теперь все в комнате казались чем-то испуганы.

Я взял себя в руки. Ведь, претворяя свой план в жизнь, я всего лишь намеревался выбраться отсюда и вернуться в парк к нужному дереву, чтобы док Мурта мог вытянуть меня из этого дурацкого места. Я вышел из комнаты и спустился вниз.

И следом за мной все в комнате направились на улицу. Все, как и я, спешили, и при этом выглядели решительными и озабоченными. Я сначала не понял происходящего, но, выйдя из здания, врубился.

Все в этом городе стремились к одной цели, к дереву в парке. Черт! Я должен был это предвидеть!

Как только я подумал об этом дереве и как оно важно для меня, — все остальные подумали то же самое.

Тысячи людей направлялись в парк.

Я застонал и побежал, так как понимал, что не смогу добраться до дерева, если вокруг него соберется несчетное количество египтян и все в этом городе застонали и побежали. Чем быстрее неслись я, тем быстрее бежали аборигены. Это был какой-то кошмар! Я остановился. Я не мог привести эту чернь к дереву, а затем протиснуться к нему сквозь толпу.

Все, как и я, остановились. Я пытался что-нибудь придумать и был очень озабочен.

Все были озабочены. В другой ситуации меня позабавило бы это зрелище: тысячи людей казались чем-то взволнованы, ломали руки, двигали бровями, ходили взад и вперед, — но мне было не до смеха.

Я подумал: "Ну хорошо, я могу снять шлем и броситься к дереву, но ведь у меня ничего не получится. Как только я сниму шлем, египтяне обретут свои мозги и за то, что я сделал с их Контролером, схватят и, вероятно, казнят меня на электрическом стуле. Мне надо придумать еще что-нибудь". Через минуту ко мне пришла чудесная мысль.

Я изобразил испуг и заорал:

— В парке опасно! Я должен держаться от него подальше!

Вы догадались? Я рассчитывал на то, что у них у всех зародится эта мысль и они будут избегать парка, в то время как я направлюсь прямо туда. И так я пошел к дереву, крича на ходу, что не должен туда идти.

Все в толпе выглядели испуганными. Как и я, аборигены скандировали:

— Я не должен приближаться к парку! Это опасно! Я должен держаться от него подальше!

Продолжая кричать, все до единого, как и я, направились прямо в парк.

Нет! Так не пойдет!

Я не успею подойти к дереву, как вокруг него соберется толпа. Ну что ж. Я оставил эту идею и пошел прочь. За мной пошли все остальные. Теперь я чувствовал себя разбитым, и, можете мне поверить, тысячи людей вокруг меня захандрили вместе со мной. И чем обескураженнее был я, тем более

вытянутыми становились их лица. Одни тяжело вздыхали, другие плакали. Их страдание вывело меня из себя.

Я раздраженно закричал:

— Прекратите ныть!

Ох! Я должен бы предвидеть, что за этим последует. Всех людей вдруг стал доставать шум, и они начали покрикивать друг на друга, чтобы прекратить его.

— Успокойтесь там! — пытались они перекрыть друг друга.

У меня от их криков чуть не лопнули перепонки. Но как только я снова призадумался, они снова застонали.

Я не осмеливался снять шлем, а в нем я не мог вернуться к дереву без хвоста из тысячи людей.

Ну просто безвыходное положение!

В сердцах я выругался:

— Будь ты проклят, док Мурта! Втянул меня черт знает во что!

И, конечно, все подхватили мои слова, и теперь тысячи людей проклинали Мурту всеми ругательными словами, которые только знали. Признаюсь, мне это понравилось.

Но как мне выпутаться? Я попытался тайком пробраться к дереву, не думая об этом. Но все интуитивно пытались сделать то же самое, делая вид, что думают, о чем—то другом.

Я остановился и выругался. Египтяне тоже остановились и разразились бранью.

Я чувствовал себя таким уставшим и, кроме того, понял, что проголодался. Ведь у меня с утра во рту маковой росинки не было. И я решил, что мне надо что—нибудь перекусить, а потом, когда почувствую себя получше, ко мне в голову может прийти какая—нибудь спасительная мысль. И я отправился на поиски еды. В одно мгновение аборигены бросились врассыпную. Они разбежались по зданиям, и все до последнего искали что—нибудь съестное. На минуту я подумал, что это мой шанс, но, когда я развернулся и попытался вернуться на дорогу к парку и дереву, все, конечно же,

сразу прекратили поиски еды и пошли за мной. Я плюнул и снова отправился на поиски еды.

Увы! Все египтяне, как и я, были голодны. И, честно говоря, мне так и не представилось возможности перекусить. Как только я заглядывал в какой-нибудь дом в надежде найти что-нибудь съестное, меня обязательно опережали. Они знали, где можно поесть, а я нет.

В конце концов я отказался от мысли поесть и просто бесцельно бродил по улицам. Египтяне тоже перестали есть и начали шляться по улицам, при этом выглядели почти униженными.

Тогда я опять попытался найти себе еды, и, естественно, они снова опередили меня. Единственное, что я смог раздобыть, — дольку апельсина. Да, плохо стало бы старику доку Мурте, если бы он сейчас попался мне под руку.

Я устало брел по улицам и бубнил себе что-то под нос, вроде того, что я с ним сделаю, если, когда-нибудь увижу. И, конечно, тысячи голосов твердили, как достанется доку Мурте, когда он попадет им в руки.

В конце концов, смертельно уставший, я случайно набрел на другой парк. Он оказался намного больше, и на его территории располагался зоопарк, а в нем огромное количество зверей в клетках. Эти египетские братья меньшие не обращали на меня внимания. Я присел напротив клетки, в которой обитала огромная обезьяна с ярко-красным мехом. Это чудовище в клетке тоже присело. Изнывая от усталости, я вздохнул, и обезьяна тоже вздохнула.

Это меня очень удивило. Получается, мозг обезьяны так же, как и всех людей, находится под Контролем моего шлема? На остальных животных зоопарка шлем не действовал. Уж не знаю как, но я догадался, что по строению мозг обезьяны очень схож с человеческим, поэтому легко поддается Контролю. И тут меня вновь осенила блестящая идея. Если моя догадка верна, то я могу надеть шлем обезьяне на голову и все эти люди будут подвластны ее мыслям и чувствам. А если они будут под Контролем обезьяны, то не

помчатся за мной к нужному мне, и только мне, дереву, когда я пойду, полечу туда как на крыльях, и, кроме того, они не будут в состоянии остановить и арестовать меня за то, что я сделал.

Я подошел к клетке и открыл ее. Египтяне тоже направились к клетке, но теперь я оказался первым. В мгновение ока я снял с головы шлем и водрузил его на голову обезьяны. Она сначала не заметила этого и просто продолжала вести свой обычный образ жизни: села на корточки и стала чесаться.

Все люди последовали ее примеру: сели на корточки и стали чесаться. Все почувствовали зуд, так как его чувствовала обезьяна. Самое ужасное, что я тоже хотел было почесаться, все мое тело зудело, но я заставил себя выбросить это из головы. Я могу сопротивляться этому влиянию лучше любого из египтян. Помните, Контролер говорил, что мои мозги немного отличаются, и поэтому я не так сильно воспринимаю излучения шлема.

Итак, борясь с зудом, я поспешил к тому парку, где было мое дерево.

Когда я бежал по улицам, то с точностью мог сказать, что думала в тот или иной момент обезьяна, достаточно лишь взглянуть на аборигенов. Сначала они пытались забраться наверх, пытаясь карабкаться по стенам зданий: значит, обезьяна полезла на дерево, догадался я. Потом они спустились вниз и опять стали чесаться, а поискав воды, стали пить. Затем, перестав пить, начали раздраженно бить себя по голове.

О! Я знал, что это значит! Обезьяне надоел шлем, и она пытается избавиться от него, сбить, снять его с головы.

Я прибавил скорости. Мне оставалось рукой подать до парка и заветного дерева. И когда я рванул к дереву с приметной зарубкой на стволе, все египтяне перестали бить себя по голове и изумленно стали оглядываться.

— О, Боже! Обезьяна избавилась от шлема! Египтяне теперь вне Контроля! — простонал я и попытался поскорее проскочить последние метры.

Толпа обратила на меня внимание

— Остановите этого человека! — закричал Контролер.

Я сделал рывок к дереву и врезался башкой в его ствол. Но ничего не случилось! Вообще ничего!

Я дико завопил:

— Док Мурта, где вы, черт вас побери? — Толпа разъяренных египтян окружала меня со всех сторон.

И вдруг! Бац! Что-то ударило меня по голове, и я отключился. Когда я пришел в себя, то уже не стоял там, у дерева.

Я был на большой медной платформе в доме дока Мурты, и он приводил меня в чувство.

— Мартин, — заговорил он, увидев, что я пришел в себя. — Что с тобой случилось? Когда я спустя пять минут попытался вернуть тебя назад, ты не появился. Я повторял операцию с некоторыми промежутками, надеясь выловить тебя. Что произошло? Что ты видел?

Я сошел с медной платформы и лишь потом посмотрел на физика.

— Док, — сказал я, — если бы вы были помоложе, я бы уже дрался с вами. Вы хитрили, пытаетесь надуть меня. Почему вы не сказали, что собираетесь отправить меня в Египет?

— В Египет? — удивился он. — Да ты с ума сошел! Ты был совершенно в другом мире. Поле перебросило тебя в другую галактику, но с максимально похожими условиями жизни. А почему ты решил, что был в Египте?

Я раздраженно заметил:

— Потому что я своими собственными глазами видел пирамиды! И не стоит посылать кого-либо в такое злчное место! Эти египтяне со своим Контролем и Контролером даже хуже наших худших людей. И вы больше не сможете отправлять туда простодушных ребят, старый мошенник!

Я схватил валявшийся большой металлический прут и врезал им по этой радиомашине. Всего три приличных удара, а в результате — машина развалилась на мелкие кусочки. Я отбросил прут и, осознав, что уберег других парней от тех испытаний, через которые прошел сам, почувствовал себя немного получше.

— Ты идиот! — возопил док Мурта. — Ты уничтожил плод двадцатилетней работы!

Не обращая на него внимания, я пошел к выходу и напоследок обратился к старикашке, весь вид которого выражал полнейшее отчаяние:

— Вот, заберите назад свою тысячу. Я лучше вернусь в спорт и стану работать спарринг—партнером для чемпиона.

Это будут куда как более легкие деньги!

НЕВЕДОМЫЙ МИР

Тускло—красная планета увеличивалась в небе с ужасающей быстротой. Ракета падала на нее. Хвостовые дюзы изрыгали пламя, чтобы замедлить падение. Пронзительный вопль рассекаемого воздуха оглушал двух человек внутри ракеты.

Молодой Бретт Лестер ощутил тошноту, налегая на спутавшиеся ремни стабилизатора. Он сделал над собою усилие и попытался поглядеть вниз, на поверхность Марса. Он увидел плоскую красную равнину с расплывчатым черным пятном на севере. Хоскинс, занимавший кресло пилота, яростно боролся, чтобы удержать ракету от вращения. Его широкое умное лицо превратилось в напряженную маску, а короткие пальцы бегали по рычагам управления. А потом был последний взрыв, потрясший мозги Лестера, — резкий, оглушительный толчок, потом оцепенелое молчание...

Они были на Марсе.

Лестер понял это, и его охватил ужас. Впервые люди покинули Землю и очутились на другой планете. Он старался подобрать слова, достойные этого исторического момента. Но первым заговорил Хоскинс. Старший инженер осторожно ощупывал ногу, и на лице его отразилось облегчение.

— Кажется, мой нарыв сейчас прорвался, — сказал он.

Лестер был ошарашен и возмущен.

— Ваш нарыв! — воскликнул он. — Вот мы здесь первые! На Марсе! А о чем вы заговорили прежде всего? О своем нарыве!

Хоскинс взглянул на него и проворчал:

— Этот нарыв мучил меня всю неделю. Попробуйте посидеть на нарыве, а потом скажите, как вам это понравится...

— Хорошо, хорошо, забудем об этом! — вскричал Лестер возбужденно. — Мы на Марсе, человеке! Доходит ли это до вашего тупого, лишенного воображения мозга?

Хоскинс выглянул из окна. Сквозь толстые кварцевые стекла была видна только пустыня ползучего красного песка, странствующих дюн и гребней.

— Да, мы сделали это, — сказал Хоскинс равнодушно.

— И, если мы вернемся благополучно, это даст кое-что для науки о звездоплавании.

— Вы только об этом и думаете? — спросил Лестер. — Ведь здесь перед нами целый неизвестный мир...

Хоскинс пожал своими широкими плечами.

— Он не неизвестен. Мы знаем от астрономов, на что должен быть похожим Марс: пустынная планета, где очень мало кислорода, совсем нет воды и собачий холод.

— Но мы не знаем, какие живые существа можно встретить здесь! — вскричал Лестер с юношеским энтузиазмом.

Хоскинс усмехнулся:

— Вы, должно быть, начитались этих диких псевдонаучных историй, какие сейчас выходят по сотне в неделю, об этих красных жукоглазых марсианах, об ужасных чудищах и так далее?

Лестер покраснел:

— Ну да, я, конечно, прочел кучу историй... Собственно говоря, это и заставило меня заинтересоваться ракетной механикой.

Старший инженер фыркнул.

— Ну ладно, можете забыть о своих глазастых марсианах и обо всем прочем. Вы должны знать, что в этом мире слишком холодно, а атмосферы слишком мало, чтобы поддерживать жизнь живых существ.

— Знаю, — согласился Лестер. — Но я, можно сказать, надеялся, что можно будет найти...

— Забудьте, — посоветовал Хоскинс. — Здесь нет ничего, кроме, может быть, каких-нибудь лишайников.

— Но нельзя ли нам выйти? — горячо спросил Лестер. — Я бы хотел посмотреть...

Старший опять пожал плечами:

— Хорошо. Нам понадобятся фетровые костюмы и кислородные маски, вы это знаете. А сначала я сделаю пробу воздуха.

Он завозился с приборами. Юный Лестер продолжал жадно вглядываться в пурпурную пустыню, видневшуюся вокруг. Она, по крайней мере, выглядела в точности так, как он и ожидал: мрачная равнина красного песка, чем—то схожего с земным, кроме цвета. Крутящиеся песчаные смерчи вставали там и здесь, а с неба разливался медный свет уменьшившегося Солнца. Он обернулся, услышав удивленное восклицание Хоскинса:

— Не могу понять! Прибор показывает, что воздух здесь почти такой же плотный, теплый и насыщенный кислородом, как и на Земле!

Даже Лестер знал, что это невозможно.

— Вы ошиблись! Дайте я попробую.

Он получил те же результаты. Воздух снаружи, как говорил прибор, был лишь немногим прохладнее земного и содержал столько же кислорода.

— С ума сойти! — воскликнул Хоскинс. — Здешние условия, должно быть, сбили прибор с толку. Это невозможно...

— Откроем дверь и посмотрим, — предложил Лестер.

Они попробовали чуточку приоткрыть дверь, готовясь снова захлопнуть ее, если воздух снаружи окажется непригодным для дыхания... Они были изумлены: прибор не солгал. Проникший в кабину воздух был теплым и показался им совершенно похожим на земной.

Они широко открыли дверь и вышли из ракеты на красный песок. Казалось, стоял погожий октябрьский день. Ласково светило медное Солнце, а ветерок был прохладным и свежим.

— Святители! Значит, астрономы ошиблись! — воскликнул Хоскинс.

— Но все равно, это невозможно. Как может такая маленькая планета, как Марс, сохранить свою атмосферу и как эта атмосфера может быть такой теплой?

Сделав несколько пробных шагов, они почувствовали, что шаги их стали странно плывущими и что двигаться они могут сравнительно легко. Но теплота и кислород продолжали оставаться загадкой.

— Клянусь, все это выше моих сил! — пробормотал Хоскинс. — По всем законам астрономии и физики Марс должен быть совершенно не таким...

Глаза у Лестера заблестели:

— Если здесь тепло и есть воздух и вода, то могут найтись, в конце концов, и живые существа!

Хоскинс фыркнул:

— Ваши жукоглазые марсиане из рассказов? Я думал, вы уже забыли об этих глупостях.

— А я все—таки надеюсь, что здесь должна быть какая—то жизнь, — настаивал Лестер. — Когда мы садились, я видел на севере большое черное пятно. Что бы это могло быть?

— Наверно, выход темных горных пород на поверхность, — предположил Хоскинс. — Мы можем посмотреть с вершины, вот с этого песчаного холма.

Они взобрались на красный гребень, скользя ногами по песку, и оцепенели от удивления при виде неожиданного сходства пейзажа с земным.

Стратонавты стояли на гребне песчаного холма. Отсюда им была видна пустыня на многие мили к северу в сторону черного пятна. Но они не смотрели туда. Их внимание было приковано к четырем фигурам, которые двигались по песку невдалеке от них. Фигуры остановились и направились к земным людям.

Четыре фигуры были, несомненно, человекообразными существами. Но они не походили на земных людей. У них была красная кожа, безволосый куполообразный череп, выпуклая грудная клетка и ходулеобразные ноги. На них

красовались сложные доспехи из ремней, на груди у каждого висела блестящая металлическая трубка.

Лица их были похожи на земные, несмотря на красный цвет кожи и торжественно—безжизненное выражение. Но глаза совсем не земные. Эти глаза были выпуклыми, со множеством граней, как у насекомых.

— Я брежу! — взвизгнул Хоскинс. — Это, наверно, от толчка! Я вижу четырех красных жукоглазых людей. И они идут прямо к нам!

— Я тоже вижу, — задохнулся Лестер. — Но они не могут быть правдой...

Четверо жукоглазых марсиан молча остановились в нескольких футах от путешественников. Потом один из марсиан заговорил.

— Алло, чужестранцы! — окликнул он пилотов на чистом английском языке. — Возвращаетесь в город?

Хоскинс взглянул на Лестера, Лестер взглянул на Хоскинса. Потом старший инженер тихо засмеялся:

— Это показывает, насколько легко при толчке появляются различные иллюзии. Ущипните меня, Бретт!

Лестер протянул руку и щипнул. У инженера вырвался крик боли. Четверо красных жукоглазых марсиан смотрели на них несколько удивленно.

— Что, собственно, с вами, ребята? — спросил тот, который уже говорил. — С ума сошли или что—нибудь такое?..

— Значит, он существует и говорит по—английски, — с трудом произнес Хоскинс. — Вы видите и слышите его, не правда ли?

— Да—да... — дрожащим голосом отозвался Лестер. — Я вижу и слышу, но все еще не верю.

— Разрешите, я представлюсь вам, ребята, — сказал первый из марсиан. — Меня зовут Ард Барк. А вас?

Они смущенно назвали себя. Марсианин представил своих спутников:

— А это Мои друзья: Ок Вок, Зинг Зау и Му Ку.

— Как, черт возьми, вы ухитряетесь удерживать в памяти свои имена? — спросил Лестер, говоря первое, что пришло ему в закружившийся мозг.

Красное лицо Ард Барка потемнело.

— Нам было нелегко с именами, я должен сознаться... Почему, черт возьми, нас не назвали как—нибудь поудобней?

Ни Лестер, ни Хоскинс не смогли на это ответить. Ард Барк любезно продолжал:

— Вы выглядите новенькими, ребята. Когда вы появились?

— Только... только что, — неуверенно ответил Лестер.

— Я так и думал, — заметил Ард Барк. — Таких, как вы, я еще не видел. Ну ладно, пойдемте в город.

Хоскинс и Лестер были озадачены. Значит, это и был город — та расплывчатая темная масса на севере. С этого расстояния он казался разнородной смесью фантастически переменчивых архитектурных форм со всевозможными видами башенок, куполов и минаретов, выделявшихся на фоне медного неба.

Двое жителей Земли были так потрясены неожиданностями, что только через несколько минут сообразили, что идут с Ард Барком и другими красными марсианами к далекому городу, Хоскинс шепнул на ухо Лестеру:

— Это слишком много для нас: жукоглазые марсиане, потом город...

— Вы не думаете, что мы разбились при посадке и что все это что—нибудь вроде загробной жизни? — яростно спросил его Лестер.

Хоскинс запыхтел:

— Не похоже на загробную жизнь. Кроме того, будь я мертвым, мои нарывы не болели бы сейчас.

Один из марсиан, это мог быть Ок Вок или Му Ку, указал вдаль. Прямо к ним мчалось чудовище, какое можно увидеть только в кошмарном сне. Это было чешуйчатое зеленое существо величиною со слона, похожее на помесь дракона с

крокодилом. Оно бежало на десяти коротких ножках. Его огромные разинутые челюсти открывали ряд страшных белых зубов. Ард Барк выхватил металлическую трубку, висевшую у него на поясе, и направил ее на чудовище. Из трубки вырвался блестящий белый луч и ударил в животное. Зеленое чудовище отпрянуло и умчалось.

— Что... что это такое? — дрожащим голосом спросил Хоскинс.

— Вульп, — проворчал Ард Барк, пряча металлическую трубку. — Проклятые твари!

— А каким это лучом вы прогнали его? — спросил Лестер.

— Ну, это считается разрушающим лучом, — ответил Ард Барк. — Собственно говоря, он ничего не разрушает. Это самый обыкновенный безвредный луч, но вульпы от него удирают.

Лестер удивленно взглянул на него:

— Но, если это считается разрушающим лучом, почему он не действует?

Ард Барк фыркнул:

— Потому что парень, который его выдумал, ничего не понимал в науке. Как может человек, ничего не понимающий в науке, придумать разрушающий луч?

Ок Вок подтверждающе кивнул:

— Это верно. Мы пользуемся ими как сигналами. Это все, на что они годятся.

Лестер опять переглянулся с Хоскинсом. К этому времени они уже подходили к городу, и Ард Барк указал на большой аэродром на его окраине. Это был, очевидно, порт межпланетного сообщения. На его гладком асфальте стояли сотни межпланетных кораблей самых различных конструкций: одни были цилиндрические, другие стреловидные, торпедообразные или дискообразные. Вид у них был очень внушительный, но Ард Барк насмешливо фыркнул.

— Вот вам еще пример, — сказал он. — Мы получили столько межпланетных кораблей, но ни один из них не

поднимается ни на вершок, потому что господа, которые их выдумывали, были недостаточно учеными, чтобы заставить их работать... Ну, вот мы вернулись в город. Вам куда теперь?

— Нам... Нам нужно осмотреться, — пробормотал Лестер.

Марсианская столица имела поистине поражающий вид. Она состояла из нескольких довольно больших городов, стоявших бок о бок, и все они были различного архитектурного стиля. В той части, куда они вошли, стояли черные каменные здания, приземистые и массивные, очень древнего вида. За ними Лестер мог заметить секцию из прекрасных прозрачных полусфер, окруженных куполами. Рядом была секция блестящих шестиугольных хромированных башен, дальше — секция высоких медных конусов, а еще дальше — секция построек, похожих на вертикальные серебряные цилиндры.

Еще удивительнее этого фантастического многообразия незнакомых архитектур был разношерстный характер толпы на улицах. А толпа здесь была большая. Но лишь часть ее состояла из красных жукоглазых людей вроде Ард Барка и его товарищей. Остальные принадлежали к различным видам, резко отличающимся друг от друга формой, размером и цветом.

Ошеломленные глаза Лестера различали марсиан, возвышающихся над толпой на двадцать футов и шестируких; марсиан, похожих на маленьких безруких комариков; марсиан четырехглазых, трехглазых и марсиан совсем безглазых, но со щупальцами, вырастающими из лица; синих, черных, желтых и фиолетовых марсиан, не говоря уже о марсианах неопределенных оттенков: анилино—красного, вишневого, бурого цвета и марсиан прозрачных.

Эта удивительная толпа носила самые разнообразные наряды, от простого набора ремней, как у жукоглазых красных марсиан, до шелковых одеяний, блестящих, как драгоценные камни. У многих были мечи или кинжалы, но

большинство, по—видимому, было вооружено лучевыми трубками или ружьями.

Удивительнее всего было, что женщины, все без исключения, были гораздо привлекательнее мужчин. Действительно, Лестер заметил, что любая марсианка, бурая, зеленая, синяя или красная, могла быть образцом земной красоты.

Хоскинс, разинув рот, смотрел кругом:

— Откуда все они явились?

Ард Барк поглядел на него:

— Что вы хотите сказать? Они появились так же, как и вы.

— Не понимаю, — пробормотал Хоскинс. — Ничего не понимаю! Не хочу понимать. Мне одного хочется: вернуться на Землю! Идемте, Лестер.

Он схватил Лестера за руки. Но тут вмешался Ард Барк. Высокий красный жукоглазый человек смотрел на них с неожиданным подозрением.

— Объяснитесь, — продребезжал Ард Барк. — Вы хотите сказать, что вы двое не созданы здесь, как все остальные? Что вы хотите вернуться на Землю?

— Ну да, — вскричал Лестер. Торопливо и гордо он объяснил: — Мы были слишком поражены, чтобы сказать вам сразу. Но мы — первые люди с Земли, посетившие эту планету.

— Люди с Земли? — вскричал Ард Барк. Глаза его горели, а голос поднялся до визга: — ЛЮДИ С ЗЕМЛИ!

Над пестрой, фантастической толпой, наполнявшей улицы, как бы поднялась внезапная буря. Зеленые, красные, синие и желтые марсиане столпились вокруг двух путешественников в неожиданно яростном возбуждении.

— Вы уверены, вы совершенно уверены, что вы оба явились с Земли? — спросил Ард Барк со страстным отчаянием.

— Конечно, — гордо ответил Лестер. Он наконец нашел возможность произнести несколько исторических слов. — Дружья с Марса! — начал он. — При таком непредвиденном случае...

— Они с Земли! Держи их, ребята! — завопил Ок Вок.

И с оглушительным ревом вся толпа кинулась на Лестера и Хоскинса.

Сбитые с ног, отбиваясь от множества рук, протянувшихся схватить их, Лестер и его товарищ спаслись от неминуемой гибели только потому, что нападавших было слишком много. Они забарахтались, стараясь выбраться из толпы, и услышали громовый голос Ард Барка, унимавшего толпу:

— Погодите, ребята! Не нужно убивать сейчас же. Отведем их к Суперам. Пусть Суперы придумают, как лучше казнить землян.

Лестера и Хоскинса грубо подняли на ноги. Они ужаснулись, увидев зловещий блеск в глазах этой марсианской толпы.

— Не пробуйте удрать, вы оба! — резко прикрикнул на них Ард Барк. — Вы сейчас отправитесь к Суперам. Они назначат вам самую жестокую кару за ваши преступления.

— Какие преступления? — слабо запротестовал Хоскинс.
— Что мы вам сделали?

— Как будто вы не знаете! — яростно возразил Ард Барк.
— Это вы, грязные люди Земли, создали нас, и вы сами это знаете!

— Создали вас? — изумился Лестер. — О чем, во имя неба, вы говорите?

— Теперь я знаю, — заявил убедительно Хоскинс. — Мы лежим в ракете без сознания. Нарыв или не нарыв — это мне только снится...

Их потащили сквозь враждебную, бешеную толпу марсиан всех размеров, форм и оттенков. Руки, когти, щупальца и кинжалы протягивались к ним со всех сторон. Ненависть к ним была, казалось, всеобщей.

Ард Барк и его товарищи тащили землян все дальше, через дико сменявшиеся части удивительного города, пока не достигли секции, состоящей из огромных золотых пирамид. Там их втащили в самую большую пирамиду, а толпа последовала за ними.

Внутри были огромные машины, сияющие радуги, целый хаос научного оборудования. Между машинами двигались, производя опыты, или сидели неподвижно, наблюдая, марсиане во много раз уродливее всех тех, кого земляне до сих пор видели, — похожие на осьминогов твари с огромными неподвижными глазами. У каждого было восемь пар щупальцев.

— Это и есть Суперы? — вскричал Лестер, отступая.

— Они самые! Это суперученые марсиане, — ответил Ард Барк. — И вы это знаете. Ступайте. Вот Аган, верховный ученый.

Их подтолкнули к осьминогообразному существу, которое посмотрело на них неподвижными глазами, а потом проговорило свистящим голосом:

— Моя телепатическая сила сразу же показала мне, что это жители Земли, высадившиеся на нашей планете. Одного зовут Лестер, а другого — Холлинс...

— Хоскинс... — неуверенно поправил инженер.

Осьминогообразный Аган окинул его гневным взглядом:

— Все равно похоже. В конце концов, даже телепатия может ошибиться.

Лестер не сводил глаз с этого создания:

— Суперрученные марсиане с телом, как у осьминогов... Как раз как в том научно—фантастическом рассказе, который я читал...

Аган перебил своим кисло—писклявым голосом:

— Да. Этот—то рассказ и виноват в том, что я здесь...

Челюсть у Хоскинса отвисла.

— Вы хотите сказать, что вы, осьминогие люди, появились здесь потому, что там, на Земле, был написан рассказ о марсианах—осьминогах? Что этот рассказ создал вас?

— Конечно, — огрызнулся осьминог. — Вас это удивляет? Хоскинс дико засмеялся:

— О нет. Это нас нисколько не удивляет. Ничто в этом невероятном мире не удивляет нас больше.

— Заткнитесь, Хоскинс! — приказал Лестер. Он серьезно обратился к Агану: — Объяснимся. Как, скажите во имя всего, рассказ, написанный о марсианах—осьминогах, может создать марсиан—осьминогов здесь, за сорок миллионов миль?

— Я вижу, вы мало знаете о силе воли, — ответил Аган, ловко почесывая свой луковицеобразный череп кончиком щупальца. — Это сделал не только написанный о нас рассказ — это сделал тот факт, что сотни тысяч людей читали этот рассказ и, читая, воображали себе нас.

— Но я не вижу...

— Это очень просто, — нетерпеливо перебил осьминог. — Мысленные излучения — определенная физическая сила, столь же материальная, как и радиоволны, хотя и совершенно другого свойства. При достаточной массовости и

интенсивности эти высокочастотные мысленные волны могут сочетать свободные атомы в новую форму. — Он поучительно помахал концом щупальца. — Когда вы упорно думаете о каком-нибудь предмете, вы можете мысленно увидеть его. Правда? Это потому, что излучения вашего мозга на миг соединили свободные атомы в туманную и мгновенную форму того, о чем вы думаете. Форма эта держится в мозгу только мгновение, а потом исчезает.

Но когда многие тысячи людей представляют себе один и тот же предмет, их соединенные мысленные излучения настолько сильны, что могут сложить атомы в постоянную форму. Вот почему, когда тысячи земных людей читают о людях-осьминогах и воображают их, то их мысленные излучения действуют на свободные атомы этой планеты и сочетают их в живые существа, такие, какие себе представляли эти читатели, — в нас.

Лестер попытался возразить:

— Но почему влияние соединенных мысленных излучений сказалось не на Земле, где находятся все читатели, а именно на Марсе?

— Очень просто, — объяснил Аган. — Мысленные излучения следуют по определенным силовым линиям, вроде магнитных. Линии мысленных сил идут от центра к периферии Солнечной системы, от Земли к Марсу — так что все те странные и нелепые марсиане, которых выдумывают писатели на Земле, автоматически воссозданы здесь из свободных атомов этой планеты.

Лестер взглянул на Ард Барка и на остальных разгневанных жукоглазых людей:

— Значит, все эти различные марсианские расы...

— Все они выдуманы в рассказах земных авторов, — ответил Аган. — И каждый раз, когда рассказ прочтен и сотни читателей вообразили себе его, описанные в нем марсиане возникают здесь... Каждый автор, выдумывая своих марсиан, описывает и их город. Каждый город отличается от

других. Вот почему у нас такой беспорядок, так много типов городов и различных видов марсиан.

— Так вот, значит, почему Марс так дьявольски переполнен сейчас! — воскликнул гневно Ард Барк, сверкнув на Лестера и Хоскинса своими выпуклыми глазами. — И все это по вашей вине, люди с Земли! Не пиши вы столько дурацких рассказов, у нас никогда не было бы такой кутерьмы... — Жукоглазый марсианин указал на гневную толпу позади себя. — Посмотрите на эту толпу, на марсиан всех цветов, размеров и форм! Почему, черт возьми, ваши земные писатели не могут удовольствоваться только одним типом марсиан в своих рассказах? Тогда здесь все было бы в порядке. Но нет, каждый проклятый писака должен выдумать еще более дьявольский сорт марсиан! И на планете становится так тесно от всяких странных типов, что никогда не знаешь о какой—нибудь новой твари: страшное ли это чудовище или только новый сорт марсиан?

Ок Вок, стоявший рядом с Ард Барком, добавил и свое яростное обвинение:

— И почему, черт возьми, вы даете нам такие дурацкие имена? Вот смотрите на меня. Ок Вок — как вам нравится такое имя? Оно звучит, как предсмертная икота.

Лестер сделал слабую попытку защищаться:

— Но писатели, когда закручивают все эти истории, и читатели, когда читают их, никогда не воображают, что создают здесь вас...

— То-то и плохо! Вы, кажется, там, на Земле, ничего не знаете! — фыркнул Аган. — Возьмите нас, например. Мы описаны как сверхученые марсиане с огромными мозгами и непревзойденными научными познаниями. Но когда мы появились здесь, мы не смыслили в науках ни аза!

— Как так? — изумился Лестер. — Если автор описал вас как обладающих большими научными познаниями...

— Ах! Но сам—то автор не понимал в науках ровно ничего, — возразил Аган. — Он толком не мог сказать о наших

научных возможностях, потому что сам был таким круглым невеждой, какого можно только себе представить!

Хоскинс оглядел зал с машинами и осьминогими экспериментаторами:

— Но вы, кажется, несколько смыслите в науках?

— Это только потому, — ответил Аган, — что у нас, к счастью, большие мозги. Поэтому мы научились сами. Все наши знания мы получили именно так. Ваш автор никогда не смог бы дать их нам, так как я сомневаюсь, чтобы он знал разницу между нейтроном и новой звездой.

— В том—то и дело, — мрачно согласился Ард Барк, — что они ничего не смыслят в науках, так что все сверхнаучные штуки, которые они выдумывают, не могут работать. Как разрушительные лучи, которыми мы якобы обладаем: они и мухи не убьют! А ваши чудесные межпланетные корабли? Они так непрактичны, что не родился еще человек, способный поднять их в воздух.

Лестера осветила внезапная догадка:

— Вы, наверно, на многих языках разговариваете?

Аган сделал утвердительный жест:

— Да, нам известны языки всех земных авторов, пишущих романы и рассказы о Марсе. Эти языки мы знаем.

— Кроме шестиглазых людей, — вставил Ард Барк.

— Верно, — согласился осьминог и обратился к Лестеру:

— Кажется, на Земле был автор, которому захотелось быть реалистичным. Вместо того, чтобы заставить своих марсиан, желтых и шестиглазых, говорить по—английски, он заставил их лопотать что—то вроде: «квампс умп гуху» и прочую чепуху. Так что все эти желтые бедняги слоняются здесь, бормоча друг другу «квампс умп гуху». Они сами не понимают, что это значит, да и никто не знает.

Ард Барк сделал нетерпеливое движение:

— Это все ни к чему, Аган. Весь вопрос в том, что делать с этими двумя людьми с Земли. Как их казнить? Нужно придумать что—нибудь оригинальное и хорошее.

Зинг Зау, второй из жукоглазых, выдвинул предложение:

— Почему бы не отдать их десятиногим пурпурным людям? Эти пурпурные парни — знатоки в попытках. Все их время уходит на кошмарные выдумки, угрозы и злобные взгляды друг на друга. Очевидно, автор был не в себе, когда придумывал их.

Лестер задрожал. Было безумием думать, что его убьют марсиане, созданные мысленными силами. Но эти твари, несмотря на свое странное происхождение, были такими же реальными, как и он сам, и вполне могли сделать это.

— Зачем вам убивать нас? — закричал он. — В конце концов, вы должны быть благодарны земным людям: не будь рассказов, и вас не было бы здесь!

У Ард Барка вырвался гневный возглас:

— Но почему, черт возьми, вы делаете нас такими страшными уродами? Зачем вам понадобилось давать нам эти жу-чьи глаза? Не думаю, чтобы вам самим понравилось ходить с глазами, как у жуков!

— Да и вы бы не порадовались, имея восемь щупальцев вместо приличных рук и ног, — с досадой добавил Аган. — Как вы думаете, шутка ли ходить на щупальцах? Попробовали бы сами!..

— Да, а как насчет дьявольской погоды, которую вы делаете здесь? — с упреком воскликнул Ок Вок.

— Погоды? — повторил Лестер в недоумении. — Боже мой! Неужели вы хотите сказать, что и погода следует историям, которые пишутся на Земле?

— Ну да! Мысленные силы легко сдвигают свободные атомы воздуха, — объяснил Аган. — Мы никогда не знаем, какой погоды ожидать в данную минуту. Большинство ваших авторов описывают климат Марса как довольно приличный: теплый и солнечный днем, но слишком холодный ночью. Но вдруг кому-нибудь из них приспичит держаться научной точности, и его рассказ делает Марс таким

холодным, каким он должен быть по словам астрономов. Тогда мы чуть не умираем от холода.

— А каналы то появляются, то исчезают, то снова появляются. Очень плохо... — прибавил Ард Барк.

— Значит, каналы есть? — вскричал Хоскинс.

— Иногда есть, иногда нет. Очевидно, в одних рассказах есть каналы, а в других нет. То, что они появляются и исчезают, прямо невыносимо!

Говоря о своих горестях, жукоглазый человек, казалось, взвинтил себя до бешенства.

— Ну что же, Аган? — свирепо спросил он. — Отдать, что ли, этих парней пурпурным людям?

Из толпы, наполнявшей здание, поднялся одобрителный гул. Синие, зеленые и розовые марсиане замахали руками, ногами и щупальцами в знак согласия.

— Погодите! — вскричал Лестер. — Давайте договоримся. Предположим, мы вернемся на Землю и там объясним положение. Может быть, нам удастся принять в рассказах один тип марсиан, один тип погоды и так далее...

Его предложение было сразу же отвергнуто Ард Барком:

— Вам это никогда не удастся. Издатели требуют все новых рассказов о Марсе, все новых сортов марсиан и всяких чудищ. И так в каждом рассказе!

Ок Вок с жаром накинудся на землян:

— Как жаль, что вы оба не из тех, кто пишет эти проклятые рассказы! Хотел бы я добраться до того парня, который дал мне мое имя! Я бы так ок-вокнул его!

Кто-то из толпы взвизгнул:

— Пурпурные идут!

Лестер и Хоскинс отшатнулись, увидев ужасную группу, ввалившуюся в зал с жадным фырканием. Это были пурпурные существа с десятью конечностями вдоль туловища, как у сороконожки, служившими им и руками и ногами. На конической голове у каждого сверкал единственный глаз, похожий на блюдце. Эти существа размахивали

металлическими ножами, скальпелями и щипцами, имевшими зловещий вид.

— Давайте их, — прошипел предводитель пурпурных, устремляя на Лестера и Хоскинса голодный взгляд. — Ребята, и помучаем же мы их! Это первый случай показать, на что мы способны.

Лестер побледнел.

— За что вы хотите мучить нас? — вскричал он, обращаясь к ужасному созданию.

Пурпурный предводитель пожал десятью плечами:

— Такая уж мы порода марсиан, дружок. Это не наша вина. Писака, который выдумал нас, описал нас как мастеров шикарно помучить всякого земного мужчину или женщину, которые попадутся нам в руки. — Помолчав, он спросил почти с надеждой: — А не захватили ли вы какой-нибудь прекрасной белокурой профессорской дочери? Нет? Очень жаль. Мы могли бы продемонстрировать кое-какие любительские пытки на прекрасной блондинке...

Пурпурные создания кинулись на Лестера и Хоскинса.

— Это неправда! — закричал Хоскинс. — Я вам говорю: это нам снится!

Но пять пар схвативших его рук не были сном. Землян уже тащили к шумевшей толпе...

— Погодите минуту! — раздался позади них визгливый голос Агана.

Осьминогий марсианский сверхученый поднимался со своего сиденья. Наступила жуткая минута ожидания, пока он распутывал три своих щупальца, спутавшихся в клубок.

— Проклятые щупальца, вечно подводят меня! — с досадой ворчал он.

Шатаясь, он подполз на своих странных конечностях к пурпурным людям, державшим Лестера и Хоскинса.

— У меня есть идея относительно этих землян, — сказал он. — Мы можем использовать их, чтобы прекратить земные излучения раз и навсегда.

Все марсианские лица в толпе повернулись к Агану.

— Что же это за идея? — спросил Ард Барк.

Пискливый голос Агана стал еще громче:

— Как вы, конечно, помните, гипповидный стазис нейронной сети головного мозга можно прочесть экстра—электромагнитным лучом, который...

— Хватит! — нетерпеливо перебил Ард Барк. — Что это значит: «как вы, конечно, помните»? Как мы это можем помнить, когда мы этого совсем не знаем? Вы же знаете, что мы не знаем!

— Вы бы могли дать мне случай объяснить мою идею научно! — обиделся Аган. — Во всяком случае, суть вот в чем: мы, Суперы, можем читать в мозгу человека, ввергнутого в гипнотическое состояние, и изучить таким образом все, что этот человек знает. Изучим содержимое мозгов этих субъектов. Они, очевидно, ученые с большими познаниями. Мы можем получить из их мозга такие сведения о Земле, которых не могли бы добиться никаким другим путем.

— А на что это нам? — грубо спросил Ард Барк.

— В этом и заключена моя идея, — ответил Аган. — Если мы будем знать о Земле больше, чем сейчас, то сможем построить машину, которая остановила бы поток мысленных силовых волн с Земли к Марсу.

Наступило молчание. Толпа обдумывала. Пурпурный человек, державший Лестера, отважился прошептать:

— А потом мы сможем начать мучить их?

Лестер решил использовать последний шанс.

— Мы не позволим вам! — громко сказал он Агану. — Мы будем противиться гипнозу и помешаем вам, если вы не поклянетесь освободить нас и дать возможность вернуться на Землю.

Из пестрой марсианской толпы поднялся протестующий гул:

— Не отпускайте их! Это для нас единственный случай отомстить землянам за все!

Но Аган спокойно возразил:

— А что, если отпустить их? Разве это не лучше, чем постоянно страдать от земных авторов и от их рассказов? Разве нам нужны новые марсиане разного вида? Разве вы хотите, чтобы погода вечно менялась, как сейчас? Это для нас случай прекратить все неприятности раз и навсегда.

Его доводы убедили всех. Неохотно, но марсиане согласились, хотя пурпурные отчаянно настаивали на попытках.

— Соглашайтесь, и мы позволим вам вернуться к вашей ракете, — обратился Аган к Лестеру и Хоскинсу. — Вам нужно только войти вот в этот аппарат и настроить свой мозг на подчинение.

— Пойдемте, Хоскинс, — прошептал Лестер. — Это наш единственный шанс выбраться с сумасшедшей планеты.

Они осторожно вошли в машину. Из большой линзы на них сверху полился голубой свет. Лестер почувствовал, что его мозг затмевается под влиянием какой-то силы. Он потерял сознание. Очнувшись, он увидел Хоскинса и себя все еще в машине. Но поток света был выключен. Аган и другие осьминогие сверхученые потрясали пачкой тонких металлических листков, покрытых какими-то значками.

— Мы получили! Опыт блестяще удался! — возбужденно кричал Аган.

— Вы получили достаточно сведений о Земле, чтобы остановить поток силовых линий с Земли на Марс? — спросил Хоскинс.

Огромные глаза Агана торжествующе сверкнули:

— Я могу сделать и больше того!..

— Мы можем идти? — настойчиво спросил Лестер. — Вы обещали.

— Да, можете идти к ракете и возвращаться на свою Землю, — буркнул Аган.

А Ард Барк прибавил кисло:

— И не являйтесь больше на Марс, если желаете себе добра... Десятиногий пурпурнокожий предводитель сделал последнее отчаянное усилие.

— Вы все—таки даете им уйти без всяких пыток? — жалобно пропищал он. В единственном его глазу стояли слезы. — Как же нам быть? Кого же помучить?

— Он прав, нельзя упускать единственный случай отомстить землянам! — гневно воскликнул Ок Вок.

— Мы дали обещание и должны сдержать его! — твердо заявил Аган, и глаза его сверкнули. — Не бойтесь, теперь мы отомстим землянам сполна.

Толпа расступилась, образуя проход. Ард Барк указал на него Лестеру и Хоскинсу:

— Ступайте, пока можно!

Оба жителя Земли прошли, спотыкаясь, сквозь толпу, поминутно ожидая, что их схватят. Потом они бешено помчались сквозь странные, разнообразные секции фантастического города. Они не замедлили бега даже в красной пустыне и очнулись только тогда, когда достигли металлического корпуса ракеты, вкатились внутрь и захлопнули за собой тяжелую металлическую дверь.

— Ради самого бога, удерем поскорей! — произнес, задыхаясь, Хоскинс, включая циклотроны. — Я уже не ожидал, что они выпустят нас.

— Я тоже, — подтвердил Лестер, нахмурившись. — Я и сейчас не чувствую себя в безопасности. У Агана был странно торжествующий тон, который мне не понравился, когда он говорил о мести людям Земли.

Эти слова прервали выхлопы хвостовых дюз. Аппарат устремился ввысь. Глубоко вдавив людей в пружинные кресла, он с ревом взвился в медное небо и помчался в свободном пространстве.

Лишь через две недели, когда ракета уже приближалась к Земле, оба путешественника несколько опомнились от потрясения, вызванного их поразительным приключением.

— Нам никогда не поверят, — упорно повторял Хоскинс, — если мы попробуем рассказать, что мысленные силы тысяч читателей создали на Марсе жукоглазых людей и других чудовищ. Нас высмеют.

— Пожалуй, вы правы, — мрачно согласился Лестер. — Лучше помалкивать.

Ракета спускалась над Нью-Йорком. Хоскинс хотел сесть в Парк-Сентраль, чтобы поразить столицу своим драматическим возвращением.

Но когда снаряд приземлился наконец в парке, его не приветствовал ни один человек. Ожидаемой восторженной толпы не было. Парк был пуст. Межпланетные путешественники вышли на лужайку и изумленно уставились на соседнюю улицу — Пятую авеню.

По улице катился дикий, возбужденный гул. Толпы горожан бежали в настоящей панике. И Хоскинс, и Лестер разинули рты, увидев, от кого бежала пораженная ужасом толпа. Это была кучка людей. Они во многом походили на обычных людей Земли, но с четырьмя руками и огромными выпуклыми глазами, как у насекомых!

Лестер остановил одного из бегущих и указал на странные фигуры.

— Откуда, объясните во имя неба, взялись вот эти? — спросил он в ужасе.

Беглец дико покачал головой:

— Никто не знает... Эти твари и другие такие же чудовища появились по всему свету за последнюю неделю. Мы не знаем, как и не знаем, кто они...

Лестер побледнел и схватил Хоскинса за плечо:

— Боже мой, так вот что значили слова Агана о близкой мести людям Земли! Те сведения, которые они получили от нас, позволили им не только остановить поток мысленных силовых волн с Земли на Марс, но и обратить его вспять, заставив течь с Марса на Землю!

Хоскинс окаменел от ужаса:

— Значит, эти твари созданы здесь в отместку?

— Марсианами, да! — вскричал Лестер. — Вот их месть. Они там, вверху, черти, пишут теперь рассказы о жукоглазых и четырехруких жителях Земли!!!

Лэндона я не видал года два – вплоть до того самого дня, когда Нью–Йорк узнал, что такое ужас. Этот день помнят все – вскоре после полудня земля неожиданно задрожала, встряхнув весь остров с его гордыми башнями и рассыпавшимися вдребезги окнами. Но даже последовавшая за этим буря панических криков не смогла заглушить долгий, скрежещущий гул движущейся земли под ногами.

Я как раз по случаю был в центре и продирался сквозь торопливо спешащую по своим делам толпу, когда мощный толчок и дрожь в глубинах земли вдруг превратили ее в смятое ужасом, мелово–бледное, хрипло BLEЮЩЕЕ стадо. Целых пять минут она вместе со всеми нью–йоркскими миллионами пробовала на вкус незнакомый, настоящий, физический страх, а земля колыхалась у нее под ногами. Потом дрожь стихла, и я увидел Лэндона.

Он стоял в толчее почти напротив меня, и лицо у него было такое странное, что я не сразу его узнал. А все дело в том, что на нем была написана не просто паника, которую и так источали все вокруг, а ужас за пределами всякого ужаса, глубокий и чуждый человеческой психике кошмар. Темные его глаза глядели с этой белой искаженной маски, словно в самое жерло преисподней. Ну да, потом я его все–таки узнал.

– Кларк Лэндон! – закричал я. – Почему ты мне не сказал, что возвращаешься? Я даже не знал, что ты в стране!

Он так пригвоздил меня взглядом, что у меня мороз по коже пробежал.

– Я только два часа назад приземлился, Моррис, – негромко сказал он. – Долбанных два часа, и видишь, что успело случиться.

– В чем дело, Лэндон? – встревожился я. – Неужели это землетрясеньце тебя расстроило? Ну не после же того,

полярного, которое ты благополучно пережил – я как раз о нем сейчас читаю...

– Ах, полярное... – так же тихо промолвил он. – Стало быть, ты читаешь о том, как погибли Тревис и Скил, а я выжил? Да, я уцелел. И с тех пор побывал во всех землетрясениях, принявшихся раздирать эту планету – в Норвегии, в России, в Египте, в Италии, Англии – а теперь даже тут, в Нью-Йорке.

– Можно подумать, землетрясения следуют за тобой по пятам! – вскричал пораженный я. – Но говорят, что все эти большие и малые сотрясения – следствия того полярного катаклизма, через который ты прошел. Говорят, он чего-то, где-то стронул и стал причиной серии толчков, которые с тех пор прокатились по всей Земле.

– С тех самых пор, – медленно повторил Лэндон. – Да, именно с него-то, первого, все и началось.

Он смотрел куда-то сквозь меня, погружившись в странную отрешенность. Улицы вокруг нас уже почти пришли в свой обычный вид; миллионы граждан стряхнули краткую панику и вернулись к своим торопливым делам, от которых никакое землетрясение не способно их надолго отвлечь. Куда-то несущиеся прохожие уже безмятежно толкали нас плечами со всех сторон.

– Слушай-ка, Лэндон, – взял я быка за рога. – Ты совершенно погано выглядишь. Моя квартира всего в паре кварталов отсюда; идем ко мне, посидишь, придешь в себя – тебе скоро станет лучше.

– Боюсь, этого недостаточно, чтобы мне стало лучше, Моррис, – отозвался он.

Но со мной все-таки пошел. И когда мы уселись у окна с видом на муравьиные тропы уличного транспорта, расчертившие весь город, – кажется, даже немного расслабился. Сидя напротив, я пытался понять, что за странный ужас до сих пор терзает его, – но сумел лишь убедиться, что страх этот вполне реален, и что Лэндон, судя по всему, стал совершенно другим человеком.

Тот Кларк Лэндон, которого знал я, гибкий, черноволосый парень, которому опасность обещала только одно – живейшее наслаждение, вряд ли вообще понимал значение слова «страх». Геология и приключения были его двойняшками – хобби, и к обоим он относился с одинаковой страстью, а унаследованные от предков деньги предоставили возможность сочетать одно с другим в бесконечных экспедициях, с которыми он и его неразлучные друзья по науке и авантюрам, Дэвид Тревис и Герберт Скил, прочесывали самые отдаленные уголки мира. Больше двух лет назад Лэндон, Тревис и Скил как раз отправились в одну такую, в район Северного полюса. Цель ее Лэндон обозначил как исследование неких геологических аномалий, по косвенным данным, существующих неподалеку от полюса, но всем и так было ясно, что ими движет жажда новых приключений – не в меньшей, во всяком случае, степени, чем желание пополнить сокровищницу геологических знаний человечества.

Эти трое отправились в путь на зафрахтованном Лэндонном ледоколе, который доставил их аж к северным берегам Земли Гранта. Оттуда Лэндон, Тревис и Скил двинулись дальше на север на собачьих упряжках и в сопровождении двух эскимосов, полагая, что с имеющимся оснащением вполне смогут достичь места назначения, расположенного в нескольких сотнях миль южнее полюса, и без проблем вернуться назад.

Через десять дней после высадки с судна случилось страшное землетрясение, с беспрецедентной яростью сотрясшее весь арктический регион. Эпицентр, по данным сейсмографов, находился немного южнее полюса. Доставившая путешественников шхуна чудом избежала гибели, смогла – так увернуться от движущихся льдов и, как и было оговорено в контракте, продолжила ждать партию – хотя надежда таяла буквально на глазах. За первой катастрофой последовали целых две недели толчков послабее, распространявшихся, что интересно, на юг. Потом объявились Лэндон и один из эскимосов. Этот последний умер на

следующий день. Лэндон и сам был в очень тяжелом состоянии, но его удалось вернуть к жизни. Он рассказал команде корабля, что основной удар действительно случился ровно там, где стояла экспедиция, и что Тревис, Скил и второй эскимос в результате лишились жизни. Путь на юг восстановил его силы, и, фантастическим образом избежав столкновения с расплотившимися в этих морях айсбергами, ледокол прибыл в Галифакс. Пока Лэндон был там, случилось еще одно жуткое землетрясение, уничтожившее половину города. Самому ему удалось уцелеть. За последующие два года о Лэндоне благополучно забыли, но сама полярная катастрофа частенько всплывала то там, то сям, потому что с тех самых пор землю принялись терзать сильнейшие толчки и тектонические сдвиги. Они бессистемно перескакивали с одной локации на другую: с Ньюфаундленда в Норвегию, из России в Египет, из Италии, в Англию. Ученые пришли к выводу, что причиной их являются серийные подвижки в структуре планеты, нарушенной великим полярным толчком, в котором необъяснимым образом удалось выжить Лэндону.

О нем самом я не слышал вообще ничего с тех самых пор, как он покинул Галифакс. И вот теперь он сидел напротив, а я недоуменно глазел на то, до какой степени он изменился. Не иначе как все было крупными буквами написано у меня на лице...

– Думаешь, что я изменился, Моррис? – спросил Лэндон, бросив на меня мимолетный взгляд. – Да не спорь, я знаю, что изменился. Я знаю, что отпечаталось на мне...

– Тревис и Скил... – неуклюже начал я.

– Тревис и Скил мертвы, – мрачно оборвал меня он. – И им крупно повезло. Не их гибель изменила меня, хотя они были самыми лучшими друзьями, о каких только может мечтать человек. Дело все в том, как они погибли...

– Трое нас вышли в путь, – продолжал он, глядя сквозь меня. – И третий все еще жив. Интересно, надолго ли?

– Лэндон, ты слишком на этом зациклился, – попробовал вмешаться я. – Я могу себе представить, каким страшным опытом для тебя стало это полярное землетрясение, но...

– Нет, не можешь! – взорвался он. – Никто не может! Моррис, ты только что видел меня в полной панике, когда город затрясло. Скажи, ты удивился?

– Если честно, да, – медленно проговорил я. – Но я понимаю, до чего тебя довело то, первое землетрясение – и все остальные, которые случились с тобой с тех пор.

– То, что они случились со мной, была совсем не случайность. – Внезапно он наклонился вперед и схватил меня за руку. – Моррис, ты можешь себе вообразить такую вещь, как землетрясения, следующие за человеком по всей земле, куда бы он ни отправился, преследующие его, ищущие? Корежащие землю, переворачивающие города и убивающие десятки тысяч людей, чтобы только добраться до одного этого беглеца? Землетрясения, гонящиеся за одним – единственным человеком с убийственными намерениями?

– Землетрясения, гонящиеся за человеком? – переспросил я. – Какая дикая идея! Не думаешь же ты на том только основании, что волею случая оказался за последние два года во всех этих местах...

– Я не думаю, – отрезал он. – Я знаю. Я совершенно уверен в том, что землетрясения преследуют меня по всей земле эти два года намеренно и целенаправленно. Даже сегодня, через два часа после того, как я приземлился в городе, они наглядно доказали, что все еще висят у меня на хвосте!

– Лэндон, ну не можешь же ты в самом деле верить в такую чушь! – запротестовал я. – Возьми себя в руки, парень, давай рассуждать логично. Землетрясение – это просто перемещение земных масс. Как такое явление может намеренно следовать за тобой?

– Я – то знаю, как. – Взгляд у него сделался странный. – Тревис и Скил тоже знали – пока не умерли. А я знаю и все еще жив – до поры до времени. Я тебе расскажу, Моррис.

Заранее не сомневаюсь, что ты мне не поверишь – просто не сможешь, как не поверил бы я сам два года назад. Но ты не верь и просто запомни: мы, люди, многого на свете не знаем, и меньше всего – ту землю, по которой ходим.

Прошло уже два года с тех пор, как мы, Тревис, Скил и я, взяли курс на север. Мы вышли из Сент—Джона на крепкой канадской посудине, специально построенной для работы в условиях Арктики, и с канадской же командой. Корабль должен был доставить нас на самую северную оконечность Грантовой Земли, дальше мы шли сами. Целью нашей экспедиции была крупная ледяная вершина на скальном основании, расположенная милях в трехстах от полюса в нашу сторону. Мы о ней узнали сразу из нескольких источников: она стала камнем преткновения у двух воздушных партий, пролетавших над полюсом. Первая утверждала, что видела большую гору: сквозь прорехи в сплошном ледяном панцире они заметили скальное основание; вторая – что никакой горы в указанной точке нет и отродясь не было. Вот за этим—то мы трое и шли на север – посмотреть, есть там гора или нет.

Если ты хоть что—нибудь знаешь о геологии, то должен понимать, что может означать для науки такая гора, торчащая посреди снежной пустыни на самой макушке мира. Ее наличие безошибочно доказало бы, что подо всеми этими льдами лежит великий полярный континент, и, возможно, сумело бы пролить свет на целый ряд загадок, до сих пор ставящих эту благородную науку в тупик. Можешь себе представить, как нас троих воодушевляла даже самая возможность обнаружить такую гору!

Северный полюс, как тебе превосходно известно, – это, подобно южному, не точка, а целый регион. Наша Земля у полюсов сплюснута, и вот эта плоскость вокруг Северного полюса и есть вершина, или, если угодно, центр мира. Там, в этой бескрайней ледяной пустыне, предположительно возвышалась гора, и мы были твердо намерены найти ее.

Наша груженная всем необходимым шхуна вышла из Сент-Джона и два месяца пробиралась по ледяным фьордам к северному концу Земли Гранта. Мы с Тревисом и Скилом подготовили снаряжение и взяли в Северном Девоне пару эскимосов, которые должны были проделать финальный этап пути вместе с нами, – дюжих, выносливых парней по имени Носкат и Шан. На борту вместе с нами находились сани и две собачьих упряжки; мы были готовы двинуться на север, как только море достаточно замерзнет.

Вскоре оно замерзло, и мы пошли. Мы несли войлочные палатки, специальное химическое топливо малого объема и массы, съестные припасы, инструменты и по автоматическому пистолету на брата. Тревис, Скил и Носкат ехали на первых санях, мы с Шаном – на вторых. Десять дней мы двигались на север через бесконечную снежную равнину, делая миль по тридцать в день. Десять дней, триста миль – кажется, не так уж много, да? Ты только учитывай, что это был, так сказать, ад в разрезе. Представь себе мир, в котором все, вообще все, обратилось в сверкающий лед, который простирается во все стороны до самого горизонта, – ничего, кроме светящейся белизны, от которой ломит глаза. Мир, в котором чертов полярный день не кончается никогда – и тебя от него уже мутит. Мир, в котором полярный холод сжимает тебя, как в кулаке, пробираясь через онемелую плоть до самых костей. Представил?

Вот через такой мир мы и шли. Десять дней – каждый казался неделей. Мы просыпались, заталкивали в себя полутеплую еду, распрямляли задубевшие члены, складывали палатки и запрягали собак. И снова шли на север, через гребни и всхолмья снежной пустыни, как пигмеи, затерявшиеся на бескрайней снежной равнине. Все десять дней – пока на десятый не увидели на горизонте гору.

Мы поначалу даже глазам своим не поверили. Мы уже насколько механически тащились вперед, что в этом непрестанном сражении с окружающим миром позабыли о том, куда и зачем идем. И вот когда взгляд наш уперся в эту

вершину, вонзающуюся в стального цвета небо далеко впереди, закованную в лед, с темными прорезами по бокам, нас прямо—таки прорвало – мы кричали и кричали, и не могли остановиться.

Мы ринулись вперед, уже почти не замечая трудностей. Еще через день мы подошли к подножию горы, в тысяче футов ниже самой нижней из темных каверн в сплошной глыбе льда.

Ночью мы встали там – и едва смогли уснуть, ликуя от достигнутой цели. Но нас ждали серьезные проблемы. По мере приближения к горе собаки принялись скулить и выть. Их приходилось бить, чтобы заставить двигаться вперед; оба эскимоса постоянно что—то ворчали про себя. И стоило нам разбить лагерь, как земля легонько задрожала – будто заворочалась во сне, так что палатка наша заходила ходунном, а ледяное поле вокруг нее все пошло трещинами.

Мы, признаться, несколько удивились, столкнувшись с подобной тектонической активностью в этом регионе, но и только. А вот на наших эскимосов это событие произвело колоссальное впечатление. Их темнокожие лица стали совершенно синими от страха; несколько минут они что—то лопотали на своем языке, испуганно глядя вверх, на нависавший над нами колоссальный ледяной пик, а потом в панике бросились к нам. Собаки к этому времени принялись странно визжать и плакать, словно от ужаса.

– Нам нельзя здесь оставаться! – взволнованно сообщил нам Носкат. – Это запретная гора на вершине мира, весь наш народ избегать ее. Мы не знаем, что ваша идти сюда!

– Запретная гора? – переспросил Тревис в своей обычной манере. – И кто же ее запретил?

– Земля ее запретить! – сказал Носкат. – Земля такая же живая как мы. Ей все равно, как люди ходить по ее широкому телу, пока они не приближаться к этой горе!

– Земля живая? Да что за бред ты тут несешь? – властно оборвал его Тревис.

– Это эскимосская картина мира, – вмешался Скил. – Я об этом уже слышал раньше. Они считают, что земля – огромное живое существо, а мы, люди, – просто что-то вроде насекомых, живущих у нее на теле.

– Какая идиотская картина! – пожал плечами Тревис и повернулся обратно к Носкату. – И с какой же стати эта ваша живая земля запрещает кому-то приближаться к этой горе, а?

– Потому что в этой горе находится разум земли, ее мозг, – торжественно сказал Носкат, а Шан неистово закивал в знак согласия. – Земле не нравится, что мы так близко подходить к ее мозгу, она шевелить свое большое тело у нас под ногами, чтобы отпугнуть.

– Чушь! – отрезал Тревис. – Никакое это не предупреждение, а просто маленькое землетрясение – нормальное явление природы.

– Все землетрясения – движения тела земли, – упрямо повторил Носкат. – Земля может двигать телом как сама пожелать.

– Это звучит достаточно логично, Тревис, – ухмыляясь, вставил я.

Он резко обернулся ко мне.

– Только не надо их в этом поощрять, Лэндон, – свирепо бросил он. – У нас и так с ними достаточно проблем.

– Это были самые обычные подземные толчки, – обратился он снова к Носкату и Шану, – а все ваши рассказы о живой земле – форменные бредни. Мы останемся тут, по меньшей мере, на два дня, и вы двое будете стоять лагерем, пока мы поднимемся на гору, чтобы хорошенько ее изучить.

– Но ваша не должна изучать гору, – взмолился эскимос. – Ваша не смеет приближаться к мозгу земли! Если ваша...

– Довольно! – гавкнул Тревис. – Ты и Шан будете ждать здесь, мы пойдем исследовать гору, и точка. Никаких больше разговоров об этом!

Когда Носкат и Шан удалились в свою палатку, Тревис обернулся к нам с выражением самого живого отвращения на лице.

– Вот уж повезло, так повезло! – воскликнул он в сердцах.
– Надо было добраться сюда, чтобы этим двоим снесло крышу от местных суеверий!

– Интересно, насколько это суеверия, – протянул задумчиво Скил.

Мы, оторопев, уставились на него.

– Да какого черта! – вскричал я. – Ты что, веришь в этот вздор о земле как живом и мыслящем существе?

Но Скил был на диво серьезен.

– Я и постраннее вещи слышал на своем веку, Лэндон. Почему бы земле и не быть живым организмом, а не просто массой неодушевленной материи, как мы привыкли полагать? Да, нам она кажется мертвой, но таким же может казаться и человек всем живущим на нем и в нем микробам. Земле ничто не мешает быть живым существом – все планеты могут оказаться такими, просто их природа и масштабы настолько отличны от наших, что мы не в силах себе этого представить. А если земля живая, она вполне может обладать и сознанием, и разумом, и разум этот в таком случае действует на совершенно чуждых нам планах бытия...

– А дальше ты скажешь, что этот самый земной разум, как утверждает Носкат, находится, где-то здесь, в этой горе? – недоверчиво подхватил Тревис.

– Не скажу, – улыбнулся Скил. – Хотя если бы земля и вправду была живым и разумным существом, ее разум должен был бы, где-нибудь находиться – и почему бы, собственно, не прямо здесь, на макушке мира?

– А я вот скажу, что ты чокнутый геолог, – вставил я. – Ты ничем не лучше этих двух эскимосов.

– Короче, там этот ваш земной мозг или нет, – резюмировал Тревис, потягиваясь, – а завтра утром мы полезем на эту гору, и точка.

Мы закопались в меховые одеяла, свернулись и, хотя снаружи собаки то и дело снова принимались испуганно скулить, моментально уснули.

Когда мы проснулись, часы уже показывали утро – кто-то тряс нас, пытаясь добудиться. Однако оказалось, что это новая серия толчков сотрясает лагерь, не менее сильная, чем вчера, а может, даже и более. Не успели мы продрать глаза, как все прекратилось и зубодробительный треск льда стих.

Мы поскорее влезли в дневную одежду. Собаки, развизжавшиеся, когда землетрясение началось, смолкли, будто охваченные невыразимым страхом. Палатка все еще качалась от затихающих судорог земли.

– Опять эти чертовы толчки! – выругался Тревис. – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но теперь с этими черномазыми детьми погибели совсем сладу не будет.

Пророчество его тут же сбылось. Не успели мы выбраться из палатки в обжигающую полярную стужу, как Носкат и Шан накинулись на нас. Оба были в состоянии полнейшей паники.

По их мнению, дрожь была новым и уже более настойчивым признаком того, что земля недовольна нашим присутствием поблизости от средоточия ее разума и предупреждает, чтобы мы как можно скорее поворачивали оглобли на юг и отправлялись восвояси, пока она не уничтожила нас на месте. Они зашли так далеко, чтобы заявить: если мы не послушаемся, они сами отправятся на юг, без нас, и заберут одни сани.

– Вы останетесь тут, как миленькие. – Холодный голос Тревиса достучался до них даже сквозь мглу ужаса. – Так как сами прекрасно понимаете, что с вами сделают, если вы объявитесь на корабле раньше срока и без нас.

– Но, если вы полезть на эту гору, земной разум очень разгневаться! – взвыл Шан. – Вся земля на вас очень разгневаться!

– Хватит с меня этой идиотской болтовни о земле и ее мозгах! – сердито оборвал его Тревис. – Вы двое останетесь тут и будете ждать, пока мы не вернемся – или пойдете с нами. Выбирайте!

От такой альтернативы Носкат и Шан лишились дара речи. Я велел им присмотреть за собаками, которые продолжали вести себя странно, и стал вместе с Тревисом и Скилом готовиться к восхождению на ледяную гору.

Не надеясь принести обратно никаких образцов, даже если нам удастся—таки достичь одного из видневшихся в склонах гротов, мы взяли с собой только по ледорубу на каждого и один камнеруб. На поясе у нас были пистолеты – специально для запугивания эскимосов, если те вдруг решатся сбежать. Мы связались веревкой и, отвесив посредством Тревиса последнее предупреждение аборигенам, полезли вверх по ледяной стене. В тысяче футов над нами в панцире горы виднелось круглое, темное отверстие, ведущее, как мы полагали, к ее каменному телу – вот его—то мы твердо намеревались достичь. Если нам удастся хотя бы бегло его осмотреть, можно считать, что все наше путешествие затевалось не зря.

Поначалу подъем оказался невероятно сложным. Тревис шел впереди, вырубая ступеньки ледорубом по мере необходимости, пользуясь каждой неровностью, каждой трещинкой во льду. Мы со Скилом буквально висели у него на хвосте. Тяжелые меховые одеяния сильно мешали нам, а от холода не спасали – он умудрялся забираться даже под них. Каждые несколько ярдов нам приходилось отдыхать, цепляясь за голый лед, будто какие—то мохнатые зверюги. На каком—то таком привале я посмотрел вниз и увидел Носката и Шана – они стояли возле крошечных отсюда саней и палаток и напряженно следили за нашим продвижением. Потом рельеф склона временно скрыл их от глаз: в нем образовалась ложбина, слегка облегчившая нам путь.

Теперь мы могли ясно различить круглое отверстие во льду у себя над головой – и даже понять, что оно

действительно достает до черного каменного тела горы. Это подстегнуло наш энтузиазм, мы припустили вверх. Ледоруб Тревиса бодро грохотал впереди, пока он не ухватился, наконец, за край грота, не влез, подтянувшись, внутрь и не втащил следом нас со Скилом.

Мы просто лежали там, на полу пещеры, едва переводя дух, когда пришел новый толчок, и земля затряслась – куда сильнее прежнего. Казалось, вся гора и ледяные поля вокруг так и заходили ходуном, а откуда – то снизу донесся могучий глухой рев. Мы не шевелились. Через мгновение все прекратилось.

– Боже ты мой! – воскликнут Тревис, когда мы встали. – Если бы это случилось мгновение назад, на склоне, худо бы нам пришлось.

– Чертовы толчки! – выразился я. – Если этот последний таки спугнул Носката и Шана, я совсем не удивлюсь.

Мы глянули вниз и увидели их на льду рядом с палатками. Оба стояли на коленях и делали отчаянные жесты в сторону нас и горы – видимо, умоляли вернуться.

Мы отрицательно затрясли головами, а Тревис красноречиво и нелицеприятно велел им оставаться, где стоят. Вроде бы они чуточку успокоились, и он снова повернулся к нам.

– Думаю, никуда они не денутся, – сказал Тревис. – Им страшнее возвращаться на корабль без нас, чем торчать тут. Но нам и самим хорошо бы не засиживаться наверху слишком долго.

Скил уже жадно таращился в глубину пещеры, в устье которой мы оказались.

– Вы только поглядите! – только и сумел выдавить он.

Мы поглядели и сами буквально остолбенели. Мы стояли в самом конце совершенно круглого тоннеля, убегавшего по прямой и слегка под уклон внутрь горного массива. Диаметра в нем было футов тридцать – и да, он оказался совершенно прямой, словно пробуренный гигантским сверлом. Лда в нем не было совсем, зато был устойчивый поток сквозняка. Мы быстро обследовали стены – потом

обследовали их еще раз, с нарастающим изумлением. Настоящий кошмар геолога! Порода была начисто лишена страт – просто гладкий черный камень, словно явившийся из самого сердца земли.

– Ну, мы с вами кое–что нашли, помяните мое слово! – воскликнул вне себя от возбуждения Тревис. – Это же довулканическая порода! Ни о чем таком геология до сих пор и слыхом не слыхивала!

– А это отверстие, этот ведущий в гору тоннель? – вмешался я. – Что могло его сформировать?

– Один бог знает, Лэндон! Но остальные отверстия в склонах горы просто обязаны представлять собой точно такие же тоннели. И все они наверняка ведут в какое–то центральное пространство или полость, судя по сквозняку, по крайней мере!

Тревис отцепил от пояса плоский металлический фонарик и посветил им в тоннель. Слабый, трепещущий лучик пробежал несколько сотен футов, но выхватил из тьмы только те же неизменно гладкие, черные каменные стены.

– Узнать, куда он ведет, мы сможем только одним способом, джентльмены, – молвил Тревис. – Идемте и посмотрим. Вы, двое, пошли!

И мы пошли вниз. Угол наклона оказался недостаточно велик, чтобы представлять для нас опасность, но пол, как и стены, отличался такой гладкостью, что идти было нелегко. Мы как раз сражались со скользкой поверхностью, когда пришел новый толчок; коридор закачался, буквально выдернув пол у нас из–под ног. Мы к тому времени были так взволнованы геологическими странностями тоннеля и всей горы вместе с ним, что на маленькое землетрясение уже не обратили никакого внимания. Мы шли вперед; луч Тревисова фонарика рыскал впереди, а круг белого света в устье пещеры отступал все дальше назад и вверх. На следующую судорогу, настигшую нас несколько мгновений спустя, нам уже было совершенно наплевать – как и на ту, что случилась непосредственно за ней.

Так мы шли, где—то с четверть часа и прошли, наверное, с полмили. Теперь туннель слегка изгибался, вместо того чтобы бежать прямо, как по линейке, однако, направление сохранял – вниз и к центру горы. Тряска и содрогания земли уже стали почти непрерывными. Стены тоннеля качались – не то, чтобы слишком сильно, но весьма заметно, а звук постоянного движения земных масс превратился в грозный монотонный гул и ворчание, поднимавшееся откуда—то снизу. Странность этого затяжного землетрясения поборола даже наше восторженное возбуждение, и мы встали посреди тоннельной дуги; Тревис быстро чиркал лучом света то назад, то вперед.

– Странная все—таки тряска! – воскликнул он. – Слишком постоянная. И к тому же, кажется, усиливается.

– По мне, так вся эта гора донельзя странная, – отозвался Скил. – Скажите, вы, парни, ничего особенного не почувствовали?

Мы так и усталились на него. Мы действительно кое—что чувствовали, и ощущение это постоянно нарастало – такое необычное, что ни Тревис, ни я не отважились о нем даже упомянуть. Это было ощущение осязаемой и могущественной силы, которая текла мимо нас и насквозь из самого сердца горы, и сила эта оказывала крайне непривычное воздействие на мою волю. Проще всего будет описать эффект так: чем дальше мы углублялись в туннель, тем больше над моей волей и личностью брала верх некая другая воля или сила, совершенно чужая и чуждая. Иными словами, я с каждым шагом становился все меньше Кларком Лэндоном и все больше, чем—то огромным и странным, чье сознание неуклонно вытесняло из меня лэндоновское.

– Да, я почувствовал, – сказал я Скилу. – Не знал, что и ты тоже. А ты, Тревис?

Тот озадаченно кивнул.

– Я тоже почувствовал. Там, внизу, должен быть источник радиоактивного или электромагнитного излучения;

чем ближе мы к нему подходим, тем сильнее он на нас действует.

– А землетрясение? – спросил Скил. – Стоит ли нам идти дальше, невзирая на него и на это, как ты говоришь, излучение?

– Да к черту ваше землетрясение! – раздраженно воскликнул Тревис. – Там, внутри горы, кроется что-то невиданное, потрясающее, и мы пойдем вперед, землетрясение там или нет!

– А ты что думаешь, Лэндон? – настаивал Скил.

Я с сомнением переводил взгляд с него на Тревиса и обратно.

– Ну, в конце концов, мы бывали и в худших передрыгах, – сказал я наконец. – И, думаю, Тревис совершенно прав, что там, в горе, спрятано нечто удивительное.

– Да я и сам так думаю, – заметил Скил. – Но эта тряска совершенно очевидно намекает, что шли бы мы с вами обратно!

– Ох, нет! Опять эта дребедень! – застонал Тревис. – Ты что, опять собираешься читать нам лекцию про земные мозги? Хватит с нас Носката!

– Нет, – возразил Скил. – Если вы идете дальше, я с вами.

– Так пойдемте же дальше! – подытожил я. – Мы все равно особенно далеко не зайдём, потому что решили не торчать тут слишком долго – помните?

И мы снова пошли. Туннель пологой дугой загибался вниз. Ветер все так же упорно дул мимо нас вдоль по коридору, и я невольно задумался, что же там, в конце, такое, и зачем ему все эти воздушные потоки, которые оно втягивает через выходящие на склоны горы туннели...

А толчки между тем стали еще сильнее; должно быть, уже вся гора гневно сотрясалась у нас под ногами. Мы двигались вперед, не перемолвившись по этому поводу ни словом. Ставить ноги прочно на скользкий и вдобавок качающийся пол становилось все труднее; нас периодически кидало об стену, иногда даже весьма чувствительно. Но мы все

равно шли; тайна, которую, несомненно, скрывала гора, влекла нас вперед.

Ибо неведомая сила, наступавшая на нас со всех сторон со всевозрастающей мощью, явно была неизвестна науке – и никому из цивилизованных людей. Ощущение натиска чьей–то колоссальной воли становилось все отчетливее, все неодолимее. Ты вообще можешь представить себе силу столько чудовищную, что одна только близость к ней уже чувствуется как вполне осязаемое давление, Моррис? Вот как раз это мы и переживали. Скил был очень серьезен; Тревиса, судя по всему, одолевали самые противоречивые эмоции. Опасливо, нерешительно, но мы все–таки продвигались вперед. Землю трясло уже совершенно немилосердно; стены туннеля ревели и содрагались. Но все происходящее было так странно, от осознания того, что некая гигантская, загадочная сила хочет нам воспрепятствовать, так мутилось в голове, что на подобные мелочи мы уже не обращали никакого внимания.

Заложив еще одну дугу по бегущему вниз туннелю, мы увидали вдали смутный, призрачный свет и услышали сквозь зубодробительный треск шевелящихся скал негромкий, равномерный гул. Будто куклы, ведомые какой–то посторонней волей, мы двинулись вперед, к этому свету. По мере приближения к нему натиск странной силы сверху усилился до такой степени, что почти пригнул нас к земле. Последний толчок едва не сбил нас с ног, но даже Скил, кажется, уже не возражал, ибо в это самое мгновение мы достигли источника этого мерцающего света и внезапно выбрались из темного туннеля в какое–то открытое, сияющее пространство. Где и замерли, остолбенев.

В тот же миг землетрясение полностью прекратилось, но мы этого факта совершенно не заметили – разве что бессознательно. Перед нами раскинулась обширная пещера, столь огромная, что должна бы, по идее, занимать всю гору целиком. Она имела с полмили в диаметре и была конической по форме.

Дюжина туннелей открывалась в нее. Пещеру заливал дрожащий, мерцающий свет, исходивший от... без сомнения, самого фантастического и грандиозного объекта, который только доводилось видеть человеку. Я даже сейчас не смогу описать тебе и одной десятой всего грозного великолепия этой штуки, покоившейся в самом центре этой конической пещеры, прямо на каменном полу; штуки, на которую теперь зачарованно таращились мы трое.

Попробуй представить себе огромное яйцо, состоящее из чистого света, футов ста высотой, стоящее на узком конце. Вот это мы тогда и увидели – колоссальный овоид из света или чистой энергии, возвышавшийся посреди пещеры и излучавший заливавшее ее сияние, а заодно боровшуюся с нами загадочную силу и низкий рокочущий гул, который мы слышали еще в туннеле.

Этот овоид был, казалось, всех цветов сразу. Они менялись с непредсказуемой быстротой, как на стремительно перематываемой киноплёнке. И эти летящие краски воспроизводили все цвета, какие только есть на земле. То он вдруг вспыхивал багрянцем вулканического жерла, истекающего жидким пламенем. То алый сменялся безмятежной синевой, какая бывает только у горных озер. Синева превращалась в теплый коричневый оттенок свежей борозды, а он, в свою очередь, – в зелень океанских глубин или желтизну весенних цветов.

Все это менялось, вращалось и плыло в гигантском яйце света – безостановочно, непрерывно. И подобно тому, как в этих цветах отражались все краски живой земли, так и в мягком гуле овоида сливались и перемешивались все естественные звуки природы: грохот лавин и медленно ползущих ледников и треск страдающего камня. То в нем слышался вой ураганов, то нежный шепот морских бризов; то лепет ручьев, то шорох дождя, то величавый хор бьющегося о землю прибоя.

От нижнего конца яйца отходили бесчисленные световые щупальца, углублявшиеся в скальное ложе пещеры – не

в отверстия, а прямо в сам камень, проникая сквозь него беспрепятственно, как... как свет сквозь стекло. Даже в том потрясенном состоянии мне подумалось, что эти световые тентакли, должно быть, неизмеримо длинны и отсюда, с обледенелой макушки мира, уходят в самую толщу земли, обнимая всю планету.

Пока мы со Скилом и Тревисом не могли оторвать глаз от этого сверхъестественного зрелища, из нижнего конца яйца выстрелило, формируясь буквально у нас на глазах, новое сияющее щупальце. Оно прочертило всю пещеру и обвилося вокруг нас. Хваткой этот мерцающий свет мог сравниться разве что с литой сталью; забрав нас, он вернулся к своему источнику.

Теперь между нами и яйцом были считанные футы. Что и говорить, странная вышла сцена: титаническая пещера, невероятный светящийся овоид посередине, мигающий разными красками, гудящий, размахивающий тентаклями – и сжимающий в безжалостном световом кулаке Тревиса, Скила и меня!

Эта светящаяся штукавина держала нас так, будто хотела рассмотреть поближе, и каким–то образом я без тени сомнений знал, что она нас действительно рассматривает, изучает и препарирует посредством каких–то таинственных, скрытых в этой массе света чувств, которые не имеют ни малейшего сходства с теми чувствами, которые знакомы нам, и оперируют на совершенно иных планах бытия. Воздействие ее неизмеримого разума, ее неодолимой воли было вполне осязаемым.

До моих ушей сквозь гул возвышающегося над нами яйца донесся тонкий, как комариный писк, голос Скила:

– Разум Земли! Эскимосы были правы – это сам земной разум!

– Разум Земли... – беззвучно, одними губами повторили мы с Тревисом, так пока и не выйдя из ступора.

Ибо каким–то образом мы уже знали, и знали с абсолютной точностью, что перед нами действительно мозг живой

земли, божественный разум, объемлющий все цвета и все звуки, какие только существуют в ее необъятном теле, и проникающий весь ее организм своими световыми щупальцами, будто нервными волокнами.

Да, эскимосы оказались правы. И этому обитающему в ледяной горе разуму было совершенно наплевать, как там по телу планеты ползали люди, пока они не подползали к нему слишком близко. Ибо воистину планета есть лишь тело для этого циклопического разума, и как микробы обитают на нас, даже не подозревая, что эта обширная неодушевленная масса – самое настоящее живое существо, так и мы живем на Земле, не имея ни малейшего понятия, что и она живет своей жизнью, настолько непостижимой для нас, что проще считать ее вовсе мертвой.

Люди веками поступали так – поколения и поколения крошечных паразитов – и вот теперь три микроба набрались самоубийственной смелости и заявили в эти сокровенные чертоги, презрев предупреждающие сотрясения земли; они проникли в святая святых, и теперь земля изловила их и изучала, решая, как поступить с ними далее.

– Эти световые тентакли! – пищал мне прямо в ухо Тревис. – Они наверняка идут от мозга земли и через всю планету, как мышцы!

– Да, теперь мы знаем, как получаются подземные толчки и землетрясения! – пропищал я в ответ.

А щупальца тем временем поднесли нас поближе к мозгу. Ты можешь себе такое вообразить? Да, световое яйцо держало нас щупальцем и изучало, как человек мог бы изучать троих крошечных насекомых, которых он на себе даже не замечал – пока они вконец не обнаглели.

И его сокрушительная воля никуда не делась – она все так же просвечивала нас насквозь, давила со всех сторон, частично узурпируя нашу волю и разум. Я был не просто Кларк Лэндон, но вдобавок еще и часть державшего меня земного разума. По странному, нечеловеческому выражению лиц Тревиса и Скила я знал, что и они испытывают то же самое.

Жалкие дела и мнения Кларка Лэндона мне были больше не интересны. Сознание мое перепрыгнуло от его мелких забот к вещам, бесконечно более масштабным. При этом каким—то фрагментом себя я понимал, что так поступил не я сам, а некое отражение или эхо земного разума, проникшего в меня.

Как мне описать свои чувства? Я словно бы действительно влился в это колоссальное сознание, думал его думы и воспринимал происходящее, как он. Мой разум обитал уже не в крошечном организме, состоящем из костей, коллоидных частиц и кровяных телец, но в огромном теле, наделенном совершенно иной, непривычной жизнью. Как будто мое тело – вся планета с ее каменным скелетом и кровотоком из жидкого огня, омывающего внутренности. И все бесчисленные множества обитающих на мне жизненных форм, водных и сухопутных, не имели для меня, занятого собственными великими делами, ни малейшего значения.

Я, земной разум, а вовсе не Кларк Лэндон, восседал ныне на своем престоле в расположенных на вершине мира палатах. Отсюда я осознавал все свое огромное тело с той же легкостью, с какой человек осознает свои руки и ноги – ибо в него проникали мои световые щупальца, проникали до самых дальних уголков, и при помощи их я мог совершать произвольные движения любой его частью.

Вот я пошевелил одним из этих могучих мускулов, и ответом стал страшный подземный толчок на другой стороне земли! Вот сократился другой, и где—то с гор сошла лавина! Обитающие на мне крошечные существа не вызывали у меня ни малейшего интереса – даже когда гибли тысячами от очередного телесного движения.

Ибо ни я, ни мое планетарное тело не пребывали в покое – мы непрерывно двигались! Мы неслись на немыслимой скорости сквозь бесконечное пространство, и в его далеких глубинах я сознавал присутствие других живых планет – кто—то был больше меня, кто—то меньше, но все – живые,

той же исполинской жизнью, что и я, и каждая – со своим собственным великим разумом.

О да – и от этих планет через пустоту ко мне приходили послания. Природу подобной коммуникации я, Кларк Лэндон, даже отдаленно представить себе не мог, но она была постоянной и непрерывной – фантастический разговор одной живой планеты с другой через просторы космоса, обмен мыслями, намерениями...

Потому что в том, как я и прочие могучие разумы несли свои тела через вселенную, было совершенно определенное намерение. Мы двигались не случайно, не наобум, но осознанно, преднамеренно, вместе с немыслимой четкостью следуя какому-то общему замыслу, некоему геометрическому танцу живых планетарных сущностей сквозь мировое пространство.

И вот так, причащаясь до некоторой степени этим надчеловеческим смыслам и целям планетарного разума, я ощущал и его отношение к самому себе, к Кларку Лэндону, а с ним к Тревису и Скилу – беспомощным, взятым в плен созданием ужасным и таинственным сверх всякой меры. Я был тем, кого изучали, – и тем, кто изучал.

А все дело в том, что этого изучающего никогда ни в малейшей степени не заботили микроскопические обитатели его кожи – за исключением тех редких случаев, когда они неосторожно приближались к вместилищу его сознания. Тогда он просто стряхивал их, отгонял, шевеля той или иной частью тела.

Но вот нашлись эти трое, которых не вышло стряхнуть; которые с безмозглой дерзостью проникли в его жилище, куда до сих пор не было доступа никому. И вот он – то есть я – так удивился их неожиданной и беспримерной наглости, что поймал их живыми и теперь рассматривал. Вот до такой степени мне, Кларку Лэндону, удалось понять его мысли. А еще мне удалось – пока мы с Тревисом и Скилом тщетно извивались в неодолимой хватке светового щупальца – ощутить желание земного разума поближе познакомиться с

одним из нас. Поэтому я не удивился, когда новое щупальце выстрелило из основания яйца и, взяв, Скила, подняло его в воздух, поближе, оставив меня и Тревиса плененными на полу. Перестав бороться, мы в каком-то оцепенении наблюдали полет Скила к сияющему яйцу. Его свет, кажется, пронзал нашего друга насквозь, пока щупальце поворачивало его так и эдак, словно беспомощную куклу.

Я знал, что Скила пристально изучают, потому что любопытная раздвоенность ума, благодаря которой я был сразу и Кларком Лэндоном, и земным разумом, все еще сохранялась. Я смотрел на моего товарища снизу, и я же с небрежным любопытством разглядывал мельчайшее существо, поднеся его поближе к глазам. И это я, земной разум, вытянул еще одно световое щупальце, чтобы схватить этот крошечный кусочек жизни.

А потом в алой вспышке ужаса я вдруг перестал быть земным разумом, и остался только Кларком Лэндоном, который истошно орал хором с Тревисом и бессильно махал на светящееся яйцо ручонками – потому что эти два щупальца только что мимоходом разорвали тело Скила пополам!

Щупальца держали два красных комка рваной плоти и костей, а царственный овоид изучал их с тем же спокойствием и бесстрашием, с каким человек мог разорвать какое-нибудь насекомое и потом рассматривать его внутреннюю структуру.

– Скил! – яростно кричал Тревис, перекрывая непрерывный мягкий гул. – Этот монстр убил Скила!

– Он его препарирует! – вторил я. – Я убью проклятую тварь! Я ее убью!

Я отчаянно заизвивался, пытаюсь дотянуться до пистолета у себя на поясе, но щупальце держало нас с Тревисом так крепко, что мне не удалось двинуть рукой ни на дюйм.

Земной разум между тем продолжал разглядывать разорванное тело нашего друга. Краски все так же менялись и плыли внутри него; звуки все так же слитно гудели; могучая воля осязаемо затопляла нас, даря странное ощущение

единства с этой чудовищной сущностью. Однако даже это неодолимое присутствие теперь затмевалось во мне неистовым гневом – нашего давнего товарища только что безжалостно убили прямо у нас на глазах! Тревис и я пищали в адрес овоида самые жуткие угрозы; разумеется, он обращал на нас не больше внимания, чем человек – на грозно шевелящего усиками муравья у себя под ногой. А потом он разорвал останки Скила еще на несколько кусочков. Порассматривав их еще пару секунд, он бросил их на пол, и те же два щупальца прынули к нам с Тревисом.

Первым они схватили Тревиса и поднесли его поближе к боку яйца, туда, где совсем недавно болтался Скил. Еще одно щупальце продолжало удерживать меня на полу. Однако пока те два занимались Тревисом, хватка моего несколько ослабла, и тут–то мне удалось вытащить из–за

пояса пистолет. И пока тварь занималась Тревисом, я прицелился и выпустил несколько пуль вверх, прямо в световое тело овоида.

Это было сделано исключительно в помрачении ярости, так как, разумеется, я не питал никакой осознанной надежды хоть как-то повредить этой форме, состоящей из чистой энергии, или заключенному в ней разуму. Но даже бессознательно я не ожидал настолько катастрофической реакции, последовавшей сразу за тем, как пули проникли в него.

Разум земли полыхнул сплошным чистым багрянцем адских топок и холокоста, краснотой сверхчеловеческого, космического гнева. Колоссальная ярость вырвалась из него волной разрушительной силы и когда она прокатилась через мой разум, я понял, что только что совершил величайший мыслимый грех против вселенной – напал на мозг живого планетарного тела, на котором обитали я сам и вся моя микроскопическая раса!

Все исполинские световые щупальца овоида заплясали по пещере в диких конвульсиях неуголимого гнева. Тревиса швырнуло об стену и размазало в красную жижу силой удара. Меня бросили не слабее, но я угодил, к счастью, не в стену, а напрямик в устье тоннеля, по которому мы пришли. Вся земля, в которую уходили извивающиеся щупальца обезумевшего от злобы разума, затряслась и заходила ходуном, издавая грохочущий рев. Я, шатаясь, поднялся на ноги. Пещера, тоннель и вообще вся гора качались подо мной, как жухлый лист на ветке, который треплет ноябрьский ветер. Мозг, казалось, на мгновение забыл про меня, и занимался тем, что сотрясал весь полярный регион! Воспользовавшись моментом, я развернулся и кинулся в тоннель, подальше от этого устрашающего зрелища – слепой, нерассуждающий ужас гнал меня вперед по коридору, который то и дело подбрасывал меня в воздух и ударял об стены. Я знал, что как только приступ ярости у мозга пройдет, он вспомнит обо мне, и тогда его возмездие неминуемо обрушится на меня.

Не могу сказать, сколько времени я пробирався наверх по тоннелю, то падая, сбитый с ног неистовыми содроганиями горы, то вновь с трудом поднимаясь на ноги, то карабкаясь на четвереньках. Помню только скрежет и вой камня вокруг, камня, готового раздавить меня с каждым новым подземным толчком. Белое пятно света впереди показалось как раз в то мгновение, когда первая волна толчков пошла на спад – видимо, ярость земного разума начала стихать.

Я бросился вперед с удвоенной силой и выскочил из устья тоннеля на склон горы. Внизу и докуда хватало глаз, простиралась сверкающая ледяная равнина – но теперь она была смята и вздыблена, словно волны могучего моря, исторгнув из себя настоящие горные хребты и кряжи, свидетельствующие о силе недавнего землетрясения.

Я начал поспешно спускаться по склону, следуя вырубленной нами с Тревисом и Скилом тропинке. Сверху раздался грохот, и водопад льда и камня обрушился на меня. К счастью, я успел растянуться под каменным козырьком, и лавина прошла в основном мимо и поверх. Земной разум явно все вспомнил, отыскал меня на своем теле и теперь намеревался убить.

Пока я лез вниз по склону, он предпринял еще три попытки. Еще два оползня прошли в опасной близости от меня, и один раз потрянуло всю гору, от подножья до макушки, – еще немного и меня бы сбросило со склона. Боже, что это был за кошмар – скользить вниз по склону, пытаясь не сорваться, когда сама земля вознамерилась тебя уничтожить!

До сих пор не знаю, как мне удалось добраться донизу живым, пусть даже изрядно пораненным и оглушенным от ужаса. На месте нашего лагеря оказался один только Носкат, а с ним одни сани и три собаки. Шан со вторыми санями и упряжкой пал жертвой движущихся льдов. Носкат кинулся ко мне, лепеча что-то о мести земного разума, о сильном толчке, погубившем Шана и сотрясшем всю землю вокруг горы. Я сурово оборвал эти излияния, и мы помчались с ним

на юг через льды, прочь от злополучной горы. Не прошло и двух часов, как новый могучий толчок расколол лед, по которому мы ехали. Прямо перед нами возникла расселина, в которую мы чуть не свалились.

Носкат кричал, что мы умрем, что мы оскорбили разум земли, и что куда бы мы теперь ни пошли, он об этом узнает и будет стараться нас убить. Но я несея вперед, подгоняемый безумным желанием как можно скорее оказаться подалеже от ледяной твердыни, скрывавшей этот чудовищный мозг.

Следующая неделя пролетела незаметно в белом ледяном аду: мы летели на юг; гнев земли следовал за нами буквально по пятам. Девять раз нам угрожали землетрясения дьявольской силы, внезапно преграждая путь трещинами во льду или движущимися прямо по суше айсбергами, подбрасывая нас в воздух внезапными толчками. Как мы выжили – мне теперь даже трудно представить. Но ужас гнал нас вперед – ужас не перед землетрясениями даже, а перед тем, кто был им причиной.

Не раз за эту неделю мне приходило в голову, что Тревису и Скилу еще очень повезло: их просто убили на месте. А за мной теперь без устали гнался чуждый, нечеловеческий, неутомимый, убийственный разум! Но я все равно бежал и не имел ни малейшего желания останавливаться. Ближе к концу недели Носкат выбился из сил. С ним в санях, умирающим и бормочущим какую-то невнятицу о мозге земли, я продолжал пробиваться на юг и, в конце концов, достиг корабля.

Команде, возбужденно обсуждавшей ужасный катаклизм, едва не погубивший судно и, кажется, имевший эпицентром ту самую точку на карте, куда отправились мы с Тревисом и Скилом, я, разумеется, солгал. Я сообщил, что у нас произошло невероятной силы землетрясение, унесшее жизни обоих американцев и одного эскимоса. Носкат умер, не приходя в сознание, так что опровергнуть меня было

решительно некому. Как бы там ни было, корабль двинулся на юг.

Я молился, чтобы земной разум оставил преследование, но в глубине души все же боялся – о, как я боялся! И страх мой, конечно же, оправдался, ибо когда мы проходили неподалеку от Гриннеловой Земли, там случился обвал ледника, и огромная ледяная гора разминулась с нами буквально на несколько футов. Еще пару дней спустя подводный толчок едва нас не потопил. Матросы толковали о неустойчивой тектонической обстановке, объяснявшейся изначальным полярным землетрясением, но я—то знал правду: мои молитвы остались без ответа – земной разум не даст мне уйти живым. Вскоре мы добрались до Галифакса, где я убедился, что он не остановится даже перед тем, чтобы стереть с лица земли весь человеческий род, лишь бы добраться до дерзкого, осмелившегося на него напасть: землетрясение уничтожило половину города и убило многие тысячи его жителей. Мне снова удалось ускользнуть – чисто по счастливой случайности: когда начались толчки, я был в парке, на открытой местности.

Ученые в газетах утверждали, подобно морякам, что мощный полярный толчок что—то там нарушил во внутренней структуре земли, что и повлекло за собой серию землетрясений. Увы, я отдавал себе отчет, как далеки они от истины. Эти шевеления земли имели единственную цель – убить меня. Я бежал из Галифакса. Казалось, его погибшее население тычет в меня мертвыми пальцами – в того, кто навлек на них эту страшную, безвинную участь. Я нанял яхту и поплыл в Норвегию, где в день моего прибытия случилось землетрясение, причинившее немалый вред. К тому времени я уже старался держаться подальше от зданий и даже ночевал исключительно на свежем воздухе. Из Норвегии я кинулся в Россию. Ее постигла серия из трех опустошительных землетрясений, и третье меня практически достало, несмотря на все предосторожности. В Египте дело обернулось еще хуже. Моего присутствия в Александрии

хватило для подземного толчка и цунами, погубивших новые невинные тысячи. Я устремился на север, в Италию, на которую тут же обрушились беспрецедентные землетрясения и оползни, продолжавшиеся все время моего пребывания. Я полетел в Англию – землетрясения достали меня даже там.

Я понимал, что рано или поздно, несмотря на все мои старания держаться подальше от способных обрушиться зданий, а также от гор и холмов, с которых может сойти лавина, земной разум все равно найдет меня. Но я бежал, я пытался спастись – и сел на корабль домой. Сегодня днем я прибыл в Нью-Йорк, и ты сам видел, Моррис, что случилось дальше.

Я еще и пары часов не провел на этой земле, а она уже задрожала. Да, для местных жителей это была всего лишь дрожь, зато для меня – предупреждение. Предупреждение о том, что враг знает, где я, и все еще хочет забрать мою жизнь. Да, он все еще следует за мной с самыми убийственными намерениями, и именно поэтому, Моррис, я не осмелюсь остаться здесь. Если я это сделаю, придет новое землетрясение или приливная волна – снова пострадают люди! Тысячи, Моррис, если не десятки тысяч! На мне и так уже кровь бесчисленных жертв, я не хочу, чтобы из-за меня погибли новые толпы. Так что мне придется бежать, придется уехать, пока я не навлек на этот город ужасную участь его предшественников.

Вот какую историю Кларк Лэндон поведал мне в моей нью-йоркской квартире. Несколько часов спустя он уехал. А что я мог ему сказать? Мы расстались на вокзале – он сел на поезд в Новый Орлеан. Я больше никогда его не видел, но пристально следил за его дальнейшими перемещениями – до самого конца. Дальше я привожу для вас краткий их пересказ.

Поезд сошел с рельс за пару сотен миль до места назначения из-за внезапного подземного толчка. Судя по приведенным в газетах спискам пострадавших (с десятков человек

погибло, гораздо больше получили ранения), Лэндону удалось спастись. Еще несколько толчков разной силы настигли его в Новом Орлеане, но все тут же прекратилось, стоило ему отплыть в Мексику.

Через десять дней жуткое землетрясение разрушило Тегульчипан, что в северной части страны, а с ним близлежащие деревни Каузо и Сантлионе. Пресса сообщила о пятидесяти жертвах и о спасении американца по имени Кларк Лэндон.

Далее он двинулся на юг. Серия более или менее непрерывных землетрясений следовала за ним. В Прогресо (Юкатан) двойной толчок не оставил от города камня на камне и унес жизни трех четвертей населения. И снова газеты сообщили, что Лэндон чудом спасся и проследовал в Гватемалу.

Там и наступил конец. В самый день его прибытия произошло землетрясение невероятной силы. Радио и телевидение кричали о внезапности и беспрецедентной мощи толчков и о многочисленных открывшихся в земной поверхности трещинах. А еще о странном самоубийстве некоего американца (как потом выяснилось, его фамилия была Лэндон). По показаниям очевидцев, он выбежал на улицу, вдоль которой расселась земля, и что-то прокричал, как будто умоляя кого-то прекратить мучить людей. Толчки вместо того, чтобы уняться, с каждой секундой становились все ужаснее; Лэндон снова закричал – на сей раз о том, что он сдается, что не надо больше опустошать землю – подбежал к ближайшей пропасти и кинулся туда. Те же самые очевидцы утверждали, что сразу же после этого трещина закрылась.

Со смертью Лэндона землетрясение почти сразу же прекратилось, толчки стихли. Хотя несколько зданий серьезно пострадало и побилось много стекол, жертв не было, так что у Гватемалы оказался серьезный повод для радости. Только после первых сенсационных статей о внезапном прекращении землетрясений по всей земле люди обратили внимание

на такую мелкую деталь, как странное самоубийство Лэндона.

Гватемала действительно оказалась последней в цепочке жутких катастроф, почти два года опустошавших планету. Нет, конечно, у нас и после нее были незначительные тектонические возмущения то там, то сям – но ничего похожего на ту необъяснимую цепочку катаклизмов, начавшихся на Северном полюсе и прокатившихся по обоим полушариям.

Вот и вся история, и я не намерен даже пытаться ее объяснить – и не ждите. Потому что закончиться она должна не ответами, а вопросами – вопросами, ответить на которые может только сама природа. Ну, или невероятная сказка, которую рассказал мне тем нью-йоркским утром Кларк Лэндон.

Можно ли считать ее буквальной правдой? Действительно ли Лэндон, Тревис и Скил проникли в ту ледяную гору на самой макушке мира и нашли там средоточие разума нашей планеты, телом, котором служит вся Земля? Возможно ли, чтобы страшные землетрясения терзали ее в течение двух лет только потому, что Лэндон напал на этот самый земной разум? То, что землетрясения преследовали Лэндона, в точности соответствуя его маршрутам – неоспоримый факт. Было ли это такое причудливое совпадение или осознанные телодвижения Земли, посредством которых ее сознание пыталось свести счеты с Лэндоном, непонятно, и мнений на этот счет может быть много.

Что же до того, последнего землетрясения в Гватемале, когда Лэндон призвал разум земли прекратить геноцид и бросился в разверзшуюся пропасть... Сам он, несомненно, считал, что послужил причиной бесчисленных смертей и разрушения ни в чем не повинных городов – только потому, что продолжал жить, а значит, остановить побоище и удовлетворить жажду мести может, лишь пожертвовав собой. И снова неоспоримый факт заключается в том, что как только Лэндон бросился в ту расселину, землетрясения прекратились – не только в Гватемале, но и по всей земле. Было ли

это просто—напросто еще одно совпадение? Или самопожертвование американского ученого было не напрасным?

Именно такими вопросами – а вовсе не ответами на них – эта история и должна закончиться. Кто знает, действительно ли где—то в пещере на крайнем севере пребывает яйцо живого света, которое Лэндон окрестил земным разумом, и действительно ли мы, искренне считающие себя властелинами мира, суть всего лишь колония микроскопических паразитов, обитающих на живом теле планеты... возможно, мы никогда не сумеем ответить на этот вопрос, и так, наверное, будет лучше – для всех.

НЕСБЫВШЕЕСЯ

Клыками клятыми Несбывшееся точит Души негодный
монумент. Боддлер ¹²

1

Грэхем даже не мечтал о том, что отопрёт дверь в бесчисленные неизвестные миры.

Возможности, которые открывал эксперимент, он осознал не сразу — Грэхем не принадлежал к учёным, жаждущим сенсаций. Он был терпеливым психологом и изучал влияние определённой разновидности слабых электромагнитных вибраций на сознание.

Седеющий, усталый, сутулый мужчина сорока лет, он месяцами подвергал животных воздействию своего луча. И однажды вдруг понял, какой необычайный потенциал таит в себе этот луч.

Грэхем сказал Харкеру, молодому физиологу, своему лучшему другу из Нью-Йоркского фонда научных исследований:

— При помощи этого луча я мог бы войти в другой мир!

Харкер с недоумением, но пристально изучал собранный Грэхемом аппарат — неуклюжую штуковину, чуть напоминающую поисковый прожектор с кварцевой линзой.

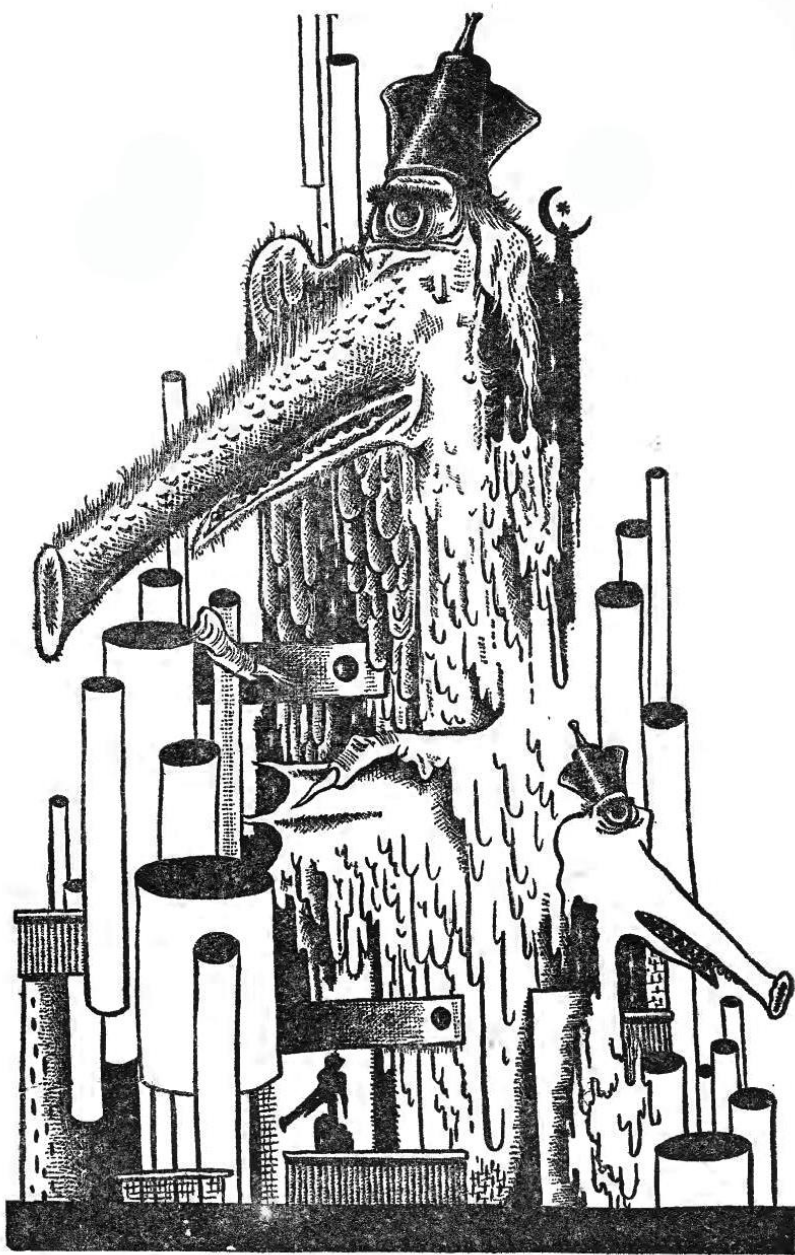
— В другой мир? Не понимаю. Я так понял, ты говорил о том, что луч просто выталкивает сознание животного из его тела — каким-то образом.

Грэхем кивнул.

— Именно так. Сознание, как ты знаешь, нематериально.

Это сплетение электрических токов, некий электрический узор, который обитает в мозге, но может быть

¹² Строки из стихотворения Шарля Бодлера *L'Inferable* (в переводе А. Эфрон - «Непоправимое») из сборника «Цветы зла».

выдворен оттуда, если воздействовать на него должным образом... Что и делает мой луч. Он выбивает этот электрический узор за пределы мозга, и за пределы трёхмерной вселенной — тоже. Харкер, я уверен, что он выталкивает сознание на одну из других Земель!

Коллега бросил на него совсем уже недоумённый взгляд.

— Другие Земли? О чём ты?

Грэхем объяснил:

— Это базовая теория современной физики: наша Земля — лишь одна из бесчисленных возможных, несбывшихся Земель... Вообрази: метеорит уничтожил на юной Земле первую амёбу. Сегодня в нашем мире не было бы жизни. Вообрази, что Чингиз — хан покорил Европу. Сегодня Европа была бы монгольским континентом... Таковы параллельные миры. Современная физика утверждает, что все эти Земли существуют так же, как существует наша Земля, что всё это — разные ответвления дороги Времени, отделённые от нашего мира внепространственной бездной... Материя не может попасть из одного ответвления в другое, с нашей Земли — на параллельную. Но сознание — не материя. Сознание можно перенести через бездну на какую-нибудь несбывшуюся Землю, если приложить правильную силу. Мой луч, я уверен, делает с сознаниями подопытных животных именно это.

Харкер смотрел на него с недоверием.

— И сознание животного возвращается потом в его тело?

Грэхем кивнул.

— Возвращается, как только вытолкнувший его луч исчезает.

Коллега покачал головой.

— Фантастическая теория! И доказать её невозможно.

— Если в эти несбывшиеся миры перенести сознание человека, — сказал Грэхем задумчиво, — он вспомнит о том, что с ним произошло.

Харкер засмеялся.

— Скажешь тоже! Кто в здравом уме позволит проделать с собой что-то подобное?

— Неужто мир образца 1948 года столь беспечален, — воскликнул Грэхем с горечью в голосе, — что никто не захочет его покинуть?

Этот вопрос терзал его до вечера, когда он наконец запер лабораторию и вышел в морозную зимнюю ночь.

Лязг и дребезг Нью-Йорка, орды усталых, жалких, бодрящихся людей, спешащих домой в холодных ветреных сумерках, небоскрёбы, призрачными замками проступающие во мгле, — всё это как никогда раньше наводило на Грэхема уныние.

Когда он переступил порог дома, крохотная квартирка была темна — такой она встречала его восемь долгих лет. Грэхем уныло протащился по сиротливой комнате и зажёл лампу.

Он просидел в маленькой луже света несколько часов, размышляя об удивительных перспективах своего открытия.

Его мысли снова и снова возвращались к тому, что он сказал Харкеру о возможностях луча.

«Если в эти несбывшиеся миры перенести сознание человека...»

Почему бы тебе не сделать это самому? Не перенестись через пропасть в несбывшиеся миры?

Он был уверен, что у него получится. Луч сделает с ним то же, что делал с животными: вытолкнет его сознание на параллельную Землю.

Почему бы и нет? Разве этот мир, эта Земля настолько к нему добра, что он должен бояться её покинуть?

Грэхем поднял глаза на фотографию, смотревшую на него из полумрака поверх лампы, и сердце зашлось старой болью. В другом мире, на другой Земле Эдит не умерла... или же он её не повстречал, не полюбил, не потерял — и не обречён на серое одиночество до конца своих дней.

Разве боль его жизни — исключение? Он знал, что это не так. Его знакомые по большей части, как говорил Торо, прозябали в тихом отчаянии*, освещаемом лишь редкими золотыми моментами счастья.

Кто не предпочёл бы параллельную Землю этому миру 1948 года? Миру, где миллионы медленно умирают от голода и равнодушия; где большинство пассивно, истощено и обозлено; где на горизонте маячит самая последняя, самая разрушительная война.

Разве любая из множества несбывшихся Земель не лучше измождённого, изборождённого войнами мира, в котором счастливы единицы — и который бездумно шагает к заключительной катастрофе?

Подойдя к окну, Грэхем взглянул на частокол небоскрёбов, словно сбившихся в кучу под покровом гнетущей зимней ночи.

Новое, внезапное волнение пело в его крови, вином растекаясь по жилам.

«Ведь я могу оставить этот мир, уйти в другие миры, на несбывшиеся Земли, где всего этого никогда не было!»

Теперь он знал, что сделает это.

На следующее утро он шёл по лабиринту улиц к лаборатории — и смотрел на Нью-Йорк, как заключённый смотрит на тюрьму, которую вот-вот покинет.

Но когда Грэхем подготавливал излучатель, чтобы испытать луч на самом себе, осторожность вновь умерила его возбуждение.

Он не мог рассчитать, на какую именно несбывшуюся Землю луч вытолкнет его сознание. Расчёты показывали, что сознание окажется в теле несбывшегося Грэхема с другой Земли, но какой она будет — он предсказать не мог.

Грэхем решил, что сначала попытает счастья в нескольких параллельных мирах. Он снабдил излучатель автоматическим регулятором, чтобы тот каждые несколько часов увеличивал мощность луча, а потом и вовсе отключил прибор.

Если теория Грэхема верна, всякий раз с увеличением мощности луча сознание будет переноситься через пропасть в следующий параллельный мир. А когда аппарат отключится, сознание вернётся на эту Землю, в свой разум и своё тело.

Только тогда он решит, в котором из других миров хочет найти постоянное пристанище — и по меньшей мере его сознание сможет вернуться и остаться там навсегда. Потребуется новые расчёты и переделка аппарата, но всё это осуществимо.

Была ночь, когда Грэхем кончил прилаживать автоматический регулятор. Он сел и всмотрелся в кварцевую линзу неуклюжей машины, которая миг спустя швырнёт его сознание через пропасть в несбывшееся.

Момент настал, и автоматический регулятор повернулся. Щёлк!

2

Миг переноса был оглушающим; потом Грэхем обнаружил себя в другом теле.

Он не владел этим телом и не контролировал его. Оно принадлежало другому человеку, а Грэхем был лишь странным гостем в его мозгу. Ему были доступны ощущения и воспоминания владельца тела, а тот о присутствии Грэхема даже не догадывался.

Грэхем сразу понял, что другого тоже зовут Грэхемом.

Он осознал, что расчёты оказались верны: сознание перенеслось через пропасть на несбывшуюся Землю на другой временной ветке и там проникло в тело несбывшегося Грэхема.

Другой Грэхем шёл в это время по тёмному, мрачному зимнему лесу. На Грэхеме была одежда из кожи и шерсти, на его поясе висел длинный меч, за рукоять которого он то

и дело брался. Он знал, что с каждым шагом погружается глубже в пучину опасности.

— И всё—таки здорово, что я вернулся, — пробормотал он себе под нос.

Как давно он покинул Дальнюю Англию? Шёл год 1948—й. Десять лет минуло с той поры, как он бежал, преследуемый судьбой...

— Всё это время я знал, что однажды вернусь, — прошептал он.

Десять лет! Он был странствующим наёмником и продавал свой меч всякому, кто готов был его купить, — и холодным королевствам викингов на севере, и португальской империи рабовладельцев на южном континенте.

За эти годы он постарел. Не столько внешне — время лишь добавило стали его взгляду и деснице. Однако Грэхем уже не был горячим юнцом двадцати девяти лет от роду, который некогда скакал по этим самым лесам, уходя от гибельной погони герцогских дружинников.

Или, может, в закалённом теле солдата жил всё тот же молодой олух? Видимо, так — иначе он не рисковал бы сейчас головой.

чтобы взглянуть на жену, которая наверняка его позабыла. Эдит вряд ли захочет его видеть, она может испугаться за себя и детей.

— Но она не вышла замуж снова, — сказал себе Грэхем. — За эти десять лет она не вышла замуж!

Об этом ему поведала служанка, с которой он тайно передал Эдит письмо.

Где—то на севере тёмную безлистную чащу вспорол волчий вой. Грэхем обернулся и прислушался.

«Их тут мало, — подумал он. — Слишком уж много стало в округе замков и городов».

Когда Грэхем это подумал, первый Грэхем, остававшийся наблюдателем в чужом мозгу, впитал его память и знания — и осознал, насколько эта несбывшаяся Земля на другой временной ветке отличается от его мира.

История этой Земли была другой: здесь не было Возрождения, и Европа не пробудилась внезапно от судорожной жизни и мышления Средних веков. Из-за этого пробела прогресс здесь шёл бесконечно медленнее.

Компас и современные парусные суда появились тут лишь в XVIII веке. Только в 1810 году первые английские корабли основали колонию на материке, который именовали не Америкой, а Винландом — так называли его норвежские первооткрыватели.

Как здесь, в Дальней Англии, так и на старом континенте владычествовала статичная средневековость. Сохранявшаяся феодальная тирания душила любые новшества. Десять лет назад Грэхем вынужден был бежать, оттого что нарушил железные лесные законы.

«Будто это дело — вешать человека за охоту на герцогских оленей!» — с горечью думал он.

Грэхем взошёл на небольшой холм и с северных высот посмотрел вниз, на остров и огни Нового Йорка.

Город располагался на месте Нью-Йорка, но был совсем другим. Он имел средневековый вид: хитросплетение каменных мостовых, стен, крыш, над которыми возвышался массивный замок герцога Кларенса, генерал-губернатора Дальней Англии.

Обнесённый стеной город помещался на краешке острова, севернее тянулись земли сельских общин. Ещё дальше начинался тёмный лес, на опушке которого стоял Грэхем.

Он зашагал веселее, когда увидел с опушки гигантские ветки огромного клёна.

Клён остался прежним. Точно таким же, каким был, когда они с Эдит — пара влюблённых — тайно встречались под его ветвями. Она приходила сюда из города и ждала его — стройного, в черной накидке...

Она ждёт его и сейчас!

Едва завидев её, Грэхем понял, что в глубине души никогда не сомневался: Эдит ответит на его письмо — и придёт.

Десять лет боли и страданий соскользнули с его разума, как изношенная одежда; он подошёл к жене и обнял её.

— Эдит! Эдит!

Она была бледна, в тёмных глазах стояли слёзы.

— Ты не должен был возвращаться! Здесь слишком опасно! Ты по—прежнему вне закона и...

— Она права, Грэхем, возвращаться не следовало!

Скрипучий голос из тьмы заставил Грэхема обернуться. Его

меч выпрыгнул из ножен.

Он сразу узнал грузного человека в кольчуге, вышедшего из тени большой сосны. Этот человек преследовал его десять лет назад — Фрэнсис Кварл, первая ищейка герцога.

Огромное лицо Кварла перекосилось от зловещей ухмылки. И когда Грэхем увидел тёмных всадников, выезжающих из—за деревьев, он ощутил озноб: стало ясно, что ускользнуть не удастся.

Грэхем поднял меч и спросил сквозь зубы:

— Полагаю, меня выдала служанка, с которой я передал записку?

— Она почуяла наживу и сначала пошла ко мне, — кивнул Кварл самодовольно. — Герцог будет доволен. Все увидят, что мы делаем с преступниками.

Эдит издала сдавленный вопль; Грэхем яростно оттолкнул её, когда дружинники ринулись в атаку.

Отступив к гигантскому клёну, он прижался к нему спиной; его клинок обрушился на их стремительные мечи.

Он нанёс три коротких, беспощадных удара. После первых двух сморщенный вояка упал на колени и схватился за живот, третий пришёлся на шею нескладного юноши.

— Всем отойти! — заорал Кварл басом, хладнокровно нацеливая на Грэхема тяжеловесную трубу.

Грэхем узнал пороховой огнестрел — громоздкое кремнёвое ружьё; они появились недавно, но использовались, он слышал, всё чаще.

Ружьё изрыгнуло огонь, и тяжёлая пуля вонзилась в правое плечо.

Он попробовал переложить меч в левую руку, но тщетно. На него навалились всей гурьбой.

Эдит завопила, когда один из солдат дёрнул голову Грэхема за волосы и вытащил кинжал.

— Не здесь, идиоты! — проревел Кварл. — Герцог захочет повесить его как полагается!

Грэхема умело и крепко связали, и понесли прочь. Оглянувшись, он увидел Эдит — она рыдала, съёжившись на земле.

Поимка и обещание смерти вогнали Грэхема в ступор, но одна обманутая надежда продолжала давить на сердце.

Он так и не увидел детей. Эдит не решилась привести их с собой, и теперь ему не суждено...

Грэхема несли по узким булыжным мостовым. Новый Иорк не радовал разнообразием. Вездесущая тьма с редкими тусклыми огнями, одинаковые дома с вычурными эрке-рами, одни и те же грязные конуры.

Он помнил время, когда замок герцога был для него величайшим творением зодчих. Он помнил, как с благоговением юнца глядел на тёмную лестницу, что вела вниз, в подземелья; на лестницу, по которой волокли сейчас его самого.

Он сидел в холодной каменной темнице, куда его бросили, и баюкал пульсирующую болью руку. Он размышлял и вспоминал, зная, что ни мысли, ни память не проживут долго.

Дверь открылась, и вошёл священник. Грэхем узнал товарища по детским играм, прилежного и робкого Эрика.

— Меня послал к тебе капитан Кварл, — сказал Эрик неуверенно. — Чтобы я помог тебе прийти к миру с собой прежде, чем...

Он замер, и Грэхем кивнул.

— Значит, меня вот-вот повесят? Хоть бы предупредили.

Внезапным потоком раскалённой лавы его душу затопил гнев.

— Я кончу свои дни на верёвке — но за что? За пару оленей, убитых десять лет назад! Какой в этом смысл? Разве это справедливость?..

— Ни смысла, ни справедливости, — протянул Эрик. — Но в таком уж мире мы живём.

— Клянусь богом, я хотел бы, чтоб этот мир был другим! — гремел Грэхем.

— Наш мир мог бы быть другим, — задумчиво сказал Эрик, — если бы другой была его история. Всех феодалов и тиранов, тормозящих развитие науки, давно не было бы, если бы воплотились мечты Роджера Бэкона... Бэкон жил несколько веков назад, он был фантазёром и пророчествовал о том, что однажды мудрость человека и его наука подчинят природу, укротят молнии, и люди полетят по воздуху, а работу будут выполнять машины. Он верил в то, что это случится... но этого не случилось.

Грэхем бросил на Эрика свирепый взгляд.

— Да уж, если бы его пророчества сбылись, Земля была бы совсем другой! Подумать только — люди, овладей они наукой, могли бы жить без боли и страха!

Его плечи поникли.

— Это мир несбывшегося. А мы... мы должны жить там, где живём.

Они молча сидели рядом, пока сквозь прутья решётки в камеру не просочилась заря. Послышался грубый топот приближающихся сапог.

Грэхем со связанными за спиной руками — правая, раздробленная, болела просто кошмарно — молча поднялся на внутренний двор замка, где Кварл и его палач безмятежно ждали у герцогского эшафота.

Небольшая толпа подвижных любопытством и сочувствием горожан собралась, чтобы посмотреть, как вершится возмездие герцога. Грэхем услышал, как кто-то выкрикнул его имя, и узнал голос Эдита.

Он нашёл её смертельно бледное лицо в толпе. Рядом стоял высокий испуганный мальчик четырнадцати лет; его

брат и сестра чуть помладше прижались к Эдит с другого бока.

Он знал. Он знал, что Эдит придёт, чтобы он увидел детей перед смертью.

Грэхем посмотрел на них, и его горло сжалось. Он слышал, как Кварл отдаёт приказы, но словно бы издаেকে. Петля скользнула на его шею почти неощутимо.

Он смотрел на детей и улыбался. Они увидят, что отец умирает как мужчина. Большого он дать им не мог.

Кварл отдал ещё один приказ, и...

Щёлк!

3

Грэхем медленно высвобождался из тьмы, в которой вдруг очутился.

На миг он перестал понимать, что происходит. Потом понял, что излучатель, как и было запланировано, автоматически переключился и перебросил сознание в очередное ответвление времени, на ещё одну несбывшуюся Землю.

И вот он попал в голову еще одного несбывшегося Грэхема — и воспринимал мир через его органы чувств! Только звали этого человека по—другому.

Его звали Граам, и был он верховным звездочётом Храма Звёзд великого города Новый Майяпан в роковом году, соответствовавшем 1948 году на другой временной ветке.

Он стоял в маленькой круглой комнате Грэхем смотрел на мир глазами Граама и помнил всё, что помнил Граам на каменных стенах которой были затейливо высечены странные иероглифы; в сводчатой крыше над ним зияли щели. Под одной такой щелью помещалось изогнутое зеркало на медной опоре, отражавшее яркую звезду.

Граам пристально изучал звезду на зеркальной поверхности, осторожно меняя угол отражения при помощи опоры, на передвижном основании которой имелась градуированная шкала.

— Полгода я ждал! — приговаривал он возбуждённо, не прерывая работы. — Сегодня ночью я узнаю, прав я — или это всего лишь мои фантазии!

Грэхем знал, что именно пытается сделать Граам. Ему грезилось, что звёзды бесконечно далеки, и он пытался доказать это методом триангуляции.

В маленькую обсерваторию на крыше храма вошли женщина и мужчина. Грэхем знал, что это Эйда, жена Граама, и его друг Итциль.

Глаза прекрасной темнокожей Эйды были выпучены от страха. Все трое были одеты в короткие белые льняные туники с алмазными перьями — украшением майянских аристократов.

— Граам, здесь нельзя оставаться! — воскликнула женщина. — Город уже почти опустел!

Её поддержал мужчина:

— Ацтекские войска жгут деревни на той стороне реки! Убедись сам, если не веришь!

Он потащил Граама на маленький балкон, опоясывавший высокую башню обсерватории.

Они смотрели вниз, на тьму великого Нового Майяпана. Его величественные террасированные пирамиды чёрными монолитами врезались в ночь, однако лишь несколько огоньков светились на улицах и в садах, ибо над городом нависла тень рока.

Город возвышался на том же острове, где в реальности Грэхема возник Нью-Йорк. Глядя на мир глазами Граама, Грэхем впитывал знание о столетиях другой истории, в которой это место достигло расцвета — и теперь готово было рухнуть во тьму.

На этой Земле история пошла другим путём, не таким, как в его собственном мире или на феодальной Земле, откуда он прибыл сюда. Здесь Старый Свет не породил никакой цивилизации — и не завоевал Новый.

Взамен невиданного блеска и великолепия достигла древняя цивилизация майя, развитию которой никто не

препятствовал. Великая империя майя вышла за пределы южной прародины и, распространяясь на север, заняла почти всю восточную половину континента. Здесь, в Новом Майяпане, крупнейшем городе империи, величие майянской науки достигло своего апогея.

Эйда протянула руку на запад, в сторону тёмной реки.

— Взгляни, это горят деревни!

Граам смотрел на уродливые алые шрамы на лице ночи.

— У ацтеков есть лодки, через несколько часов ацтекские воины войдут в Новый Майяпан! — протараторил Итциль. — Мы должны бежать!

— Несколько часов? — пробормотал Граам. — Этого времени хватит, чтобы завершить мой эксперимент.

— Ты с ума сошёл? — закричал Итциль. — Ты же знаешь, что будет, если они найдут тебя здесь!

Грэхем знал. Все знали о том, каково жить под пятой ацтекских завоевателей.

Его накрыло глухое отчаяние, терзавшее майянские сердца уже много месяцев. Великая империя майя, равной которой не было на свете, вскоре погибнет.

Они напали на империю, когда изобрели новые виды оружия — арбалет и катапульту. Они наносили столь стремительные, концентрированные и адски точные удары, что почти вся империя пала к их ногам.

— Все наши великие древние города завоёваны, — у Эйды перехватило дыхание. — Ушмаль, Старый Майяпан, Паленке... Даже древняя и священная Чичен—Ица. Настал черёд величайшего Нового Майяпана...

— Это конец цивилизации, — сказал Граам мрачно. — Старый Свет погряз в варварстве навсегда, а отныне и в Новом Свете не будет ничего, кроме варварства ацтеков.

Он грустно покачал головой.

— Мир лежит в руинах — мир страха и тьмы. Л ведь всё могло быть по—другому! Если бы народы Старого Света создали свою цивилизацию, они могли бы нам помочь!

Майянский народ жил бы с ними в дружбе и согласии в спокойном, счастливом мире...

— Не время думать о несбывшемся! — прервал его Итциль. — Империя умирает, но мы избежим участи ацтекских рабов, если немедленно уйдём из города!

Граам обернулся, посмотрел на свою маленькую обсерваторию. покачал головой.

— Я не могу уйти! Я почти совершил величайшее открытие... почти проник в тайную природу звёзд и вселенной!

— Что толку от твоего открытия, когда мир погружается в варварство? — завопил Итциль. — Почему ты должен жертвовать ради науки вашей с Эйдой свободой?

Граам дотронулся до дрожащего плеча жены.

— Эйда, уходи с Итцилем. Я скоро вас догоню.

Задохнувшись от ярости, она стала протестовать, но он сказал, как отрезал:

— Это приказ! Уведи её, Итциль... скорее!

Когда они ушли, Граам ещё раз взглянул на запад. Огонь почти добрался до берега реки.

— Мало времени, — пробурчал он. — Но, может быть, мне хватит...

Он поспешил обратно в маленькую обсерваторию и склонился над медной опорой зеркального телескопа.

Граам тщательно настраивал инструмент и снова и снова проверял результаты, забывая обо всём на свете.

— Другой угол! — говорил он сам с собой, и волнующаяся кровь стучала в его виски. — Теперь расчёты...

Полгода назад он произвёл угловое измерение великой зелёной звезды севера. Теперь, когда Земля была по другую сторону от Солнца, он произвёл это же измерение вновь — и угол оказался чуть другим.

При свете лампы Граам с тростниковым стилем в руке согнулся над бумажными листами. Его мозг производил вычисления с огромной скоростью, и Граам тщательно проверял каждое из них.

Прошёл час. потом другой. Слабый дымок всплыл в обсерваторию, а с ним пришло и далёкое эхо триумфальных, волчьих возгласов.

Граам отложил стило и встал; его трясло от восторга.

— Всё так и есть! Эту звезду отделяет от нас невыносимое расстояние. Значит, это тоже солнце, такое же, как наше, — оно лишь кажется крошечным!

Граам вышел на балкон. Он даже не взглянул на злоевающие тёмные лодки, переплывавшие кроваво—красную, будто подожжённую реку. Его глаза поднялись к священному звёздному небу.

Он ощущал благоговение.

— Каждая из этих светящихся точек — великое солнце!

Я первым из людей вижу истинное лицо вселенной!

Граам был на сияющей вершине экзальтации — и тут же сорвался в чёрную бездну отчаяния.

— Это знание погибнет вместе со мной — или выживет, но лишь как искажённая легенда! Что толку от истины в преддверии долгой ночи варварства?

Под ним ацтекская армия наводняла город, потрясая факелами в исступлении от своего воинского триумфа. Граам знал, что теперь сбежать не удастся. Он знал это с самого начала.

Кто—то коснулся его руки, и он резко обернулся. Искажённое лицо Эйды было как белая клякса в полумраке.

— Эйда, что ты наделала? — воскликнул он. — Теперь нам не убежать. Ты знаешь, что с нами сделают ацтеки.

— Знаю, — ответила она. — Но что бы нас ни ждало — я разделю будущее с тобой.

Граам обнял её и прижал к себе.

Внизу в великом городе вспыхивали красные костры — фанатичные ацтеки начали поджигать храмы.

— Таков конец империи, — прошептал Граам. — Таков конец нашего мира.

На какой—то миг его разум заволокла слепая, тщетная тоска по несбывшемуся.

— Если бы Старый Свет не отставал от Нового, настали бы блаженные дни, — шептал Граам. — Блаженный мирно мы его не увидим.

Он обнял дрожащую женщину крепче, чтобы её успокоить.

— Что бы нас ни ждало, мы к этому готовы.

Ацтекские солдаты почти добрались до Храма звёзд и...

Щёлк!

4

На этот раз, выплывая из темноты. Грэхем сразу понял, что излучатель вновь перебросил его сознание на другую временную ветку: ещё одна Земля, ещё одно тело.

Ещё до того, как Грэхем увидел мир новыми глазами, он знал, что его зовут Гра — и что он раб Чешуйчатых.

Вместе с дюжиной других мужчин и женщин, облачённых, как и он, в шёлковые набедренные повязки, Гра жался к полу в комнате, которая выглядела более чем экзотично.

Её искривлённые стены из бледного пластика слабо мерцали. Окон в комнате не было, а освещалась она сияющей пластинкой в потолке.

Грэхем, как и Гра, знал, что комната расположена в квартале рабов Нового Города их хозяев, Чешуйчатых. Знал он и то, что мужчины и женщины собрались здесь, чтобы составить заговор.

— Мы можем сбежать, если вы примете мой план! — говорил Гра. — В холодных северных землях мы будем в безопасности — и мы обретём свободу!

За, его женщина, смотрела на него с тревогой.

— Но, Гра, если нас поймают, наказание...

— Разве не лучше умереть, чем вечно служить Чешуйчатым? — вспыхнул Гра.

Старый Фур покачал седой головой.

— Даже если мы доберёмся до северных земель, Чешуйчатые рано или поздно найдут нас.

— Они ненавидят холод и вскоре прервут поиски, — заявил Гра. — Мы можем спрятаться, нас станет больше, мы изготовим такое же, как у них, оружие.

Он добавил:

— Нам или нашим потомкам удастся однажды свергнуть Чешуйчатых и сделать хозяином Земли человека!

Ужас и изумление проступили на лицах, будто он сказал нечто кошунственное.

— Хозяевами могут быть только Чешуйчатые... они были ими всегда! — возразил один из мужчин.

Из того, что знал Гра, Грэхем понял, что так оно и было.

На этой несбывшейся Земле история пошла по другому пути миллионы лет назад.

Здесь люди так и не стали владыками планеты. Власть над Землёй принадлежала рептилиям. Великие кланы рептилий, которые на Земле Грэхема вымерли в результате климатического сдвига, уступив место млекопитающим, на этой временной ветке не погибли — они выжили и стали разумным народом.

Этот народ, двуногие Чешуйчатые, за столетия создал свою цивилизацию. Новый Город, занимавший остров, на котором в параллельном мире стоял Нью-Йорк, был лишь одним из их многочисленных мегаполисов. Чешуйчатые были хозяевами, а люди, опоздавшие в развитии на много веков, стали их рабами.

— Так вышло лишь по случайности, — уверял Гра. —

Я подслушал лекцию, которую великий учёный С’Си читал перед другими Чешуйчатыми в университете... Он сказал, что, если бы одному виду рептилий не посчастливилось стать достаточно разумными и пережить изменения климата, все большие рептилии погибли бы — и человек унаследовал бы Землю.

Остальные глазели на него, и За выразила всеобщее недоверие:

— Мир, в котором правят люди? Это невозможно.

— Это мир был возможен, — настаивал Гра. Его голос стал задумчивым, мечтательным. — Ах, если бы Земля была именно такой! Люди правили бы планетой в мире и согласии, правили бы мудро... Это несбывшийся мир, но мы можем хотя бы попытаться стать свободными! Для этой попытки я выбрал вас, потому что вы больше всех прочих жаждете освободиться.

Он выпрямился.

— Пришло время действовать — именно сейчас, когда почти все Чешуйчатые собрались в большом зале на Празднество Деторождения. Мы с Эа уходим. Вы можете присоединиться к нам — или остаться.

Мгновение все колебались, потом поднялся старый Фур.

— Я знаю, что скажу за всех. Мы идём с вами.

Гра вынул из тайника свёрток со всеми тайными приготовлениями и пошёл к двери.

— Тогда вперёд!

В мозгу Гра бурлила гремучая смесь волнения, надежды и страха; он вёл свой маленький отряд по тусклому пластиковому коридору — одному из множества путей в лабиринте Нового Города.

Даже выход за пределы квартала без разрешения был для людей неслыханным нарушением закона. Однако именно на это и рассчитывал Гра.

Они пробирались привычным маршрутом, который он помнил с детства; в эту ночь тёплые, насыщенные паром коридоры, залы и наклонные переходы великого города рептилий были пусты.

Жуткие и торжественные напевы под странную, чуждую людям музыку плыли по лабиринту, появляясь откуда-то сверху.

— Музыка Празднества Деторождения. — прошептала дрожащая Эа.

— Нам нужно пройти через большой зал, чтобы добраться до западного шлюза, где пришвартованы лодки, — сказал Гра. — Другого пути нет.

— Но как мы справимся со стражами шлюза и с замками? — боязливо спросил кто-то.

— У меня есть план, — повторил Гра. — Скорее, скорее!..

Музыка сделалась громче, и люди пригнулись — они пробирались по балкону высоко над большим залом.

Большой зал Нового Города был действительно велик.

На зелёных светящихся стенах колоссального овального помещения были изображены огромные двуногие рептилии из далёкого прошлого — предки Чешуйчатых.

Тысячи Чешуйчатых города почти все собрались внизу и стояли молчаливыми рядами. Их позы были торжественны, их прямые фигуры размером и формой отдалённо напоминали человеческие, на их металлических плетёных доспехах сверкали драгоценные камни; немигающие глаза на плоских мордах рептилий смотрели в дальний конец зала.

Там на помосте приближалось к кульминации ежегодное Празднество Деторождения. Сотни яиц, принесённых из инкубаторов ради торжественного ритуала, трескались, и музыка становилась триумфальной. Нарождалось новое поколение Чешуйчатых!

— Человеку запрещено смотреть на ритуал под страхом смерти, — пробормотала Эа, дрожа сильнее прежнего.

— Не останавливайся! — шёпотом приказал Гра. — Мы должны успеть до конца Празднества!

Они оставили большой зал позади и побежали по пустым коридорам и высоким мостам между зданиями; с мостов открывалась панорама Нового Города — изогнутые стены, крыши и минареты, светившиеся странным величием под восходящей луной.

Они спустились по петляющему наклонному переходу, вышли в прохладную ночь и побежали к каменному причалу, вдоль которого были пришвартованы силовые лодки Чешуйчатых — плоские, длинные, сделанные из металла.

От причала людей отделяла высокая металлическая решётка. По эту сторону запёртых ворот стояли в дозоре двое

беспечных Чешуйчатых, стражи были не в состоянии вообразить, будто раб—человек решится преступить закон.

Он передал свёрток фуру и вышел из тени на лунный свет прямо перед стражами. Немигающие глаза Чешуйчатых тут же устали на него и тех, кто стоял за ним.

— Чей приказ привёл вас сюда в поздний час, люди? — спросил один из стражей монотонным, шипящим голосом.

Гра ответил:

— Приказ Джарры, нашего хозяина. Он прислал нас сообщить вам, что...

Продолжая говорить, Гра шёл к стражам. Внезапно он прыгнул на того, который стоял ближе.

Чешуйчатый не мог поверить в то, что его атакует человек, и потянулся за оружием слишком медленно. Из глотки стража вырвался шипящий вопль.

Но Гра успел выхватить из складок набедренной повязки украшенный драгоценными камнями кинжал, который украл несколько недель назад. Остриё пробило дыхательный мешок Чешуйчатого, и тот упал, хрипя и задыхаясь.

Второй страж, на которого набросились другие мужчины, неистово извивался. Гра подбежал и несколько раз воткнул кинжал в сердце рептилии.

— Ворота! Как мы пройдем за них? — закричал старый Фур.

— Всем отойти! — воскликнул Гра. Он схватил золотую огненную трубку первого стража.

Наведя её на закрытые ворота, он нажал на спусковой крючок. Трубка сработала — раздался гром, и полоска пламени расплавил замок.

Когда они вбежали на причал, на башнях 11ового Города стали загораться огни. Повсюду звучал монотонный сигнал тревоги.

— Фур, отцепи для нас одну лодку! — закричал Гра. — Все на неё, скорее!

Сам он побежал по причалу, и трубка в его руке обожгла корму каждой металлической лодки. Полоски пламени плавили одну силовую установку за другой.

Он мчался назад, когда Фур запустил силовую установку на оставшейся лодке. Гра запрыгнул на борт, и силовые трубы изрыгнули под водой огненную струю.

— Они уже здесь! — закричала Эа.

Чешуйчатые выбегали из наклонного перехода на причал, но плоская металлическая лодка уже неслась по заливаемой лунным светом глади.

Ударило громовое стаккато, и из огненных трубок вылетели вдогонку беглецам полосы пламени. Вода за кормой кипела и пузырилась.

— Им нас не достать! — ликовал Гра. — Фур, правь в открытое море!

Нахохленный и мерцающий Новый Город стремительно отступал: вскоре лодка миновала узкое горлышко залива и вступила в противоборство с океанскими волнами.

— Держим курс на север! — приказал Гра. — К холодным землям 1

Заря застигла их в открытом море. Признаков погони не было. Однако и силовая установка выдохлась.

— Вскоре мы будем в безопасности, — провозгласил Гра. — Они ненавидят северный мороз так сильно, что не последуют за нами.

Он указал на свёрток.

— Внутри есть парус и синтепища, её хватит на много дней. Мы сможем доплыть до северных земель.

Остальные безмолвно и боязливо смотрели на безбрежный серый океан.

— Мы тоже рано или поздно умрём в северных землях, — пробормотал кто-то.

Другой добавил:

— В Новом Городе мы хоть не страдали так, как страдаем сейчас.

Голос Гра ожесточился:

— Мы будем страдать, но теперь у нас по крайней мере есть шанс обрести свободу — и построить новый мир для нашего народа. И нам — или другим, таким же, как мы, — однажды удастся это сделать... Мир, в котором рептилии вымерли и человек унаследовал Землю, не сбылся. Но мы можем стать свободными!

Старый мудрый Фур кивнул:

— Да, наш мир будет миром страданий и боли. Но. сдаётся мне, таков любой мир. Жизнь без боли и без радости невозможна: боль и радость сами по себе — часть жизни.

Храбрость вернулась в их сомневающиеся сердца. Они поставили сборную мачту, и маленький шелковый парус раздулся на ветру.

Гра сидел, держа Эа за руку и глядя вперёд, в серую муть.

— Эа. однажды люди вернутся с севера! Однажды они...

Щёлк!

5

Грэхем в четвёртый раз ощутил, как его сознание несётся сквозь ревущую пустоту к внезапному шоку и тишине.

Он открыл глаза. Он смотрел в круглую бледную кварцевую линзу излучателя.

Грэхем недоверчиво оглядел привычный интерьер своей залитой электрическим светом нью-йоркской лаборатории.

— Я вернулся! — прошептал он.

Автоматический регулятор вновь сработал, заставив луч погаснуть, и сознание Грэхема перенеслось с иных Земель на родную временную ветку — на родную Землю.

Грэхем замер: его мысли бурлили, когда он вспоминал три несбывшихся мира, в каждом из которых прожил несколько часов.

— А ведь другие Грэхеми в других мирах тоже мечтали о несбывшихся Землях!

О, трагическая ирония! Тот, другой Грэхем из феодальной реальности грезил о том, чтобы Земля стала миром

науки, потому что в таком мире все люди были бы счастливы!

И Граам из Нового Майяпана грезил о блаженном мире, в котором Старый Свет создал цивилизацию, — звездочёт и не подозревал, что при таком раскладе его цивилизация была обречена на гибель столетия назад.

И Гра, раб, мечтал о том, чтобы люди стали хозяевами — и повсюду царили мир, счастье и мудрость.

Трое других Грэхемов жаждали несбывшегося, не понимая, что, если бы оно сбылось, их ждало бы трагическое разочарование.

«Как ждало оно меня в моих несбывшихся мирах, когда я в них проник», — подумал Грэхем уныло.

Может, такова космическая насмешка вселенной над человеком, если тот во всех неисчислимых параллельных мирах мечтает о несбывшемся, которое на деле столь же отвратительно, как и его собственный мир?

Грэхем подошёл к окну, поднял штору и посмотрел на башни Нью-Йорка — серые и мрачные громады в лучах рассвета.

Он знал теперь, что сбежать в несбывшиеся миры не удастся. Он был пойман в ловушку; он оставался узником несчастливого мира, в котором родился.

«Номы должны жить там, где живём».

Слабый, призрачный голос воскрес в его памяти.

Грэхем — другой Грэхем — сказал это прежде, чем взойти на эшафот и умереть с улыбкой на устах, чтобы его дети запомнили отца именно таким.

Тот Грэхем, и Граам, и Гра — да, все они мечтали о несбывшемся. Тем не менее они храбро смотрели в лицо своим, куда более мрачным мирам.

«Жизнь без боли и радости невозможна: боль и радость сами по себе — жизнь!»

Глядя из окна на нью-йоркские башни в лучах рассветного солнца, Грэхем понимал теперь, что эти слова — правдивейшая из правд.

Камень не знает ни несчастья, ни счастья. Но каждое живое существо их знает — оно выменивает длительность агонии на золотые моменты радости. И чем выше оно забирается на гору жизни, тем больше страдание и экстаз. Для живого существа жаловаться на страдания — всё равно что жаловаться на то, что оно живёт.

Плечи Грэхема распрямила новообретённая храбрость.

Он прошептал своим параллельным «я», пусть они и не могли его услышать:

— Грэхем. Граам, Гра — вы многому меня научили. Я не забуду!

Он искал счастье в несбывшемся — и не нашёл его. Зато он отыскал истину, и она дарила спокойствие.

ОТВЕРЖЕННЫЙ

Ему казалось, что Бродвей никогда не выглядел так угнетающе в ранних зимних сумерках, когда газовые фонари еще не успели зажечь, а старые тополя с опавшими листьями неуклюже раскачивались под холодным ветром. Колыта лошадей и колеса повозок стучали и скрипели по разбитой мостовой, падали редкие хлопья снега.

Он думал о том, что где угодно будет лучше, чем здесь. В Ричмонде, Чарльстоне, Филадельфии. Хотя, по правде говоря, он устал и от них. Он всегда уставал от мест, даже от людей. А может быть, у него было просто плохое настроение после постигшей его сегодня неудачи следом за вереницей многих других неудач.

Он потянулся и вошел в неубранную маленькую конторку из двух комнат. Тщедушный человек, сидевший за столом, быстро поднял голову и с надеждой посмотрел на него.

— Нет. Ничего.

Проблески надежды потухли во взгляде смотревшего на него человека. Он пробормотал:

— Нам долго не протянуть. — Затем, помолчав, добавил: — К вам пришла молодая девушка. Ждет в кабинете.

— Я что—то не в настроении оставлять автографы в альбомах молодых девушек.

— Но... она выглядит богатой...

По улыбнулся своей саркастической улыбкой, скривив рот и обнажив при этом белые зубы.

— Понятно. А у богатых молодых девушек имеются богатые папочки, которых можно уговорить вложить деньги в умирающий литературный журнал.

Но, войдя в свой кабинет и отвешивая поклон сидевшей там девушке, вирджинец был сама любезность.

— Я весьма польщен, мисс...

Она прошептала, не поднимая глаз:

— Эллен Донсел.

На ней был шикарный наряд, начиная с мехового манти и кончая красивой голубой шляпкой. На пухлом розовощеком личике застыло глупое выражение. Но, когда она посмотрела на него, По вздрогнул от изумления. Глаза на круглом лице сверкали, в них сквозили ум и огромная жизненная сила.

— Вы, верно, хотите, — сказал он, — чтобы я читал свои стихи на каком—нибудь вечере, но у меня, к сожалению, совсем нет на это времени. Или, может быть, вам нужна копия «Ворона», написанная моей рукой?..

— Нет, — сказала она. — У меня к вам поручение.

По поглядел на нее вежливо и выжидающе.

— Да?

— От... Аарна.

Слово, казалось, повисло в воздухе как эхо отдаленного колокольчика, и какое—то мгновение оба они молчали, так что с улицы ясно было слышно, как скрипит и стучит проезжающий транспорт.

— Аарн, — повторил он, наконец. — Какое приятное звучное имя. Кто это?

— Это не человек, — сказала мисс Донсел, а название места.

— Ах, — сказал По. — И где же оно находится?

Ее взгляд пронзил его.

— Разве ты не помнишь?

Ему стало как—то не по себе. После того как он опубликовал свои фантастические рассказы, его буквально одолевали люди с нездоровой психикой и просто душевнобольные. Девушка выглядела вполне нормальной, даже чересчур. Но этот горящий взгляд...

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я не слышал раньше этого названия.

— Может быть, тебе что—нибудь скажет имя Лалу? — спросила она. — Это мое имя. Или Яанн? Так зовут тебя. И оба мы из Аарна, хоть ты пришел значительно раньше меня.

По настороженно улыбнулся.

— У вас очень яркое воображение, мисс Донсел. Скажите мне... на что оно похоже, это место, откуда мы пришли?

— Оно лежит в большой бухте, окруженной пурпурными горами. — Она говорила, не отрывая от него взгляда. — И река Заира течет, спускаясь с гор, и башни Аарна нависают в вышине под лучами заходящего солнца...

Внезапно он прервал ее, от души рассмеявшись. Затем продолжил:

— ...и сверкают в багровом закате сотнею террас, минаретов и шпилей, словно прозрачное творение сильфид, фей, джиннов и гномов.

Он снова засмеялся и покачал головой.

— Это — концовка моего рассказа «Поместье Арнгейм». Ну, конечно же... Аарн... Арнгейм. Имя Лалу вы взяли от моей Улялюм, а Яанн — от Яаннека... Мисс, я должен поздравить вас с необычайной прозорливостью...

— Нет, — сказала она. И повторила: — Нет. Как раз наоборот, мистер По. Это вы взяли свои имена из тех, что я вам назвала.

Он окинул ее заинтересованным взглядом. До сих пор с ним не случалось ничего подобного, и он был явно заинтригован.

— Значит, я пришел из Аарна? Тогда почему я этого не помню?

— Ты помнишь, только совсем немного, — прошептала она. — Ты помнишь это место... почти. Ты вспомнил имена... почти. Ты вложил их в свои стихи и рассказы.

Его интерес к ней возрос. Эта девушка выглядела полной дурочкой, если бы не ее напряженный взгляд, но она обладала явно незаурядным воображением.

— Где же тогда он находится, этот Аарн? На другом конце света? В саду Гесперид?

— Очень близко отсюда, мистер По. В пространстве. Но не во времени. Далеко, далеко в будущем.

— Значит, вы... и я... пришли сюда из будущего? Моя милая девушка, это вам, а не мне следует писать фантастические рассказы!

Она не опустила глаз.

— Ты написал об этом. В «Повести Скалистых гор». О человеке, который ненадолго вернулся в прошлое.

— А ведь верно, — сказал По. — Действительно написал, но так неуклюже, что тут же постарался забыть: ведь это была лишь неудачная попытка.

— Ты так думаешь? Значит, лишь случайно в голову тебе пришла идея путешествия во времени, к которой раньше никто и никогда серьезно не относился? Или, сам того не зная, ты вспомнил?

— Хотел бы я, чтобы это было так, — сказал он. — Уверяю вас, я отнюдь не горячий поклонник девятнадцатого века. Но, к несчастью, я прекрасно помню всю свою жизнь, и в ней нет места Аарну.

— Это говорит мистер По, — сказала девушка. — Он помнит только свою жизнь. Но ты не только мистер По, ты еще и Яанн.

Он улыбнулся.

— Два человека в одном теле? Скажите, мисс Донсел, вы читали моего «Вильяма Вильсона»? Там говорится о человеке, у которого было второе «я», alter ego...

— Читала, — ответила она. — И знаю, что написал ты его именно потому, что это в тебе две личности, хотя одну из них ты не можешь вспомнить.

Она наклонилась вперед, и он подумал, что взгляд ее куда более гипнотический, чем у тех месмеристов, которыми он так интересовался. Ее голос почти сбился на шепот.

— Я хочу заставить тебя вспомнить. Я заставлю тебя вспомнить. Только за тобой я вернулась сюда...

— Раз уж мы заговорили об этом, — прервал он, пытаясь выдержать беспечный тон, — скажите, как человек путешествует во времени? На каком—нибудь летательном аппарате?

Лицо ее оставалось все таким же серьезным, в нем не дрогнул ни один мускул.

— Человеческое тело не может передвигаться во времени. Как и любой другой физический, материальный предмет. Но сознание не материально, оно представляет собой лишь систему электрических сил, находящихся в физическом мозгу. И, если отделить его от мозга, оно может быть отправлено в измерении времени назад, в мозг человека предыдущей эпохи.

— Но с какой целью?

— Чтобы подчинить себе тело и исследовать исторические периоды глазами человека, живущего в прошлом. Это нелегко и очень опасно, потому что всегда есть риск очутиться в мозгу человека настолько сильного духом, что он подчинит тебя себе. Именно так случилось с Янном, мистер По. Он находился в вашем мозгу, но оглушенный, действующий только на ваше подсознание, и все воспоминания его для вас не более чем сказки и фантазии. — Она помолчала, потом добавила: — У вас, должно быть, очень мощный мозг, мистер По, раз вы так подчинили себе Янна.

— Да уж кем меня только не обзывали, только не тупицей, — пробормотал он, а затем иронически помахал рукой в воздухе на свой обветшалый кабинет. — Сами видите, каких высот я достиг с помощью своего интеллекта.

— Такое случалось и раньше, — прошептала она. — Один из нас попал в плен римского поэта по имени Лукреций...

— Тит Лукреций Кар? Как же, мисс, я читал его «De Rerum Natura» и странные теории об атомной науке.

— Не теории, — ответила она. — Воспоминания. Они так измучили его, что он покончил с собой. И я знаю много таких примеров в разные исторические эпохи.

— Блестящая идея! — с восхищением сказал По. — А какой может получиться рассказ...

— Я разговариваю с вами, мистер По, — перебила она, — но пытаюсь воззвать к Янну. Пробудить его, вырвать из плена вашего ума, заставить вспомнить Аарн.

Она говорила быстро, страстно, почти навязчиво, неотрывно глядя ему в глаза. А он слушал, как в полусне, имена и названия мест из написанных им рассказов, иногда точные, как правило слегка измененные, но удивительно правдоподобно звучащие в ее устах.

— Когда наступил — сейчас вернее будет сказать «наступит» — Жестокий Век, человечество откроет такие разрушительные силы, о которых не знало дотоле.

По чуть улыбнулся, подумав о своем рассказе, в котором все люди погибли от взрыва и мир был уничтожен огнем, и девушка, казалось, прочла эту мысль на его лице.

— О нет, человечество не было — не будет уничтожено. Но погибнут многие, и, когда Жестокий Век кончится, через несколько столетий возникнет Аарн, в котором мы с тобой живем. Яанн, вспомни! Вспомни наш прекрасный мир! Вспомни тот день, когда мы с тобой спускались с гор по Заире в твоей лодке. Вниз, по желтой воде, где цвели белые водяные лилии, а темный лес торжественно смыкался вокруг нас, пока перед самым Аарном мы не причалили к Долине многоцветных трав и стали гулять там среди серебристых деревьев, глядя вниз на освещенные солнцем башни Аарна, над которым летали, сверкая, маленькие флайеры.

Неужели ты не помнишь? Ведь именно тогда ты впервые сказал мне, что был в Темпоральной лаборатории Тсалала и согласился добровольно отправиться обратно во времени. Ты собирался увидеть мир таким, каким он был до того, как его потрясли жестокие войны, увидеть глазами другого человека все то, что было безвозвратно потеряно для истории.

Помнишь ли ты мои слезы? Как я умоляла тебя остаться, говорила о тех, кто никогда не вернулся, как льнула к тебе? Но ты был так поглощен своей историей, что не пожелал слушать меня. И ушел. И то, чего я боялась, свершилось: ты так и не вернулся.

Яанн, с тобой говорит твоя Лалу! Знаешь ли ты, как мучительно ожидание? Я не смогла перенести эту муку и получила разрешение Темпоральной лаборатории вернуться

сюда, чтобы найти тебя. Сколько недель я заперта в этом чужом теле, как долго искала я тебя понапрасну, пока не прочла в рассказах, ставших знаменитыми, имен и названий, которые мы так хорошо знаем в Аарне, и поняла, что только их сочинитель может быть твоим господином. Яанн!

Как в полусне, слушал По звенящие в воздухе имена и названия выдуманного им сказочного мира. Но, когда она в отчаянии выкрикнула его имя, он опомнился и вскочил на ноги.

— Дорогая мисс Донсел! Я восхищен силой вашего воображения, но возьмите же себя в руки...

Ее глаза сверкнули.

— Взять себя в руки? А как, по—твоему, провела я несколько недель в этом уродливом ужасном мире, заключенная в тело этой жирной девицы?

По вздрогнул, как будто на него вылили ведро холодной воды. Ни одна женщина даже в шутку никогда не подумает и не скажет о себе такого. Но тогда...

Комната, ее сердитое лицо, весь мир, казалось, заколебались, как в тумане. Он почувствовал, как в нем поднимается какая—то странная волна, сметая все на своем пути, и на мгновение его фантазии обрели формы, чуть измененные, но реальные.

— Яанн?

Ему показалось, что она улыбается. Ну конечно, этой жеманнице удалось провести знаменитого мистера, По своими лунными лучами и прочей ерундой, и теперь она будет счастлива, рассказывая об этом своим подружкам! Гордость и высокомерие, глубоко укоренившиеся в его натуре, заставили его вздрогнуть, и странное ощущение прошло.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я больше не могу уделить времени вашей удивительной *jeu d'esprit*,¹³ мисс Донсел. Мне остается лишь поблагодарить вас за ту тщательность, с которой вы изучили мои маленькие рассказы.

¹³ Игра ума (фр.)

С глубоким поклоном он отворил перед ней дверь. Она вскочила на ноги, как будто он дал ей пощечину, и теперь на лице ее уже не было улыбки.

— Бесполезно, — прошептала она после минутного молчания. — Все бесполезно.

Она посмотрела на него, тихо прошептала: «Прощай, Яанн» — и закрыла глаза.

По сделал к ней шаг.

— Моя милая, прошу вас...

Глаза ее вновь открылись. Он остановился как вкопанный. Взгляд ее был лишен всякой жизни, в нем не выражалось ничего, кроме глупого изумления.

— Что? — сказала она. — Кто...

— Моя дорогая мисс Донсел... — вновь начал он.

Она взвизгнула. Потом стала пятиться, пытаясь закрыть лицо руками, глядя на него, как на олицетворение самого дьявола.

— Что случилось? — вскричала она. — Я... ничего не помню... заснула в середине дня... Как я... Что я... здесь делаю?

«Вот, значит, как, — подумал он. — Ну конечно! Сыграв роль воображаемой Лалу, она сейчас хочет показать, что та покинула ее тело».

Улыбнувшись ледяной улыбкой, он сказал:

— Должен поздравить вас не только с богатым воображением, но и с блестящими актерскими способностями.

Она просто не обратила на его слова никакого внимания и, пробежав мимо, рывком отворила дверь. Было поздно, его помощник ушел домой, и, когда По вышел за ней в другую комнату, мисс Донсел уже выбежала на улицу.

Он поспешно пошел следом. Газовые фонари зажглись, но в первый момент ему не удалось разглядеть ее в гуще проезжавших экипажей. Затем он услышал ее резкий голос и увидел, как она забирается в подъехавший к обочине кэб. Он невольно сделал несколько шагов вперед и увидел ее лицо, расширенные от ужаса глаза. Потом она исчезла в

глубине, кучер прикрикнул на лошадей, и экипаж тронулся с места.

У По был вспыльчивый характер, и сейчас он чувствовал глухое раздражение. Он позволил сделать из себя дурака, даже согласившись слушать эту жалкую обманщицу с ее замумными рассуждениями. Как она, наверное, веселится и торжествует! И все же...

Он побрел обратно к своей конторе. Редкие хлопья снега скользили, падая вниз в желтом свете фонарей, уличная пыль постепенно превращалась в жидкую грязь. Резкий порыв ветра донес до него брань с другого конца улицы.

«Этот уродливый и ужасный мир» ... Что ж, он и сам так думал, а сегодня мир показался ему еще отвратительнее. Наверное, потому что он вспомнил воздушные башни Аарна, освещенные закатным солнцем, о которых эта девица рассказала ему, вычитав о них в его книге.

Он вернулся в свой кабинет и сел за стол. Раздражение его постепенно улеглось, и он задумался, нельзя ли в этой искусной бессмыслице найти материал для нового рассказа? Но нет, слишком много писал он на эту тему, и станут говорить, что он повторяется. Хотя идея человека, затерянного во времени, очень заманчива...

«Прибыл я сюда из Тьюле, там ревут шальные бури, там стоит над всеми он, вне Пространств и вне Времен...»

Кто это написал? Я? Или... Яанн?

На какое—то мгновение лицо По стало старым, болезненным, измученным. А если все это правда, если завтрашний день увидит новый прекрасный мир, Тьюле, Аарн, Тсалал? Если те призрачные образы, которые он никак не мог уловить до конца своим воображением: Улялюм, Леонора, Морелла, Лигейя хранились в его памяти...

Ему так хотелось верить, но он не мог, не должен был себе этого позволить. Ведь он привык мыслить логично, а если поверить, то любые построения рассыпятся как картонный домик и ему останется только умереть.

Нет, он не умрет.

Нет.

Когда он открыл ящик стола и потянулся за бутылкой, рука его почти не дрожала.

ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК

Вероятно, эта история случилась в начале Эры независимых звездных миров. Земля, или Терра, как ее стали называть, все еще оставалась внушительной силой, но лишь как равная среди равных. К горстке первых звездных королевств – Лиры, Лебеда и Федерации баронов Скопления Геркулеса – прибавились королевства Ориона, Кассиопеи, Льва, Гидры... и «множество мелких государств, разбросанных в пространстве до самых Внешних Миров». Среднегалактическая империя еще не образовалась, однако ее зачатки можно увидеть в «далеком королевстве Арго, чьи правители выбрали столицей планету, освещаемую лучами Канопуса». Все эти обстоятельства позволяют предположить, что события, описанные в «Звездном охотнике», происходили приблизительно в 60 000 году.

1

Гнев короля Ориона полыхал на весь космос.

Его истребители уже мчались из-за Гиад, а со стороны Минтаки, Саифа и Альдебарана спешили грозные тяжелые корабли, чтобы отыскать среди звезд крохотное судно, тайно нарушившее границы королевства, и наказать его за эту дерзость.

Шифрованные сообщения, полные гнева и тревоги, уносились во все стороны. Их принимали в звездных империях по всей Галактике и с тревогой наблюдали за собственными рубежами. Федерация баронов Скопления Геркулеса, объединяющая тысячу звездных миров, королевства Кассиопей, Льва, Гидры, Дракона – все они, а также множество мелких государств, разбросанных в пространстве до самых Внешних Миров, посылали свои флотилии на охрану границ, опасаясь великой империи Ориона. И еще сильнее –

остающейся столь же великой Терры, за чьим кораблем и велась сейчас охота.

Это был разведчик пятого класса Терранского космического флота – хрупкая игрушка в сравнении с огромными крейсерами и дредноутами, которые преследовали его. Орудия беглеца причинили бы им не больше вреда, чем праздничные хлопушки, а сам он практически не имел брони, зато развивал высокую скорость. Сейчас он летел очень быстро – металлическая пылинка, устремившаяся к границам Терры. «И все же недостаточно быстро», – обреченно подумал Хью Мейсон.

– У нас нет шансов, – сказал Стак, стоявший вместе с ним на мостике позади кресла пилота.

Небритый, с покрасневшими глазами, Стак вовсе не походил на капитана корабля. Скорее он напоминал бездомного бродягу.

– Этим крейсерам не догнать нас, – возразил Мейсон.

– Не догнать, – согласился Стак. – А как насчет тех, что впереди? Они уже разворачиваются веером возле Альдебарана.

Мейсон ничего не ответил, лишь стиснул зубы, вглядываясь в широкий иллюминатор капитанского мостика. На самом деле это был электронный экран, преобразующий сигналы сканера в видимое человеческим глазом изображение.

Его заворожило ослепительное сияние миллионов звезд во мраке космоса – голубых, как сапфиры, белых, как бриллианты, и дымчато–оранжевых. Между ними приветливо светился величественный белесый маяк Сириуса, а вдалеке сверкала желтая искра Солнца – древней столицы Терранской империи, источника, из которого человечество растеклось по всей Галактике. Но гораздо ближе, почти прямо по курсу и у самых границ империи Ориона, пылал кроваво–красный Альдебаран.

Мейсон часто думал о том, как поражало, должно быть, это зрелище первых людей, отправлявшихся покорять

звезды тысячи лет назад. Хлипкие суденышки хранила в великой пустоте лишь отвага и вера экипажа, мечта о том, как люди расселятся по всей Галактике и будут жить в мире и согласии, подчиняясь единому для всех закону, но эти мечты рухнули. Управлять Галактикой из одного центра оказалось невозможно. Появились независимые королевства, отвергающие власть империи, хотя и признающие за древней Землей королевский титул в обмен на свой суверенитет. Старейшая и крупнейшая Терранская империя по-прежнему управлялась избранным Советом. Но другие королевства вскоре сделались почти такими же сильными, а их монархи жаждали громкой славы, как, например, Джаниссар – король Ориона.

Мейсон стоял в задумчивости, крепко обхватив рукой поручни.

– Мы должны доставить Олифанта на Терру живым, – произнес он сквозь зубы. – Это сейчас важнее всего.

Стак безнадежно пожал плечами:

– На Альдебаране находится главная база орионского флота. Они уже знают о нашем приближении. Луч межзвездной связи летит быстрее любого корабля.

– Знаю, – резко ответил Мейсон. – Если ты еще не забыл, я тоже служил во флоте, до того, как перешел в разведку.

– Не заводись! – вспыхнул Стак.

Мейсон обернулся. Мрачный, заросший щетиной, с отчаянием в глазах, он ощущал себя сейчас столетним стариком, хотя ему было всего тридцать два года.

– Мы оба здорово вымотались. Не обращай на меня внимания. Если мы сейчас переругаемся, нас разорвут в клочья. Нужно срочно что-то придумать.

Стак показал на звезду на экране – огромный красный глаз, пристально наблюдавший за ними.

– Их корабли разворачиваются во все стороны – вверх и вниз, справа и слева от Альдебарана. Можно попытаться обогнуть всю систему, но тогда если даже мы прорвемся

через этот заслон, то наткнемся на эскадры, идущие с Алефа и Чармара.

Мейсон взглянул на сверкающее звездное небо:

– Нужно только проскочить Альдебаран, а там уже рукой подать до терранской границы. Но ты прав, мы не сможем уйти от их крейсеров.

– Значит, нужно атаковать их и попытаться прорвать сеть.

– Они размажут нас по всему космосу. Есть только одна лазейка, один способ сбежать от них, – сказал Мейсон и еще крепче сжал зубы.

– Нет никакой лазейки, – проворчал Стак. – С любой стороны от Альдебарана заслон такой плотный, что там даже муха не пролетит.

Внезапно он замолчал, взглянул в изможденное лицо Мейсона и продолжил изменившимся голосом:

– Я понял. Единственный возможный путь – сквозь саму систему Альдебарана.

– Вот именно, – кивнул Мейсон.

Стак наморщил лоб. Пилот обернулся и бросил на него удивленный взгляд.

– Ты хоть представляешь, какие у нас шансы уцелеть при такой скорости? – спросил Стак.

– У нас в любом случае нет никаких шансов, – ответил Мейсон. – Заложь этот курс в компьютер, а я пока пойду проведу Олифанта.

Он покинул мостик, спустился по трапу и прошел по узкому коридору. На корабле–разведчике пятого класса SC–1419 едва хватало места для оборудования и восьми членов экипажа. Весь металлический корпус до последнего атома содрогался от вибраций мощного двигателя, в тысячи раз быстрее света несущего корабль к границе.

Мейсон протиснулся между двух ионных двигателей, пахнувших горячим металлом, в крохотную каморку, где лежал Олифант, пристегнутый ремнями к койке.

– Ему совсем плохо, – сообщил сидевший рядом Финетти, самый молодой член экипажа. – Пульс, дыхание – все.

– Он не приходил в себя?

– Ни на минуту, с тех самых пор, как мы приняли его на борт. Сожалею, но ничем не могу ему помочь. Я не врач, я всего лишь окончил шестимесячные курсы первой помощи.

– Ты все делал правильно, – поддержал его Мейсон и нагнулся над койкой. – Олифант! – позвал он.

Тот не отозвался и не открыл глаза. Исхудавшее лицо оставалось серым и безжизненным. Только обмотанная бинтами грудь чуть приподнималась и опускалась.

Он был невысокого роста, но казался Мейсону гигантом. Ни один человек за всю историю терранской разведки не сделал того, что удалось Олифанту – другу и начальнику самого Мейсона. Он пробрался в самое сердце Плеяд, в столицу империи Ориона, узнал ее тайну и сумел вернуться назад.

Олифант не обязан был этого делать. Он занимал довольно высокое положение в службе разведки и мог поручить операцию Мейсону или кому–нибудь еще. Но сохранять мир в Галактике становилось все труднее, только мощь и авторитет Терранской империи удерживали завистливых звездных королей от нападения друг на друга. И когда с Ориона пришли тревожные слухи, Олифант сам отправился узнать правду.

Эти слухи окольными путями уже расплозились по всему космосу. Молва утверждала, что королю Ориона Джаниссару посчастливилось получить в свои руки невероятную силу или секретное оружие – одним словом, нечто, дающее Ориону преимущество перед всеми другими мирами. Если он действительно завладел этой силой и собирается с ее помощью расширить свои владения, мир в Галактике рассыплется в прах. Но слухи могли оказаться беспочвенными, и Олифант отправился проверить их.

Именно SC–1419, тайно пробравшись в пространство Ориона, доставил его на мертвую, лишенную атмосферы

планету. Оттуда Олифант на крохотном флиттере ¹⁴ направился к столице орионского короля. Мейсон остался ждать, и наконец флиттер вернулся. Но вернулся на автопилоте, доставив назад смертельно раненного, потерявшего сознание Олифанта, который с тех пор не приходил в себя. И все, что он узнал, по-прежнему хранилось у него в голове.

– Олифант! – повторил Мейсон в самое ухо умирающему.
– Это я, Мейсон.

Восковое лицо не дрогнуло. Больной находился сейчас в мире грез, где не имели значения ни друзья, ни звезды, ни империя.

– Не думаю, что он дотянет до дому, – сказал Финетти и добавил с явным сомнением: – Если даже мы сами дотянем.

Мейсон медленно выпрямился:

– Сделай для него все, что сможешь. Мы доберемся домой. Мы...

– Мейсон! – донесся из репродуктора на стене голос Стака.

Мейсон бегом бросился обратно на мостик. Как только он вошел, истерическое жужжание компьютера прекратилось.

– Радары крейсеров засекли нас, – бесстрастно сообщил Стак. – Мы летим прямо на них.

Мейсон посмотрел на экран радара. Багровый Альдебаран сиял теперь ярче прочих звезд, чуть справа по курсу. Маленькая звезда—компаньон была почти неразличима в его блеске.

– Мы повернем в самый последний момент, чтобы обмануть их, – объявил Стак. – То есть, когда они откроют огонь.

Мейсон кивнул:

– Кораблем командуешь ты.

– Разве? – угрюмо отозвался Стак. – Так было, пока нас не передали в распоряжение разведки. А теперь я сомневаюсь в этом.

¹⁴ Флиттер – маленький летательный аппарат, рассчитанный на двух-трех человек.

Мейсон не ответил. Он молча ждал. Снаружи, в сверкающем звездами небе, к ним приближались крейсера Ориона, системы наведения уже пришли в действие и...

Сказочно прекрасная золотисто-алая вспышка расцвела слева от корабля, заливая все вокруг ослепительным блеском. Через мгновение справа зажглась еще одна – так близко, что разведчик развернуло, как фотон под действием солнечного притяжения. В невообразимой дали орудия орионских крейсеров дали залп, и ракеты, снабженные ионными двигателями, понеслись к цели в тысячи раз быстрее света. Быстрее, чем способен лететь любой корабль.

– Совсем близко, – сказал Стэк пилоту. – Они взяли прицел. Поворачивай и включай автоматику.

Пилот щелкнул переключателями и откинулся в кресле, бессильно опустив руки и вздрагивая всем телом.

Разведчик резко развернулся и бросился прямо в багровое сияние Альдебарана, словно мотылек навстречу гибели.

– Надеюсь, никто не отправится вслед за нами, – произнес Стэк.

Величественная багровая звезда стремительно приближалась, и по спине у Мейсона пробежал холодок. Он уже различал крупинки восьми планет, сгрудившихся вокруг светила.

Пролетать сквозь планетные системы на скорости в тысячи световых строго запрещалось законами всех королевств Галактики. К тому же это было полное безумие. Компьютер способен учесть положение всех планет, спутников и мелких объектов в звездной системе. Но даже он не в состоянии просчитать движение звездолетов, которыми кишит межпланетное пространство. Беглецы шли сейчас на осознанный риск и понимали, что даже не успеют ничего почувствовать, если с кем-нибудь столкнутся.

Ни один пилот не успел бы своевременно поменять курс в этом хаосе планет и их спутников. Но автоматика лишь бесстрастно щелкала своими реле, а корабль продолжал мчаться вперед.

Мейсон то и дело отмечал, как возникают впереди крохотные пятнышки света, приближаются со скоростью, от которой замирает сердце, раздуваются, словно воздушные шары, превращаясь в покрытые льдом планеты, окруженные толпой спутников, а затем проносятся мимо и пропадают вдали.

Он вцепился в поручни: автопилот щелкнул, корабль резко повернул, промчался вдоль самого края пояса астероидов, могучей каменной рекой текущего по небу, затем сделал еще один поворот, и Альдебаран со своим сателлитом снова засияли впереди, став еще крупнее, чем прежде. Оба светила так же внезапно скользнули влево, после того как автоматика опять изменила курс, и мимо промчалась огромная черно—шафрановая планета.

Стак издал странный звук, отдаленно напоминающий смех.

– Готов поклясться, эти парни с крейсеров здорово удивились, – сказал он и чуть погода прибавил: – Черт побери их всех, я перепугался до смерти.

«И не без причины», – подумал Мейсон. Его самого страх тоже пробрал до костей. Теперь они мчались мимо внутренних планет, где управлять кораблем стало еще труднее. Стоило им врезаться во что—нибудь или даже слегка задеть, как...

Ему хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть, как проносятся мимо красные, оранжевые и серо—коричневые планеты. Мейсон решил, что автопилот сошел с ума, так рисковать нельзя ни в коем случае. А затем впереди возник гигантский, поражающий воображение лимб Альдебарана, и SC—1419 ринулся в щель между ним и звездой—компаньоном.

Они промчались сквозь узкий проход между сверкающими светилами и снова направились к кружащим по своим орбитам планетам. Полдела было сделано, но Мейсон вспотел от напряжения, а пилот съежился в кресле и закрыл глаза.

Автоматика и в самом деле сошла с ума, она решила погубить всех и швырнула их прямо на огромную оранжевую планету, с пугающей быстротой растущую впереди. Вдруг металлический мозг затрещал, и корабль резко повернул, так что медный щит планеты качнулся в сторону. Затем они заложили еще один вираж и помчались прочь.

Прошло что—то вроде вечности, прежде чем послышался тихий голос:

– Мы прорвались. Черт возьми, мы сделали это.

SC—1419 снова мчался по свободному пространству к далеким огням Сириуса и Солнца, приближаясь к границе Терранской империи и оставляя позади Альдебаран с его планетами.

Лицо Стака покраснело и блестело от пота.

– Крейсерам понадобится много времени, чтобы обогнуть всю систему! – воскликнул он. – Им уже не догнать нас.

Ошеломленный Мейсон почувствовал, как кто—то тянет его за рукав. Это был Финетти, взволнованный и посеревший от испуга.

– Мистер Мейсон, он умирает. Ему остались считанные минуты.

Едва вспыхнувшая в душе Мейсона надежда тут же погасла. Они пробрались в самую цитадель Ориона, выскользнули из клещей, в которые их попытались взять вражеские корабли, – но все это окажется бесполезным, если Олифант умрет.

Мейсон бросился вниз по трапу, Финетти не отставал от него ни на шаг. Одного взгляда на Олифанта хватило, чтобы все понять. Глаза его оставались закрытыми, а лицо неподвижным, но он побледнел как привидение, и дыхание сделалось совсем слабым. Несомненно, ему пришел конец.

Мейсон молча смотрел на умирающего. Он знал, что должен сделать, знал, что Олифант, если бы мог, сам попросил бы об этом, чтобы его жертва не оказалась напрасной. И все же Мейсон не сразу заставил себя произнести:

– Сделай ему электрошоковую стимуляцию.

Финетти вздрогнул и с изумлением посмотрел на него:

– Он сейчас в таком состоянии, что это убьет его почти мгновенно.

– Почти, – подчеркнул Мейсон. – Но может быть, он успеет что-то сказать. В любом случае ему осталось несколько минут. Делай, как я приказал!

Повелительный тон вывел Финетти из ступора. Дрожащей рукой он подсоединил электроды. Кубрик наполнило завывание приборов.

Олифант вздрогнул и забился в конвульсиях. Внезапно он открыл глаза и слепо уставился в потолок.

Мейсон наклонился над ним:

– Джон, это я, Хью Мейсон. Что ты узнал?

Олифант прошептал, роняя слова, будто капли:

– Я все-таки удрал от них. Они подстрелили меня, когда я уже садился во флиттер.

– Что ты узнал? Какой секрет скрывает Орион?

Олифант сосредоточил взгляд на лице Мейсона и, превозмогая боль, едва различимо произнес:

– Я не знаю точно, что это такое. Какой-то источник колоссальной энергии, открытый великим ученым Риллом Эмрисом. Но он бежал с Ориона и унес с собой свою тайну...

– Голос Олифанта быстро слабел, и Мейсон наклонился еще ниже. – Рилл Эмрис улетел во Внешние Миры. Орионцы послали за ним своего лучшего агента, В’ранна. Орион пойдет на все, чтобы вернуть беглеца... – Внезапно он замолчал и с подозрением посмотрел на Мейсона. – Зачем? Я же умираю, я... – В его глазах мелькнуло понимание, и он прошептал: – Спасибо, Хью.

Финетти склонился над ним, но через мгновение снова выпрямился:

– Он умер.

Мейсон долго вглядывался в неподвижное лицо, а затем сказал:

– Он выполнил задание. А теперь нас ждет работа еще труднее этой. Во Внешних Мирах.

2

Двое землян казались гигантами, неспешно гуляющими по Галактике. Они шагали между сияющими созвездиями, и бескрайние звездные реки покрывались рябью от их дыхания, а головы и плечи возвышались над миллионами крохотных светил.

Это была не настоящая Галактика, а всего лишь ее точная копия, планетарий, занимающий все пространство круглого зала диаметром около ста футов. Зал располагался в недрах штаб-квартиры терранской разведки на Сириусе-4. Сложные оптические устройства проецировали точные изображения каждого значительного объекта в Галактике. Одиночные светила и скопления, темные блуждающие звезды и изумительно прекрасные созвездия – вся панорама Галактики.

Одним из прогуливающихся был Мейсон, другим – глубоко озабоченный начальник терранской разведки Вальдез. Его тонкое лицо слегка подрагивало, а взгляд беспокойно блуждал по залу. Остановившись, Вальдез показал на змеящуюся зеленую линию, отмечавшую границу между Терранской империей и Орионом, а также другими соседними королевствами. Его рука, словно божественная длань, потянулась мимо крошечных звезд к не имеющему четких границ региону на самом краю Галактики.

– Внешние Миры, – произнес он. – Они не подвластны ни одному из королевств. Звездные короли не позволяют своим конкурентам завладеть ими. Поэтому здесь до сих пор дикие джунгли со множеством независимых планет.

Мейсон кивнул.

– И пока короли Кассиопеи, Дракона и Лиры с завистью следят друг за другом, – с легкой горечью добавил он, –

здесь находят пристанище беглецы, преступники и авантюристы со всей Галактики.

Вальдез двинулся дальше, но остановился в окружении звезд Большой Медведицы и снова взглянул на этот беспокойный регион на краю Галактики.

– Да, – сказал он. – Курун – вот эта крупная зеленая звезда позади туманности Гантели – центр всей подозрительной активности во Внешних Мирах. Скоро кто–то попытается стать королем Куруна.

Мейсон посмотрел на тянущуюся вдаль бахромой звезд, и в его памяти снова прозвучал голос умирающего Олифанта: «Рилл Эмрис улетел во Внешние Миры. Орион пойдет на все, чтобы вернуть беглеца...»

– Этот беглый ученый – главная наша проблема, – продолжил Вальдез. – Почему он пустился во Внешние Миры? Что именно он открыл – какую силу или оружие? Это должно быть что–то очень важное, раз уж Орион так им заинтересовался.

– Конечно важное, – проворчал Мейсон. – Олифант сказал, что за ним послали лучшего орионского агента по имени В’ранн.

«В’ранн». Звучит как сигнал тревоги. Кем бы ни был этот В’ранн – его не случайно выбрали для этой работы.

– Похоже, Орион не отправит свой флот во Внешние Миры за этим человеком, – с напряжением в голосе проговорил Вальдез. – Разве что как последнее средство. Ведь в этом случае все соседние короли возьмутся за оружие. Но если их секретный агент отыщет Рилла Эмриса и вернет...

– Вот именно, – мрачно кивнул Мейсон. – Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Орион снова заполучил ученого и его тайну. Мы должны первыми добраться до Рилла Эмриса.

Вальдез обернулся к нему:

– Вы ведь понимаете, как это рискованно. И все–таки хотите взяться за эту работу?

– Олифант был моим другом, – спокойно ответил Мейсон. – Я должен продолжить то, что он начал. Да, я хочу за это взяться.

Они покинули большой зал с миниатюрной копией Галактики и прошли в кабинет начальника службы разведки.

– Вы знаете, что разоблаченного разведчика во Внешних Мирах ожидает скорая расправа? – спросил Вальдез.

– Знаю. Я собираюсь выдать себя за преступника, скрывающегося от закона.

– Не лучшая идея, – возразил Мейсону его начальник. – Мы пробовали много раз, но ничего не вышло. Новый человек, о котором никто ничего не знает, не сможет и шагу сделать без надзора.

Он вытащил из ящика стола фотографию и протянул Мейсону:

– Взгляните.

Мейсон отметил, что мужчина на снимке приблизительно одного с ним возраста и телосложения. У незнакомца были обесцвеченные, коротко стриженные волосы, худое, докрасна загорелое волевое лицо и холодные дерзкие голубые глаза. Он производил впечатление сильного, жесткого и бесстрашного человека.

– Его зовут Бронд Холл, – объяснил Вальдез. – Служил в войсках одного из баронов Скопления Геркулеса, но убил в случайной стычке брата барона и сбежал во Внешние Миры. Там он был одним из самых беспощадных пиратских капитанов.

– Был...

Вальдез кивнул:

– Год назад флот Кассиопеи получил информацию, что Бронд Холл решил напасть на их новую звездную колонию. Кассиопейцы устроили там засаду, и, хотя он вырвался, но вынужден был пересечь границу Терранской империи, где его и сцапали наши крейсера. Сейчас он отбывает срок в тюрьме на Сириусе—Шестнадцать.

Мейсон уже догадался, что на уме у его начальника, и снова взглянул на фото, уже с удвоенным любопытством.

– Цвет волос и глаз – не большая проблема в наши дни, – решил он. – Но лицом мы не слишком похожи.

Вальдез пожал плечами:

– Это займет несколько дней, даже с использованием самой современной медицинской техники. Но, пересадив несколько мимических мышц и установив пластиковые подкожные вкладыши, мы сделаем из вас вылитого Бронда Холла.

Мейсон с хмурым видом продолжал изучать фотографию.

– Чтобы я мог отправиться во Внешние Миры под видом Бронда Холла, настоящий Холл сначала должен «совершить побег». Сколько человек будут знать об операции?

– Трое или четверо, включая нас с вами. Слишком рискованно посвящать еще кого-то в такое дело. Мы тайно выведем Холла из камеры и перевезем в другую тюрьму, а вы украдете быстроходный флиттер и сбежите.

– За мной погонятся терранские корабли?

Вальдез покачал головой:

– Мы все рассчитаем так, чтобы они не смогли настичь вас. Если вы сделаете «высотный прыжок» прямо во Внешние Миры, все будет в порядке.

– Придется сделать, – решительно заявил Мейсон. – Нет ни единого шанса проскочить через границы сразу трех королевств. И еще мне нужно время – изучить записи, чтобы не только выглядеть, но и вести себя как Бронд Холл.

На четвертую ночь после этого, скорчившись и дрожа от холода, Мейсон прятался в тени скал, окружающих небольшой космопорт военной тюрьмы. На небе была только одна из двух лун, заливая призрачным обманчивым сиянием темную каменистую почву.

Само здание тюрьмы высилось за космодромом, освещенное яркими огнями. На взлетной площадке космопорта стояли два больших грузовых транспорта, несколько

маленьких флиттеров и еще один – значительно больших размеров, чем обычный межпланетный челнок.

«Я решил устроить ваш побег в момент прилета инспектора из Солнечной системы, – объяснил Мейсону Вальдез. – Его флиттер предназначен для дальних перелетов, он доставит вас туда, куда вы только пожелаете. Правда, управлять им должны четыре человека, но вы справитесь и один, если включите автопилот».

Мейсон наблюдал и ждал нужного момента, мрачно думая о том, как глупо получится, если какой–нибудь бдительный охранник случайно наткнется на него. Он был одет в тюремную форму и к тому же выглядел теперь как настоящий Бронд Холл. Химические препараты быстро выбелили его волосы и изменили цвет глаз с карего на голубой, а искусные хирурги с помощью сложнейшей медицинской техники превратили его в точную копию геркулесианца.

Он взглянул на часы, поднял с земли за ремень плоский металлический контейнер и начал подкрадываться между скал к взлетной площадке.

Контейнер был очень тяжелый и неудобный, но в нем лежали записи, необходимые Мейсону, чтобы научиться вести себя как Бронд Холл.

Космопорт сторожили не слишком строго. Охрана сосредоточила внимание на самой тюрьме, следуя древнему мудрому принципу: лучше запереть вора, чем запираяться от него. А в тюрьме на Сириусе–16 содержались самые известные преступники со всей Галактики.

– Дьявол, – проворчал себе под нос Мейсон, подкравшись ближе к флиттеру.

Кто–то остался на корабле. Люк воздушного шлюза был открыт, изнутри доносился шум.

Вероятно, кто–то из экипажа решил проверить, все ли в порядке. Это означало, что придется еще подождать, а любая задержка могла стать роковой. Если охрана – разумеется, не знающая о том, что Вальдез и его люди вывели Бронда Холла из камеры, – вдруг обнаружит пропажу

заключенного, она тут же поднимет тревогу. И тогда Мейсону придется начинать немедленно, если он, как Бронд Холл, действительно хочет сбежать.

Мейсон ухватился за первую пришедшую в голову идею. Некогда было взвешивать шансы, время стремительно утекало. Прячась в тени, он подкрался к флиттеру и скорчился под металлическим крылом возле шлюза. Несмотря на холодную ночь, у него на лбу выступили бисеринки пота. Бледная луна молчаливо наблюдала за ним с высоты.

Внезапно, словно взрыв бомбы, со стороны тюрьмы донесся вой сирены. Мейсон напрягся, услышав, как оставшийся во флиттере пилот бежит к шлюзу. Через мгновение пилот выпрыгнул наружу и встревоженно огляделся.

– Что там за... – пробормотал он.

Мейсон возник перед ним из темноты и ударил – не очень сильно, но сноровисто. Пилот беззвучно рухнул на землю.

Проклятая сирена продолжала неистово реветь, лучи прожекторов ощупывали всю прилегающую к тюрьме территорию. Мейсон не сомневался, что охранники уже подготовили орудия к стрельбе.

Двигаясь с бешеной скоростью, он оттащил бесчувственное тело охранника на безопасное расстояние, сдернул у него с пояса пистолет и отскочил назад. Затем забросил контейнер в шлюз, прыгнул сам и захлопнул люк.

На мгновение Мейсон остановился. Мини–реактор, снабжающий флиттер энергией, был уже запущен. Должно быть, пилот, которого Мейсон уложил отдыхать, проводил стандартную проверку. Мейсон бросил быстрый взгляд на индикаторы и рванулся в кабину, пристегнулся в кресле пилота и надавил на кнопку старта.

Флиттер рванулся вперед, как выпущенный из бутылки джинн, на мгновение завис, освещенный прожекторами, а затем ионный двигатель бросил его в рискованный побег с Сириуса—16.

Вокруг начали рваться снаряды, и Мейсон нажал на еще одну кнопку с надписью «Маневр уклонения». Автопилот принял команду и тут же послал флиттер в целую серию безумных виражей, непредсказуемо меняя направление через каждые две—три секунды. Но тем не менее сохраняя выбранный курс.

Мейсон сцепил пальцы и ждал.

Яркие вспышки космического шторма заполнили все небо. Флиттер вылетел на открытый простор, продолжая вилять и крутиться, чтобы охранники не могли взять его на прицел. Он уже выбрался из тени планеты и рванулся навстречу ошеломляюще яркому сиянию Сириуса.

«Пора!» – решил Мейсон и выключил режим уклонения.

Ионный двигатель флиттера заработал на полную мощь, и корабль помчался вперед по прямой, набирая сверхсветовую скорость.

Какое—то время огненные вспышки продолжали свой таец за кормой флиттера, а затем утихли. При такой скорости он быстро выскочил за пределы зоны поражения.

Мейсон утер пот со лба.

– Получилось довольно правдоподобно, так что все должны поверить!

Скоро Галактику облетит новость о том, что Бронд Холл сбежал из тюрьмы, угнал флиттер и вырвался на нем в космос.

Пока все шло неплохо. Сообщение о побеге подготовит его появление во Внешних Мирах. Но и терранские крейсера еще должны сказать свое слово.

Вальдез выбрал для операции время, когда вблизи Сириуса не должно находиться никаких соединений терранского флота. Иначе «побег» был бы невозможен.

– Остается надеяться, – мрачно сказал себе Мейсон, – что армейская разведка не проглядела какой—нибудь корабль.

Флиттер набирал ход, и вскоре величественное сияние Сириуса осталось далеко позади. Но он все еще был виден на экране радара.

Мейсон все тщательно продумал вместе с Вальдезом. Теперь он направил флиттер к Отмели Большого Пса – огромной свалке космического мусора с несколькими мелкими звездами и необитаемыми планетами.

Как только Отмель окажется между ним и Сириусом, он спрячется от радаров, и преследователи не смогут правильно определить его курс. Он летел приблизительно на запад, но выше к зениту, удаляясь от основной массы звезд Галактики, находившейся строго на западе.

Включив автопилот, Мейсон лег спать. Он засыпал и просыпался несколько раз и наконец, после очередного пробуждения, увидел, что флиттер летит на максимальной скорости над напоминающей по форме линзу Галактикой.

Это и был «высотный прыжок» – полет над Галактикой, вместо того чтобы прорываться сквозь нее. Вокруг виднелось лишь несколько тусклых, разбросанных далеко друг от друга звезд. И здесь не рыскали полицейские и военные корабли звездных королевств.

Мейсон посмотрел на экран радара и залюбовался колоссальным светящимся облаком, каждая искорка в котором была звездой. Казалось, будто флиттер, летящий на самом деле в тысячи раз быстрее света, еле ползет вдоль него.

– А теперь записи, – приказал себе Мейсон. – К моменту прилета во Внешние Миры я должен стать настоящим Брондом Холлом.

И все же Мейсон не спешил включать проигрывающее устройство с записями. Он впервые совершал «высотный прыжок», и сейчас, захваченный необычным зрелищем, не отрываясь смотрел на могучие звездные континенты, проплывающие под ним.

Его задание, его надежды и планы, даже судьба всей Терранской империи словно теряли здесь всю свою важность. Что значат мечты и страхи людей в сравнении с этим медленно кружащимся, величественным звездным островом, который степенно следует по своим космическим делам в беспредельную даль, вечно оставаясь отделенным от других

звездных роев, что одиноко мерцают из бездны. Это грандиозное зрелище напоминало человеку о его ничтожности.

И все же упрямые сыны Адама с дерзкой отвагой плюют на эти предупреждения.

В незапамятные времена, о которых сохранились одни легенды, люди настойчиво продвигались вперед на первых примитивных кораблях, от звезды к звезде, от планеты к планете. Миры с разумной жизнью – не важно, гуманоидной или нет, – они оставляли в покое либо высаживались там с разрешения аборигенов. Они не останавливались, пока наконец огромная и непрерывно расширяющаяся сфера земного влияния не раскололась под собственным весом на множество независимых звездных империй и королевств, над которым пролетал сейчас Мейсон.

Прямо под ним простиралась сейчас от Арктура до Центавра вереница звезд Терранской империи, по–прежнему остающейся самой большой в Галактике, с историческим центром в системе крохотного Солнца и фактической столицей на Сириусе. На юге и западе яростно сияли светила Орионской империи, а за ними располагалось далекое королевство Арго, чьи правители избрали столицей планету, освещаемую лучами Канопуса. А на востоке, тоже в немыслимой дали, величественно сверкало Скопление Геркулеса – внушающий невольный трепет звездный рой, управляемый баронами, которые считали себя равней королям.

Взгляд Мейсона скользил по звездам, над которыми он пролетал в «высотном прыжке». Вот Цефей и Кассиопея, два северных союзных королевства, вот несколько мелких государств, объединившихся в Лигу Полярной Звезды. За ними королевство Лиры с неистово сверкающим голубым глазом Веги, а еще дальше – никому не принадлежащая звездная окраина Галактики, называемая Внешними Мирами.

Мейсон вышел из мечтательного состояния. Прибыв во Внешние Миры, он должен как следует исполнить свою роль, иначе ему не прожить долго.

Он достал записи из контейнера. Пришла пора превратиться из Хью Мейсона, агента терранской разведки, в Бронда Холла, преступника из Скопления Геркулеса.

«А что, если и В'ранн, агент Ориона, прибегнул к этой же уловке? – подумал он, настраивая энцефалограф. – Такое вполне возможно».

Но сейчас было не самое подходящее время для переживаний. Мейсон расслабился, включил небольшое проигрывающее устройство, и записи хлынули в его мозг.

На этих энцефалограммах, сделанных Вальдезом в тюрьме Сириуса, были записаны воспоминания Бронда Холла. Вся жизнь преступника прошла перед глазами Мейсона, пока он день за днем лежал в кресле флиттера, продолжавшего мчаться вперед.

Прежние подвиги Бронда Холла в Скоплении Геркулеса не очень интересовали Мейсона, в отличие от походов на Куруне, записи которых агент прокручивал снова и снова. Мейсон старательно запоминал все, что Бронд Холл знал о городе Куруне, а также о других пиратских капитанах Внешних Миров. О гиганте Гарре Аттене из королевства Гидры, неофициальном лидере пиратов, и о Файамане из королевства Дракона, находившемся отнюдь не в дружеских отношениях с Брондом Холлом, о Хокси, старом землянине, а также о Шаа с Ригеля и Кикири с Полярной Звезды, которые были гуманоидами, а не людьми.

А затем Мейсон узнал потрясающую новость. Судя по записям, Бронд Холл был твердо убежден, что именно с Куруна поступила та информация, благодаря которой терранцам удалось арестовать его.

«Вот дьявол! – подумал Мейсон. – Если это правда, то во время поисков Рилла Эмриса мне придется опасаться не только агента с Ориона, но и тайных врагов Бронда Холла».

Он выбросил из головы эту тревожную мысль и вернулся к более важной проблеме – как выдать себя за Бронда Холла.

Теперь Мейсон взялся за сделанные в тюрьме видеозаписи. Он просматривал их снова и снова, изучая каждую

особенность поведения Бронда Холла, его привычки, интонации, жесты. Он расхаживал взад и вперед по флиттеру, подражая геркулесианцу – мрачно хмурясь и проклиная тюрьму.

Осознав, что больше не узнает из записей ничего нового, Мейсон предусмотрительно уничтожил их.

Флиттер продолжал мчаться вперед. Даже на скорости в тысячи световых перелет казался бесконечным. Наконец автопилот изменил курс, и флиттер, выйдя из режима «высотного прыжка», стал снижаться к границе между королевством Лиры и Внешними Мирами.

Ни на секунду Мейсон не ослаблял внимания. Лирианские крейсеры временами забирались в пространство Внешних Миров, и они могли уже получить сообщение о том, что Бронд Холл сбежал из тюрьмы на терранском флиттере.

Когда огромное сияющее облако начало стремительно приближаться к нему, Мейсон вздохнул с облегчением. Это была туманность Гантели – обширная область космической пыли, которую освещали скрывающиеся в глубине звезды. Как только он окажется с другой стороны туманности, пыль защитит его от радаров. И вот флиттер стремительно погрузился в светящееся облако.

Изображение на экране радара сделалось мутным и расплывчатым, но Мейсон продолжал внимательно следить за ним. Избежать столкновения с мерцающими, словно злоеющие колдовские огни, звездами было не так уж трудно, но здесь можно наткнуться и на темные небесные тела, которые никак не предупреждали о своем приближении.

Флиттер одолел уже две трети пути сквозь туманность, когда изображение на экране на мгновение стало четче, и Мейсон изумленно вскрикнул. Неподалеку от него внутри пылевого облака неподвижно выстроились в строгом симметричном порядке несколько десятков ярких точек.

– Корабли... крейсеры... целая эскадра, – пробормотал Мейсон. – Прячутся внутри туманности.

Экран снова помутнел. Радары скрывающихся в засаде кораблей могли и не засечь флиттер за это короткое мгновение, но если его все—таки обнаружили...

Он послал флиттер вперед на предельной скорости, каждую секунду ожидая, что вокруг начнут взрываться снаряды. Однако ничего похожего не произошло. Значит, его не заметили?

Но что это за корабли? Лирианские крейсеры, охотники на беглого преступника? Нет, они не смогли бы следить за ним по замутненным экранам радаров...

Внезапно его озарила тревожная догадка.

– Черт возьми, так вот это кто!

Флиттер выскочил из туманности на открытое пространство с редкими звездами или небольшими скоплениями, которых становилось все меньше по мере приближения к краю Галактики. Это и были Внешние Миры, не подвластные ни одному королевству.

Где—то здесь, на одной из безымянных планет, скрывается беглый ученый Рилл Эмрис, которого так жаждет заполучить обратно король Ориона.

«А еще где—то здесь находятся враги Бронда Холла, – мрачно напомнил себе Мейсон. – Что ж, я выясню, кто они такие».

И он направил флиттер прямо к Куруну.

3

В глубине звездного скопления ярко сверкала изумрудная звезда с единственной планетой. Со всех сторон ее охраняли плотные рои других светил, и взаимодействие их гравитационных полей делало этой район еще опасней для навигации, чем любое крупное космическое течение.

Первые исследователи прилетели на теплую планету под зеленым солнцем, населенную мелкими и примитивными гуманоидами, еще в давние времена стремительного распространения человеческой расы по Галактике. Но в те

великие дни, когда только что возникшие звездные королевства стали захватывать целые созвездия, это опасное для полетов скопление не показалось им заманчивой целью. Завоеватели оставили его в покое и направились в более богатые области Галактики.

Позднее на планете под зеленым солнцем Курун появились беглые преступники из соседних звездных королевств: Терры, Ориона и Кассиопеи. Их становилось все больше, как людей, так и гуманоидов, пока наконец они не создали причудливую цивилизацию, управляемую пиратскими капитанами, а пушки их боевых кораблей стали единственным законом, действующим на краю Галактики. Время от времени короли Кассиопеи, Лиры и Дракона сговаривались объединенным ударом сокрушить пиратов Внешних Миров, но каждый раз территориальные претензии друг к другу мешали им осуществить эти планы.

Пролетая на сниженной скорости сквозь восхитительно сияющее звездное скопление, Мейсон думал, что в конце концов какое-нибудь королевство решит покорить Внешние Миры.

«И это будет непростое дело», – мысленно добавил он.

Мощные магнитные и гравитационные поля звезд заставляли Мейсона то и дело бросать взгляд на приборы. Несколько раз он едва не выбирал курс, ведущий напрямик в космические течения.

Однако воспоминания Бронда Холла помогали по знакомым только ему приметам находить верную дорогу, постепенно приближаясь к изумрудному солнцу.

Мейсон понимал, что автоматические радарные станции, расположенные на планетах и потухших звездах, мимо которых он пролетал, предупреждали Курун о приближении крохотного суденышка. Если бы кораблей было больше, капитаны Внешних Миров давно бы уже помешали ему, но он не встретил никаких препятствий до тех пор, пока не пролетел между двумя последними звездами, прикрывающими подходы к зеленому солнцу.

– Сбавьте скорость, – раздался в коммуникаторе высокий гнусавый голос. – Назовите себя, и как можно быстрее. Вы в зоне поражения наших ракет.

Этот голос был хорошо знаком Мейсону. Точнее говоря, он был знаком Бронду Холлу.

– Терранский флиттер просит посадки, – спокойно ответил Мейсон. – И для тебя же, Хокси, будет лучше, если ты позаботишься о моем благополучном приземлении.

– Клянусь всеми святыми, да это же Бронд Холл! – донесся из коммуникатора удивленный и радостный крик. – Нам сообщили, что ты сбежал с Сириуса, но мы даже не надеялись увидеть тебя здесь.

– Уверен, что эта новость разбила много сердец, – жестко ответил Мейсон.

«Говори, как Бронд Холл, думай, как он, будь им – иначе ты и часа не продержишься на Куруне!»

Мейсон направил флиттер к единственной планете изумрудного солнца, постепенно уменьшая скорость, пока не пролетел мимо двух зеленоватых лун на ночную сторону этого мира.

В темноте показалось небольшое бесформенное пятно – огни города Куруна. Не долетев до них, Мейсон начал спускаться к маякам космодрома.

На взлетной площадке стояло не меньше двух десятков кораблей, отражая призрачный свет плывущих по небу лун. Мейсон плотно сжал губы. Похоже, здесь собрались все капитаны, и это становилось интересно.

Флиттер приземлился рядом с радарной вышкой и башней ракетной батареи. Мейсон посмотрел на пистолет, отобранный у пилота еще на Сириусе—16, открыл люк шлюза и вышел.

Он давно привык к самым причудливым звездным мирам, и в любом случае это зеленоватое сияние двух лун и сладковатый гниlostный запах из обступивших космопорт джунглей был знаком ему по воспоминаниям Бронда Холла.

Как и эти странные наполовину растения, наполовину животные, похожие на земные актинии.

В лунном свете Мейсон сразу узнал и шагающего к нему от вышки радара пожилого седого землянина. Покрытое шрамами лицо говорило о бурной и далекой от добродетели жизни старика, в слезящихся глазах светилась радость.

– Ты все—таки сделал это! – восхищенно воскликнул он.
– Что ж, с возвращением Бронда Холла жизнь на Куруне станет немного веселее.

Мейсон смерил старика хмурым взглядом, как на его месте поступил бы настоящий Бронд Холл.

– Хокси, в чем дело? Неужели в мое отсутствие тут никому ни разу не пустили кровь, чтобы немного развлечь тебя?

– Эх, Бронд, ты все тот же редкостный молодой мерзавец! – Хокси ничуть не смутился. – Когда—то и я был таким же – не доверял никому и ничему. Веселые денечки были тогда на Куруне.

– Хокси, послушай! – огрызнулся Мейсон. – Не стоит подбивать меня на драку только для того, чтобы полюбоваться зрелищем.

– Бронд, ты неправильно меня понял, – с обидой в голосе проговорил старик. – Я просто рад, что ты вернулся, вот и все. И остальные ребята тоже будут рады. Кроме разве что Файамана.

Произнося это имя, Хокси бросил на Мейсона косой хитрый взгляд.

Рядом с радарной вышкой стоял автомобиль, к которому старик и повел Мейсона.

– Я сам отвезу тебя в город, – услужливо сказал он. – Мой помощник присмотрит за радаром. А я хочу полюбоваться на их лица, когда они увидят тебя.

– Значит, ты ничего не сказал Гарру?

Хокси гнусаво рассмеялся:

– Никак нет, сэръ, не сказал. Хотел сделать им сюрприз.

Пока автомобиль мчался к городу, Мейсон перебирал в памяти сведения, полученные из воспоминаний Бронда Холла.

Старый Хокси был законченным негодяем, но его всегда восхищала дерзость и решительность геркулесианца.

Файаман, которого несколько лет назад выгнали из флота королевства Дракона, открыто ненавидел Бронда Холла. Однажды между ними вспыхнула ссора из-за добычи, а Файаман не из тех, кто забывает обиды.

Гарр Аттен был самым крепким орешком. Уже много лет он, с молчаливого согласия других капитанов, оставался лидером Внешних Миров и тоже не испытывал особой любви к Бронду Холлу.

Мейсон снова переключил внимание на Хокси. Старый землянин болтал без умолку, ведя машину сквозь джунгли. По обеим сторонам дороги поднимались причудливые, напоминающие полипы деревья с чашеобразными листьями и медленно раскачивающимися на ветру цветами. Из темноты доносились крики мелкой живности, такой же необычной, как и эти полиповые заросли.

– Гарр намерен заняться честной торговлей, – недовольно сообщил Хокси. – Невиданное дело для Куруна. Раньше здесь была веселая жизнь, а теперь Гарр ужасно злится, если кто-то отправляется в рейд... но ты, наверное, уже и сам знаешь.

Он снова хитро скосился на Мейсона, но тот был слишком занят собственными мыслями и оставил намеки Хокси без ответа. Необходимо было выяснить, появлялся ли здесь Рилл Эмрис, но Мейсон не мог прямо спросить об этом.

– Что здесь творилось, пока меня не было? – поинтересовался он.

– Нам самим хотелось бы это понять.

– В каком смысле?

Старый землянин хмуро посмотрел на него:

– Гарр что-то задумал и не хочет объяснить, что именно. Он очень возбужден и постоянно твердит об устройстве во

Внешних Мирах собственного королевства. Он велел нам прекратить все рейды и ждать. – Хокси вздохнул. – Ребята уже устали от безделья.

Это мало что сказало Мейсону и ничуть не приблизило к цели. Он сделал еще одну попытку.

– В мое отсутствие появился кто—то новенький?

Хокси пожал плечами:

– Обычные люди, которым стало неуютно дома, и они решили сбежать во Внешние Миры. Но ничего интересного. Кроме разве что одного парня с Лиры, по имени Чейн Фейрли. Он привез с собой подружку – настоящую красотку. Все наши парни заглядываются на нее, а Файаман особенно.

Мейсон решил, что этот человек вряд ли мог быть сбежавшим с Ориона ученым.

– Когда объявился этот Фейрли?

– Да пару недель назад, – буркнул Хокси.

Дата не совпадала, так что это точно не Рилл Эмрис. Но он мог оказаться агентом с Ориона, тем самым В’ранном, которого послали за ученым. Но ни один агент не стал бы обременять себя женщиной. И все же будет лучше, если Мейсон внимательней присмотрится к этому Фейрли.

Впереди замерцали огни Куруна, и вскоре автомобиль уже ехал по мощеным улицам города.

Мейсону довелось побывать во многих необычных городах отдаленных звездных миров, но ничего похожего он прежде не встречал. Город не впечатлял своей архитектурой: вдоль разбегающихся в разные стороны улиц толпились одноэтажные здания из черного камня, ярко освещенная центральная магистраль была украшена по обочинам все теми же полипами. Здешние питейные заведения и магазины обслуживали самую разношерстную публику, какую Мейсон видел в своей жизни.

Люди и гуманоиды с сотен планет Галактики, мужчины и женщины и похожие на мужчин и женщин. Волосатые, чешуйчатые и пернатые, с клювом вместо носа и вовсе

безносые, с жуткими, но почти человеческими лицами. Маленькие и примитивные аборигены Куруна, громадные, покрытые белым мехом гуманоиды с холодных планет, задыхающиеся в ночной духоте, гордые представители древней расы Ригеля, с тигриной походкой и гребнем на голове, гибкие, словно змеи, обитатели миров за Полярной звездой, не имеющие ничего общего с сыновьями Адама. Всех их объединяли две вещи: каждый из них ходил на двух ногах и влип в какие-то неприятности у себя дома.

Множество глаз – человеческих и кошачьих, черных, совсем без зрачков, и блеклых, словно слепых, – уставилось на Мейсона, когда он вслед за Хокси вылезал из машины. Его узнали, и по толпе пробежал шепот: «Бронд Холл».

– Идем! – Хокси явно предвкушал удовольствие. – Ты прибыл в удачное время. Сегодня вечером собираются все капитаны.

– Зачем? – резко спросил Мейсон.

– Я же тебе рассказывал, что ребята устали ждать, когда Гарр раскроет карты. Вот зачем.

Они протиснулись сквозь разношерстную толпу, и Хокси повел Мейсона к самому большому, судя по всему, питейному заведению Куруна. Однако изнутри не доносились смех и музыка – только громкие сердитые голоса. Следом за Хокси Мейсон вошел.

В просторном зале с каменным полом и стенами было темновато, свет криптоновых ламп не мог развеять мрак в углах помещения. Люди и гуманоиды, как сидевшие за сдвинутыми в круг столами, так и стоявшие у стен, слушали речь разгневанного оратора.

Этим оратором был Гарр Аттен. Мейсона умилило то, что этот человек собирается объявить о создании нового королевства, хотя тронным залом ему служит простая таверна в мире стоявших вне закона преступников.

– Будь я проклят, если отступлюсь от своего, а вы можете убираться к дьяволу, если вам так этого хочется! – ревел Гарр Аттен.

Это был высокий, уже далеко не молодой гидрианец, с помятым бронзовокожим лицом и песочного цвета глазами, в которых пылала львиная ярость. Он стоял, сжав огромные кулаки и грозно оглядывая толпу слушателей.

– Объясняю еще раз: я задумал серьезное дело, а доверяете вы мне или нет – это уже ваши трудности! – продолжал бушевать он.

– Гарр, мы доверяем тебе, – ответил за всю угрюмо молчавшую толпу красивый бледный мужчина с сонными черными глазами. – Но нам хотелось бы знать подробности.

Мейсон быстро взглянул на говорящего, хорошо известного ему по воспоминаниям Бронда Холла. Этого человека

из королевства Дракона звали Файаман, и за ним был нужен глаз да глаз.

– Ага, твой старый друг тоже здесь, – хихикнул Хокси и добавил: – А рядом с ним тот новичок, Чейн Фейрли. Скажи честно, разве его подружка не та еще штучка? Ее зовут Луа.

Мейсон с любопытством рассмотрел внушительную фигуру лирианца, его голубоватую кожу, иссиня–черные волосы и квадратное лицо. За спиной у него стояла молодая женщина, прекрасная, какими могут быть только голубокожие лирианки. Она с беспокойством и даже испугом прислушивалась к шумному спору.

Следующим заговорил крупный большеглазый гуманоид с Бетельгейзе, покрытый эффектным ярко–желтым мехом. Он сверлил Гарра Аттена взглядом, однако слова его были спокойны и безобидны:

– Теперь, Гарр, когда ты объяснил, что задумал создать во Внешних Мирах свободное королевство, мы готовы сказать, что пойдём за тобой.

– Мы просто устали от безделья, – заявил высокий гуманоид с Ригеля, расправив гребень из перьев.

Гарр Аттен не желал успокаиваться.

– А что вам хотелось бы – снова нападать на Лиру и Касиопею? – взревел он. – Добиться того, чтобы полдюжины звездных королей наконец объединили свои силы и стерли нас в порошок? Попробуйте, и кончите так же, как...

Мейсон вышел из–за спин слушателей. Гарр заметил движение в зале, повернул голову и уставился на Мейсона, открыв рот от удивления.

– Как Бронд Холл? – с любезным видом поинтересовался Мейсон. – Ты ведь это хотел сказать, Гарр? Твой пример успел прокиснуть. Фальшивая монета всегда возвращается, вот и я тоже вернулся.

За спиной у него загудели, послышались удивленные возгласы, но Мейсон не удостоил их вниманием. Он должен точно изображать Бронда Холла даже в мелочах, если не

хочет, чтобы его разоблачили. Держать себя иначе с грубыми и жестокими капитанами Внешних Миров было бы опасно.

Внезапно побледневший Файаман впился взглядом в Мейсона и с приглушенными проклятиями вскочил на ноги. Его рука потянулась к спрятанному под рубашкой оружию.

Мейсон ожидал чего—то подобного.

– Давай, Файаман, – спокойно произнес он, сжимая рукоятку своего пистолета. – Я уверен, что это ты навел на меня кассиопейцев. Давно собирался пристрелить тебя, и сейчас самый удобный случай.

На миг все застыли в молчании, затем Гарр Аттен с поднятым пистолетом шагнул вперед.

– Если вы откроете стрельбу, я сам убью того, кто останется в живых! – яростно проревел он и добавил, мрачно глядя на Мейсона: – У тебя есть доказательства, что это сделал именно Файаман?

– Никто не желает мне смерти сильнее, чем он, – огрызнулся Мейсон.

– Это еще не доказательство, – возразил гидрианец. – Значит, Бронд, ты вернулся. Не могу сказать, что счастлив видеть тебя снова. Ты вечно начинаешь какие—то склоки. Но Внешние Миры всегда готовы принять любого беглеца. Только запомни: если ты учудишь еще что—нибудь теперь, когда мы задумали такое великое дело, – тебе крышка!

4

Мейсон стоял насупившись, словно решая, стоит ли бросать вызов Гарру Аттену. На самом деле он почувствовал лишь облегчение, когда гидрианец предотвратил поединок. Меньше всего ему хотелось бы сейчас разбираться с врагами Бронда Холла, отвлекаясь от собственного задания. Но он обязан был вести себя как настоящий пират.

Он убрал руку с пистолета и угрюмо проворчал:

– Хорошо, я не буду чудить. Но я все еще не знаю, по чьей милости гнил в сириусианской тюрьме.

– Вбей наконец себе в башку, Бронд, что времена изменились, – с нажимом сказал Гарр Аттен. – Если ты снова отпавишься в пиратский рейд, я сам сообщу об этом звездным королям.

– И что нам теперь делать – становиться фермерами? – буркнул Мейсон.

– Можно неплохо нажиться на торговле с гуманоидами Внешних Миров, – предложил Гарр. – Займитесь этим, а не грабежами.

– Похоже, я слишком зажился на этом свете, – прогнулсавил старый Хокси, – если капитанам больше нельзя никого ограбить.

Множество голосов поддержали его недовольным гудением. В песочных глазах Гарра Аттена вспыхнула искорка гнева.

– Дурачье! У нас появился шанс стать настоящим звездным королевством, а не приютом для беглецов. Такой шанс, какого не было ни у кого и никогда. А вы хотите отказаться от него ради грабежа. Нет, я запрещаю вам.

– Ты все еще не рассказал нам, как собираешься этого добиться, – проворчал кто–то.

– Я все расскажу, когда уже не будет опасности, что кто–то из вас проболтается, – жестко ответил Гарр. – А пока ждите!

Мейсон видел, что упрямые капитаны недовольны ответом. Но никто не решился бросить вызов грозному гидрианцу. Пришлось поверить Гарру на слово.

Но что задумал Гарр Аттен? Почему он уверен, что звездные короли признают основанное им королевство? Мысли Мейсона неслись с лихорадочной быстротой. Возможно – только возможно, – эта ниточка приведет его к цели.

Капитаны начали расходиться. Мейсон через всю комнату направился к Гарру Аттену, не обращая внимания на угрюмый взгляд Файамана.

– У меня есть кое—какие новости, и, думаю, тебе будет полезно это знать.

– Что такое? – нахмурился гидрианец.

– Если ты хочешь, чтобы нас услышал весь Курун, я могу рассказать прямо сейчас. Начинать?

Гарр Аттен побагровел:

– Бронд, с первого своего появления здесь ты напрашиваешься, чтобы я свернул тебе шею. Продолжай в том же духе, и я окажу тебе эту услугу. Хорошо, пойдем туда, где ты сможешь рассказать свои новости без свидетелей.

Он вышел из зала, Мейсон последовал за ним, заметив мимоходом, что Файаман продолжает наблюдать за ним с удивительно знакомым выражением лица. Он попытался вспомнить, где раньше видел, что—то похожее, и наконец из глубин памяти всплыла картина: гигантский серый кот устремил голодный взгляд на щиплющего траву кролика. На мгновение Мейсон разозлился. Рано или поздно этот кот решится на прыжок, и придется разбираться с ним, отложив в сторону по—настоящему важные дела. Он мысленно пожелал Файаману провалиться в Угольный Мешок ¹⁵.

Он не заметил возле входа Фейрли и его подружку и лишь потом разглядел, как они идут по улице, взявшись за руки. Луа смотрела на Фейрли так, будто ловила каждое его слово, ее бедра с дразнящим изяществом двигались под шелковым платьем, длинные волосы развевались за спиной. Мейсон на мгновение позавидовал Фейрли, но тут же выбросил парочку из головы.

Гарр Аттен вел его по запруженной пешеходами улице. По воспоминаниям Бронда Холла, эта дорога была хорошо известна Мейсону. Яркие огни освещали человеческие, квазичеловеческие и вовсе нечеловеческие лица, проплывающие мимо, словно разноцветные маски актеров экзотического театра. Сквозь закрытые ставни домов пробивался тусклый свет. Шеренги диковинных деревьев—полипов

¹⁵ Угольный Мешок – темная туманность в созвездии Южного Креста, видима как черный провал в Млечном Пути.

вздрагивали каждый раз, когда кто-то проходил мимо, и покачивали гирляндами сладко пахнущих цветов.

Они вышли к большому дому из черного камня на окраине города в зарослях полипов. Казалось, деревья жадно тянут к нему свои толстые пальцы. Писк миллионов мелких ночных насекомых доносился с каждой ветки или травинки. Над землей поднимался туман, стремясь накрыть дом серебристой завесой. Но он стоял на прежнем месте, такой же непоколебимый, как и построивший его человек.

Слуги, встретившие их у входа, тоже были хорошо знакомы Бронду Холлу, однако Мейсон при виде их едва сдержал дрожь отвращения. У человекоподобных аборигенов Куруна «подобие» явно преобладало над «человеческим» – это были маленькие, шустрые существа, с выступающими вперед зубами и отталкивающе-гладкой кожей. Гарр Аттен отослал их и провел Мейсона в большую полупустую комнату с аскетической обстановкой, резко отличавшейся от той роскоши, которой грешили прочие капитаны.

– Итак, Бронд, – произнес гидрианец. – Вот мы и одни. Выкладывай, что там у тебя?

Пронзительные голоса насекомых проникали в комнату через приоткрытое окно вместе с потоком теплого воздуха. Мейсон вытер вспотевший лоб рукавом.

– Думаю, тебе будет интересно знать, что в туманности Гантели скрывается целая эскадра чьих-то крейсеров. Я едва не наткнулся на них, пролетая сквозь облако.

Его слова ошеломили Гарра Аттена. На мгновение гидрианец утратил обычный жесткий контроль над собой и воскликнул в отчаянии:

– Боже мой, если Орион!..

Он внезапно замолчал, не договорив.

– Почему крейсеры Ориона прячутся в туманности, ничего не видя вокруг из-за пыли? – с невинным выражением лица спросил Мейсон. – Чего они там ждут – сигнала к атаке?

– Может быть, – односложно ответил Гарр Аттен и принялся в задумчивости расхаживать из угла в угол. – Может быть...

Мейсон задыхался от горячего влажного воздуха. От нервного возбуждения пробирала дрожь. Монотонное пение насекомых резало слух. Слишком много зависело сейчас от любой мелочи – одно неверное слово, один неосторожный взгляд или просто учащенное дыхание могли оставить его без ответа и без головы.

Он постарался придать своему голосу – голосу Бронда Холла – вызывающую резкость:

– Гарр, почему ты упомянул Орион? И почему остановился на полуслове? Что ты знаешь такое, о чем не знают другие?

Гарр Аттен бросил на него тяжелый, озабоченный взгляд:

– Сейчас я ничего не могу тебе рассказать. Подожди, пока...

Мейсон шагнул к Гарру Аттену.

– Подождать? – переспросил он. – Здорово ты придумал. Чужие крейсера висят у нас над головой, а мы должны ждать, пока ты соизволишь рассказать, что они там делают. Сомневаюсь, что ребятам это понравится. Думаю, они захотят узнать, ради чего мы подставляем свои головы под удар.

Гидрианец резко изменился в лице, и по спине у Мейсона, несмотря на жару, пробежал холодок.

– Не пытайся шантажировать меня, – прорычал Гарр Аттен. – Я этого не люблю. Да, я хотел бы, чтобы ты сохранил эти новости в тайне. Но ты не заставишь меня рассказать тебе все в обмен на молчание.

Мейсон задумался, не надавить ли посильнее. Как далеко зашел бы на его месте Бронд Холл, думающий только о собственной шкуре?

«Будь прокляты и жара, и сверчки – или как называют мерзких маленьких тварей в этом вонючем мире...»

– Я не смогу доверять тебе, пока не получу объяснения, – сказал Мейсон. – Эти крейсеры...

Он замолчал на полуслове и прислушался.

Прислушался к чему—то... к тишине.

Ночные насекомые прекратили свои песни. За приоткрытым окном в зарослях было непривычно тихо, словно сами джунгли затаили дыхание.

– Крейсеры еще далеко, – спокойно продолжил Мейсон и подошел к письменному столу в углу комнаты. – Я могу нарисовать схему их расположения.

Замешательство в глазах Гарра Аттена сменилось пониманием.

– Хорошо, нарисуй.

Он наклонился и с любопытством посмотрел через плечо Мейсона, как тот выводит на листе бумаги: «Под окном кто—то стоит».

Гарр Аттен протянул руку к лампе, и комната погрузилась в темноту.

– Беги! – услышал Мейсон шепот гидрианца.

Но он уже и так бежал. Выскочив на середину комнаты, он бросился на пол, и в тот же миг над письменным столом загорелась крошечная белая звездочка, ослепительно—яркая, как вспышка сверхновой. Через секунду она исчезла, прихватив с собой стол и часть стены. И все это без единого звука.

Энергетический заряд, смертоносный и бесшумный.

Мейсон метнулся к стене и выхватил свой пистолет. Раздался легкий щелчок спускового механизма, и еще одна звездочка вспыхнула и исчезла за окном. Это Гарр Аттен выстрелил в ответ. Значит, с ним все в порядке. К счастью, убийца промахнулся.

Да, действительно к счастью. И для самого Мейсона тоже, потому что он стоял рядом с Гарром Аттенем и целиться могли в любого из них. Вот только кто и зачем стрелял?

Файаман – чтобы избавиться от Бронда Холла?

Кто—то из капитанов – чтобы помешать Гарру Аттену установить новые порядки?

Или некто по имени В’ранн – чтобы устранить замаскированного терранского агента Хью Мейсона?

Мейсон выскочил в коридор почти одновременно с Гарром Аттенем, так что они едва не сбили друг друга с ног. Позади них в комнате снова вспыхнул яркий свет, и дверь, через которую они только что выбежали, исчезла в бесшумном пламени.

– Выберемся из дома и обойдем его, с другой стороны, – решил Мейсон.

Гарр Аттен озадаченно посмотрел на него, но промолчал. Они промчались по длинному коридору. Полдюжины слуг забились в угол и испуганно смотрели оттуда. Мейсон с Гарром Аттенем выскочили на террасу из черного камня, скользкую от росы, а затем повернули за угол дома. Крохотные ночные певцы молчали, съежившись на своих листьях и травинках и ожидая, когда великаны перестанут сотрясать их мир. Воздух был наполнен смешанными ароматами жизни и смерти, как всегда, пахнет в джунглях, на какой бы планете вы ни находились. И смерть действительно притаилась в тени под высокими деревьями—полипами, где зеленоватый лунный свет смешивался с туманом, как яд растворяется в чаше с вином.

Гарр Аттен молча подал знак, и они с Мейсоном разделились. Каждый нашел себе укрытие и начал медленно красться сквозь темноту в промокшей от холодной росы одежде, порой останавливаясь и прислушиваясь, вздрагивая от каждого шороха соседних полипов, с быстротой оленя перебегая освещенные луной места, когда каждый нерв напрягался и беззвучно кричал в ожидании внезапной вспышки и смертельного удара.

Они охотились за кем—то, а кто—то охотился за ними.

В лунном свете показалась черная гладкая стена с окном, возле которого в момент выстрела стоял убийца. Мейсон остановился в тени между двумя стволами полипов, не

приближаясь к ним, и прислушался. Вытер ладони об одежду, чтобы избавиться от липкого пота, и переложил пистолет из одной руки в другую. Руки были холодными, как и все тело, несмотря на влажную жару.

Стояла глубокая тишина, словно весь этот мир умер миллион лет назад.

Внезапно донесся неясный шум, и ветви полипа в двадцати ярдах от Мейсона зашевелились. Мгновенно сообразив, что кто-то подошел слишком близко к дереву, Мейсон пригнулся и упал в траву в десяти футах от того места, где только что стоял.

И где теперь беззвучно расцвела ослепительная вспышка.

Мейсон перекатился по траве и выстрелил в ту точку, где слышал шум.

Заряд попал прямо в дерево, вспыхнув еще одной яркой звездой. Рядом с полипом стоял человек с пистолетом и целился в Мейсона. Вспышка задела его.

В наступившей темноте послышался слабый звук, похожий на мычание, а затем дерево с громким треском рухнуло.

Мейсон вскочил и рванулся туда. Свободной рукой он достал из кармана фонарь и включил. На траве лицом вверх лежал Чейн Фейрли. Глаза его были широко раскрыты, но ничего не видели. Одна рука все еще сжимала пистолет. Другой руки и части груди теперь не было вовсе – там, где его коснулась вспышка.

Мейсон смотрел на окаменевшее голубоватое лицо мертвого лирианца и напряженно размышлял: был ли Фейрли тем самым орионским агентом, В'ранном?

«Если так, – думал Мейсон, – значит он понял, что подозрительно своевременный побег Бронда Холла из тюрьмы – всего лишь уловка, необходимая для того, чтобы доставить сюда замаскированного терранского агента. Но он взял с собой женщину, а это не похоже...»

Он резко переключился на другую мысль: «Женщина все еще жива. Нужно срочно найти ее».

Он развернулся, услышав шаги за спиной. Луч фонаря осветил мощную фигуру Гарра Аттена, идущего между деревьям.

– Я думал, что он тебя прихлопнет, – признался Гарр. – Кто этот чертов...

Мейсон осветил лицо убитого. Гарр помолчал немного, затем произнес:

– Чейн Фейрли. Но он появился здесь всего несколько недель назад. Зачем ему понадобилось... – Он оборвал сам себя и резко спросил: – Ты нигде раньше не встречался с ним?

– Нет, – совершенно искренне ответил Мейсон.

Гарр Аттен кивнул:

– Он ничем не показал вчера, что знает тебя. Стало быть, у него не было с тобой никаких личных счетов и это меня, а не тебя он пытался убить.

– Но почему, если он лишь недавно здесь?

– Возможно, его подослал кто-то из капитанов, – мрачно заявил Гарр. – Кто-то хочет заполучить то, что у меня есть.

– А что у тебя есть? – напрямик спросил Мейсон.

Гидрианец угрюмо посмотрел на него:

– Ты спас мне жизнь, Бронд, и я в долгу перед тобой. Хорошо, я расскажу.

Его мощная фигура в призрачно-зеленом лунном свете казалась еще больше, чем на самом деле, а голос дрожал от напряжения.

– У меня есть один человек. Он появился здесь, когда ты уже сидел. И он знает секрет оружия, равного которому никогда не было во всей Галактике.

Ни один мускул не дрогнул на лице Мейсона, но мысленно он радостно вскрикнул: «Рилл Эмрис!»

– С этим оружием, – продолжил Гарр Аттен, – я превращу Внешние Миры в независимое королевство. Можешь поверить, я раздавлю этих звездных королей, как яичную скорлупу, если они попытаются мне помешать!

При виде грубого лица гидрианца, охваченного жаждой власти и нетерпением, у Мейсона похолодело внутри. Землянин вспомнил, как умирающий Олифант предупреждал его об оружии, обладающем невероятной мощью. И в этот миг он понял, что вся Галактика, все ее империи и королевства находятся на краю пропасти.

– Но у меня мало времени, – раздраженно закончил Гарр Аттен. – Слишком мало! Орионские крейсера следят за мной, и мои же капитаны хотят меня убить! Я должен начать немедленно – сейчас или никогда.

5

Планета поворачивалась к рассвету. Величественное сияние над головой заволокло дымкой, звезды потускнели, и на востоке забрезжило слабое зеленоватое зарево. Затем оно превратилось в яркое свечение, и изумрудное светило поднялось над горизонтом, озаря горячими лучами полиповые джунгли вокруг города.

Гуманоидные слуги Гарра Аттена, перекрикиваясь между собой, как обезьяны, уволокли труп Фейрли хоронить. Сам Гарр нервно ходил взад–вперед по комнате, в которой его чуть не убили, а Мейсон спокойно наблюдал за ним.

– Они хотят знать мои планы, – проворчал гидрианец. – Хорошо, я им расскажу. Можешь объявить всем, что мы снова встречаемся сегодня вечером.

Мейсон был только рад поскорей уйти. Его ждали свои неотложные дела, и он повернулся к выходу.

– И помни, ни слова об орионских крейсерах, – пророкотал гидрианец.

– Я и не собирался. – Мейсон кивнул.

Гарр Аттен посмотрел на него, затем подошел и заглянул прямо в глаза:

– Бронд, черт тебя разберет. Ты никогда не был хорошим парнем. Но я не припомню случая, когда бы ты солгал. Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Что именно?

– Правду, вот что! Всего одно слово: ты за меня или против?

Мейсона разрывали противоречивые чувства. Он выполнял задание Терранской империи. Ради мира и спокойствия в Галактике он не остановится ни перед чем и готов ломать людей, как спички. А этот гидрианец был беглым преступником, к тому же наивным мечтателем, но все—таки он был человеком.

– Гарр, я скажу тебе правду, – ответил Мейсон. – Я думаю, ты способен стать королем. И я не выступлю против тебя, если не заставят обстоятельства.

– Глупо было надеяться, что ты скажешь правду, – ошестинился Гарр. – А ведь я уже почти поверил тебе. Ладно, ступай и сообщи капитанам о встрече.

Под ослепительно—ярким зеленым солнцем Мейсон направился назад к главной улице. В таверне все еще было шумно, и он долго разглядывал посетителей, пока не увидел Хокси.

Когда Мейсон передал сообщение Гарра, глаза старого землянина засветились.

– Не беспокойся, я оповещу ребят. Значит, Гарр наконец—то решил, что—то нам рассказать? Давно пора.

– Где живет Чейн Фейрли? – спросил Мейсон.

– Так ты тоже запал на его подружку? – усмехнулся Хокси. – Что ж, теперь Файаман полюбит тебя еще сильнее – я ведь говорил тебе, что он за ней увивается.

Выяснив, как найти дом Фейрли, Мейсон направился по улице к группе зданий из черного камня, разбросанных вдоль края полиповых джунглей. Лирианка Луа сидела возле одного из них и расчесывала длинные черные волосы.

Причудливые зеленые деревья отшатнулись, когда Мейсон подошел ближе. Луа бросила на него быстрый

настороженный взгляд. Большие черные глаза, голубоватая кожа, облегающие шелковые брюки и блузка. Мейсон подумал, что старый Хокси прав и эта женщина способна доставить всем немало хлопот. Но он хотел выяснить, не способна ли она на что—то большее.

– Чейн Фейрли убит, – с ходу огорошил ее Мейсон, не найдя другого способа сказать правду.

Луа вскочила на ноги, долго смотрела на него с потрясенным видом, все еще не веря услышанному, и наконец произнесла:

– Кто его убил? Ты?

– Да, – признался Мейсон. – Он хотел застрелить Гарра Аттена, а заодно и меня. Вот мне и пришлось...

Он замолчал, а потом был слишком занят, чтобы что—то добавить. Словно дикая кошка, Луа набросилась на него, вцепившись ногтями в лицо, а другой рукой пытаясь выхватить пистолет, висевший у него на поясе.

Мейсон остановил лирианку, крепко сжал ее руки своими и как следует тряхнул:

– Убийца должен быть готов к тому, что сам может погибнуть. И ты не могла не знать об этом, когда согласилась прилететь сюда вместе с ним.

Луа внезапно перестала сопротивляться и разрыдалась:

– Что теперь со мной будет?

– Я рад, что твое горе не настолько глубоко, чтобы не думать о себе, – ядовито заметил Мейсон.

Он отпустил ее и отошел на шаг. Теперь лирианка не казалась ни сексуальной красоткой, ни дикой кошкой, а просто испуганной девочкой с размазанными по щекам слезами и трясущимися губами.

– Кто такой Фейрли? – задал вопрос Мейсон. – Кем он был на самом деле?

– Не понимаю, о чем ты говоришь. – Луа подняла на него глаза. – Мы познакомились в Линнабаре, я там была танцовщицей в развлекательном центре космопорта. Он сказал, что занимается межзвездной торговлей, что у него есть свой

небольшой корабль, и предложил лететь с ним. Я согласилась. И только потом он признался, что он беглый преступник и направляется во Внешние Миры, где закону до него не добраться.

«Возможно, это правда, – подумал Мейсон. – Но если Фейрли – обыкновенный преступник, сбежавший во Внешние Миры, то зачем ему понадобилось стрелять в Гарра?»

С другой стороны, если Фейрли и есть В’ранн, орионский агент, он вполне мог притвориться лирианским преступником и прихватить с собой эту женщину как дополнительную маскировку. И у В’ранна были причины, чтобы заподозрить в «Бронде Холле» терранского агента и попытаться убить его.

– Что теперь со мной будет? – печально повторила Луа.

– Не думаю, что тебе трудно будет найти нового защитника, – проворчал Мейсон.

– Мне нравится Файаман с Дракона, – задумчиво произнесла Луа.

Мейсон подумал с неприязнью, что она оказалась дешевой потаскухой, но заставил себя вернуться к главной задаче – разобраться с личностью Фейрли. Если он был В’ранном, то облик лирианца – всего лишь маска, но с помощью косметических средств можно так изменить внешность, что только лабораторный анализ распознает подделку. Однако у Мейсона нет при себе нужных приборов, нет даже времени для исследований, потому что Гарр уже приказал своим слугам похоронить Фейрли.

Мейсон шагнул к открытой двери небольшого дома из черного камня.

– Что тебе там нужно? – обеспокоенно спросила Луа.

Мейсон не ответил и вошел внутрь, оставив испуганную женщину за спиной.

Во всем доме только три темные и сырые комнаты выглядели обжитыми. На кухне царил беспорядок, и Мейсон решил, что стряпня и уборка не входят в число талантов

Луа. Зато ее безвкусные наряды и украшения были разложены в спальне с большой любовью.

Он быстро осмотрел пожитки Чейна Фейрли. Обычные припасы, какие возит с собой любой беглый преступник: оружие, карты, вино и несколько трехмерных фотографий девушек, которые наверняка вызвали бы жгучую ревность Луа, если бы та их увидела. Ни одна вещь здесь не говорила о том, что Фейрли на самом деле был В'ранном с Ориона. С другой стороны, лучший агент орионской разведки и не должен иметь при себе ничего такого, что способно его выдать.

Мейсон остановился в хмуром раздумье и вдруг услышал снаружи резкий голос Файамана:

– Луа, мне только что передали, будто бы сегодня Гарр Аттен наконец—то расскажет нам о своих планах, и я...

– Чейн убит, – перебила его Луа пронзительным, срывающимся голосом. – Бронд Холл сам признался, что это его работа. Он сейчас в доме!

Мейсон вышел из темного помещения под ослепительные лучи зеленого солнца. Файаман с проклятьями повернулся к нему, потянувшись рукой под рубашку.

– Рад видеть, что ты так удивлен этой новостью, – сказал Мейсон. – Если бы Фейрли отправился убивать Гарра по твоему приказу, ты бы сейчас вообще не удивился.

– Что за ерунду ты несешь? – спросил Файаман с напряженным, мраморно—белым лицом.

– Он сказал, что Чейн пытался убить Гарра, – объяснила Луа. – Поэтому он и убил Чейна. Он так меня напугал, – добавила она со слезами на глазах.

Файаман все никак не решался выхватить пистолет. Тень сомнения пробежала по его лицу.

– Это правда, – кивнул Мейсон. – Гарр не верит, что Фейрли, совсем недавно появившийся здесь, мог сам желать его смерти.

Файаман растерялся еще сильнее и медленно вытащил руку из—под рубашки.

– Понятно, – пробормотал он. – Ты спас Гарра, чтобы втереться к нему в доверие. Ты хитрый малый, Бронд. Беда лишь в том, что недостаточно хитрый.

– Да, именно таким я был, когда отправился в рейд, оставив тебя за спиной, чтобы ты преспокойно сдал меня, – жестко ответил Мейсон. – В следующий раз ты не получишь такого шанса. Я позабочусь, чтобы ты больше ничего никому не смог сообщить.

Файаман усмехнулся:

– В любой момент, Бронд. Когда только захочешь.

Мейсон прошел мимо, заметив, как Луа прижимается к Файаману, словно щенок, подлизывающийся к новому хозяину.

Он понимал, что недалеко продвинулся в своем расследовании. Удобнее было бы посчитать Чейна Фейрли В'ранном, поскольку это означало бы, что орионский агент мертв. Но Мейсон не обнаружил никаких доказательств. И если он ошибается, если В'ранн – это кто-то другой, то он ходит сейчас по минному полю. Агент Ориона все еще здесь, и орионские крейсеры спрятались в засаде в глубине туманности, готовые сорваться с цепи, как только пропавший Рилл Эмрис будет обнаружен.

Мейсон продолжал размышлять над этим, когда снова повстречал Хокси. Старый землянин уже знал последние новости и радостно поприветствовал Мейсона:

– Значит, ты убил Чейна Фейрли? Отлично, на Куруне снова начинается веселая жизнь. Подозреваю, что теперь вы с Файаманом поцапаетесь из-за этой девки. – Он восхищенно похлопал Мейсона по спине. – Идем ко мне, Бронд. Все равно твой дом развалился, пока тебя здесь не было. А у меня найдется пара бутылок доброго вина.

Мейсон отправился вместе с Хокси к нему домой и пил вино, пока в голове не загудело. Он заставил себя сохранять ясность ума. Ему нужно было накачать Хокси, не вызывая

подозрений, и узнать, кто еще из новичков, недавно прибывших во Внешние Миры, мог оказаться В'ранном.

– Нет, здесь не появилось ни одного крепкого и отчаянного парня, наподобие тех, что прилетали к нам в прежние времена, – огорченно сказал Хокси, утирая рот. – Гарр стал чересчур привередливым, он не хочет, чтобы у нас здесь стреляли или что–нибудь еще в этом роде. Как будто пара старых добрых убийств может на что–то повлиять.

– Ты говорил о человеке по имени Цин Дири, который прилетел сюда, а потом куда–то пропал, – напомнил Мейсон.

– Он не был крутым парнем. Худой, дерганный какой–то. Сказал, что родом с Арго, хотя мне показалось, что совсем не похож. Но это было месяц назад, а потом Гарр отвез его куда–то дальше.

Мейсон подумал, что Цин Дири никак не может быть В'ранном, и вдруг до него дошло: этот человек вполне может оказаться Риллом Эмрисом.

Но кто же тогда В'ранн? Мейсону по–прежнему не давала покоя мысль о том, что орионский агент все еще жив. А через несколько часов Гарр Аттен откроет капитанам свои планы...

Решение пришло внезапно. Если В'ранн действительно скрывается под какой–нибудь маской, его можно вычислить после встречи Гарра с капитанами. В'ранн наверняка захочет узнать, что сказал Гарр, он непременно начнет действовать, и это шанс для Мейсона.

Поскольку других идей у него не было, Мейсон ухватился за эту. Чтобы прекратить пьянку с твердолобым старым землянином, он сделал вид, будто уснул.

– Должно быть, тюрьма здорово тебя измотала, Бронд, раз уж ты так быстро отключился, – услышал он голос Хокси, а через мгновение и в самом деле задремал.

Через час Хокси, похожий на привидение, разбудил его:

– Пора идти на встречу с Гарром. Думаю, ты не хотел бы ее проспать.

Когда Мейсон и Хокси подошли к дому Гарра Аттена, зеленое солнце уже скрылось за горизонтом и на темнеющем небе снова проступили звезды. У дверей и в прихожей стояли вооруженные люди.

– Думаю, Гарр не хочет, чтобы о его секрете узнал кто-то еще, кроме нас, – пробормотал старый землянин.

Мейсон согласился и подумал, что, если В'ранн жив, никакие охранники не помещают ему проникнуть в дом.

Гарр Аттан стоял посередине большой пустой комнаты и хмуро разглядывал капитанов. Люди и гуманоиды – они все пришли на встречу. Все молчали, но на лицах читалось жгучее любопытство. Глаза Файамана сверкали, как у собаки, почуявшей дичь.

– Вы не захотели поверить мне на слово, – раздраженно сказал Гарр Аттен. – И теперь я рискую потерять все, если кто-то из вас проболтается. Что ж, вы сами этого добивались. – Он снова окинул собравшихся мрачным взглядом и продолжил: – Много лет мы мечтали о том, чтобы создать во Внешних Мирах свое, ни от кого не зависящее королевство. Раньше это было невозможно. Стоило нам заикнуться о таких планах, как все звездные короли в этой части Галактики набросились бы на нас. А нам не хватило бы сил отразить их нападение. Но если у нас появится оружие, способное их остановить, мы можем основать новое государство.

Он помолчал и заговорил опять:

– Несколько месяцев назад к нам прилетел беженец по имени Цин Дири. Он показался мне достойным человеком, и я приютил его. Он был благодарен мне. Очень благодарен, но потом вдруг начал беспокоиться и наконец признался кое в чем. Он сказал, что на самом деле его зовут Рилл Эмрис, и что он ученый из Орионской империи. Он сделал великое открытие, но опасался, что король Ориона узнает об этом и захочет сделать его открытие оружием для новых завоеваний. Рилл Эмрис так испугался, что решил тайно сбежать во Внешние Миры.

Но теперь он снова беспокоился. Он понял, что рано или поздно орионцы отыщут его. Тогда они пришлют за ним корабли и разнесут нас вдребезги, если мы посмеем помешать. А он так нам благодарен за приют, что просто не переживет, если мы из-за него пострадаем.

Песочные глаза Гарра Аттена засверкали.

– Я сразу сообразил, что это наш шанс. Дай нам это оружие, попросил я его, и, если оно такое мощное, как ты говоришь, мы защитимся и от орионцев, и от кого угодно. Он сначала заупрямился: дескать, потому и сбежал, что не хотел превращать свое открытие в оружие. Но я объяснил, что орионцы используют оружие для завоеваний, а мы – только для обороны. И для того, чтобы основать во Внешних Мирах королевство, где сможет найти пристанище любой беженец вроде него самого.

Это в конце концов убедило Рилла Эмриса. Он согласился сделать для меня эту штуку. Но для работы ему нужен был необитаемый мир. Поэтому я отвез его дальше вглубь скопления – туда, где течения настолько опасны, что мимо них можно проскочить лишь по Каналу Дьявола. За Каналом есть погасшая звезда с необитаемыми планетами, хотя на самой ближней к солнцу, судя по развалинам, когда-то жили гуманоиды. Рилл Эмрис устроил там мастерскую. Я много раз прилетал туда и привозил нужные ему материалы. Он сделал это оружие, но всего в одном экземпляре. А нам нужно намного больше, чтобы защититься от звездных королей, не говоря уже об орионцах. Вот почему я тянул время, как только мог.

Мейсон, как и остальные, слушал Гарра в напряженном молчании. Наконец Хокси решился спросить о том, что было на уме у всех капитанов.

– Но что это за оружие, Гарр? Что именно открыл твой Рилл Эмрис?

– Он открыл то, о чем мечтали ученые еще во времена древней Земли, – тихо ответил Гарр. – Он нашел способ

нейтрализовать силу гравитации в любом направлении или во всех сразу.

Заметив, что все растерянно хлопают глазами, Гарр Аттен многозначительно добавил:

– Он может проделать это с целой планетой.

Мейсон похолодел. Он сразу понял ужасающие возможности такого оружия, но капитаны по-прежнему недоуменно смотрели на Гарра Аттена.

– И что с этого будет? – продолжал допытываться Хокси.

Голос Гарра Аттена рокотал, словно отдаленный раскат грома:

– Вы еще не поняли? Если вы уничтожите силу гравитации во всех направлениях, кроме того, которое вам нужно, то планета начнет двигаться в эту сторону – и полетит все быстрее и быстрее. – Его лицо просияло. – Теперь дошло? Устройство Рилла превратит эту мертвую планету в снаряд. Если мы установим такие же штуки на других планетах, то получим столько снарядов, сколько захотим. Посмотрим, рискнут ли соседние звездные короли – или даже сам король Ориона – сунуться к нам, когда у нас появится кулак, способный разрушить целую звездную систему?

Мейсон пришел в ужас. Он недооценивал опасность таинственного открытия Рилла Эмриса, не ожидал такой разрушительной силы от этого оружия. Неудивительно, что Джаниссар Орионский послал целую эскадру через всю Галактику, чтобы в нужный момент атаковать и завладеть этой чудовищной силой.

Но на лицах пиратских капитанов вспыхнул тот же восторг, что и у Гарра Аттена. Радостные крики наполнили комнату. Лишь некоторые почувствовали смутное сомнение и страх.

– Боги Ригеля, с этой штуковиной мы завоюем всю Галактику! – воскликнул Шаа.

– Нет, и думать забудьте об этом, – одернул его Гарр Аттен. – Многих из нас загнали сюда жадность и властолюбие звездных королей, и мы не станем брать с них пример. Я

обещал Риллу Эмрису применять это оружие только для защиты, и так и будет. – Он свирепо зыркнул на притихших капитанов. – Слушайте, что будет дальше. Сейчас я отправлюсь к Риллу Эмрису и узнаю, что ему потребуется, чтобы установить такие же устройства на других мертвых мирах. Нам нужно время, чтобы закончить работу. Если кто-то из вас проболтается о наших планах, я своими руками убью его. Понятно?

Через час возбужденные капитаны все вместе вышли из дома. Мейсон при первой же возможности незаметно ускользнул во влажную темноту, развернулся и побежал.

Казалось, он неся наперегонки с космической катастрофой. Над его головой сверкали звезды. В каком-то из мертвых миров этого скопления пряталась угроза для всей Галактики, и Мейсон изо всех сил мчался по темным переулкам к дому Хокси.

Мейсон помнил, что старый землянин оставил возле крыльца свой подержанный реактивный автомобиль, и сейчас молил бога, чтобы машина оказалась на месте.

Там и вышло. Он запрыгнул в автомобиль и помчался по боковым улочкам города, не включая фар, пока не выбрался на дорогу, ведущую через джунгли к космопорту.

Время от времени он оглядывался назад, но на дороге пока никого не было. Но если В'ранн до сих пор жив, скоро кто-нибудь появится. Тайна раскрыта, и первое, что должен сделать теперь агент, – это передать сообщение орионским крейсерам, спрятавшимся в туманности Гантели. Мейсон выяснил у Хокси, что во всем городе нет ни одного аппарата дальней связи, так что В'ранну придется воспользоваться корабельной связью или передатчиком радарной вышки.

Подъехав к космопорту, Мейсон свернул с дороги и оставил автомобиль между темными полиповыми деревьями. Взяв пистолет, он выскочил из машины и притаился в темноте у самого края взлетной площадки.

Теперь оставалось только ждать.

Корпуса кораблей блестели в свете двух нефритовых лун, гонявшихся по небу одна за другой. На радарной вышке горел огонь, но нигде не было слышно ни звука, кроме привычного пения ночных насекомых в джунглях.

Внезапно Мейсон насторожился, уловив отдаленный шум. Это был рев мотора, доносившийся со стороны Куруна.

Автомобиль с ревом пролетел мимо Мейсона, освещая дорогу фарами, и выскочил прямо на взлетную площадку.

6

Мейсон не решился выстрелить: он не видел, кто сидит в машине, а ведь это мог оказаться и Гарр Аттен. Гарр говорил, что собирается лететь к Риллу Эмрису. Мейсон боялся ошибиться.

Он выбежал на взлетную площадку вслед за машиной. Она промчалась вдоль выстроившихся в ряд кораблей, затем повернула в просвет между двумя звездолетами и скрылась из виду. Тяжелые ботинки Мейсона гулко стучали по бетону. Он бежал мимо смутно вырисовывающихся в лунном свете силуэтов кораблей, мимо грозно поднимающихся к небу пусковых установок.

Свернув в проход между двумя самыми большими звездолетами, он наконец увидел машину. Она стояла с выключенными фарами возле какого-то корабля. Мейсон сразу узнал, чье это судно, по эмблеме на носу с изображением стартующей ракеты. Узнал по воспоминаниям Бронда Холла, у которого были достаточно серьезные причины хорошо помнить именно этот корабль.

Корабль Файамана.

Значит, Файаман и есть В'ранн? Но этого не может быть.

Очень даже может. Не только терранская разведка владела искусством маскировки и перевоплощения в другого человека. Если сам Мейсон превратился в Бронда Холла, то и орионский агент с тем же успехом мог изображать Файамана.

Мейсон рванулся к кораблю и дернул за ручку люка воздушного шлюза. Тот оказался заперт.

Медлить было нельзя. Мейсон в отчаянии отскочил назад, выхватил пистолет и нажал на спуск. Три белые звезды бесшумно вспыхнули одна за другой, а когда они погасли, люк исчез вместе с частью борта корабля.

Мейсон нырнул в дыру с рваными краями и увидел за ней освещенный сходной трап, по которому бежал вниз Файаман. Смертельно бледный капитан держал в руке пистолет. Они выстрелили одновременно.

В спешке оба промахнулись. Заряд Файамана прошел прямо над головой Мейсона и пропал в темноте за отверстием в корпусе корабле.

Но и выстрел Мейсона пришелся в стену за спиной капитана.

Белая звезда озарила Файамана величественным сияющим ореолом, а затем он упал.

Мейсон подошел ближе и посмотрел на капитана. От него мало что осталось. Внезапно Мейсон поднял голову и прислушался.

Сверху из рубки дальней связи доносилось неразборчивое бормотание.

С лихорадочной быстротой Мейсон помчался вверх по ступенькам. Теперь он отчетливей слышал голос и узнал человека, торопливо рассказывающего о мертвой планете и дороге к ней.

Он ворвался в рубку и увидел лирианку Луа, продолжавшую быстро говорить в микрофон.

Мейсон схватил женщину одной рукой, а другой отключил передатчик. Затем развернул Луа лицом к себе.

– Ты чуть–чуть опоздал, – усмехнулась она ему в лицо. – Я уже передала сообщение эскадре.

Теперь она ничем не напоминала ту робкую, испуганную девушку, с которой Мейсон разговаривал этим утром. Ее глаза сверкали решительно и беспощадно, как лезвие

клинки, и Мейсон не увидел в них ничего, кроме насмешки и презрения.

Теперь он все понял.

– В’ранн, – прошептал он ее имя.

Она снова рассмеялась:

– Да, землянин. Не знаю, как тебя зовут, но, когда Бронд Холл таким чудесным образом сбежал из тюрьмы, я сразу заподозрила, что здесь скоро появится терранский агент в его обличье. И сегодня утром ты подтвердил мои подозрения.

Насмешка в ее взгляде стала еще заметнее. Она была секретным агентом и только что успешно выполнила важнейшее задание в своей карьере. И в сравнении с этим ослепительным триумфом смерть нескольких человек или даже ее собственная гибель уже мало что значили.

– Ты ведь даже не подумал о том, что орионский агент может оказаться женщиной, – язвительно продолжила она. – Ты подозревал Фейрли, но не меня. А он был всего лишь мелкой сошкой, исполнявшей мои приказы. К тому же плохо исполнявшей – как в тот раз, когда я приказала ему убить тебя и Гарра.

– А Файаман знал, кто ты такая? – спокойно спросил Мейсон. – Он тоже работал на тебя?

– Файаман был дурак, – презрительно ответила она. – Переманить его к себе было проще простого. Я пообещала, что он станет здесь королем, когда мы поймаем Рилла Эмриса. И он в самом деле поверил!

– Чему ты радуешься? – удивился Мейсон. – Ты только что пустила под откос всю Галактику и все—таки радуешься.

– Я сделала Орион непобедимым, а больше меня ничего не интересует, – вспыхнула она.

Снаружи донесся рев моторов, звучавший все громче с каждой секундой.

– Наверное, это Гарр и все остальные, – предположил Мейсон. – Ты ведь должна была понимать, что твое сообщение услышат с радарной вышки и поднимут тревогу.

Она пожала плечами:

– Знаю. Я не надеялась убежать. Но Файаману я, конечно же, сказала, что передам сообщение на секретной волне, которую невозможно засечь. Он и этому тоже поверил.

Мейсон крепко держал ее за плечи, но она смотрела на него с холодным торжеством.

– Рано радуешься, В’ранн, – мрачно произнес Мейсон. – Орионские крейсеры еще далеко. Мы можем успеть что–нибудь сделать, прежде чем они доберутся до Рилла Эмриса.

Насмешка в ее взгляде сменилась тревогой, а затем отчаянной решимостью.

– О нет. Что бы ты ни придумал, из этого ничего не выйдет, когда я расскажу Гарру и остальным, что Бронд Холл – терранский агент.

Рев моторов приблизился, а затем стих. Машины остановились возле корабля Файамана. По трапу застучали торопливые шаги.

– Я уже подумал об этом, – сказал Мейсон и, резко выбросив вперед кулак, ударил ее в подбородок.

С остекленевшим взглядом В’ранн повисла у него на руках, и он аккуратно уложил ее на пол. За дверью послышались яростные крики, и Гарр Аттен с пистолетом в руке ворвался в рубку. Хокси, Шаа и все остальные столпились у него за спиной.

Гарр был в бешенстве. Он посмотрел на лежавшую без сознания девушку, потом на Мейсона и наконец прорычал:

– С радарной вышки передали, что она послала какое–то сообщение. Значит, это она была орионской шпионкой?

– Да. – Мейсон кивнул. – И она добилась своего. Сейчас спрятавшаяся в туманности Гантели орионская эскадра уже направляется к мертвой планете Рилла Эмриса. Это Файаман все ей рассказал.

Могучие плечи Гарра поникли, а глаза потускнели. Рука с пистолетом безвольно опустилась. Капитаны ошеломленно смотрели друг на друга, не проронив ни слова, пока тишину не нарушил гнусавый голос старого Хокси:

– Прощайте наши надежды на супероружие и свое королевство.

Мейсон шагнул к Гарру Аттену и заговорил резким, словно удары кнута, голосом:

– Еще не все потеряно. Какой же ты, к дьяволу, звездный король, если так легко отказываешься от своей мечты?

Гарр вскинул голову, яростное пламя вспыхнуло в его песочного цвета глазах. Он поднял руку с пистолетом, но затем передумал и, прищурившись, взглянул на Мейсона.

– Мы сейчас ближе к мертвой планете, чем орионские крейсера, – объяснил Мейсон. – У нас почти столько же кораблей, как у них. Мы должны задержать эскадру, забрать Рилла Эмриса с планеты и уничтожить его устройство, чтобы оно не досталось орионцам.

Мейсон понимал, что это отчаянный план, но, если все получится, он сумеет увести Рилла Эмриса из Внешних Миров и сохранить тайну, способную разорвать Галактику на части.

Но Гарр Аттен вовсе не был марионеткой, которую можно дергать за ниточки. Он быстро оправился от потрясения.

– Мы сделаем лучше, – заявил он. – Пробраться к этой планете между течениями можно только одним путем – по Каналу Дьявола. Мы будем охранять его до тех пор, пока Рилл Эмрис не запустит свое устройство и не переместит целую планету дальше вглубь скопления, где орионцам никогда не найти его. Вы все так хотели повеселиться! – проревел Гарр. – Теперь у вас есть шанс наесться весельем до отвала. Если мы ударим по орионской эскадре всей силой, то еще сможем сохранить эту штуку, которая, когда–нибудь делает Внешние Миры независимым королевством. Что вы на это скажете?

Капитаны Внешних Миров – и люди, и гуманоиды – одобрительно загнули, не сомневаясь ни секунды.

– Отлично, – сказал Гарр Аттен. – Быстрее собирайте своих людей. Чтобы через час все были готовы. Отправляйтесь!

Все разбежались с громким топотом и резкими завываниями, словно стая волков, преследующих добычу.

Хокси посмотрел на все еще лежавшую без сознания В'ранн:

– А что делать с этой чертовой девкой? Она, конечно, красотка, но уж больно ядовитая гадина.

– У нас будет время разобраться с ней, когда мы вернемся, – ответил Гарр. – Если вообще вернемся. Этот корабль все равно никуда не улетит с развороченным люком. Запри ее в каюте и поставь охрану.

В'ранн, так и не пришедшую в себя, положили на койку в каюте без окон. Тяжелая металлическая дверь захлопнулась за ней, и у Мейсона отлегло от сердца. Пусть она потом очнется и начнет вопить во все горло, что Бронд Холл – терранский агент. К этому времени все уже будет решено.

Вскоре космопорт превратился в муравейник, заполненный машинами, грузовиками, суется людьми и гуманоидами, а также визжащими от волнения и страха женщинами. Ярко горели прожекторы, из репродукторов раздавались команды. Наконец отчаянно завывла сирена, и корабль Гарра Аттена первым взлетел с планеты.

Мейсон стоял в рубке вместе с Гарром. Лицо старого Хокси светилось счастьем в предвкушении схватки. Но сам Мейсон вовсе не был счастлив. Шансы справиться с орионской эскадрой были невелики, но даже если это удастся, об открытии Рилла Эмриса скоро станет известно по всей Галактике, и каждый звездный король захочет заполучить этот лакомый кусочек.

Двадцать три звездолета поднялись в небо в изумрудном сиянии солнца Куруна и понеслись вперед. Мейсон понимал, что у орионской эскадры больше кораблей, чем у пиратов, что они быстроходней и лучше вооружены. Но он не

заметил ни тени страха или сомнения на мрачном, с отпечатком нелегкой жизни лице Гарра Аттена, глядящего на экран радара.

Они двигались вглубь скопления, и буйное сияние близко расположенных солнц резало глаза. Величественные звезды тут и там затеняли огромные туманности, словно складки мантии космического бога, а расплывчатые пятна и вспышки на экранах радаров указывали на множество мощных течений. Но упрямые капитаны Внешних Миров не сбавляли скорость, направляясь к горящему впереди ориентиру – тройной белой звезде.

Пролетев мимо великолепной тройной звезды, они резко повернули к области плотных течений, по сравнению с которыми обычные течения показались бы чистым открытым космосом. По всему небесному своду непрерывно вспыхивали искры – это миллионы мелких и крупных обломков космического мусора отражали звездный свет, крутясь, танцуя и сталкиваясь в пустоте.

– Слишком быстро для Канала Дьявола, – заметил Хокси.

– Не беспокойся, – ответил Гарр не оборачиваясь. – Мой пилот знает дорогу. Я проходил здесь много раз.

Мейсон надеялся, что пилот действительно знает свое дело. Все пространство между близко расположенными звездами было густо усеяно яркими вспышками, и радар показывал только один узкий извилистый проход между пятнами течений.

Корабль продолжал мчаться вперед, и на экране радара было видно, что остальные суда маленькой флотилии в точности повторяют его маневры.

– Мы разобьем здесь орионцев, – сказал Гарр. – Лишь бы заманить их сюда.

Он отдал все распоряжения еще до отлета с Куруна, и теперь капитаны действовали по плану Их корабли сбросили скорость, подоברались ближе к течению и остановились, зависнув там, чтобы радары орионцев не смогли их засечь до того, как они атакуют эскадру.

Только корабль Гарра Аттена не затормозил. Он несся по каналу на полной скорости, пока не выскочил на открытое пространство. Неподалеку тлела багровая умирающая звезда, и вокруг вращались одиннадцать тусклых планет. Теперь пилот уменьшил скорость и повернул к серо—коричневой сумрачной планете, ближайшей к солнцу.

Пока корабль заходил на посадку, Мейсон рассматривал унылый, безжизненный пейзаж. Здесь не было ничего, кроме песка и обломков скал, и только ветер гонял над землей пыльные вихри. Затем Мейсон разглядел нагромождение красных камней подозрительно симметричной формы.

– На этих планетах уже много веков нет никакой жизни, – пробормотал Гарр Аттен. – Но, судя по руинам, когда—то здесь обитали гуманоиды.

Корабль приземлился, и в открывшийся люк шлюза хлынул холодный воздух.

– Ты останешься здесь, – приказал Гарр, когда Хокси попытался выбраться следом за ним. – Нам нужно спешить.

Мейсон выпрыгнул на бурый песок и окинул взглядом безграничную пустыню. С неба на него смотрело умирающее солнце, раздражающе выл ветер, и в траурном багровом свете потрескавшиеся камни казались всеми позабытыми могильными плитами.

– Сюда, – показал Гарр.

Они обошли корабль кругом, и Мейсон увидел в четверти мили впереди очертания усеченного конуса из красного камня. Он был огромен, словно пирамиды древней Земли. Вырубленные в камне ступеньки вели на самый верх. Там, на вершине, стоял куб из блестящего металла и стекла, казавшийся здесь неуместно современным. От него тянулись к небу металлические отростки, словно воздетые в молитве руки.

– Это оно и есть? – недоверчиво спросил Мейсон.

– Да, оно, – проворчал Гарр. – Поторапливайся!

Мейсон быстро понял, что причин для спешки более чем достаточно. Холодный разреженный воздух был беден кислородом, легкие, нос и горло словно обжигало огнем.

– Пришлось построить герметичную лабораторию, чтобы Рилл Эмрис и те люди, которых я дал ему в помощь, могли спокойно работать, – объяснил Гарр, откашлявшись.

Они поднялись по ступеням огромного конуса и подошли к люку воздушного шлюза в стене куба. Их заметили и открыли люк, они торопливо проскочили внутрь.

Весь внутренний объем куба занимала огромная, погруженная в тишину лаборатория. Там стояло множество незнакомых Мейсону приборов – от больших, возвышавшихся над головой, до очень маленьких. Никакого источника питания он не заметил и предположил, что реактор находится внутри конуса. Хотя Мейсон и понимал, что это устройство работает на каком-то излучении, нейтрализующем силу гравитации, но все равно не мог поверить, что оно способно сдвинуть с места целую планету.

Их встречали пять–шесть представителей разных рас, но тот, что стоял впереди, был похож на орионца. Рилл Эмрис тоже не производил впечатления человека, способного двигать планеты. Невысокий и худой мужчина средних лет выглядел так, будто взвалил себе на плечи непомерный груз и сломался под его тяжестью. В его глазах притаились страх и застарелая боль.

– Гарр, что случилось? – спросил он дрогнувшим голосом. – Ты вернулся слишком быстро. Что-то пошло не так? Ответь мне!

Гарр рассказал. И Мейсону показалось, будто в измученном взгляде Рилла Эмриса он прочитал предвестие вселенской катастрофы.

– Я знал, что так и будет, – прошептал ученый, когда Гарр замолчал. – Я знал, что они будут охотиться за мной и в конце концов найдут. И в этот день прибор, который я по глупости создал, развяжет страшную войну.

– Они не получают ни тебя, ни этот прибор, – решительно заявил Гарр, ударив кулаком по какому-то из сверкающих механизмов. – Ты сказал, что можешь переместить планету. Так сделай это сейчас! Уведи ее вглубь скопления, пока мы будем сдерживать орионскую эскадру.

Рилл Эмрис затравленно взглянул на него:

– Это ничего не изменит. Звездные короли не успокоятся, пока не завладеют моим секретом.

– Мы сумеем остановить их, – возразил Гарр. – Но это все потом. А сейчас нужно увести планету как можно дальше отсюда, на случай если орионцы одолеют нас. Вы в герметичном помещении, так что отдаление от солнца вам ничем не угрожает.

Рилл Эмрис повернулся и подошел к своим помощникам, молчаливо следившим за беседой. Когда он возвратился, лицо его было глубоко несчастным, но голос оставался спокойным.

– Гарр, это из-за меня орионские корабли прилетели во Внешние Миры. Из-за меня они хотят уничтожить вас. Поэтому я сделаю то, о чем ты просишь. Я уведу планету.

– Давай скорей! – воскликнул Гарр. – Потом мы вернемся за тобой... если останемся живы.

Он развернулся, и Мейсон вслед за ним вышел на обжигающий колющий воздух. Они спустились по склону конуса и побежали к звездолету.

Через несколько минут корабль взлетел и помчался прочь. Оглянувшись назад, Мейсон увидел, что металлические отростки, протянувшиеся от конуса к небу, ожили и осветили всю мертвую планету едва различимым сиянием.

– Что-то незаметно, чтобы она двигалась, – проворчал Хокси.

– Она движется, – успокоил его Гарр. – Она падает в том направлении, в котором по-прежнему действует сила гравитации. Сначала медленно, как любое падающее тело. Но с каждой секундой все быстрее...

Корабль мчался к мерцающей пелене космических течений, в узкий канал между ними. Гарр отдал команду, и скорость резко снизилась. Теперь они едва двигались.

Пилот осторожно подвел корабль к самому краю течения. Судно зависло рядом с мощным потоком разнокалиберного мусора. Радары вражеских кораблей не смогут засечь его здесь.

Они ждали вместе с кораблями других капитанов, спрятавшимися по сторонам Канала.

Мейсону показалось, что прошла целая вечность, когда пилот молча показал на экран.

Гарр Аттен кивнул с бесстрастным, словно у бронзовой статуи, лицом. Он взял микрофон, его мощный голос разнесся по рубке и полетел к остальным кораблям:

– Огонь!

7

Прозвучал первый залп. Со всех кораблей, притаившихся у края течения, навстречу орионской эскадре на сверхсветовой скорости помчались ракеты.

Мейсон вместе с Гарром и Хокси напряженно вглядывался в даль, где в мерцающей дымке вспыхивали и тут же гасли крохотные белые точки.

– Черт возьми, мы разнесли четверть их эскадры! – надтреснутым голосом завопил Хокси.

Пять—шесть ярких искр, обозначающих орионские крейсера, внезапно исчезли с экрана радара. Другие замедлили ход и начали разворачиваться, стараясь разойтись как можно дальше друг от друга.

Мейсон решил, что орионская эскадра движется по Каналу слишком медленно. На высокой скорости они могли бы прорваться сквозь засаду и нанести серьезный урон капитанам Внешних Миров, но вынужденная осторожность сыграла против них.

– Продолжайте огонь и продвигайтесь вперед вдоль края течения! – приказал в микрофон Гарр. – Зажмите их в канале!

Орионцы оказались в невыгодном положении. На открытом пространстве их легко засекали радары, а корабли противника было трудно различить в расплывчатом хаосе течения.

Еще два орионских крейсера исчезли в отдаленных вспышках. Но затем они прекратили бестолково метаться по каналу и быстро двинулись к мерцающему пятну.

– Орионцы пытаются прорваться сквозь течение! – предупредил Мейсон.

– Они еще пожалеют об этом, – мрачно кивнул Гарр. – Как и некоторые из нас. Но мы лучше знаем, как там нужно летать.

Он выкрикнул в микрофон отрывистую команду. Корабли Внешних Миров пересекли свободное пространство Канала и вслед за судном Гарра Аттена нырнули в глубину течения.

По обычным понятиям и орионцы, и капитаны Внешних Миров теперь еле ползли, их скорость составляла лишь малую долю от световой. Двигаться быстрее внутри течения было невозможно. Но открывшаяся перед Мейсоном картина все равно выглядела устрашающе.

Мимо проносились зазубренные куски металла и каменные глыбы размером с большой дом, окруженные шлейфом из мелкого мусора величиной от булыжника до песчинки. Пилот крутил рычаги и ручки с бешеной скоростью, словно сумасшедший пианист, корабль метался то в одну, то в другую сторону по изменчивому лабиринту. Радар стал совершенно бесполезен, весь экран покрывали расплывчатые мерцающие пятна. Сирена непрерывно визжала, словно истеричная старуха. И все же корабль Гарра продолжал двигаться вперед, а за ним следовали остальные капитаны, чтобы перехватить орионскую эскадру, пытавшуюся прорваться сквозь этот хаос.

Впереди показался удлинённый металлический корпус крейсера, направлявшегося прямо на них сквозь поток мелких камней. Гарр прокричал его координаты в переговорное устройство, и через мгновение с пусковой установки под рубкой вылетела ракета. Однако крейсер тоже заметил врага и успел уклониться от выстрела.

Орионца тут же развернуло течением, более опасным, чем любые ракеты. Крутящиеся в полете обломки камней обрушились на него и отбросили покореженный остов крейсера далеко в сторону.

– Догоните его и добейте! – проревел в микрофон Гарр.

Какой—то из пиратских кораблей бросился за крейсером сквозь гибельный лабиринт, словно собака за добычей.

Мейсон сам служил во флоте и участвовал в космических битвах, но ничего похожего ему прежде видеть не приходилось. Радары и целеуказатели стали здесь бесполезны, корабли сражались на близком расстоянии, полагаясь только на оптические приборы. Они уклонялись от мчавшихся с огромной скоростью обломков и атаковали противника, затем снова уклонялись и опять атаковали.

Капитанам Внешних Миров не раз приходилось прятаться в течениях. Они знали особенности этих полетов намного лучше, чем офицеры любого космического флота, и в этом было их единственное серьезное преимущество перед более скоростными и хорошо вооруженными орионскими крейсерами. На открытом пространстве орионцы разнесли бы пиратские корабли на атомы еще до того, как те приблизились бы на дистанцию выстрела. Но здесь, внутри течения, все было иначе.

Вокруг непрерывно вспыхивали смертоносные взрывы. Большинство выпущенных с обеих сторон ракет проходило мимо цели, поражая в конце концов какой—нибудь каменный обломок. Однако время от времени корабли все же исчезали в ослепительном ореоле пламени. Мейсон видел, как погибли два пиратских судна, но орионцы потеряли уже

пять крейсеров, а капитаны продолжали атаковать, прячась за изгибами течения и снова нападая на врага.

Старый Хокси выругался высоким, дрожащим от напряжения голосом и тут же торжествующе закричал:

– Мы задали им жару, черт возьми! Они сами захотели сражаться в течении и получили по заслугам...

Это была правда. Мейсон видел, что орионские крейсера теперь лишь пытаются выбраться из течения, но получают все новые и новые удары. Внезапно в рубке пронзительно зазвенел вызов внешней связи.

Гарр Аттен проревел очередную команду пилоту и обернулся к по-прежнему вопящему Хокси:

– Заткнись! Кто-то вызывает меня.

Хокси замолчал, и все услышали неразборчивый грубый голос ригелианца Шаа, чей корабль затерялся, где-то в лабиринте.

– Гарр, я еле докричался до тебя! Орионский корабль вышел из боя и полетел сквозь течение на запад. Я в это время дрался с двумя другими и не мог его преследовать.

Напряженный взгляд Гарра выдал тревогу.

– Продолжайте добивать их, не дайте им уйти! – прокричал он в микрофон передатчика. – Один корабль пошли в погоню за беглецом, я тоже полечу за ним.

Гарр снова повернулся к пилоту. Тот уже догадался, каким будет новый приказ, и теперь корабль быстро набирал скорость, петляя в лабиринтах течения, пока наконец не выскочил обратно в Канал Дьявола.

Мейсон и Гарр одновременно впились взглядами в экран радара. На всем протяжении Канала не горело ни одной искры.

– Этот крейсер направился к планете Рилла Эмриса! – воскликнул Гарр. – Мы должны остановить его.

Корабль мчался вдоль Канала с предельным ускорением, набирая тысячекратную скорость света. Но Мейсон понимал, что крейсер летит еще быстрее и к тому же стартовал

раньше. Неужели Джаниссар Орионский и В'ранн все—таки добьются своего?

Корабль выскочил из канала в свободный космос и устремился к умирающему багровому солнцу. Радар по—прежнему не видел вокруг никаких судов, и выражение муки на лице Гарра все усиливалось. Когда корабль подлетел ближе, старый Хокси вытянул вперед дрожащую руку и срывающимся голосом произнес:

– Господи, посмотрите сюда! Посмотрите...

Мороз пробежал по спине Мейсона, когда он увидел, на что указывает старик.

Серо—коричневая планета, расположенная ближе всех к умирающему солнцу, все это время неторопливо и величественно набирала скорость. Она двигалась по прямой прочь от светила и скоро должна была пересечь орбиту второй планеты, чуть опередив ее.

Пытливый человеческий ум открыл тайны природы и выпустил на свободу ее чудовищную силу, научившись управлять движением целой планеты. И теперь Мейсон с ужасом смотрел на предзнаменование будущих событий, когда завладевшие этой силой звездные короли развяжут галактическую войну.

– Они уже приземлились! – выкрикнул Гарр. – Их корабль сел рядом с башней. Приготовиться к бою, только, ради всего святого, не попадите в саму башню!

Корабль устремился мимо покрытой льдом второй планеты к удаляющейся первой. Они стремительно зашли на посадку, так что воздух истошно свистел за бортом. А затем под ними показалась бескрайняя пустыня с потрескавшимися каменными глыбами и высокий конус с поднятыми к небу металлическими отростками, чье таинственное свечение управляло движением планеты.

Орионский крейсер, стоявший в миле от башни, попытался подняться с поверхности, чтобы избежать внезапной атаки. Он начал разворачивать ракетные установки навстречу врагу, но было поздно. Корабль Гарра уже

выпустил свои ракеты, и крейсер исчез за яркими вспышками. Когда пламя затихло, на землю упали лишь оплавленные обломки корпуса.

Корабль Гарра сел возле самой башни. Мейсон вслед за гидрианцем бросился к шлюзу.

– В башне остались орионцы! – крикнул на бегу Гарр. – Все за мной!

Они выскочили в холодный сухой воздух и побежали к башне. На вершине конуса из кубической лаборатории Рилла Эмриса появились люди в военной форме и открыли огонь по бегущим.

Крохотные взрывы ослепительно сверкали вокруг, словно бриллианты, смертоносный танец сгустков плазмы заставил людей Гарра рухнуть на оплавленные камни. Мейсон выхватил пистолет и вслед за другими выстрелил вверх. Орионцы тоже упали.

– Не стрелять! – испуганно завопил Гарр Аттен. – Если вы убьете Рилла или повредите его устройство, мы потеряем все!

Они вскочили на ноги и побежали наверх. Орионцы сами открыли воздушный шлюз, когда выбегали из лаборатории, а теперь уже не могли его закрыть. Мейсон вместе с Гарром и его командой ворвался внутрь.

На полу лаборатории лежали трупы. Помощников Рилла Эмриса не застрелили, а зарезали ножами и забили до смерти металлическими прутьями, которые и сейчас держали в руках орионские солдаты.

– Не стрелять! – повторил приказ Гарр.

В дальнем углу лаборатории орионский офицер склонился над неподвижно сидящим ученым.

Пытаясь побраться к нему, Мейсон выбил из руки офицера пистолет, но тут же почувствовал, как лезвие ножа обожгло ему плечо.

В заполненной самым современным научным оборудованием лаборатории началась дикая рукопашная схватка с

использованием самого примитивного оружия: и орионцы, и люди Гарра опасались повредить приборы.

Орионский офицер оставил Рилла Эмриса и бросился в гущу сражения, выкрикивая команды своим солдатам. Мейсон заметил, как Гарр повалился на пол, получив по голове металлическим прутом. Оставшись без предводителя, его команда дрогнула.

Мейсон поднял пистолет. Он один из всех дерущихся не боялся повредить устройство, а, наоборот, хотел уничтожить изобретение Рилла Эмриса, пока оно не раскололо Галактику на части. Мейсон выстрелил, затем еще раз и еще.

Крохотные смертоносные звездочки запрыгали между орионских солдат, и те, не имея возможности ответить на выстрелы, бросились прочь из лаборатории.

Мейсон выскочил вслед за ними, но орионцы уже подняли руки, признавая поражение.

– Свяжите их и отведите на корабль! – приказал Мейсон людям Гарра. – Там остался Хокси, он будет у вас за старшего.

Он вернулся в лабораторию и склонился над телом Гарра Аттена. Не окажись череп гидрианца таким прочным, тот стал бы покойником. Гарр все еще не пришел в себя, но Мейсон не сомневался, что капитан скоро очнется.

Теперь Мейсон бросился к Риллу Эмрису. Ученый посмотрел на него неподвижным затуманенным взглядом. В груди его зияла глубокая ножевая рана, и, судя по всему, орионский офицер пытался перевязать ее, когда началась схватка.

– Мне пришлось защищаться, когда они ворвались и убили моих помощников, – прошептал Рилл Эмрис. – Они не хотели убивать меня, но вы сами видите...

Мейсон действительно видел, что с таким ранением Риллу Эмрису не выжить. А еще он подумал, что ученый сам искал смерти, которая избавила бы его от мучений.

– Гарр убит? – шепотом спросил Рилл Эмрис.

– Нет, только получил сильный удар по голове, но скоро с ним все будет в порядке.

– Он был моим другом, – сказал ученый. – Но я доставлял ему одни неприятности. А теперь он получит мое устройство, которое в конце концов принесет гибель и ему, и всей Галактике.

– Рилл, послушайте. – Мейсон наклонился еще ниже. – Можете не беспокоиться об этом. Я терранский агент, и мне приказано уничтожить ваше устройство. Терранская империя не желает, чтобы из-за него началась война.

На секунду в меркнувшем взгляде Рилла Эмриса вспыхнула надежда.

– Сделайте это, и вы избавите меня от мысли, что я оставляю человечеству ужасное наследство. Тайна умрет вместе со мной, если устройство... – Он умолк, а затем заговорил снова: – Нет, вы не сумеете полностью уничтожить его. По уцелевшим фрагментам его смогут восстановить другие ученые. Но я знаю, как с ним справиться. Подведите меня к панели управления.

Мейсон помог ученому подняться. Казалось, тот умрет, так и не добравшись до широкого стола с непостижимо сложными приборами и датчиками. Однако жгучее желание довести дело до конца придало Риллу Эмрису сил, и он подробно объяснил, как и в какой последовательности поворачивать нужные переключатели.

Ученый затих и повис на руках у Мейсона, но продолжал следить за показаниями приборов. Наконец он прошептал:

– Вот и все. Теперь планета не пролетит мимо соседней, а столкнется с ней. Забирайте Гарра и улетайте как можно скорее.

Мейсон отнес Рилла Эмриса в кресло, но ученый был уже мертв.

Мейсон подошел к Гарру Аттену, по-прежнему лежавшему без сознания, и взвалил гидрианца себе на плечи. Шатаясь под тяжестью груза, он вышел из заполненной

мертвецами лаборатории под багровый свет гаснущей звезды и вдохнул раздирающий легкие холодный воздух.

Хокси с двумя другими пиратами поднимался по склону ему навстречу. Они взяли у Мейсона бесчувственное тело Гарра.

– А где Рилл Эмрис? – спросил Хокси.

– Он мертв. И мы все тоже погибнем, если не уберемся отсюда немедленно. Рилл настроил приборы так, что планеты скоро столкнутся.

Побледневший Хокси поднял глаза к небу.

Там висела вторая планета, сверкающая, словно отполированная до блеска луна.

– Тогда бежим скорее! – в ужасе воскликнул старый землянин.

Через полчаса корабль уже стартовал и понесся прочь от обреченной планеты.

Мейсон, Хокси и остальные члены экипажа смотрели на серо–коричневый шар, летящий по измененной траектории навстречу второй планете.

Из передатчика донесся голос Шаа:

– Гарр, мы прогнали орионскую эскадру. У них осталось только шесть крейсеров. Но и мы потеряли пять кораблей.

– Говорит Бронд Холл, – ответил ему Мейсон. – Гарр сейчас в отключке, но скоро очнется. Летите к нам, только не приближайтесь к планете.

Корабли встретились и зависли в пространстве. Люди в молчании и благоговейном ужасе наблюдали, как медленно сближаются две планеты – темно–коричневая и ярко сверкающая.

А потом они столкнулись.

Взорвались, разлетелись на мелкие осколки, сбившиеся в яркое бесформенное облако. Затем это облако начало распадаться на части, и вот уже вместо двух погибших планет вокруг умирающего солнца закружился новый рой космического мусора.

Вместе с ними погибли Рилл Эмрис и его тайна, и Мейсон надеялся, что она утрачена навек. Но ненасытное любопытство всегда было отличительной чертой сыновей Адама. Это оно заставило их отправиться с древней Земли к далеким звездам. Что, если это любопытство однажды снова откроет надежно запертую дверь?

– Вот оно как все вышло, – вздохнул старый Хокси. – Что ж, пора нам всем домой.

Пока корабли летели по Каналу Дьявола и дальше в сторону Куруна, Мейсон сидел, запершись в рубке дальней связи. Он сразу же отослал сообщение и наконец дождался ответа.

Когда он вышел из рубки, корабли уже приближались к Куруну.

– Гарр очнулся, – сообщил ему Хокси.

Мейсон вошел в каюту Гарра. Тот сидел на койке с забинтованной головой и окаменевшим лицом.

– Значит, Рилл и все его труды погибли. – Он хмуро взглянул на Мейсона. – А вместе с ними и наши надежды создать свое королевство. Что ж, во всяком случае, мы сделали все, что могли.

– Я уже говорил, что ты слишком легко отказываешься от своей мечты. У нас еще есть шанс – всего лишь шанс, не более того, – увидеть, когда–нибудь Королевство Внешних Миров.

– Очень мило, что ты решил подбодрить меня, – раздраженно произнес Гарр. – Только я не полный идиот.

– Гарр, послушай. Орионцы могут не поверить, что тайна Рилла исчезла без следа. Вполне вероятно, что они двинут сюда флот и попытаются захватить все Внешние Миры, чтобы узнать правду. Если это случится, соседние звездные короли объявят им войну и остановят вторжение.

– Вероятно, так и произойдет. – Гарр кивнул. – Но нам от этого не легче.

– Я переговорил кое с кем из руководства Терранской империи, – сообщил Мейсон. – Они согласились, что этот

кризис можно предотвратить, если Внешние Миры станут независимым королевством. Терранцы готовы признать его и гарантировать безопасность границ. И тогда ни Джаниссар Орионский, ни другие звездные короли не посмеют сунуться во Внешние Миры.

Пока он рассказывал, Гарр смотрел на него со все большим изумлением, а потом и вовсе вскочил на ноги.

– Они обещали срочно обсудить этот вопрос на Совете и передать мне ответ, как только решение будет принято, – закончил Мейсон.

– Ты говорил с терранским правительством? – недоверчиво воскликнул Гарр. – Они обещали передать тебе ответ? Да кто ты такой, чтобы...

– Я не Бронд Холл, – признался Мейсон. – Я агент терранской разведки.

Только спустя три дня на Курун пришел ответ. Мейсон все это время дежурил в рубке. Теперь он вышел под яркое сияние изумрудного солнца и направился в сторону города, в таверну, где его дожидались Гарр и другие оставшиеся в живых капитаны.

Гарр не произнес ни звука, зато Хокси спросил с нетерпением:

– Ну, так что они сказали?

Мейсон усмехнулся:

– Два дня назад по официальному решению Совета Терранская империя признала королевство Внешних Миров. Как только всеобщий референдум подтвердит, что население действительно желает этого, Гарр Аттен будет объявлен законным правителем.

Больше он ничего не сумел произнести: капитаны подняли такой рев, что заглушили его голос.

Мейсон подумал о том, что именно в этой таверне он впервые увидел Гарра Аттена, мечтавшего основать свое королевство, и о том, каким необычным образом эти мечты наконец сбылись.

Чуть погода Мейсон сказал Гарру:

– Мне пора улетать – хочу поскорей вернуть свое настоящее лицо. Но что теперь будет с В’ранн?

Гарр ответил громко, чтобы его слышали все капитаны:

– Теперь у нас есть закон, и все обязаны соблюдать его. Она подстрекала к убийству и должна понести наказание, а когда отсидит в тюрьме положенный срок, мы отправим ее обратно на Орион.

– Это ж надо, до чего мы докатились, – простонал Хокси.
– Тюрьма на Куруне!

СТАРК И ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ (в соавторстве с Ли Бреккет)

Большой каньон тянется на юго—восток от экватора словно огромная зияющая рана на высохшем буром теле Марса. Он простирается на две с половиной тысячи миль в длину и не меньше чем на двадцать тысяч футов в глубину. И вся эта невообразимая пропасть до краев наполнена мифами и легендами такой многовековой давности, что даже сами марсиане сбились со счета.

По—черному как ночь дну каньона в одиночестве ехал Эрик Джон Старк.

Он спешил на зов, неожиданно настигший его в холодных песках Сухих земель. Властный голос прозвучал прямо у него в голове. Тихий настойчивый голос, неотвратимый, как смерть:

«Н’Чака, Человек Без Племени! Властелин Третьего Излома повелевает тебе явиться».

Всему Марсу было известно, что тот, кто называет себя Властелином Третьего Излома, много веков скрывается в глубинах Большого каньона. Никто не мог ответить, человек ли это. Даже рамасы – практически бессмертные марсиане, с которыми Старку довелось однажды сразиться в мертвом городе Синхарате, – и те ничего не знали о нем. Но страшились его могущества.

Старк размышлял об этом, наверное, целый час. Перед его глазами рыжая пыль заносила изъеденную временем равнину, кажущуюся незнакомой в лучах непривычно тусклого солнца.

Непонятно, почему Властелин Третьего Излома послал зов именно сейчас. Непонятно, почему он назвал Старка этим именем, которое знают лишь немногие, да и те пользуются очень редко – не настоящим именем, полученным при рождении, а кличкой, данной негуманоидным племенем, которое его вырастило. Но больше всего непонятно,

зачем вообще Властелин Третьего Излома вызывает Старка – словно нуждается в его помощи.

Возможно, так оно и есть.

И в любом случае мало кому доводилось встретиться с легендой.

Поэтому Старк и ехал сейчас верхом на своем чешуйчатом скакуне по дну погруженного в вечную ночь каньона в сторону Третьего Излома. Хотя повелительный голос больше не звучал в голове, Старк прекрасно знал, как туда добраться.

Он уже приближался к цели.

Справа от него вдали загорелся огонек. Слабенький, словно задушенный в зародыше, но все—таки свет. Постепенно он сделался ярче и сдвинулся вперед, когда зверь Старка повернул. Вот и он, Третий излом.

Красноватое зарево сжалось в тускло светящуюся точку.

Зверь внезапно дернулся, обратил нелепую морду влево и зашипел, глядя в темноту.

– Что такое? – спросил его Старк и потянулся к оружию на поясе.

Он ничего не смог разглядеть, но, кажется, уловил слабый звук, напоминающий смех. Но смех не человеческий.

Он убрал руку с пояса. Несомненно, у Властелина Третьего Излома должны быть слуги, и вовсе не обязательно люди.

Старк похлопал своего скакуна по спине и тронулся дальше, не оглядываясь по сторонам. В конце концов, его сюда позвали, и будь он проклят, если выкажет хоть толику страха.

Зверь неохотно семенил по тропе. Дьявольский смех снова донесся из темноты и затих далеко впереди. Светящаяся красная точка разрослась и превратилась в прямоугольник, частично скрытый за клубами тумана, словно бы выходящего из него.

Прямоугольник обернулся приоткрытой дверью, за которой горел свет. Очертания самого дома в темноте было

трудно определить. Старку показалось, будто в вечном мраке пропасти скрывается огромный грозный замок, открывая взгляду лишь эту небольшую брешь.

Он подъехал к двери, спешился и вошел в клубящийся туман. Старк не видел, где очутился – в зале или в пещере, но чувствовал, что это просторное помещение.

Он остановился, ожидая, что произойдет дальше.

Поначалу не было слышно ни единого звука. Затем, где-то в тумане снова раздался злорадный, не вполне человеческий смех.

– Передай своему хозяину, – сказал Старк, – что Н’Чака ожидает его повелений.

Из тумана послышался еще один сдавленный смешок, затем – суетливые шаги и наконец донесся негромкий, но властный, навсегда врезавшийся в память голос. Старк не был уверен, где именно он прозвучал – в ушах или прямо в голове. Вероятно, везде одновременно.

– Я здесь, Н’Чака.

– Тогда покажись, – потребовал Старк. – Я не привык заключать договор с тем, кого не вижу в лицо.

Никто не появился, лишь тот же голос с беспредельной мягкостью произнес:

– При чем здесь договор? Разве нож, о чем-то договаривается со своим владельцем?

– Этот нож договаривается, – упрямо заявил Старк. – Я зачем-то необходим тебе, иначе ты не позвал бы меня. А если я тебе необходим, ты не станешь меня убивать из-за простого недовольства. Так что лучше покажись, и перейдем к делу.

– Ветер донес в мое уединенное жилище слухи о землянине с двумя именами, который родился не на Земле, – продолжил голос. – Похоже, мне рассказали правду.

Послышался звук шагов по каменному полу. Из тумана перед Старком возник Властелин Третьего Излома.

Это был невероятно красивый юноша в напоминающей тогу накидке, полы которой волочились по полу. Такую одежду носили высшие марсиане.

– Можешь называть меня Аарл, – произнес он. – Когда–то давно это было мое человеческое имя.

Волосы на затылке Старка поднялись дыбом. Юноша смотрел на него черными, как сам космос, глазами – такими же древними и такими же бездонными. Это были глаза существа, обладающего недоступной для человека мудростью и силой, глаза, способные вытянуть душу и засосать ее в свою глубину. Они пугали Старка. Он чувствовал, что может разбиться, как хрупкое стекло, если будет долго смотреть в них. Но гордость не позволяла ему отвести взгляд.

– Я правильно понял, что все эти века ты существовал в таком виде? – спросил он.

– У меня много обличий, – ответил Аарл. – Внешняя форма – не более чем иллюзия.

– Возможно, для тебя это и не важно, – возразил Старк. – Но для меня она имеет значение. Что ж, я приехал издалека, устал и проголодался. Или чародеи не признают законов гостеприимства?

– Этот чародей признает. Следуй за мной.

Судя по эху, они шли по длинному залу с высоким сводчатым потолком. Невидимых слуг больше не было слышно.

Туман отступил еще дальше. Теперь Старк мог различить уходящие ввысь стены из темного камня, на которых светились огненные узоры. Сверкающие арабески непрерывно двигались и меняли форму. Они чем–то беспокоили Старка, пока он наконец не понял, что узоры выцвели и потускнели, как солнечный свет на поверхности Марса.

– Значит, тьма добралась и сюда, – заключил он.

– Да, – обернулся на ходу Аарл. – Как ученые объясняют эту тьму народу девяти миров?

– Ты наверняка сам знаешь.

– Знаю, но все равно скажи.

– Они говорят, что вся Солнечная система попала в космическое пылевое облако, которое рассеивает свет звезды.

– Ты веришь этим людям с их хитрыми приборами?

– Не знаю. Но именно так они и должны говорить, чтобы не допустить паники.

– Ты этому веришь?

– Нет.

– Почему?

– Я гостил в шатрах кочевников. Их мудрецы утверждают другое. Они говорят, что это активная, а не пассивная сила.

– Они и в самом деле мудры. Это не просто пылевое облако. Это нечто большее, намного большее.

Аарл помолчал, а затем продолжил с неожиданным жаром:

– Представь себе вампира, который высасывает энергию из невообразимо огромной пустоты. И если его не остановить, это чудовище пожрет не только солнечный свет, но и силу гравитации, удерживающую вместе нашу семью планет. Он в буквальном смысле уничтожит всю Солнечную систему.

Старк с ужасом посмотрел на Аарла, не желая верить его словам, но понимая, что это правда. Властелин Третьего Излома ледяной рукой ухватил его за запястье:

– Старк, оно пугает меня. Мое могущество велико, но с ним мне не справиться без посторонней помощи. Поэтому ты мне и нужен. Да, нужен. Сейчас я объясню зачем...

Они сидели на самом верхнем этаже замка в комнате, стены которой скрывались в тумане. Старк вспомнил слова древней баллады: «Бойся Властелина Третьего Излома, ибо он повелевает временем».

– Великая пустота, о которой я говорил, – объяснял Аарл, – это не просто огромное расстояние. Посмотри.

Старк взгляделся в завесу тумана и увидел за ней потрясающую картину.

Великое множество пылающих звезд на фоне мрачной пустыни космоса. Старк почувствовал, как его засасывает в эту бесконечность, мчит сквозь нее с невероятной скоростью. Перед ним растянулись цепочки созвездий, по сторонам вырастали светящиеся горы туманностей. Он пронесся мимо всего этого великолепия и оставил его далеко позади.

Панорама перед ним изменилась, и Старк увидел сверкающие корабли, летящие по первозданным космическим джунглям. Они были крохотными, словно игрушечными.

Затем головокружительный вихрь захватил его, и он вернулся в собственное тело. Почувствовал холодную твердость камня, на котором сидел.

– Ты ведь чародей, – заметил Старк. – Ты просто вложил эту картину мне в голову, вот и все.

– Правильно, – согласился Аарл. – Но это не просто картина. Это то, что случится через двести тысяч лет. Ты видел будущее.

Старк сразу поверил ему. Вовсе не мошенничество принесло Властелину Третьего Излома славу среди многих поколений людей. Жалкие фокусы подвластны любому деревенскому шарлатану, но их не составит труда разоблачить. Аарл же обладал забытыми древними знаниями Марса, которые сильно отличались от земной науки, но все–таки тоже были наукой.

Старк снова посмотрел на еще видимую сквозь туман картину. Двести тысяч лет.

– Это очень мощные корабли, летающие с невероятной скоростью, – сказал Аарл. – Флот звездных королей.

Непривычные слова прозвучали в голове Старка призывным звоном фанфар.

– Кто такие звездные короли?

– Это люди, управляющие Вселенной будущего, каждый в своем королевстве, графстве или баронстве.

– Это правильно, – решил Старк, еще раз взглянув сквозь туман. – Мир звезд так прекрасен, и в нем не место грязным чиновникам в неряшливых костюмах, каждый из которых

пытается выглядеть как можно незаметнее. Да, пусть там лучше будут звездные короли.

– Ты должен отправиться туда. В будущее.

Тонкая синяя жилка на скуле Старка тревожно забилась.

– Отправиться в будущее? Не в воображении, а на самом деле? Ты способен забросить меня на двести тысяч лет вперед?

– Хотя на два года, хоть на два миллиона лет – никакой разницы.

– И вернешь назад? В целости и сохранности?

– Если ты уцелеешь там.

Старк бросил еще один взгляд на звезды.

– Мм... И кем я туда отправлюсь? – поинтересовался он.

– То есть в качестве кого?

– В качестве моего гонца, посланника, – раздраженно пояснил Аарл. – Кто–то должен лично встретиться с этими звездными королями. Я убедился, что угроза Солнечной системе существует также и в их времени, и попытался мысленно связаться с ними. Но безуспешно, они меня просто не слышат. Поэтому, Старк, я и позвал тебя.

– Ты позвал Н'Чаку, – усмехнулся Старк.

Он и в самом деле все еще оставался Н'Чакой, Человеком–без–племени, который не помнит своих настоящих родителей, беззащитным воспитанником звероподобного народа с испепеленного Солнцем Меркурия. Н'Чакой, который до сих пор тяготится приобретенным званием землянина, словно неудобной одеждой, и порой едва сдерживает желание вцепиться в кого–нибудь зубами.

– Почему именно Н'Чака должен стать твоим посланником к звездным королям?

– Потому что Н'Чака остается зверем в душе, хотя и обладает разумом человека. Звери не лгут, не предают ради денег и власти или, что еще хуже, по идейным соображениям. – Бездонные, словно космос, глаза Аарла изучающе смотрели на него. – Другими словами, потому что я могу довериться тебе.

– Ты полагаешь, что я откажусь, если мне предложат трон Алголя или Бетельгейзе? – рассмеялся Старк. – Властелин бездны переоценивает непорочность зверя.

– Думаю, нет.

– И вообще, почему ты предпочел безродного землянина, а не кого-то из марсиан?

– Мы слишком привязаны к своему прошлому, слишком глубоко ушли корнями в эту священную почву. А у тебя нет корней. Ты наделен неутолимой любознательностью и редкой способностью выживать в любой ситуации. Иначе тебя бы здесь не было. – Аарл поднял руку, предупреждая возражения. – Смотри.

Картина за завесой тумана резко изменилась. Там возник безумно запутанный клубок сияющих и угасших звезд и нитевидных туманностей. Старк словно бы летел на умопомрачительной скорости сквозь эти космические джунгли.

– Эту область в западной части Галактики называют Внешними Мирами, – объяснил Аарл. – Здесь расположены несколько небольших королевств. И еще вот это.

Два старых красных солнца, словно рубиновые броши, светились на клочковатой завесе тьмы, скрывающей звезды. Старк нырнул во мрак темной туманности и пронесся мимо утонувших в ней тусклых звезд, которые удерживали возле себя погруженные в вечную ночь планеты. Он пролетел ее насквозь, разрывая спирали космической пыли, как ветер уносит прочь клубы дыма. С другой стороны туманности он снова увидел свет, но странным образом искаженный, огибающий некую область абсолютного мрака, черного небытия, резко отличного от темноты туманности. Старк ничего не сумел там разглядеть. Картина внезапно отскочила назад, словно отброшенная взрывной волной.

– Даже моего могущества не хватает, чтобы проникнуть в эту темную область, – признался Аарл. – Но именно оттуда исходит сила, проникающая сквозь время и высасывающая энергию из нашего Солнца.

– И моя задача, когда я окажусь там, будет чрезвычайно проста, – заметил Старк. – Выяснить, что за сила там скрывается, и уничтожить ее. – Он покачал головой. – Твоя вера в мои способности поистине впечатляет. Но знаешь, Аарл, что я об этом думаю.

Ты слишком засиделся в своей темной норе и утратил чувство реальности.

Он встал и повернулся спиной к завесе тумана:

– Задача невыполнима, и ты сам прекрасно это понимаешь.

– Тем не менее ее необходимо выполнить.

– А если это просто природное явление, уродливая деформация пространства...

– Тут мы, разумеется, бессильны что-то изменить. Но я уверен, что дело не в этом. – Аарл поднялся с места и словно бы стал выше ростом, а глаза его гипнотически засверкали. – Ты не можешь испытывать нежных чувств к землянам после того, что они сделали с выросившим тебя племенем. Но полагаю, ты все-таки не захочешь, чтобы миллионы людей погибли задолго до отведенного им времени, вместе со всей планетой. И что будет с Марсом, ставшим тебе вторым домом? У нашего мира тоже осталось совсем немного времени, прежде чем тьма поглотит его.

Синяя жилка на скуле Старка забилась еще сильнее.

– Я даже не знаю, с чего начать. Всей моей жизни может не хватить на эту работу.

– У тебя не будет столько времени, – возразил Аарл. – Даже половины. Энергию из нашего мира высасывают все интенсивней. Но я подскажу, с чего ты должен начать. Найди человека по имени Шорр Кан, короля Альдешара во Внешних Мирах. Он самый могущественный из всех здешних правителей, и хитрости у него хватило бы на двоих. Ты должен добиться его расположения.

– Каким образом?

– Эта странная сила доставляет неприятности и ему. Ты должен заручиться его поддержкой.

– Ты говоришь так, словно я уже согласился отправиться туда.

– Так оно и есть.

Старк снова оглянулся на завесу. Там больше ничего не было видно, кроме самого тумана. Тем не менее перед глазами у Старка все еще стояли корабли звездных королей и дикие космические джунгли Внешних Миров. Далекое, неизведанное будущее. Мог ли он отказаться от возможности увидеть все это собственными глазами?

– Думаю, ты прав, – признал он.

Аарл кивнул:

– На самом деле у тебя не было выбора. Я знал, что ты согласишься, иначе бы и не позвал тебя.

Старк пожал плечами. Предположим, у него ничего не получится, но это все равно лучше, чем оставаться здесь без всякой надежды на спасение. А потом он сам решит, стоит ли возвращаться.

Вслед за Аарлом он вышел из комнаты.

Они миновали длинный зал, заставленный всевозможными предметами. Старк узнал несколько земных научных приборов: высокоточный сейсмограф, аппаратуру для спектрального анализа, различное электронное оборудование и самый современный лазер. Некоторые вещи, казалось, сохранились от цивилизации древнего Марса: диковинные приспособления из хрусталя, вид которых ни о чем не говорил Старку. А кое—что, судя по всему, изготовил сам Властелин Третьего Излома.

Среди них была и своеобразная спиральная решетка из прозрачной ленты, поднимавшаяся к сводчатому потолку и словно исчезающая там. Старк пытался проследить, где она заканчивается, но быстро отказался от этой затеи: закружилась голова.

Аарл остановился прямо под решеткой.

– Эта спираль усиливает мои ментальные способности и позволяет мне управлять временным измерением. Встань, где—нибудь рядом. Я смогу поддерживать контакт с твоим

разумом, поскольку мы сейчас настроены друг на друга. Но я не собираюсь тратить драгоценную энергию на пустые разговоры. Просто сообщи, когда будешь готов вернуться.

Он пошевелил руками, и хрустальные ленты пришли в движение.

– Ты очнешься уже в будущем, и я передам тебе все знания о нем, какими только сам обладаю.

Перед тем как его обступила тьма, Старк ощутил несвоевременный приступ голода. Обещанное Аарлом гостеприимство так и осталось пустыми словами.

Странный сон снился Старку. Он был бесконечным. Он был прозрачным. Между атомами его тела легко могли уместиться целые созвездия. Он двигался, но не вперед или назад. Это было тайное змеиное скольжение... сквозь что?

Движения в этом сне давались ему крайне болезненно. Старк чувствовал тошноту, но его так и не вырвало, поскольку в желудке было пусто.

Возможно, именно поэтому Аарл и не потрудился накормить его.

Он снова ощутил рвотный позыв – и проснулся.

Старк понял, что перестал двигаться, и почувствовал твердую почву под ногами. Желудок воспринял эту информацию с благодарностью.

Все вокруг было залито непривычным зеленоватым светом. Старк посмотрел вверх и увидел ярко–зеленое солнце в затянутах облаками бирюзовом небе.

Старк сразу узнал это солнце. Альдешар, звезда Внешних Миров.

Планета, надежная твердь которой так благотворно на него действовала, вероятно, называлась Альто. Здесь должна находиться столица королевства.

Он появился, материализовался, восстановился – правильно слово подобрать не так–то просто – на невысоком горном хребте рядом с городом. Город выглядел довольно симпатично: хаотичное скопление невысоких домов, то

здесь, то там оживляемое фигурными башенками. Местные жители явно не одобряли рациональную кубическую архитектуру. Повсюду росли деревья и цветущие кусты. Блестели на солнце многочисленные каналы. Улицы были заполнены прохожими, а по каналам непрерывным потоком плыли лодки. Очевидно, в городе не было наземного транспорта, да и небо над ним оставалось чистым и свободным.

Казалось, все жители города двигались к одной точке на юго-западе, где виднелась группа более внушительных зданий с высокими башнями и огромной площадью перед ними. Это был дворец Шорра Кана – административный центр всего королевства и его столицы Доналира.

Неожиданно над головой Старка раздался низкий гул, заставивший его отвернуться от города. Огромный звездолет в сверкании огней и оглушительном реве двигателей заходил на посадку. Старк проследил за тем, как он приземлился на космодроме к северу от Доналира. Земля под ногами дрогнула, а затем все стихло.

Старк направился к городу. Пока он добрался до окраины, еще три корабля успели совершить посадку.

Замешавшись в людской поток, Старк вскоре очутился на площади перед дворцом. Тут же выяснилось, что Аарл любезно снабдил его знанием местного языка, так что он без труда понимал, о чем говорят вокруг. Жители Альто отличались высоким ростом и крепким телосложением, красноватым оттенком кожи и внимательным, острым взглядом. Они носили разноцветные свободные одежды, идеально подходящие для здешнего мягкого климата. Но в этом городе, куда так часто прилетали корабли, было немало и чужеземцев – и людей, и негуманоидов, разнообразного внешнего вида и размера, цвета кожи и фасона одежды. Вероятно, в Доналире давно привыкли к чужакам.

И все же встречные оборачивались и смотрели вслед Старку. Возможно, их внимание привлекали его рост или походка. А может быть, всему виной были грубые черты лица или особая беспечность во взгляде, которую

подчеркивал смуглый оттенок кожи, выдававший, что Старк долгое время провел под жгучим солнцем другого мира. Так или иначе, но все чувствовали, что он чем-то отличается от других. Старк решил не обращать внимания, уверенный, что никто не догадается, насколько велико это отличие.

Звездолеты продолжали с раскатистым грохотом спускаться с неба. Старк насчитал уже девять штук к тому моменту, когда добрался до площади. Он поднял голову, чтобы посмотреть, как садится десятый, но уловил слабое движение рядом с собой – легкое прикосновение, словно его задел падающий лист. Старк выбросил правую руку себе за спину, схватил что-то костлявое и обернулся.

На него весело смотрел тщедушный старичок, и раскаяния на его лице было не больше, чем у белки, пойманной на воровстве орехов.

– Ты быстрый парень, – сказал старик. – Но все равно не поймал бы меня, если бы твоя одежда была мне лучше знакома. Я думал, что знаю расположение каждого кармана и кошелька во Внешних Мирах. Должно быть, ты прибыл к нам издалека.

– Да уж, пожалуй, – ответил Старк.

Одет старик был в мешковатую тунику неопределенного цвета – не светлую, но и не темную, не яркую, но и не тусклую. Если специально не присматриваться, ее трудно заметить в толпе. Из-под подола выглядывали узловатые коленки и тонкие как тростинки голени.

– Ну и что мне теперь с тобой делать, дедушка?

– А я ничего не украл. Ты не сможешь даже доказать, что я пытался это сделать, – никаких свидетелей, только твои слова против моих.

– Хм... – задумался Старк. – А много ли стоят твои слова?

– Такие вопросы обычно не задают! – гордо выпрямился старик.

– И все-таки я его задал.

– Ты здесь чужак, – заговорил старик совсем другим тоном. – Тебе понадобится проводник. Я знаю в городе каждый камень и могу уберечь тебя от...

– Воров и мошенников, правильно? – Старк подтащил пленника ближе, чтобы удобнее было разговаривать. – Как тебя зовут?

– Сонг Дурр.

– Хорошо, Сонг Дурр. Спешить мне некуда, мы потом решим, как с тобой поступить. – Он продолжал крепко сжимать руку старика. – Расскажи мне лучше, что здесь происходит.

– Правители Внешних Миров собираются к Шорру Кану на конференцию, – объяснил старик и рассмеялся. – Конференцию, лопни мои глаза! Кстати, а как твое имя?

Старк ответил.

– Странное имя. Я так и не понял, откуда ты родом.

– Еще меня называют Н’Чака.

– Ага. Должно быть, Стриор. Или Наротен? – Он пристально взглянул на Старка. – Впрочем, не важно. «Или это твое имя в Братстве?» – вполголоса спросил старик.

Разумеется, он имел в виду Братство воров.

Старк неопределенно пожал плечами, предоставив старику возможность расценить этот жест по своему усмотрению.

– А почему ты сказал «конференция, лопни мои глаза»?

– За последнее время пропало несколько кораблей. Правители королевств пришли в ярость. Они подозревают, что в этом замешан Шорр Кан. – Сонг Дурр восхищенно усмехнулся. – Не удивлюсь, если так и есть на самом деле. Он сущий дьявол, а не король. Дай ему время, и он будет править всеми Внешними Мирами. У него не было ни гроша за душой, когда он появился здесь. Послушай, брат Н’Чака, ты скоро сломаешь мне руку, – добавил он.

– Пока еще нет. А как пропали эти корабли?

– Просто исчезли, и все. Где–то в Вуали Дендрид.

– Значит, в Вуали Дендрид. Это ведь темная туманность, да? А кто такая Дендрид?

– Богиня смерти.

Что ж, подходящее название.

– А почему все считают, что в этом виноват Шорр Кан?

Сонг Дурр удивленно уставился на него:

– Ты и впрямь прилетел издалека. Эта туманность еще до конца не исследована и не принадлежит никому, но каждый хотел бы наложить на нее руку или хотя бы урвать себе кусочек. Было много споров насчет границ, незаконных захватов и тому подобного. Шорр Кан действовал решительней всех прочих – или наглей, если тебе так больше нравится. Но и другие поступили бы точно так же, если бы только им хватило смелости. Кроме того, мы не потеряли там ни одного корабля. – Старик потер длинный тонкий нос и усмехнулся. – Я бы не отказался превратиться на время в муху, чтобы подслушать, о чем будут говорить на этой «конференции».

– А что ты скажешь насчет двух мух, брат Сонг Дурр?

Глаза старика едва не выскочили из орбит.

– Ты хочешь попасть во дворец?! – Он попытался вырваться из захвата Старка. – Нет, только не это!

– Ты неправильно понял меня. Я не собираюсь тайно пробираться туда, как вор. Я хочу войти открыто, как король.

Или как посол, гонец из другого мира и другого времени. Старк подумал, следит ли за ним Аарл из укрытого туманом марсианского замка, оставшегося в отдаленном на двести тысяч лет прошлом.

Напрягшись всем своим щуплым телом, Сонг Дурр слушал, что он должен сделать для Старка, если хочет вернуть себе свободу. К концу рассказа он заулыбался.

– Пожалуй, меня это устраивает, – заявил он. – Да, это лучше, чем снова оказаться за решеткой. Не знаю почему... Если бы на твоём месте был кто-то другой, брат Н'Чака, я бы выбрал тюрьму. Но мне почему-то кажется, что у нас с

тобой все получится. – Он покачал головой. – У тебя слишком смелые идеи для парня из захолустья.

Не переставая болтать, он повел Старка к соседней улице.

– Поторопись, брат Н’Чака. Звездные короли скоро появятся, и нам никак нельзя опаздывать!

Звездные короли торжественно шествовали к дворцу от посадочной площадки, где приземлились их аэромобили. Четкие ряды гвардейцев в белых мундирах расчистили проход через площадь. Роскошные наряды самых изысканных фасонов, украшенные драгоценными камнями. Лица с разнообразным цветом кожи, среди которых Старк заметил четыре явно не человеческих. Пышное шествие как нельзя лучше гармонировало с великолепными башнями, высившимися над площадью в ярких лучах зеленого солнца, взволнованно гудящей огромной толпой и украшенным замысловатой резьбой портиком, где на троне из шлифованного камня восседал сам Шорр Кан, суверенный владыка Альдешара. Его фигура, издали казавшаяся миниатюрной и хрупкой, тем не менее излучала необыкновенную силу, сразу выделяясь на фоне собравшихся вокруг придворных.

Звонящий медью голос церемониймейстера разносился над площадью, повторяемый множеством репродукторов:

– Беррел Опис, король миров Макту, верховный правитель Туманности Зоринд. Кан Мартанн, король двойной звезды Келдар. Флейн Фелл, король Транетта и барон Летха.

Поочередно короли подходили к Шорру Кану, приветствовали его и исчезали в глубине дворца вместе со своими свитами.

– Пора! – Старк подтолкнул вперед Сонга Дурра.

Старик высунулся между двумя гвардейцами и завопил:

– Подождите! Эй, подождите! Еще один гость нашего повелителя! Эрик Джон Старк, посол...

Голос старика сорвался, когда его схватили гвардейцы. Церемониймейстер, который только что проводил взглядом

последний взлетающий с площадки аэромобиль, с удивленным и раздраженным видом обернулся на шум.

Старк шагнул вперед, расталкивая гвардейцев:

– Эрик Джон Старк, чрезвычайный посол миров Солнечной системы.

Он сменил свою походную одежду, все еще пропитанную бурой пылью Марса, и теперь был одет во все черное: плотную вышитую тунуку, мягкие брюки и легкие сапоги. Сонг Дурр украл все это в лучшем магазине, что обслуживал инопланетных гостей. Он хотел прихватить еще немного драгоценных камней, но Старк решил ограничиться золотой цепочкой. На мгновение все замерли. Церемониймейстер удивленно рассматривал Старка, а гвардейцы раздумывали, не пристрелить ли его на месте.

– Передайте вашему повелителю, – сказал Старк придворному, – что у меня к нему неотложное дело, которое связано с обсуждаемым на конференции вопросом.

– Но вас нет в списке. Ваши верительные грамоты...

– Я проделал очень долгий путь, чтобы встретиться с вашим королем, – перебил его Старк. – Я должен поговорить с ним об умирающих звездах. У вас хватит мужества преградить мне дорогу?

– Нет, я не настолько смелый человек, – ответил церемониймейстер. – Задержите их.

Церемониймейстер послал слугу к парадному крыльцу дворца. Шорр Кан остановился на ступеньках, заинтересовавшись суетой на площади. После недолгого разговора король решительно махнул рукой, а слуга бегом вернулся.

– Посол Солнечной системы может подойти ближе. Под охраной.

Церемониймейстер облегченно вздохнул и кивнул гвардейцам, которые тут же встали с оружием наготове за спиной у Старка и Сонга Дурра. Облаченный теперь в роскошную алую одежду, старик все еще чувствовал себя немного неуверенно. Он шумно дышал и держался неестественно прямо.

Они прошли сквозь гудящую толпу, подавшауюся вперед, чтобы взглянуть на виновников происшествия, а затем поднялись по ступенькам крыльца. И вот уже Старк остановился перед Шорром Каном, королем Альдешара во Внешних Мирах.

Хотя тот и стал королем, но не заплыл жиром и не утратил осторожности. Он по—прежнему оставался диким тигром, хищные глаза которого хладнокровно взирают на прижатую лапой жертву, а усы нетерпеливо подергиваются от желания получить кусок побольше. Он с убийственной доброжелательностью взглянул на Старка и оскалил в улыбке крепкие зубы.

– Чрезвычайный посол миров Солнечной системы, – повторил он. – Скажи мне, посол... а где находится Солнечная система?

Это был хороший вопрос. Старк даже не пытался на него ответить.

– Очень далеко отсюда. Тем не менее дело касается интересов вашего величества.

– Как это?

– Та проблема, с которой вы столкнулись здесь, во Внешних Мирах, беспокоит и нас. Когда я узнал о конференции, то не стал ждать, когда вам представят мои верительные грамоты в обычном порядке. Жизненно важно, чтобы я присутствовал на этом собрании.

Почему Шорр Кан не слышал о Солнечной системе? Потому что она слишком незначительна и слишком удалена от него или потому что ее больше не существует? В таком случае... Старк отогнал от себя эту мысль. Если он позволит своему разуму увязнуть во временных парадоксах, то ничего здесь не добьется.

– Для кого жизненно важно? – попросил уточнить Шорр Кан.

– Эта сила, скрывающаяся за Вуалью Дендрид, – чем бы она ни была на самом деле – уничтожает наше Солнце, всю нашу Солнечную систему Ваш мир может стать следующим.

Я бы сказал, что для всех нас жизненно важно выяснить, что это за сила.

В глубине тигриных глаз Шорра Кана шевельнулась слабая тень, и Старк понял, что это было. Страх.

Шорр Кан удовлетворенно кивнул черноволосой головой:

– Посол Солнечной системы может войти.

Охрана отступила назад, а Старк и Сонг Дурр проследовали за королем и его свитой в высокие ворота.

– Ян сам почти поверил тебе, – прошептал Сонг Дурр. Его походка сделалась легкой, а лицо сморщилось в алчной усмешке. – Для парня из захолустья ты очень неплохо сработал.

Старк задумался о том, что старик скажет обо всем этом позже.

Конференция обещала быть бурной. Она проходила в просторном зале с высоким сводчатым потолком, так что короли и придворные казались стайкой нарядно одетой детворы, сбившейся в кучку в самом сердце бескрайней звенящей пустоты. Кто-то из предшественников Шорра Кана тщательно продумал планировку, намеренно добиваясь этого уменьшающего эффекта. Зато массивный трон был установлен на возвышении, чтобы все смотрели снизу вверх и видели не только того, кто на нем восседал, но и две огромные статуи крылатых богов по краям помоста. У статуй были одинаковые лица – длинноносые, уродливые и злобные. Глаза из драгоценных камней зорко следили за собравшимися внизу правителями. Старк подозревал, что прообразом этих отталкивающих физиономий послужил сам строитель зала.

Теперь на троне сидел Шорр Кан и слушал своих гостей.

Флейн Фелл, король Транетта, видимо, выступал от имени всех остальных и сразу же начал с гневных обвинений. Он был одет в серый костюм с алмазным солнцем на груди, а узкий, как у птицы, лысый череп венчало некое подобие золотой башни. Кожа его ястребиного лица имела

оттенок старого портвейна. После долгих споров и разбирательств он выкрикнул:

– Если не вы виновны в исчезновении наших кораблей, то кто же тогда? Или что? Объясните нам, Шорр Кан!

Шорр Кан усмехнулся. Он оказался моложе, чем ожидал Старк, но молодость искупалась характером победителя.

– Так вы полагаете, что я испытываю за Вуалью Дендрид какое-то новое секретное оружие? С чего вы это взяли?

– Ваши амбиции всем хорошо известны. Вы хотите единолично править Внешними Мирами.

– Разумеется, – ответил Шорр Кан. – Кто из нас не хотел бы? Вы боитесь не моих амбиций, а того, что я способен их осуществить. И осмелюсь напомнить вам, что до сих пор мне не требовалось для этого никакого секретного оружия.

Шелковые одежды королей негодуя зашуршали, а Шорр Кан рассмеялся:

– И вот теперь вы решили объединиться против меня.

– Да.

– И как вы собираетесь действовать?

– Мы остановим вас силой, – ответил Флейн Фелл. – Сотрем в порошок, если вы не образумитесь. У вас мощный флот, но против объединенной армии всех королевств Альдешар не продержится и недели.

– Это правда, – согласился Шорр Кан. – Но давайте рассмотрим ситуацию с другой стороны. А что, если у меня на самом деле есть это секретное оружие? Что тогда случится с вашим превосходным объединенным флотом? Сомневаюсь, что вы подумали об этом.

– Самонадеянный выскочка! – в ярости воскликнул Кан Мартанн. – Мы все потеряли там корабли. Все, кроме вас. Если у вас нет секретного оружия и вы действительно ничего не знали о скрывающейся за Вуалью Дендрид опасности, то как вам удалось избежать потерь?

– Потому что я умнее вас всех. Как только там пропал первый корабль, я сразу отозвал оттуда все свои звездолеты.

– Шорр Кан плавно повел рукой, привлекая общее внимание

к Старку. – Позвольте представить вам Эрика Джона Старка, чрезвычайного посла миров Солнечной системы. Возможно, нам стоит его выслушать. Кажется, это имеет отношение к предмету наших споров.

Старк сразу заметил, что звездные короли просто не хотят ничего понимать. Но все же рассказал им правду во всех подробностях, не упоминая только о путешествии сквозь время и назвав Аарла ученым. Ему едва дали договорить.

– И на что вы рассчитываете? – спросил Флейн Фелл у Шорра Кана. – Думаете, мы поверим этому самозванцу, рассказывающему сказки о некой мифической системе на другом краю Галактики, которой якобы угрожает таинственная сила? И тому, что он никак не связан с вами.

– Я думаю, что вы непроходимый болван, – ответил Шорр Кан, когда шум утих. – Представьте на минуту, что этот парень говорит правду. Если это нечто способно уничтожить одну звезду, то оно уничтожит и другие: Альдешар, Транетт, Макту, двойную звезду Келдар.

– Нас так легко не обманешь!

– Это просто означает, что вы перепуганы до смерти. Вам удобнее верить в мое секретное оружие, потому что вы надеетесь со мной справиться. Но что, если это не мое оружие? Что, если это природный феномен, которым никто не управляет и не может управлять? Разве вам не хотелось бы выяснить это?

– Мы пытались, – мрачно признал Флейн Фелл. – Но только потеряли несколько кораблей, не получив никакого ответа. Теперь все зависит от вас. Вот вам наш ультиматум: уничтожьте ваше оружие или докажите, что эта штука вам не подчиняется. Через месяц мы отправим к Вуали Дендрид беспилотный корабль. Если он тоже пропадет, а вы так и не представите никаких доказательств, начнется война.

Звездные короли дружно вскинули сжатые кулаки и прокричали: «Война!»

– Я понял вас, мои братья—короли. Можете идти.

Те вышли из зала, гулко стуча каблуками по полу.

– Вы тоже. – Шорр Кан отпустил слуг. – А ты останься, – сказал он Старку. – И ты, старый вор...

– Ваше величество, – возмутился Сонг Дурр, – я герольд посла...

– Не лги мне! – перебил его Шорр Кан. – Я сам состоял в Братстве, прежде чем сделался королем. Я разрешаю тебе украсть столько, сколько влезет в карманы твоей ворованной одежды. Если, конечно, ты сам не попадешься. Через час я прикажу своим людям поймать тебя, но они не выйдут за пределы дворца.

– Ваше величество, – обрадовался Сонг Дурр, – век буду помнить вашу доброту. И тебя, парень, тоже. На удачу ты мне встретился. Всего хорошего.

И он умчался прочь, лишь тонкие как тростинки ноги мелькали под полами одежды.

– Как мало нужно для счастья человеку, – усмехнулся Шорр Кан.

– Но вы ему не завидуете.

– Если бы я завидовал, то сам был бы сейчас на его месте. – Шорр Кан поднялся с трона и подошел к Старку. – Ты странный человек, посол. Ты поставил меня в неловкое положение и принес дурные вести. Возможно, мне стоило бы казнить тебя. Другие короли так бы и поступили. Но, видишь ли, я не был рожден королем и привык держать открытыми глаза и уши, а в особенности – разум. К тому же у меня есть еще одно преимущество перед моими собратьями. Я знаю, что сказал им правду. У меня нет никакого секретного оружия, и я понятия не имею, что это за сила, уничтожающая корабли и звезды. Ты веришь мне, посол?

– Да.

– Почему?

– Если бы вы могли управлять этой силой, вы бы давно ее использовали.

Шорр Кан рассмеялся:

– Значит, ты понял? Конечно же понял, не то, что эти! – Он презрительно дернул подбородком в сторону дверей. – Их ослепляет собственная злоба. Они мечтают об одном – избавиться от меня, не заботясь о том, что на самом деле им угрожает.

– Но признайтесь, что они ловко загнали вас в угол.

– Им это только кажется. Они всего лишь жалкие правители маленьких королевств. На свете нет ничего более жалкого, чем жалкие короли. – Он обвел взглядом зал. – Отвратительное местечко, правда? А эти два уродца по бокам трона! Я сначала думал надеть на них шляпы, но они и без того достаточно нелепы. Альдешар тоже всегда был крохотным, жалким королевством и всегда таким будет. Но первые шаги и должны быть маленькими. А большое королевство еще ждет впереди.

Ум, честолюбие, энергия и жестокость сияли в глазах Шорра Кана. Он казался по—своему прекрасным, как прекрасна всякая вещь, идеально соответствующая своему предназначению.

– Но сначала нужно решить нашу проблему, так ведь? – Тигриные глаза Шорра Кана снова впились в Старка. – Зачем ты прилетел ко мне, посол? Мы ведь ужасно далеко от Солнца.

– Кажется, мы можем помочь друг другу.

– Тебе—то нужна моя помощь, – согласился Шорр Кан. – Но нужна ли мне твоя?

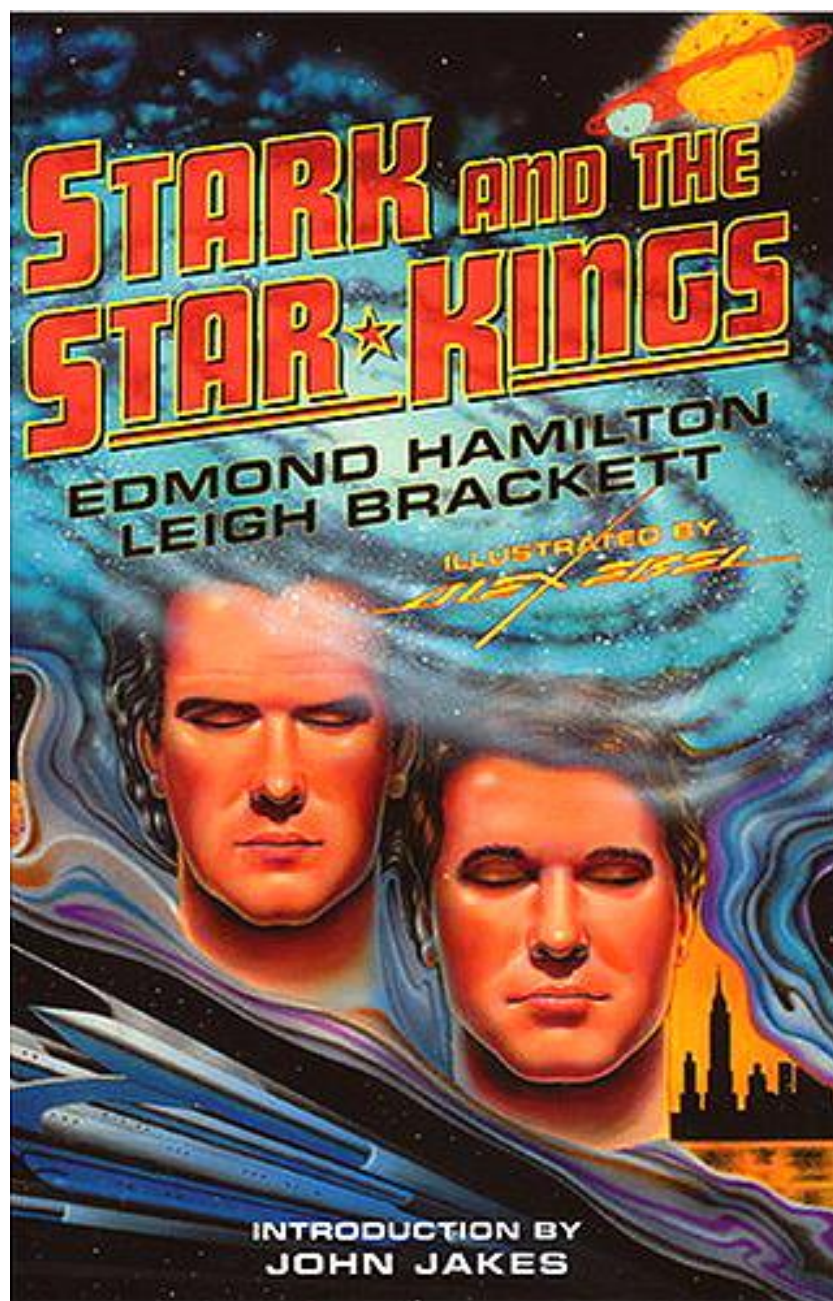
– Как я могу ответить, если еще не знаю, что нам угрожает?

Шорр Кан кивнул:

– У меня такое ощущение, посол Старк, что мы станем либо хорошими друзьями, либо лютыми врагами. И если случится второе, я без колебаний убью тебя.

– Я знаю.

– Хорошо, что мы понимаем друг друга. Теперь перейдем к делу. Мои научные консультанты наверняка тоже захотят послушать твою историю. Так что...

– Ваше величество! – взмолился Старк. – Будьте милосердны – я давно ничего не ел.

Какие—то жалкие двести тысяч лет.

Два старых красных солнца, словно рубиновые броши, светились на клочковатой завесе тьмы, скрывающей звезды. Вуаль Дендрид выглядела в точности такой же, какой Старк видел ее сквозь туман в замке Аарла. Это опять было лишь изображение – в этот раз на оптическом экране фрегата—призрака. Самый быстрый корабль во всем флоте Шорра Кана был по такому случаю оснащен специальным оборудованием.

Старк и Шорр Кан вместе смотрели на экран. Под ногами у Старка и повсюду вокруг, терзая его тело и весь корпус корабля, гудел и вибрировал сверхсветовой маршевый генератор. Подсознательно Старк испытывал мучительное неудобство: казалось, он попал в ловушку, зажатый, словно цыпленок в яйце, внутри оболочки, обладающей немыслимой силой. Изображение на экране было на самом деле лишь электронным фокусом, не более реальным, чем картина за туманной завесой в замке Аарла. Если не учитывать того, что сейчас туманность и в самом деле находилась впереди.

К этому полету долго готовились, шли бесконечные консультации. Научные, военные и гражданские советники упорно тянули каждый в свою сторону. В конце концов Шорр Кан все сделал по—своему.

– Король рожден для того, чтобы править. Если у него не хватает мужества и дальновидности для принятия нужных решений, он должен немедленно отречься от престола. Мою королевству угрожают две опасности: война и неизвестная сила. Если мы не сумеем превратить ее в известную, война неизбежна. Поэтому я обязан выяснить, что скрывается за Вуалью Дендрид.

– Но вам не стоит лететь туда самому, – возразил кто—то из советников. – Это слишком рискованно.

– Слишком рискованно было бы послать кого—то другого вместо себя, – ответил Шорр Кан. Он весь словно излучал благородство, освещая своим внутренним огнем трон и уродливые статуи на помосте. Неудивительно, что у него было столько приверженцев. – Что это за король, если он не думает в первую очередь о безопасности своего народа? Снаряжайте корабль.

Все распоряжения были отданы, и консультанты отправились выполнять их. Шорр Кан и Старк остались вдвоем в огромном зале.

– Высокие материи – это хорошо, – усмехнулся король, – но нужно быть еще и практичным. Посол, ты понимаешь меня?

Старк давно потерял терпение от этих нескончаемых споров и задержек. Он чувствовал, что больше медлить нельзя. Казалось, тихий голос Аарла непрерывно звучит в его голове: «Быстрее!»

– В лучшем случае вашим собратьям—королям придется отправиться следом за вами, потому что они не решатся отпустить вас одного, – резко заявил он. – Вы сможете найти способ либо уничтожить их, либо переманить на свою сторону, в зависимости от того, что будет выгодней. В худшем, имея такой быстроходный корабль, вы, возможно, найдете путь к отступлению, когда дела пойдут совсем плохо. Но почему вы так уверены, что они не нападут на вас по дороге, перечеркнув обе эти возможности?

– Они хотят, чтобы я привел их к секретному оружию. Думаю, они будут выжидать до последнего. – Шорр Кан доверительно положил руку на плечо Старка. – И пока ты со мной, лучше надейся на то, что я не ошибаюсь. Я навел о тебе кое—какие справки, посол.

– Вот как?

– Я подозревал, что тебя отправил кто—то из моих братьев—королей, чтобы шпионить за мной или даже убить. Ты, знаешь ли, похож на убийцу. Но мои агенты не смогли найти никаких твоих следов. Похоже на то, что ты родился

не на какой—то из здешних планет. Так что мне пришлось поверить, что ты именно тот, за кого себя выдаешь. Есть только одна проблема. – Шорр Кан усмехнулся. – Мы до сих пор не выяснили, где находится Солнце. Так что я буду держать тебя при себе, посол, – как темную лошадку.

Старк подумал, что темных лошадок обычно пристреливают, когда в них больше нет надобности. Но он все равно испытывал к Шорру Кану невольную симпатию.

И теперь, стоя на мостике фрегата, он размышлял, правильно ли Шорр Кан просчитал действия своих собратьев—королей. Потому что корабли правителей Внешних Миров двигались за ними следом – на почтительном расстоянии, но не упуская из виду.

– Мы совершим посадку на планете в туманности, – объявил Шорр Кан. – Она называется Сейдри – это последний известный нам обитаемый мир, ближе всего расположенный к этой неведомой силе. Они странный народ, эти сейдрианцы, но во Внешних Мирах полно странных народов – только начавших развиваться и остатков древних рас, загнанных сюда непрерывными волнами колонизаций. Возможно, они что—нибудь нам расскажут.

– У них есть ученые?

– В своем роде.

Руководитель научной бригады, обслуживающей бортовые приборы, насмешливо фыркнул:

– Колдуны. Причем они даже не гуманоиды.

– А сами—то вы что можете нам рассказать? – недовольно спросил Шорр Кан. – Что за Вуалью находится область, контролируемая ужасной неведомой силой, которая искажает пространство вокруг себя и уничтожает все, что к ней приближается? Это мы и без вас знаем. Можете ли вы подсказать, как нам подобраться к этой силе и выяснить ее источник, не погибнув при этом?

– Пока нет.

– Вот когда узнаете, тогда и расскажете мне. А до тех пор я не откажусь от любых сведений, из какого бы источника они ни были получены.

Шло время. Оно истекало сейчас для всех: и для тех, кто находился здесь, и для девяти маленьких миров Солнечной системы за двести тысяч лет в прошлом. Корабль погружился в темную туманность, словно в облако дыма, разрывая ее на клочки, точно так же, как видел Старк за туманной завесой в замке Аарла. Мгновение – и фрегат уже вышел из сверхсветового полета в обычный космос. Здесь, на самом краю туманности, дымка была еще не слишком плотной, и за ней зловещим светом горела звезда, прижимая к себе единственную крохотную планету, будто пытаясь согреть.

Сквозь рваные прорехи в Вуали Дендрид Старк разглядел лежащую за ней таинственную и пугающую область абсолютного мрака.

Ему показалось, что она с прошлого раза увеличилась в размерах.

Фрегат—призрак приземлился на планете Сейдри. Это был причудливый сумеречный мир, с закутанным в туманную дымку солнцем и бледными растениями. Улицы города протянулись без всякого порядка между деревьями и домами, которые сами выглядели живыми, обвитые лианами со множеством темных цветов.

Народ Сейдри оказался низкорослым, с глубокими глазами и неуклюжей походкой, ловкими руками и темным глянцевым мехом, защищающим от дождя. Они встретили гостей на открытом воздухе, а не в низеньких домах, где людям трудно было бы выпрямиться. Наступала ночь, и на небе засияли тусклые змейчатые дорожки – там, где зашедшее за горизонт солнце освещало пылевые течения.

С жителями Сейдри разговаривали через переводчика, но по их затаенному страху и восхищению одновременно Старк понял больше, чем можно было объяснить словами.

– Оно растет, – сказал вождь сейдрианцев. – Оно растекается, захватывает и засасывает. Это сильное дитя, оно начинает обретать разум.

Над поляной повисла тишина. Закапал легкий дождь и быстро закончился.

– Ты говоришь, оно живое? – на удивление спокойным голосом спросил Шорр Кан. – Переводчик, проверьте, правильно ли он понял вопрос.

– Оно живое, – подтвердил вождь, и глаза на его курносом лице ярко сверкнули. – Мы это чувствуем, – объяснил он и добавил: – Скоро оно проглотит нас.

– Значит, это зло?

– Нет, не зло. – Он расправил узкие плечи. – Оно живое.

Шорр Кан обернулся к советникам:

– Неужели это возможно? Как может эта сила... эта пустота... быть живой?

– Считается, что конечным продуктом эволюции может быть существо, состоящее из чистой энергии. Живое в том смысле, что оно питается энергией, как и все прочие формы жизни, и разумное... Но мы можем только предполагать, какой оно будет формы – от амебы до подобной богу.

Руководитель ученой бригады взглянул на небо, затем на низкорослых, покрытых бурым мехом аборигенов, настроженно наблюдающих за ним.

– Но мы не можем принять это на веру. Слишком мало данных... Такое важное открытие...

– Должны подтвердить авторитетные специалисты, – закончил за него Шорр Канн. – Может быть, и так, а может, и нет. Давайте сохранять хладнокровие и объективность. «Вы умеете говорить с этим существом?» – быстро спросил он у вождя сейдрианцев.

– Оно не слышит нас. Разве ты слышишь, как кричат букашки в воздухе, которым ты дышишь, или в воде, которую ты пьешь?

– Но вы сами слышите... это?

– Да, мы слышим его. Оно быстро растет. Скоро мы не сможем слышать ничего другого, кроме него.

– А вы можете сделать так, чтобы и мы его услышали?

– Вы люди, а люди обычно глухи ко всему, кроме собственных голосов. Но среди вас есть один... – Вождь повернул голову с глянцевым мехом и посмотрел прямо в глаза Старку. – Такой же, как все, но не совсем глухой. Может быть, с нашей помощью он что-то услышит.

– Прекрасно, посол, – сказал Шорр Кан. – Ты ведь пришел сюда выяснить, что пожирает вашу звезду. У тебя есть шанс.

Сейдрианцы объяснили ему, что нужно сделать. Он опустился на колени, и его окружили кольцом темные фигуры, державшие в руках черные цветы с резким густым ароматом. В небе змеились полосы света. Старк посмотрел в сияющие глаза вождя и ощутил, что его разум становится мягким и пластичным, вытягивается в чувствительную нить, связанную с сознанием стоявших в кругу аборигенов.

Понемногу он начал слышать.

Особенности человеческого мозга ограничивали его слух, но сейчас Старк был рад этому. Он не смог бы долго выдержать контакт с этим разумом. Даже слабый отголосок ошеломил его.

Ошеломил невероятной радостью этого существа.

Оно радовалось тому, что живет, мыслит и чувствует, что оно молодое, сильное и растущее. Это была радость бытия.

В его радости не было зла, в его силе не было жестокости. Оно высасывало жизненные силы из Вселенной так же легко и естественно, как трава высасывает питательные вещества из почвы. Оно поглощало энергию, не сознавая, что убивает кого-то. Для него не существовало понятия смерти, энергия просто переходила из одного состояния в другое. Оно считало все сущее лишь одним огромным источником, подпитывающим его вечное пламя. Чудовищная сила, заключенная в нем, скручивала саму ткань времени и пространства, искажая ее таким невероятным образом, что разделенное с ним двумястами тысячами лет Солнце оказывалось

так же доступно, как и утонувшая в облаках пыли звезда Сейдри.

Оно было очень молодо. И абсолютно невинно. Его интеллектуальный потенциал можно было измерять парсеками. Оно уже осознавало собственное величие. Оно будет размышлять и расти, пока мириады галактик, подобно рою мошек, выются вокруг него в своей первозданной красоте. И со временем оно начнет творить. Бог знает, что оно создаст, но все его помыслы были светлы и чисты.

Оно было невинно. Но оно было убийцей.

И все же Старка тянуло стать частью этой божественной силы и радости. Он жаждал навсегда раствориться внутри нее, освободиться от собственной оболочки и всех этих жалких страданий, из которых состоит человеческая жизнь. Он уже ощущал, что почти достиг цели, когда контакт прервался и он снова осознал, что стоит на коленях, окруженный сейдрианцами. Мелкий дождь облизывал его щеки, и Старк чувствовал себя ужасно одиноким и несчастным.

Шорр Кан окликнул его.

– Оно живое, – сообщил Старк. – Неизвестный вид жизни. И это означает конец для всех нас, если мы не уничтожим его. И если его вообще можно уничтожить.

Старк поднялся с колен. На обращенных к нему лицах короля Альдешара, ученых и военных экспертов отражался страх и сомнение. Они боялись поверить ему и боялись не поверить.

– И, если его действительно необходимо уничтожить, – добавил Старк.

Все протестующе зашумели, но новый звук заставил их замолчать.

С усыпанного змейчатыми огнями неба спускались корабли звездных королей.

– Подождем их здесь, – решил Шорр Кан и посмотрел на Старка. – Пока твой разум пытался покинуть тебя, я получил рапорт с корабля. Генераторы теряют мощность. Потери

пока незначительны, но они есть. Интересно, как с этим всем поступят мои собратья—короли.

Собратья—короли торжествовали. Они оставили на орбите Сейдри свои тяжелые крейсеры, чья мощь многократно превосходила силы корабля—разведчика Шорра Кана. Они были очень довольны, что так легко поймали эту хитрую лису.

– Даже если у вас есть оружие, вы не сможете применить его против нас, не навредив себе, – заявил Флейн Фелл.

Он расстался со своими шелками, драгоценностями и золотым венцом, сменив их, как и все остальные, на военную форму.

– Если бы у меня было оружие, я бы непременно подумал об этом, – спокойно ответил Шорр Кан. – Полагаю, вы уже обследовали планету в поисках замаскированных пусковых установок, центров управления и тому подобного?

– Да, разумеется.

– И вы по—прежнему уверены, что человек способен создать эту силу или управлять ею?

– Мы тщательно взвесим все доказательства.

– Это меня весьма утешает. А тем временем прикажите вашим техникам внимательно следить за мощностью генераторов. А заодно и за генераторами моего корабля. И постарайтесь не затягивать с решением.

– Почему? – удивился Флейн Фелл.

Шорр Кан подозвал к себе Старка:

– Расскажи им.

И Старк рассказал.

Короли Внешних Миров – те, что были людьми, – с презрением посмотрели на сейдрианцев.

– С какой стати мы должны верить этим маленьким ди-ким тварям с заброшенной планеты? – возмутился Флейн Фелл. – Что касается вашего так называемого посла...

Он не договорил. Один из королей—негуманоидов приблизился и встал перед ним. В наследство от давних предков ему досталось превосходное мускулистое тело, гордая

голова с аристократической звериной мордой и легким намеком на клыки, а также изящный белый мех с серым отливом. Улыбка у него была устрашающей.

– От имени тех немногих королей, которые, как и я сам, являются дикими тварями, я должен заявить, что лишенный шерсти потомок обезьяны – ничуть не менее дикая тварь, чем мы, и не имеет никакого права судить свысока о других расах. Мы сами поговорим с сейдрианцами.

Они направились к вождю, а Шорр Кан довольно усмехнулся:

– Я благодарен королю Траннета за то, что он так любезно подарил мне союзников.

Старк отошел в сторону, посмотрел на небо и погрузился в воспоминания.

Наступило серое утро с уныло морозящим дождем. Когда облака немного разошлись, Старку показалось, будто окутанное пыльной дымкой солнце потускнело еще больше, но это, разумеется, была всего лишь игра воображения. Четверо королей–негуманоидов после разговора с сейдрианцами вернулись с торжественными лицами. Вождь шел вместе с ними.

– Человек Старк рассказал правду, – заявил король с серым мехом. – Это существо уже начало высасывать жизнь из здешнего солнца. Сейдрианцы знают, что они обречены. И мы тоже, если не уничтожим это существо.

С кораблей – не тех, что опустились на планету, и с тех, что остались на орбите в ожидании приказов, – поступили донесения о необъяснимой потере мощности в генераторах.

– Так каким будет ваше решение, братья–короли? – спросил Шорр Кан.

Четверо негуманоидов встали перед королем Альдешара:

– Наши корабли и лучшие ученые в полном вашем распоряжении.

Король с серым мехом посмотрел на Флейна Фелла с гневным огнем в золотистых глазах:

– Отбросьте свою мелочную злобу, потомок обезьяны, иначе все наши расы, всё, что движется и дышит, будут обречены.

– Вы можете убить меня позже, если мы сейчас выживем,
– добавил Шорр Кан.

Флейн Фелл раздосадованно махнул рукой:

– Хорошо. Давайте объединим усилия и уничтожим наконец это существо.

«Давайте объединим усилия...»

Во все научные центры, даже в самых отдаленных мирах, полетели срочные запросы: как уничтожить это существо, прежде чем оно уничтожит все живое?

Корабли покинули Сейдри, вернулись к границе туманности и зависли там, словно стая мелкой рыбешки, лова слабый свет далеких звезд. Они ждали ответов. И ответы вскоре начали приходить.

– Энергия! – повторил Шорр Кан и выругался. – Это существо само состоит из энергии. Оно пожирает энергию, питается звездами. Как можно его уничтожить с помощью энергии?

– Мы получили сообщения из трех крупнейших компьютерных центров с Веги, Ригеля и Фомальгаута, – ответил ему ученый Нарин Хаар. – Все они рекомендуют ударить по существу из энергии существом другой энергией – нашими самыми мощными ракетами.

Нарин Хаар возглавлял объединенный научный совет, который собрался на флагмане Флейна Фелла, самом крупном из всех кораблей и обладающем самой совершенной системой связи.

– С антиматерией? – уточнил Шорр Кан.

– Да.

– Но не получится ли так, что мы просто накормим его?

– Они сейчас проводят расчеты. Но, судя по относительно медленной скорости, с которой это существо высасывает энергию звезд, у нас есть шансы. Если мы проведем

достаточно мощную атаку, оно не сможет быстро поглотить всю энергию и, скорее всего, погибнет.

– Сколько потребуется ракет?

– Именно эти данные мы сейчас и ожидаем.

Наконец пришли результаты расчетов.

Нарин Хаар зачитал ответ собравшимся на флагмане королям. Старк тоже присутствовал на совете и мало что понял из сказанного, но видел, как ошеломили эти цифры владык Внешних Миров.

– Нам понадобятся все корабли всех правителей Галактики, – подвел итог Шорр Кан. – Все имеющиеся у них ракеты с антиматерией. Но и этого может оказаться недостаточно, так что придется использовать и обычные атомные заряды. Мы должны запросить помощь, и как можно скорее.

Корабль–разведчик, отправленный за Вуаль, вернулся с известием, что существо растет с пугающей быстротой.

Они разослали сообщения владыкам Галактики, включив туда всю информацию, которую успели собрать.

И снова стали ждать ответа.

Существо за Вуалью продолжало питаться энергией и наслаждаться своими космическими грезами. И расти.

– Если империя пришлет свой флот, остальные поддержат ее, – сказал Шорр Кан и раздраженно ударил кулаком по столу. – Сколько времени нужно этим умникам, чтобы все обсудить? Или они собираются чесать языками до бесконечности? – Он вскочил на ноги. – Я должен сам поговорить с Джалом Арном.

– Кто такой Джал Арн? – спросил Старк.

– Ты и в самом деле парень из захолустья, посол. Джал Арн – правитель Среднегалактической империи, самой сильной державы во всей Галактике.

– Вы произнесли его имя так, будто недолюбливаете его.

– Как и саму империю. Но сейчас не время для этого разговора. Пойдем со мной, если хочешь.

В рубке субпространственной связи уже загорелся экран.

– Это Солнечный зал на Трооне, столице империи в системе Канопуса, – объяснил Старку Шорр Кан. – Да, государственный совет в полном сборе.

Зал был огромен, его украшали флаги и гербы тысячи звездных королевств. Старк уловил лишь слабый отблеск этого величия и множество незнакомых лиц – вероятно, послов, представляющих своих правителей на экстренном заседании совета, а также сановников и аристократов из неизвестных ему миров. Изображение переключилось на восседающего на троне человека. Казалось, он смотрел прямо в глаза Шорру Кану. Так оно и было на самом деле, хотя их разделяла половина Галактики.

Шорр Кан не стал терять время на соблюдение протокола.

– Джал Арн, – начал он, – у вас нет причин для нежной любви ко мне, равно как и у меня к вам. Нет у вас и причин доверять мне. Тем не менее мы с вами жители этой Галактики, и сейчас речь идет о жизни и смерти не только нас обоих, но и наших народов. Владыки Внешних Миров объединились, но мы все равно не в силах одни справиться с этим существом. Если вы не покажете пример другим звездным королям и не пошлете свой флот нам на помощь, то тем самым обречете на гибель и собственную империю.

На красивом волевом лице Джала Арна была заметна печать усталости, в глазах светилась мудрость.

– Шорр Кан, ваши чувства ко мне – так же, как и мои к вам – сейчас не имеют значения, – сказал он, слегка наклонив голову. – Члены совета уже поняли всю серьезность положения. Мы провели консультации с нашими учеными и приняли решение. Вы получите наши корабли.

Экран погас.

А им снова оставалось только ждать, глядя в пустое небо, где горели далекие звезды, а огромное пылающее колесо Галактики поворачивалось вокруг оси на такую бесконечно малую величину, какую способны определить лишь сверхточные приборы.

Наконец появились корабли.

Старк наблюдал на экране, как они возникают из пустоты. Шорр Кан называл, откуда они прибыли: эскадры Фомальгаута с изображением белого солнца на бортах; корабли Ригеля и Денеба, Алголя и Альтаира, Антареса и Веги; флоты обширных королевств Лиры, Лебеда и Кассиопеи, Зайца, Ворона и Ориона. Объединенные силы баронов Скопления Геркулеса с золотыми гербами звездного Скопления. И так далее, пока у Старка не зазвенело в ушах от громких имен и не пошла кругом голова от их количества.

Последними, словно мрачные тени космической войны, подошли линкоры империи.

Корабли собрались вместе у границ Вуали Дендрид, сверкая ярче звездного неба.

Один за другим прибывали на флагман капитаны, обсуждали план операции, уточняли данные и стучали по клавишам компьютеров. Невообразимо мощная армада висела в сияющем звездном небе, и Старк невольно вспоминал о военных кампаниях из своей прежней жизни: коварные нападения народов кеш и шан в марсианских Сухих землях, смертоносные набеги диких племен в болотах и морях Венеры. Невинные детские забавы. Теперь он видел на экране истинное величие, в которое трудно было поверить.

А по другую сторону Вуали ожидал противник, какого он тоже не мог себе даже вообразить.

Он мучился вопросом, слышит ли его Аарл. И живы ли до сих пор миры Солнечной системы.

Наконец Шорр Кан объявил:

– Мы готовы. Объединенный флот выступит ровно через шесть часов по общегалактическому времени.

Флот звездных королей двинулся вперед. Ряд за рядом сверкающие корабли погружались в сумрак туманности, прорезая носами облака космической пыли и вырываясь на свободу за ее пределами – там, где их ожидало загадочное

существо, беззаботно раскинувшееся во времени и в пространстве.

Старк стоял рядом с Шорром Каном в рубке фрегата—призрака. Корабль входил в состав флота Альдешара: три тяжелых крейсера и целый рой легких кораблей. Были собраны все звездолеты, имевшие на вооружении ракеты.

Флот Шорра Кана оказался в первой волне атаки, вместе с силами других правителей Внешних Миров. Фрегат выскочил из туманности, выстрелил обычными атомными ракетами в смутно виднеющуюся впереди черную пустоту, а затем ушел по спирали вверх и занял удобную позицию для наблюдения – или для бегства, если возникнет такая необходимость. Шорр Кан снова стал прагматичным и осторожным правителем.

Первая волна атаквала внезапно и молниеносно, израсходовав весь запас ракет, а затем пустилась в сложный, тщательно рассчитанный трехмерный танец смерти, чтобы избежать встречи с противником и освободить место для идущих следом кораблей.

И они тут же появились, серебристые тяжелые крейсера с гербами солнц, созвездий и звездных скоплений. Вся объединенная мощь звездных королей против неведомой враждебной силы.

Они обрушили невероятно мощный шквал огня на это порождение чистой энергии. Вспышки взрывов затмили свет звезд на много парсеков вокруг, сотрясая саму ткань Вселенной, в которую было завернуто спящее существо, так что корабль—разведчик Шорра Кана накренился, словно от сильного волнения на море.

Существо проснулось и нанесло ответный удар.

Яростные стрелы молний метнулись с его темной поверхности, стирая в пыль атакующие корабли. Но на их место приходили новые, забрасывая его тучами смертоносных ракет с антиматерией. В ответ в них снова полетели черные молнии. Существо продолжало жить, сражаться, убивать.

– Оно защищается, – сказал Старк. – Оно защищает не только себя, но и весь свой вид точно так же, как мы.

Старк ощущал его замешательство, страх, возмущение и гнев. Наверное, способность чувствовать его сохранилась после первого контакта с помощью сейдрианцев, и теперь Старк сожалел об этом, хотя отзвук был очень слабым. Незнакомое существо все еще не догадывалось о существовании других форм жизни. Оно только понимало, что эта необычная энергия опасна для него. Оно определило, где находится источник опасности, и теперь пыталось его уничтожить.

Кажется, ему это удалось.

Флот звездных королей отступил, все атаки прекратились. Существо тоже перестало метать молнии. Оно не пострадало и не уменьшилось в размерах.

– Мы проиграли? – спросил Старк.

Он вспотел и лихорадочно дрожал, как будто сам только что сражался.

Шорр Кан ответил лишь одним словом:

– Подожди.

Корабли баронов Геркулеса отделились от основной части флота и умчались куда–то.

– Они бегут? – задал новый вопрос Старк.

И опять услышал в ответ:

– Подожди.

И тут Старк все понял. Вдалеке корабли баронов с отчаянной храбростью напали на существо с неожиданной стороны. На темной поверхности заплескали вспышки аннигиляции, и существо стало отбиваться от новой атаки, забыв об остальном флоте, который тем временем построился полусферой. В конце концов, оно было еще очень молодо и не имело представления о стратегии.

Объединенный флот снова ударил, направив всю энергию в одну точку.

На этот раз зажженный им огонь не погас.

Он начал разгораться все сильнее и ярче. Огромный сгусток энергии вдруг взорвался, как сверхновая звезда, разлетевшись во все стороны, захватывая корабли и сжигая их, но уже неумышленно, случайно. Эти яростные молнии были последними слепыми выбросами гибнущей силы.

Флот перегруппировался, обрушив на врага все, что у него еще оставалось.

Старк услышал – почувствовал каждым атомом своего тела – последний протестующий крик существа, тоскующего по утраченной силе и радости. А затем Галактика во всей своей красе исчезла из виду в ослепительной вспышке, словно жестокий ветер унес прочь стаю ярких бабочек.

Оно умерло.

Флоту звездных королей удалось избежать гибели, хотя пространство корчило в агонии. Распадались на части звезды, безумная, всеуничтожающая ярость выплеснулась на много парсеков вокруг и сотрясла саму ткань Вселенной.

Корабли укрылись за Вуалью Дендрид, с ужасом ожидая, что цепная реакция взрывов настигнет их и здесь. Но постепенно возмущение успокоилось, и, когда приборы снова начали фиксировать в пространстве лишь обычное излучение, фрегат—призрак и еще несколько кораблей рискнули вернуться.

Форма туманности заметно изменилась. Сейдри и ее тусклая звезда исчезли. А за Вуалью образовалась новая пустота – абсолютная пустота смерти.

Даже Флейн Фелл ощутил чудовищность того, что они сделали.

– Тяжелая это работа – быть богом.

– Возможно, но быть человеком еще тяжелее, – ответил Шорр Кан. – Бог, насколько я помню, никогда не сомневался в своей правоте.

Флот звездных королей – та его часть, что выжила в этом кошмаре, – повернул назад и вскоре разделился. Каждый направился домой.

Шорр Кан возвратился в Альдешар.

В тронном зале, где по—прежнему стояли уродливые статуи богов, Шорр Кан сказал Старку:

– Ну что ж, посол, твое маленькое Солнце теперь в безопасности, если только помощь не опоздала. Ты вернешься туда или останешься здесь? С моей помощью ты мог бы многого добиться.

Старк покачал головой:

– Вы мне по нраву, король Альдешара. Но из меня получится плохой напарник. Рано или поздно между нами начнется вражда, о которой вы предупреждали. Кроме того, вы родились, чтобы попадать в неприятности, а я предпочитаю расхлебывать свои собственные.

Шорр Кан рассмеялся:

– Наверное, ты прав, посол. Хотя мне и жаль отпускать тебя. Что ж, давай расстанемся друзьями.

Они пожали друг другу руки. Старк оставил дворец, прошел по улицам Доналира в сторону холмов, все еще слыша за шумом голосов тот отчаянный крик.

Он поднялся на хребет над городом. И оттуда Аарл вернул его домой.

Они снова сидели в окутанной туманом комнате на самом верху древнего замка.

– Мы не должны были убивать его, – сказал Старк. – Тебе не довелось прикоснуться к его разуму, а я сделал это. Оно было... подобным богу.

– Нет, – возразил Аарл. – Это человек подобен богу. Он творец и разрушитель, добрый любящий отец и безжалостный самодур, кровожадный и милостивый, несносный и благородный. Это существо было вне обычных понятий о добре и зле, и поэтому, возможно, оно более достойно жить... но оно погибло. И это высший закон бытия.

Аарл посмотрел на Старка глубокими, как космос, глазами:

– Не бывает иной жизни, кроме той, что существует за счет других жизней. Мы убиваем зерно, чтобы превратить

его в хлеб, зерно со временем убивает почву, из которой растет. Не упрекай себя за это. Однажды появится еще одно такое сверхсущество, которое выживет, несмотря на все наши усилия. И тогда наступит наше время уйти. А пока выжили мы, и это доказательство нашей правоты. По—другому не бывает.

Аарл проводил Старка по длинным извилистым переходам к двери, где уже ожидал оседланный зверь. Старк сел на него и поехал прочь, навсегда покидая Третий Излом.

Он видел будущее, прикоснулся к красоте и сделал то, что от него требовалось, – к лучшему или к худшему. Красота погибла за Вуалью Дендрид, но высоко в небе, над стенами Большого каньона, Солнце по—прежнему освещало старый гордый лик Марса. В чем—то – к лучшему, в чем—то – к худшему, и возможно, со временем слова Аарла успокоят совесть Старка.

И в любом случае он никогда не забудет великолепия кораблей звездных королей, выстроившихся в боевой порядок.

ХРОНОЛОГИЯ ДВУХ ТЫСЯЧ ВЕКОВ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЗВЕЗДНЫХ КОРОЛЕВСТВ, СОСТАВЛЕННАЯ САМИМ ГАМИЛЬТОНОМ

Данная хронология с минимальными изменениями повторяет ту, что Гамильтон предложил в 1949 году в пространственных подстрочных примечаниях к журнальному изданию «Звездных королей». Мы объединили этот материал с названиями ключевых эпох истории будущего, от Начальной эры до Эры межпланетного раскола, перечисленными им в 1939 году в «Истории Солнечной системы», помещенной на страницах сборника «Thrilling Wonder Stories». Десять лет спустя, в 1949 году, Гамильтон опубликовал переработанную версию этой хронологии с кратким описанием последующих 160 000 лет вплоть до Эры звездных королей. (Предупреждение: читатели, знакомые лишь с романом «Звездные короли», могут пропустить последнюю часть хронологии, поскольку изложенные здесь сведения почерпнуты из повести «Татуированный человек».)

Начальная эра
(1945–1946 гг.)

Эпоха космических путешествий в самом деле началась в 1945–1946 годах, с первым опытом по высвобождению атомной энергии и подтверждением эффективности работы радара в открытом космосе. К концу XX века, работающие на атомном топливе и направляемые радарными ракетами, достигли Луны, Марса и Венеры.

Эра колонизации
(1971–2011 гг.)

Эра исследования и колонизации охватывает период первых космических экспедиций, начиная с полета

Джонсона на Луну в 1971 году и заканчивая успешной колонизацией покрытого льдом Плутона. Разумеется, это было время быстрого расширения сферы интересов Земли.

Эра освоения (2011–2247 гг.)

Эра освоения – это продолжавшаяся двести лет анархия, когда правительство Солнечной системы, находившееся на Земле, пыталось установить единый закон и порядок на девяти не до конца исследованных планетах, населенных колонистами и туземными расами. При этом пришлось преодолевать сопротивление космических пиратов, заговорщиков и вставших на преступный путь ученых, доходившее порой до угрозы свержения самого правительства.

Эра межпланетного раскола (2247–2621 гг.)

Эра межпланетного раскола длилась четыре столетия, в течение которых колонизированные планеты стремились выйти из—под контроля правительства Солнечной системы. На этот период приходятся: Марсианская революция 2463 года, восстание болотного народа на Венере и другие попытки восьми колонизированных планет обрести независимость, которые правительство всеми силами стремилось подавить. Наконец 17 августа 2621 года президент Альдердайс подписал судьбоносный «Акт о признании независимости», в котором объявил все планеты свободными самоуправляемыми мирами.

Эра межзвездного расселения (2621–12 275 гг.)

Исследование и освоение других планет продолжались все возрастающими темпами. Однако огромные

межзвездные расстояния считались непреодолимыми до XXIII века, когда три эпохальных научных открытия сделали возможными такие полеты.

Важнейшим из них было открытие субспектрального излучения. Этот ранее неизвестный диапазон электромагнитного излучения с намного меньшей длиной волны, чем гамма— или космическое излучение. Оно распространяется со скоростью, многократно превышающей скорость света.

Самым полезным во всем субспектральном диапазоне оказалось так называемое давящее излучение минус тридцатой октавной полосы частот, оказывающее мощное воздействие на разреженную космическую пыль. Оно стало движущей силой звездолетов. Излучение вырабатывали специальные генераторы, получающие энергию от атомных турбин, а реактивная струя, выбрасываемая за корму корабля, разгоняла его до скорости в тысячи раз больше скорости света.

Вторым жизненно важным открытием стал принцип управления массой. Уравнения Эйнштейна показывают, что масса корабля, летящего со скоростью света, возрастает до бесконечности. Эту трудность удалось преодолеть с помощью управления массой, позволяющего поддерживать массу на неизменном уровне вне зависимости от скорости, «переплавляя» ее излишки в энергию. Полученная энергия поступает в аккумуляторы и автоматически подпитывает двигатели, как только скорость уменьшается.

Последнее открытие относится непосредственно к самому человеку. Человеческий организм не в состоянии выдерживать перегрузки, связанные с такой огромной скоростью. Но и эту преграду удалось преодолеть с помощью генераторов защитного стазисного поля. Оно охватывает каждый атом на корабле, и реактивная сила воздействует не на сам корабль, а на это поле. В результате экипаж и приборы не испытывают никакой перегрузки. Эти удивительные устройства также создают на корабле искусственное гравитационное поле, по такому же принципу работают

гравитационные компенсаторы, которыми снабжен скафандр каждого звездолетчика.

Из компонентов спектра наиболее полезным оказалось так называемое давящее излучение тридцатой октавы низкочастотной полосы, сильно взаимодействующее с разреженной космической пылью. Эти сверхскоростные лучи используют в устройствах телестереосвязи и в особых субспектральных радарах, крайне важных для управления кораблем.

Используя эти открытия при строительстве звездолетов, человечество быстро овладело межзвездным пространством. В скором времени оно достигло альфы Центавра, Сириуса и Альтаира.

На пригодных для жизни планетах образовались новые колонии. Однако на протяжении десяти тысяч лет Земля и Солнечная система по-прежнему оставались управляющим центром всей непрерывно растущей сферы колонизации звезд.

Эра межзвездного раскола
(12 275—39 000 гг.)

До этого момента серьезных конфликтов не возникало. В некоторых звездных мирах разведчики находили туземные расы, оказывали им помощь и делились знаниями. Однако цивилизаций с развитой наукой не было обнаружено. Впрочем, как и ожидалось. Если бы такая раса существовала, она посетила бы Землю задолго до того, как земляне освоили космос.

Однако в 12 455 году несколько миров в окрестностях Полярной звезды образовали свое независимое королевство, решив, что Земля находится слишком далеко, а потому не может по-настоящему вникнуть в их проблемы.

Эра независимых звездных миров
(39 000—120 000 гг.)

К 39 000 году королевства Лиры и Лебеда, а также бароны огромного Скопления Геркулеса объявили о своей независимости. (См. «Звездный охотник».)

Скрывающиеся от закона преступники в конечном счете нашли себе убежище, основав Лигу Темных Миров.

Эра первых королевств

(120 000–129 411 гг.)

К 120 000 году образовалось множество звездных королевств. Однако Среднегалактическая империя оставалась самой могущественной среди них, и властители звездных миров сохраняли к ней лояльность. В 62 339 году для удобства управления империей правительство переехало на планету в системе Канопуса.

Эра Среднегалактической империи

(129 411–202 000 гг.)

Империя заняла ведущее положение в 129 411 году, когда в Галактику неожиданно вторглись неведомые и могущественные пришельцы из Магеллановых Облаков. После того как вторжение было отражено, империя непрерывно расширялась, открывая и колонизируя звездные системы в пограничном регионе, названном Внешними Мирами.

Эра звездных королей

(202 000–?)

К этому времени звездные королевства уже имели давнюю историю и устоявшиеся традиции. Между ними то и дело возникали военные конфликты, но империя неуклонно стремилась объединить государства, чтобы сохранить мир и процветание в Галактике. Хотя они и назывались королевствами, форма правления была, по сути, демократической. Однако растущая мощь Лиги Темных Миров в конце концов

поставила под угрозу безопасность самой империи. Так началась Первая галактическая война. (См. «Звездные короли».)

Согласно легендам, после войны наступил золотой век человечества, могущественная империя правила звездными мирами «и все люди были братьями, объединенными общими традициями и верностью Прародине, с которой они происходили». (Не с Земли, а со столичной планеты империи в системе Канопуса.)

Далее приводится информация об эре звездных королей и следовавших за ней тысячелетиях, взятая из повести «Татуированный человек» и никогда прежде не публиковавшаяся.

Эра рухнувшей империи¹⁶
(225 000–275 000? гг.)

Прошло время, и люди утратили чувство общности, приспособившись к природным условиям разных миров. В конце концов между ними накопилось множество различий в физическом облике, языке и культуре. Они забыли, что когда-то были братьями, и начали враждовать с соседями. Разразилась Вторая галактическая война, и великая Золотая империя распалась. Это была эпоха хаоса, люди вернулись в первобытное варварское состояние, звездолеты ржавели на Земле, потому что никто уже не помнил, как ими управлять. Даже сама столица опустела, оставив после себя лишь ностальгические легенды, разбросанные по бесчисленным

¹⁶ Гамильтон намеренно не указал здесь точной даты. Золотой век мог длиться тысячелетия – возможно, десять – двадцать тысяч лет, – прежде чем началась Вторая галактическая война. И еще дольше продолжался период упадка и варварства – пятьдесят тысяч лет или даже больше, – пока человечество снова не научилось реставрировать древние звездолеты, управлять ими, а затем и строить новые.

звездным мирам. Затем межзвездные полеты возобновились, и жители тысяч обитаемых миров Галактики снова получили возможность встречаться. Сохранившие основные черты человеческой расы все еще настороженно относились к тем, кто существенно от них отличался, но постепенно эти различия начали стираться. (См. «Татуированный человек».)

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ	6
ЯНКИ В ВАЛЬГАЛЛЕ	111
ДОЧЬ ТОРА	267
ЗАБЫТЫЙ МИР	340
ЗВЕЗДНЫЕ СКИТАЛЬЦЫ	375
ПЛОСКОГОРЬЕ НЕВИДИМЫХ ЛЮДЕЙ	429
СОКРОВИЩЕ ГРОМОВОЙ ЛУНЫ	500
РОЖДЕННЫЕ МОРЕМ	583
ПОХИТИТЕЛИ ЗВЕЗД	605
ОСТРОВ КАРЛИКОВ	649
ЛЕГКИЕ ДЕНЬГИ	674
НЕВЕДОМЫЙ МИР	695
РАЗУМ ЗЕМЛИ	719
НЕСБЫВШЕЕСЯ	751
ОТВЕРЖЕННЫЙ	776
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК	786
СТАРК И ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ	859
ХРОНОЛОГИЯ ДВУХ ТЫСЯЧ ВЕКОВ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЗВЕЗДНЫХ КОРОЛЕВСТВ, СОСТАВЛЕННАЯ САМИМ ГАМИЛЬТОНОМ	901

ПОЯСНЕНИЕ К СБОРНИКУ:

Данный сборник, был собран пару лет назад, в FB2 формате, моими стараниями, и стараниями моего уважаемого, добровольного помощника, **SteelRatTV**. К моему, глубокому сожалению, через несколько месяцев, уважаемый помощник, выбыл из проекта, по состоянию здоровья (глаза, стали подводить). Была, еще попытка повторить начинание, с другим Соавтором, но там, все ограничивалось очень малым (для данного проекта) временем, которое соавтор, смог этому уделять (занят собственным сайтом).

Потихоньку, буду переделывать, те FB2 сборники в PDF книги.

Темы там, все интересные, с иллюстрациями из первых журнальных публикаций.

Надежду, увеличить количество сборников, подобного плана, я не оставляю, и надеюсь, вдруг объявится новый ПОМОЩНИК (или несколько). Который, найдет время, на новые сборники серии: «НИГДЕ НЕ КУПИШЬ» ...

